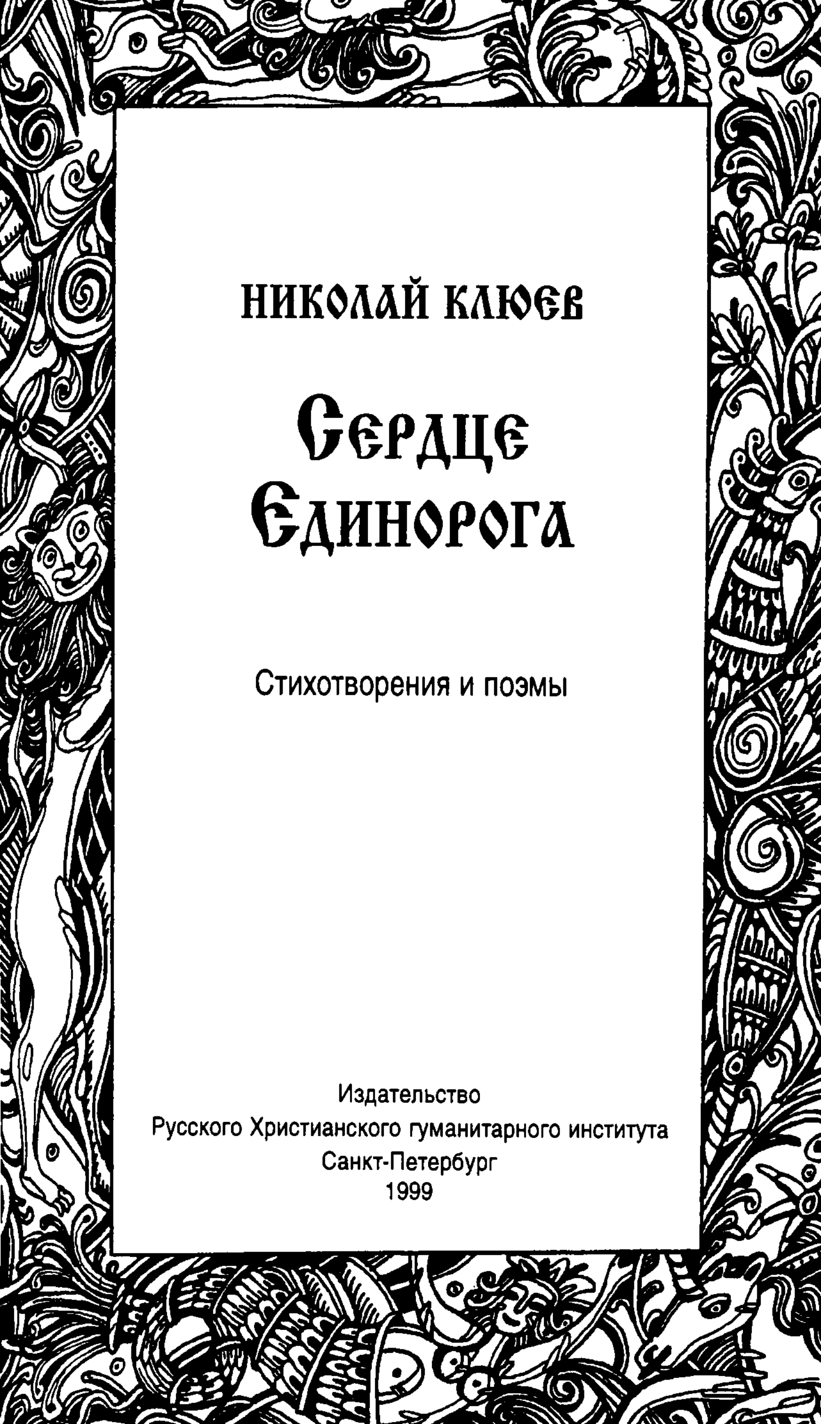
НИКОЛАЙ КЛЮЕВ

РХ
ГИ

Николай Клюев.



НИКОЛАЙ КЛЮЕВ

Сердце Единорога

Стихотворения и поэмы

Издательство
Русского Христианского гуманитарного института
Санкт-Петербург
1999

Художник *Ю. К. Люкшин*

Клюев Н. А. Сердце Единорога. Стихотворения и поэмы / Предисловие Н. Н. Скатова, вступительная статья А. И. Михайлова; составление, подготовка текста и примечания В. П. Гарнина.— СПб.: РХГИ, 1999.— 1072 с.

Николай Клюев (1884—1937) — яркий и самобытный представитель русской литературы серебряного века, редкий для своего времени тип религиозного поэта, певец Святой Руси, Русского Севера. Творчество его высоко ценили поэты эпохи А. Блок, В. Брюсов, А. Белый, А. Ахматова, Н. Гумилев, С. Есенин, О. Мандельштам, В. Ходасевич.

В настоящем издании впервые читателю предлагается наиболее полный свод произведений поэта, созданных им с 1904 по 1937 годы.

ISBN 5–88812–079–0

К ЧИТАТЕЛЮ

Еще несколько десятков лет назад даже скупо изданный томик Есенина ходил по читательским рукам почти подпольно. Что уж говорить о тех, кто считался его младшими современниками и в какой-то мере продолжателями. Впрочем, совсем не долго продолжавшими и ушедшими не слишком далеко: почти все они были уничтожены.

Но, может быть, еще более строгий запрет наложили на старших современников и учителей Есенина, главным из которых был Николай Клюев. Конечно, дело не только в учительстве, даже если в «учениках» состоял такой поэт, как Есенин, ибо ни физические уничтожения, ни тотальные цензурные пресечения не были случайными.

Вырубали не просто поэтов. Погребался целый пласт национального бытия. Выкорчевывали корни самобытнейшей народной культуры: религиозной, нравственной, эстетической, бытовой, уходящей в века и питавшейся аж от византийских истоков. Если о том же старообрядчестве еще разрешали говорить, писать и даже издавать, обращаясь к прошлому, то никак не хотели признать в нем живущее — и какой жизнью! — современное явление. В природе усматривали лишь «объект» приложения человеческих сил, но и мысли не допускалось о

возможности видеть в ней одухотворенный — и еще какой! — «субъект». Сам народный быт стремились представить только в его косном, консервативном, отсталом существовании, но не познавать в его живом, поэтическом и богатом бытии.

Замечательно, однако, что, как бы уходя под землю, могучая народная поэтическая река в ее клюевском изводе продолжала свое течение, ждала своего часа и при первой возможности вышла на поверхность. Но замечательно и то, что ее течение продолжало прослеживаться, замеряться, исследоваться в, казалось бы, достаточно отвлеченных литературно-академических сферах.

В пору абсолютного запрета Николая Клюева в Пушкинском Доме писал свою книгу о Клюеве, даже без надежды на издание, В. Г. Базанов. Серию явно многолетних клюевских штудий представил в последние годы К. М. Азадовский. Никогда в Пушкинском же Доме не переставал изучать Клюева А. И. Михайлов. Настоящее издание и подготовлено А. И. Михайловым в сотрудничестве с В. П. Гарниным.

Поэзия Николая Клюева — глубокий колодец, наполненный живой поэтической водой. Не исчерпало его и нынешнее издание, и все же оно почерпнуло из этого колодца самой полной на сегодняшний день мерой.

Николай Скатов

Николай Клюев и мир его поэзии

Николай Алексеевич Клюев родился, по его словам, «*в месяц беличьей линьки и лебединых отлетов*»[1] — 10(22) октября 1884 г. в одной из восемнадцати деревень (какой — неизвестно[2]) Коштугской волости Вытегорского уезда Олонецкой губернии (ныне Вологодской области). Это — Север, цитадель и крепкой народной веры (старообрядческой), и исконно самобытной русской культуры.

Сразу же необходимо отметить почти полное отсутствие документальных сведений о начальном периоде творческого пути поэта. Все достоверное в его биографии начинается только с середины 1900-х гг., с появления в Петербурге. То, что было до этого, узнается лишь из легенд, вернее, «жития» Клюева, рассказанного, употребляя слова протопопа Аввакума, «им самим». Древнему происхождению отводится здесь едва ли не основное место: «Родовое древо мое замглело коренем во *временах царя Алексия* <...> До *Соловецкого страстного сиденья восходит* древо мое, до *палеостровских самосожженцев*, до *выговских неколебимых столпов красоты народной*»[3] — записывает в 1922 г. слова поэта литератор

---

[1] В устном автобиографическом рассказе, записанном его другом Н. И. Архиповым под заглавием «Из записей 1919 года» // Север. 1992. № 6. С. 157. Здесь и в дальнейшем, за исключением одного особо отмеченного случая, курсив мой. — *А. М.*

[2] В метрической книге Сретенской церкви (деревня Коштуги), где поэт был крещен, местом рождения указана лишь волость.

[3] Запись впервые опубликована: *Ежов И. С., Шамурин Е. И.* Русская поэзия XX века. М., 1925. С. 575.

П. Медведев. Они заключают в себе программу осознания им собственной личности и своего жизненного пути с непременным подчеркиванием исторической глубины семейных корней, способных древностью поспорить с именитыми родами. И сопряженными эти корни оказываются с весьма важнейшими событиями духовного движения в России, а именно с возникновением и развитием в ней религиозного раскола. Тут и бунт монахов Соловецкого монастыря (усмирен в 1676 г.) против церковных нововведений патриарха Никона, в которых ревнителями «древлего благочестия» усматривалось посягательство на православную веру, и первые раскольнические самосожжения в знак неприятия наступивших времен, мира, в коем возобладал антихрист, и основание убежавшими из разгромленного Соловецкого монастыря защитниками «древлего благочестия» старообрядческой Даниловой пустыни на реке Выг, достигшей значительного расцвета при возглавлявших ее братьях Андрее и Семене Денисовых (1-я треть XVIII в.), когда Выгорецию вполне можно было назвать раскольничьими Афинами. Не было тогда и особых преследований со стороны властей, довольствовавшихся в основном откупом в виде трудовых повинностей, а также подношениями от рыболовно-охотничьего хозяйства и серебряного литья (в выговском общежительстве добывалось серебро и чеканились «екатерининские рубли»).

Это, что касается исторических истоков родословной поэта, времени бытия его условных предков, о чем сам он высказывался: «Отцы мои за *древлее православие* в книге "*Виноград Российский*" навеки поминаются»[4]. А вот и о корнях уже кровно-близких (повествуется им в «житийном» рассказе «Праотцы»): «И еще говаривала мне моя родительница не однажды, что дед мой Митрий Андреянович *северному Ерусалиму, иже на реце Выге*, верным слугой был. Безусым пареньком провозил он с *Выгова* серебро в Питер начальству в дарево, чтобы военных команд на *Выгу* не посылали, *рублевских икон* не бесчестили и торговать медным и серебреным литьем дозволяли». И всю свою жизнь был этот дед Митрий

[4] *Клюев Н.* Сочинения: В 2-х т. [Мюнхен], 1969. Т. 1. С. 185.

«*древлему благочестию стеной нерушимой*» и одним из тех, кем укреплялись на Севере «*левитовы правила красоты обихода* и того, что ученые люди называют самой тонкой одухотворенной культурой» [5].

В ту же духовную (старообрядческую) прародину уводит поэта и линия, идущая от бабки Федосьи (тоже по матери) — «по прозванью Серых»; в материнских поминных «причитах» по ней запомнились ему слова о «*белом крепком Ново-городе*», о «*боярских хоромах перёныих*», об узорочье нарядов, в которых выпала ей судьба красоваться.

Наконец, из еще более отдаленных глубин семейной молвы до поэта доходят и вовсе удивительные сведения. В том же рассказе «Праотцы» приводятся Клюевым следующие обращенные к нему слова матери: «В тебе, Николаюшка, *Аввакумова слеза горит, пустозерского пламени искра шает*. В нашем колене *молитва за Аввакума* застольной была и праотеческой слыла» [6]. Далее она рассказывает о том, как в детские годы ей привелось от одной старицы услышать, будто их род «от *Аввакумова кореня повелся*».

Подтвердить или опровергнуть это едва ли уже возможно, однако же, что касается духовной близости Клюева с несгибаемым протопопом и самобытным русским писателем, то это он вполне доказал и силой своего поэтического и пророческого дара, и упорством в сопротивлении чуждой идеологии, и подобной же мученической судьбой:

Ты, жгучий отпрыск Аввакума,
Огнем словесным опален.

(*Каин, 1929*)

Образ Аввакума как духовного праотца проходит через всю поэзию Клюева. К нему он обращается и в своих литературных размышлениях: «Вот подлинно *огненное имя: протопоп Аввакум*! После Давида царя — *первый поэт на земле*, глубиною глубже Данте и высотою выше Мильтона <...> Брачные пчелы Аввакума не забыли» [7]. Жизнеописание свое

[5] Литературное обозрение. 1987. № 8. С. 103.

[6] Там же.

[7] Рукописный отдел ИРЛИ (Пушкинский Дом). Р. 1. Оп. 12. № 681. Л. 109.

он создавал, несомненно, оглядываясь на знаменитое «Житие» XVII в.

Такова духовно-возвышенная и героическая материнская ветвь клюевского генеалогического древа. Иные ценности наследовались по отцовской линии, как о том свидетельствует автобиографическая заметка 1926 г. «Говаривал мне мой покойный тятенька, что его отец, а мой — дед, *медвежьей пляской* сыт был. Водил он медведя по ярмаркам, на сопели играл, а косматый умняк под сопель шином ходил <...>

Разоренье и смерть дедова от указа пришла. Вышел указ: медведей-плясунов в уездное управление для казни доставить... Долго еще висела шкура кормильца на стене в дедовой повалуше, пока время не стерло ее в прах.

Но *сопель медвежья жива*, жалкует она в *моих песнях*, рассыпается золотой зернью, аукает *в сердце моем, в моих снах и созвучиях...*»[8]

Там, в материнских истоках — высокий дух христианства, к тому же в изощренной интерпретации раскольнического мистицизма, а здесь, в отцовских — сохранившееся в недрах народной жизни язычество; с той стороны поэтом усваивается исполненная византийской красоты церковно-книжная культура, с этой — культура народных игрищ, гуляний.

Наконец, о самих родителях поэта. Отец (в прошлом отставной фельдфебель, затем сиделец казенной винной лавки) какого-либо значительного отражения ни в реальной, ни в легендарной биографиях поэта не оставил, хотя и вызвал в свое время восхищенное замечание С. Есенина в письме Клюеву 1916 г.: «Приходил твой отец, и то, что я вынес от него, прямо-таки передать тебе не могу. Вот натура — разве не богаче всех наших книг и прений?»[9] Но зато роль матери в рассказах поэта о себе и во всем его творчестве исключительно велика. Ее образ, пожалуй, самый значительный и светлый из всех образов, пронизывающих его стихи, прозу, письма и записи снов. В нем невозможно разделить реальное и легендарное, мифическое, настолько он насыщен глубинными смыслами самой

---

[8] Красная панорама. 1926. № 30 (124). С. 13.

[9] *Есенин* С. Собр. соч.: В 6 т. М., 1980. Т. 6. С. 71.

клюевской поэзии. Уже ушедшая в иной мир, она становится для сына как бы путеводной звездой, оказывает мистическое воздействие на его судьбу, приходит к нему с поддержкой в трудные минуты жизни, является в снах и видениях. Что же касается ее как верной ревнительницы «древлего благочестия», что, по словам поэта, являлось одной из ее существеннейших черт, то об этом же свидетельствуют и воспоминания односельчан-старожилов, согласно которым, «в доме Клюевых было немало *старопечатных* и *рукописных книг*, в горницах висели *иконы старого дониконовского письма*, перед ними *горели лампады*. Дом этот часто посещали *странницы*, "*божьи люди*"»[10]. От матери будущий поэт, если верить его носящим печать житий автобиографиям, получил и своеобразное домашнее образование, из которого разовьется его органическое восприятие исконной национальной культуры (допетровской Руси), ставшее истоком клюевского мира: «Грамоте меня выучила по *Часовнику* мамушка <...> Я еще букв не знал, читать не умел, а так смотрю в *Часовник* и пою *молитвы*, которые знал по памяти, и перелистываю *Часовник*, как будто бы и читаю. А мамушка-покойница придет и ну-ка меня хвалить: "Вот, говорит, у меня хороший ребенок-то растет, будет как *Иоанн Златоуст*"» (из «житийного» повествования «Гагарья судьбина»)[11].

К матери, по признанию поэта, восходят не только истоки религиозно-нравственных основ его личности, но также и его поэтического дара. Была она, как он писал сразу же после ее смерти в 1913 году В. Брюсову и В. Миролюбову, «*песельницей*» и «*былинщицей*». Позже эту ее одаренность, не без полемического прицела, он возводил даже в идеал: «Тысячи стихов, моих ли или тех поэтов, которых я знаю в России, не стоят одного *распевца моей светлой матери*» (Гагарья судьбина)[12].

Именно по настоянию матери, в шестнадцать лет, как явствует из той же «Гагарьей судьбины», Клюев уходит в *Солов-*

---

[10] *Грунтов А.* Материалы к биографии Н. А. Клюева // Русская литература. 1973. № 1. С. 119.

[11] Север. 1992. № 6. С. 150.

[12] Там же. С. 153.

ки «спасаться», на выучку к тамошним *старцам*, где надевает на себя *девятифунтовые вериги*. Оттуда затем начинаются его странствования по монастырям и раскольничьим скитам России, во время которых он становится *«царем Давидом» большого Золотого Корабля белых голубей-христов*, т. е. слагателем радельных песен на потребу мистической секты духовных христиан.

Так начинается Клюев «песнописец» и поэт. И поскольку всякие даты в этом «мифическом» периоде его истории, естественно, отсутствуют, то определить, когда это произошло (т. е. сочинил свои первые *«псалмы»*), можно лишь косвенно. *«Я был тогда молоденький, тонкоплечий, ликом бел, голос имел заливчатый, усладный»*. Видимо, речь идет о шестнадцати-семнадцатилетнем возрасте.

Обратимся теперь к документированной части биографии поэта.

По окончании вытегорского двухклассного городского училища (1897) Клюев поступает в Петрозаводскую фельдшерскую школу, из которой уходит по состоянию здоровья, проучившись год. В 1904 г. в малоизвестном петербургском альманахе «Новые поэты» появляются его первые, еще не носящие печати клюевского своеобразия стихи. Подобные же выходят через год и в двух московских сборниках «Волны» и «Прибой», изданных «народным» кружком П. Травина, членом которого Клюев состоял. Приняв участие в революции 1905 года в качестве агитатора от Крестьянского союза и поплатившись за это шестимесячным тюремным заключением, Клюев отходит от революционного движения и обращается к интенсивным духовным поискам и творческому самоопределению, прокладывая себе путь в большую поэзию.

Бесспорным авторитетным провожатым избирает он А. Блока. В начатой с ним в 1907 г. и продолжавшейся восемь лет переписке Клюев придерживается двух целей: во-первых, приобщиться, будучи «*темным* и *нищим*, кого любой символист посторонился бы на улице» (из письма Блоку 5 ноября 1910 г.), к элите современного искусства, а, во-вторых, просветить ее представителей, оторванных от национальной жизненной стихии и истинной культуры, духом *добра* и *красоты*, исходящим

от *потаенной народной России*, вестником которой он себя осознает. За такового принимает его и Блок, включая фрагменты клюевских писем в собственные статьи, а личную встречу с ним в октябре 1911 г. назвав «большим событием» в «осенней жизни» (Дневник. 1911 г., 17 окт.) В письме к одной из своих корреспонденток он даже признается: «*Сестра моя, Христос среди нас. Это Николай Клюев*»[13]. Вскоре он входит в круг столичной литературной элиты и уже в 1908 г. печатается в роскошно издаваемом журнале символистов «Золотое руно». В конце 1911 г. (на обложке 1912) выходит первая книга его стихотворений «Сосен перезвон» с предисловием В. Брюсова, в котором говорилось, что «поэзия Клюева жива *внутренним огнем*», вспыхивающим «вдруг перед читателем *светом неожиданным* и *ослепительным*», что у Клюева «есть строки, которые *изумляют*». В книге было ощутимо эхо недавней революции. В экзальтированном облике героини своеобразного лирического романа (единственного у Клюева с женщиной) угадывались исполненные жертвенности черты революционерки и одновременно монахини.

В 1912 г. выходит сборник стихов «Братские песни», составленный по утверждению поэта, из текстов, сочиненных еще в бытность его юным «*царем Давидом*». Появлению сборника способствует сближение Клюева с «голгофскими христианами» (революционно настроенной частью духовенства, призывавшей к личной, подобно Христу, ответственности за зло мира, издававшей журналы «Новая жизнь», «Новое вино»), которыми делалась ставка на Клюева как на своего пророка.

В 1913 г. Клюев издает сборник стихотворений «Лесные были», сильно разнящийся с двумя первыми. В нем предстает «языческая», *народная Русь*, веселящаяся, разгульная, тоскующая, выражающая себя в естественной фольклорной песне («Полюбовная», «Кабацкая», «Острожная»). Учитывая этот отход Клюева от религиозной доминанты, В. Ходасевич иронизировал по поводу неоправдавшейся надежды «мистиков» из «Новой жизни» видеть Клюева выразителем «нового рели-

---

[13] Александр Блок в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1980. Т. 1. С. 338.

гиозного откровения» в то время как тот взял да и написал книгу «песен» «Лесные были», содержание которой — «*эротика, довольно крепкая, выраженная в стихах звучных и ярких*»[14].

К этому времени Клюев уже признан на отечественном Олимпе. Н. Гумилев в своих обзорах выходящих сборников стихов определяет основной пафос его поэзии как «*пафос нашедшего*», как «*славянское ощущение светлого равенства всех людей и византийское сознание золотой иерархичности при мысли о Боге*» и называет его стихи «*безукоризненными*»[15]. Клюева с радостью принимают в свой «цех» акмеисты, которым импонирует в его стихах словесная весомость, многокрасочность и полнозвучность отображенного в них патриархального крестьянского мира, названного впоследствии О. Мандельштамом в «Письме о русской поэзии» (1922) «*величавым Олонцем*, где *русский быт* и *русская мужицкая речь* покоятся в *эллинской важности и простоте*»[16]. «Вздох облегчения пронесся от его книг,— высказывался по поводу сближения Клюева с этой группой один из «синдиков» «Цеха поэтов» С. Городецкий.— Вяло отнесся к нему символизм. Радостно приветствовал его акмеизм»[17]. Во время своих приездов в начале 1910-х гг. из Вытегры или Москвы (где тоже нередко бывал) в Петербург поэт посещает собрания акмеистов как на их квартирах, так и в литературном кафе «Бродячая собака». Его стихи печатаются в близком им альманахе «Аполлон» и в их собственном органе — ежемесячнике «Гиперборей».

С 1913 г. Клюев становится центром притяжения для новейшего поколения «поэтов из народа», составивших позже ядро *новокрестьянской поэзии* — С. Клычкова, А. Ширяевца и особенно С. Есенина, сразу же на всю жизнь вошедшего в его судьбу и поэзию. Как вспоминал в мемуарном очерке

---

[14] *Ходасевич В.* Русская поэзия // Альциона. М., 1914. Кн. 1. С. 211.

[15] *Гумилев Н.* Письма о русской поэзии. М., 1990. С. 136, 137.

[16] *Мандельштам О.* Слово о культуре. М., 1987. С. 175.

[17] *Городецкий С.* Некоторые течения в современной русской поэзии // Аполлон. 1913. № 1. С. 47.

«О Сергее Есенине» (1926) С. Городецкий, Клюев при первой же встрече с ним в 1915 г. в Петрограде в полном смысле «*впился в него*». И далее автор продолжает: «Другого слова я не нахожу для начала их дружбы. История их отношений с того момента и до последнего посещения Есениным Клюева перед смертью — тема целой книги, которую еще рано писать. Чудесный поэт, хитрый умник, обаятельный своим коварным смирением, вплотную примыкавший к былинам и духовным стихам Севера, Клюев, конечно, *овладел* молодым Есениным, как *овладевал* каждым из нас в свое время. Он был лучшим выразителем той идеалистической системы деревенских образов, которую нес в себе Есенин и все мы. Но в то время как для нас эта система была литературным исканием, для него она была крепким мировоззрением, укладом жизни, формой отношения к миру. Будучи *сильней всех нас*, он *крепче всех овладел Есениным*»[18].

Восприняв Есенина как Богом данный ему подарок судьбы, как верного спутника в своем страдном, крестном пути поэта «*святой*», «*избяной*» *Руси*, Клюев, естественно, берет на себя ответственность за его судьбу. Его первые напечатанные о Есенине слова — это посвящение к опубликованному в альманахе «Скифы» (1917. Сб. 1) стихотворению «Оттого в глазах моих просинь...», при последующем переиздании («Песнослов, 1919. Кн. 2) снятое: «*Прекраснейшему из сынов крещеного царства, крестьянину Рязанской губернии, поэту Сергею Есенину*». Есенин выступал здесь и героем самого стихотворения, которое, будучи дополнено другими, составило цикл стихотворений «Поэту Сергею Есенину» (1916—1918, опубликован в «Песнослове»). Из цикла также явствовало, что не только физическая красота отрока (Есенину тогда было 20 лет) окрылила Клюева. В Есенине он почувствовал творческий потенциал, который мог бы сделать его своего рода *помазанником на поэтический престол России*, неким *царевичем русской поэзии*: «Изба — питательница слов / Тебя взрастила не напрасно: / Для русских сел и городов / Ты станешь *Радуницей красной*». При этом себе Клюев

---

[18] *Городецкий С.* Русские портреты. М., 1978. С. 24.

готов был определить роль только *предшественника*, своего рода *Иоанна Предтечи*, тогда как Есенин явно наделялся им миссией, подобной миссии *Христа*. Даже размолвка в середине 1917 г. и последующие нелицеприятные суждения поэтов друг о друге не разубеждают Клюева в признании Есенина великим поэтом и своем призвании быть его *предтечей*. Так, в начале марта 1918 г. он в письме из Вытегры в Петроград к издателю «Ежемесячного журнала» В. С. Миролюбову, предпринявшему, вероятно, какие-то шаги к их примирению, делает следующее признание: «Благодарение Вам за добрые слова *обо мне перед* Сережей. Так сладостно, что мое тайное благословение, моя жажда *отдать, переселить свой дух в него, перелить в него все свои песни, вручить все свои ключи* (так тяжки иногда они, и *Единственный* может взять их) находят отклик в других людях. Я очень болен, и если не погибну, то лишь по молитвам избяной Руси и, быть может, ради *прекраснейшего из сынов крещеного царства*»[19]. Огромный поэтический дар и несомненную наставническую роль Клюева в начальные годы их дружбы бесспорно признавал и Есенин.

В «Лесных былях», в следующем за ними сборнике «Мирские думы» (1916), а также в последующих книгах стихов Клюев первым из поэтов России одухотворил в совершенстве разработанный его предшественниками реалистический пейзажный образ необычайно ярким видением в нем *Святой Руси, названной им самим Русью «бездонной», «рублевской»* и проч. В живописи подобное прозрение духовного, сокровенного облика России в ее природной ипостаси было сделано «певцом религиозного Севера» М. В. Нестеровым.

Природа в стихах Клюева обладает двойным бытием. Прежде всего это как бы вполне живое воздействие реально существующей на *русском Севере «лесной родины»* поэта. Проникая в нее через «врата» образа, мы словно бы и впрямь можем освежиться здесь «*фиалковым холодком*» короткой северной весны, почувствовать, как «*тянет мятою от сена*» на «*затуманившихся покосах*» и даже, как бы бродя по

[19] Рукописный отдел ИРЛИ. Ф. 185. Оп. 1. № 1403.

осеннему лесу, «*листопадом, смолой подышать...*», словом, насытиться видением и запахом России — как в значительной степени уже потерянного «*берестяного рая*», из которого сквозь приотворенные «врата» поэтической реальности все еще ощутимы «*Дух хвои, бересты...*», «*Воск с медынью яблоновою*» («Вешние капели, солнопёк и хмара...», между 1914 и 1916; «Мы — ржаные, толоконные...», 1918).

Но вместе с тем только реалистическим изображением своего пейзажа Клюев не ограничивается, наделяя его через миросозерцание и духовное видение христианской, православной культуры еще и элементом мистической, церковной визионности. Природа в таком случае начинает приобретать некий трепет таинственного инобытия: «Набух, оттаял лед на речке, / Стал пегим, ржаво-золотым... / В кустах *затеплилися свечки* / И засинел *кадильный дым*» («Набух, оттаял лед на речке...», 1912). Эстетическое восприятие родного края соединяется в пейзажной лирике Клюева с ощущением *божественной благодати*, поскольку за свое тысячелетнее существование православная вера и культура вполне уже стали природой русского человека и в глубине его сознания взаимопроникли с исконно существующими в нем образными представлениями о природе естественной. «*Глубоко религиозное чувство* и не менее *глубокое чувство природы*» не случайно, по определению встречавшегося с Клюевым на переломе 1920—1930-х гг. итальянского слависта Этторе Ло Гатто[20], являются основополагающими началами его личности.

При этом обе поэтические «материи» (природного мира и христианской духовности, храма) поэт тонко сближает в точках их наибольших соответствий, например, цветовых: первые весенние листочки — *церковные свечки*, белизна березовых стволов — бледность лиц *монастырских отроков и монахинь*, *позолота иконостаса* — желтизна осеннего леса, *киноварь* на *иконе* — заря, голубой цвет на ней — небесная синева, человеческая жизнь — свеча, сгорающая перед *иконой*, но вместе с тем также и «*перед ликом лесов*».

[20] *Этторе Ло Гатто*. Мои встречи с Россией. М., 1992. С. 86.

* * *

Февральскую, а потом и Октябрьскую революции 1917 г. Клюев воспринимает поначалу восторженно, предполагая в них некую возможность исторического осуществления идеальной Руси, «*берестяного рая*». Наряду с А. Ремизовым, А. Белым, Е. Замятиным, М. Пришвиным, С. Есениным он входит в литературную группу «Скифы», на страницах одноименного альманаха которой Ивановым-Разумником развивалась мысль о революции как средстве для утверждения на земле крестьянского социализма, «*мужицкого царства*». В 1918 г. поэт вступает даже в коммунистическую партию и щедро одаривает революцию пламенными строками стихов, прославляющих «*сермяжные советские власти*», самого Ленина — как некоего патриарха мужичьей, раскольничьей России: «Есть в Ленине *керженский дух, / Игуменский окрик в декретах*» (цикл стихотворений «Ленин», 1918—1919)[21]. В них, по мысли современника поэта, ощутимо намерение как бы подсказать новому правителю, что «не царь, не диктатор, а *игумен* — пример народного благочестия, казначей народной правды<...> Не искусственный интернационал, а органическое развитие *народной самобытности*. Не никонианское насилие, а свободные *денисовские ответы* (*Поморские*) на сто вопросов Неофита»[22]. В приятии Клюевым революции сказалась надежда на то, что при создании нового общества будут в одинаковой мере учитываться интересы всех слоев народа и, в особенности, разумеется, крестьянские. Подчеркнуть это было важно в силу того, что сразу же после октябрьского переворота в сознание народа стала усиленно внедряться идея о том, что происшедшая в России революция — не какая-нибудь, а прежде всего пролетарская. У него возникает даже немыслимый прежде для

---

[21] Знаменательно, что выраженные здесь поэтом свойства ленинского характера были подмечены Питиримом Сорокиным и в реальных чертах пролетарского вождя: «Взобравшись на подмостки, он театральным жестом сбросил с себя плащ и стал говорить. Лицо этого человека содержало нечто, что очень напоминало религиозный фанатизм староверов» (*Сорокин П.* Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 233).

[22] *Менский Р.* Н. А. Клюев // Новый журнал. 1953. № 32. С. 156.

его поэзии мотив единения с урбанистическим миром. Им приветствуются мирно уравненные святым делом свободного теперь труда «*завод железный*» и «*степная хата*», «*дымок овинный*», «*сны заводов*» и «*раздумья нив*» (Товарищ, 1918). С наибольшей полнотой лицо революционной музы поэта находит выражение в его пятой книге стихов «Медный кит» (1919, фактически — 1918).

В это же время выходит в двух книгах собрание стихотворений Клюева «Песнослов» (1919), включающее все созданное помимо и после первых четырех книг, а также сами эти книги в частично переработанном виде. Доминирующей в «*Песнослове*» выступала близкая христианству мысль, что «*мир лежит во зле*» и что только чрез его духовное «*преображение*» может быть достигнуто избавление и благоденствие. Но если поначалу такой «преобразующей» силой у Клюева выступало само учение *Христа*, то теперь на первый план (не вытесняя, впрочем, *Христа*) выдвигался мир природный и земледельческий — как некая единственная возможность гармонического существования человека вне зла. Он предстает в «*Песнослове*» во всей горизонтали и вертикали своего крестьянского бытия, включая само пространство в его топографических и хозяйственных измерениях: перелески, боры, «*болотные тряские ляги*», овраги с их «*пологостью*», нагорья, взгорья, похожие на «*скатеретку*» лесные прогалины, убегающие вдаль «*извивы*» дороги, «*гладь сонных сжатых нив*», мочища и стлища (где мочат и расстилают лен), «*поречные мели*». По-крестьянски дробно, в соответствии с производственной целесообразностью поделено здесь и время — в сутках: «*предрассветный час*», «*сутемёнки*», «*победья час*» (обеденный промежуток); в годовом круге земледельческого календаря: «*пролетье*» (между весной и летом), «*отжинки*», «*пора обмолота*», «*веселые заморозки*», «*зазимки*». Любовно опоэтизированы работы, промыслы, ремесла, включая и такое, как вязка лаптей («*Скрипит лощеное бересто / У лаптевяза под рукой*»). Это и обработка льна, которому по выходе из мочища надо сначала хорошо вылежаться на осеннем «*косом солнопёке*», прядение кудели, тканье полотна, соотносимое и с явлениями в природе («*Как баба, выткала за*

сутки / Речонка сизое рядно»), и с самой человеческой жизнью, закончить которую здесь, «*как холст допрясть*». В посвященном плотницкому ремеслу стихотворении «Рожество избы» (1915—1917) поэт обнаруживает себя дотошным его знатоком.

Строго упорядочен отбор тканей, одежды, обуви, украшений. Неразборчивое попадание сюда случайных вещей исключено. Все только со знаком крестьянского предпочтения. Особой, ставшей притчей во языцех узорчатости стих Клюева достигает отчасти и за счет всех этих «*миткалей*», «*камлотов*», «*канифасов*», «*пестряди*», «*ряднин*». Именно они входят в устойчивый круг клюевских символов крестьянского мира: «*душа пестрядинная*» (у деда), «*небо пестрядное*», «*пестрядинная волна*». Еще больший характер узорчатости придают стиху Клюева запечатленные в нем образы крестьянской одежды, наряды («*пятишовка*», «*шугай*»). Поименован и чуть ли не весь домашний скарб, предстающий даже в виде некой домашней нежити («*резная укладка*», «*корчага*»). Скарб избяного хозяйства поэтизируется Клюевым с особым вдохновением, поскольку это предметы, на которых хранится печать «дел и дней» крестьянского бытия. «*Русский короб*» и «*эллинскую вазу*» поэт уравнивает в их равноценном содержании красоты. Предельно насыщена поэзия Клюева и образами крестьянской снеди: пахучие ковриги, колобы с начинкой, варенухи, толокно на меду, масляный блинник, просяной каравай, калач, пшеничная сайка, сытовый хлеб, сбитень, окунья, сомовья уха и т. д. Но вместе с тем снедь как самоценное благо Клюевым обычно не поэтизируется. Есть у него такое, например, живописание «куса»:

Как у куса нутра ячневы,
С золотой наводной корочкой...

Но это «кус» не простой, а «*поминный*», на нем лежит печать христианского милосердия, он подан убогому Пафнутьюшке, который его и восхваляет в своем «Прославлении милостыни» (1914). Снедь почти неизменно возводится Клюевым из своего материально-утилитарного круга в сферу идеального. Об этом свидетельствуют такие, например, строки о ковриге: «*В ржаном золотистом сиянье / Коврига лежит*

на столе...» (Коврига, 1915) или такие образы, как «*щаный сад*», «*блинный сад*», «*голубка-кутья*», «*сон сладимей сбитня*».

Знаменательно, что образ снеди вводится поэтом и в собственную характеристику (в наброске «Из записей 1919 года»). Этот уникальный автопортрет похож на мозаику из человеческих ценностей, воссоздающую в совокупности образ личности во всем универсализме ее природно-космического, планетарно-национального и духовного бытия. В основе — тело (как ее материальное ядро), ценность которого даже особо подчеркивается: «*Принимаю тело свое как сад виноградный...*»[23] Клюев принадлежал к тем художникам XX века, которые в «целомудренной» доселе русской литературе выступили с эмансипацией человеческого тела, с которого снималась теперь лежавшая на нем долгое время печать греховности и в котором открывался смысл прекрасного Божьего творения. Для материальной пищи, для того, чтобы отмеренный человеку на земле срок прошел в благоденствии, даются ему блага земли, природы. Поэт выступает их изобразителем. Не забывает подчеркнуть он это и в отмеченном «автопортрете», упоминая о любимой снеди: прянике, изюме, меде и прочем. Однако, по Клюеву, дается человеку все это не просто для потребления, но еще и для осознания всей щедрости и красоты устроенного во благо ему мира. Поэтому он не столько отмечает полезную сущность снеди, сколько любуется ею, выявляя утонченность и избирательность вкуса ценителя и знатока: пряник не какой-нибудь, а «*тверской*», варенье не из всякой ягоды, а из «*куманики*», изюм не простой, а «*синий*», то же и о «*цеженом*» меде и «*постном*» сахаре.

Тесно населено поэтическое мироздание Клюева и образами домашних животных. С одной стороны, в них живописуется гармонический мир природы, заставляющий и любоваться сосунком-жеребенком, которого «*дразнит вешняя синь*», и прислушиваться к «*коровьим вздохам*», что «*снотворней бабкиных речей*», или к «*овечьей молве*», что «*плачевнее ветра*». С другой стороны, в этих образах поэт восстанавли-

---

[23] Север. 1992. № 6. С. 157.

вает особый строй чувствования некогда как бы у человека существовавших, но затем утраченных возможностей единения с миром природы: «К весне пошло, на речке глыбко, / *Буренка чует водополь...*» («Зима изгрызла бок у стога...», 1915) — человек этого уже лишен, а также утверждает за сопредельным ему миром такую же духовную равноправность: «У розвальней — норов, в телеге же — ум, / *У карего много невыржанных дум; / За конскою думой кому уследить? /* Она тишиною спрядается в нить» («У розвальней — норов, в телеге же — ум...», 1916). Клюевский бестиарий — это мир загадочно-особый, где обретаются свой «*куриный Царьград*», свои в хлевушке «*Китежи и Римы*». Но как и мир человеческий, он тоже жаждет всеобщего «*преображения*», исполнен надежды, что «*буренка станет львом крылатым...*» («Так немного нужно человеку...», 1918).

Восхищает поэта и сам человек в его «*берестяном раю*», и прежде всего молодость с ее красотою и «событиями». При этом в любовании им он явное предпочтение отдает юношеской стати, физической притягательности и природной мощи крестьянского парня. Описывая жителей села («В селе Красный Волок пригожий народ...», 1916—1918), девушек он определяет весьма рядовым эпитетом: они — «лебедушки», парни же — «*как мед*», «*с малиновой речью на крепких губах*» Подобное соотношение присуще не только «*Песнослову*», но и всей клюевской поэзии, в которой красота юноши запечатлена с наибольшей полнотой и с нескрываемым любованием: «*Есть в отроках хмель винограда, / Брак солнца с надгубным пушком*» («Осенние сумерки — шуба...», 1916—1918), «*Запах имбиря и мяты / От парня с зелеными глазами...*» («Запах имбиря и мяты...», 1921), «*Кудрявый парень, береста — зубы, / Плечистым дядям племянник любый!*» (Погорельщина, 1928), «*Густой шиповник на щеках, / И пчелка в гречневых кудрях...*» (Годы, 1933). Даже появление на свет первенца значится здесь прежде всего как событие отцовства, того, что парень становится отцом:

Зыбку, с чепцом одеяльце
Прочит болезная мать,—

Знай, что *кудрявому мальцу*
Тятькой по осени *стать.*

(*«Рыжее жнивье — как книга...», 1915*).

Впрочем, мужская сущность определяется у Клюева в основном лишь как явление физического свойства, выступая неиссякаемым кладом физического бытия нации. По-иному раскрывается женское начало и красота. На облике первой клюевской героини (сб. «Сосен перезвон») лежит явная печать жертвенности, и весь он зыбок, анемичен. В дальнейшем, правда, появляются и довольно полнокровные образы женской стати: «*С того ль у Маланьи груди / Брыкасты, как оленята?*» («Вернуться с оленьего извоза...», 1921 или 1922); «*А уж бабы на Заозерье — / Крутозады, титьки как пни...*» (Заозерье, 1926). И все же в целом женская сущность выступает у Клюева под знаком трагического, не случайно любовные сюжеты в его поэзии чаще всего завершаются гибелью именно героини. Но вместе с тем самой этой трагичностью предопределяется и сложность женских образов, имеющих глубокое развитие, чего в общем-то лишены образы мужские. Таково, например, завершающееся гибелью героини стихотворение «На малиновом кусту...» (1912). И если герой, выступающий здесь единственно лишь в роли соблазнителя, довольно статичен, то образ героини раскрывается значительно богаче, а главное, созвучно с развитием природы, проходя все ее стадии от зреющих ягод малины (народно-поэтический эпитет юной девушки) до их полного «созревания»: «*Ах, в утробе по зазнобе / Зреет ягода густа*». Героине, подобно растению, расцветающему весной и завязывающему плод летом, предстоит еще встреча с осенью — периодом увядания или, в данной любовной ситуации, — сроком расплаты за кратковременное счастье:

Белый саван, синий ладан —
Светлый девичий зарок.

В иных случаях трагичностью героини предопределяются ее уже не земные, а мистические пути, как, например, в стихотворении «Эта девушка умрет в родах...» (1918), о чем несколько ниже.

Что же касается личных отношений Клюева с женщинами, то они исчерпывались в основном дружескими,— как к единомышленницам и духовным сестрам, что, вероятно, можно было наблюдать и в его общении с Марией Добролюбовой (сестрой ушедшего в народ поэта-символиста А. М. Добролюбова), участвовавшей вместе с ним в 1905—1906 гг. в деятельности Крестьянского союза (она-то и послужила прообразом героини «Сосен перезвона), и, несомненно, относится к Н. Ф. Христофоровой-Садомовой — одному из последних адресатов сосланного в Сибирь Клюева [24].

Уместно также отметить, что в числе особенных зол цивилизации выделяет поэт городских женщин, встречаемых им во время скитаний по столицам России: «Но больше всего *ужасался я женщин*; они мне всегда напоминали *кондоров на пустынной падали, с томным запахом духов, с голыми шеями и руками; с бездушным, лживым голосом*. Они пугали меня, как *бесы* солончаковых аральских балок» (Гагарья судьбина) [25].

Однако при всей конкретности и вещности мировосприятия (чем так пришелся по душе акмеистам) Клюев в «Песнослове» выступал все-таки еще и «символистом», с его концепцией двоемирия, согласно которой видимая реальность рассматривалась лишь как тень или отражение, по словам Вяч. Иванова, «*более реальной реальности, внутренней и сокровеннейшей*» [26] или, по его же терминологии, как «*дол реальности низшей*», в противоположность «*глубинным слоям духовной жизни*». Соответствие этому собственного поэтического образа Клюев часто подчеркивает напоминанием о том, что в его стихах имеются «*строк преисподние глуби*». Тема духовной глубины явления или предмета последовательно развивается им на протяжении всего «Песнослова»: «*Есть, как в могилах, душа у бумаги...*» («"Умерла мама" — два шелестных слова...», 1916—1918); «брачная подушка» представляется поэту «*бездонной*» (Белая повесть, 1916—1918);

---

[24] О их перепике см.: *Михайлов А.* «Простите. Не забывайте...» // Север. 1994. № 9.

[25] Север. 1992. № 6. С. 153.

[26] *Иванов Вяч.* По звездам. СПб., 1909. С. 305.

«в веретенце», оказывается, можно «*нырнуть*», и «нитка — леха / Тебя *поведет в Золотую Орду*» (Белая Индия, 1916—1918); в глазах Есенина ему видится «дымок от хат, / *Глубинный сон речного ила*» (Поэту Сергею Есенину); его собственный творческий дух обречен «*кануть*» в чернильницу, чтобы стать затем «*буквенным сирином*»; «Моря мирского калача / *Без берега и дна*» (Февраль, 1917); злое предназначение пулемета состоит в том, чтобы «*ранить Глубь, на божнице вербу, / Белый сон купальских березок*» (Пулемет, 1918).

Деревню он видит не только как «*дол реальности низшей*», но и в ее недоступной для разрушительных сил, неуязвимой сокровенности, чем вполне утверждалась духовно-непреходящая ценность мира, которому в историческом плане как раз суждено было исчезнуть; создавалась легенда о новой *Неопалимой Купине*, о крестьянском *Китеж-граде*, который и после гибели останется пребывать нетленным в лоне спасающей мир красоты, в «*преисподних глубях*» его, клюевских строк.

Самое простое явление деревенского быта обнаруживается как нечто нераздельное с высоким и вечным: «*От печного дыма ладан пущ сладимый...*»; «*Привкус моря в пахотной рубашке / И в лаптях мозольных пенный звон*» («Потные, предпахотные думы...», 1916—1918); «*Овин — пшеничный государь / В венце из хлебных звезд*» (Февраль). Но вот что уж действительно предстает у Клюева космосом «*нетленной красоты*», так это *крестьянская изба*, в которой опоэтизировано абсолютно все — от «*дедовского*» ставня, что «*провидяще грустит*», до «*дышащей теплынью*» печки («*ночной избы лицо*»). Здесь и блюдущий «*печной дозор*» заслон, и чулан, откуда «*в лицо тебе солнцем пахнёт*», и печурка, в которой «*созвездья встают*», и «*распятье окна*», и «*задремавшая тайной*» половица. Основное настроение, которым сопровождаются эти образы — покой, уют, умиротворенность: «*Изба дремлива, словно зыбка, / Где смолкли горести и боль*» («Зима изгрызла бок у стога...»). И даже при катастрофическом неистовстве возобладавших в мире сил зла «*лишь в избе, в затишье вековом, / Поет сверчок, и древен сон пола-*

тей» («Громовые, владычные шаги...», 1916—1918). Статикой, однако, поэт в изображении избы не ограничивается. Подлинная сущность ее раскрывается ему в динамике превращений, в сотворении избяного космоса из материи «*дола реальности низшей*»:

В избу Бледный конь прискакал,
И *свежестью горной вершины*
Пахнуло от гривы на печь...

Конь лавку копытом задел,
И дерево стало *дорогой*...

(*Белая повесть, 1916—1918*)

Изба развертывается в мироздание. В «*красном углу*» ясновидящий обретает Индию, «*И мнится за печью седое Поморье*, / Гусиные дали и просырь мереж» («Печные прибои пьянящи и гулки...», 1916—1918). «*Чрез сердце избы*» проходит дорога «*с Соловков на Тибет*» (Белая Индия), а лежанка — «*караванный аравийский шлях*» («Не хочу Коммуны без лежанки...», 1918). В реальных деталях избы поэт находит знаки, по которым разгадывается ее вселенский смысл: «*Узнайте же ныне: на кровле конёк / Есть знак молчаливый, что путь наш далек*» («Есть горькая супесь, глухой чернозем...», 1916). Изба откочевывает в космос: «*И Русь избяная — несметный обоз! — / Вспарит на распутье взывающих гроз...*» (Там же). Но космическая предназначенность избы — это только разгаданная часть ее непостижимой судьбы. Для выражения же других ее сторон поэт прибегает к образам, исполненным ощущения и светлой тайны: *Изба — святилище земли / С запечной тайною и раем...*» (Поэту Сергею Есенину), и тревожных предчувствий по поводу ее покрытого мраком неизвестности будущего: «*...лесная изба / Глядится в столетья, темна как судьба...*» («Запечных потемок чурается день...», 1914—1916), и, наконец, намека на какое-то большое ожидающее ее несчастье: «*Есть в избе, в сверчковой панихиде / Стены Плача, Жертвенник Обиды*» («Нила Сорского глас...», 1918 или 1919). Не предсказание ли здесь ее гибели, к несчастью, сбывшееся?

Подыскивая этому миру наиболее исчерпывающее определение, Клюев чаще всего останавливается на эпитетах: «*ржа-*

ной Назарет», *«ржаной град»*, *«хлебный Спасов рай»*, *«бревенчатая страна»*, *«берестяный рай»*, который и становится его наиболее употребительной эмблемой.

Избяная Русь «Песнослова» — это, конечно, также и Россия историческая, с целым созвездием героев, творцов и деятелей. Здесь, правда, нет специально посвященных им стихотворений (Клюев не описатель), но их имена вместе с деяниями и эпохой входят единым орнаментом в образную ткань стихотворных строк. Так, Есенин у Клюева приходит в столицу не просто с рязанских полей, но с *«рязанских полей коловратовых»*. Образы Бориса Годунова и «убиенного» им царевича Димитрия употребляет поэт для выражения взаимоотношений с Есениным. Подчеркивая же бунтарский и дерзкий смысл собственной поэзии, обращается он к Пугачеву: *«Я пугачевскою веревкой / Перевязал искусства воз»* («Меня Распутиным назвали...», 1917). На этом же ассоциативном уровне насыщаются его стихи именами Мономаха, Грозного, русских старцев и патриархов, *«керженской игуменьи Манёфы»*, *«бурунного Разина»*, Ломоносова и других. Особенно ярко на небосводе клюевской России сияют имена творцов ее художественного мира: Глинки, в музыке которого *«ныряет душа с незапамятных пор»*, *«льдяного»* Врубеля, *«горючего»* Григорьева, Достоевского с его *«бездонным криком»* человеческой боли, *«велесова первенца»* Кольцова, *«яровчатого»* Мея, *«жасминного»* Фета.

И все-таки при всей полноте достоверных черт клюевская Россия — это, как и деревня, более всего страна сокровенная, прозреваемая душой поэта, поднятая в звездную высь таких эпитетов, как *Русь «бездонная»*, *«живых дрем»*, *«светляком»* теплящаяся во мраке, отмеченная *«звездоглазой судьбой»* и особенно часто — *«рублевская»*. Рублев у Клюева — один из существеннейших символов России, соединяющий *идею святости* и *идею красоты* — двух основных ценностей в аксиологической системе поэта, касательно чего исследователь отмечает: «*Святая Русь* <...> являет себя иногда у Клюева как *рублевская Русь*. В этом случае великий иконописец символизирует не эпоху, а всю Русь, во всем ее историческом развитии, но не внешнем, государственном, а внутреннем, духов-

ном... "*Рублевский нетленный сад*" для Клюева цветет по всей Руси, нужно только его увидеть, узреть *духовными очами*...»[27]

Освящается весь космос «*избяной*» *России* Клюева духом православия, его святынями. Поистине «Песнослов» можно рассматривать и как поэтические Святцы, обильно насыщенные образами православных, византийских и русских подвижников. Но прежде всего это, конечно, Богородица, понимаемая здесь в духе некоторых мистических сект как «*душа мира*», «*София*» и даже отождествляемая с «Матерью-Землей», и сам Спас, еще более сближаемый поэтом с родной ему «*земляной*» сущностью. Он наделен такими исключительно «*крестьянскими*» эпитетами, как «*запечный Христос*», «*загуменный Христос*», Христос, принявший «*мужицкий... зрак*». У Клюева он чаще всего выступает не в литературно-евангельской, а в более понятной народу иконописной ипостаси (не каждый умел читать, но видеть образ мог всякий). Атрибуты иконописного изображения в нем проступают прежде всего: «*Лик пшеничный с брадой солнцевласой*», «*раскосый вылущенный Спас*», «*кумачневый Спас*» и т. д. Вот с этим-то Спасом и связывается у Клюева мир крестьянского бытия, мужицкая судьба, вплоть до полного отождествления Христа с крестьянином, что наиболее полное выражение находит в цикле стихотворений «Спас» (1916—1918): «*Спас за сошенькой-горбушей / Потом праведным потел...*» В крестьянские корни внедряется у Клюева и самая главная, собственно, «спасительная» сущность этого образа: «Снова голубь Иорданский / Над землею воспарил: / В *зыбке липовой крестьянской / Сын спасенья* опочил». Мысль о крестьянском происхождении грядущего «спасителя» самого крестьянства звучит в «Песнослове» (цикл «Спас») весьма определенно. Так, деревенский малец Ерема, что «*как олень белоног*», и становится как бы «*мужицким Спасом*»:

У *мужицкого Спаса*
Крылья в ярых крестцах,

[27] *Лепахин В.* Иконописец и поэт (Рублев в творческом сознании и поэзии Клюева) // Вестник русского христианского движения. Париж — Нью-Йорк — Москва. 1989. № 155. С. 154.

В пупе перьев запасы,
Чтоб *парить в небесах.*

И если это пророчество не сбылось в главном («спасителем» русского крестьянства никто не стал), то мысль о «*парении*» крестьянского сына в небесах все-таки оправдалась в судьбе родившегося как раз в деревенской избе первого в мире космонавта Ю. Гагарина.

В сближении Христа с крестьянским, земледельческим миром Клюев доходит и до крайних уже пределов отождествления духовного с материальным, выявления божественной сущности через физическую, плотскую ипостась. «Это подлинный «*плотяный*» *Христос*»[28] — высказывался о клюевском Христе Иванов-Разумник. Более поздний исследователь, выводя эту тенденцию поэта из его хлыстовства, писал: «У Клюева, как и у русских мистических сект, до физиологической осязательности даны и *женское* <...> начало *Бого- и духовоплощения*, и *мужское* начало зарождения; два нераздельных и неслиянных начала *оплодотворения* и *плодовынашивания — порождения*»[29]. Наконец, и сам Клюев не преминул оставить истолкование Христа, соотнося его образ с выразительнейшей картиной «физиологизации» космоса и попутно дерзко развенчивая умозрительно-бесплотного, тем более бесполого Христа «интеллигентского»: «Мой Христос не похож на Христа Андрея Белого. Если для Белого Христос только монада, гиацинт, преломляющий мир и тем самым творящий его в прозрачности, только лилия, самодовлеющая в белизне, и если жизнь — то жизнь пляшущего кристалла, то для меня Христос — *вечная, неиссякаемая удойная сила, член, рассекающий миры во влагалище*, и в нашем мире прорезавшийся *залупкой — вещественным солнцем, золотым семенем* непрерывно *оплодотворяющий корову* и *бабу, пихту и пчелу, мир воздушный* и *преисподний — огненный*.

---

[28] *Иванов-Разумник*. Три богатыря // Летопись Дома Литераторов. 1922. № 3. С. 5.

[29] *Филиппов Б.* Николай Клюев // Н. Клюев. Сочинения. Т. 1. С. 52 (курсив автора).

Семя Христово — пища верных. Про это и сказано: “Приимите, ядите…” и “Кто ест *плоть мою*, тот не умрет и на Суд не приидет, а перейдет из смерти в живот”.

(Богословам нашим не открылось, что под плотью Христос разумел не тело, а семя, которое и в народе зовется плотью.)

Вот это <понимание> и должно прорезаться в сознании человеческом, особенно в наши времена, в *век потрясенного сердца*, и стать *новым законом нравственности*»[30] (октябрь 1922 г.). Можно сказать, что этим Христом «*оплодотворена*» и сама клюевская поэзия.

Все до сих пор рассмотренное нами в космосе «Песнослова» — это пока еще только его «*горний мир*», царство добра и красоты, «*берестяный рай*». Однако имеются в нем силы, исконно враждебные человеку, преисподние глубины зла, представленные довольно обстоятельно и иерархично. Демонология Клюева включает, например, мир вовсе не таких уж и губительных пантеистических существ, близких некогда в языческие времена человеку, но затем отторженных от него христианской религией (с ними по этой причине следует быть все-таки настороже). Это некий *Старик-Журавик*, который может, хлестнув «черемушкой», испортить судьбу младенца, сдружить его с «*горькой долюшкой*» («Изба-богатырица…», 1914). Это лесовой, леший, домовой, «*запечные бесенята*», *дед-дворовик*, в обычае которого лишь твари показывать свой «*мерцающий лик*», *водяник*, *водяница*. Это их жертвы из мира людей, насильственно приобщенные к природному миру: «*Верезжит в осоке проклятый младенчик...*» («Галка-староверка ходит в черной ряске…», 1915—1917). Но это также и демоны посерьезнее, уже подлинные исчадья ада из христианской мифологии, назначение которых терзать людей за их грехи: некие «*геенские лакомки*» — бесы, для которых человеческая душа — «балык», сам «*властелин ада, Сын Бездны семирогий*» («Улыбок и смехов есть тысяча тысяч…», 1916—1918).

Отчетливо проступает в «Песнослове» инфернальный мир в разных его ипостасях, начиная с образа преисподней как

[30] Рукописный отдел ИРЛИ. Р. 1. Оп. 12. № 681. Л. 33.

вместилища бренного праха — горестного итога земного человеческого существования, где из живого обитает один только «*неусыпающий червь*», где «*стены из костей и своды из черепов*» («Господи, опять звонят...», 1916 или 1917). Затем это как будто бы и то же самое, то есть состояние геенского уничтожения, но только уже в осмыслении христианской диалектики с ее взаимоотношением между духом и материей, жизнью и смертью, уничтожением и рождением. Наиболее показательно в этом отношении упомянутое уже стихотворение «Эта девушка умрет в родах...» Умерла девушка. Ее похоронили, приобщив к преисподней. Однако ее духовная сущность бессмертна. Где и как? Можно ли это увидеть и показать? С этой целью поэт следует за умершей, спускаясь (подобно Данте) по своим «кругам» ада. Вот последний пронзительный штрих еще живого облика героини, вызывающий острую боль сожаления о красоте, не успевшей насытиться радостью жизни и насытить собой других («*Ненасытный девичий зрачок*») — как бы первый круг юдольной скорби. Но тут же героиня предстает и уже на грани двух уделов земного и преисподнего: это и кладбищенский пейзаж («*Огонек в сторожке и подснежник...*»), и картины «тайн» могилы («*Но в гробу, червивом, как валежник, / Замерцает фосфором лобок...*») — второй круг. Далее поэт воссоздает картину уже «загробного» бытия, в котором естественно-научные формулы химических превращений материи соединяются с образами неразгаданно-темной символики («*Есть в могилах роды и крестины, / В плесень кровь и сердце в минерал. / Нянин сказ и заводи перины / Вспенит львиный рыкающий шквал*») — третий круг. И уже затем из этого, казалось бы, безвыходного плена кладбищенских метаморфоз образ героини стремительно взмывает в сферу собственно христианского бессмертия:

И в белка́х заплещут кашалоты,
Смерть — в моржовой лодке эскимос...
Эту девушку, душистую, как соты,
Приголубит радужный Христос.

Наконец, образ клюевской преисподней близок распространенным представлениям об аде нравственных терзаний души

за греховные помыслы и поступки. В данном случае здесь находит выражение мучительное преломление христианских заповедей в душе человека, исполненного мощного языческого *«зова» земли, стихии*, каким был и осознавал себя Клюев. Так, гармоничный, свободно опоэтизированный в античности мир телесной красоты и физической любви подвергается в христианской этике суровому заключению в темницу заповеди *«о непрелюбодеянии»*. Августин Блаженный с прискорбием, например, отмечал несовершенство физической любви и даже считал, что истинное ее предназначение должно осуществляться только в служении единственной цели — продолжению человеческого рода и не сопровождаться никакими «низкими», побочными мотивами. Пока же эти последние существуют,— она греховна. Роковая обреченность человека неизбывной страсти для Клюева в период «Песнослова» — несомненный грех, за который и обречена душа мукам ада. Но вместе с тем у него вовсе нет намерений избегнуть их,— наоборот, его тянет ими упиться, обнажив, тем самым, вполне в духе Достоевского и как это было свойственно символистам, душевное дно. На столкновении и пересечении этого рода запретов и побуждений и возникает еще одна ипостась инфернального мира, исполненного чудовищных видений, где из тел грешников «вьется... вервь», *«в совокупленьи геенском / Корчится с отроком бес»* и *«Страсть многохоботным удом / Множит пылающих чад»* («Неугасимое пламя...» — из цикла «Спас»). Однако и здесь, как и в стихотворении «Эта девушка умрет в родах...», преисподнее состояние (там — тела, здесь — души) является лишь горнилом очищения для восстающего даже из ада человеческого духа. Порыв его к творчеству (после пережитого падения) — верный признак спасения души. Не случайно сопровождается он весьма распространенным в поэзии Клюева символом *«горнего» мира — птицей:*

Чрево мне выжгла геенна,
Бесы гнездятся в костях.
Птицей — волной белопенной
Рею я в диких стихах.

Что же касается самого погружения в инфернальные бездны, то глубоко верно утверждение исследователей о том, что

Клюев «принадлежит к редчайшему в мировой литературе разряду *подлинных мистиков*, сумевших воплотить свой *сверхчувственный опыт в людской речи*, самою природою предназначенной для иных целей», что иные его образы, напоминающие живопись Босха, «свидетельствуют об *опыте демоническом*»[31].

Инфернальное состояние раскрывается у Клюева, однако, не только в глубинах души лирического субъекта, но также и в самой реальной исторической действительности, и прежде всего в ее угрожающих естественному, стихийному человеку городской цивилизации и техническом прогрессе. В негативном отношении ко все расширяющейся урбанизации Клюев и поэты его круга (новокрестьянские) не представляли исключения для своего времени (конца XIX — начала XX вв.). Уже Н. Федоровым жизнь людей в условиях города определялась как состояние «*небратства*», а Л. Толстой проповедовал мысль о том, что наиболее несчастными являются народы, «покинувшие *земледелие* и... занятые в городах, на фабриках, производством большею частью ненужных предметов»[32], тогда как «одно из первых и всеми признаваемых условий счастья есть жизнь такая, при которой *не нарушена связь человека с природой*, то есть *жизнь под открытым небом, при свете солнца, при свежем воздухе; общении с землей, растениями, животными*»[33]. Как раз в годы создания Клюевым «*избяного космоса*» завершался О. Шпенглером его знаменитый труд «Закат Европы» (1917), в котором «закатом» называлось гибельное для человечества перерастание земледельческой зоны Европы в «мировой город». «Мировой» же город — это «космополитизм вместо отечества», холодный практический ум вместо благоговения перед преданием и укладом, научная иррелигиозность в качестве окаменелых остатков прежней «религии сердца» и т. д. Один за другим следуют в «Закате Европы» ряды прискорбных антитез: вместо

---

[31] *Райс Э.* Николай Клюев // Николай Клюев. Сочинения. Т. 2. С. 84, 81.

[32] *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: В 90 т. М.; Л., 1936. Т. 36. С. 296.

[33] Там же. М., 1957. Т. 23. С. 418.

«*души*» — «мозг», вместо «*мифа*» (*сельского феномена*) — «городская» физика, превращающая «одушевленный мир в интеллектуальную систему», вместо «*символов*» — «понятия», вместо «*божества*» — «теории», вместо «*предчувствия*» — «гипотезы» и т. д. С порабощением «мировым городом» деревни незавидной становится участь крестьянина: им «пренебрегают, осмеивают, презирают и ненавидят его». Но он, продолжает Шпенглер, является «*единственным органическим человеком, единственным сохранившимся пережитком культуры.* Для него нет места ни в стоическом, ни в социалистическом кругозоре»[34]. Таков и герой Клюева, страдающий в атмосфере всемерной урбанизации жизни, представляющейся ему настоящим адом («*каменный ад*», «*ад электрический*»). Полному живительных красок и звуков пейзажу «*берестяного рая*» противостоит здесь ущербный городской пейзаж. На образах клюевского города неизменно лежит печать апокалипсической обреченности и гибельности: «*Городские предбольничные березы / Захворали корью и гангреной*» («Городские предбольничные березы...», 1917—1918); «*Ад заво́дский и гиблый трактир...*» («Господи, опять звонят...»); «*И набрели на блеск столиц, / На ад, пылающий во мраке...*» (Поэту Сергею Есенину).

Высказанную А. Блоком антитезу между подлинной (народной) поэзией и ремесленнической, названной им «бумажной» (в статье «Поэзия народных заговоров и заклинаний», 1906), Клюев превращает в универсальный образ «*бумажного ада*». Из блоковского «бумажного» зерна произрастает и раскрывается у него целое соцветие антикнижных образов: «*книги — трупы*», «*прокаженны Стих, Газета*», «*сводня старая — бумага*», «*газеты — блудницы*». Это неприятие «письменности» вовсе не выпад против книгопечатания (хотя именно самому Гутенбергу, его изобретателю, принадлежит многозначительное высказывание: «После изобретения печатного станка дьявол поселился в нем»), а лишь выражение неприятия поэтом бездуховного прогресса, породившего нынешнего человека с его мертвой, по определению В. Розанова, «*техни-*

---

[34] *Шпенглер О.* Закат Европы. М.; Л., 1923. С. 32.

ческой душой», хорошо усвоившего достижения прогресса, но пренебрегшего духовным. Печатное слово тоже, по мысли Клюева, чаще всего служит этой же мертвой душе.

Город, технический прогресс разрастаются у Клюева до масштабов всесветного зла, несущего органическому человеку духовное и физическое оскудение, а природе гибель. «Песнослов» — первая в русской поэзии книга, в которой прозвучал сигнал экологической тревоги. Еще в письме к В. Брюсову в 1911 г. Клюев упоминал о своем ощущении *затравленности* среди всеобщей технизации: «...мое бегство от повсюду проникающего красного света "новой звезды на востоке" есть бегство *вымирающих пород животных* в пущи, в пустыни и пещеры гор,— все дальше, все вперед... Но бежать дальше некуда. В пуще пыхтит лесопилка, в ущельях поет телеграфная проволока и лупеет зеленый глаз семафора» [35], а через три года в письме к А. Ширяевцу (ноябрь 1914 г.) он заклинал: «*О матерь пустыня! Рай душевный, рай мысленный!* Как ненавистен и черен кажется весь так называемый цивилизованный мир, и что бы дал, какой бы крест, какую бы Голгофу понес, — чтобы Америка не надвигалась на *сизоперую зарю, на часовню в бору, на зайца у стога, на избу-сказку...*» [36] В стихотворении «Обозвал тишину глухоманью...» (1914—1916) силы зла, несущие «берестяному раю» гибель, персонифицируются в конкретном, хотя и безликом образе некоего «пиджачника» — горожанина с пренебрежительно-враждебным отношением к природе; полное отсутствие каких-либо духовных признаков у этого «*сына железа и каменной скуки*» заменяется грубыми и циничными жестами: «*В хвойный ладан дохнул папиросой / И плевком незабудку обжег...*» Здесь природе («*светлому отроку — лесному молчанью*») остается еще возможность спастись, закатясь «*в глухое скитанье / До святых незапятнанных мест*», но неотвратимое вторжение зла достигает вскоре в поэзии Клюева самых заповедно-чистых тайников «*берестяного рая*»: «*В Светлояр изрыгает завод / Доменную отрыжку — шлаки*» («Русь-Китеж», 1918).

[35] Русская литература. 1989. № 3. С. 192.

[36] De visu. 1993. № 3. С. 25.

Усложняется и углубляется образ клюевской России уникальным в отечественной поэзии совмещением реалий русского мира (природы, культуры) с реалиями других народов. Наметившаяся еще в стихах дореволюционного периода, эта тенденция ярко заявляет о себе в «Медном ките», «Песнослове» и свое наибольшее выражение находит в следующей книге стихов поэта «Львиный хлеб» (1922). Созвучность России с другими культурами осуществляется здесь как некий *«светлый пир»* народов, которым наконец-то предоставляется возможность соединиться в силу своего глубинного духовного родства (христианские иллюзии свершившейся в России революции играют здесь, разумеется, не последнюю роль). «Сердце Клюева соединяет, — писал по этому поводу в статье «Песнь солнценосца» (1917) А. Белый, — пастушескую правду с магической мудростью; *Запад с Востоком*; соединяет воистину воздыхания *четырех сторон Света*»[37]. Клюевский «интернационализм», несомненно, был созвучен получившей хождение у «скифов» «евразийской» идее *«Третьего Рима»*, относительно которой Иванов-Разумник тогда же высказывался: «“Москва” нашла свой конец в Петербурге 27 февраля 1917 года. Так погиб “Третий Рим” идеи самодержавия, “а четвертому не быть...” Мир вступает ныне в новую полосу истории, новый Рим зарождается на новой основе, и с новым правом повторяем мы теперь старую формулу XVI века, только относим ее к идее не автократии, а демократии, не самодержавия, а народодержавия... В папе, патриархе, в царе выражалась идея “старого Рима”, старого мира; в идее Интернационала выражается социальная идея демократии, идея мира нового...»[38]

Отвлекаясь же от эпохально-теоретических идей, касательно клюевского «интернационализма» следует сказать, что в своих образах России, помноженной на Восток и Запад, поэт предстает пророком победительной силы *«избяной Руси»*. В период зловещего провозглашения всего механического и

---

[37] Скифы. Сб. 2. Пг., 1918. С. 10.

[38] *Иванов-Разумник Р.* Третий Рим // Новый путь. 1917. № 2. С. 3.

железного и, наоборот, ниспровержения норм естественного, природного, исконного бытия, а также его поэзии, Клюев набирается смелости заявить: «*Грянет час, и к мужицкой лире / Припадут пролетарские дети...*» («Миновав житейские версты...», 1920). Но ему и этого мало, его подмывает разыграть утопическую идиллию между еще более несовместимыми явлениями: «*Уж загрезил пасмурный Чикаго / О коньке над пудожскою хатой*» (там же). Клюевская поэтическая мысль приобретет теперь преимущественно полемический характер, поскольку ее целью становится защита дорогих поэту, безжалостно сокрушаемых «железной» эпохой ценностей.

Именно то, что объявляется отсталым, воспринимается с пренебрежением или, в лучшем случае, со снисходительной усмешкой, таит, по логике клюевской «защиты», непреходящие, общечеловеческого масштаба ценности. Что может стоить какая-то там жалкая русская «бабья слезинка»? А у Клюева она, «*созвездием став, / В Медину ведет караваны...*» («Древний новгородский ветер...», 1921). По этой логике, все богатство и роскошь обоих полушарий поэт находит не просто в тех или иных особенностях русского быта, а преимущественно в совершенно непрезентабельных деталях скромной, зачастую убогой крестьянской жизни — как целого мира, растоптанного победительной пятой бездуховной современной цивилизации. Своим оппонентам — прогрессистам и «культуртрегерам» он языком столь диковинных образных доказательств как бы отвечает: «Вам кажется, что замкнувшаяся в своей косности крестьянская Россия далека-де от представлений о культурах Запада и Востока и пора теперь через Интернационализм ее, темную, просветить,— так вот же: в одном только "*липовом бабьем корыте / Плещет лагуною Бах*"» («Солнце верхом на овине...», 1921);

Есть в плотничьих звонких артелях
Отгулы арабской стоянки,
Зареет в лапландских метелях
Коралловый пляс негритянки.

(«*Запах имбиря и мяты...*»).

Какое-нибудь русское липовое корыто, плотничья артель превращаются у Клюева в *каплю росы*, отражающую в себе

весь мир в его самых отдаленных глубинных уголках. Таким воссоздает он, например, облик своей матери: «*Салоп и с проседью бровь* / Таят цареградские сны» (Мать, 1921). Таков и образ «парня» в цитируемом выше стихотворении. Красота и тайна его биологического существа сопряжены с потаенной энергией единой мировой жизни, в силу которой на «ладожской юфти» проступают кораллы южных морей, а на русской вербе прозябают «имбирь и чилийская мята». Явленная в физической красоте сущность русского парня вся планетарна и исполнена благ земли: «*Запах имбиря и мяты / От парня с зелеными глазами...*», кровь в его жилах протекает путями неведомых «*Припятей и Евфратов*», наконец, в своей грандиозности она космична:

> У парня в глазницах, как в звездах,
> *Ночное, зеленое пламя.*

Таков клюевский интернационализм, художественно убедительный, поскольку в нем находит выражение редкостная способность поэта к беспредельно многообразному и масштабному восприятию красоты — сквозь неизменный, однако, «*магический кристалл*» «*избяной Руси*», ставшей центром его поэтического мироздания. Поэтом именно ее, отражающей в себе весь мир, считал он себя и возражал тем, кто хотел бы видеть в нем певца только сугубо крестьянской России — без мира:

> *Я* не серый и не сирый,
> *Не Маланьин и не Дарьин,—*
> *Особливый тонкий барин,*
> В чьем цилиндре, строгом банте
> Капюшоном веет *Данте,*
> А в глазах, где синь метели,
> Серебрится *Марк Аврелий.*

(*«Ночь со сводней луной...», 1932*)

* * *

Революционный пафос в поэзии Клюева иссякает довольно быстро. Надежды поэта на то, что «*возлюбит грозовый Ленин / Пестрядинный клюевский стих*» («Родина, я гре-

шен, грешен...», 1919), не оправдываются, и он теряет всякий интерес к вождю мирового пролетариата, так и не пожелавшему стать крестьянским патриархом, и противопоставляет свои идеалы ленинским: «*Мы верим в братьев многоочитых, / А Ленин в железо и красный ум*» («Мы верим в братьев многоочитых...», 1919). Отчуждение Клюева от революции намечается сразу по нескольким пунктам. И прежде всего по вопросу о религии. Искоренение в народе «религиозного дурмана» становится важнейшей задачей победившего большевизма. В качестве одного из первых мероприятий антирелигиозной программы была не имевшая прецедента практика *«разоблачения» мощей* святых подвижников, проводившаяся в порядке осторожной, но показательной кампании. С 1918 по 1920 гг. были вскрыты мощи Артемия Веркольского, Авраамия Мученика, князя Глеба, Петра и Февронии Муромских, князя Константина с «чадами его» и их матерью Ириной, Тихона Задонского, князя Владимира, Нила Столбенского, Евфросинии Полоцкой и многих других — более шестидесяти святых в четырнадцати губерниях. В прессе эту кампанию «сверху» подавали с неизменной демагогической ссылкой на «требования трудящихся масс»: «Более тысячелетия прошло с того времени, как совершился в русском народе переворот, закабаливший его под гнет духовный, который преподнесла нашим предкам Византия в лице своих комендантов — священнослужителей <...> Теперь на заре новой жизни русского народа сознательные товарищи-пролетарии громко требуют раскрытия этой тайны, тайны векового обмана. Мы не хотим, чтобы после нас оставалось это зло — мы должны разоблачить его; это — наш долг»[39]. Саму акцию вскрытия производили со всей ее «разоблачительной» показательностью. Вскрытие мощей Сергия Радонежского (11 апреля 1919 г.) сопровождала киносъемка, при которой на гроб святого и разоблачаемые в ней «тайны» направлялись мощные усилительные лампы («юпитеры»). Обязательным было присутствие (с назидательной целью) крестьян из окрестных деревень. Печать давала своевременную информацию с описанием, не оста-

---

[39] Революция и церковь. 1919. № 2. С. 36.

навливающимся перед кощунственными подробностями. Так, при вскрытии раки того же Сергия Радонежского сообщалось: «В области лобка пучок рыжих волос без седины. Всюду масса мертвой моли, бабочек, и личинок» [40]. Вероятно, под впечатлением этого или подобного факта и вырвется позже у поэта исполненное горечи и боли признание за допущенное своим народом позорное деяние: «*Мы расстались с Саровским звоном — / Утолением плача и ран. / Мы новгородскому Никите / Оголили трухлявый срам...*» (Деревня, 1926).

Требованиям «трудящихся масс» Клюев, еще пребывавший в рядах ВКП(б), противопоставляет свой очерк «Самоцветная кровь» с уточнением: «Из Золотого Письма Братьям-Коммунистам» (1919). «*Мощи*» определяются им здесь как некое материальное напоминание («*Лапоточное берестышко, Клюшка белая, волжаная...*») о деяниях и «власти слова» праведника, не побеждаемых гробом. Память же о нем нужна как основа духовно-нравственных заветов народной жизни. Поэтому посягательство на эту память Клюев называет в «Письме» «*хулой на Духа жизни*». В «Письме» Клюев развивал также мысль о том, что недопустимо ниспровергать и разрушать, как это делают «братья-коммунисты», народные понятия о вере и красоте, пронесенные через страшные исторические испытания: «Направляя *жало пулемета на жар-птицу*, объявляя ее подлежащей уничтожению, следует призадуматься над отысканием пути к созданию такого искусства, которое могло бы утолить художественный голод дремучей, черносошной России» [41].

Неприемлем для Клюева и жесткий курс большевиков на всемерную индустриализацию России, сопровождаемую целенаправленным разрушением веками складывавшейся крестьянской цивилизации. *Железо* становится теперь едва ли не доминирующим в его поэзии символом зла. Осознавая обреченность «*избяной*» *России*, он тем не менее вовсе не намерен

---

[40] Там же. № 6/8. С. 59.

[41] *Клюев Н.* Самоцветная кровь // Записки Передвижного Общедоступного театра. 1919. № 22–23. С. 3–4.

уступать чудовищам внедряемой в жизнь машинизации светлые и чистые родники своего «*берестяного рая*». Теперь уже с апологетами «железа» в поэзии у него нет примирения, он отвергает их «чугунное искусство». «*Паровому котлу нечего сказать на языке искусства и религии.* Его глубины могут с успехом исчерпать такие поэты как Бердников или Арский. Мы же помолчим до времени»[42], — записывает высказывание поэта его друг Н. И. Архипов 20 июня 1923 г. В 1918 г. Клюев полемически откликается стихотворением «Железо» на «Песнь о железе» (1917) пролеткультовского поэта М. Герасимова, с ее вполне пародийно звучащими строками: «В железе есть чистость, / Призывность, лучистость / Мимозово-нежных ресниц...» Этому легкомысленно вальсирующему амфибрахическому заимствованному у Бальмонта стиху Клюев противопоставляет тяжеловесный ход своего мрачновато-замедленного анапеста, несущего не хвалу, а проклятие «безголовым владыкам» железного мира,

Что на зори плетут власяничный башлык,
Плащаницу уныния, скуки покров,
Невод тусклых дождей и весну без цветов.

Позже в слове, произнесенном на литературном вечере в Ленинграде 1 октября 1927 г., Клюев страстно выскажется в защиту «*берестяного Сирина Скифии*», насмерть сейчас «*простуженного*» от «*железного сквозняка,* который вот уже третье столетие *дует из пресловутого окна, прорубленного в Европу*»[43]. Но «*не железом, а красотой купится русская радость*» — такую надпись сделал поэт через год Панаиту Истрати на книге стихов «Изба и поле» (1928). В 1920-е годы другом поэта Н. И. Архиповым были записаны следующие его слова о «железе»: «Только в союзе с землей благословенное любовью *железо перестанет быть демоном,* становясь слугой и страдающим братом человека... Истинная культура — это жертвенник из земли. Колосья и гроздь винограда — жертва Авеля за *освобождение мира от власти железа*»[44].

---

[42] Рукописный отдел ИРЛИ. Р. 1. Оп. 12. № 681. Л. 95 об.

[43] Там же. Л. 147 об.

[44] Там же. Л. 35 об.

Однако протест Клюева и других новокрестьянских поэтов против «железа» прозвучал трагически одиноко. Правоверной советской литературой, принявшей идеалы «пролетарской революции», а вместе с ними рационализм и машинизацию, оно, как раз наоборот, выдвигалось как самый положительный символ борьбы со старой Россией, символ конструктивной эпохи. Это прежде всего подобные М. Герасимову поэты Пролеткульта, давшие повод теоретику литературы В. Фриче назвать их продукцию «поэзией железной расы». Действительно, «железный» эпитет здесь превалировал: «железные пеленки», «железные руки», сады «железа», «железный храм». От поэтов Пролеткульта с тою же патетикой и еще большим усилением (через связанный с именем вождя синоним) он переходит к комсомольским поэтам: «Мы Октября стальные дети», «поэт из стали» (А. Безыменский), «Русь — стальная зазнобушка», «железный гармонист» (И. Доронин), «стальное поколенье» (М. Светлов). Особенно старались писатели этой ориентации включить столь значительный символ эпохи в заглавия своих произведений: «Мы растем из железа» (стихотворение в прозе А. Гастева, 1918), «Железные цветы», «Железное цветенье» (сборники стихотворений М. Герасимова, 1919 и 1923 гг.), «Стальной соловей» (сборник стихотворений Н. Асеева, 1922), «Железный поток» (роман А. Серафимовича, 1924), «Как закалялась сталь» (роман Н. Островского, 1934). Крайнюю гипертрофию этого понятия-образа в стандартизированном сознании своего времени Клюев имел все основания назвать «*железной грыжей*». И не случайно поэтому свой очередной сборник стихов «Львиный хлеб» (1922), в котором находил отражение существенный переход в мировоззрении поэта от иллюзии 1917—1918 гг. к трагическим мотивам поэзии 1920-х гг., он завершал стихотворением, свидетельствующим о победе «безголовых карлов» железа над «серебристой слезкой» одуванчика и тишиной «василькового утра»:

Поле, усеянное костями,
Черепами с беззубой зевотой,
И над ними *гремящий маховиками*
Безымянный и безликий кто-то.

(«*Поле, усеянное костями...*», *1920*)

Это не что иное, как апокалипсическая картина конца мира, где поэт видит себя кружащейся над страшным полем «душой-вороном», узнающей «чужих и милых скелеты», «демонов с дрекольем», «*в железных тучах*», и «*серные кареты*», отправляющие в ад грешников. Как это, увы, теперь уже знакомо и понятно человеку конца XX века, пережившему фашистские душегубки («серные кареты»), воздушные бомбардировки, кислотные дожди, трагедию Чернобыля.

Выступая против чреватой такими «благами» современности, Клюев не рассчитывает на взаимопонимание со своей эпохой. Полемика в «Львином хлебе» с поэтами-урбанистами (Маяковским и пролеткультовцами) чередуется с мрачными картинами гибели России и самого поэта («*По мне Пролеткульт не заплачет...*», 1919; «*Меня хоронят, хоронят...*», 1921).

В сентябре 1922 г. «Правда» (№ 224) печатает статью Л. Троцкого о Клюеве в числе статей под общим названием «Внеоктябрьская литература», в которой автор, отдав должное «крупной» индивидуальности поэта, «пессимистически» обобщал: «Духовная замкнутость и эстетическая самобытность деревни <...> *явно на ущербе. На ущербе как будто и Клюев*»[45]. В этом же году в рецензии Н. Павлович (под псевдонимом Михаил Павлов) на только что вышедшую отдельной книгой поэму Клюева «Четвертый Рим» впервые появляется и слово «криминальной» характеристики Клюева, которая на долгие годы становится для официальной критики основополагающей: «За песни его об этой *темной лесной стихии* мы должны быть Клюеву благодарны — *врага* нужно знать и смотреть ему прямо в лицо»[46]. С целью разоблачить мистицизм «*пахотной идеологии*» поэта выходит в 1924 г. написанная в духе жесткого социального заказа книга В. Князева «Ржаные апостолы (Клюев и клюевщина)». Заранее знавший о работе над нею Клюев в письме к Есенину 28 января 1922 г. по этому поводу пишет: «...порывая с нами, Советская власть порывает с *самым нежным, с самым глубоким в народе*».

---

[45] *Троцкий Л.* Литература и революция. М., 1991. С. 62.

[46] См.: Книга и революция. 1922. № 4. С. 48–49.

Между ними к тому времени обозначился существенный разрыв, обусловленный отходом Есенина от идеалов клюевской Святой Руси и его неприемлемым для Клюева имажинизмом, но даже и теперь все еще старший поэт вновь повторяет в письме к младшему прежние слова о своей радости быть его предшественником: «И так сладостно знать мне, бедному, не приласканному никем, за *свое русское в песнях твоих*». И теперь все еще Есенин видится Клюеву в образе национального мессии. И более того, в соответствии с представлением об образе *Христа*, предрекает он ему судьбу искупительной жертвы не только за русскую поэзию, но и за саму Россию. Эти исполненные загадочно-сакраментального смысла слова звучат сейчас для нас едва ли не сбывшимся пророчеством в связи с неразгаданной тайной гибели Есенина и его посмертной судьбой для России: «Семь покрывал выткала Матерь-Жизнь для тебя, чтобы ты был не показным, а *заветным. Камень драгоценный — душа твоя, выкуп за красоту и правду родимого народа, змеиный калым за Невесту-песню.*

Страшная клятва на тебе, *смертный зарок! Ты обреченный на заклание за Россию*, за Ерусалим, сошедший с неба.

Молюсь лику твоему невещественному <...>

Радуйся, возлюбленный, красоте свой, радуйся, обретший жемчужину родимого слова, радуйся закланию своему за мать ковригу»[47].

В 1923 г. Клюев переезжает из Вытегры в Петроград. Здесь для него наступает некоторая передышка перед последующим путем на Голгофу. Печатают его уже мало, и большей частью приходится писать без всякой надежды на публикацию, а также размышлять о собственном и чужом творчестве в беседах с другом Николаем Ильичом Архиповым, записывавшим все сказанное в особую тетрадь, начатую еще в Вытегре, хранящуюся ныне в Рукописном отделе Пушкинского Дома.

Он неспроста высказывается о своих «трудах» «на русских путях» как о «*песнях, где каждое слово оправдано опытом...*» («Из записей 1919 года»). «Опыт» же земного пути человека, по Клюеву, как вообще по мировоззрению рас-

[47] Вопросы литературы. 1988. № 2. С. 278, 277, 276, 280.

кольников и разных мистических сект, печален и горек. Это Клюев втайне осознавал и как инициированный (через хлыстовское учение о сораспятии с Христом) в «план Бога», и как «посвященный от народа», то есть от крестьянства с его трагической судьбой, и как, наконец, вообще рожденный «от семени Адама», которому уже заранее предрешался скорбный путь.

Исходя из этого, осознает Клюев трудной и собственную творческую работу. В поисках поэтической аналогии ей он останавливается на весьма убедительной метафоре: «У меня не лира какая-нибудь и не свирель, как у других поэтов, а *жернова*, да и то *тысячепудовые*. Напружишь себя, так что кости затрещат, — двинешь эти жернова малость. Пока в движении камень, есть и помол — стихи; приотдал малость — и остановятся жернова, замолчат на год, на два, а то и больше.

Тяжек труд мельника!» Разумеется, такая тяжесть не имеет ничего общего с потугами выдать нечто из псевдотворческих глубин. Наоборот, эту тяжесть поэт осознает как груз нерастраченных поэтических сокровищ: «Чувствую, что *я, как баржа пшеницей, нагружен народным словесным бисером*. И тяжело мне подчас, распирает *певчий груз* мои обочины, и плыву я, как баржа по *русскому Евфрату — Волге в море Хвалынское*, в *персидское царство, в бирюзовый камень*. Судьба моя — стать столпом в храме Бога моего и уже не выйти из него, пока не исполнится все». «*Уж слишком тяжел стихотворный крест*»,— признается он в другой записи.

С нелегким трудом поэзии Клюев в известной степени сопрягает и трудность ее восприятия,— точнее говоря, от читателя его стихов требуется определенное понимание того глубинного бытия духа, из которого исходил сам поэт: «Чтобы полюбить и наслаждаться моими стихами, *надо войти в природу русского слова, в его стихию*...»

Начальный стих Евангелия от Иоанна с его апологией *Бога-Слова* являлся для Клюева неизменной путеводной звездой. «Прядильня слова человеческого» (если только это не лживое «бумажное» слово человеческого суемудрия) всегда находится для него на «*мудром небе*», в пределах *Божественной Софии*. Нещадно трудясь для постижения именно

такого слова, поэт решительно отвергал слова слабые и фальшивые, недостойные божественной сущности, слова без глубины: «Н. Тихонов довольствуется одним зерном, а само словесное дерево для него не существует. Да он и не подозревает *вечного бытия слова*». Сохранилось высказывание Клюева об особого рода пытке— пытке фальшивым словом, посягающим на изображение божественной гармонии мира: «Разные есть муки: от цвета, от звука, от форм, синий загнивший ноготь, смрадная тряпица на больной человеческой шее — это мука верхняя.

Из внутренних же болей есть боль от слова, от тряпичного человеческого слова, пролитого шрифтом на бумагу.

Часто я испытываю такую подкожную боль, когда читаю прозу, вроде: "Когда зашло солнце, то вода в реке стала черной, как аспидная доска, камыши сделались жесткими, серыми и большими, и ближе пододвинул лес свои сучья, похожие на лохматые лапы..." (Сергеев-Ценский).

Перекось и ложь образо-созвучий в этих строках гасят вечерний свет, какой он есть в природе, и порождают в читателе лишь черный каменный привкус, тяжесть и холод, вероятнее всего, аспидного пресс-папье, а не окунью дрему поречного русского вечера».

Но зато и велика радость от общения с подлинным словом, от насыщения им: «Был с П. А. Мансуровым у Кузмина[48] и вновь учуял, что он *поэт как кувшинка, и весь на виду, и корни у него в поддонном мире, глубоко, глубоко*»; «"Столп и утверждение истины" П. Флоренского[49] — *дивная, потрясающая книга*. Никогда в жизни не читал *более близкого моему сердцу писания*! Читая ее, *я очищаюсь от грехов моих*»[50].

В середине 1920-х гг. Клюев делает незначительную попытку перестроить свою музу на «новые песни» («Богатырка,

---

[48] Кузмин Михаил Алексеевич (1872—1936) — поэт, Мансуров Павел Андреевич (1896—1984) — художник, знакомый Клюева в 1920-е гг.

[49] Флоренский Павел Александрович (1882—1937) — богослов, философ, поэт, расстрелянный в один год с Клюевым.

[50] Рукописный отдел ИРЛИ. Р. 1. Оп. 12. № 681. Л. 83 об., 128, 105 об., 142 об., 138, 74 об., 134 об., 129.

1925; «Ленинград», 1926), однако одновременно с ними им создаются и «новые песни» иного характера, в которых звучит мотив «*отлета*» *России* вместе со своим поэтом из чуждой им современности: «*По речному таит страница / Лебединый отлетный крик.* / Отлетает Русь, отлетает...» («Не буду писать от сердца...», 1925). С особой эпической силой мысль о гибели России раскрывает он в поэмах «Плач о Сергее Есенине», «Деревня», «Заозерье» (1926), «Погорельщина» (1928), «Песнь о великой матери (1929—1934), являющихся трагическим эпосом конца России и лебединой песней ее последнего рапсода. В «Погорельщине» «песнописец Николай» дает обещание свидетельствовать далеким потомкам о неповторимой красоте сожженной «человечьим сбродом» «*нерукотворной России*». Отвечая 20 января 1932 г. на запрос Правления Союза писателей касательно необходимости подвергнуть «самокритике» свои последние произведения, он сказал: «Если средиземные арфы живут в веках, если песни бедной, занесенной снегом Норвегии на крыльях полярных чаек разносятся по всему миру, то почему ж *русский берестяной Сирин должен быть ощипан и казнен за свои многопестрые колдовские свирели* — только лишь потому, что серые, с не воспитанным для музыки слухом обмолвятся люди, второпях и опрометно утверждая, что товарищ маузер сладкоречивее хоровода муз?»[51]

Наиболее полный образ «*нерукотворной России*» воссоздает Клюев в самой большой, неоконченной, занявшей долгие годы упорного труда поэме «Песнь о великой матери».

Поэма в основе биографична. Однако собственную жизнь Клюев здесь (как, впрочем, и во многих «житийных» рассказах и сновидениях) осмысляет в универсальной взаимосвязи всего и вся, включая мироздание, Божественный промысел, природу и культуру родных Заонежья и Поморья («*Где волок верст на девяносто, / — От Соловецкого погоста / До Лебединого скита*»), взаимозамещаемые один другим образы *матери* и *Святой Руси*, Апокалипсис и китежград-

[51] См.: *Базанов В. Г.* С родного берега. Поэзия Николая Клюева. Л., 1990. С. 199.

скую судьбу последней. Начало поэмы (Часть первая) представляет некую предысторию появления на свет Николеньки — будущего поэта, ясновидца и мученика. Это поистине гармонический и как бы даже внеисторический мир России (предчувствием которой, впрочем, «*цвели*» еще «*сады Александрии*») с ее земледельческим хозяйственным бытом и глубинной, идущей от византийских заветов, православностью. Универсальную функцию отображения всего этого космоса гармонии выполняет в поэме специфическая клюевская метафора органического перевоплощения одного явления в другое. Так, уже с первых строк через нее раскрывается истинное содержание «Песни»: она — выражение сути и голоса самой природы родной поэту земли: «»...*глубь Онега*», «*Плеск волны палеостровской...*»; это также и выражение божественных откровений, осеняющих и благословляющих этот край:

Эти притчи — в день Купалы
Звон на Кижах многоглавых,
Где в горящих покрывалах,
В заревых и рыбьих славах
Плещут ангелы крылами.

Все здесь исполнено глубокого смысла и предназначения, даже пегие «отметины» на рогах оленя существуют не просто так, но для того, чтобы ими «*вершить зазимки*»; в облике человека просвечивает природа, как, например, у юной Параши (будущей матери поэта) с ее глазами «*речки голубее*»; она в полном смысле насыщает собой черты любимого лица:

Ах, звезды Помория, сладостно вас
Ловить по излучинам дружеских глаз
Мережею губ, языка гарпуном,
И вдруг разрыдаться с любимым вдвоем!

Но облик человека соизмерим и с формами духовного искусства: «*Твой облик — дымок над золой / Очерчен иконной графьей*» (в обращении к Анатолию Яр-Кравченко, рефреном проходящем через всю поэму). С особенной полнотой и богатством предстает в поэме метафорический ряд, преобразующий природу в высший образ духовного воплощения — православный храм («*акафист из рудых столпов*», «*стожар*»), построенный мастером Акимом Зяблецовым «с

товарищи» из «*трех тысяч сосен*» (при этом понятие лесоповала заменяется метафорой «*успение леса*»); воздвигнутый таким образом в поморских лесах собор «*Покрова у Лебяжьих дорог*» будет затем ассоциироваться то с цветущей в тишине «*саронской розой*», то с «*живым злаком*», то с «*кличущим*» лебедем; поэту в нем будет мниться то «*плёсо*» (вторые врата), то «*восковое дупло*» (соборная клеть), — точно так же, как «*кувшинкой со дна Светлояра*» предстанет перед ним в Царском Селе Феодоровский собор. Наконец, выступает клюевская метафора средством перехода сущности храма в духовную сущность человека:

Церковное место на» диво красно:
На утро — алтарь, а на полдень — окно.
На запад врата, *чтобы люди из мглы,*
Испив купины, уходили светлы.

Глубоко духовен поэтому и внутренний мир проживающей в «*милом Поморье*», вблизи этой «*церкви-чуда*» скитской девушки, «*бесстрашной внучки Аввакума*» Параши. В ее судьбе пересеклись между собой четыре брака: мистический брак с иконным образом византийского святого Феодора Стратилата, ради встречи с которым она даже пускается в побег из дома, чтобы достичь «*лазоревого Царьграда*», номинальный (как обручение с умирающим женихом) брак с молодым таежным охотником Федей в момент его гибели, язычески-мифологический брак с медведем, в берлогу к которому она попадает во время плутания в лесу на пути в «Царьград», и, наконец, «реальный» — с пожилым поморским рыбаком Клюевым (каковым настоящий отец поэта, разумеется, не был). Всеми четырьмя образами предопределяется и роковая сыновняя ориентация Николеньки в его творческом, вещем даре последнего поэта России. Особенно это относится к Феодору Стратилату (духовность, идущая от византийских заветов) и к медведю, «*отцовство*» которого поэт подчеркивает неоднократно — как выражение корневой, родовой связи с неиссякаемыми, восстанавливающими человеческую мощь силами природы, земли. Именно в связи с этим изображал он собственный облик «*с медвежьим солнцем в зрачках*» (Четвертый Рим) и называл себя *послом* «*от медведя*» (Гагарья судьбина).

Кроме того, «нападение медведя на Парашу,— как пишет новейший исследователь,— символизирует ее брак с тотемным животным», чем именно и обусловливается «редкий пророческий дар сына» [52].

Гармоничен мир Второй части «Песни», повествующей о физическом возрастании и духовном созревании Николеньки в лоне родного поморского старообрядчества («*Скитов и келий самоцвет*»), сначала под доброй, семейной опекой «*маменьки*», а затем в скиту у старца схимонаха Савватия. Но вместе с тем, уже с самого начала поэмы начинает звучать, постепенно нарастая, трагическая тема обреченности и гибели, кажущейся поначалу такой незыблемой, внеисторической *Святой Руси.* Поэт принципиально это подчеркивает вторым вариантом названия поэмы — «*Последняя Русь*». Довольно часто повествование в ней прерывается, казалось бы, неожиданным, но вполне соответствующим этому названию предсказанием, как, например, при описании строительства Покровской церкви, когда для нее еще только рубились и обделывались сосны: «*Руда ваших ран, малый паз и сучец / Увидят Руси осиянный конец*». Далее упоминается о «заклеванном» гурьбой галок «слепом» зайчонке детства, «о «*стадах ночных нетопырей*», везущих «*среди безглазой тьмы болот*» «*кибитку нашу*», в которую вдруг превращается мирный возок отправившейся погостить к своей подруге героини поэмы, о погасающих «*самоцветах*» Руси, об издохшем в «*октябрьскую метель*» «*волшебном журавле*», о пришельце в «*красном саване*», об отлетающих «*от нив и человечьих гнезд*» херувимах. Исполненное добра и благоговения отношение русского человека к миру, заставляющее его даже при рубке леса сначала осенять себя, топоры и сами деревья крестным знаменьем, заменяется теперь на прямо противоположное: «*Безбожие свиной хребет / О звезды утренние чешет...*»

Как будто от самой себя
Сбежала нянюшка-земля,
И одичалое дитя,

[52] *Маркова Е.* Мать-Троица в поэзии Николая Клюева // Красное знамя (Вытегра). 1993, 16 ноября.

Отрóстив зубы, волчий хвост,
Вцепилось в облачный помост
И хрипло лает на созвездья!..

Метафоризация природы осуществляется теперь уже, увы, не под знаком отображения в искусстве божественного бытия, а под знаком гибели: заря уже не просвечивается в иконе или в храме, она — *«штопает» саван.*

Третья часть поэмы (Третье гнездо) — это уже полный Апокалипсис исторической России — с характернейшими чертами Мировой войны, затем революционной смуты и большевистского режима. На смену оставшимся в двух предшествующих частях полумистическим и вымышленным героям выступают здесь три героя достоверных, наиболее по мысли автора, полно выражающих разные стороны трагической эпохи. Это Николай II, чья монархическая звезда, истекая «*терновой кровью*», окончательно и безвозвратно иссякает теперь для России и чей образ поэт впервые изображает с участием и теплотой: «*С недоуменною улыбкой, / Простой, по-юношески гибкий, / Пошел обратно государь / В вечерний палевый янтарь*». Это также Распутин — как выражение роковой и темной, исполненной самоистребления силы России. Это, наконец, и неотступный, мучительный для Клюева образ погибшего Есенина. Он предстает здесь прежде всего любовным другом главного героя поэмы: «*Круг нецелованных невест / Смыкал, как слезка, перстенек, / Из стран рязанских паренек*». Его облик, как и в прежних клюевских стихах о нем, наделяется чертами родной природы и национального поэтического гения: «*Ему на кудри меда ковш / Пролили ветлы, хаты, рожь, / И стаей в коноплю синицы, / Слетелись сказки за ресницы*». Герой поэмы (автор) посвящает его в мир своих сокровенных переживаний, на что тот отвечает полной взаимностью («*Он, как подсолнечник в июле, / Тянулся в жаркую любовь...*») и с признательностью сопровождает разговор с ним высоким обращением «*учитель светлый*»,— в ответ на это главный герой называет его «*богоданным вещим братцем*». Между ними происходят «*радельные*» братчины, после которых они осознают себя «*четой*».

Что же касается Есенина как поэта, то здесь лишь мельком упоминаются его «*уста-соловка*» и развернуто трансформируется его образ «кобыльих кораблей» в образ лодки — «кобылы». Наделяется он и предчувствием печальной участи стать жертвой города — кабацкого вертепа: *Ах, возвратиться б на Оку, / В землянку к деду рыбаку, / Не то здесь душу водкой мучить / Меня писатели научат!*»

В ответ на эти тревоги младшего «братца» старший высказывается о непоколебимой верности своим жизненным и духовным истокам: *избе* и «*рублевской купине*».

На этот душеспасительный разговор стремительно наплывает, заслоняя собой все, страшная картина гибели Распутина, поглощающая и только что обозначившуюся тему двух героев, их «романа». Но это и не удивительно: распутинский конец, как символ гибели исторической, крестьянско-монархической России, падающей в бездну под тяжестью каких-то собственных внутренних грехов, изображается в «Песни» еще только как прелюдия к более полному и коренному ее сокрушению под ударами новой утверждающейся безбожной власти:

Со стоном обломилась льдина...
Всю ночь пуховая перина
Нас убаюкать не могла.
Меж тем из адского котла,
Где варятся грехи людские,
Клубились тучи грозовые.

В этом мире всеобщей разрухи, которым стремительно овладевает холод и в котором распадаются живые человеческие связи, не получает дальнейшего развития только что завязавшийся роман. Образ Есенина исчезает, и от всей недавней близости остается только обращенный в пустоту призыв: «*Идем, погреемся, дружок*! / *Так холодно в людском жилье*/ *На Богом проклятой земле*!..»

К концу поэмы стремительно нарастает тема теперь уже не «распутинского», а «большевистского» Апокалипсиса. В нынешней России, вернее, в том, что от нее осталось, где ненависти коммунистов подвержены «молитва», «милостыня», «ласка», «сказка» и «песня», герой поэмы еще раз (последний) обращается к уже погибшему другу (не называя, впрочем, его, как и

прежде, по имени) с мыслью только о посмертном сближении с ним за пределами враждебного им обоим мира и прощении за былую «измену»:

Бежим, бежим, посмертный друг,
От черных и от красных вьюг,
На четверговый огонек,
Через предательства поток...

Проходит через всю «Песнь о великой матери» и не вполне ясный (возможно, в силу его символической неоднозначности) образ некоего «сына», по отношению к которому звучит пророчество о предательстве им России, проклятие с отрешением его от «*приюта милого*» (как «*зачумленного волка без стаи*») и обвинение в попустительстве тому, что окно «*над гробом матери родной*» заполыхало теперь «*комсомолкой, / Кумачным смехом и махрой*». Не исключено, что в этом образе выступает и сам герой поэмы, получивший некогда от матери наказ черпать «*горсткой золотой*» «*мир Божьего сиянья*» и принуждаемый теперь совестью к признанию в совершении чего-то недостойного: «*Слезами отмываюсь я, / И не сковать по мне гвоздя, / Чтобы повесить стыд на двери!..*» Однако вместе с образом сына-злодея, сына-предателя упоминаются в поэме также и некие «*матереубийцы*», что дает повод к его более расширительному истолкованию: виновен в допущении глумления над матерью-Россией не только ее поэт, позволивший себе на какой-то момент увлечься чуждыми и враждебными идеями, но и сам поддавшийся им народ.

По определению первого исследователя и публикатора «Песни о великой матери», «современный Апокалипсис и грядущее преображение, воскресение России — эти темы пронизывают всю поэму. «Песнь» не просто поэтическая мечта, утопия. Клюев родился, чтобы подать нам *пророческую весть о глубинной, сокровенной судьбе Родины. Русь — Китеж. Град видимый падет, чтобы в муках поднялся Град Невидимый, чаемый, заветный* <...>

Жанр поэмы— лирический эпос, сказание, в ней Клюев предстает как *единственный в русской, да и во всей миро-*

вой поэзии мифотворец двадцатого века. Миф, эпос. Не старое или новое — вечное. Это книга народной судьбы...»[53]

Только поэмы «Плач о Сергее Есенине», «Деревня» и «Заозерье» из клюевского трагического эпоса были опубликованы при жизни поэта, все же остальное из него, подобно «Песни о великой матери» или «Погорельщине», увидело свет на его родине лишь более чем через полсотни лет.

* * *

В 1928 г. выходит последний сборник стихотворений Клюева «Изба и поле», всецело составленный из ранее напечатанного. Однако в следующие пять лет — период наиболее интенсивного и даже как бы «отчаянного» творчества — им, кроме трагического эпоса *«отлетающей» России*, создается значительный пласт лирики, объединенный именем Анатолия Яр-Кравченко — героя его последнего лирического романа. Через всю клюевскую поэзию проходит тема поисков и обретения (а также и потери) родственной души, близкого человека в чуждом и враждебном мире. Но это, конечно же, не только лирическая тема, а и лейтмотив биографии поэта, выразившийся в продолжительной переписке с Блоком, в общении с Есениным. Стихи второй книги «Песнослова», сборника «Львиный хлеб», поэмы «Четвертый Рим» погружают в мир драматических коллизий, возникших на почве сложных взаимоотношений с ним, итог которых подводился в поэмах «Плач о Сергее Есенине» и «Песнь о великой матери». С 1928 г. героем почти всех лирических посланий Клюева становится приехавший из-под Киева (дачный поселок Святошино) в Ленинград поступать в Академию художеств Анатолий Кравченко.

Их тесное общение продолжалось более пяти лет, до ареста Клюева. Для него Анатолий стал жизненным эликсиром в самый мрачный период существования на свободе. Это он подчеркивает в своих посвященных ему инскриптах: «Анатолию Яр-Кравченко — *его прекрасной юности, в год моей последней любви и последних песен — 1929-й. Николай*

[53] *Шенталинский В.* [Предисловие к поэме] // Знамя. 1991. № 11. С. 4.

Клюев» (на их совместной фотографии); «*Сладчайшему брату Анатолию Кравченко стихи мои — цветы с луга Пантелеймона во искупление печали душевной — на радость и торжество светлой любви моей...*» (на книге «Изба и поле»).

Но что инскрипты,— к Анатолию Яр-Кравченко он обращается со стихотворениями, циклами, в которых тот выступает не только адресатом посвящений, но и героем. Так создается оставшаяся неизданной книга философско-любовной лирики «О чем шумят седые кедры» (1929—1932), а также целый ряд других стихотворений на эту тему.

Каким предстает здесь Анатолий? Сближая героя с собой, поэт подчас даже готов воспринять его как собрата по трагической судьбе, например, в обращенном к нему стихотворении «Вспоминаю тебя и не помню...» (1929, в книгу «О чем шумят седые кедры» не входит):

И теперь, когда головы наши
Подарила судьба палачу,
Перед страшной кровавою чашей
Я сладимую теплю свечу.

Но и наоборот, он же в иные моменты видится ему представителем племени «победителей» — «*товарищем, вскормленным звездой / Пятиочитой и пурпурной*» («Сегодня звонкие капели...», 1932). Однако не этим дорог Клюеву Анатолий, о чем свидетельствуют откровенные строки: «*Мне революция не мать, / Когда б тебя не вспоминать!*» («Мне революция не мать...», 1932). Дорог же он ему как раз не историческим (тем более не политическим) оптимизмом, а оптимизмом его человеческих ценностей, природных сил. С образом Анатолия в поэзии Клюева неизменно связывается представление о свежести и обновлении чувств: «*Ты был как росный ветерок...*» («Зимы не помнят воробьи...», 1932); *Пью весеннее имя, / Словно борозды ливень...*» («Приласкать бы собаку...», 1932).

Однако только этим жизнеутверждающим началом образ Анатолия в поэзии Клюева не исчерпывается. С ним сопряжен также и момент драматический. Как бы ни был поэт упоен счастьем такой взаимности, тревога за ее дальнейшую

судьбу, сомненье в ее прочности дают о себе знать: «*Не потому ли над бумагой / Звенит издевкой карандаш, / Что бледность юности не пара...*» («По жизни радуйтесь со мной...», 1932 или 1933), «*Мое дитя, в дупле рысенок, / Я лысый пень, а ты — ребенок...*» («По восемнадцатой весне...», 1932), «*Как страшно черные грехи / Нести к порогу дружбы юной!*» («У пихты волосата лапа...», 1932). Сомнения, как и следовало ожидать, оправдываются, и поначалу однозначный образ Анатолия дополняется новой характеристикой, более сложным комплексом эпитетов: «*Есть жернов смерти тяжелей — / Твое предательство,— злодей, / Лукавый раб, жених, владыка!*» («Не верю, что читать без слез...», 1933). Неслучайно в своем герое поэт подмечает одновременно «*лед и яхонт любимых зрачков...*» («Вспоминаю тебя и не помню...»).

Таков круг восприятий Клюевым Анатолия Яр-Кравченко. Но не менее существенно учесть и отношения с другой стороны. Признательность младшего к старшему за то, что он ввел его в мир художественной элиты, стоит здесь, несомненно, на первом месте. «Меня знакомит с художниками, скульпторами, артистами. И говорит: "Уж меня слушайся, я Сереженьке так же говорил..."»,— сообщает он о Клюеве родителям в письме 14 декабря 1928 г. Здесь же добавляет: «Устроился к профессору Савинскому, учителю Савинова. Это еще лучше и популярнее. Мне помогал Клюев через художников и скульптора Дитриха. В эту студию насилу попал, берут только самые сливки».

Клюев становится для Анатолия высочайшим духовным авторитетом. Это проскальзывает и в его письмах к родителям: «Художник идет таинственными путями, говорит Клюев, и он прав» (12 февраля 1930 г.). В письме же к самому Клюеву он обращается с просьбой о духовной поддержке: «Успокой мое сердце. Наполни его радостью. Это в твоей власти»[54] (22 августа 1929 г.).

Разлуке друзей по причине ареста и ссылки старшего чуть ранее предшествует их некоторый отход друг от друга, носящий

---

[54] См.: *Михайлов А.* Лед и яхонт любимых зрачков // Север. 1993. № 10. С. 134, 135.

характер любовной «измены». Анатолий женится. По поводу их размолвки Клюев ему пишет: «Кланяюсь тебе и посылаю свое благословение, извини, что задержал прилагаемые стихи <...> Кольцо твое получено и висит на кухне на гвоздике над полкой верхней. Я тронут доверием Зинаиды (жена Анатолия. — *А. М.*) ко мне,— еще не остывшему, по ее словам, негодяю! Кланяюсь ей и мысленно преподношу самую белую розу <...>

Как твои карие яхонты? Померкли для меня — твоего придворного поэта — навсегда?.. Целую тебя в них, пусть они поплачут о моей и твоей судьбе! Знать это — утешительно» [55].

Отход Яр-Кравченко от Клюева не стал, однако, причиной их внутреннего человеческого разрыва. Не произошло отречения и Анатолия от осужденного Клюева. Написанные им письма к опальному поэту нам неизвестны, но о его отношении к нему в эти годы с полной определенностью свидетельствуют следующие признания в письмах к родителям: «Н<иколаю> А<лексеевичу> не пишу по некоторым соображениям. Очень занят. Напишите ему самые лучшие и дорогие слова. *Он благословил мой жизненный путь великим светом красоты и прекрасного. Имя его самое высокое для меня»* (18 февраля 1935 г.) А вот исполненное особой признательности письмо 5 мая того же года с Кавказа: «Я среди этих каменных гор и этого гордого молчания природы *много думаю о дедушке, который прошел через всю <мою> жизнь, показал мне диковинную птицу и ушел. А я стою зачарованный, стою, боюсь дышать, чтоб не отпугнуть паву. Но она неудержима, обнимает протянутые к ней руки и расправляет крылья, чтобы улететь. Я плачу»* [56].

* * *

На пути к Голгофе Клюев уже не делает ни малейших уступок своим недругам во взглядах на Россию, крестьянство,

---

[55] Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1990 год. СПб., 1993. С. 168, 169.

[56] *Михайлов А.* Пути развития новокрестьянской поэзии. Л., 1990. С. 240.

религию и поэзию. На «социальный заказ» большевиков воспеть их режим он ответил убийственными строками:

Рогатых хозяев жизни
Хрипом ночных ветров
Приказано златоризней
Одеть в жемчуга стихов.
Ну что же: не будет голым
Тот, кого проклял Бог...

(*Нерушимая Стена, 1928*).

И совсем нетрудно распознать у него в «Погорельщине» под видом исторически-давних, легендарных врагов Руси половцев и сарацин нынешних разрушителей ее духовности и красоты — богоборцев-большевиков. Он не только яростно защищает собственного «*берестяного Сирина*», но и в страстной инвективе «Клеветникам искусства» (1932) берет под защиту наиболее преследуемых ими С. Клычкова, С. Есенина, А. Ахматову, П. Васильева. Создается им и уже открыто направленный против злодеяний коммунистов цикл стихотворений «Разруха» (1934), начинающийся со строк, предсказывающих то, что нынешний русский человек осознает как свою трагическую реальность, Апокалипсис России XX века. Это *«мертвая тина» Арала, мелеющая «синяя» Волга, уничтоженные заповедные леса, обесплодившие нивы, исчезающие от злой пагубы птицы («Нас окликают журавли / Прилетной тягою впоследки...»)*. И даже уж и вовсе поразительные слова о России за гранью предстоящих шестидесяти лет содержатся в этом цикле:

Ей вести черные, скакун из Карабаха.

Оброненная поэтом в начале 30-х годов едва ли не случайно, эта строка обернулась ныне самой жестокой реальностью. Не случайно первое стихотворение цикла называется «Песня Гамаюна» — вещей птицы, предрекающей далёко на будущее. Но главное в «Разрухе» — страшная картина народного страдания: голод, массовая гибель вывезенных на вологодчину раскулаченных украинцев, рытье печально знаменитого канала:

То беломорский смерть-канал,
Его Акимушка копал,
С Ветлуги Пров да тетка Фёкла,
Великороссия промокла
Под красным ливнем до костей
И слезы скрыла от людей,
От глаз чужих в глухие топи...

Сам поэт проходит в виде странника по своей разоренной земле, где ему в лесных прогалах «*брезжил саван красный, / Кочевья леших и чертей*» Таким убийственным переосмыслением оборачиваются здесь верноподданнические слова В. Маяковского о советском «краснофлагом строе», воспетом им и другими поэтами большевистского режима.

Во всех этих произведениях, исполненных боли за происходящее в России, голос поэта звучит твердо и безбоязненно.

И все же тревога за жизнь, предчувствие неизбежной гибели давали о себе знать. Оттесненные в глубь сознания, они прорывались в его снах (записанных близкими людьми). Это же, впрочем, находило выражение и в лирике: «*Товарищи, не убивайте, Я — поэт!.. Серафим!.. Заря!..*» — вырвалось у него еще в стихотворении 1919 г.; «Проснуться с перерезанной веной...» Однако, в отличие от лирики, в снах переживания этого рода не только раскрываются в потрясающих видениях, но и сопровождаются целым рядом поразительных откровений касательно как судьбы поэта, так и его родины. Большинству из них сопутствует мотив опасного места. В сне на 21 ноября 1922 г. герой идет вдоль каких-то торговых рядов с ларьками «по бурой грязи в песьем воздухе», мучительно надеясь на встречу с человеком, который помог бы ему «из этого проклятого места выбраться». На 30 июля 1923 г. поэту снится, будто он топит печь в новой избе: «Только печное пламя стеной из устья пошло, не поизбяному, а *угрюмо и судно*... Выскочил я в сени — *пожар в сенях*; я в сарай — там *треск огненный*. Выбежал я на деревню,— *избы дымом давятся*...» Часто видит он кровь. В ларьках упомянутого выше сна на Михайлов день 1922 г. ведется торговля подержанной одеждой: связками до самого потолка лежат «штаны, пиджаки, бекеши, пальто, чуйки... И все *до испода кровью промочены*». И торгуют всем этим люди

с собачьими глазами. Про себя же герой знает, что вовсе и «не люди это». Да и бурая грязь у него под ногами не от чего иного, как *от крови*.

И неизменным через почти все сны проходит мотив бегства с целью спасения от преследователей — убийц и палачей. Во сне на 10 июля 1923 г. герой, спасаясь, прячется, в то время как его другу одетые в военное, безликие «казенные люди — убийцы» «жиганским ножом прокололи... грудь»: «*И за ящиком я спрятался, свое остервенелое сердце ужасом да отместкой утешаю...*»

В награду за этот страх и муки дается герою клюевских снов пережить на какой-то момент радость спасения. При этом важнее всего для него не столько осознание спасенности, сколько само спасительное место. Прежде всего это, разумеется, все, связанное с *православными святынями, Святой Русью*. Так, спасительным сигналом прорывается она к герою сна с «ларьками» и ворохом окровавленной одежды: «Вдруг где-то далеко, далеко в *далях святорусских ударил колокол*. До трех раз ударил. Заметались, засуетились по всем рядам собачьи рожи. А я перекрестился и говорю: "*Господи, Иисусе Христе, спаси меня грешного*!..". Тут я и проснулся».

Вместе с тем мир спасения в снах Клюева не обязательно Россия, воспринимаемая им теперь уже скорее как застенок, в котором только и можно что сделать — это послать из него в запредельный мир весть о своей обреченности и предстоящей гибели. Так делает Клюев, при встрече в 1929 г. с Этторе Ло Гатто, написав на развороте подаренного ему «Песнослова» в качестве своеобразного послания в Италию (как родину первых христианских мучеников) о том, что «*заросли русские поля плакун-травой невылазной*», что «*кровью течет Матерь-Волга*». В снах этот трагический мотив получает как бы свое «спасительное» развитие: «...вновь и опять видел *небо величавое и колыбельную землю сладимую* <...> Понизь-равнина <...> и воздухи тихие, благорастворимые <...> И будто *земля сновидная — Египет есмь*. Сфинксы по омежным сухменям на солнце хрустальном вымя каменное греют. *Прохладно и вольно мне, глотаю я воздух дорогой, заповедный* <...> Далеко, далеко за морем пушки ухают: это

будто в Питере неспокойно...» Затем неожиданно появляется «ищейка подворотная» с бумагой, по которой героя должны арестовать и судить «за политику».— «Ну, думаю, с меня теперь взятки гладки: *в Египте я, в земле древней, неприкосновенной*!..

Проснулся обрадованный» (январь 1923 г.).

Спасительным прибежищем предстает также в клюевских снах и мир всегда воспеваемой им дремучей, девственной природы, самим существованием которой как бы уже нейтрализуется проявление и власть злых сил. И конечно же, спасительным у Клюева-певца «*избяного космоса*», «*берестяного рая*» оказывается мир крестьянской избы, крестьянского подворья, куда попадает, например, затравленный герой сна в ночь на 10 июля 1923 г.: «Гляжу — *хлев передо мной коровий*, навозом и соломой от него несет. Вошел я в хлев, *темень меня облапила, удойная добрая мгла*».

Однако ни Египет, ни православные святыни, ни «удойная добрая мгла» хлева не становятся окончательно-спасительным прибежищем преследуемого героя клюевских снов. В итоге чаще всего его ждет гибель. «*Взят я под стражу... В тюрьме сижу... безвыходно мне и отчаянно* <...> *Завтра казнь*» (23 февраля 1923 г.) И казнь эта свершается. Из сна в сон героя расстреливают, режут, закалывают, душат, сбрасывают в пропасть. В сне на 24 июня 1923 г. его приводят к месту казни: «Солдатишко-язва, этапная пустолайка, меня *выстрелом кончать будет*. Заплакал я, жалко мне того, что весточки миру о страстях своих послать нельзя, что любовь моя не изжита, что поцелуев у меня кошель непочатый... А солдатишко *целится в меня, дуло в лик наставляет*...»

Но что значит для поэта-мистика смерть, уничтожающая всего лишь внешнюю, физическую оболочку. «*Не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить*» — эти слова Христа (Евангелие от Матфея, X, 28) служили Клюеву ориентиром как в творчестве, так и в жизненном поведении. Их осуществлением завершается и этот сон о расстреле: «Как оком моргнуть, рухнула крыша — череп <...> Порвал я на себе цепи и скоком-полетом *полетел в луговую ясность, в Божий белый свет*... Вижу озеро передо мной, как серебря-

ная купель; *солнце льняное непорочное себя в озере крестит...*» Подобным же образом завершается трагический сон на 24 марта 1924г.: «*...лебяжьим летом лечу над великим озером*. Тихи и безбрежны воды озера, вечная заря над ним, о которой *поется «Свете тихий» по церквам русским*»[57].

Итак, природа, православие, родной крестьянский дом — предстают у Клюева как вечные, неотъемлемые от поэта и в смерти ценности. Их свет брезжит ему и за чертой земного бытия.

* * *

К началу 1930-х гг. положение поэта резко ухудшается. В разгар коллективизации, то бишь оголтелой кампании раскрестьянивания, «*уничтожения кулака как класса*», представителями ВОКП (Всероссийского общества крестьянских писателей), неслучайно превратившегося вскоре в РОПКП (Российскую организацию пролетарско-колхозных писателей), с величайшей готовностью осознавшими себя в этой исторической ситуации боевым «штабом социалистического наступления» он (вместе с С. Клычковым) избирается самой прицельной мишенью в массированном ударе по «*классовому врагу*». Уже на проходившем в июне 1929 г. I съезде этого исключительно политизированного объединения под видом выяснения, кто из пишущих о деревне подлинный «*крестьянский*» писатель (то есть становящийся на «пролетарские рельсы»), а кто «*буржуазно-кулацкий*», *враг*, частое упоминание Клюева не сулило ничего доброго, особенно в выступлениях, подчеркивающих опасность его влияния на молодежь. «Как студент ленинградского университета я должен констатировать, что в гуманитарные вузы Москвы и Ленинграда очень много поступает *крестьянской молодежи*, много и *кулацкой молодежи*, которая какими-то путями *втирается* в гуманитарные вузы. И вот она приходит в город с длинными волосами, приходит с *Клюевым*, *Есениным* и начинает там обрабаты-

---

[57] Новый журнал (С.-Петербург). 1991. № 4. С. 9, 16—17, 9, 15, 10, 12—13, 15, 13, 15, 18.

ваться. Марксистская критика наша очень слаба, и эта молодежь *идет по чужой нам идеологической дорожке* <...> и смотришь, через три-четыре года даровитые парни становятся *идеологически враждебны нам*. И в силу того, что они усвоили культурный материал, они являются для нас *весьма опасными*» (И. Никитин)[58]. О поэзии Клюева как символе враждебной патриархальной России напоминает в стихотворении «Старина» (1930), напечатанном в «боевом» журнале ленинградского «штаба социалистического наступления» «Перелом», Л. Мелковская («Живет старина в куполах без крестов / Да в *клюевском шепоте темных стихов*»[59]), не скрывавшая, впрочем, и воздействия опасных чар Клюева на свое эпигонское агитационное (за колхозы и на борьбу против «врагов») стихотворчество (как и на подобную же «продукцию» соратников по борьбе): «Все мы знаем, насколько это трудно (учиться у Клюева и Есенина их уменью «подавать образы» и не заражаться их «пагубным влиянием».— *А. М.*) и сколько наших товарищей *погибло* на этом пути, уйдя в совершенно *невылазную клюевщину*»[60]. Еще дальше в преследовании Клюева со стороны «штаба» ВОКП, успешно переходящего на рельсы РОПКП, пошел один из лидеров этой организации беллетрист Н. Брыкин в повести «Стальной Мамай» (1931, журн. вариант), в которой обращение к стихам поэта носит вполне доносительный характер. Их здесь то и дело с глубоким внутренним удовлетворением цитирует в своем дневнике скрывающийся под личиной колхозного счетовода «вредитель», бывший белогвардейский полковник. В них он находит для себя явное духовное подспорье — в намеке поэта на способность русского мужика «смести... бородою» любой «татарский ясак» (понимай «социализм»), в его нетерпении «убежать в глухие овраги» от шума и грохота наступающей на деревню коллективизации. Журналу, напечатавшему стихи поэта (имеется в виду ленинградский журнал «Звезда», опубликовавший в 1927 г.

---

[58] Пути развития крестьянской литературы. Стенограммы и материалы первого всероссийского съезда крестьянских писателей. М.; Л., 1930. С. 129–130.

[59] Перелом. 1930. № 11–12. С. 18.

[60] См.: Пути развития крестьянской литературы. С. 148.

крамольную поэму Клюева «Деревня») словами врага давалась в повести характеристика: «Перелистываю ежемесячник. И стараюсь внушить себе, что у меня в руках находится не большевистский журнал, а *изъеденное временем, закопченное в пороховом дыму, не раз простреленное полковое знамя*»[61].

Знаменательно, что все трое вышеприведенных представителей вездесущего ВОКП, оценивавших поэзию Клюева как глубоко чуждую и враждебную, являлись членами одного и того же его территориального отделения — ленинградского. В Ленинграде проживал в это же время и поэт. Там в 1930 г. он был исключен из писательского союза. Несомненно, именно этим массированным преследованием объясняется его переезд в 1932 г. в Москву, который, надо полагать, и обеспечил ему возможность продержаться еще около двух лет.

О конкретных обстоятельствах ареста Клюева известно на сегодня только из одного источника — из воспоминаний И. М. Гронского, (в начале 1930-х гг. председателя Оргкомитета Союза советских писателей, ответственного редактора «Известий» и главного редактора журнала «Новый мир»; ему же принадлежит и авторство термина «социалистический реализм»). По его словам, он пытался все больше и больше переходящего «*на антисоветские позиции*» Клюева удержать в пределах идейно выдержанной литературы и даже ходатайствовал о выдаче ему единовременного пособия. Уехавший по его получении из Москвы на лето (речь, вероятно, идет о 1933 г.) в деревню, Клюев прислал оттуда редактору правительственной газеты отнюдь не стихи, которые могли бы стать благодарным «ответом» на предоставленный ему властями аванс, а некую возмутившую того «поэму», поскольку она представляла собой «*любовный гимн*», предметом коего являлась не «*девушка*», а «*мальчик*» (скорее всего, это были стихи, посвященные Анатолию Яр-Кравченко).

По возвращении Клюева в Москву между ним и Гронским произошел по этому поводу разговор, в результате которого поэт будто бы наотрез отказался писать «*нормальные*» стихи, пока не будет-де напечатана присланная им «поэма». Это

---

[61] *Брыкин Н.* Стальной Мамай. Л., 1934. С. 81.

было расценено партийным сановником как откровенный саботаж, и чаша его терпения переполнилась: «Я долго уговаривал Н. Клюева, но ничего не вышло. Мы расстались. Я позвонил Ягоде и попросил убрать Н. А. Клюева из Москвы в 24 часа. Он меня спросил: "Арестовать?" — "Нет, просто выслать из Москвы". После этого я информировал И. В. Сталина о своем распоряжении, и он его санкционировал».

В этом объяснении все выглядит не так уж зловеще-криминально: речь идет всего лишь о высылке поэта из Москвы (с утаиванием, правда, «куда»). На самом же деле мысль Гронского о Клюеве как *опасном враге*, оказывающем *вредное влияние* на общество, особенно на творческую молодежь, все время прорывается в его воспоминаниях, где над поэтом прямо-таки тяготеет печать сократовских «преступлений»: «Н. А. Клюев усиленно *тащил молодых поэтов вправо*. Чем же объяснить, что молодежь тянулась к нему? Почему мы должны были воевать за молодых поэтов?.. Клюев был большим мастером стиха, и у него было чему поучиться, и он умел учить <...> Н. А. Клюев *пытался увести от Советской власти поэтическую молодежь, и как можно дальше...*»[62]

Арестованный 2 февраля 1934 г. по обвинению в антисоветской агитации («составлении и распространении *контрреволюционных литературных произведений*» — так сформулировано в обвинительном заключении), на допросах Клюев не скрывал своего решительно неприятия «политики компартии и советской власти, направленной к социалистическому переустройству страны», которое он рассматривал «как *насилие государства над народом, истекающим кровью и огненной болью*». Октябрьская революция, высказывается он, «*повергла страну в пучину страданий и бедствий и сделала ее самой несчастной в мире*». «Я считаю, что политика индустриализации *разрушает основу и красоту русской народной жизни*, причем *это разрушение сопровождается страданиями и гибелью миллионов русских людей...*»[63]

---

[62] *Гронский И.* О крестьянских писателях (Выступление в ЦГАЛИ 30 сентября 1959 г.) // Минувшее. Париж, 1989. Вып. 8. С. 148, 150, 151, 154.

[63] См.: Огонек. 1989. № 43. С. 10.

Сосланный поначалу в поселок Колпашево (Западная Сибирь), Клюев вскоре переводится в Томск, где в самом бедственном положении доживает до 1937 г.: «В Томске глубокая зима. Мороз под 40°. Я без валенок, и в базарные дни мне реже удается выходить *за милостыней*. Подают картошку, очень редко хлеб, деньгами от двух до трех рублей — в продолжение почти целого дня — от 6 утра до 4-х дня, когда базар разъезжается. Но это не каждое воскресенье, когда и бывает мой выход за пропитанием. Из поданного варю иногда похлебку, куда полагаю все: хлебные крошки, дикий чеснок, картошку, брюкву, даже немножко клеверного сена, если оно попадает в крестьянских возах. Пью кипяток с брусникой, но хлеба мало. Сахар — великая редкость. Впереди морозы до 60°, но мне страшно умереть на улице. Ах, если бы в тепле у печки! Где мое сердце, где мои песни?!» (из письма В. Н. Горбачевой конца 1934 г.)[64]. С весны 1937 г. связь с ним теряется, уступая место версиям и легендам о его конце. И только в 1989 г. из ставших доступными материалов томского НКВД становится известна правда о гибели «*особоучетника*» ссыльного Клюева. 23 марта 1936 г. его арестовывают как «участника церковной крестьянской группировки». Однако менее чем через четыре месяца выпускают по состоянию здоровья. В это время он уже крайне болен: паралич левой половины тела, порок сердца в тяжелой форме. Целый год поэта не беспокоили. Он «только должен был дважды в месяц с удостоверением личности (№ 4275) ходить отмечаться в горотдел НКВД. Наступило лето 1937 г. с его усилением репрессий, и тут о Клюеве вспомнили. 5 июня его арестовывают как активного, «близко стоящего к руководству» участника управляемой из-за границы «монархо-кадетской» повстанческой организации «Союз спасения России» (никогда не существовавшей). Виновным себя Клюев не признал, отказался назвать и своих «сообщников» (попросту, оклеветать знакомых ему людей). 13 октября тройкой НКВД Новосибиркой области он был приговорен к «*высшей мере социальной защиты*» и расстрелян, как обозначено в справке о приведе-

[64] Новый мир. 1988. № 8. С. 180.

нии приговора в исполнение, 23—25 октября: этот странный учет (целых 3 дня!) произведен не по индивидуальному приведению приговора в исполнение, а по времени заполнения (открытию и закрытию) ямы массового расстрела. В 1960 г. поэт был реабилитирован за отсутствием *события* преступления.

Последним из известных произведений Клюева является посланное с письмом к Анатолию Яр-Кравченко (25 марта 1937 г.) стихотворение «Есть две страны: одна — Больница...» В нем, как и в большинстве снов поэта,— обстоятельно переданное ощущение собственной гибели. Но как и эти сны, оно завершается беззаветной верой в то, что егого и погибшего — «*как розаны в сосуде, / Блюдет Христос на Оный День*!» — верой в свое воскресение для России, которая и сама в творчестве Клюева никогда не угасала.

* * *

В поэзии Клюева и идущих вслед за ним других новокрестьянских поэтов мощно забил родник живой народной речи, чего еще не наблюдалось в общем словесно-сглаженном потоке отечественного стихотворчества конца XIX — начала XX веков и по поводу чего И. Анненский писал: «Благодаря официальному городскому характеру нашей словесности и железной централизации книжная речь мало-помалу лишалась *животворного влияния местных элементов* и вообще *слов чисто народных...*»[65] Несколько позже другой современник сетовал на то, что «в русском так называемом интеллигентском сознании, которое лежит в области мышления дискурсивного, разорванного <...> образ считается чем-то чуждым», что русская интеллигенция «*оторвана от народа, мыслящего образами*», в то время как «*народные образы — художество, музыка, литература — великолепны*»[66].

В поэзии Клюева — как поэзии, конгениально народу «мыслящей образами»,— и восстанавливалась эта порванная с

---

[65] *Анненский И.* Книга отражений. СПб., 1906. С. 172, 173.

[66] *Рерих Н.* Возрождение // В его кн. «Избранное». М., 1979. С. 338—339.

началом европейского периода России (XVIII в.) внутри самой русской нации связь, связь интеллигентского сознания с народным. Основным ее материалом стало самобытное, живое крестьянское и самоцветно-архаическое (старопечатное) слово. Такого материала еще не знали традиционные «поэты из народа». «поэты-самоучки», стихи которых о русской природе, например, удручали своей книжной безликостью, чужим, заимствованным словарем: «Желтые туники сняли с плеч березки» (С. Фомин), «И с улыбкой нежной Феба / Наклоняется репейник» (Г. Деев-Хомяковский). Вместе с тем специфически крестьянские слова в стихах Клюева вовсе не производят впечатления некого застывшего этнографизма, поскольку пульсируют эмоционально-образной энергией и понятны в силу своей глубокой корневой прозрачности. Эти диалектизмы — поэтические, независимо от того, взяты ли они из речи деревенских старух или созданы по принципу «языкового расширения» самим поэтом: «*На потух* заря пошла...» («Просинь — море, туча — кит...», 1914), «Прыснул в глаза огонечек *малешенек*...» («Ноченька темная, жизнь подневольная...», 1914).

Поэзия Клюева сразу же была противопоставлена стихотворчеству книжных эрудитов и ремесленников. В своей посвященной преимущественно истолкованию клюевского образного мира статье «Жезл Аарона (О слове в поэзии)» А. Белый определял ее как недостижимый идеал для школы эстетов[67], где «искусственно варят метафоры и уснащают их

---

[67] Впрочем, в целом отношение А. Белого к поэзии Клюева, которым он восхищался как поэтом глубинных откровений, о чем и писал в «Жезле Аарона», было сложным. Недаром, по свидетельству Иванова-Разумника, он и радовался «Микуле» Клюева и вместе с тем так его по-интеллигентски боялся (См.: *Иванов-Разумник Р.* Три богатыря // Летопись Дома литераторов. 1922. № 3. С. 5). Так, в письме к Иванову-Разумнику 1929 г. Белый, возможно, уже не без примеси конъюнктурных соображений, делится довольно противоречивыми впечатлениями от новой поэзии Клюева. Его по-прежнему восхищает виртуозно владеющий словом тонкий художник и... отталкивает образно-чувственная изощренность: «Спасибо за отрывки из Клюева; вероятно, "Погорельщина" — вещь замечательная; читая отрывки, от некоторых приходил в раж восторга, такие строки как "Цветик мой дитячий" и "Может, им под тыном и пахнет жасмином от

солью искусственных звуков»[68]. В предисловии к первой книге стихов поэта «Сосен перезвон» В. Брюсов, оговорив, что у дебютанта еще «много стихов шероховатых, неудачных», тут же обращал внимание на главное достоинство его поэзии: «Но у него *нет стихов мертвых*, каких так много у современных стихотворцев...»[69] «До сих пор ни критика, ни публика не знают, как относиться к Николаю Клюеву. Что он — экзотическая птица, странный гротеск, только крестьянин — по удивительной случайности пишущий безукоризненные стихи, или *провозвестник новой силы, народной культуры*?» — вопрошал Н. Гумилев по выходе второго сборника стихов Клюева «Братские песни», уже перед тем назвавший его «продолжателем традиции пушкинского периода» и увидевший в нем духовную силу, идущую «*на смену изжитой культуре*»[70].

Глубокая насыщенность клюевского слова-образа духовной и жизненной силой делает его настолько органичным, что оно вполне воспринимается как некий таинственно «живой» феномен. Неслучайно акт творчества отождествляется у Клюева с органическим процессом, с дыханием и трепетом живой плоти: «*Тетеревиные токи в дремучих строчках...*»

Саронских гор" напишет только очень большой поэт; вообще он махнул в силе: сильней Есенина! *Поэт, сочетавший народную старину с утончениями версифик<ационной> техники XX века, не может быть не большим*; стихи технически изумительны, зрительно — прекрасны; морально — "гадостны"; <...> Изумительное по образам, содержанию, ритму и технике стихотворение "Виноградье мое со калиною" воняет морально: от этих досок неотесанных, на которых "нагота, прикрытая косами", идет дух мне неприемлемого, больного, извращенного эротизма <...> от стихотв<орений> Клюева, прекрасных имагинативно и крупных художественно, разит смесью "трупа с цветущим жасмином"; я не падаю в обморок, потому что соблюдаю пафос дистанции между собой и миром поэзии Клюева. А во всем прочем согласен с Вами <...> поэзия его изумительна; только подальше от нее; и говоря "по-мужицки, по-дурацки", я скорей с Маяковским; люблю его отмеренною, простою любовью: "от сих до сих пор"» (См.: *Базанов В. Г.* С родного берега. О поэзии Николая Клюева. С. 213, 214).

[68] Скифы. Пг., 1917. Сб. I. С. 189.

[69] См.: *Клюев Н.* Сосен перезвон. М., 1912. С. 10.

[70] *Гумилев Н.* Письма о русской поэзии. М., 1990. С. 149, 136.

(«Маяковскому грезится гудок над Зимним...», 1919); «*Я знаю, родятся песни — / Телки у пегих лосих...*» («Я знаю, родятся песни...», 1920). И довольно часто он же уподобляется физическому процессу зачатия, плодоношения и рождения. Отсюда рискованность многих клюевских ассоциаций: «*Себастьяна, пронзенного стрелами, / Я баюкаю в удах и в памяти...*» («Не буду петь кооперацию...», 1926). Творчество — это мужское начало:

Любо ему вожделенную мать
Страсти когтями, как цаплю, терзать.
Девичью печень, кровавый послед
Клювом долбить, чтоб родился поэт.

(*Мать-Суббота, 1922*)

Если же стих не ассоциируется с живым существом, то уж непременно соотносится с царством цветения: творческая мечта поэта — *Чтоб пахнуло розой от страниц / И стихотворенье садом стало...*» («Чтоб пахнуло розой от страниц...», 1932). Те «*бездонные тайны жизни*»[71], которые, по словам В. Чивилихина, таятся в живом дереве и, можно сказать, во всей природе, как бы переходят в клюевские образы, аккумулируя в них целительное воздействие на душу человека.

«Целительный» феномен поэзии Клюева — это эстетическое воздействие ее чувственных образов, прежде всего цвета и света: «голубизна», «синева», «синь» и эмоционально близкий им «туман» (не городской). «*Синеют дымно перелески...*» («Любви начало было летом...», 1908); «Даль мутна, речка *призрачно-синя...*» («Косогоры, низины, болота..., 1911?); «Потемки дупел, *синь живая!...*» («Не в смерть, а в жизнь введи меня...», 1915); «Остались только взгорья, / Ковыль да *синь-туман...*» (Плачь о Сергее Есенине), «Эка зарь, и *голубень и просинь...*» (Вечер, 1927).

Примыкают у Клюева к этой «синеве» и «голубизне» почти не встречающиеся у других поэтов «крестьянской купницы» эпитеты драгоценных камней— преимущественно изум-

---

[71] *Чивилихин В.* По городам и весям. Путешествие в природу. М., 1976. С. 238.

руда и бирюзы, что не может не показаться поначалу странным, поскольку сама по себе цветовая концепция поэта ориентирована совершенно на иной, чуждый всякому культу роскоши идеал. Произведенная Клюевым и Есениным в области русского эпитета революция как раз и заключалась в замене «аристократического» эталона красоты — «*крестьянским*», на что в свое время обратил внимание исследователь: «Сравнить солому с ризой могли только Есенин и Клюев. Солома в своей естественной красоте не уступает фресковой живописи. Под солнцем она блестит и переливается, как золото. Ржаное золото дороже парчовой ризы» [72]. И, действительно, поразителен в «*избяной*», «*деревенской*» неисчерпаемости клюевский цветовой эпитет: «пестрядинная волна», «*щаное*», «*пшеничное*», «*сермяжное*» солнце. Особенно богаты подобными определениями обозначения частей суток: «*сенокосные зори*», «*житные сивые* зори», «*маковый закат*». Этой крестьянской и природной цветописью запечатлевается и облик человека: «губы *маковые*», «*желтее зимнего льна*» (волосы у крестьянских ребятишек), «*ячменная нагота*» Адама. «*Волос — зарь, малина — губы, / В цвет черемухи лицом*» (о героине «песни» «На припеке цветик алый...», 1913).

Но вместе с тем значительную роль в цветописи Клюева играют, как отмечалось выше, и эпитеты, образованные от драгоценных камней: «*Изумрудно заревая*, / Прояснился кругозор...» («Прохожу ночной деревней...— в первом варианте «Лесных былей», 1912); «И пленных небес *бирюза* / Томится в окне» («Ветхая ставней резьба..., 1910); «Все ведает сердце, и *глаз-изумруд* / В зеленые неводы ловит» («Древний новгородский ветер...», 1921); «Я не сталь, а *хвойный изумруд*, / Из березовой коры сосуд, / Налитый густой мужицкой кровью...» («Мы старее стали на пятнадцать...», 1932).

Объяснить это можно, разумеется, не пристрастием поэта к «аристократичности» самих «предметов», а лишь тою концентрированностью в них зеленого и голубого, в силу которой они

[72] *Базанов В.* Сергей Есенин (Поэзия и мифы) // Творческие взгляды советских писателей. Л., 1987. С. 113.

напоминают цвет живой природы. Изумруд, по определению Плиния, напоминает *«чистую зелень морских волн»*, а его «брат... восхитительный аквамарин», пишет Г. Смит, кажется попавшим «к нам прямо из *скрытой в глубинах теплого моря сокровищницы русалок»* и «обладает чарами, которые нельзя отрицать» и далее его описание у того же автора сопровождается такими «природными» эпитетами как «глубокий голубовато-зеленый цвет», *«разновидность цвета морской волны»*[73].

У Клюева зеленый, голубой и синий цвета драгоценных камней — еще и символ источника красоты и поэзии. В кратком предисловии к последнему сборнику стихов «Изба и поле» он поясняет: «Знак истинной поэзии — *бирюза.* Чем старее она, тем глубже ее *голубо-зеленые омуты*». Следует отметить, что образы «любимого цвета» и камня Клюев также (подобно образам снеди) включает в мозаику своего указанного выше «автопортрета» (из записей 1919 года), высказываясь, что первый — *«нежно-синий»*, а второй — *сапфир.* И опять же природное очарование, «восхитительная окраска» этого камня отмечается и в специальной литературе: это — *«великолепный чистый синий»*, *«глубокий васильковый цвет»* (Г. Смит). У Клюева он присутствует в образах *«василькового утра»* («В васильковое утро белее рубаха...», 1919), вплетенного *«в бороду сумерек» василька* (Мать-Суббота), в «автопортретном» признании: *«Василек* — цветок мой».

Знаменательно, что все это глубоко соответствует астрологии поэта, родившегося под знаком Весов с его *темно-голубым* цветом и драгоценными камнями — как раз *изумрудом и сапфиром.* Поразительно при этом и другое: назвав *«своим цветком»* василек, он в том же «автопортрете» добавляет: «Флейта — моя музыка». Разумеется, этот древнейший музыкальный инструмент не мог не импонировать Клюеву — ценителю старины — и пастушеским происхождением, и мягкой глубиной звука. Но дело еще и в том, что сам этот звук, если использовать утверждение проникнувшего в тайны зву-

[73] *Смит Г.* Драгоценные камни. М., 1980. С. 317.

ко- и цветообраза В. Кандинского, оказывается соответствующим клюевской голубизне и синеве: «В музыкальном изображении *светло-синее подобно звуку флейты...»*[74] И в целом вся эта гамма соответствует цвету глаз поэта: «Оттого в глазах моих *просинь*, / Что я сын Великих озер» (Поэту Сергию Есенину). Б. Н. Кравченко вспоминает, что цвет глаз поэта, когда он впервые увидел его в 1929 г., был *«бледно-голубым»*[75].

В итоге можно сказать, что, перерастая пределы природного, эстетического и даже астрологического, «любимый цвет» Клюева достигает глубокого философского смысла, поскольку, по словам В. Кандинского, «чем глубже становится *синее*, тем больше оно *зовет человека к бесконечному»*[76]. К постижению неведомых глубин человеческого духа направлена и вся поэзия Клюева.

Не меньше впечатляет она и своим «золотом» как цветом природы. Впрочем, близким ему, то есть с тем же природным, отрадно-теплым, *«солнечным»* знаком выступает у него и образ янтаря: *«Вечер нижет янтарные четки, / Красит золотом треснувший свод»* («Я молился бы лику заката...», 1912); «Как лещ наживку ловят ели / *Луча янтарного иглу...»* («Зима изгрызла бок у стога»..., 1914—1916).

Созвучно природе воздействуют стихи Клюева и своим фоническим строем, в котором нередко можно расслышать ее «голос»: *«Как пробудившиеся речки / Бурлят на талых валунах...»* («Набух, оттаял лед на речке..., 1912); *«У сосен сторо́жки вершины...»* («Осинник гулче, ельник глуше...», 1913) *«Прослезилася смородина, / Травный слушая псалом»* («Пашни буры, межи зелены...», 1914); *«Легкозвоннее пташек / Ветровой голосок»* («Облиняла буренка...», 1915); *«А мне от елового гула / Нет мочи ни ночью, ни днем»* (Вешний Никола, 1915—1917). Название первой книги сти-

---

[74] *Кандинский В.* О духовном в искусстве (Живопись). Л., 1989. С. 41.

[75] *Кравченко Б.* «Через мою жизнь» // Наше наследие. 1991. № 1. С. 121.

[76] *Кандинский В.* О духовном в искусстве. С. 40.

хов Клюева «*Сосен перезвон*» в этом отношении знаменательно для всей его поэзии.

Выражению не диссонанса и трагедии в природе, а неколебимой гармонии в ней служит в целом поэзия Клюева. Словно бы не допуская мысли о возможном нарушении извечного хода природы, поэт как раз и сгущает вмененный в свое время ему в вину образ ее охранительной дремучести, непроницаемости, неуязвимости первозданной силы (лес, вода, туман), как бы спасающей приютившегося под ее покровом человека от зла: «*Окутала сизая муть / Реку и на отмели лодку*» («Не весела нынче весна...», 1913); «Спят за омежками риги, / *Роща — пристанище мглы*» («Теплятся звезды-лучинки...», 1913); «*...вод дремучая дремь... / Над избою кресты благосенных вершин...*» («От сутемок до звезд и от звезд до зари...», 1914—1916).

Любить и ценить самое для человека насущное и высокое — чего, казалось бы, естественнее и проще. Однако Клюев в утверждении этой истины был сподоблен судьбой стать подлинным пророком и мучеником и оставить в итоге по себе поэзию, разумеется, в силу этого далекую от того, чтобы быть исчерпанной губительным для нее веком «потрясенного сердца», в котором сам он жил.

Александр Михайлов

СТИХОТВОРЕНИЯ

1

Не сбылись радужные грезы,
Поблекли юности цветы;
Остались мне одни лишь слезы
И о былом одни мечты.

Погибли юные стремленья,
Все идеалы красоты,
И тщетно жду их возрожденья
Среди житейской суеты.

В лесу густом, под сводом неба
Отрадней было бы мне жить,
Чем меж людей, лишь ради хлеба
Оковы рабские носить.

Мне нужно вновь переродиться,
Чтоб жить, как все, — среди страстей.
Я не могу душой сродниться
С содомской злобою людей.

Светила мудрости, науки,
Вы разрешите мне вопрос:
Когда окончатся все муки
И на земле не будет слез?

Когда наступит день отрадный,
Не будет литься больше кровь,
И в нашу жизнь, как свет лампадный,
Прольется чистая любовь?

<1904>

2

Широко необъятное поле,
А за ним чуть синеющий лес!
Я опять на просторе, на воле
И любуюсь красою небес.

В этом царстве зеленом природы
Не увидишь рыданий и слез;
Только в редкие дни непогоды
Ветер стонет меж сучьев берез.

Не найдешь здесь душой пресыщенной
Пьяных оргий, продажной любви,
Не увидишь толпы развращенной
С затаенным проклятьем в груди.

Здесь иной мир — покоя, отрады,
Нет суетных волнений души;
Жизнь тиха здесь, как пламя лампады,
Не колеблемой ветром в тиши.

<1904>

3. Проснись!

Проснись, проснись!.. Минула ночь,
Исчезли пенные туманы,
И на прохладные поляны,
На изумрудные леса
Глядят с улыбкой небеса...

Проснись! Усталость превозмочь
Ты должен в праздник воскресенья,
В великий праздник обновленья —
Из сердца злобу вырвать прочь!..

<1905>

4

«Безответным рабом
Я в могилу сойду,
Под сосновым крестом
Свою долю найду».

Эту песню певал
Мой страдалец-отец
И по смерть завещал
Допевать мне конец.

Но не стоном отцов
Моя песнь прозвучит,
А раскатом громов
Над землей пролетит.

Не безгласным рабом,
Проклиная житье,
А свободным орлом
Допою я ее.

<1905>

5

Где вы, порывы кипучие,
Чувств безграничный простор,
Речи проклятия жгучие,
Гневный насилью укор?

Где вы, невинные, чистые,
Смелые духом борцы,

Родины звезды лучистые,
Доли народной певцы?

Родина, кровью облитая,
Ждет вас, как светлого дня,
Тьмою кромешной покрытая,
Ждет не дождется огня!

Этот огонь очистительный
Факел свободы зажжет
Голос земли убедительный —
Всёвыносящий народ.

<1905>

6

Слушайте песню простую,
Скорбную песню мою!
Песню про долю родную
Вам я сейчас пропою.
Старые песни и были,
Старых гусляров напев
Люди давно позабыли,
Новых сложить не успев.
Песни про старые годы
Стыдно теперь распевать,
Новые песни свободы
Надобно миром слагать!
Давние кары насилья
Гибнут, как призраки мглы,
Вырастив мощные крылья,
Мы не рабы, а орлы!
Вот вам запевка простая,
Новый живой пересказ,
Песня свободы святая,
Новая песня для вас!

<1905>

7. Народное горе

Пронеслась над родимою нивой
Полоса градовáя стеной,
Пала на землю спутанной гривой
Рать-кормилица с болью тупой,

Пала на землю, с грязью смешалась,
Золотистей вольней не шумит...
Пахарь бедный!.. Тебе лишь осталось
За труды — горечь слез и обид!

Заколачивай окна избушки
И иди побираться с семьей
Далеко от своей деревушки,
От полей и землицы родной.

С малолетства знакомые краски:
Пахарь — нищий и дети, и мать,
В тщетных поисках хлеба и ласки,
В города убегают страдать...

Сердце кровью горячей облилось,
Поневоле житье проклянешь:
Ты куда, наша доля, сокрылась?
Где ты, русское счастье, живешь?

<1905>

8. Гимн свободе

Друг друга обнимем в сегодняшний день,
Забудем былые невзгоды,
Ушли без возврата в могильную сень
Враги животворной свободы.
Сегодняшний день без копья и меча
Сразил их полки-легионы;

Народная сбылась святая мечта,
Услышаны тяжкие стоны.
День радости светлой! Надежды живой!
Надежды на лучшую долю!
Насилия сорван покров вековой,
И просится сердце на волю.
На волю! на волю! В волшебную даль!
В обитель свободного счастья!..
Исчезни навеки, злодейка-печаль!
Исчезни, кошмар самовластья!
Мы новою жизнью теперь заживем —
С бесстрашием ринемся к битве;
Мы новые песни свободе споем —
И новые сложим молитвы.

<1905>

9. Пусть я в лаптях

Пусть я в лаптях, в сермяге серой,
В рубахе грубой, пестрядной,
Но я живу с глубокой верой
В иную жизнь, в удел иной!

Века насилья и невзгоды,
Всевластье злобных палачей
Желанье пылкое свободы
Не умертвят в груди моей!

Наперекор закону века,
Что к свету путь загородил,
Себя считать за человека
Я не забыл! Я не забыл!

<1905>

10. Мужик

Только станет светать — на работу
Мужичок торопливо идет,
Про свою вековую заботу
Песню скорбную тихо поет:

«Эх ты, жизнь наша, долюшка злая,
Безответный удел мужика,
Ты откуда явилась лихая,
Подневольная жизнь батрака?

Эх ты, поле, родимое поле,
Что я кровью своею полил,
Если б был я на радостной воле, —
Я б тебя еще больше любил!

Да отрезаны соколу крылья,
Загорожены к свету пути,
Цепью тяжкого злого насилья
Силы скованы в мощной груди!»
. . . .
Только станет светать — за рекою
Песню жалобно кто-то поет,
И звучит эта песня тоскою
И кому-то проклятия шлет.

<1905>

11

Плещут холодные волны,
Стонут и плачут навзрыд,
Гневным отчаяньем полны,
Бьются о серый гранит.

С шумом назад отступают,
Белою пеной вскипев,

Скалы их горя не знают,
Им непонятен их гнев.

Знает лишь вечер кручину
Бездны зыбучей морской, —
Мертвым сегодня в пучину
Брошен матрос молодой.

Был он свободный душою,
Крепко отчизну любил,
Братской замучен рукою,
Сном непробудным почил.

Стихло безумное горе,
Умерло сердце в груди,
Тяжко вздымается море,
Бурю суля впереди.

Бьются у берега шлюпки,
Стонут сирены во мгле,
Белые волны-голубки
Стаей несутся к земле,

Шлют берегам укоризны
В песне немолчной своей...
Много у бедной отчизны
Павших невинно детей!

1905?

12

Холодное, как смерть, равниной бездыханной
Болото мертвое раскинулось кругом,
Пугая робкий взор безбрежностью туманной,
Зловещее в своем молчанье ледяном.

Болото курится, как дымное кадило,
Безгласное, как труп, как камень мостовой.
Дитя моей любви, не для тебя ль могилу
Готовит здесь судьба незримою рукой?!

Избушка ветхая на выселке угрюмом
Тебя, изгнанницу святую, приютит,
И старый бор печально-строгим шумом
В глухую ночь невольно усыпит.

Но чуть рассвет затеплится над бором,
Прокрякает чирок в надводном тростнике, —
Болото мертвое немеренным простором
Тебе напомнит вновь о смерти и тоске.

<1907>

13. Казарма

Казарма мрачная с промерзшими стенами,
С недвижной полутьмой зияющих углов,
Где зреют злые сны осенними ночами
Под хриплый перезвон недремлющих часов, —
Во сне и наяву встает из-за тумана
Руиной мрачною из пропасти она,
Как остров дикарей на глади океана,
Полна зловещих чар и ужасов полна.
Казарма дикая, подобная острогу,
Кровавою мечтой мне в душу залегла,
Ей молодость моя, как некоему богу,
Вечерней жертвою принесена была.
И часто в тишине полночи бездыханной
Мерещится мне въявь военных плацев гладь,
Глухой раскат шагов и рокот барабанный —
Губительный сигнал: идти и убивать.
Но рядом клик другой, могучее сторицей,
Рассеивая сны, доносится из тьмы:

«Сто раз убей себя, но не живи убийцей,
Несчастное дитя казармы и тюрьмы!»

<1907>

14

Горниста смолк рожок... Угрюмые солдаты
На нары твердые ложатся в тесный ряд.
Казарма, как сундук, волшебствами заклятый,
Смолкает, хороня живой, дышащий клад.
И сны, вампиры-сны, к людскому изголовью
Стекаются в тиши незримою толпой,
Румяня бледность щек пылающею кровью,
Под тиканье часов сменяясь чередой.
Казарма спит в бреду, но сон ее опасен,
Как перед бурей тишь зловещая реки, —
Гремучий динамит для подвигов припасен,
Для мести без конца отточены штыки.
Чуть только над землей, предтечею рассвета,
Поднимется с низин редеющий туман —
Взовьется в небеса сигнальная ракета,
К восстанью позовет условный барабан.

<1907>

15

Вот и лето прошло, пуст заброшенный сад,
На дорогу открыта калитка,
Из поблекшей травы сквозь сырой листопад
Сиротливо глядит маргаритка.
Чьих-то маленьких ног на дорожке следы
И обрывки письма у крокета,
На скамье позабытый букет резеды —
Это память угасшего лета.
Были грезы и сны, и порывы ума,
Сгибло всё под дыханьем ненастья.

Позабытый букет да обрывки письма
Нам с тобою остались от счастья.

<1907>

16

Я поведаю миру былину,
Про кручину недавний рассказ.
Мне хотелось бы спеть про кручину,
Чтоб катилися слезы из глаз.
Много в небе лазурно-бездонном
Светлых звезд и лучистых планет, —
Много горюшка в сердце народном
Накопилось за тысячу лет!
Сколько листьев в осенние ночи
Перелетные вихри сорвут, —
Столько слез материнские очи
На Руси неповеданно льют!
И не столько скалистых порогов
Громоздится в надречной дали,
Сколько высится мрачных острогов
По раздолью родимой земли!
Ты пропойся про горюшко наше,
Ладословная песня, звончей;
Степь от солнца вольнее и краше, —
От запевки душа удалей.
Кабы птицей душа очутилась,
Буйнокрылою чайкой морской,
Не с надрывным бы стоном кружилась
Над рокочущей гневно волной.
Кабы молодцу шапка повыше, —
Мглистей ночи казалася б бровь...
Чайка-песня бьет крыльями тише
Там, где трупы, застенки и кровь.

<1907>

17

Мы любим только то, чему названья нет,
Что, как полунамек, загадочностью мучит:
Отлеты журавлей, в природе ряд примет
Того, что прозревать неведомое учит.

Немолчный жизни звон, как в лабиринте стен,
В пустыне наших душ бездомным эхом бродит;
А время, как корабль под плеск попутных пен,
Плывет и берегов желанных не находит.

И обращаем мы глаза свои с тоской
К Минувшего Земле — не видя стран грядущих...
. . . .
В старинных зеркалах живет красавиц рой,
Но смерти виден лик в их омутах зовущих.

<1907>

18. Немая любовь

Поведай мне, дитя с безбрежными глазами,
С пучиною волос и мраками ресниц,
Не песня ль моря ты, где, вея парусами,
Несутся корабли при всполохах зарниц?

Увы! Созвучий мир, сиянья радуг полный,
Орлиных клекотов и сини берегов,
Постичь не в силах ты душой слепорожденной,
Как в рифмах уловить певучий гул валов.

Ты только взором жжешь, как знойная пустыня,
Далекая стиха прибоям грозовым,
В песчанности твоей затерянный отныне
Я сфинксом становлюсь, жестоким и немым.

<1907>

19

Ночью дождливою, ночью осеннею,
В хмурую, жуткую тьму,
Полем, проселком, глухою деревнею
Страшно идти одному.
Поле, как море, недвижно-застывшее,
Нет ему имени, прозвища нет.
Лужи заплывшие, ветлы поникшие
Кажут пути незнакомого след.
Выйдешь к селенью, так родственно-близкому,
Тихо, как в склепе забытом, окрест.
Изредка, звякая, пó мосту низкому
Мерно проедет казачий разъезд.
За угол спрячешься тенью пугливою,
Слышишь, как мать за стеной говорит:
«Спи, мое дитятко, ночью дождливою
Только нечистая сила не спит.
По мосту едет толпою суровою,
Звякает, ропщет дозором во мгле,
Где она ступит, там каплей багровою,
Кровью останется след на земле».
Снова всё тихо... С надеждой упорною,
Брови нахмуря, глядишь на восток,
Ждешь, не сверкнет ли за тьмою бездонною
Первых лучей золотой огонек.
Вместе с зарею пойдешь стороною,
Беглый преступник, как серая тень, —
Полем, проселком, опушкой лесною —
Дальше от зорких, чужих деревень.

<1907>

20

Темной ночью сердцу больно
Одинокому грустить,
Ах, нельзя ему невольно
Горе кровное забыть!

Молод я и телом зноен,
Бел, как пена на реке,
За себя всегда спокоен,
Силу чувствуя в руке.
Без руля направлю лодку,
Как стрелу, через реку,
Знают все по околотку
Перевозчика Луку.
Но сегодня сердце ноет,
Ночь несчастная темна.
И, вздымаясь, тяжко стонет
Водяная глубина.
В диком споре — на просторе —
Волны дышат тяжело...
Не народное ли горе
В зыбь речную залегло?
Не таит ли век косматый
В тяжком плеске без конца
Стон замученного брата
И убитого отца?
И не сыну ль на чужбину
В край изгнанья и болот,
Материнскую кручину
Мутной пеною несет?
На заре утихнут грозы,
Смолкнут, ласково-легки,
Из заречья к перевозу
Соберутся мужики.
Всё, что волны говорили,
Разбиваясь и шумя,
Как дела кровавой были,
Передам мирянам я.
Расскажу, как сердцу больно
Одинокому грустить,
Жить на свете подневольно
И врагу не отомстить.

<1907>

21

Рота за ротой проходят полки —
Конница, пушки, пехота;
Кажутся сетью блестящей штыки,
Кровью — погон позолота.
Трубы торжественно маршем старинным
Дух утомленный обманно бодрят,
Мимо острога по улицам длинным
Роты к вокзалам спешат.
Там наготове, окутаны паром,
Чудищем черным стоят поезда,
Веет с полян отдаленным пожаром,
Словно за ними горят города,
Словно за гранью полян одичалых
Гений возмездья сигналы зажег...
Взводы шагают, зовет запоздалых
Жалкой свирелью горниста рожок.
Эхом ответным свистят паровозы,
Дробных шагов заглушая молву,
Сбылись ночные зловещие грезы,
Сбылись кровавые сны наяву.
Скоро по лону полей торопливо
Воинский поезд промчится, гремя,
Заяц метнется в кусты боязливо,
В встречной деревне заплачет дитя.

<1907>

22. На часах

На часах у стен тюремных,
У окованных ворот,
Скучно в думах неизбежных
Ночь унылая идет.
Вдалеке волшебный город,
Весь сияющий в огнях,

Здесь же плит гранитных холод
Да засовы на дверях.
Острый месяц в тучах тонет,
Как обломок палаша;
В каждом камне, мнится, стонет
Заключенная душа.
Стонут, бьются души в узах
В безучастной тишине,
Все в рабочих синих блузах,
Земляки по крови мне.
Закипает в сердце глухо
Яд пережитых обид...
Мать родимая старуха,
Мнится, в сумраке стоит,
К ранцу жалобно и тупо
Припадает головой...
Одиночки, как уступы,
Громоздятся надо мной.
Словно глаз лукаво-грубый,
За спиной блестит ружье,
И не знаю я — кому бы
Горе высказать свое.
Жизнь безвинно-молодую
Загубить в рассвете жаль, —
Неотступно песню злую
За спиною шепчет сталь.
Шелестит зловеще дуло:
«Не корись лихой судьбе.
На исходе караула
В сердце выстрели себе
И умри бездумно молод,
Тяготенье кончи дней...»
За тюрьмой волшебный город
Светит тысячью огней,
И огни, как бриллианты,
Блёсток радужных поток...

Бьют унылые куранты
Череды унылой срок.

<1907>

23. Прогулка

Двор, как дно огромной бочки,
Как замкнутое кольцо;
За решеткой одиночки
Чье-то бледное лицо,

Темной кофточки полоски,
Как ударов давних след,
И девической прически
В полумраке силуэт.

После памятной прогулки,
Образ светлый и родной,
В келье каменной и гулкой
Буду грезить я тобой.

Вспомню вечер безмятежный,
В бликах радужных балкон
И поющий скрипкой нежной
За оградой граммофон,

Светлокрашеную шлюпку,
Вёсел мерную молву,
Рядом девушку-голубку —
Белый призрак наяву...

Я всё тот же — мощи жаркой
Не сломил тяжелый свод...
Выйди, белая русалка,
К лодке, дремлющей у вод!

Поплывем мы... Сон нелепый!
Двор, как ямы мрачной дно,
За окном глухого склепа
И зловеще и темно.

<1907>

24

За лебединой белой долей
И по-лебяжьему светла,
От васильковых меж и поля
Ты в город каменный пришла.

Гуляешь ночью до рассвета,
А днем усталая сидишь
И перья смятого берета
Иглой неловкою чинишь.

Такая хрупко-испитая,
Рассветным кажешься ты днем,
Непостижимая, святая, —
Небес отмечена перстом.

Наедине, при встрече краткой,
Давая совести отчет,
Тебя вплетаю я украдкой
В видений пестрый хоровод:

Панель... Толпа... И вот картина,
Необычайная чета:
В слезах лобзает Магдалина
Стопы пречистые Христа.

Как ты, раскаяньем объята,
Янтарь рассыпала волос, —
И взором любящего брата
Глядит на грешницу Христос.

<1907, 1911>

25

Осенюсь могильною иконкой,
Накормлю малиновок кутьей
И с клюкой, с дорожною котомкой,
Закачусь в туман вечеровой.

На распутьях дальнего скитанья,
Как пчела медвяную росу,
Соберу певучие сказанья
И тебе, родимый, принесу.

В глубине народной незабытым
Ты живешь, кровавый и святой...
Опаленным, сгибнувшим, убитым,
Всем покой за дверью гробовой.

<1908, 1912>

26

Брату

Под плакучею ракитой
Бледный юноша лежал,
На прогалине открытой
Распростертый умирал.
Кровь лилась из свежей раны
На истоптанный песок.
Оглядеть простор поляны
Взор измученный не мог.
Каркал ворон в выси синей,
Круги ровные чертя.
Умирало над пустыней
Солнце, дали золотя.
Вечер близился к пределу,
Затемнялась неба гладь.
К остывающему телу
Не пришла родная мать,

В вечный путь не снарядила
Дорогого мертвеца,
Кровь багровую не смыла
С просветленного лица.
Только заревом повита,
От заката золотым,
Одинокая ракита
Тихо плакала над ним.

<1908>

27

Любви начало было летом,
Конец — осенним сентябрем.
Ты подошла ко мне с приветом
В наряде девичьи простом, —

Вручила красное яичко
Как символ крови и любви:
Не торопись на север, птичка,
Весну на юге обожди!

Синеют дымно перелески,
Настороженны и немы,
За узорочьем занавески
Не видно тающей зимы.

Но сердце чует: есть туманы,
Движенье смутное лесов,
Неотвратимые обманы
Лилово-сизых вечеров.

О, не лети в туманы пташкой!
Года уйдут в седую мглу —
Ты будешь нищею монашкой
Стоять на паперти в углу.

И, может быть, пройду я мимо,
Такой же нищий и худой...
О, дай мне крылья херувима
Лететь незримо за тобой!

Не обойти тебя приветом
И не раскаяться потом...
Любви начало было летом,
Конец — осенним сентябрем.

Сентябрь 1908

28

Я говорил тебе о Боге,
Непостижимое вещал
И об украшенном чертоге
С тобою вместе тосковал.

Я тосковал о райских кринах,
О берегах иной земли,
Где в светло дремлющих заливах
Блуждают сонно корабли.

Плывут представленные души
В незатемненный далью путь,
К Материку желанной суши
От бурных странствий отдохнуть.

С тобой впервые разгадали
Мы очертанья кораблей,
В тумане сумеречной дали,
За гранью слившихся морей.

И стали чутки к откровенью
Незримо веющих сирен,
Всегда готовы к выступленью
Из Лабиринта бренных стен.

Но иногда мы чуем оба
Ошибки чувства и ума:
О, неужель за дверью гроба
Нас ждут неволя и тюрьма?

Всё также будет вихрь попутный
Крутить метельные снега,
Синеть чертою недоступной
Вдали родные берега?

Свирелью плачущей сирены
Томить пугливые сердца,
И океан лохмотья пены
Швырять на камни без конца?

<1908>

29. Обидин плач

В красовитый летний праздничек,
На раскат-широкой улице,
Будет гульное гуляньице —
Пир — мирское столованьице.
Как у девушек-согревушек
Будут поднизи плетеные,
Сарафаны золоченые.
У дородных добрых молодцев,
Мигачей и залихватчиков,
Перелетных зорких кречетов,
Будут шапки с кистью до уха,
Опояски соловецкие,
Из семи шелков плетеные.
Только я, млада, на гульбище
Выйду в старо-старом рубище,
Нищим лыком опоясана...
Сгомонятся красны девушки,
Белолицые согревушки, —
Как от тóропа повального,

Отшатятся на сторонушку.
Парни ражие, удалые
За куветы встанут талые.
Притулятся на завалины
Старики, ребята малые —
Диво-дивное увидючи,
Промежду себя толкуючи:
«Чья здесь ведьма захудалая
Ходит, в землю носом клюючи?
Уж не горе ли голодное,
Лихо злое, подколодное,
Забежало частой рощею,
Корбой темною, дремучею,
Через лягу — грязь топучую,
Во селенье домовитое,
На гулянье круговитое?
У нас время недогуляно,
Зелено вино недопито,
Девицы недоцелованы,
Молодцы недолюбованы,
Сладки пряники не съедены,
Серебрушки недоменяны...»

Тут я голосом, как молотом,
Выбью звоны колокольные:
«Не дарите меня золотом,
Только слухайте, крещеные:
Мне не спалось ночкой синею
Перед Спасовой заутреней.
Вышла к озеру по инею,
По росе медвяной, утренней.
Стала озеро выспрашивать,
Оно стало мне рассказывать
Тайну тихую поддонную
Про святую Русь крещеную.
От озерной прибауточки,
Водяной потайной басенки,
Понабережье насупилось,

Пеной-саваном окуталось.
Тучка сизая проплакала —
Зернью горькою прокапала,
Рыба в заводях повытухла,
На лугах трава повызябла...

Я поведаю на гульбище
Праздничанам-залихватчикам,
Что мне виделось в озёрышке,
Во глуби на самом донышке,
Из конца в конец я видела
Поле грозное, убойное,
Костяками унавожено.
Как на полюшке кровавоём
Головами мосты мощены,
Из телес реки пропущены,
Близ сердечушка с ружья паля,
О бока пуля пролятыва,
Над глазами искры сыплются...
Оттого в заветный праздничек,
На широкое гуляньице,
Выйду я, млада, непутною,
Встану вотдаль немогутною,
Как кручинная кручинушка,
Та пугливая осинушка,
Что шумит-поет по осени
Песню жалкую свирельную,
Ронит листья — слезы желтые
На могилу безымянную».

<1908, 1918>

30. Песня о Соколе и о трех птицах Божиих

Как по озеру бурливому,
По Онегушку шумливому,
На песок-луду намойную,
На коряжину подводную,

Что ль на тот горючий камешек, —
Прибережный кремень муромский, —
Птицы вещие слеталися,
От туманов отряхалися.
Перва птица — Куропь снежная,
Друга — черная Габучина,
А как третья птица вещая —
Дребезда золотоперая.
Взговорила Куропь белая
Человечьим звонким голосом:
«Ай же, птицы вы летучие, —
Дребезда, и ты, Габучина,
Вы летели мимо острова,
Миновали море около,
А не видли ль змея пестрого,
Что ль того лихого Сокола?»
Отвечали птицы мудрые:
«Ай же, Куропь белокрылая,
Божья птица неповинная,
У тебя ль перо Архангела,
Голос грома поднебесного, —
Сокол враг, змея суровая,
Та ли погань стоголовая,
Обрядился не на острове,
Схоронился не на росстани,
А навис погодной тучею,
Разметался гривой долгою,
Надо свят-рекой текучею —
Крутобережною Волгою.
От налета соколиного,
Злого посвиста змеиного,
Волга-реченька смутилася,
В сине море отшатилася...
Ой, не звоны колокольные
Никнут к земи, бродят около, —
Стонут люди полоненные
От налета злого Сокола.

И не песня заунывная
Над полями разливается, —
То плакун-трава могильная
С жалким шорохом склоняется!..

Мы слетелись, птицы умные,
На совет, на думу крепкую,
Со того ли саду райского —
С кипариса — Божья дерева.
Мы удумаем по-птичьему,
Сгомоним по-человечьему:
«Я — Габучина безгрешная,
Птица темная, кромешная,
Затуманю разум Соколу,
Очи выклюю у серого,
Чтоб ни близ себя, ни около
Не узнал он света белого».
Дребезда тут речь сговорила:
«Я развею перья красные
На равнины святорусские,
В буруны озер опасные,
Что ль во те ли речки узкие.
Где падет перо небесное,
Там слепые станут зрячими,
Хромоногие — ходячими,
Безъязыкие — речистыми,
Темноумные — лучистыми.
Где падет перо кровавое,
Там сыра земля расступится,
Море синее насупится,
Вздымет волны над дубравою —
Захлестнет лихого Сокола,
Его силищу неправую,
Занесет кругом и около
Глиной желтою горшечною,
И споет с победной славою
Над могилой память вечную.

Прибредет мужик на глинянник,
Кирпича с руды натяпает
На печушку хлебопечную,
Станет в стужу полузимнюю
Спину греть да приговаривать:
«Вот те слава соколиная —
Ты бесславьем опозорилась».
Напоследок слово молвила
Куропь — птица белоперая:
«А как я, — росой вспоённая,
Светлым облаком вскормленная, —
Возлечу в обитель Божию,
К Саваофову подножию,
Запою стихиру длинную,
Сладословную, умильную.
Ту стихиру во долинушке
Молодой пастух дослушает,
Свесит голову детинушка,
Отмахнет слезу рубахою,
И под дудочку свирельную
Сложит новую бывальщину».
Аминь.

<1908>

31. Осинушка

Ах, кому судьбинушка
Ворожит беду:
Горькая осинушка
Ронит лист-руду.

Полымем разубрана,
Вся красным-красна,
Может быть, подрублена
Топором она.

Может, червоточина
Гложет сердце ей,

Черная проточина
Въелась меж корней.

Облака по просини
Крутятся в кольцо,
От судины-осени
Вянет деревцо.

Ой, заря-осинушка,
Златоцветный лёт,
У тебя детинушка
Разума займет!

Чтобы сны стожарные
В явь оборотить,
Думы — листья зарные
По ветру пустить.

<1908, 1912>

32

Прошли те времени, когда нелицемерно
Мы верили с тобой в божественность небес,
На звездную лазурь взирая суеверно
В предчувствии святых несбыточных чудес.
Без чуда небеса, поблекнув, отсияли,
Души не озарил полночный звездопад,
Украшенный чертог безумно мы искали,
А обрели тюрьму и мрачный каземат.
Безвинною четой, подвергнуты изгнанью,
В краю, где гаснет жизнь в пустынной тишине,
Не верим больше мы обманному сиянью
Созвездий золотых, горящих в вышине.
Сосновый дымный сруб, занéсенный метелью,
Для нас стал алтарем таинственно-святым,

Где зажигает сны над снежною постелью,
Как звезды в небесах, незримый херувим.

<1908>

33

Помню я обедню раннюю,
Вереницы клобуков,
Над толпою покаянною
Тяжкий гул колоколов.

Опьяненный перезвонами,
Гулом каменно-глухим,
Дал обет я пред иконами
Стать блаженным и святым.

И в ответ мольбе медлительной,
Покрывая медный вой,
Голос ясно-повелительный
Мне ответил: «Ты не Мой».

С той поры я перепутьями
Невидимкою блуждал,
Под валежником и прутьями
Вместе с ветром ночевал.

Истекли грехопадения,
И посланец горних сил
Безглагольного хваления
Путь заблудшему открыл.

Знаки замысла предвечного —
Зодиака и Креста,
И на плате солнца млечного
Лик прощающий Христа.

<1908, 1911>

34. Победителям

Свое вы счастье проклянете,
Покорны станете судьбе
И в смерти нашей обретете
Погибель скорую себе.

Вы разрываете одежды,
Клянетесь небом и землей,
Но не отнимите надежды
На час отплаты роковой.

Мы вас убьем и трупы сложим
В пирамидальные костры,
Заклятье вечное положим
На истребленные шатры,

Чтобы о памяти убитых
Прошла зловещая молва,
И на могилах позабытых
Шумела сорная трава,

Гнездились ящеры и гады
В ущельях выветренных скал,
И свет молитвенной лампады
Пустынный храм не озарял.

<1908>

35

Дрёмны плески вечернего звона,
Мглистей дали, туманнее бор.
От закатной черты небосклона
Ты не сводишь молитвенный взор.

О туманах, о северном лете,
О пустыне моленья твои,

Обо всех, кто томится на свете,
И кто ищет ко Свету пути.

Отлетят лебединые зори,
Мрак и вьюги на землю сойдут,
И на тлеюще-дымном просторе
Безотзывно молитвы замрут.

<1908, 1912>

36

Как звезде, пролетной тучке,
Мне отчизна — синева.
На терновника колючке
Кровь, заметная едва...

Кто прошел стезею правой,
Не сомкнув хвалебных уст?
Шелестит листвою ржавой
За окном колючий куст:

«Чтоб на Божьем аналое
Сокровенное читать,
Надо тело молодое
Крестным терном увенчать».

<1908, 1912>

37. Пловец

Нужны цари из Истинного Града,
Умеющие Башню различать.

Данте

Посвящается А. Блоку

В страну пророков и царей
Я член измученный направил
И на безбрежности морей
Творца Всевидящего славил.

Рукою благостной Господь
Развеял сумрак непогодный
И дал мне светлую милоть
И пояс, радуге подобный.
Молниевиден стал мой лик
И ясновидящ взор туманный,
Прозрев за далью материк
Земли, пловцу обетованной...
Но сон угас, как зори мая,
Надводным холодом дыша,
И с той поры о дивном крае
Томится падшая душа.
Ей снятся солнечные стены
Нерукотворных городов,
И в ледяном мерцанье пены
Сиянье чудится венцов.
Как будто в сумраке далече,
За гранью стынущей зари,
Пловцу отважному навстречу
Идут пророки и цари.

<1908>

38. Завещание

В час зловещий, в час могильный
Об одном тебя молю:
Не смотри с тоской бессильной
На восходную зарю.

Но, верна словам завета,
Слезы робости утри
И на проблески рассвета
Торжествующе смотри.

Не забудь за далью мрачной,
Средь волнующих забот,

Что взошел я новобрачно
По заре на эшафот;

Что, осилив злое горе,
Ложью жизни не дыша,
В заревое пала море
Огнекрылая душа.

<1908>

39

Ты всё келейнее и строже,
Непостижимее на взгляд...
О, кто же, милостивый Боже,
В твоей печали виноват?

И косы пепельные глаже,
Чем раньше, стягиваешь ты,
Глухая мать сидит за пряжей —
На поминальные холсты.

Она нездешнее постигла,
Как ты, молитвенно строга...
Блуждают солнечные иглы
По колесу от очага.

Зимы предчувствием объяты,
Рыдают сосны на бору;
Опять глухие казематы
Тебе приснятся ввечеру.

Лишь станут сумерки синее,
Туман окутает реку, —
Отец, с веревкою на шее,
Придет и сядет к камельку.

Жених с простреленною грудью,
Сестра, погибшая в бою,—
Все по вечернему безлюдью
Сойдутся в хижину твою.

А Смерь останется за дверью,
Как ночь, загадочно темна.
И до рассвета суеверью
Ты будешь слепо предана.

И не поверишь яви зрячей,
Когда торжественно в ночи
Тебе — за боль, за подвиг плача —
Вручатся вечности ключи.

<1908>

40

Я был в духе в день воскресный...
Апок<алипсис>, I, 10

Я был в духе в день воскресный,
Осененный высотой,
Просветленно-бестелесный
И младенчески простой.

Видел ратей колесницы,
Судный жертвенник и крест,
Указующей десницы .
Путеводно-млечный перст.

Источая кровь и пламень,
Шестикрыл и многолик,
С начертаньем белый камень
Мне вручил Архистратиг

И сказал: «Венчайся белым
Твердокаменным венцом,

Будь убог и темен телом,
Светел духом и лицом.

И другому талисману
Не вверяйся никогда, —
Я пасти не перестану
С высоты свои стада.

На крылах кроваво-дымных
Облечу подлунный храм
И из пепла тел невинных
Жизнь лазурную создам».

Верен ангела глаголу,
Вдохновившему меня,
Я сошел к земному долу,
Полон звуков и огня.

<1908>

41

Горние звезды как росы.
Кто там в небесном лугу
Точит лазурные косы,
Гнет золотую дугу?

Месяц, как лилия, нежен,
Тонок, как профиль лица.
Мир неоглядно безбрежен.
Высь глубока без конца.

Слава нетленному чуду, —
Перлам, украсившим свод,
Скоро к голодному люду
Пламенный вестник придет.

К зрячим нещадно суровый,
Милостив к падшим в ночи,
Горе кующим оковы,
Взявшим от царства ключи.

Будьте ж душой непреклонны
Все, кому свет не погас,
Ткут золотые хитоны
Звездные руки для вас.

<1908>

42. Песня о мертвом женихе

Вы не пойте, вихри звонкие,
Не шумите, буйнокрылые,
Не клоните низко маковку
У надрубленной березыньки.
Та березка белокорая,
Деревинка не ядреная,
До сырой земли наклонится,
Как былинка переломится.
Ой, не меть, стрелок, в лебедушку,
Не кровавь стрелой озерышка,
Порази каленовострою
Птицу — ворона могильного.
Ой ты, солнце огнеокое,
Недосветное, высокое,
Не рони закатна золота
Во озерышко глубокое —
Не пугай соро́гу малую,
Водяницу пододонную,
Не мани улыбкой алою
За туманность небосклонную.
Дай излить, золотоликое,
Горе девичье великое...

Мое горе — медный колокол,
Непогодою надколотый:
Стриж летит над колокольнею,
Канет ласточка касатая —
Стонет медь позеленевшая,
Больно крыльями задетая.
Так и слухами уколото
Запевает песню горюшко,
И звенит она, как золото,
Разливается, как морюшко.
То приветна, то суровая,
Быль-кручина ладословная.
Петухи поют дворóвое,
Пташки жýбруют садовое,
Кличут-чивкают зазнобушек,
Колоплянников-воробушек.
Только мне, неприголубленной,
Кликать некого в окошечко,
Во светлице новорубленой
Одинокой тяжелёшенько.
Не проедет по подóконью
Богосуженый с гармоникой,
Не зажжет звонкоголосую
На лице зарю малинову.
Ты пошто, гармонь звончатая,
До поры обезголосилась —
Не попела, не дославила
Жизнь-кручину молодецкую.
Стародавняя кручинушка,
Как угрюмая крапивушка,
Затомила сердце ясное
У удáлого детинушки,
Выжгла очи соколиные,
Красён жар с лица повывела,
Довела головку буйную
До брусовой перекладины.

Так не вейтесь, вихри звонкие,
Вкруг стекольчата окошечка,
Полетайте, скорокрылые,
На распутья святорусские,
Пойте в ельниках малиновкой,
Плачьте чайкой над озерами,
Разливайтесь колокольчиком
Над окольнею дороженькой,
Чтоб голубке норовилося,
Сизу-голубю любилося,
Старцу ветхому, преклонному
По Писанию молилося.

<1908>

43

Я надену черную рубаху
И вослед за мутным фонарем
По камням двора пройду на плаху
С молчаливо-ласковым лицом.

Вспомню маму, крашеную елку,
Синий вечер, дрёму паутин,
За окном ночующую галку,
На окне любимый бальзамин,

Луговин поёмные просторы,
Тишину обкошенной межи,
Облаков жемчужные узоры
И девичью песенку во ржи:

Узкая полосынька
Клинышком сошлась —
Не вовремя косынька
На две расплелась!

Развилась по спинушке,
Как льняная плеть,—
Не тебе, детинушке,
Девушкой владеть!

Деревца вилавого
С маху не срубить —
Парня разудалого
Силой не любить!

Белая березынька
Клонится к дождю...
Не кукуй, загозынька,
Про мою судьбу!..

Но прервут куранты крепостные
Песню-думу боем роковым...
Бред души! То заводи речные
С тростником поют береговым.

Сердца сон, кромешный, как могила!
Опустил свой парус рыбарь-день.
И слезятся жалостно и хило
Огоньки прибрежных деревень.

<1908>

44. Поэт

Наружный я и зол и грешен,
Неосязаемый — пречист,
Мной мрак полуночи кромешен,
И от меня закат лучист.

Я смехом солнечным младенца
Пустыню жизни оживлю
И жажду душ из чаши сердца
Вином певучим утолю.

Так на рассвете вдохновенья
В слепом безумье грезил я,
И вот предтечею забвенья
Шипит могильная змея.

Рыдает колокол усопший
Над прахом выветренных плит,
И на кресте венок поблекший
Улыбкой солнце золотит.

<1909>

45. Предчувствие

Посвящается Е. Д.

Пусть победней и сумрачней своды,
Глуше стоны замученных жертв,
Кто привидит грядущие годы,
Тот за дверью могилы не мертв!
Не тебе ль эту песню, голубка,
Я в былом недалеком певал:
Бился парус... Стремительно шлюпка
Рассекала бушующий вал.
И так много кипело отваги
В необъятной, как море, груди.
Мы с тобою, как вещие маги,
Прозревали миры впереди.
Не хотелось к утесу причалить...
Всё лететь по волнам без конца,
Чтобы явью земли не печалить
Твоего дорогого лица.
В дни потерь и большого унынья
Я глухое предчувствье таю,
Что волнам приобщила стихия
Обреченную душу твою.
Что желанью тревожному вторя,
Как навеки прощальный поклон,

Долетит до родимого моря
Твой предсмертный, рыдающий стон.

<1909>

46

Путь надмирный совершая,
Посети меня, родная,
И с любовью
К изголовью,
Как бывало, — припади.

Я забуду смерти муку,
В жизни скорую разлуку,
Прозревая,
С верой чая,
Кущи рая впереди.

Не отринь меня, Царица,
Ангел, Дева, Дух и Птица,
Одиноким не оставь!
Предавая тело Змею,
Я затишья вожделею
Кипарисовых дубрав.

Нераздельные судьбою,
Мы увидимся с Тобою
Средь лазоревых полей.
И, грозя кровавым жалом,
На триумфе запоздалом
Зашипит тлетворно Змей.

<1909, 1912>

47. Прельщение

Не надо тишины, она для нас смертельна,
Для солнца наших душ — как сумрак гробовой...
А с горней высоты, волнующе свирельна,
Несется песнь любви и радости живой;
И вечер золотой над миром пламенеет,
Расплеснутым вином кровавится лазурь.
Прельщенная душа,— она уж не жалеет,
Что злая тишина смежила крылья бурь,
Что камни берегов обломками покрыты,
Погибшего в борьбе родного корабля,
Отважные пловцы безжалостно убиты,
И ржавеют на дне Надежды якоря...
Но запад догорит. Звончей победной стали
Ударится прибой о скалы на ходу.
И Господа рука прельщение в скрижали
С Адамовым грехом запишет наряду.

<1909>

48

Сердцу сердца говорю:
Близки межи роковые,
Скоро вынесет ладью
На просторы голубые.

Не кручинься и не плачь,
Необъятно и бездумно,
Одиночка и палач —
Всё так ново и безумно.

Не того в отшедшем жаль,
Что надеждам изменило,
Жаль, что родины печаль
Жизни море не вместило,

Что до дна заметено
Зарубежных вьюг снегами,
Рокоча, как встарь, оно
Не заспорит с берегами.

<1909>

49

Вы, белила-румяна мои,
Дорогие, новокупленные,

На меду-вине разворенные,
На бело лицо положенные,

Разгоритесь зарецветом на щеках,
Алым маком на девических устах,

Чтоб пригоже меня, краше не было́,
Супротивницам-подруженькам назло.

Уж я выйду на широкую гульбу —
Про свою людям поведаю судьбу:

«Вы не зарьтесь на жар-полымя румян,
Не глядите на парчовый сарафан.

Скоро девушку в полон заполонит
Во пустыне тихозвонный, белый скит».

Скатной ягоде не скрыться при пути —
От любови девке сердца не спасти.

<1909>

50. Слободская

Как во нашей ли деревне —
В развеселой слободе,

Был детина, как малина,
Тонкоплеч и чернобров;

Он головушкой покорен,
Сердцем-полымем ретив,
Дозволенья ожениться
У родителей просил.

На кручинное моленье
Не ответствовал отец,
Тем на утреннем пролете
Сиза голубя сгубил.

У студеного поморья,
На пустынном берегу,
Сын под елью в темной келье
Поселился навсегда.

Иногда из кельи строгой
На уклон выходит он
Поглядеть, как стелет море
По набере́жью туман,

Как плывут над морем тучи,
Волны буйные шумят,
О любови, о кручине,
О разлуке говорят.

<1909>

51

Не оплакано былое,
За любовь не прощено.
Береги, дитя, земное,
Если неба не дано.

Об оставленном не плачь ты, —
Впереди чудес земля,

Устоят под бурей мачты,
Грудь родного корабля.

Кормчий молод и напевен,
Что ему бурун, скала?
Изо всех морских царевен
Только ты ему мила

За глаза из изумруда,
За кораллы на губах...
Как душа его о чуде,
Плачет море в берегах.

Свой корабль за мглу седую
Не устанет он стремить,
Чтобы сказку ветровую
Наяву осуществить.

<1909>

52. В разлуке

Мне хотелось бы плакать, моя дорогая,
В безнадежном отчаянье руки ломать,
Да небес бирюза так нежна голубая,
Так певуча реки искрометная гладь.
Я, как чайка, люблю по-надречные дали —
Очертанья холмов за тумана фатой,
В них так много живой, но суровой печали,
Колыбельных напевов и грусти родной.
И еще потому я в разлуке не плачу,
Хороню от других гнев и слезы свои,
Что провижу вдали наших крыльев удачу
Долететь сквозь туман до желанной земли.
Неисчетны, дитя, буйнокрылые рати
В путь отлетный готовых собратьев-орлов,
Но за далью безбрежней ли степь на закате,
Зарубежных синей ли весна берегов?

Иль всё та же и там разостлалась равнина
Безответных на клекот курганов-полей,
И о витязе светлом не легче кручина
В терему заповедном царевне моей?

<1909>

53

Не говори,— без слов понятна
Твоя предзимняя тоска,
Она, как море, необъятна,
Как мрак осенний, глубока.

Не потому ли сердцу мнится
Зимы венчально-белый сон,
Что смерть костлявая стучится
У нашей хижины окон?

Что луч зари ущербно-острый
Померк на хвойной бахроме...
Не проведут ли наши сестры,
Как зиму, молодость в тюрьме?

От их девического круга,
Весну пророчащих судьбин
Тебе осталася лачуга,
А мне — медвежий карабин.

Но, о былом не сожалея,
Мы предвесенни, как снега...
О чем же, сумеречно тлея,
Вздыхает пламя очага?

Или пока снегов откосы
Зарозовеют вешним днем —
Твои отливчатые косы
Затмятся зимним серебром?

<1910>

54

Сколько перепутий, тропок-невидимок,
Грез осуществленных и ума ошибок.
Сколько кубков поднятых, сколько их разбитых,
Светочей неявленных, подвигов забытых.
Исчислять и взвешивать прошлое бесплодно, —
В миге неродившемся ключ к душе народной.
Сломим же минувшего тяжкие печати,
Станем многорадужны, как воды на закате,
Отразим стоцветности блики и зигзаги,
Мир окинем взорами, полными отваги.
Братья, загрустившие о мирах безвестных, —
Огоньки маячные в подземельях тесных,
Не ищите истины под былого схимой, —
Только в мимолетности будущее зримо.
Вверьтесь же текущего сумеркам прозрачным,
Ландыши весенние на кладбище мрачном.

<1910>

55. Отверженной

Если б ведать судьбину твою,
Не кручинить бы сердце разлукой
И любовь не считать бы свою
За тебя нерушимой порукой.

Не гадалося ставшее мне,
Что по чувству сестра и подруга,
По своей отдалилась вине
Ты от братьев сурового круга.

Оттого, как под ветром ковыль,
И разлучная песня уныла,
Что тебе побирушки костыль
За измену судьба подарила.

И не ведомо: я ли не прав,
Или сердце к тому безучастно,
Что, отверженной облик приняв,
Ты как прежде, нетленно прекрасна?

Май 1910

56

Облака — нагорная церковь,
Ветер-колокол гудит победно.
Там за гранью бренности, не меркнув,
Протекает белая обедня.
Сердце чует радужные клиры
И звенит, цветет, как тишина.
Грёзу-челн от тягостного мира
Мчит в безбрежность нежности волна.
Миг, как вечность!.. Чу!.. Рыдает чайка —
Грусть моя о дольности морей,
Где о высях плакалося жалко
Меж ущелий мрачных и камней.
Где же высь? Опять земные встречи
На тропах унылых гробовых...
О мечтанья — вечности предтечи,
Взлеты крыл безумных и слепых!

Май 1910

57

Есть то, чего не видел глаз,
Не уловляло вечно ухо:
Цветы лучистей, чем алмаз,
И дали призрачнее пуха.

Недостижимо смерти дно,
И реки жизни быстротечны, —

Но есть волшебное вино
Продлить чарующее вечно.

Его испив, немеркнущ я,
В полете времени безлетен,
Как моря вал — из бытия
Умчусь певуч и многоцветен.

И всем, кого томит тоска,
Любовь и бренные обеты,
Зажгу с высот Материка
Путеводительные светы.

Май 1910

58. Голос из народа

Вы — отгул глухой, гремучей,
Обессилевшей волны,
Мы — предутренние тучи,
Зори росные весны.

Ваши помыслы — ненастье,
Дрожь и тени вечеров,
Наши — мерное согласье
Тяжких времени шагов.

Прозревается лишь в книге
Вами мудрости конец, —
В каждом облике и миге
Наш взыскующий Отец.

Ласка Матери-природы
Вас забвеньем не дарит, —
Чародейны наши воды
И огонь многоочит.

За слиянье нет поруки,
Перевал скалист и крут,

Но бесплодно ваши стуки
В лабиринте не замрут.

Мы, как рек подземных струи,
К вам незримо притечем
И в безбрежном поцелуе
Души братские сольем.

<1910>

59

Я за гранью, я в просторе
Изумрудно-голубом
И не знаю, степь иль море
Расплеснулося кругом.

Прочь ветрила размышленья,
Рифм маячные огни,
Ветром воли и забвенья
Поле-море полыхни!

Чтоб души корабль надбитый,
Путеводных волен уз,
Не на прошлого граниты
Драгоценный вынес груз!..

Колыбельны трав приливы,
Кругозор, как моря дно.
Спит ли ветер? Спят ли нивы?
Я уснул давно... Давно.

<1910>

60

Нам закляты и заказаны
К пережитому пути,
И о том, что с прошлым связано,
Ты не плачь и не грусти.

Настоящего видениям —
Огнепальные венки,
А безвестным поколениям —
Снежной сказки лепестки.

<1910, 1911>

61

Костра степного взвивы,
Мерцанье высоты,
Бурьяны, даль и нивы —
Россия — это ты!

На мне бойца кольчуга,
И, подвигом горя,
В туман ночного луга
Несу светильник я.

Вас, люди, звери, гады,
Коснется ль вещий крик:
Огонь моей лампады —
Бессмертия родник!

Всё глухо. Точит злаки
Степная саранча...
Передо мной во мраке
Колеблется свеча,

Роняет сны-картинки
На скатертчатый стол —
Минувшего поминки,
Грядущего симвóл.

<1910>

62

«Не жди зари, она погасла,
Как в мавзолейной тишине
Лампада чадная без масла...» —
Могильный демон шепчет мне.

Душа смежает робко крылья,
Недоуменно смущена,
Пред духом мрака и насилья
Мятется трепетно она.

И демон сумрака кровавый
Трубит победу в смертный рог.
Смутился кубок брачной славы,
И пуст украшенный чертог.

Рассвета луч не обагрянит
Вино в бокалах круговых,
Пока из мертвых не восстанет
Гробнице преданный Жених.

Пока же камень не отвален,
И стража тело стережет,
Душа безмолвие развалин
Чертога брачного поет.

<1910>

63. Родное

Сторона наша забытая,
Бездорожная, окольная,
О полдён некрасовитая,
На закате беспотемная.
На лугах у нас коровушки
Щиплют горькие лопушники,

Не поют весной соловушки
В прибережном черемушнике.
От глухой у парня участи
Муравой душа муравеет,
Будто колокол в зыбучести
Синя моря удаль ржавеет.
Пробудись, би́ло пучинное,
Гулом в зыби, ветром в парусе,
Чтобы сердце лебединое
У детины бурей сталося!

<1910>

64

Сегодня небо, как невеста,
Слепит венчальной белизной,
И от ворот — до казни места
Протянут свиток золотой.

На всем пути он чист и гладок,
Печатью скрепленный слегка,
Для человеческих нападок
В нем не нашлося уголка.

Так отчего глядят тревожно
Твои глаза на неба гладь?
Я обещаюсь непреложно
Тебе и в нем принадлежать.

Ласкать, как в прошлом, плечи, руки
И пряди пепельные кос...
В неотвратимый час разлуки
Не нужно робости и слез.

Лелеять нам одно лишь надо:
По злом минутии конца,

К уборе трав и винограда
Прибыть в обители Отца,

Чтоб не опали ягод грозди,
Пока отбытья длится час,
И наших ног, ладоней гвозди
Могли свидетельствовать нас.

<1910>

65

С осенью повеяло новыми восторгами:
Сумеречным вечером, поздним камельком,
Жалким колокольчиком, дальними дорогами,
Неба углубленностью и месяцем-серпом.
Но душе не верится... Свадебно украшены,
Кажутся поникшими просека и дол,
Будто в келью строгую девушки-монашены
О былом с кручиною юноша вошел,
Будто взором длительным моряки отбывшие
Провожают родину с корабля кормы...
Это ты, рассветная, сердцу подарившая
Белое предчувствие смерти и зимы!

<1910>

66

Ты не плачь, моя касатка,
Что на юг лететь пора,
Мне уснуть зимою сладко
Под фатою серебра.

Снежный бор от вьюг студеных
Сироту оборонит,
Сказкой инеев узорных
Боль-любовь угомонит.

И когда метель-царица
Допрядет снегов волну,
О невесте-голубице
Я под саваном вздохну.

Бор проснется, снег растает,
Улыбнется небосвод;
Сердце зимнее взыграет,
Твой предчувствуя прилет.

<1910>

67

Темным зовам не верит душа,
Не летит встречу призракам ночи.
Ты, как осень, ясна, хороша,
Только строже и в ласках короче.

Потянулися с криком в отлет
Журавли над потусклой равниной...
Как с природой, тебя эшафот
Не разлучит с родимой кручиной.

Не однажды под осени плач,
О тебе — невозвратно далекой,
За разгульным стаканом палач
Головою поникнет жестокой.

<1910>

68

Ветхая ставней резьба,
Кровли узорный конёк.
Тебе, моя сказка, судьба
Войти в теремок.

Счастья-царевны глаза
Там цветут в тишине,
И пленных небес бирюза
Томится в окне.

По зиме в теремок прибреду
Про твои поведать вины́,
И глухую старуху найду
Вместо синей звенящей весны.

<1910, 1912>

69

Позабыл, что в руках
Сердце, шляпа иль трость?
Зреет в Отчих садах
Виноградная гроздь.

Впереди крик: «нельзя»,
Позади: «воротись».
И тиха лишь стезя,
Уходящая ввысь.

Не по ней ли идти?
Может быть, не греша,
На лазурном пути
Станет птицей душа.

<1910>

70

Белизна небесных риз,
Как нетающая пена,
На меже расцвел анис,
Земляника и марена.
Всё победнее окрест
Жизни творческие ходы,

Иисусовых невест
Неоглядней хороводы.
Тяжело лежать в гробу
Серафиму без истленья,
Слышать судную трубу
И не чаять отпущенья.

<1910>

71. Родное

Лапти новые с котомкою...
Вдоль по берегу реки
Бичевою хлещет звонкою...
Бог вам в помощь, мужики!
«Ты откуль, кормилец, — слышится
По пути, — поведай нам,
Не от Бога ль пробираешься
К обездоленным людям?»
Богоданный я, беспошлинный,
В поле нищими найден,
От Печерских пробираюся
К Соловецким на поклон.
Посчитай, вокруг Россиюшку
Христа ради обошел,
Горьше, лютее судьбинушки
Я мужичьей не нашел.
Смолк. Убогие, понурые
Потянулись бурлаки,
И вослед им долго бурые
Волны плакали реки.

<1910>

72. Брачная песня

Белому брату
Хлеб и вино новое
Уготованы.

Помолюсь закату,
Надем рубище суровое
И приду на брак непозванный.
Ты узнай меня, Братец,
Не отринь меня, одноотчий,
Дай узреть Зари Твоей багрянец,
Покажи мне Солнце после Ночи,
Я пришел к Тебе без боязни,
Молоденький и бледный, как былинка,
Укажи мне после тела казни
В Отчие обители тропинку.
Божий Сын, Невидимый Учитель,
Изведи из мира тьмы наружной
Человека — брата своего!
Чтоб горел он, как и Ты, Пресветлый,
Тихим светом в сумраке ночном,
Чтоб белей цветов весенней ветлы
Стала жизнь на поприще людском!
Белому брату
Хлеб и вино новое
Уготованы.
Помолюсь закату,
Надем рубище суровое
И приду на брак непозванный.

<1910, 1911>

73

Старый дом зловеще гулок,
Бел под лунным серебром.
Час мечтательных прогулок,
Встреч и вздохов о былом.

Но былому неподвластны —
Мы в грядущее глядим,
Замок сказочно прекрасный
Под луною сторожим.

Выйдем в сад. С тобой рядом
Мне так ново, так светло.
Под луны волшебным взглядом
Ты, как белое крыло.

Оттого ли, как в темнице,
Сердцу плачется с утра,
Что тебе — урочной птице
Отлететь на юг пора?

Иль душе поверить тяжко,
Что забыт в саду глухом,
Твоего возврата, пташка,
Не дождется лунный дом?

<1910>

74

Я был прекрасен и крылат
В богоотеческом жилище,
И райских кринов аромат
Мне был усладою и пищей.

Блаженной родины лишен
И человеком ставший ныне,
Люблю я сосен перезвон,
Молитвословящий в пустыне.

Лишь одного недостает
Душе в подветренной юдоли,—
Чтоб нив просторы, лоно вод
Не оглашались стоном боли,

Чтоб не стремил на брата брат
Враждою вспыхнувшие взгляды,
И ширь полей, как вертоград,
Цвела для мира и отрады,

И чтоб похитить человек
Венец Создателя не тщился,
За что, отверженный навек,
Я песнокрылия лишился.

<1910, 1911>

75

Отвергнув мир, врагов простя,
Собрат букашке многоногой,
Как простодушное дитя,
Сижу у хижины порога.

Смотрю на северный закат,
Внимаю гомону пингвинов,
Взойти на Радужный фрегат,
В душе надежды не отринув.

Уже в дубраве листопад
Намел смарагдов, меди груду...
Я здесь бездумен и крылат
И за морями светел буду.

<1910, 1913>

76

Наша радость, счастье наше
Не крикливы, не шумны,
Но блаженнее и краше,
Чем младенческие сны.

В серых избах, в казематах,
В нестерпимый крестный час,
Смертным ужасом объятых
Не отыщется меж нас.

Мы блаженны, неизменны,
Веря любим и молчим,
Тайну Бога и вселенной
В глубине своей храним.

Тишиной безвестья живы,
Во хмелю и под крестом,
Мы — жнецы вселенской нивы,
Вечеров уборки ждем.

И хоть смерть косой тлетворной
Нам грозит из лет седых:
Он придет нерукотворный
Век колосьев золотых.

<1910>

77

В златотканные дни сентября
Мнится папертью бора опушка.
Сосны молятся, ладан куря,
Над твоей опустелой избушкой.

Ветер-сторож следы старины
Заметает листвой шелестящей,
Распахни узорочье сосны,
Промелькни за березовой чащей!

Я узнаю косынки кайму,
Голосок с легковейной походкой...
Сосны шепчут про мрак и тюрьму,
Про мерцание звезд за решеткой,

Про бубенчик в жестоком пути,
Про седые бурятские дали...
Мир вам, сосны, вы думы мои,
Как родимая мать, разгадали!

В поминальные дни сентября
Вы сыновнюю тайну узнайте
И о той, что погибла любя,
Небесам и земле передайте.

<1911>

78

В морозной мгле, как око сычье,
Луна-дозорщица глядит;
Какое светлое величье
В природе мертвенной сквозит.

Как будто в поле, мглой объятом,
Для правых подвигов и сил,
Под сребротканным, снежным платом
Прекрасный витязь опочил.

О, кто ты, родина? Старуха?
Иль властноокая жена?
Для песнотворческого духа
Ты полнозвучна и ясна.

Твои черты январь-волшебник
Туманит вьюгой снеговой,
И схимник-бор читает Требник,
Как над умершею, тобой.

Но ты вовек неуязвима
Для смерти яростных зубов,
Как мать, как женщина, любима
Семьей отверженных сынов.

На их любовь в плену угрюмом,
На воли пламенный недуг,
Ты отвечаешь бора шумом,
Мерцаньем звезд да свистом вьюг.

О, изреки: какие боли,
Ярмо какое изнести,
Чтоб в тайники твоих раздолий
Открылись торные пути?

Чтоб, неизбывная доселе,
Родная сгинула тоска,
И легкозвоннее метели
Слетала песня с языка?

<1911>

79

Не бойтесь убивающих тело,
Души́ же не могущих убить!
Еванг<елие> от Матф<ея>, X, 28

Как вора дерзкого, меня
У града врат не стерегите
И под кувшинами огня
Соглядатайно не храните.

Едва уснувший небосклон
Забрезжит тайной неразгадной,
Меня князей синедрион
Осудит казни беспощадной.

Обезображенная плоть
Поникнет долу зрелым плодом,
Но жив мой дух, как жив Господь,
Как сев пшеничный перед всходом.

Еще бесчувственна земля,
Но проплывают тучи мимо.
И, тонким ладаном куря,
Проходит пажитью Незримый.

Его одежды, чуть шурша,
Неуловимы бренным слухом,
Как одуванчика душа,
В лазури тающая пухом.

<1911>

80. Ожидание

Кто-то стучится в окно:
Буря ли, сучья ль ракит?
В звуках, текущих ровнó —
Топот поспешных копыт.

Хижина наша мала,
Некуда гостю пройти;
Ночи зловещая мгла
Зверем лежит на пути.

Кто он? Седой пилигрим?
Смерти костлявая тень?
Или с мечом серафим,
Пламеннокрылый, как день?

Никнут ракиты, шурша,
Топот, как буря, растет...
Встань, пробудися, душа,—
Светлый ездок у ворот!

<1911>

81. Пахарь

Вы на себя плетете петли
И навостряете мечи,
Ищу вотще: меж вами нет ли
Рассвета алчущих в ночи?

На мне убогая сермяга,
Худая обувь на ногах,
Но сколько радости и блага
Сквозит в поруганных чертах.

В мой хлеб мешаете вы пепел,
Отраву горькую в вино,
Но я, как небо, мудро-светел
И не разгадан, как оно.

Вы обошли моря и сушу,
К созвездьям взвили корабли,
И лишь меня — мирскую душу,
Как жалкий сор, пренебрегли.

Работник Господа свободный
На ниве жизни и труда,
Могу ль я вас, как терн негодный,
Не вырвать с корнем навсегда?

<1911>

82

Есть на свете край обширный,
Где растут сосна да ель,
Неисследный и пустынный, —
Русской скорби колыбель.

В этом крае тьмы и горя
Есть забытая тюрьма,
Как скала на глади моря,
Неподвижна и нема.

За оградою высокой
Из гранитных серых плит,
Пташкой пленной, одинокой
В башне девушка сидит.

Злой кручиною объята,
Всё томится, воли ждет,
От рассвета до заката,
День за днем, за годом год.

Но крепки дверей запоры,
Недоступно-страшен свод,
Сказки дикого простора
В каземат не донесет.

Только ветер перепевный
Шепчет ей издалека:
«Не томись, моя царевна,
Радость светлая близка.

За чертой зари туманной,
В ослепительной броне,
Мчится витязь долгожданный
На всепенном скакуне».

<1911>

83. Бегство

Я бежал в простор лугов
Из-под мертвенного свода,
Где зловещий ход часов —
Круг замкнутый без исхода,

Где кадильный аромат
Страстью кровь воспламеняет,
И бездонной пастью ад
Души грешников глотает.

Испуская смрад и дым,
Всадник-Смерть гнался за мною,
Вдруг провеяло над ним
Вихрем с серой проливною.

С высоты дохнул огонь,
Меч, исторгнутый из ножен, —
И отпрянул Смерти конь,
Перед Господом ничтожен.

Как росу с попутных трав,
Плоть томленья отряхнула,
И душа, возликовав,
В бесконечность заглянула.

С той поры не наугад
Я иду путем спасенья,
И вослед мне: «Свят, свят, свят», —
Шепчут камни и растенья.

<1911>

84

Я пришел к тебе убогий,
Из отшельничьих пустынь,
От родимого порога
Пилигрима не отринь.

Слышишь, пеною студеной
Море мечет в берега...
Приюти от ночи темной,
Обогрей у очага.

Мой грозою сорван парус
И челнок пучиной взят, —
Отложи на время гарус,
Подыми от прялки взгляд...

Расскажи про край родимый,
Хорошо ль живется в нем,
Всё лежит он недвижимый
Под туманом и дождем?

Как и прежде, мглой повиты,
В брызгах пенистых валов,
Плачут серые граниты
У пустынных берегов?

Если «да» в ответ услышу
Роковое от тебя,—
Гробовую буду нишу
Я готовить для себя.

Если ж «нет»... Рокочет злая
Непогода без конца.
Ты молчишь, не подымая
Бездыханного лица.

К заповедному приходу
Роковое допряла
И орлиную свободу
Раньше родины нашла.

<1911>

85

В Моем раю обитель есть,
Как день, лазурно-беспотемна,
Где лезвия не точит месть,
Где не выносят трупов волны.

За непреклонные врата
Лишь тот из смертных проникает,
На ком голгофского креста
Печать высокая сияет.

Тому в обители Моей
Сторицей горести зачтутся,
И слезы выспренних очей
Для всезабвения утрутся.

Он не воротится назад —
Нерукотворных сеней житель,
И за него, в тиши палат
Не раз содрóгнется мучитель.

<1911>

86

Я обещаю вам сады...
К. Бальмонт

Вы обещали нам сады
В краю улыбчиво-далеком,
Где снедь — волшебные плоды,
Живым питающие соком.

Вещали вы: «Далеких зла
Мы вас от горестей укроем,
И прокаженные тела
В ручьях целительных омоем».

На зов пошли: Чума, Увечье,
Убийство, Голод и Разврат,
С лица — вампиры, по наречью —
В глухом ущелье водопад.

За ними следом Страх тлетворный
С дырявой Бедностью пошли, —
И облетел ваш сад узорный,
Ручьи отравой потекли.

За пришлецами напоследок
Идем неведомые Мы, —
Наш аромат смолист и едок,
Мы освежительней зимы.

Вскормили нас ущелий недра,
Вспоил дождями небосклон,
Мы — валуны, седые кедры,
Лесных ключей и сосен звон.

<1911>

87

Оттул колоколов то полновесно-четкий,
То дробно-золотой, колдует и пьянит.
Кто этот, в стороне, величественно-кроткий,
В одежде пришлеца, отверженным стоит?

Его встречаю я во храме, на проселке,
По виду нищего, в лохмотьях и в пыли,
Дивясь на язвы рук, на жесткие иголки,
Что светлое чело короной оплели.

Ужели это Он? О сердце, бейся тише!
Твой трепетный восторг гордынею рожден;
По ком томишься ты, Тот в полумраке ниши,
Поруганный мертвец, ко древу пригвожден.

Бесчувственному чужд Пришелец величавый,
Служитель перед Ним тимьяна не курит,
И кутаясь во мглу, как исполин костлявый,
С дыханьем льдистым смерть Его очей бежит.

<1911>

88—89. Александру Блоку

1

Верить ли песням твоим —
Птицам морского рассвета, —

Будто туманом глухим
Водная зыбь не одета?

Вышли из хижины мы,
Смотрим в морозные дали:
Души метели и тьмы
Взморье снегами сковали.

Тщетно тоскующий взгляд
Скал испытует граниты,—
В них лишь родимый фрегат
Грудью зияет разбитой.

Долго ль обветренный флаг
Будет трепаться так жалко?..
Есть у нас зимний очаг,
Матери мерная прялка.

В снежности синих ночей
Будем под прялки жужжанье
Слушать пролет журавлей,
Моря глухое дыханье.

Радость незримо придет,
И над вечерними нами
Тонкой рукою зажжет
Зорь незакатное пламя.

<1910>

2

Я болен сладостным недугом —
Осенней, рдяною тоской.
Нерасторжимым полукругом
Сомкнулось небо надо мной.

Она везде, неуловима,
Трепещет, дышит и живет:

В рыбачьей песне, в свитках дыма,
В жужжанье ос и блеске вод.

В шуршанье трав — ее походка,
В нагорном эхо — всплески рук,
И казематная решетка —
Лишь символ смерти и разлук.

Ее ли косы смоляные,
Как ветер смех, мгновенный взгляд...
О, кто Ты: Женщина? Россия?
В годину черную собрат!

Поведай: тайное сомненье
Какою казнью искупить,
Чтоб на единое мгновенье
Твой лик прекрасный уловить?

<1911>

90

Ты не плачь, не крушись,
Сердца робость избудь
И отбыть не страшись
В предуказанный путь.

Чем ущербней зима
К мигу солнечных встреч,
Тем угрюмей тюрьма
Будет сказку стеречь.

И в весенний прилет
По тебе лишь одной
У острожных ворот
Загрустит часовой.

<1911>

91

На песню, на сказку рассудок молчит,
Но сердцу так странно правдиво, —
И плачет оно, непонятно грустит,
О чем? — знают ветры да ивы.

О том ли, что юность бесследно прошла,
Что поле заплаканно-нище?
Вон серые избы родного села,
Луга, перелески, кладбище.

Вглядись в листопадную странничью даль,
В болот и оврагов пологость,
И сердцу-дитяти утешной едва ль
Почуется правды суровость.

Потянет к загадке, свирельной мечте,
Вздохнуть, улыбнуться украдкой
Задумчиво-нежной небес высоте
И ивам, лепечущим сладко.

Примнится чертогом — покров шалаша,
Колдуньей лесной — незабудка,
И горько в себе посмеется душа
Над правдой слепого рассудка.

<1911>

92

Весна отсияла... Как сладостно больно,
Душой отрезвяся, любовь схоронить.
Ковыльное поле дремуче-раздольно,
И рдяна заката огнистая нить.

И серые избы с часовней убогой,
Понурые ели, бурьяны и льны

Суровым безвестьем, печалию строгой —
«Навеки», «Прощаю» — как сердце, полны.

О матерь-отчизна, какими тропами
Бездольному сыну укажешь пойти:
Разбойную ль удаль померять с врагами,
Иль робкой былинкой кивать при пути?

Былинка поблекнет, и удаль обманет,
Умчится, как буря, надежды губя, —
Пусть ветром нагорным душа моя станет
Пророческой сказкой баюкать тебя.

Баюкать безмолвье и бури лелеять,
В степи непогожей шуметь ковылем,
На спящие села прохладою веять
И в окна стучаться дозорным крылом.

<1911>

93

Спят косогор и река
Призраком сизо-туманным.
Вот принесло мотылька
Ночи дыханьем медвяным.

Шолом избы, как челнок,
В заводи смерти глядится...
Ангелом стал мотылек
С райскою ветвью в деснице.

Слышу бесплотную весть —
Голос чарующе властный:
«Был ты и будешь, и есть —
Смерти вовек непричастный».

<1911>

94

Косогоры, низины, болота,
Над болотами ржавая марь.
Осыпается рощ позолота,
В бледном воздухе ладана гарь.

На прогалине теплятся свечи,
Озаряя узорчатый гроб,
Бездыханные девичьи плечи
И молитвенный, с венчиком, лоб.

Осень — с бледным челом инокиня —
Над покойницей правит обряд.
Даль мутна, речка призрачно синя,
В роще дятлы зловеще стучат.

1911?

95

Ржавым снегом-листопадом
Пруд и домик замело.
Под луны волшебным взглядом
Ты — как белое крыло.

Там, за садом, мир огромный,
В дымных тучах небосклон;
Здесь серебряные клены,
Чародейный, лунный сон.

По кустам досель кочуя,
Тень балкон заволокла.
Ветер с моря. Бурю чуя,
Крепнут белые крыла.

1911?

96

Мне сказали, что ты умерла
Заодно с золотым листопадом
И теперь, лучезарно светла,
Правишь горним, неведомым градом.

Я нездешним забыться готов,
Ты всегда баснословной казалась
И багрянцем осенних листов
Не однажды со мной любовалась.

Говорят, что не стало тебя,
Но любви иссякаемы ль струи:
Разве зори — не ласка твоя,
И лучи — не твои поцелуи?

1911?

97. Братская песня

Поручил ключи от ада
Нам Вселюбящий стеречь,
Наша крепость и ограда —
Заревой, палящий меч.

Град наш тернием украшен,
Без кумирен и палат,
На твердынях светлых башен
Братья-воины стоят.

Их откинуты забрала,
Адамант — стожарный щит,
И ни ад, ни смерти жало
Духоборцев не страшит.

Кто придет в нетленный город,
Для вражды неуязвим,

Всяк собрат нам — стар и молод,
Земледел и пилигрим.

Ада пламенные своды
Разомкнуть дано лишь нам,
Человеческие роды
Повести к живым рекам.

Наши битвенные гимны
Буреветрами звучат...
Звякнул ключ гостеприимный
У предвечных светлых врат.

<1911, 1918>

98. Песнь похода

Братья-воины, дерзайте
Встречу вражеским полкам!
Пеплом кос не посыпайте,
Жены, матери, по нам.

Наши груди — гор уступы,
Адаманты — рамена.
Под смоковничные купы
Соберутся племена.

Росы горние увлажат
Дня палящие лучи,
Братья раны перевяжут —
Среброкрылые врачи...

В светлом лагере победы,
Как рассветный ветер гор,
Сокрушившего все беды,
Воспоет небесный хор, —

Херувимы, серафимы...
И, как с другом дорогим,
Жизни Царь Дориносимый
Вечерять воссядет с ним,

Винограда вкусит гроздий,
Для сыновних видим глаз...
Чем смертельней терн и гвозди,
Тем победы ближе час...

Дух животными крылами
Прикоснется к мертвецам,
И завеса в пышном храме
Раздерется пополам...

Избежав могильной клети,
Сопричастники живым,
Мы убийц своих приветим
Целованием святым:

И враги, дрожа, тоскуя,
К нам на груди припадут...
Аллилуйя, аллилуйя!
Камни гор возопиют.

<1912>

99. Усладный стих

Под ивушкой зеленой,
На муравчатом подножье травном,
Где ветер-братик нас в уста целует,
Где соловушко-свирель поет-жалкует,
Соберемся-ка мы, други-братолюбцы,
Тихомудрой, тесною семейкой,
Всяк с своей душевною жилейкой.

Мы вспоем-ка, друженьки, взыграем,
Глядючи друг другу в очи возрыдаем
Что ль о той приземной доле тесной,
Об украшенной обители небесной,
Где мы в Свете Неприступном пребывали,
Хлеб животный, воду райскую вкушали,
Были общники Всещедрой Силы,
Громогласны, световидны, шестикрылы...
Серафимами тогда мы прозывались,
Молоньею твари трепетной казались...
Откликались бурей-молвью громной,
Опоясаны броней нерукотворной.

Да еще мы, братики, воспомним,
Дух утробу брашном сладостным накормим,
Как мы, духи, человечью плоть прияли,
Сетовязами, ловцами в мире стали,
Как рыбачили в водах Геннисарета:
Где Ты, — Альфа и Омега, Отче Света?..

Свет явился, рек нам: «Мир вам, други!»
Мы оставили мережи и лачуги
И пошли вослед Любови-Света,
Воссиявшего земле от Назарета.

Рек нам Свете: «С вами Я вовеки!
Обагрятся кровью вашей реки,
Плотью вашей будут звери сыты,
Но в уме вы Отчем не забыты».

Мы восплещем, други, возликуем,
Заодно с соловкой пожалкуем.
С вешней ивой росно прослезимся,
В серафимский зрак преобразимся:

Наши лица заряницы краше,
Молоньи лучистей ризы наши,
За спиной шесть крылий легковейных,
На кудрях венец из звезд вечерних!

Мы восплещем зарными крылами
Над кручинными всерусскими полями,
Вдунем в борозды заплаканные нови
Дух живой всепобеждающей любови, —

И в награду, друженьки, за это
Вознесут нас крылья в лоно Света.
<1912>

100

Он придет! Он придет! И содрóгнутся горы
Звездоперстой стопы огневого царя,
Как под ветром осока, преклóнятся боры,
Степь расстелет ковры, ароматы куря.

Он воссядет под елью, как море, гремучей,
На слепящий престол, в нестерпимых лучах,
Притекут к нему звери пучиной рыкучей,
И сойдутся народы с тоскою в очах.

Он затопчет, как сор, вероломства законы,
Духом уст поразит исполинов-бойцов,
Даст державу простым и презренным короны,
Чтобы царством владели во веки веков.

Мы с тобою, сестра, боязливы и нищи,
Будем в море людском сиротами стоять:
Ты печальна, как ивы родного кладбища,
И на мне не изглажена смерти печать.

Содрогаясь, мы внемлем Судьи приговору:
«Истребися, воскресни, восстань и живи!»

Кто-то шепчет тебе: «К бурь и молний собору
Вы причислены оба — за подвиг любви».

И пойму я, что минуло царство могилы,
Что за гробом припал я к живому ключу...
Воспаришь ты к созвездьям орлом буйнокрылым,
Молоньей просияв, я вослед полечу.

<1912>

101

Я пришел к тебе, сыр-дремучий бор,
Из-за быстрых рек, из-за дальних гор,
Чтоб у ног твоих, витязь-схимнище,
Подышать лесной древней силищей.

Ты прости, отец, сына нищего,
Песню-золото расточившего,
Не кудрявичем под гуслярный звон
В зелен терем твой постучался он.

Богатырь душой, певник розмыслом,
Подружился я с древним обликом,
Променял парчу на сермяжину,
Кудри-вихори на плешь-лысину.

Поклонюсь тебе, государь, душой —
Укажи тропу в зелен терем свой!
Там, двенадцать в ряд, братовья сидят —
Самоцветней зорь боевой наряд...

Расскажу я им, баснослов-баян,
Что в родных степях поредел туман,
Что сокрылися гады, филины,
Супротивники пересилены,

Что крещеный люд на завалинах,
Словно вешний цвет на прогалинах...

Ах, не в руку сон! Седовласый бор
Чуда-терема сторожит затвор:
На седых щеках слезовая смоль,
Меж бровей-трущоб вещей думы боль.
<1912>

102

О, поспешите, братья, к нам,
В наш чудный храм, где зори — свечи,
Где предалтарный фимиам —
Туманы дремлющих поречий!

Спешите к нам, пока роса
Поит возжаждавшие травы
И в заревые пояса
Одеты дымные дубравы,

Служить Заутреню любви,
Вкусить кровей, живого хлеба...
Кто жив, души не очерстви
Для горних труб и зова неба!

В передрассветный тайный час,
Под заревыми куполами,
Как летний дождь, сойдет на нас
Всёомывающее пламя.

Продлится миг, как долгий век,
Взойдут неведомые светы...
У лучезарных райских рек
Сойдемся мы, в виссон одеты.

Доверясь радужным ладьям,
Мы поплывем, минуя мысы...

О, поспешите, братья, к нам
В нетленный сад, под кипарисы!

<1912>

103. Полунощница

(*Зачало. Возглас первый*)

Всенощные свечи затеплены,
Златотканные подножья разостланы,
Воскурен ладан невидимый,
Всколыбнулося би́ло вселенское,
Взвеяли гласы серафимские;
Собирайтесь-ка, други, в Церковь Божию,
Пречудную, пресвятейшую!
Собираючись, други, поразмыслите,
На себя поглядите оком мысленным,
Не таится ли в ком слово бренное,
Не запачканы ль где ризы чистые,
Легковейны ль крыла светозарные?
Коль уста — труба, ризы — облако,
Крылья — вихори поднебесные,
То стекайтесь в Храм все без боязни!

(*Лик голосов*)

Растворитеся врата
Пламенного храма,
Мы — глашатаи Христа,
Первенцы Адама.

Человечий бренный род
Согрешил в Адаме, —
Мы омыты вместо вод
Крестными кровями.

Нам дарована Звезда,
Ключ от адской бездны,

Мы порвали навсегда
Смерти плен железный.

Вышли в райские луга,
Под живые крины,
Где не чуется Врага
И земной кручины,

Где смотреть Христу в глаза —
Наш блаженный жребий,
Серафимы — образа,
Свечи — зори в небе.

(*Конец. Возглас второй*)

Наша нива — тверди круг,
Колосится звездной рожью,
И лежит вселенский круг
У Господнего подножья.

Уж отточены серпы
Для новины лучезарной,
Скоро свяжется в снопы
Колос дремлюще-янтарный!

(*Лик голосов*)

Аминь!

<1912>

104. Песня про судьбу

Из-за леса лесу темного,
Из-за садика зеленого

Не ясен сокол вылётывал,—
Добрый молодец выезживал.

По одёже — он купецкий сын,
По обличью — парень-пахотник.

Он подъехал во чистом поле
Ко ракитовому кустику,

С корня сламывал три прутика,
Повыстругивал три жеребья.

Он слезал с коня пеганого,
Становился на прогалине,
Черной земи низко кланяясь:

«Ты ответствуй, мать-сыра земля,
С волчняком-травой, с дубровою,

Мне какой, заочно суженый,
Изо трех повыбрать жеребий?

Первый жеребий — быть лапотником,
Тихомудрым черным пахарем,

Средний — духом ожелезиться,
Стать фабричным горемыкою,

Третий — рай высокий, мысленный
Добру молодцу дарующий,

Там река течет животная,
Веют воздухи безбольные,

Младость резвая не старится,
Не седеют кудри-вихори».

<1912>

105

Прохожу ночной деревней,
В темных избах нет огня,

Явью сказочною, древней
Потянуло на меня.

В настоящем разуверясь,
Стародавних полон сил,
Распахнул я лихо ферязь,
Шапку-соболь заломил.

Свистнул, хлопнул у дороги
В удалецкую ладонь,
И, как вихорь, звонконогий
Подо мною взвился конь.

Прискакал. Дубровым зверем
Конь храпит, копытом бьет, —
Предо мной узорный терем,
Нет дозора у ворот.

Привязал гнедого к тыну;
Будет лихо али прок,
Пояс шелковый закину
На точеный шеломок.

Скрипнет крашеная ставня...
«Что, разлапушка,— не спишь?
Неспроста повесу-парня
Знают Кама и Иртыш!

Наши хаживали струги
До Хвалынщины подчас, —
Не иссякнут у подруги
Бирюза и канифас...»

Прояснилися избенки,
Речка в утреннем дыму.
Гусли-морок, всхлипнув звонко,
Искрой канули во тьму.

Но в душе, как хмель, струится
Вещих звуков серебро —
Отлетевшей жаро-птицы
Самоцветное перо.

<1912>

106

В просинь вод загляделися ивы,
Словно в зеркальце девка-краса.
Убегают дороги извивы,
Перелесков, лесов пояса.

На деревне грачиные граи,
Бродит сонь, волокнится дымок;
У плотины, где мшистые сваи,
Нижет скатную зернь Солнопёк —

Водянице стожарную кику:
Самоцвет, зарянец, камень-зель.
Стародавнему верен навы́ку,
Прихожу на поречную мель.

Кличу девушку с русой косою,
С зыбким голосом, с вишеньем щек,
Ивы шепчут: «Сегодня с красою
Поменялся кольцом Солнопёк.

Подарил ее зарною кикой,
Заголубил в речном терему...»
С рощи тянет смолой, земляникой,
Даль и воды в лазурном дыму.

<1912>

107

Западите-ка, девичьи тропины,
Замуравьтесь травою-лебедой, —

Молоде́ньке зеленой не топтати
Макасатовым красным сапожком.

Приубавила гульбища-воленья
От зазнобушки грамотка-письмо;
Я по зорьке скорописчату читала,
До полуночи в думушку брала.

Пишет девушка смертельное прощенье
С Ерусланова, милый, городка, —
На поминку шлет скатное колечко,
На кручинушку бел-гербовый лист.

Я ложила колечко в изголовье, —
Золотое покою не дает.
С ранней пташкою девка пробудилась —
Распрощалася с матерью, отцом,

Обряжалася черною монашкой,
Расставалась с пригожеством-красой...
Замуравьтеся, девичьи тропины,
Смольным ельником, частою лозой.

<1912>

108. Посадская

Не шуми, трава шелко́ва,
Бел-призорник, зарецвет,
Вышиваю для милова
Левантиновый кисет.

Я по алу левантину
Расписной разброшу стёг,
Вышью Гору Соколину,
Белокаменный острог.

Неба ясные упёки
Наведу на уголки,
Бирюзой занижу реки,
С Беломорьем — Соловки.

Оторочку на кисете
Литерами обовью:
«Люди» с титлою, «Мыслете»,
Объявилося: «Люблю».

Ах, недаром на посаде
Грамотеей я слыву...
Зелен-ветер в палисаде
Всколыхнул призор-траву.

Не клонись, вещунья-травка,
Без тебя вдомек уму:
Я — посадская чернавка,
Мил жирует в терему.

У милого — кунья шуба,
Гоголиной масти конь,
У меня — сахарны губы,
Косы чалые в ладонь.

Не окупит мил любови
Четвертиной серебра...
Заревейте на обнове,
Расписные литера!

Дорог камень бирюзовый,
В стёг мудреный заплестись,
Ты, муравонька шелкова,
Самобранкой расстелись.

Не завихрился бы в поле
Подкопытный прах столбом,

Как проскачет конь гоголий
С зарнооким седоком.

<1912>

109

Недозрелую калинушку
Не ломают и не рвут, —
Недорощена детинушку
Во солдаты не берут.

Придорожну скатну ягоду
Топчут конник, пешеход, —
По двадцатой красной осени
Парня гонят во поход.

Раскудрявьтесь, кудри-вихори,
Брови — черные стрижи,
Ты, размыкушка-гармоника,
Про судину расскажи:

Во незнаемой сторонушке
Красовита ли гульба?
По страде свежит ли прохододь,
В стужу греет ли изба?

Есть ли улица расхожая,
Девка-зорька, маков цвет,
Али ночка непогожая
Ко сударке застит след?

Ах, размыкушке-гармонике
Поиграть не долог срок!..
Придорожную калинушку
Топчут пеший и ездок.

<1912>

110. Свадебная

Ты, судинушка — чужая сторона,
Что свекровьими попреками красна,

Стань-ка городом, дорогой столбовой,
Краснорядною торговой слободой!

Было б друженьке где волю волевать,
В сарафане-разгуляне щеголять,

Краснорядцев с ума-разума сводить,
Развеселой слобожанкою прослыть,

Перемочь невыносимую тоску —
Подариться нелюбиму муженьку!

Муж повышпилит булавочки с косы,
Не помилует девической красы,

Сгонит с облика белила и сурьму,
Не обряжет в расписную бахрому.

Станет друженька преклонливей травы,
Не услышит человеческой молвы,

Только благовест учует поутру
Перехожую волынку ввечеру.

<1912>

111

Без посохов, без злата
Мы двинулися в путь.
Пустыня мглой объята,
Нам негде отдохнуть.

Здесь воины погибли,
Лежат булат, щиты...
Пред нами вечных библий
Развернуты листы.

В божественные строки,
Дрожа, вникаем мы,
Слагаем, одиноки,
Орлиные псалмы.

О, кто поймет, услышит
Псалмов высокий лад?
А где-то росно дышит
Черемуховый сад.

За створчатою рамой
Малиновый платок, —
Туда ведет нас прямо
Тысячелетний рок.

Пахнуло смольным медом
С березовых лядин...
Из нас с Садко-народом
Не сгинет ни один.

У Садко — самогуды,
Стозвонная молва;
У нас — стихи-причуды,
Заморские слова.

У Садко — цвет-призорник,
Жар-птица, синь-туман;
У нас — плакун-терновник
И кровь гвоздинных ран.

Пустыня на утрате,
Пора исчислить путь,

У Садко в красной хате
От странствий отдохнуть.

<1912>

112

Я — мраморный ангел на старом погосте,
Где схимницы-ели да никлый плакун,
Крылом осеняю трухлявые кости,
Подножья ответренный ржавый чугун,
В руке моей лира, и бренные гости
Уснули под отзвуки каменных струн.

И многие годы, судьбы непреклонней,
Блюду я забвение, сны и гроба.
Поэзии символ — мой гимн легкозвонней,
Чем осенью трав золотая мольба...
Но бдите и бойтесь! За глубью ладоней,
Как буря в ущелье, таится труба!

<1912>

113. Святая быль

Солетали ко мне други-воины
С братолюбным уветом да ласкою,
Приносили гостинцы небесные,
Воду, хлеб, виноградье Адамово,
Благовестное ветвие раево.
Вопрошали меня гости-воины:
«Ты ответствуй, скажи, добрый молодец,
Отчего ты душою кручинишься,
Как под вихорем ель, клонишь голову?
Износилось ли платье стожарное,
Загусел ли венец зарнокованный
Али звездные перстни осыпались,

Али райская песня не ладится?»
Я на спрос огнекрылым ответствовал:
«Ай же, други — небесные витязи,
Мое платье — заря, венец — радуга,
Перстни — звезды, а песня, что вихори,
Камню, травке и зверю утешные;
Я кручинюсь, сумлююсь я, друженьки,
По земле святорусския — матери:
На нее века я с небес взирал,
К ней звездою слетев, человеком стал;
Двадцать белых зим, вёсен, осеней
Я дышу земным бренным воздухом,
Вижу гор алтарь, степь-кадильницу,
Бор — притин молитв, дум убежище, —
Всем по духу брат, с человеками
Разошелся я жизнью внутренней...
Святорусский люд темен разумом,
Страшен косностью, лют обычаем;
Он на зелен бор топоры вострит,
Замуруд степей губит полымем.
Перед сильным — червь, он про слабого
За сивухи ковш яму выроет,
Он на цвет полей тучей хмурится,
На красу небес не оглянется...»

Опустив мечи и скрестив крыла,
Мой навет друзья чутко слушали.
Как весенний гром на поля дохнет,
Как в горах рассвет зоем скажется,
Так один из них взвеял голосом:
«Мир и мир тебе, одноотчий брат,
Мир устам твоим, слову каждому!
Мы к твоим устам приклонили слух
И дадим ответ по разумию».
Тут взмахнул мечом светозарный гость,
Рассекал меня, словно голубя,
Под зенитный круг, в Божьи воздухи;
И открылось мне: Глубина Глубин,

Незакатный Свет, только Свет один!
Только громы кругом откликаются,
Только гор алтари озаряются,
Только крылья кругом развеваются!
И звучит над горами: Победа и Мир!

В бесконечности духа бессмертия пир.

<1912>

114. Старуха

Сын обижает, невестка не слухает,
Хлебным куском да бездельем корит;
Чую — на кладбище колокол ухает,
Ладаном тянет от вешних ракит.

Вышла я в поле, седая, горбатая, —
Нива без прясла, кругом сирота...
Свесила верба сережки мохнатые,
Меда душистей, белее холста.

Верба-невеста, молодка пригожая,
Зеленью-платом не засти зари;
Аль с алоцветной красою не схожа я —
Косы желтее, чем бус янтари.

Ал сарафан с расписной оторочкою,
Белый рукав и плясун-башмачок...
Хворым младенчиком, всхлипнув над кочкою,
Звон оголосил пролесок и лог.

Схожа я с мшистой, заплаканной ивою,
Мне ли крутиться в янтарь-бахрому?..
Зой-невидимка унывней, дремливей,
Белые вербы в кадильном дыму.

<1912>

115

Набух, оттаял лед на речке,
Стал пегим, ржаво-золотым,
В кустах затеплилися свечки,
И засинел кадильный дым.

Березки — бледные белички,
Потупясь, выстроились в ряд.
Я голоску веснянки-птички,
Как материнской ласке, рад.

Природы радостный причастник,
На облака молюся я,
На мне иноческий подрясник
И монастырская скуфья.

Обету строгому неверен,
Ушел я в поле к лознякам,
Чтоб поглядеть, как мир безмерен,
Как луч скользит по облакам,

Как пробудившиеся речки
Бурлят на талых валунах,
И невидимка теплит свечки
В нагих, дымящихся кустах.

<1912>

116

Я молился бы лику заката,
Темной роще, туману, ручьям,
Да тяжелая дверь каземата
Не пускает к родимым полям —

Наглядеться на бора опушку,
Листопадом, смолой подышать,

Постучаться в лесную избушку,
Где за пряжею старится мать...

Не она ли за пряслом решетки
Ветровою свирелью поет...
Вечер нижет янтарные четки,
Красит золотом треснувший свод.

<1912>

117

Певучей думой обуян,
Дремлю под жесткою дерюгой.
Я — королевич Еруслан,
В пути за пленницей-подругой.

Мой конь под алым чепраком,
На мне серебряные латы...
А мать жужжит веретеном
В луче осеннего заката.

Смежают сумерки глаза,
На лихо жалуется прялка...
Дымится омут, спит лоза,
В осоке девушка-русалка.

Она поет, манит на дно
От неги ярого избытка...
Замри, судьбы веретено,
Порвись, тоскующая нитка!

<1912>

118. Красная горка

Как у нашего двора
Есть укатана гора,

Ах, укатана, увалена,
Водою полита.

Принаскучило младой
Шить серебряной иглой, —

Я со лавочки встала́,
Серой уткой поплыла,

По за сенцам — лебедком,
Под крылечико — бегом.

Ах, не ведала млада,
Что гора — моя беда,

Что козловый башмачок
По раскату — не ходок!

Я и этак, я и так,—
Упирается башмак.

На ту пору паренек
Подал девушке платок.

Я бахромчат плат брала,
Парню славу воздала:

«Ты откуль изволишь быть,
Чем тебя благодарить:

Золотою ли казной
Али пьяною гостьбой?»

Раскудрявич мне в ответ:
«Я по волости сосед:

Приурочил для тебя
Плат и вихоря-коня,

Сани лаковые,
Губы маковые».

<1912>

119

Горные сосны звучат,
Словно далекие трубы.
Буен лесной аромат,
Травы матеры и грубы.
Встречу — глухая тропа
Шлет вам извилины, дуги,
Черного гнома — попа,
Рыцаря в тяжкой кольчуге,
Стен одичалый гранит,
Крики всполошенной птицы...
Замок в ущелье стоит,
В небо вонзилися шпицы.
Треснула арка ворот,
Рвы поросли молочаем,
Здесь мы, без горьких забот,
Сказку любви скоротаем.
Сладок нам снов аромат,
Призраки древности любы,
Брачным органом звучат
Сосен нагорные трубы.

<1912>

120. Песнь утешения

Что вы, други, приуныли,
Закручинились о чем,
О безвестной ли могиле
Аль о рае золотом?

О житейском хлебе-соли, —
Изобильном животе
Аль от мук гвоздиной боли
На невидимом кресте?

Запеклися кровью губы,
Жизнь иссякла в телесах...
Веют ангельские трубы
В громкозвучных небесах.

Пробудитесь, светы-други,
Иисусовы птенцы,
Обрядитеся в кольчуги,
Навострите кладенцы!

Град наш сумрачною тучей
Обложила вражья рать:
Кто прекрасней и могучей
Поединок зачинать?

Победительные громы
До седьмых дойдут небес,
Заградит твердынь проломы
Серафимских копий лес!

Что, собратья, приуныли,
Оскудели моготой?
Расплесните перья крылий,
Просияйте молоньёй,

Красотой затмите зори,
Славу звезд, луны чертог,
Как бывало на Фаворе
У Христовых чистых ног.

<1912>

121—123. Радельные песни

1

Ах вы, други — полюбовные собратья,
Обряжайтеся в одёжу — в цветно платье.

Снаряжайтесь, умывайтеся беленько,
Расцвечайтеся, как зорюшка, аленько,

Укрепитеся, собратья, хлебом-солью,
Причаститеся незримой Агнчей кровью!

Как у нас ли, други, ныне радость:
Отошли от нас болезни, смерть и старость.

Стали плотью мы заката зарянее,
Поднебесных облак-туч вольнее.

Разделяют с нами брашна серафимы,
Осеняют нас крылами легче дыма,

Сотворяют с нами знамение-чудо,
Возлагают наши душеньки на блюдо.

Дух возносят серафимы к Саваофу,
Телеса на Иисусову Голгофу.

Мы в раю вкушаем ягод грозди,
На земле же терпим крест и гвозди.

Перебиты наши голени и ребра...
Ей, гряди ко стаду, Пастырь добрый!

<1912>

2

Мне сказали — Света век не видать, —
Белый Светик и поныне во глазах.

Я возьму каленовострую стрелу,
На полете звонкоперой накажу:

«Не кровавь, стрела зубчата, острия,
Ни о зверя, ни о малого червя».

Не послушалась каленая меня,
Полетела за туманные моря.

За морями синий камешек лежит,
Из-под камня быстра реченька бежит,

Вдоль по речке лебедь белая плывет,
Выше берега головушку несет,

Выше леса крылья взмахивает,
На себя водицу всплескивает.

Угодила звонкоперая стрела
В жилу смертную лебяжьего крыла.

Дрогнул берег, зашаталися леса,
Прокатилися по взгорьям голоса:

«Ныне, други, сочетался с братом брат,
С белой яблоней — зеленый виноград!»

<1912>

3

Ты взойди, взойди, Невечерний Свет,
С земнородными положи завет!

Чтоб отныне ли до скончания
Позабылися скорби давние,

Чтоб в ночи душе не кручинилось,
В утро белое зла не виделось,

Не желтели бы травы тучные,
Ветры веяли б сладкозвучные,

От земных сторон смерть бежала бы,
Твари дышущей смолкли б жалобы.

Ты взойди, взойди, Невечерний Свет, —
Необорный меч и стена от бед!

Без тебя, Отец, вождь, невеста, друг,
Не найти тропы на животный луг,

Зарных ангельских не срывать цветов,
Победительных не сплетать венков,

Не взыграть в трубу, в гусли горние,
Не завихрить крыл, ярче молнии.

<1912>

124. Бабья песня

Страховито деревинке под грозой стояти,
Листопадные волосья по ветру трепати,
Таково ли молоденьке за неладным мужем,
Как за вороном касатке, годы коротати.

Надоумилося птахе перышки оправить, —
Молодешеньке у мужа спеси поубавить.
Я рядилася в уборы — в дорогую кику,
Еще в алу косоплётку — по любезну память,

Улещала муженечка в рощу погуляти,
На заманку посулила князем величати.
Улучала молоденька времени маленько, —
Привязала лиходея ко дремучей ели.

Я гуляла-пировала круглую неделю
С кудреватым, вороватым, с головой разбойной.
По разлуке, по гостибью разума хватилась,
Заставала душу в теле — муженька у ели:

«Еще станешь ли, негодный, любу веселити?»
— «Ой, сударыня-жена, буду забавляти!»
— «Еще станешь ли, негодный, на гульбу возити?»
— «Ой, боярыня-жена, буду на пеганке!»

«Ах, пегана у цыгана, сани на базаре,
Крутобокое седельце у дружка в промене,
Погонялочка с уздечкой — в кабаке на спице».

<1912>

125—126. На кресте

1

Лестница златая
Прянула с небес.
Вижу, умирая,
Райских кринов лес.

В кущах духов клиры, —
Светел лик, крыло...
Хмель вина и мирры
Ветром донесло.

Лоскуты рубахи
Треплются у ног...
Камни шепчут в страхе:
«Да воскреснет Бог».

2

Гвоздяные ноют раны,
Жалят тернии чело.

Чу! Развеяло туманы
Серафимское крыло.

К моему ли, горний, древу
Перервать томленья нить
Иль нечающую деву
Благовестьем озарить?

Ночь глуха и безотзывна,
Ко кресту утрачен след.
Где ты, светлая отчизна —
Голубиный Назарет?

<1912>

127

О ризы вечера, багряно-золотые,
Как ярое вино, пьяните вы меня!
Отраднее душе развалины седые
Туманов — вестников рассветного огня.

Горите же мрачней, закатные завесы!
Идет Посланец Сил, чтоб сумрак одолеть;
Пусть в безднах темноты ликуют ночи бесы,
Отгулом вторит им орудий злая медь.

Звончее топоры поют перед рассветом,
От эшафота тень черней — перед зарей...
Одежды вечера пьянят багряным цветом,
А саваны утра покоят белизной.

<1912>

128. Лес

Как сладостный орган, десницею небесной
Ты вызван из земли, чтоб бури утишать,

Живым дарить покой, жильцам могилы тесной
Несбыточные сны дыханьем навевать.

Твоих зеленых волн прибой тысячеустый,
Под сводами души рождает смутный звон,
Как будто моряку, тоскующий и грустный,
С родимых берегов доносится поклон.

Как будто в зыбях хвой рыдают серафимы,
И тяжки вздохи их и гул скорбящих крыл
О том, что Саваоф броней неуязвимой
От хищности людской тебя не оградил.

<1912>

129

По тропе-дороженьке
Могота ль брести?..
Ой вы, руки-ноженьки, —
Страдные пути!

В старину по кладочкам
Тачку я катал,
На привале давеча
Вспомнил — зарыдал.

На завóдском промысле
Жизнь не дорога...
Ой вы, думы-розмысли,
Тучи да снега!

<1912>

130. Плясея

Девка-запевало:

Я вечор, млада, во пиру была,
Хмелен мед пила, сахар кушала,
Во хмелю, млада, похвалялася
Не житьем-бытьем — красной удалью.

Не сосна в бору дрожмя дрогнула,
Топором-пилой насмерть ранена,
Не из невода рыба шалая,
Извиваючись, в омут просится,—

Это я пошла в пляску походом:
Гости-бражники рты разинули,
Домовой завыл — крякнул под полом,
На запечье кот искры выбрызнул:

Вот я —
Плясея —
Вихорь, прах летучий,
Сарафан —
Синь-туман,
Косы — бор дремучий!
Пляс — гром,
Бурелом,
Лешева погудка,
Под косой —
Луговой
Цветик незабудка!..

Парень-припевало:

Ой, пляска приворотная,
Любовь — краса залетная,
Чем вчуже вами маяться,
На плахе белолиповой
Срубить бы легче голову!

Не уголь жжет мне пазуху,
Не воск — утроба топится,
О камень — тело жаркое,
На пляс — красу орлиную
Разбойный ножик точится!

<1912>

131

Простятся вам столетий иго,
И всё, чем страшен казни час,
Вражба тупых и мудрых книги,
Как змеи, жалящие нас.

Придет пора, и будут сыты
Нездешней мудростью умы,
И надмогильные ракиты
Зазеленеют средь зимы.

<1912>

132

Чу! Перекатный стук на гумнах,
Он на заре стучит, как рог.
От бед, от козней полоумных
Мой вещий дух не занемог.

Я всё такой же, как в столетьях,
Широкогрудый удалец...
Знать, к солнцепёку на поветях
Рудеет утренний багрец.

От гумен тянет росным медом,
Дробь молотьбы — могучий рог.
Нас подарил обильным годом
Сребробородый, древний Бог.

<1912>

133

Снова поверилось в дали свободные,
В жизнь, как в лазурный, безгорестный путь,
Помнишь ракиты седые, надводные,
Вздохи туманов, безмолвия жуть?

Ты говорила: «Туман — настоящее,
Холоден, хмур и зловеще глубок,
Сердце пророчит забвенье целящее
В зелени ив пожелтевший листок».

Явью безбольною стало пророчество:
Просинь небес и снега за окном.
В хижине тихо. Покой, одиночество —
Веют нагорним, свежительным сном.

<1912>

134

На малиновом кусту
Сладки ягоды в росту,
Они зреют, половеют
На заманку-щипоту.

Затрудила щипота
От калинова моста,
От накладины тесовой,
Молодецка долота.

Малец кадочку долбил,
Долотёшко притупил,
На точило девку милу
Ненароком залучил.

Я не ведала про то —
В моготу ли долото,

Зарудело, заалело
Камень-тело молодо...

У малинова куста
Нету плодного листа,
Ах, в утробе по зазнобе
Зреет ягода густа.

На реке калинов мост
В снежный кутается холст, —
Девке торный, незазорный
Первопуток на погост.

На погосте мил дружок
Стружит гробик-теремок...
Белый саван, сизый ладан —
Светлый девичий зарок.

<1912>

135

Как по реченьке-реке
В острогрудом челноке,

Где падун-водоворот,
Удалой рыбак плывет.

У него приманно рус
Закудрявлен лихо ус,

Парус — облако, весло —
Лебединое крыло.

Подмережник — жемчуга,
Во мереже два сига,

Из сиговины один —
Рыбаку заочный сын.

В прибережной осоке,
В лютой немочи-тоске

Заломила руки мать.
Широка речная гладь,

Желтой мели полоса,
Словно девичья коса,

Заревые янтари —
Жар-монисто на груди.

С рыболовом, крутобок,
Бороздит янтарь челнок.

Глуби ропщут: так иль сяк —
Будешь ты на дне, рыбак.

<1912>

136. Сизый голубь

Сизый голубь ворковал,
Под оконце прилетал;
Он разведал, распознал,
Что в светлице говорят.
Ухитряют во светлице
Сиза в клетку залучить,
Чтобы с голубем девице
Красоту-любовь делить,
Обряжатися-крутиться
В алый кемрик, в скатну нить.
Буйноперый под окном
Обернулся пареньком, —

Очи — ночка, день — лицо...
Хлипко девичье крыльцо,
Тесовая дверь бела,
Клетка-горенка мала,
На лежанке пуховик —
Запрокинуть девий лик,
С перелету на груди
Птичьим пылом изойти.

<1912>

137. Досюльная

Не по зелену бархату,
Не по рытому, черевчату
Золотó кольцо катается,
Красным жаром распыляется, —
По брусяной новой горнице,
По накатной половичине
Разудалый ходит пóходом,
Голосит слова ретивые:

«Ах, брусяные хоромы,
В вас кому ли жировати,
Красоватися кому?
Угодити мне из горниц,
С белоструганых половиц
В поруб — лютую тюрьму!

Ах вы, сукна-заволоки,
Вами сосны ли крутити,
Обряжать пути-мосты?
Побраталися с детиной
Лыки белою рядниной —
Поминальные холсты!

Ах ты, сад зелено-темный,
Не заманивай соловкой,

Духом-брагой не пои:
У тебя есть гость захожий,
Под лозой лежит пригожий
С метким ножиком в груди!..»

Ой, не в колокол ударили,
Не валун с нагорья ринули,
Подломив ковыль с душицею,
На отшибе ранив осокорь, —
Повели удала волостью,
За острожный тын, как ворога,
До него зенитной птахою
Долетает причит девичий:

«Ой, не полымя в бору
Полыхает ало —
Голошу, утробой мру
По тебе, удалый.

У перильчата крыльца
Яровая мята
Залучила жеребца
Друга-супостат.

Скакуну в сыром лугу
Мята с зверобоем,
Супротивнику-врагу
Ножик в ретивое.

Свянет мятная трава,
Цвет на бересклете...
Не молодка, не вдова —
Я одна на свете.

Заторится стежка-вьюн
До девичьей хаты,

И не вытопчет скакун
У крылечка мяты».

<1912>

138

Дымно и тесно в избе,
Сумерки застят оконце,
Верь, не напрасно тебе
Грезятся небо и солнце.

Пряжи слезой не мочи,
С зимкой иссякнет куделя...
Кот, задремав на печи,
Скажет нам сказку про Леля:

«На море остров Буян,
Терем Похитчика-Змея...»
В поле редеет туман,
Бор зашептался, синея.

«Едет ко терему Лель,
Меч-кладенец наготове...»
Стукнул в оконце апрель —
Вестник победной любови.

<1912>

139

Я борозду за бороздою
Тяжелым плугом провожу
И с полуночною звездою
В овраг молиться ухожу.

Я не кладу земных поклонов
И не сплетаю рук крестом, —

Склонясь над сумрачною елью,
Горю невидимым огнем.

И чем смертельней лютый пламень,
Тем полногласней в вышине
Рыдают ангельские трубы
О незакатном, райском дне.

Но чуть заря, для трудной нови
Я покидаю дымный лог, —
В руке цветок алее крови —
Нездешней радости залог.

<1912>

140

Летел орел за тучею,
Вдогонку за гремучею,
Он воздухи разреживал,
А туч не опереживал.

Упал орел на застреху
Кружала затрапезного,
Повыглядел в оконницу —
Становище кабацкое.

Он в пляс пошел — завихрился,
Обжег метельным холодом,
Нахвальщиков-кудрявичей
Притулил на залавицы...

Ой, яра кровь орлиная,
Повадка — поступь гульная
Да чарка злая, винная,
Что песенка досюльная,
Не мимо канет-молвится,
Глянь, пьяница-пропойщина,

Мирская краснобайщина,
Тебе ль попарщик сиз орел,
Что с громом силой мерялся,
С крыльца дожди отряхивал,
С зениц стожары-сполохи.

Ан он, за красоулею
Погнавшись, стал вороною,
Каркуньей загумённою.

А и всё-то она, ворона, грает,
На весь свет растопорха пеняет:
«Извели меня вороги-люди,
Опризорили зависть да лихо,
Разлучили с невестой-звездою,
С загумённою, пьяною долей!»

<1912>

141. Поволжский сказ

Собиралися в ночнину,
Становились в тесный круг:
«Кто старшой, кому по чину
Повести за стругом струг?

Есть Иванко Шестипалый,
Васька Красный, Кудеяр,
Заугольш, Рямза, Чалый
И Размыкушка-гусляр.

Стать негоже Кудеяру,
Рямзе с Васькой-яруном!»
Порешили: быть гусляру
Струговодом-большаком!

Он доселе тешил братов,
Не застаивал ветрил,

Сызрань, Астрахань, Саратов
В небо полымем пустил.

В епанчу, поверх кольчуги,
Оболок Размыка стан
И повелел лихие струги
На слободку — Еруслан.

Плыли долго аль коротко,
Обогнули Жигули,
Еруслановой слободки
Не видали — не нашли.

Закручинились орлята:
Наважденье чем избыть?
Отступною данью-платой
Волге гусли подарить...

Воротилися в станища,
Что ни струг, то сирота:
Буруны разъели днища,
Червоточина — борта.

Объявилось горе в браге.
Привелось, хоть тяжело,
Понести лихой отваге
Черносошное тягло.

И доселе по Поволжью
Живы слухи: в ледоход
Самогуды звучной дрожью
Оглашают глуби вод.

Кто проведает — учует
Половецкий, вещий сказ,
Тот навеки зажалкует,
Не сведет с пучины глаз.

Для того туман поречий,
Стружный парус, гул валов —
Перекатный рокот сечи,
Удалой повольный зов.

Дрожь осоки — шепот жаркий,
Огневая вспышка струй —
Зарноокой полонянки
Приворотный поцелуй.

<1912>

142

Невесела нынче весна,
В полях безголосье и дрёма,
Дымится, от ливней черна
На крышах избенок солома.

Окутала сизая муть
Реку и на отмели лодку.
Как узника, тянет взглянуть
На пасмурных облак решетку.

Душа по лазури грустит,
По ладану ландышей, кашек.
В лиловых потемках ракит
Не чуется щебета пташек.

Ужель обманула зима
И сны, что про солнце шептали?
Плывут облаков терема
В рябые, потусклые дали.

<1912>

143

На припёке цветик алый
Обезлиствел и поблек, —

Свет-детина разудалый
От зазнобушки далек.

Он взвился бы буйной птицей, —
Цепи-вороги крепки,
Из темницы до светлицы
Перевалы велики.

Призапала к милой стежка,
Буреломом залегла.
За окованным окошком —
Колокольная игла.

Всё дозоры да запоры,
Каземат — глухой капкан...
Где вы, косы — темны боры,
Заряница — сарафан?

В белоструганой светелке
Кто призарился на вас,
На фату хрущата шелка,
На узорный канифас?

Заручился кто от любы
Скатным клятвенным кольцом:
Волос — зарь, малина — губы,
В цвет черемухи лицом?..

Захолонула утроба,
Кровь, как цепи, тяжела...
Помяни, душа-зазноба,
Друга — сизого орла!

Без ножа ему неволя
Кольца срезала кудрей,
Чтоб раздольней стало поле,
Песня-вихорь удалей,

Чтоб напева ветрового
Не забыл крещеный край...
Не шуми ты, мать-дуброва,
Думу думать не мешай!

<1913>

144. Песня под волынку

Как родители-разлучники
Да женитьба подневольная
Довели удала молодца
До большой тоски-раздумьица!

Допрежь сердце соколиное
Черной немочи не ведало, —
Я на гульбищах погуливал,
Шапки старосте не ламывал.

А теперича я — мóлодец,
Словно птаха-коноплянница,
Что по зорьке лёт направивши,
Птицелову в сеть сгодилася.

Как лихие путы пташицу,
Так станливого молодчика
Завязала и запутала
Молода жена-приданница.

<1913>

145

Слышишь пенье топоров
В дрёме гаснущего солнца,
Перекладину столбов
Четко видишь из оконца.

. . . .

Помнишь прошлое, товарищ,
Воли солнечные дни,
Красным золотом пожарищ
В жизнь записаны они!
Пусть разбило об утесы
Море буйную ладью, —
За полетом альбатроса
Не угнаться кораблю!
Не уплыть за быстрой тучей,
Не подняться выше звезд...
Потемнели вала кручи,
Тень упала на помост.
Торопливо ставит город
Блики круглых огоньков...
Оборвался жизни молот,
Смолкло пенье топоров.

<1913>

146

Радость видеть первый стог,
Первый сноп с родной полоски,
Есть отжиночный пирог
На меже, в тени березки.

Знать, что небо ввечеру
Над избой затеплит свечки,
Лики ангелов в бору
Отразят лесные речки.

Счастье первое дитя
Усыплять в скрипучей зыбке,
Темной памятью летя
В край, где песни и улыбки.

Уповать, что мир потерь
Канет в сумерки безвестья,
Что, как путник, стукнет в дверь
Ангел с ветвью благовестья.

<1913>

147

От дрёмы, от теми-вина́
Накренились деды-овины.
Садится за прясло луна,
Как глаз помутнело-совиный.

На просини елей кресты,
Узорно литье и чеканка...
Пробрезжило. Будит кусты
Заливчатым криком зарянка.

Загукала в роще желна,
Витлюк потянул на болото...
В избе заслюдела стена,
Как риза, рябой позолотой.

Встречая дремучий рассвет,
В углу, как святой безымянный,
По лестовке молится дед,
Белесым лучом осиянный.

<1913>

148

Я дома. Хмарой-тишиной
Меня встречают близь и дали.
Тепла лежанка, за стеной
Старухи-ели задремали.

Их не добудится пурга,
Ни зверь, ни окрик человечий...
Чу! С домовихой кочерга
Зашепелявили у печи.

Какая жуть. Мошник-петух
На жердке мреет, как куделя,
И отряхает зимний пух —
Предвестьем буйного апреля.

<1913>

149

Осинник гулче, ельник глуше,
Снега туманней и скудней.
В пару берлог разъели уши
У медвежат ватаги вшей.

У сосен стóрожки вершины,
Пахуч и бур стволов янтарь.
На разопрелые низины
Летит с мошнухою глухарь.

Бреду зареющей опушкой, —
На сучьях пляшет солнопёк...
Вон над прижухлою избушкой
Виляет беличий дымок.

Там коротают час досужий
За думой дед, за пряжей мать...
Бурлят ключи, в лесные лужи
Глядится пней и кочек рать.

<1913>

150

Теплятся звезды-лучинки,
В воздухе марь и теплынь, —
Веселы будут отжинки,
В скирдах духмяна полынь.

Спят за омежками риги,
Роща — пристанище мглы,
Будут пахучи ковриги,
Зимние избы теплы.

Минет пора обмолота,
Пуща развихрит листы, —
Будет добычна охота,
Лоски на стлищах холсты.

Месяц засветит лучинкой,
Скрипнет под лаптем снежок...
Колобы будут с начинкой,
Парень матёр и высок.

<1913>

151

Черны́ проталины, навозом,
Капустною прелью тянет с гряд.
Ушли метелица с морозом,
Оставив марту снежный плат.

И за неделю март-портняжка
Из плата выкроил зипун,
Наделял дыр, где пол запашка,
На воротник нашил галун.

Кому достанется обнова?..
Трухлявы кочки, в поле сырь,

И на заре, в глуши еловой,
Как ангелок, поет снегирь.

Капели реже, тропки суше,
Ручьи скатилися в долок...
Глядь, на припёке лен кукуший
Вздувает сизый огонек.

<1913>

152

Оскал февральского окна
Глотает залпы, космы дыма...
В углу убитая жена
Лежит строга и недвижима.

Толпятся тени у стены,
Зловеще отблески маячат...
В полях неведомой страны
Наездник с пленницею скачет.

Хватают косы ковыли,
Как стебли, свесилися руки,
А конь летит в огне, в пыли,
И за погоню нет поруки.

Прости, прости! В ковыль и мглу
Тебя умчал ездок крылатый...
Как воры, шепчутся в углу
Кирка с могильною лопатой.

<1913>

153

Ах вы, цветики, цветы лазоревы,
Алоцветней вы красной зорюшки,

Скоротечней вы быстрой реченьки!
Как на вас, цветы, лют мороз падет,
На муравушку белый утренник, —
Сгубит зябель цвет, корень выстудит!

Ах ты, дитятко, свет-Миколушка,
Как дубравный дуб — ты матёр-станлив,
Поглядеть кому — сердцу завистно,
Да осилит дуб душегуб-топор,
Моготу твою — штоф зеленого!

На горе стоит ёлочка,
Под кудрявою — светелочка,
Во светелке красны девушки сидят,
На кажинной брилянтиновый наряд,
На единой дочке вдовиной —
Посконь с серою мешковиной.

Наезжали ко светлице соколья —
Всё гостиные, купецки сыновья,
Выбирали себе женок по уму,
Увозили распригожих в Кострому,
Оставляли по залавочкам труху —
Вдовью дочерь Миколашке-питуху.

<1914>

154

Я люблю цыганские кочевья,
Свист костра и ржанье жеребят,
Под луной, как призраки, деревья
И ночной железный листопад.

Я люблю кладбищенской сторожки
Нежилой, пугающий уют,
Дальний звон и с крестиками ложки,
В чьей резьбе заклятия живут.

Зорькой тишь, гармонику в потемки,
Дым овина, в росах коноплю...
Подивятся дальние потомки
Моему безбрежному «люблю».

Что до них? Улыбчивые очи
Ловят сказки теми и лучей...
Я люблю остожья, грай сорочий,
Близь и дали, рощу и ручей.

<1914>

155

Пушистые, теплые тучи,
Над плёсом соловая марь.
За гатью, где сумрак дремучий,
Трезвонит Лесной Пономарь.

Плывут вечевые отгулы...
И чудится: витязей рать,
Развеся по ельнику тулы,
Во мхи залегла становать.

Осенняя явь Обонежья,
Как сказка, баюкает дух.
Чу, гул... Не душа ли медвежья
На темень расплакалась вслух?

Иль чует древесная сила,
Провидя судьбу наперед,
Что скоро железная жила,
Ей хвойную ризу прошьет?

Зовут эту жилу Чугункой, —
С ней лихо и гибель во мгле...
Подъёлыш с ольховой лазункой
Таятся в родимом дупле.

Тайга — боговидящий инок,
Как в схиму, закуталась в марь.
Природы великий поминок
Вещает Лесной Пономарь.

<1914>

156

Ноченька темная, жизнь подневольная...
В поле безлюдье, бесследье да жуть.
Мается душенька... Тропка окольная,
Выведи парня на хоженый путь!

Прыснул в глаза огонечек малешенек,
Темень дохнула далеким дымком.
Стар ли огневщик, младым ли младешенек,
С жаркою бровью, с лебяжьим плечом, —

Что до того? Отогреть бы ретивое,
Ворога тезкою, братом назвать...
Лютое поле, осочье шумливое
Полнятся вестью, что умерла мать,

Что не ворохнутся старые ноженьки,
Старые песни, как травы, мертвы...
Ночь — домовище, не видно дороженьки,
Негде склонить сироте головы.

<1914>

157

Пашни буры, межи зелены,
Спит за елями закат,
Камней мшистые расщелины
Влагу вешнюю таят.

Хороша лесная родина:
Глушь да поймища кругом!..
Прослезилася смородина,
Травный слушая псалом.

И не чую больше тела я,
Сердце — всхожее зерно...
Прилетайте, птицы белые,
Клюйте ярое пшено!

Льются сумерки прозрачные,
Кроют дали, изб коньки,
И березки — свечи брачные
Теплят листьев огоньки.

<1914>

158. Скрытный стих

По крещеному Белому Царству
Пролегла великая дорога,
Протекла кровавая пучина —
Есть проход лихому человеку,
Что ль проезд ночному душегубу.
Только нету вольного проходу
Тихомудру Божью пешеходу.
Как ему — Господню — путь засечен,
Завален проклятым Черным Камнем.

Из песен олонецких скрытников

Не осенний лист падьма-падает,
Не березовый на́земь валится,
Не костер в бору по моховищам
Стелет саваном дымы-пажегу, —
На Олон-реку, на Секир-гору
Соходилася нища братия.
Как Верижники с Палеострова,
Возгорельщики с Красной Ягремы,

Солодяжники с речки Андомы,
Крестоперстники с Нижней Кудамы,
Толоконники с Ершеедами,
Бегуны-люди с Водохлёбами,
Всяка сборица-Богомольщина:
Становилася ница братия
На велик камéнь, со которого
Бел плитняк плитят на могилища,
Опосля на нем — внукам памятку —
Пишут теслами год родительский,
Чертят прозвище и изочину,
На суклин щербят кость Адамову...

Не косач в силке ломит шибанки,
Черный пух роня, кровью капая,
Не язвец в норе на полесника
Смертным голосом кличет Ангела, —
Что ль звериного добра пестуна, —
Братья-старища свиховалися,
О бульжину лбами стукнули, —
Уху Спасову вестку подали:
«Ты, Пречистый Спас, Саваофов Сын, —
Не поставь во грех воздыхания:
Али мы тебе не служители,
Нищей лепоты не рачители,
Не плакиды мы, не радельщики,
За крещеный мир не молельщики,
Что нашло на нас время тесное,
Негде нищему куса вымолить,
Малу луковку во отишье съесть?
Во посад идти, — там табашники,
На церковный двор, — всё щепотники,
В поле чистое, — там Железный Змий,
Ко синю морю, — в море Чудище!

Железняк летит, как гора валит,
Юдо водное Змию побратень:

У них зрак — огонь, вздохи — торопы,
Зуб — литой чугун, печень медная...
Запропасть от них Божью страннику,
Зверю, птичине на убой пойти,
Умной рыбице в глубину сплеснуть!»

Покуль старица Спасу плакались,
На кажину тварь легота нашла:
Скокнул заюшка из-под кустышка,
Вышел журушка из болотины,
Выдра с омута нáземь вылезла,
Лещ по заводи пузыри пустил,
Ель на маковках крест затеплила.
Как на озере Пододонница,
Зелень кос чеша, гребень выронит,
И пойдет стозвон по зажоринам,
Через гатища, до матерых луд,
Где судьба ему в прах рассыпаться,
Засинеть на дне ярым жемчугом, —
Так молельщикам Глас почуялся:
«Погублю Ум Зла я Умом Любви,
Положу препон силе Змиевой,
Проращу в аду рощи тихие,
По земле пущу воды сладкие, —
Чтобы демоны с человеками
Перстнем истины обручилися,
За одним столом преломляли б хлеб,
И с одних древес плод вкушали бы!..»

Старцы Голосу поклонилися,
Обоюдный труд взяли в розмысел:
Отшатиться им на крещену Русь, —
По лугам идти — муравы не мять,
Во леса ступить — зверю мир нести,
Не держать огня, трута с плоткою,
Что ль того ножа подорожного,
Когда Гремь гремит, Тороп с Вихорем

В грозовом бою ломят палицы,
Норовят сконать Птицу-Фиюса,
Вьюжный пух с нее снегом выперхать,
Кровь заре отдать, гребень — сполоху,
А посмертный грай волку серому, —
Втымеж пахарю тайн не сказывать.
Им тогда вести речи вещие,
Когда солнышко засутемится,
И черница-темь сядет с пяльцами
Под оконце шить златны воздухи, —
Чтоб в простых словах бранный гром гремел,
В малых присловьях буря чуялась,
В послесловии ж клекот коршуна,
Как душа в груди, ясно слышался, —
Чтоб позналась мочь несусветная,
Задолело бы гору в пястку взять,
Сокрушить ее, как соломину.

<1914>

159

Изба-богатырица,
Кокошник вырезной,
Оконце, как глазница,
Подведено сурьмой.

Кругом земля-землица
Лежит, пьяна дождем,
И бора-старичища
Подоблачный шелом.

Из-под шелома строго
Грозится туча-бровь...
К заветному порогу
Я припадаю вновь.

Седых веков наследство,
Поклон вам, труд и пот!

Чу, песню малолетства
Родимая поет:

«Спородила я сынка-богатыря
Под потокою на сиверке,
На холодном полузимнике,
Чтобы дитятко по матери пошло,
Не удушливато в летнее тепло,
Под морозами не зябкое,
На воде-луде не хлябкое!

Уж я вырастила сокола-сынка
За печным столбом на выводе,
Чтоб не выглядел Старик-журавик,
Не ударил бы черемушкой,
Не сдружил бы с горькой долюшкой!»

<1914>

160

На сивом плёсе гагарий зык,—
Знать, будет вёдро и зной велик,
Как клуб берёсты, в ночи луна —
Рассвету лапти плетет она.
Сучит оборы жаровый пень,
И ткет онучи чернавка-тень.
Рассвет-кудрявич, лихой мигач,
В лесной избушке жует калач,
Глядит в оконце, и волос рус
Зарит вершины, как низка бус.
Заря Рассвету: «Ах, в руку сон!
Я пряла тучку — саврасый лен,
Колдунья-буря порвала нить,
Велела прялку навек забыть!..»
Рассвет на речь ту: «Хитрить не след,
Не День ли, купчик, тебе сосед?

Не я ли прялка?.. Мне в путь пора, —
Настыла за ночь берез кора...»
И хлопнул дверью... А купчик млад
В избу, как кречет, уходу рад.
Чтобы с жадобным уснуть часок,
Сымает Зорька ему сапог.
Глядь, луч в оконце... Рыжеет бор,
Рассвет над плёсом зажег костер.
И День затмился: «Любовь не в час!
Не тятька ль Вечер спешит в лабаз?
В лабазе сукна алей огня,
До звезд, сударка, не жди меня...»
И хлопнул дверью... Заря одна
Пошла за полог бледнее льна,
Слезой сытовой смочить рукав,
Чтоб льны дыбились тучней дубрав,
Чтоб рос под елью малыш-красик,
И славил вёдро гагарий зык.

8 августа 1914

161

В суслонах усатое жито,
Скидает летнину хорек,
Болото туманом покрыто,
И рябчик летит на манок.

У деда лесная обнова—
Берестяный белый кошель,
Изба богомольно сурова,
И хмура привратница-ель.

Крикливы куличьи пролеты
В ущербной предсолнечной мгле,
Медведю сытовые соты
Мерещатся в каждом дупле.

Дух осени прянично-терпкий
Сулит валовой листопад,
Пасет преподобный Аверкий
На речке буланых утят.

На нем балахонец убогий,
Но в сутемень видится мне,
Как свечкою венчик двурогий
Маячит в глухой глубине.

16 августа 1914

162

Растрепало солнце волосы —
Без кудрей, мол, я пригоже,
На продрогший луч и полосы
Стелет блёсткие рогожи.

То обшарит куст ракитовый,
То распляшется над речкой!..
У соседок не выпытывай:
Близко милый аль далечко?

За Онежскими порогами
Есть края, где избы — горы,
Где щетина труб с острогами
Застят росные просторы.

Там могилушка бескрестная
Безголосьем кости нежит,
И луна, как свечка местная,
По ночам над нею брезжит,

Привиденьем жуть железная,
Запахнувшись в саван, бродит, —
Не с того ль, моя болезная,
Солнце тучи хороводит?

Аль и солнышко отмыкало
Болесть нив и бездорожий,
И земле в поминок выткало
Золоченые рогожи?

<1914>

163

Сегодня в лесу именины,
На просеке пряничный дух,
В багряных шугаях осины
Умильней причастниц-старух.

Пышней кулича муравейник,
А пень — как с наливкой бутыль.
В чащé именинник-затейник
Стоит, опершись на костыль.

Он в синем, как туча, кафтанце,
Бородка — очёсок клочок;
О лете — сынке-голодранце,
Тоскует лесной старичок,

Потрафить приятельским вкусам
Он ключницу-осень зовет...
Прикутано старым бурнусом,
Спит лето в затишье болот.

Пусть осень густой варенухой
Обносит трущобных гостей —
Ленивец, хоть филин заухай,
Не сгонит дремоты с очей!

<1914>

164

Уж опозднилось... Скоро ужин...
В печужке варится кисель...
А за оконцем, в дымке стужи,
Седые космы треплет ель.

Мне отдых кажется находкой
И лаской песенка сверчка...
Душа избы старухой-теткой,
Дремля, сидит у камелька.

Прядется жизнь, и сказка длится,
Тысячелетья родит миг...
Буран, как пес, рычит и злится,
Что в поле тройки не настиг.

Потемки взором человечьим
Пытают совесть: друг иль тать?..
Отрадно сказкой, вьюжным вечем,
Как явью, грезить и дышать.

1914

165

Просинь — море, туча — кит,
А туман — лодейный парус.
За окнищем моросит
Не то сырь, не то стеклярус.

Двор — совиное крыло,
Весь в глазастом узорочье.
Судомойня — не село,
Брань — не щекоты сорочьи.

В городище, как во сне,
Люди — тля, а избы — горы.

Примерещилися мне
Беломорские просторы.

Гомон чаек, плеск весла,
Вольный промысел ловецкий:
На потух заря пошла,
Чуден остров Соловецкий.

Водяник прядет кудель,
Что волна, то пасмо пряжи...
На извозчичью артель
Я готовлю харч говяжий.

Повернет небесный кит
Хвост к теплу и водополью...
Я, как невод, что лежит
На мели, изъеден солью.

Не придет за ним помор —
Поддонный полонянник...
Правят сумерки дозор,
Как ночлег бездомный странник.

1914

166

Разохалась старуха
Про молодость, про ад.
В зените горы пуха
Пролиться норовят.

Нет моченьки на кроснах
Ткать белое рядно.
Расплакалося в соснах
Пурги веретено.

Любовь, как нитку в бёрде,
Упустишь — не найдешь.
Запомнилося твердо,
Что был матёр, пригож,

Под та́ежным медведем
Погиб лихой лесник...
Плакучих дум соседям
Не вымолвил язык.

Всё выплакано кроснам —
Лощеному рядну.
Не век плясать по соснам
Пурги веретену.

Изба — гнездо тетерье,
Где жизнь, как холст, доткать...
А тучи ронят перья
В лесную темь и гать.

1914

167

Я сгорела молоде́нька без огня,
Без присухи сердце высушила,
Уж как мой-то муж недобрый до меня
Не купил мне-ка атласного платка,
А купил, злодей, коровушку —
Непорядную работушку!..

Лучше пуд бы мне масла купил,
Подруковной муки бы мешок,—
Я бы повязь с епанечкой продала,
На те деньги бы стряпейку наняла,
Стряпея бы мне постряпывала,
Я б, младешенька, похаживала,
Каблучками приколачивала:

Ах, вы, красные скрипучи каблучки,
Мне-ка не с кем этой ноченькой легчи —
Нету деда, родной матери с отцом,
Буду ночку коротати с муженьком!
Муженечек на перинушке лежит,
А меня, младу, на лавочку валит,
Изголовьицем ременну плеть кладет,
Потничком велит окутаться:

«Уж ты сни, моя лебедушка, усни,
Ко полуночи квашонку раствори,
К петухам парную баню истопи,
К утру-свету лен повыпряди,
Ко полудню вытки белые холсты,
К сутемёнкам муженьку сготовь порты,
У портищ чтоб были строчены рубцы,
Гасник шелковый с кисточкою,
Еще путвица волжоная...»
Молода жена — ученая.

<1914>

168

На селе четыре жителя,
Нет у девки уважителя,—
Как у Власа-то савраса борода,
У Никиты нос подбитый завсегда,
У Савелья от безделья чернота —
Не выводится цигарка изо рта,
У Ипата кудревата голова,
Да пронесена недобрая молва:
Будто ночкою Ипатушка
Загубил свою разлапушку —
Вышибал ей печень черную
За повадку непокорную,
За орехи, за изюмные стручки,
За ручные мелкотравчаты платки,

На платочках красны литера —
Подарил купец из Питера...
Кабы я Ипату любушкой была,
Не такое бы бесчестье навела,
Накурила бы вина позеленей,
Напекла бы колобов погорячей,
Угостила б супостата-миляша,
Чтобы вышла из постылого душа!..
Ах, тальянка медносборчатая,
Голосистая, узорчатая,
Выдай погрецы детинушке —
Ласкослову сиротинушке,
Чтобы девку не сушила сухота,
Без жадобного не сгибла б красота,
Не палила б мои кречетьи глаза
Неуемная капучая слеза!

<1914>

169

Я ко любушке-голубушке ходил,
Голубую однорядку износил,
Шубу беличью повыволочил,
Коробейку мелких денег издержал,
Разлюбезной воркованьем докучал:
Я куплю тебе гостинец — скатну нить,
Буду баско оболоченой водить,
Разлюби ты дегтегона-лесника,
Лаптевяза да Мирона-резчика,
Не подмигивай торговому в ряду,
Не обранивай платочка на ходу,
Протопопу белой ручкой не маши,
Не заглядывай в рыбачьи шалаши,
У калачника не мешкай в курени,
Не давай овса гонецкому коню,

На гонца крутую бровь не наводи,
Чтобы сердце не кровавилось в груди!
У гонца не застоялая душа,—
В торбе ложки и походная лапша.
Он тебя за белояровый овес
Доведет до неуемных горьких слез,
Что ль до зыбки — непотребного лубка,
До отцовского глухого кулака,
Будет зыбочка поскрипывать,
Красна девушка повздыхивать!

<1914>

170

Не под елью белый мох
Изоржавел и засох,

Зарастала сохлым мхом
Пахотинка-чернозем.

Привелося за грехи
Раскосулить белы мхи,

Призасеять репку,
Не часту, не редку.

Вырастала репа-мед
Вплоть до тещиных ворот...

Глядь, в осенний репорез
Вор на репище залез.

Как на воре тещин плат
Красной вышивкой назад,

Подзатыльник с галуном...
Неподатлив чернозем.

Зять воровку устерег,
Побивало приберег,

Что ль гужину во всю спину,
На затылицу батог.

Завопила теща-мать:
«Государь — любимый зять,

Погоди меня казнить,
Вели говор говорить!

Уж как я, честнá вдова,
Как притынная трава,

Ни ездок, ни пешеход
Муравы не колыхнет,

Потоптал тимьян-траву
Ты на студную молву,

Я за студную беду
Дочку-паву уведу!

Ах, без павушки павлин —
Без казны гостиный сын,

Он в зеленый сад пойдет —
Мелко листье опадет,

Выйдет в красный хоровод —
Отшатится весь народ.

Ему тамова житье,
Где кабацкое питье,

Где кружальный ковш гремит,
Ретивое пепелит,

Ронит кудри на глаза
Перегарная слеза!»

<1914>

171

Ах, подруженьки-голубушки,
Луговые серы утушки,
Вы берите-ка скорёшенько
Пялы новые, точеные,
Еще иглы золоченые,
Шелк бурмитчатый, наводчатый,
Мелкий бисер с ясным золотом,
Расшивайте к сроку-времени
Разузорчатую завесу!
На одном углу — скради глаза,
Наведите солнце с месяцем,
На другом углу — рехнись ума,
Нижьте девушку с прилукою!

Как наедут сват со свахою,
Поезжане с девьим выкупом,
Разглядятся и раззарятся
На мудрены красны шитицы,
А раззарясь, с думы выкинут
Сватать павушку за ворона,
Ощипать перо лазорево,
Довести красу до омута!

<1914>

172. Солдатка

Скучно молодешеньке у свекра жить в дому,
Мне питье в досадушку, еда не по уму,

Русы мои косыньки повысеклися,
Белые руки промозолилися,
Животы-приданое трунь взяла!

Погляжу я, беднушка, в стекольчато окно —
Не увижу ль милого за рядой во торгу.
Ах, не торг на улице, не красная гульба,
А лежит дороженька Коломенская!..

Как по этой ли дороге воевать милой ушел,
Издалеча слал поклоны, куньей шапкою махал,
На помин зеленой иве часто ветье заломал:
«Мол, пожди меня, сударка, покуль ива зелена,
А как ива облетит, втымеж я буду убит,
Меня ветер отпоет, полуночь глаза сомкнет,
А поплачут надо мной воронье с ковыль-травой!»

<1914>

173. Памяти героя

Умер, бедняга, в больнице военной...

К. Р.

Умер, бедняга, в больнице военной,
В смерти прекрасен и свят,
То не ему ли покров многоценный
Выткал осенний закат?

Таял он, словно свеча, понемногу,
Вянул, как в стужу цветы —
Не потому ли с берез на дорогу
Желтые сдуло листы,

И не с кручины ль, одевшись в багрянец,
Плачет ивняк над рекой?..
С виду пригожий он был новобранец,
Статный и рослый такой.

Мир тебе юный! Осенние дали
Скорбны, как родина-мать —
Всю глубину материнской печали
Трудно пером описать.

Злая шрапнель с душегубкою-пулей
Сгинут, вражду разлюбя,—
Рыбарь за сетью, мужик за косулей,
Вспомнят, родимый, тебя!

<1914>

174. Прославление милостыни

Песня убогого Пафнутьюшки

Не отказна милостыня праведная,
На помин души родительской
По субботним дням подавана
Нищей братье со мостинами...
А убогому Пафнутьюшке
Дан поминный кус в особицу.

Как у куса нутра ячневы,
С золотой наводной корочкой,
Уж как творен кус на патоке,
Испечен на росном ладане,
А отмяк кусок под образом,
Белым воздухом прикутанный...
Спасет Бог, возблагодарствует
Кормящих, поящих,
Одевающих, обувающих,
Теплом согревающих!

Милостыня сота —
Будет душеньке вольгота;
Хозяину в дому,
Как Адаму во раю,

Детушкам в дому,
Как орешкам во меду!
Спасет Бог радетелей,
Щедрых благодетелей,
Аверкий — банный согреватель,
Душ и телес очищатель,
Сесентий — калужник,
Олексий — пролужник,
Все святые с нами
В ипостасном храме.
Аминь.

<1914>

175. В родном углу

Не ветер в поле свищет —
Военный гром гремит...

Старинный романс

Ах, зачем не ворон я,
Не орел ширококрылый,
Чтоб умчаться в те края,
Где сражается мой милый!

Сиротеет наш уют —
Над рекой пожухлый домик,
Как сверчок, докучен труд
И стихов сафьянный томик.

Словно нянюшкин костыль,
На крылечке тень от вяза.
Няня помнит, как Шамиль
Воевал в горах Кавказа,

Как бухарец бунтовал,
Пал Рущук, и в крае вражьем

Турку белый генерал
Потоптал конем лебяжьим.

Ну, как в нынешнюю брань
Всадник-лебедь не прискачет.
Няня шамкает: «У бань
Не к добру Барбос дурачит —

Роет щебень, хвост ежом,
Жди бескормицы иль кражи.
Ладу нет с веретеном
У моей вещуньи-пряжи —

Словно бес в веретене,
Верезжит, на темень злится;
Знать, голубка, на войне
Кровный кто по нам журится.

Лен отсырел, бабьих слез
На Руси прольется море...
Молвь идет, что Сам Христос
Снизойдет на землю скоро.

Он, как буря, без ядра
Супостата изничтожит...
Есть поверье: серебра
Ржа вовеки не изгложет.

Наша Русь черна избой
Да пригожа хлебным кусом...»
Я дремлю, летя душой
За победным Иисусом.

Чую сечу, гром побед,
С милым встречу предвкушая...
О война, в шестнадцать лет
Ты, как сказка роковая!

<1914>

176

Ягода зреет для птичьего зоба,
Камень для веса и тяги земной,
Люди ж родятся для тесного гроба
С черною ночью, с докукой дневной.

Тридцать мину́ло — шатаются зубы,
Хитрых седин не укроет картуз...
Заповедь есть: не убий, не прелюбы...
«Будьте как дети!» — сказал Иисус.

Божьих садов и обителей много,
Здесь же ночлежка, свирепый трактир...
Где же пути, золотая дорога
В юно-румяный, неблекнущий мир?

Наша земля — голова великана,
Мы же — зверушки, в трущобах волос,
Горы — короста, лишай — океаны,
В вечность уходит хозяина нос.

В перхоть мы прячем червивые гробы,
Костные скрепы сверлом бередим.
Сбудется притча: Титан огнелобый
Нам погрозится перстом громовым,

Коготь державный косицы почешет,—
Хрустнут Европа, безбрежный Китай...
В гибели внуков ничто не утешит
Светлого Деда, взрастившего рай.

1914

177

Посконным портам не бывает износу,
К моленной рубахе нечистый не льнет...

Строй келью под елью оконцами к плёсу,
Где пегая зыбь и гагарий полет.

Пречудный Андрей, что зовется Рублёвым,
Знал пегую глубь, легкоперость гагар,
С плакучей березы на злате еловом
Списал он Два Плача и Троицын Дар.

Гляди на корягу! — в ней красок три чети,
С испода буланность, кукушья слеза,
В дупле как в вертепе потемки столетий,
Хребет же багряный — лесная гроза.

Олимпий Печерский и Гурий Никитин
Воспели корягу в Небесных Столпах —
То Руси судьбина, но образ тот скрытен,
Улыбкой почив на мужицких Христах.

На скрытных иконах рубаха и плёсо,
Плакуша-береза и бабья стряпня —
Ответ на лукавые, книжные спросы
О девьем зачатии Вечного Дня.

Рубаха — мир дольний, вода же — глубинный,
Березку и Хлеб изъяснят ли уста?
Скопцу обручается отрок невинный,
И, девою став, зачинает Христа!

1914

178

Мужицкий лапоть свят, свят, свят!
Взывает облако, кукушка,
И чародейнее, чем клад,
Мирская, потная полушка.

Мужицкий тельник: Змий, Огонь,
Крылатый Лев Евангелиста,
Христа гвоздиная ладонь —
Свирель, что тайной голосиста,

Горыныч, Сирин, Царь Кащей, —
Всё явь родимая, простая,
И в онемелости вещей
Гнездится птица золотая.

В телеге туч неровный бег,
В метелке — лик метлы небесной.
Пусть черен хлеб, и сумрак пег, —
Есть вехи к родине безвестной,

Есть мед и хмель в насущной ржи,
За лаптевязьем дум ловитва,
«Вселися в ны и обожи» —
Медвежья умная молитва.

1914

179. Русь

Не косить детине пожен,
Не метать крутых стогов,
Кладенец из красных ножен
Он повынул на врагов.

Наговорна рукоятка,
Лезвие — светлей луча,
Будет ворогу не сладко
От мужицкого меча!

У детины кудри — боры,
Грудь — Уральские хребты,
Волга-реченька — оборы,
Море синее — порты.

Он восстал за сирых братов
И, возмездием горя,
Пал на лысину Карпатов
Кладенец богатыря.

Можно б вспять, поправши злобу,
Да покинешь ли одну
Русь Червонную — зазнобу
В басурманском полону?!

Гоже ль свадебную брагу
Не в белградской гридне пить,
Да и как же дружку-Прагу
Рушником не подарить?!

Деду Киеву похула
Алый краковский жупан...
Словно хворост, пушек дула
Попирает великан.

Славься, Русь! Краса-девица,
Ладь колечко и фату, —
Уж спрядает заряница
Бранной ночи темноту.

Вспыхнет день под небосклоном, —
Молодых в земле родной
Всеславянским брачным звоном
Встретит Новгород седой!

<1914>

180. Ивушка зелененька...

Ивушка зелене́нька —
Девушка моложе́нька.
Стали иву ломати —
Девку замуж отдавати.

Красна девушка догадалась,
В нову горницу, свет, кидалась:
«Ах ты, горенка — светлая сидельня,
Мне-ка нонева не до рукоделья,
А еще не до смирныя беседы!
Ах вы, пялы мои золочены,
Ворота ли вами подпирати?
Вы, шелки мои — бобчаты пóясья,
По сугорам ли вас расстилати?
Уж вы плящие, ярые свечи,
Темны корбы ли вами палити?
Ты согрева — муравчата лежанка,
Не смолой ли тебя растопити?»
Отвечала лежанка-телогрейка
Она речью крещеной человечьей:
«Лучше б тебе, девушка, родиться
Во сыром болоте черной кочкой,
Чем немилу сапог разувати,
За онучею гривну искати,
За нее лиходея целовати!»

<1914>

181. Стих о праведной душе

Жила душа свято, праведно,
Во пустыне душа спасалася,
В листвие нага одевалася,
Во берёсто боса обувалася.
Притулья-жилья душа не и́мала,
За застольным брашном не сиживала,
Куса в соль не обмакивала.
Утрудила душа тело белое,
Что ль до туги-иэдыхания смертного,
Чаяла душа, что в рай пойдет,
А пошла она в тартарары.
Закрючили душеньку два огненных пса,

Учали душеньку во уста лакать...
Калагыря-бес да бес-едун
К сатане пришли с судной хартией...
Надевал сатана очки геенские,
Садился на стуло костеножное,
Стал житие души вычитывать:
Трудилась душа по-апостольски,
Служила душа по-архангельски,
Воздыхала душа по-Адамову —
Мукой мучиться душе не за что.
А и в чем же душа провинилася,
В грабеже ль, во разбое поножовничала,
Мостовую ли гривну утаивала
Аль чужие силки оголаживала,
Аль на уду свят артос насаживала?
Не повинна душенька и в сих грехах...
А как была душа в плоти-живности,
Что ль семи годков без единого,
Так в Страстной Пяток она стреснула,
Не покаявшись, глупыш масленый...
  Не суди нас, Боже, во многом,
  А спаси нас, Спасе, во малом.
          Аминь.

<1914>

182. Песня про Васиху

Откуль пошло прозвище
Лешева Находка.

Кемское предание

Баба Василиста
Хороша, грудиста,
Голова кувшином
С носом журавлиным,
Руки — погонялки,
Ноги — волчьи пялки.

Как пошла Васиха
Слободе на лихо
Бёрда наживати,
Самобранку ткати.
Дали ей бёрдище
По колу зубище...
На повозной паре
Ехали бояре,
Охобни бобровы,
Сами чернобровы:
«Помогай те, Боже,
Вытыкать рогожи!»
Баба Василиста
На язык речиста,
Как выжлец у сала,
Мерином заржала.
«Ай да баба-пава,
Гридняя забава...
Быть тебе, Васиха,
В терему ткачихой,
За глумство-отвагу
Трескать солодягу,
За кудель на тыне
Окрестить отныне
Красную Слободку
В Лешеву Находку!»

<1914>

183

Меня матушка будит спозаранья,
Я поздёшенько, девушка, встаю;
Покуль белое личко умываю —
Мне изюмный калачик испечен,
Покуль в цветное платье обряжаюсь,
Мне-ка чарочка меду подана,

Пока медом калачик запиваю, —
На работу подруженьки уйдут...
От крестьянской работки-рукоделья
У подруженек рученьки болят,
Болят спинушки с буйной головою,
Ретивому сердечку тяжело...
Мне ж едина работушка далася —
Шить наводы по алу сукну.
Ах, с сиденья, с девичьего безделья
Сполюблю я удала паренька, —
С распригожим не будет девке тошно
До замужества время коротать, —
До того ли замужества-разлуки,
До проклятого бабьего житья!
Распроклятое бабье жированье,
Расхорошее девичье житье:
Уж я высплюся девушкой досыта,
Нагуляюсь красной дó люби.

1914 или 1915

184—198. Избяные песни

Памяти матери

1

Четыре вдовицы к усопшей пришли...
(Крича, бороздили лазурь журавли,
Сентябрь-скопидом в котловин сундуки
С сынком-листодером ссыпал медяки).

Четыре вдовы в поминальных платках:
Та с гребнем, та с пеплом, с рядниной в руках;
Пришли, положили поклон до земли,
Опосле с ковригою печь обошли,
Чтоб печка-лебедка, бела и тепла,
Как допрежь сытовые хлебы пекла.

Посыпали пеплом на куричий хвост,
Чтоб немочь ушла, как мертвец, на погост,
Хрущатой рядниной покрыли скамью,
На одр положили родитель мою.

Как ель под пилою, вздохнула изба,
В углу зашепталася теней гурьба.
В хлевушке замукал сохатый телок,
И вздулся, как парус, на грядке платок...
Дохнуло молчанье... Одни журавли,
Как витязь победу, трубили вдали:

«Мы матери душу несем за моря,
Где солнцеву зыбку качает заря,
Где в красном покое дубовы столы
От мис с киселем, словно кипень, белы, —
Там Митрий Солунский, с Миколою Влас
Святых обряжают в камлот и атлас,
Креститель Иван с ендовы расписной
Их поит живой иорданской водой!..»

Зарделось оконце... Закат-золотарь
Шасть в избу незваный: принес-де стихарь —
Умершей обнову за песни в бору,
За думы в рассветки, за сказ ввечеру,
А вынос блюсти я с собой приведу
Сутёмки, зарянку и внучку-звезду,
Скупцу ж листодеру чрез мокреть и гать
Велю золотые ширинки постлать.

<1916>

2

Лежанка ждет кота, пузан-горшок — хозяйку —
Объявятся они, как в солнечную старь,
Мурлыке будет блин, а печку-многознайку
Насытят щаный пар и гречневая гарь.

В окне забрезжит луч — волхвующая сказка,
И вербой расцветет ласкающий уют;
Запечных бесенят хихиканье и пляска,
Как в заморозки ключ, испуганно замрут.

Увы, напрасен сон. Кудахчет тщетно рябка,
Что крошек нет в зобу, что сумрак так уныл —
Хозяйка в небесах, с мурлыки сшита шапка,
Чтоб дедовских седин буран не леденил.

Лишь в предрассветный час лесной снотворной влагой
На избяную тварь нисходит угомон,
Как будто нет Судьбы, и про блины с котягой,
Блюдя печной дозор, шушукает заслон.

<1914>

3

Осиротела печь, заплаканный горшок
С таганом шепчутся, что умерла хозяйка,
А за окном чета доверчивых сорок
Стрекочет: «Близок май, про то, дружок, узнай-ка!

Узнай, что снегири в лесу справляют свадьбу,
У дятла-кузнеца облез от стука зоб,
Что, вверивши жуку подземную усадьбу,
На солнце вылез крот — угрюмый рудокоп,

Что тянут журавли, что проболталась галка
Воришке-воробью про первое яйцо...»
Изождалась бадья, вихрастая мочалка
Тоскует, что давно не моется крыльцо.

Теперь бы плеск воды с веселою уборкой,
В окне кудель лучей и сказка без конца...
За печкой домовой твердит скороговоркой
О том, что тих погост для нового жильца,

Как шепчутся кресты о вечном, безымянном,
Чем сумерк паперти баюкает мечту.
Насупилась изба. И оком оловянным
Уставилось окно в капель и темноту.

<1914>

4

«Умерла мама» — два шелестных слова.
Умер подойник с чумазым горшком,
Плачется кот и понура корова,
Смерть постигая звериным умом:

Кто она? Колокол в сумерках пегих,
Дух живодерни, ведун-коновал,
Иль на грохочущих пенных телегах
К берегу жизни примчавшийся шквал?

Знает лишь маковка ветхой церквушки,—
В ней поселилась хозяйки душа...
Данью поминною — рябка в клетушке
Прочит яичко, соломой шурша.

В пестрой укладке повойник и бусы
Свадьбою грезят: «Годов пятьдесят
Бог насчитал, как жених черноусый
Выменял нас — молодухе в наряд».

Время, как шашель, в углу и за печкой
Дерево жизни буравит, сосет...
В звезды конёк и в потемки крылечко
Смотрят и шепчут: «Вернется... придет...»

Плачет капелями вечер соловый;
Крот в подземелье и дятел в дупле...
С рябкиной дрёмою ангел пуховый
Сядет за прялку в кауровой мгле.

«Мама в раю,— запоет веретёнце,—
Нянюшкой светлой младенцу Христу...»
Как бы в стихи, золотые, как солнце,
Впрясть волхованье и песенку ту?

Строки и буквы — лесные коряги,
Ими не вышить желанный узор...
Есть, как в могилах, душа у бумаги —
Алчущим перьям глубинный укор.

Между 1916 и 1918

5

Шесток для кота — что амбар для попа,
К нему не заглохнет кошачья тропа:
Зола, как перина,— лежи, почивай,—
Приснятся снетки, просяной каравай.

У матери-печи одно на уме:
Теплынь уберечь да всхрапнуть в полутьме,
Недаром в глухой, свечеревшей избе,
Как парусу в вёдро, дремотно тебе.

Ой, вороны-сны, у невесты моей
Не выклевать вам беспотёмных очей!
Летите к мурлыке, на теплый шесток,
Куда не заглянет прожорливый рок,

Где странники-годы почили золой,
И бесперечь хнычет горбун-домовой:
Ужели плакида — запечный жилец
Почуял разлуку и сказки конец?

Кота ж лежебока будите скорей,
Чтоб был настороже у чутких дверей,
Мяукал бы злобно и хвост распушил,
На смерть трясогузую когти острил.

<1916>

6

Весь день поучатися правде Твоей,
Как вешнюю озимь, ждать светлых гостей,
В раю избяном и в затишье гумна
Поплакать медово, что будет «она».

Задремлется деду, лучина замрет —
Бесплотная гостья в светелку войдет,
Поклонится Спасу, погладит внучат,
Как травка лучу, улыбнется на плат:

Висит, дескать, сирый, хозяйке взамен
Повыкован венчик из облачных пен:
Очелье — алмаз, по бокам изумруд —
Трех отроков пещных и ангелов труд.

Петух кукарекнет, забрезжит светец,
В дверях засияет Медостов венец;
Пречудный святитель войдет с посошком,
В пастушьих лапотцах, повитый лучом.

За ним, умеряючи крыл паруса,
Предстанет Иван — грозовая краса;
Он с чашей крестильной, и голубь над ним...
Всю ночь поучаюсь я тайнам Твоим.

Заутра у бурой полнее удой,
У рябки яичко и весел гнедой.
А там, где святые росою прошли,
С курлыканьем звонким снуют журавли.

Чтоб сизые крылья и клюв укрепить,
Им надо росы благодатной испить.

<1916>

7

Хорошо ввечеру при лампадке
Погрустить и поплакать втишок,
Из резной низколобой укладки
Недовязанный вынуть чулок.

Ненаедою-гостем за кружкой
Усадить на лежанку кота
И следить, как лучи над опушкой
Догорают виденьем креста,

Как бредет позад дремлющих гумен,
Оступаясь, лохмотница-мгла.
Всё по-старому: дед, как игумен,
Спит лохань и притихла метла.

Лишь чулок, как на отмели верша,
И с котом раздружился клубок.
Есть примета: где милый умерший,
Там пустует кольцо иль чулок.

Там божничные сумерки строже,
Дед безмолвен, провидя судьбу,
Глубже взор и морщины... О Боже —
Завтра год, как родная в гробу!

<1914>

8

Заблудилось солнышко в корбах темнохвойных,
Износило лапчатый золотой стихарь:
Не бежит ли красное от людей разбойных,
Не от злых ли кроется в сутемень да в марь?

Али корба хвойная с бубенцами шишек,
С рушниками-зорями просини милей,
Красики с волвянками слаще звездных пышек
И громов размычливей гомон журавлей?

Эво, на валежине, словно угли в жарнике,
Половеет лапчатый золотой стихарь...
Потянули за море витлюки-комарники,
Нижет перелесица бляшки да янтарь.

Сядь, моя жалобная, в сарафане сборчатом,
В камчатом накоснике, за послушный лен,—
Постучится солнышко под оконцем створчатым,
Шлет-де вестку матушка с Тутошних сторон:

Мы в ответ: «Радехоньки говору то-светному,
Ходоку от маминой праведной души,
Здынься по крылечику к жарнику приветному,
От росы да мокрети лапти обсуши!»

Полыхнувши золотом, прянет гость в предызбицу,
Краснобайной сказкою пряху улестит...
Как игумен в куколе, вечер, взяв кадильницу,
Складню рощ финифтяных ладаном кадит.

В домовище матушка... Пасмурной окрутою
Водит мглу незрячую поводырка-жуть,
И в рогожном кузове, словно поп за ругою,
В Сторону то-светную солнце правит путь.

1914

9

От сутёмок до звезд и от звезд до зари
Бель берёсты, зыбь хвой и смолы янтари,

Перекличка гагар, вод дремучая дремь,
И в избе, как в дупле, рудо-пегая темь,

От ловушек и шкур лисий та́ежный дух,
За оконцем туман, словно гагачий пух,

Журавлиный пролет, ропот ливня вдали,
Над поморьем лесов облаков корабли,

Над избою кресты благосенных вершин...
Спят в земле дед и мать, я в потемках один.

Чую, сеть на стене, самопрялка в углу,
Как совята с гнезда, загляделись во мглу.

Сиротеют в укладе шушун и платок,
И на отмели правит поминки челнок.

Ель гнусавит псалом: «Яко воск от огня...»
Далеко до лесного железного дня,

Когда бор, как кольчужник, доспехом гремит —
Королевну-Зарю полонить норовит.

<1914>

10

Бродит темень по избе,
Спотыкается спросонок,
Балалайкою в трубе
Заливается бесенок:

«Трынь да брынь, да тере-рень...»
Чу! Заутренние звоны!
Богородицына тень,
Просияв, сошла с иконы.

В дымовище сгинул бес,
Печь, как старица, вздохнула;
За окном бугор и лес
Зорька в сыту окунула.

Там, минуючи зарю,
Ширь безвестных плоскогорий,

Одолеть судьбу-змею
Скачет пламенный Егорий.

На задворки вышел Влас
С вербой, в венчике сусальном...
Золотой, воскресный час,
Просиявший в безначальном.

<1914>

11

Зима изгрызла бок у стога,
Вспорола скирды, но вдомек
Буренке пегая дорога
И грай нахохленных сорок.

Сороки хохлятся — к капели,
Дорога пега — быть теплу.
Как лещ наживку, ловят ели
Луча янтарную иглу.

И луч бежит в переполохе,
Ныряет в хвои, в зыбь ветвей...
По вечерам коровьи вздохи
Снотворней бабкиных речей:

«К весне пошло, на речке глыбко,
Буренка чует водополь...»
Изба дремлива, словно зыбка,
Где смолкли горести и боль.

Лишь в поставце, как скряга злато,
Теленье числя и удой,
Подойник с кринкою щербатой
Тревожат сумрак избяной.

<1915>

12

В селе Красный Волок пригожий народ:
Лебедушки девки, а парни, как мед,
В моленных рубахах, в беленых портах,
С малиновой речью на крепких губах;

Старухи в долгушках, а деды — стога,
Их россказни внукам милей пирога:
Вспушатся усищи, и киноварь слов
Выводит узоры пестрей теремов.

Моленна в селе — семискатный навес:
До горнего неба семь нижних небес,
Ступенчаты крыльца, что час, то ступень,
Всех двадцать четыре — заутренний день.

Рундук запорожный — пречудный Фавор,
Где плоть убелится, как пена озер.
Бревенчатый короб — утроба кита,
Где спасся Иона двуперстьем креста.

Озерная схима и куколь лесов
Хоронят село от людских голосов.
По Пятничным зорям на хартии вод
Всевышние притчи читает народ:

«Сладчайшего Гостя готовьтесь принять!
Грядет Он в нощи, яко скимен и тать;
Будь парнем женатый, а парень, как дед...»
Полощется в озере маковый свет,
В пеганые глуби уходит столбом
До сердца земного, где праотцов дом.

Там, в саванах бледных, соборы отцов
Ждут радужных чаек с родных берегов:

Летят они с вестью, судьбы бирючи,
Что попрана Бездна и Ада ключи.

<1916>

13

Коврига свежа и духмяна,
Как росная пожня в лесу,
Пушист у кормилицы мякиш
И бел, как берёсто, испод.

Она — избяное светило,
Лучистее детских кудрей,
В чулан загляни ненароком —
В лицо тебе солнцем пахнёт.

И в час, когда сумерки вяжут,
Как бабка, косматый чулок,
И хочется маленькой Маше
Сытового хлебца поесть —

В ржаном золотистом сиянье
Коврига лежит на столе,
Ножу лепеча: «Я готова
Себя на закланье принесть».

Кусок у малютки в подоле —
В затоне рыбачий карбас:
Поломана мачта, пучиной
Изгрызены днище и руль, —

Но светлая радость спасенья,
Прибрежная тишь после бурь
Зареют в ребяческих глазках,
Как вёдреный синий июль.

<1915>

14

Вешние капели, солнопёк и хмара,
На соловом плёсе первая гагара.

Дух хвои, берёсты, проглянувший щебень,
Темью сонь-липуша, россказни да гребень.

Тихий, мерный ужин, для ночлега лавка,
За окошком месяц — Божья камилавка.

Сон сладимей сбитня, петухи спросонок,
В зыбке снегиренком пискнувший ребенок,

Над избой сутёмки — дедовская шапка,
И в уголку божничном с лестовкою бабка,

От печного дыма ладан пущ сладимый,
Молвь отшельниц-елей: «Иже херувимы...»

Вновь капелей бусы, солнопёка складень,
Дум — гагар пролетных не исчислить за день.

Пни — лесные деды, в дуплах гуд осиный,
И от лыж пролужья на тропе лосиной.

<1914>

15

Ворон грает к теплу, а сорока — к гостям,
Ель на полдень шумит — к звероловным вестям.

Если полоз скрипит, конь ушами прядет —
Будет в торге урон и в кисе недочет.

Если прыскает кот и зачешется нос —
У зазнобы рукав полиняет от слез.

А над рябью озер прокричит дребезда —
Полонит рыбака душегубка-вода.

Дятел угол долбит — загорится изба,
Доведет до разбоя детину гульба.

Если девичий лапоть ветшает с пяты,—
Не доесть и блина, как наедут сваты.

При запалке ружья в уши кинется шум —
Не выглаживай лыж, будешь лешему кум.

Семь примет к мертвецу, но про них не теперь, —
У лесного жилья зааминена дверь,

Под порогом зарыт «Богородицын Сон», —
От беды-худобы нас помилует он.

<1914>

199

Вы, деньки мои — голуби белые,
А часы — запоздалые зяблики,
Вы почто отлетать собираетесь,
Оставляете сад мой пустынею?

Аль осыпалось красное вишенье,
Виноградье мое приувянуло,
Али дубы матёрые, вечные,
Буреломом, как зверем, обглоданы,

Аль иссякла криница сердечная,
Али веры ограда разрушилась,
Али сам я — садовник испытанный,
Не возмог прикормить вас молитвою?

Проворкуйте, всевышние голуби,
И прожубруйте, дольние зяблики,
Что без вас с моим вишеньем станется:
Воронью оно в пищу достанется.

По отлете ж последнего голубя
Постучится в калитку дырявую
Дровосек с топорами да пилами,
В зипунище, в лаптищах с оборами.

Час за часом, как поздние зяблики,
Отлетает в пространство глубинное...
Чу! Как няни сверчковая песенка,
Прозвенело крыло голубиное.

Между 1914 и 1916

200

Бабка тачает заплаты, —
Внуков кургузый зипун.
Дремлют у печки ухваты,
Вороном смотрит чугун.

С полки грозится мутовка:
«Нишкни! Идет лесовик!..»
Грезит спросонка винтовка:
«Где же хозяин-лесник?

Ржавчина ест мое дуло,
Выщерблен кремень давно!..»
Шарят лесные отгулы
Темени звонкое дно.

Поздно. Доштопать бы ворот.
Внучек белее, чем лен,
«Тятька лосихой запорот»,—
Всякому вымолвит он.

Давеча дивный прохожий
В Выгово шел налегке,
С матерью-скрытницей Божьей
Сходство нашел в пареньке.

Баял: «Пречудна Лукерья —
Града то-светного дщерь,
Мужу за нечесть безверья
Выбодал душеньку зверь».

Вторя старухиным думам,
Плещет за ставнею куст:
«Будет твой внук Аввакумом,
Речью ж Иван Златоуст».

Снам умиляется бабка:
«То-то б утешил меня...»
Темень — кудели охапка
Тушит кадильницу дня.

Между 1914 и 1916

201

Талы избы, дорога,
Буры пни и кусты.
У лосиного лога
Четки елей кресты.

На завалине лыжи
Обсушил полудняк.
Снег дырявый и рыжий,
Словно дедов армяк.

Зорька в пестрядь и лыко
Рядит сучья ракит.
Кузовок с земляникой —
Солнце метит в зенит.

Дятел — пущ колотушка —
Дразнит стуком клеста,
И глухарья ловушка
На сегодня пуста.

Между 1914 и 1916

202

Октябрь — петух медянозобый
Горланит в ветре и лесу:
«Я в листопадные сугробы
Яйцо снегóвое снесу».

И лес под клювом петушиным
Дырявым стал. Курятник туч
Сквозит пометом голубиным,—
Мол, Духа Божьего не мучь,

Снести яйцо на первопутки
Однажды в год тебе дано...
Как баба, выткала за сутки
Речонка сизое рядно.

Близки дубленые Покровки,
Коровьи свадьбы, конский чёс.
И к звездной кузнице, для ковки,
Плетется облачный обоз.

Между 1914 и 1916

203. Вражья сила

Возят щебень, роют рвы,
Понукают лошаденок.
От встревоженной травы
Дух идет, горюч и тонок.

В лысый пень оборотясь,
На людей дивится леший:
Где дремали топь и грязь,
Там снуют седок и пеший.

И береза, зелень кос
Гребню ветра подставляя,
Как вдова, бледна от слез —
Тяжела-де участь злая.

Камни — очи луговин
От тоски посоловели,
Прячут изморозь седин
Под кокошниками ели.

И звериный бог Медост
Пришлецам грозит корягой:
Мол, пробыть до первых звезд,
Опосля уйти ватагой.

Вот и звезды, как грибы,
На опушке туч буланых...
Вторя снам лесной избы,
Дед бранит гостей незваных:

«Принесло лихую рать,
Зайцу филина-соседа!..»
И с божницы Богомать
Смотрит жалостно на деда.

А над срубленной сосной,
Где комарьи зой и плясы,
«Со святыми упокой»,—
Шепчет сумрак седовласый.

Между 1914 и 1916

204

Обозвал тишину глухоманью,
Надругался над белым «молчи»,
У креста простодушною данью
Не поставил сладимой свечи.

В хвойный ладан дохнул папиросой
И плевком незабудку обжег, —
Зарябило слезинками плёсо,
Сединою заиндевел мох.

Светлый отрок — лесное молчанье,
Помолясь на заплаканный крест,
Закатилось в глухое скитанье
До святых, незапятнанных мест.

Заломила черемуха руки,
К норке путает след горностай...
Сын железа и каменной скуки
Попирает берестяный рай.

Между 1914 и 1916

205

Запечных потемок чурается день,
Они сторожат наговорный кистень, —
Зарыл его прадед-повольник в углу,
Приставя дозором монашенку-мглу.

И теплится сказка... Избе лет за двести,
А всё не дождется от витязя вести.
Монашка прядет паутины кудель,
Смежает зеницы небесная бель.

Изба засыпает... С узорной божницы
Взирает Микола и сестры Седмицы,

На матице ожила карлиц гурьба,
Топтыгин с козой — избяная резьба.

Глядь, в горенке стол самобранкой накрыт,
На лавке разбойника дочка сидит,
На ней пятишовка, из гривен блесня,
Сама же понурей осеннего дня.

Ткачиха-метель напевает в окно:
«На саван повольнику ткися, рядно,
Лежит он в логу, окровавлен чекмень,
Не выведал ворог про чудо-кистень!..»

Колотится сердце... Лесная изба
Глядится в столетья, темна, как судьба,
И пестун былин, разоспавшийся дед,
Спросонок бормочет про тутошний свет.

Между 1914 и 1916

206

Сготовить деду круп, помочь развесить сети,
Лучину засветить и, слушая пургу,
Как в сказке, задремать на тридевять столетий,
В Садко оборотясь иль в вещего Вольгу.

«Гей, други! Не в бою, а в гуслях нам удача, —
Соловке-игруну претит вороний грай...»
С полатей смотрит Жуть, гудит, как би́ло, Лаче,
И деду под кошмой приснился красный рай, —

Там горы-куличи и сыченые реки,
У чаек и гагар по миске яицо...
Лучина точит смоль, смежив печурки-веки,
Теплынью дышит печь — ночной избы лицо.

Но уж рыжеет даль, пурговою метлищей
Рассвет сметает темь, как из сусека сор,
И слышно, как сова, спеша засесть в дуплище,
Гогочет и шипит на солнечный костер.

Почуя скитный звон, встает с лежанки бабка,
Над ней пятно зари, как венчик у святых,
А Лаче ткет валы, размашисто и хлябко,
Теряяся во мхах и в далях ветровых.

Между 1914 и 1916

207

Оттепель — баба-хозяйка,
Лог — как белёная печь,
Тучка — пшеничная сайка
Хочет сытóю истечь.

Стряпке всё мало раствора,
Лапти в муке до обор...
К посоху дедушки-бора
Жмется малютка-сугор:

«Дед, пробудися, я таю,—
Нет у шубейки полы!»
Дед же спросонок: «Знать, к маю
Смолью дохнули стволы».

«Дедушка, скоро ль сутёмки
Косу заре доплетут?..»
Дед же: «Сыреют в котомке
Чай и огниво и трут,—

Нет по проселку проходу,
Всюду раствор да блины...»
В вешнюю полую воду
Думы, как зори, ясны.

Ждешь, как вестей, жаворóнка,
Ловишь лучи на бегу...
Чу! Громыхает заслонка
В теплом, разбухшем логу.

Между 1914 и 1916

208

Ель мне пóдала лапу, береза серьгу,
Тучка канула перл, просияв на бегу,
Дрозд запел «Блажен муж» и «Кресту Твоему»...
Утомилась осина вязать бахрому.
В луже крестит себя обливанец-бекас,
Ждет попутного ветра небесный баркас:
Уж натянуты снасти, скрипят якоря,
Закудрявились пеной Господни моря,
Вот и сходню убрал белокрылый матрос...
Неудачлив мой путь, тяжек мысленный воз!
Кобылица-душа тянет в луг, где цветы,
Мята слов, древозвук, купина красоты.
Там, под Дубом Покоя, накрыты столы,
Пиво Жизни в сулéях, и гости светлы —
Три пришельца, три солнца, и я — Авраам,
Словно ива ручью, внемлю росным словам:
«Рóдишь сына-звезду, алый песенный сад,
Где не властны забвенье и дней листопад,
Где береза серьгою и лапою ель
Тиховейно колышут мечты колыбель».

Между 1914 и 1916

209. Ночь на Висле

Луна, как вражий барабан,
Над буераками повисла,
И окровавленный жупан
На капюшон сменила Висла.

Как четко гребни берегов
Окаменели в тяжком взмахе,
Молитвословию с бугров
Внимают тополи-монахи:

«Спаси Россию, Иисус,
С сестрою, названною — Польшей!
Уже заря, как низка бус,
В моих струях не плещет больше!

И страшно солнцу заглянуть
В мои изъязвленные воды, —
Их кипятит колдунья-жуть,
Скликая воронов на броды:

«Слетайтесь, детки, жирен суп
Из человечины кровавой,
Вот сердце грозное, вот труп
В бою погибшего со славой!..»»

И видел я, как Божья длань
Железный сумрак разогнала:
«Мужайся ты, встречая брань,
Как берега, набеги вала».

Праматерь Волга, тихий Дон
«Аминь» в ответ прогрохотали,
И Висла, сбросив капюшон,
Накрылась панцырем из стали.

Оборотился в кладенец,
Грозя потемкам, гребень мели...
О враг! Твердыню ли сердец
Испепелить твоей шрапнели?!

<1915>

210. Небесный вратарь

Как у кустышка у ракитова,
У колодечка у студеного,
Не донской казак скакуна поил, —
Молодой гусар свою кровь точил,
Вынимал с сумы полотёнышко,
Перевязывал раны черные...
Уж как девять ран унималися,
А десятая, словно вар кипит...

С белым светом гусар стал прощатися,
Горючьими слезами уливатися:
«Ты прощай-ка, родимая сторонушка,
Что ль бажоная теплая семеюшка!
Уж вы, ангелы поднебесные,
Зажигайте-ка свечи местные, —
Ставьте свеченьку в ноги резвые,
А другую мне к изголовьицу!
Ты, смеретушка — стара тетушка,
Тише бела льна выпрядь душеньку».

Откуль-неоткуль добрый конь бежит,
На коне-седлеце удалец сидит,
На нем жар-булат, шапка-золото,
С уст текут меды — речи братские:
«Ты признай меня, молодой солдат,
Я дозор несу у небесных врат,
Меня ангелы славят Митрием,
Преподобный лик — Свет-Солу́нским.
Объезжаю я Матерь-Руссию,
Как цветы вяжу души воинов...
Уж ты стань, солдат, быстрой векшею,
Лазь на тучу-ель к солнцу красному.
А оттуль тебе мостовичина
Ко маврийскому дубу-дереву, —

Там столы стоят неуедные,
Толокно в меду, блинник масленый;
Стежки торные поразметены,
Сукна красные поразостланы».

<1915>

211

Гей, отзовитесь, курганы, —
Клады, седые кремли, —
Злым вороньем басурманы
Русский рубеж облегли!

Чуется волчья повадка,
Рысье мяуканье, вой...
Аль булавы рукоятка
С нашей не дружна рукой?

Али шишак златолобый
Нам не по ярую бровь?
Пусть богатырские гробы
Кроет ковыльная новь, —

Муромцы, Дюки, Потоки
Русь и поныне блюдут...
Чур нас! Вещуньи-сороки
Щёкот недобрый ведут.

В сутемень плачут гагары,
Заяц валежник грызет, —
Будут с накладом товары,
Лют на поганых поход.

Гром от булатных ударов
Слаще погудной струны...
Радонеж, Выгово, Саров, —
Наших имен баюны.

Гей, отзовитеся, деды, —
Правнуков меч не ослаб!
Витязю после победы
Место в светелке у баб.

Ждут его сусло, что пенник,
Гребень-шептун перед сном,
В бане ж духмянистый веник,
Шайка с резным ободком.

Хата чужбины не плоше,
К суслу ж кто больно охоч, —
С первой веселой порошей
Зыбку для первенца прочь.

Ярого кречета раны
Сыну-орлу не в изъян...
Мир вам, седые курганы,
Тучи, сказитель-бурьян!

<1915>

212

Облиняла буренка,
На задворках теплынь,
Сосунка-жеребенка
Дразнит вешняя синь.

Преют житные копны,
В поле прóбель и зель...
Чу! Не в наши ли окна
Постучался апрель?

Он с вербóю монашек,
На груди образок,
Легкозвоннее пташек
Ветровой голосок.

Обрядись в пятишовку,
И пойдем в синь и гать,
Солнце — Божью коровку
Аллилуйем встречать.

Прослезиться у речки,
Погрустить у бугров!..
Мы — две белые свечки
Перед ликом лесов.

<1915>

213

Лесные сумерки — монах
За узорчным Часословом,
Горят заставки на листах
Сурьмою в золоте багровом.

И богомольно старцы-пни
Внимают звукам часословным...
Заря, задув свои огни,
Тускнеет венчиком иконным.

Лесных погостов старожил,
Я молодею в вечер мая,
Как о судьбе того, кто мил,
Над палой пихтою вздыхая.

Забвенье светлое тебе,
В многопридельном хвойном храме,
По мощной жизни, по борьбе,
Лесными ставшая мощами!

Смывает киноварь стволов
Волна финифтяного мрака,

Но строг и вечен Часослов
Над котловиною, где рака.

<1915>

214

Кабы я не Акулиною была,
Не Пахомовной по батюшке слыла,
Не носила б пятишовки с галуном,
Становицы с оподольником,
Еще чалых кос под сборником,—
Променяла бы я жарник с помелом
На гнедого с плящим огненным ружьем,
Ускакала бы со свёкрова двора
В чужедальщину, где вражьи хутора,
Где станует бусурманская орда,
Словно выдра у лебяжьего гнезда;
Разразила бы я огненным ружьем
Супротивника с нахальщиком-царем:
«Не хвались-де, снаряжаючись на рать,
На крещеную мирскую благодать,
Лучше выдай-ка за черные ви́ны
Из ордынской государевой казны
На мужицкий полк алтынов по лубку,
А на бабий чин камлоту по куску,
Старикам по казинетовым портам,
Бабкам-клюшницам по красным рукавам;
Еще дитятку Алёшеньке
Зыбку с пологом алёшеньким,
Чтобы полог был исподом канифас,
На овершье златоризый чудный Спас,
По закромкам были б рубчаты мохры,
Чтобы чада не будили комары,
Не гусело б его платьице
В новой горенке на матице!»

<1915>

215

Рыжее жнивье — как книга,
Борозды — древняя вязь,
Мыслит начётчица-рига,
Светлым реченьям дивясь.

Пот трудолюбца-июля,
Сказку кряжистой избы —
Всё начертала косуля
В книге народной судьбы.

Полно скорбеть, человече,
Счастье дается в черед!
Тучку — клуб шерсти овечьей
Лешева бабка прядет.

Ветром гудит веретнище,
Маревом тянется нить:
Время в глубоком мочище
Лен с конопелью мочить.

Изморозь стелет рогожи,
Зябнет калины кора:
Выдубить белые кожи
Деду приспела пора.

Зыбку, с чепцом одеяльце
Прочит болезная мать,—
Знай, что кудрявому мальцу
Тятькой по осени стать.

Что начертала косуля,
Всё оборотится в быль...
Эх-ма! Лебедка Акуля,
Спой: «Не шуми, чернобыль!»

<1915>

216

Не в смерть, а в жизнь введи меня,
Тропа дремучая лесная!
Привет вам, братья-зеленя,
Потемки дупел, синь живая!

Я не с железом к вам иду,
Дружась лишь с посохом да рясой,
Но чтоб припасть в слезах, в бреду
К ногам березы седовласой,

Чтоб помолиться лику ив,
Послушать пташек-клирошанок,
И, брашен солнечных вкусив,
Набрать младенческих волвянок.

На мху, как в зыбке задремать
Под «баю-бай» осиплой ели...
О пуща-матерь, тучки прядь,
Туман пушистее кудели.

Как сладко брагою лучей
На вашей вечери упиться,
Прозрев, что веткою в ручей
Душа родимая глядится!

<1915>

217

В овраге снежные ширинки
Дырявит посохом закат,
Полощет в озере, как в кринке,
Плеща на лес, кумачный плат.

В расплаве мхов и тине роясь,—
Лесовику урочный дар,—

Он балахон и алый пояс
В тайгу забросил, как пожар.

У лесового нос — лукошко,
Волосья — поросли ракит…
Кошель с янтарною морошкой
Луна забрезжить норовит.

Зарит… Цветет загозье лыко,
Когтист и свеж медвежий след,
Озерко — туес с земляникой,
И вешний бор — за лаптем дед.

Дымится пень, ему лет со сто,
Он в шапке, с сивой бородой…
Скрипит лощеное берёсто
У лаптевяза под рукой.

<1915>

218

Уже хоронится от слежки
Прыскучий заяц… Синь и стыть,
И нечем голые колешки
Березке в изморозь прикрыть.

Лесных прогалин скатерётка
В черничных пятнах, на реке
Горбуньей-девушкою лодка
Грустит и старится в тоске.

Осина смотрит староверкой,
Как четки, листья обронив;
Забыв хомут, пасется Серко
На глади сонных, сжатых нив.

В лесной избе покой часовни —
Труда и светлой скорби след...
Как Ной ковчег, готовит дровни
К веселым заморозкам дед.

И ввечеру, под дождик сыпкий,
Знать, заплутав в пустом бору,
Зайчонок-луч, прокравшись к зыбке,
Заводит с первенцем игру.

<1915>

219

Судьба-старуха нижет дни,
Как зерна бус — на нить:
Мелькнет игла — и вот они,
Кому глаза смежить.

Блеснет игла — опять черед
Любить, цветы срывать...
Не долог день, и краток год
Нетленное создать.

Всё прах и дым. Но есть в веках
Богорожденный час,
Он в сердобольных деревнях
Зовется Светлый Спас.

Не потому ль родимых сел
Смиренномудрен вид,
Что жизнедательный глагол
Им явственно звучит,

Что небо теплит им огни,
И Дева-благодать,

Как тихий лен, спрядает дни,
Чтоб вечное соткать?

<1915>

220

На темном ельнике стволы берез —
На рытом бархате девические пальцы.
Уже рябит снега, и слушает откос,
Как скут струю ручья невидимые скальцы.

От лыж неровен след... Покинув темь трущоб,
Бредет опушкой лось, вдыхая ветер с юга,
И та́ежный звонарь — хохлатая лешуга,
Усевшись на суку, задорно пучит зоб.

<1915>

221. Мирская дума

Не гуси в отлет собирались,
Не лебеди на озере скликались, —
Подымались мужики — пудожане,
С заонежской кряжистой карелой,
С каргопольскою дикой лешнею,
Со всей полесной хвойной силой,
Постоять за крещеную землю,
За зеленую матерь-пустыню,
За березыньку с вещей кукушкой...

Из-под ели двадесять вершинной,
От сиговья Муромского плёса,
Подымался Лазарь преподобный
Ратоборцам дать благословенье,
Провещать поганых одоленье...
Вопрошали Лазаря лешане,
Каргополы, чудь и пудожане:

«Источи нам, Лазаре всечудный,
На мирскую думу сказ медвяный:
Что помеха злому кроволитью —
Ум-хитрец аль песня-межеумка,
Белый воск аль черное железо?»
Рек святой: «Пятьсот годин в колоде
Почивал я, об уме не тщася,
Смерть моих костей не обглодала,
Из телес не выплавила сала,
Чтоб отлить свечу, чей брезг бездонный
У умерших теплится во взоре,
По ночному кладбищу блуждает,
Черепа на плитах выжигая;
А железо проклято от века:
Им любовь пригвождена ко древу,
Сожаленью ребра перебиты,
Простоте же в мир врата закрыты.
Белый воск и песня-недоумка
Истекли от вербы непорочной:
Точит верба восковые слезы
И ведет зеленый тайный причит
Про мужицкий рай, про пир вселенский,
Про душевный град, где «Свете Тихий».
И тропарь зеленый кто учует,
Тот на тварь обуха не поднимет,
Не подрубит яблони цветущей
И веслом бездушным вод не ранит...»
Поклонились Лазарю лешане,
Каргополы, лопь и пудожане:
«Сказ блаженный, как «баю» над зыбкой,
Что певала бабка Купариха
У Дедери Храброго на свадьбе.
Был Дедеря лют на кроволитье,
После ж песни стал как лист осенний:
Сердцем в воск, очами в хвой потемки,
А кудрями в прожелть листопада».

<1915>

222. Поминный причит

Покойные солдатские душеньки
Подымаются с поля убойного:
До подскустья они — малой мошкою,
По надкустью же — мглой столбовитою,
В Божьих воздухах синью мерещатся,
Подают голоса лебединые,
Словно с озером гуси отлётные,
С святорусской сторонкой прощаются.

У заставы великой, предсолнечной,
Входят души в обличие плотское,
Их встречают там горние воины
С грознокрылым Михайлом архангелом,
По трикраты лобзают страдателей,
Изгоняют из душ боязнь смертную.
Опосля их ведут в храм апостольский —
По своим телесам окровавленным
Отстоять поминальную служебку.
Правит службу им Аввакум пророк,
Чтет Писание Златоуст Иван,
Херувимский лик плещет гласами,
Солнце-колокол точит благовест.

Как улягутся веи сладкие,
Сходит Божий Дух на солдатушек,
Словно теплый дождь озимь ярую,
Насыщая их брашном ангельским,
Горечь бренных дней с них смываючи,
Раны черные заживляючи...
Напоследки же громовник Илья,
Со Ерёмою запрягальником
Снаряжают им поезд огненный,—
Звездных меринов с колымагами,
Отвезти гостей в преблаженный рай,
Где страдателям уготованы

Веси красные, избы новые,
Кипарисовым тесом крытые,
Пожни сенные — виноград-трава,
Пашни вольные, бесплатежные —
Всё солдатушкам уготовано,
Храбрым душенькам облюбовано.

1915

223. Смертный сон

Туча — ель, а солнце — белка
С раззолбченным хвостом,
Синева — в плату сиделка
Наклонилась над ручьем.

Голубеют воды-очи,
Но не вспыхивает в них
Прежних удали и мочи,
Сновидений золотых.

Мамка кажет: «Эво, елка!
Хворь, дитя, перемоги...»
У ручья осока — челка,
Камни — с лоском сапоги.

На бугор кафтан заброшен,
С чернью петли, ал узор,
И чинить его упрошен
Пропитуха-мухомор.

Что наштопает портняжка,
Всё ветшает, как листы;
На ручье ж одна рубашка
Да посконные порты.

От лесной, пролетней гари
Веет дрёмою могил...

Тише, люди, тише, твари, —
Светлый отрок опочил!

<1915>

224

Посмотри, какие тени
На дорогу стелют вязы!
Что нам бабушкины пени,
Деда нудные рассказы.

Убежим к затишью речки
От седой, докучной ровни...
У тебя глаза, как свечки
В полусумраке часовни.

Тянет мятою от сена,
Затуманились покосы.
Ты идешь, бледна, как пена,
Распустив тугие косы.

Над рекою ветел лапы,
Тростника пустые трости.
В ивняке тулья от шляпы:
Не вчерашнего ли гостя?

Он печальнее, чем ели
На погосте, в час заката...
Ты дрожишь, белей кудели,
Вестью гибли объята.

Ах, любовь, как воск для лепки,
Под рукою смерти тает!..
«Святый Боже, Святый Крепкий», —
Вяз над омутом вздыхает.

<1915>

225

В этот год за святыми обеднями
Строже лики и свечи чадней,
И выходят на паперть последними
Детвора да гурьба матерей.

На завалинах рать сарафанная,
Что ни баба, то горе-вдова;
Вечерами же мглица багряная
Поминальные шепчет слова.

Посиделки, как трапеза братская,—
Плат по брови, послушней кудель,
Только изредка матерь солдатская
Поведет причитаний свирель:

«Полетай, моя дума болезная,
Дятлом-птицею в сыр-темен бор...»
На загуменье ж поступь железная —
Полуночный Егорьев дозор.

Ненароком заглянешь в оконницу —
Видишь въявь, как от северных вод
Копьеносную звездную конницу
Страстотерпец на запад ведет,

Как влачит по ночным перелесицам
Сполох-конь аксамитный чепрак,
И налобником ясным, как месяцем,
Брезжит в ельник, пугаючи мрак.

<1915>

226

Болесть да засу́ха,
На скотину мор.

Горбясь, шьет старуха
Мертвецу убор.

Холст ледащ на ощупь,
Слепы нить, игла...
Как медвежья поступь,
Темень тяжела.

С печи смотрят годы
С карлицей-судьбой.
Водят хороводы
Тучи над избой.

Мертвый дух несносен,
Маета и чад.
Помелища сосен
В небеса стучат.

Глухо Божье ухо,
Свод надземный толст.
Шьет, кляня, старуха
Поминальный холст.

<1915>

227

Что ты, нивушка, чернёшенька,
Как в нужду кошель порожнёшенька,
Не взрастила ты ржи-гуменницы,
А спелéгала — к солнцу выгнала
Неедняк-траву с горькой пестушкой?

Оттого я, свет, чернотой пошла,
По омежикам замуравела,
Что по вёдру я не косулена,
После белых рос не боронена,
Рожью низовой не засеяна...

А и что ты, изба, пошатилася,
С парежа-угара аль с выпивки,
Али с поздних просонок расхамкавшись,
Вплоть до ужина чешешь пазуху,
Не запрешь ворот — рта беззубого,
Креня в сторону шолом-голову?

Оттого я, свет, шатуном гляжу,
Не смыкаю рта деревянного,
Что от бела дня до полуночи
«Воротись», — вопю доможирщику,
Своему ль избяному хозяину.
Вопия, надорвала я печени —
Глинобитную печь с теплым дымником.
Видно, утушке горькой — хозяюшке
Вековать приведется без селезня...

Ты, дорога-путинушка дальняя,
Ярый кремень да супесь горючая,
Отчего ты, дороженька, куришься,
Обымаешься копотью каменной?
Али дождиком ты не умывана,
Не отерта туманом-ширинкою,
Али лапоть с клюкой-непоседою
Больно колют стоверстную спинушку?

Оттого, человече, я куревом
Замутилась, как плёсо от невода,
Что по мне проходили солдатушки
С громобойными лютыми пушками.
Идучи, они пели: «Лебедушку
Заклевать солеталися вороны»,
Друг со другом крестами менялися,
Полагали зароки великие:
«Постоим-де мы, братцы, за родину,
За мирскую Микулову пахоту,

За белицу-весну с зорькой-свеченькой,
Над мощами полесий затепленной!..»
Стороною же, рыси лукавее,
Хоронясь за бугры да валежины,
Кралась смерть, отмечая на хартии,
Как ярыга, досрочных покойников.

Ах ты, ель-кружевница трущобная,
Не чета ты кликуше осинушке,
Что от хвойного звона да ладана
Бьет в ладошки и хнычет по-заячьи.
Ты ж сплетаешь зеленое кружево,
От коклюшек ресниц не здымаючи,
И ни месяц-проныра, ни солнышко
Не видали очей твоих девичьих.
Молви, ёлушка, с горя иль с устали
Ты верижницей строгою выглядишь?
Не топор ли тебе примерещился,
Печь с белёным, развалистым жарником:
Пышет пламя, с таганом бодается,
И горишь ты в печище, как грешница?

Оттого, человече, я выгляжу
Срубом-церковкой, в пуще забытою,
Что сегодня солдатская матушка
Подо мною о сыне молилася:
Она кликала грозных архангелов,
Деву-Пятенку с Теплым Николою,
Припадала, как к зыбке, к валежине,
Называла валежину Ванюшкой;
После мох, словно волосы, гладила
И казала сосцы почернелые...
Я покрыла ее епитрахилью,
Как умела родную утешила...
Слезы ж матери — жито алмазное —
На пролете склевала кукушица,

А склевавши, она спохватилася,
Что не птичье то жито, а Божие...
Я считаю ку-ку покаянные
И в коклюшках, как в Требнике, путаюсь.

<1915>

228. Беседный наигрыш, стих доброписный

Его же в павечернее междучасие пети подобает, с малым погрецом ногтевым и суставным.

Из Отпуска — тайного свитка олонецких сказителей-скрытников

По рожденьи Пречистого Спаса,
В житие премудрыя Планиды,
А в успенье Поддубного старца, —
Не гора до тверди досягнула,
Хлябь здынула каменною плешью
В стороне, где солнышко ночует
На кошме, за пологом кумачным,
И где ночь-горбунья зелье варит,
Чернит косы копотью да сажей,
Под котлом валежины сжигая,
Народилось железное царство
Со Вильгельмищем, ца́рищем поганым. —
У него ли, нечестивца, войска — сила,
Порядового народа — несусветно;
Они веруют Лютеру-богу,
На себя креста не возлагают,
Великого говения не правят,
В Семик-день веника не рядят,
Не парятся в парной паруше,
Нечистого духа не смывают,
Опосля Удилёну не кличут:
«Матушка ржаная Удилёна,

Расчеши солому — золот волос,
Сдобри бражкой, патокою колос...»

* * *

Не сарыч кричит за буераком,
На свежье детенышей сзывая,
И не рысь прыскучая лесная
В ночь мяучит, теплой кровью сыта, —
То язык злокозненный глаголет,
Царь железный пыхает речами:
«Голова моя — умок лукавый,
Поразмысли ты, пораскумекай,
Мне кого б в железо заковати?
Ожелезил землю я и воды,
Полонил огонь и пар шипучий,
Ветер, свет колодниками сделал,
Ныне ж я, как куропоть в ловушку,
Светел Месяц с Солнышком поймаю:
Будет Месяц, как петух на жердке,
На острожном тыне перья чистить,
Брезжить зобом в каменные норы
И блюсти дозоры неусыпно!
Солнцу ж я за спесь, за непокорство
С ног разую красные бахилы,
Желтый волос, ус лихой косатый
Остригу на войлок шерстобитам;
С шеи Солнца бобчатую гривну
Кобелю отдам на ожерелок,
Повалю я красного спесивца
На полати с бабой шелудивой —
Ровня ль будет соколу ворона?»

Неедуча солодяга без прихлебки,
Два же дела без третьего негожи,
Третье ж дело — гумённая работа,
Выжать рожь на черниговских пашнях,

Волгу-матку разлить по бутылям,
С питухов барыши загребая,
С уха ж Стенькина славного кургана
Сбить литую куяшную шапку,
А с Москвы, боярыни вальяжной,
Поснимать соболью пятишовку,
Выплесть с кос подбрусник златотканный,
Осыпные перстни с ручек сбросить.
Напоследки ж мощи Маккавея
Истолочь в чугунной полуступе,
Пропустить труху через решета,
И отсевком выбелить печища,
А попов, игуменов московских
Положить под мясо, под трепало —
Лоско ль будет черное мочало?!..

* * *

Не медушник-цветик поит дрёма
Павечерней сыченой росою,
И не крест — кладбищенский насельник,
Словно столпник, в тайну загляделся —
Мать-Планида на Руси крещеной
От страды келейной задремала.
Был ли сон аль малые просонки,
Только въявь Планидушке явились
Петр апостол с Пятенкою-девой.
И рекли святые: «Мать-Планида,
Под скуфьей уснувши стопудовой,
За собой и Русь ты усыпила!
Ты вставай-ка, мать, на резвы ноги,
Повести-ка Русь о супостате.
Не бери в гонцы гуляку Вихря,
Ни сестриц Сутёмок чернокосых,
Ни Мороза с Зоем перекатным:
Вихрю пляс, присвистка да присядка,
Балалайки дробь — всего милее,

Недосуг Сутёмкам, им от Бога
Дан наказ Заре кокошник вышить,
Рыбьи глазки с зеньчугом не спутать,
Корзным стёгом выпестрить очелье.
У Мороза же не гладки лыжи,
Где пройдет, там насты да сумёты,
В теплых пимах, в малице оленьей,
На ходу Морозушко сопреет,
А сопрев, по падям, по низинам
Расплеснется речкой половодной.
Звонаря же Зоя брать негоже, —
Без него трущоба — скит без била,
Зой ку-ку загозье, гомон с гремью
Шаргунцами вешает на сучья;
Ввечеру ж монашком сладкогласным
Часослов за елями читает...
Ты прими-ка, матушка Планида,
Во персты отмычки золотые,
Пробудившись, райскими ключами
Отомкни синь-камень несекомый,
Вызволь ты из каменной неволи
Паскарагу, ангельскую птицу,
Супротив стожарной Паскараги
Бирюча на белом свете нету!..»
От словес апостольских Планида,
Как косач в мошище, встрепенулась,
Круто буйну голову здынула,
Откатила скуфью за Онего.
Кур-горой скуфья оборотилась,
Опушь стала ельником кромешным,
А завязка речкою Сорогой...

* * *

Ой, люди крещеные,
Толико ученые,
Слухайте-внимайте,
На улицу баб не пускайте,

Ребят на воронец —
Дочуять песни конец,
На лежанку старух,
Чтоб голос не тух!
Господи, благослови,
Царь Давид, помоги,
Иван Богослов,
Дай басеньких слов,
В подъязычный сустав
Красных погрецов-слав,
А с того, кто скуп,
Выпеть денежек рубь!..

* * *

Тысчу лет живет Макоша-Морок,
След крадет, силки за хвоей ставит,
Уловляет души человечьи,
Тысчу лет и Лембэй пущей правит,
Осенщину-дань сбирая с твари:
С зайца — шерсть, буланый пух — с лешуги,
А с осины — пригоршню алтынов,
Но никто за тысчу зим и вёсен
Не внимал напеву Паскараги!
Растворила вещая Планида,
Словно складень, камень несекомый,
И запела ангельская птица,
О невзгоде Русь оповещая:

Первый зык дурманней кос девичьих
У ручья знобяник-цвет учуял, —
Он поблек, как щеки ненаглядной
На простинах с воином-зазнобой, —
Вещий знак, что много дроль пригожих
На Руси без милых отдевочат.

Зык другой, как трус снегов поморских,
Как буланый свист несметных сабель,

Когда кровь, как жар в кузнечном горне,
Вспучив скулы, Ярость раздувает,
И с киркою Смерть-кладоискатель
Из сраженных души исторгает.

Третий зык, как звон воды в купели,
Когда Дух на первенца нисходит,
В двадцть лет детину сыном дарит,
Молодицу ж горлинку — в семнадцать.
Водный звон учуял старичище
По прозванью Сто Племен в Едином,
Он с полатей зорькою воззрился
И увидел рати супостата. —
Прогуторил старый: «Эту погань,
Словно вошь на гаснике, лишь баней,
Лютым паром сжить со света можно...»
Черпанул старик воды из Камы,
Черпанул с Онеги ледовитой,
И, дополнив ковш водой из Дона,
Три реки на каменку опружил.
Зашипели Угорские плиты,
Взмыли пар Уральские граниты,
Валуны Валдая, Волжский щебень
Навострили зубья, словно гребень,
И, как ельник, как над морем скалы,
Из-под камней сто племен восстало...

* * *

Сказа́нец — не бабье мотовило,
Послесловье ж присловьем не станет,
А на спрос: «откуль» да «что впоследки»
Нам програет Кува — красный ворон;
Он гнездищем с Громом поменялся,
Чтоб снести яйцо — мужичью долю.

<1915>

229

Луговые потемки, омежки, стога,
На пригорке ракита — сохачьи рога,
Захлебнулась тальянка горючею мглой,
Голосит, как в поминок семья по родной:
«Та-ля-ля, та-ля-ля, ти-ли-ли.
Сенокосные зори прошли,
Август-дед, бородища снопом,
Подарил гармониста ружьем.
Эх-ма, старый, не грызла б печаль,
Да родимой сторонушки жаль.
Чует медное сердце мое,
Что погубит парнюгу ружье,
Что от пули ему умереть,
Мне ж поминные приплачки петь!..»
Луговые потемки как плат;
Будет с парня пригожий солдат,
Только стог-бородач да поля
Не услышат ночного «та-ля»...

Медным плачем будя тишину,
Насулила тальянка войну.

<1915>

230

Месяц — рог олений,
Тучка — лисий хвост.
Полон привидений
Та́ежный погост.

В заревом окладе
Спит Архангел Дня.
В Божьем вертограде
Не забудь меня.

Там святой Никита,
Лазарь — нищим брат.
Кирик и Улита
Страсти утолят.

В белом балахонце
Скотий врач — Медост...
Месяц, как оконце,
Брезжит на погост.

Темь соткала куколь
Елям и бугру.
Молвит дед: «Не внука ль
Выходил в бору?»

Я в ответ: «Теперя
На пушнину пост,
И меня, как зверя,
Исцелил Медост».

<1915>

231. Рожество избы

От кудрявых стружек пахнет смолью,
Духовит, как улей, белый сруб.
Крепкогрудый плотник тешет колья,
На слова медлителен и скуп.

Тёпел паз, захватисты кокоры,
Крутолоб тесовый шоломок.
Будут рябью писаны подзоры
И лудянкой выпестрен конёк.

По стене, как зернь, пройдут зарубки:
Сукрест, лапки, крапица, рядки,

Чтоб избе-молодке в красной шубке
Явь и сонь мерещились — легки.

Крепкогруд строитель-тайновидец,
Перед ним щепа как письмена:
Запоет резная пава с крылец,
Брызнет ярь с наличника окна.

И когда очёсками кудели
Над избой взлохматится дымок —
Сказ пойдет о красном древоделе
По лесам, на запад и восток.

Между 1915 и 1917

232. Вешний Никола

Как лестовка, в поле дорожка,
Заполье ж финифти синей.
Кручинюсь в избе у окошка
Кручиной библейских царей.

Давид убаюкал Саула
Пастушеским красным псалмом,
А мне от елового гула
Нет мочи ни ночью, ни днем.

В тоске распахнула оконце —
Всё пра́зелень хвой да рябь вод.
Глядь, в белом худом балахонце,
По стежке прохожий идет.

Помыслила: странник на Колу,
Подпасок иль Божий бегун,
И слышу: «Я Вешний Никола», —
Усладней сказительных струн.

Было́ мне виденье, сестрицы,
В сне тонцем, под хвойный канон,—
С того ль гомонливы синицы,
Крякуши и гусь-рыбогон.

Плескучи лещи и сороги
В купели финифтяных вод...
«Украшенны вижу чертоги»,—
Верба́-клирошанка поет?

Между 1915 и 1917

233

Галка-староверка ходит в черной ряске,
В лапотках с оборой, в сизой подпояске.
Голубь в однорядке, воробей в сибирке,
Курица ж в салопе — клёваные дырки.
Гусь в дубленой шубе, утке ж на задворках
Щеголять далося в дедовских опорках.

В галочьи потемки, взгромоздясь на жёрдки,
Спят, нахохлив зобы, курицы-молодки,
Лишь петух-кудесник, запахнувшись в саван,
Числит звездный бисер, чует травный ладан.

На погосте свечкой теплятся гнилушки,
Доплетает леший лапоть на опушке,
Верезжит в осоке проклятый младенчик...
Петел ждет, чтоб зорька нарядилась в венчик.

У зари нарядов тридевять укладок...
На ущербе ночи сон куриный сладок:
Спят монашка-галка, воробей-горошник...
Но едва забрезжит заревой кокошник —

Звездочет крылатый трубит в рог волшебный:
«Пробудитесь, птицы, пробил час хвалебный,

И пернатым брашно, на бугор, на плёсо,
Рассыпает солнце золотое просо!»

Между 1915 и 1917

234

Тучи, как кони в ночном,
Месяц — грудок пастушонка.
Вся поросла ковылем
Божья святая сторонка.

Только и русла, что шлях —
Узкая, млечная стежка.
Любо тебе во лесях,
В скрытной избе, у окошка.

Светит небесный грудок
Нашей пустынной любови.
Гоже ли девке платок
Супить по самые брови?

По́ сердцу ль парню в кудрях
Никнуть плакучей ракитой?
Плыть бы на звонких плотах
Вниз по Двине ледовитой.

Чуять, как сказочник-руль
Будит поддонные были.
Много б Устёш и Акуль
Кудри мои полонили.

Только не сбыться тому,—
Берег кувшинке несносен...
Глянь-ка, заря бахрому
Весит на звонницы сосен.

Прячется карлица-мгла
То за ивняк, то за кочку...
Тысяча лет протекла
В эту пустынную ночку.

Между 1915 и 1917

235

Дует зимник, кренит ели,
Плещет теменью в окно.
И надрывнее метели
Верезжит веретено.

Неприветное жилище —
Тени, пряха, каганец...
Где ты, витязь-старичище,
Княжья племени отец?

Длятся сумерки... Поляны,
Волчий след да бор кругом...
. . . .
Княженецкие курганы
Муравеют ковылем.

<1916>

236

Льнянокудрых тучек бег —
Перед вёдреным закатом.
Детским телом пахнет снег,
Затененный пнем горбатым.

Луч — крестильный образок
На валежину повешен,
И ребячий голосок
За кустами безутешен.

Под березой зыбки скрип,
Ельник в маревных пеленках...
Кто родился иль погиб
В льнянокудрых сутемёнках?

И кому, склонясь, козу
Строит зорька-повитуха?..
«Поспрошай куму-лозу»,—
Шепчет пихта, как старуха.

И лоза, рядясь в кудель,
Тайну светлую открыла:
«На зарянке я апрель
В снежной лужице крестила».

<1916>

237. Слезный плат

Не пава перо обронила,
Обронила мать солдатская платочек,
При дороженьке слезный утеряла.
А и дождиком плата не мочит,
Подкопытным песком не заносит...
Шел дорогой удалый разбойник,
На платок, как на злато, польстился —
За корысть головой поплатился.
Проезжал посиделец гостиный,
Потеряшку почел за прибыток —
Получил перекупный убыток...
Пробирался в пустыню калика,
С неугасною свеченькой в шуйце,
На устах с тропарем перехожим;
На платок он умильно воззрился,
Величал его честной слезницей:
«Ай же плат, много в устье морское
Льется речек, да счет их известен,

На тебе ж, словно рос на покосе,
Не исчислить болезных слезинок!
Я возьму тебя в красную келью
Пеленою под Гуриев образ,
Буду Гурию-Свету молиться
О солдате в побоище смертном, —
Чтобы вражья поганая сабля
При замашке закал потеряла,
Пушки-вороны песенной думы
Не вспугнули бы граем железным,
Чтоб полесная яблоня-песня,
Чьи цветы плащаницы духмяней,
На Руси, как веха, зеленела,
И казала бы к раю дорогу!»

<1916>

238

Под низкой тучей вороний грай,
За тучей брезжит Господний рай.
Вороньи пени на горний свет
Под образами прослышал дед.

Он в белой скруте, суров пробор,
Во взоре просинь и рябь озер...
Не каркай, ворон, тебе на снедь
Речною юдо притащит сеть!

Поделят внуки счастливый лов,
Глазастых торпиц, язей, сигов...
Земля погоста — притин от бурь,
Душа, как рыба, всплеснет в лазурь.

Не будет деда, но будет сказ,
Как звон кувшинок в лебяжий час,

Когда в просонки и в хмару вод
Влюбленный лебедь подруг ведет...

Дыряв и хлябок небесный плат,
Лесным гарищем чадит закат,
Изба как верша... Лучу вослед
В то-светный сумрак отходит дед.

<1916>

239. Молитва

Упокой мою душу, Господь,
Во святых, где молчит всяка плоть,
Где под елью изба-изумруд —
Сладковейный родимый приют,
Там божница — кувшинковый цвет,
И шесток неостывно согрет!

Облачи мою душу, Господь,
Как зарю, в золотую милоть,
Дай из молний венец и вручи
От небесной ограды ключи:
Повелю серафимам Твоим
Я слететься к деревням родным,
Днем сиять, со всенощною ж мглой
Теплить свечи пред каждой избой!

О, взыщи мою душу, Творец,
Дай мне стих — золотой бубенец,
Пусть душа — сизый северный гусь —
Облетит непомерную Русь,
Здесь вспарит, там обронит перо —
Песнотворческих дум серебро,
И свирельный полет возлюбя —
Во святых упокоит себя!

<1916>

240. Поддонный псалом

Что напишу и что реку, о Господи!
Как лист осиновый все писания,
Все книги и начертания:
Нет слова неприточного,
По звуку неложного, непорочного;
Тяжелы душе писанья видимые,
И железо живет в буквах библий!

О душа моя — чудище поддонное,
Стоглавое, многохвостое, тысячепудовое,
Прозри и виждь: свет брезжит!
Раскрылась лилия, что шире неба,
И колесница Зари Прощения
Гремит по камням небесным!
О ясли рождества моего,
Теплая зыбка младенчества,
Ясная келья отрочества,
Дуб, юность мою осеняющий,
Дом крепкий, просторный и убранный,
Училище красоты простой
И слова воздушного,—
Как табун белых коней в тумане,
О родина моя земная, Русь буреприимная!
Ты прими поклон мой вечный, родимая,
Свечу мою, бисер слов любви неподкупной,
Как гора необхватной,
Свежительной и мягкой,
Как хвойные омуты кедрового моря!
Вижу тебя не женой, одетой в солнце,
Не схимницей, возлюбившей гроб и шорохи часов безмолвия,
Но бабой-хозяйкой, домовитой и яснозубой,
С бедрами, как суслон овсяный,
С льняным ароматом от одежды...

Тебе только тридцать три года —
Возраст Христов лебединый,
Возраст чайки озерной,
Век березы, полной ярого, сладкого сока!..
Твоя изба рудо-желта,
Крепко срублена, смольностенна,
С духом семги и меда от печи,
С балагуром-котом на лежанке
И с парчевою сказкой за пряжей.
Двор твой светл и скотинушкой тучен,
Как холстами укладка невесты;
У коров сытно-мерная жвачка,
Липки сахарно-белы удои,
Шерсть в черед с роговицей линяет,
А в глазах человеческий разум;
Тишиною вспоенные овцы
Шелковистее ветра лесного;
Сыты кони овсяной молитвой
И подкованы веры железом;
Ель Покоя жилье осеняет,
А в ветвях ее Сирин гнездится:
Учит тайнам глубинным хозяйку,—
Как взмесить нежных красок опару,
Дрожжи звуков всевышних не сквасить,
Чтобы выпечь животные хлебы,
Пищу жизни, вселенское брашно...

Побывал я под чудною елью
И отведал животного хлеба,
Видел горницу с полкой божничной,
Где лежат два ключа золотые:
Первый ключ от Могущества Двери,
А другой от Ворот Воскрешенья...
Боже, сколько алчущих скрипа петель,
Взмаха створов дверных и воротных,
Миллионы веков у порога,

Как туманов полки над Поморьем,
Как за полночью лед ледовитый!..

Есть моря черноводнее вара,
Липче смол и трескового клея
И недвижней столпы Саваофа:
От земли, словно искра из горна,
Как с болот цвет тресты пуховейной,
Возлетает душевное тело,
Чтоб низринуться в черные воды —
В те моря без теченья и ряби;
Бьется тело воздушное в черни,
Словно в ивовой верше лососка;
По борьбе же и смертном биенье
От души лоскутами спадает.
Дух же — светлую рыбью чешуйку,
Паутинку луча золотого —
Держит вар безмаячного моря:
Под пятой невесомой не гнется
И блуждает он, сушей болея...
Но едва материк долгожданный,
Как слеза за ресницей, забрезжит,
Дух становится сохлым скелетом,
Хрупче мела, трухлявее трута,
С серым коршуном-страхом в глазницах,
Смерть вторую нежданно вкушая.

Боже, сколько умерших миров,
Безымянных вселенских гробов!
Аз Бог Ведаю Глагол Добра —
Пять знаков чище серебра;
За ними вслед: Есть Жизнь Земли —
Три буквы — с златом корабли,
И напоследок знак Фита —
Змея без жала и хвоста...
О Боже сладостный, ужель я в малый миг
Родимой речи таинство постиг,

Прозрел, что в языке поруганном моем
Живет Синайский глас и вышний трубный гром,
Что песню мужика «Во зелены́х лузях»
Создать понудил звук и тайнозренья страх?!

По Морю морей плывут корабли с золотом:
Они причалят к пристани того, кто братом зовет Сущего,
Кто, претерпев телом своим страдание,
Всё телесное спасет от гибели
И явится Спасителем мира.

Приложитесь ко мне, братья,
К язвам рук моих и ног:
Боль духовного зачатья
Рождеством я перемог!

Он родился — цветик алый,
Долгочаемый младень:
Серый камень, сук опальный
Залазурились, как день.

Снова голубь Иорданский
Над землею воспарил:
В зыбке липовой крестьянской
Сын спасенья опочил.

Бельте, девушки, холстины,
Печь топите для ковриг:
Легче отблеска лучины
К нам слетит Архистратиг.

Пир мужицкий свят и мирен
В хлебном Спасовом раю,
Запоет на ели Сирин:
Баю-баюшки-баю.

От звезды до малой рыбки
Всё возжаждет ярых крыл,
И на скрип вселенской зыбки
Выйдут деды из могил.

Станет радуга лампадой,
Море — складнем золотым,
Горн потухнувшего ада —
Полем ораным мирским.

По тому ли хлебоборью
Мы, как изморозь весной,
Канем в Спасово поморье
Пестрядинною волной.

1916

241

Не верьте, что бесы крылаты,
У них, как у рыбы, пузырь,
Им любы глухие закаты
И моря полночная ширь.

Они за ладьею-акулой
Прожорливым спрутом живут,
Утесов подводных скулы —
Геенскому духу приют.

Есть бесы молчанья, улыбки,
Дверного засова и сна...
В гробу и в младенческой зыбке
Бурлит огневая волна.

В кукушке и в песенке пряхи
Ныряют стада бесенят.
Старушьи, костлявые страхи —
Порука, что близится ад.

О горы, на нас упадите,
Ущелья, окутайте нас!
На тле, на воловьем копыте
Начертан громовый рассказ.

За брашном, за нищенским кусом
Рогатые тени встают...
Кому же воскрылья с убрусом
Закатные ангелы ткут?

1916

242—245. Земля и железо

1

Есть горькая супесь, глухой чернозём,
Смиренная глина и щебень с песком,
Окунья земля, травяная медынь
И пегая охра, жилица пустынь.

Меж тучных, глухих и скудельных земель
Есть Матерь-земля, бытия колыбель,
Ей пестун — судьба, вертоградарь же — Бог,
И в сумерках жизни к ней нету дорог.

Лишь дочь ее, Нива, в часы бороньбы,
Как свиток, являет глаголы Судьбы,—
Читает их пахарь, с ним некто Другой,
Кто правит огнем и мужицкой душой.

Мы внуки земли и огню родичи,
Нам радостны зори и пламя свечи,
Язвит нас железо, одежд чернота,
И в памяти нашей лишь радуг цвета.

В кручине по крыльям, пригожих лицом
Мы «соколом ясным» и «павой» зовем.

Узнайте же ныне: на кровле конёк
Есть знак молчаливый, что путь наш далек.

Изба — колесница, колеса — углы,
Слетят серафимы из облачной мглы,
И Русь избяная — несметный обоз! —
Вспарит на распутье взывающих гроз...

Сметутся народы, иссякнут моря,
Но будет шелками расшита заря,—
То девушки наши, в поминок векам,
Расстелют ширинки по райским лугам.

2

У розвальней — норов, в телеге же — ум,
У карего много невыржанных дум.

Их ведает стойло да дед-дворовик,
Что кажет лишь твари мерцающий лик.

За скотьей вечерней в потемках хлева,
Плачевнее ветра овечья молва.

Вздыхает каурый, как грешный мытарь:
«В лугах Твоих буду ли, Отче и Царь?

Свершатся ль мои подъяремные сны,
И, взвихрен, напьюсь ли небесной волны?..»

За конскою думой кому уследить?
Она тишиною спрядается в нить.

Из нити же время плетет невода,
Чтоб выловить жребий, что светел всегда.

Прообраз всевышних, крылатых коней —
Смиренный коняга, страж жизни моей.

С ним радостней труд, благодатней посев,
И смотрит ковчегом распахнутый хлев.

Взыграет прибой, и помчится ковчег
Под парусом ясным, как тундровый снег.

Орлом огнезобым взметнется мой конь,
И сбудется дедов дремучая сонь!

3

Звук ангелу собрат, бесплотному лучу,
И недруг топору, потемкам и сычу.
В предсмертном «ы-ы-ы!..» таится полузвук,
Он каплей и цветком уловится, как стук.
Сорвется капля вниз, и вострепещет цвет,
Но трепет не глагол, и в срыве звука нет.

Потемки с топором и правнук ночи — сыч
В обители лесов поднимут хищный клич,
Древесной крови дух дойдет до Божьих звезд,
И сирины в раю слетят с алмазных гнезд;
Но крик железа глух и тяжек, как валун,
Ему не свить гнезда в блаженной роще струн.

Над зыбкой, при свече, старуха запоет,
Дитя, как злак росу, впивает певчий мед,
Но древний рыбарь-сон, чтоб лову не скудеть,
В затоне тишины созвучьям ставит сеть.

В бору, где каждый сук — моленная свеча,
Где хвойный херувим льет чашу из луча,
Чтоб напоить того, кто голос уловил
Кормилицы мирской и пестуньи могил, —

Там, отроку-цветку лобзание даря,
Я слышал, как заре откликнулась заря,
Как вспел петух громов и в вихре крыл возник,
Подобно рою звезд, многоочитый лик...

Миг выткал пелену, видение темня,
Но некая свирель томит с тех пор меня;
Я видел звука лик и музыку постиг,
Даря уста цветку, без ваших ржавых книг!

4

Где пахнет кумачом — там бабьи посиделки,
Медынью и сурьмой — девичий городок...
Как пряжа, мерен день, и солнечные белки,
Покинув райский бор, уселись на шесток.

Беседная изба — подобие вселенной:
В ней шолом — небеса, полати — Млечный Путь,
Где кормчему уму, душе многоплачевной
Под веретенный клир усладно отдохнуть.

Неизреченен Дух и несказанна тайна
Двух чаш, двух свеч, шести очей и крыл!
Беседная изба на свете не случайна —
Она Судьбы лицо, преддверие могил.

Мужицкая душа, как кедр зелено-темный,
Причастье Божьих рос неутолимо пьет:
О, радость — быть простым, носить кафтан посконный
И тельник на груди, сладимей диких сот!

Индийская земля, Египет, Палестина —
Как олово в сосуд, отлились в наши сны.
Мы братья облаков, и савана холстина —
Наш верный поводырь в обитель тишины.

1916

246–249. Поэту Сергею Есенину

1

Оттого в глазах моих просинь,
Что я сын Великих озер.
Точит сизую киноварь осень
На родной беломорский простор.

На закате плещут тюлени,
Загляделся в озеро чум...
Златороги мои олени —
Табуны напевов и дум.

Потянуло душу, как гуся,
В голубой полудённый край,
Там Микола и светлый Исусе
Уготовят пшеничный рай!

Прихожу. Вижу избы-горы,
На водах — стальные киты...
Я запел про синие боры,
Про «Сосновый звон» и скиты.

Мне ученые люди сказали:
«К чему святые слова?
Укоротьте поддевку до талии
И обузьте у ней рукава!»

Я заплакал «Братскими песнями», —
Порешили: «в рифме не смел!»
Зажурчал я ручьями полесными
И «Лесные были» пропел.

В поучение дали мне Игоря
Северянина пудреный том.
Сердце поняло: заживо выгорят
Те, кто смерти задет крылом.

Лихолетья часы железные
Возвестили войны пожар,—
И «Мирские думы» болезные
Я принес отчизне, как дар,

Рассказал, как еловые куколи
Осеняют солдатскую мать,
И бумажные дятлы загукали:
«Не поэт он, а буквенный тать!

Русь Христа променяла на Платовых,
Рай мужицкий — ребяческий бред...»
Но с рязанских полей коловратовых
Вдруг забрезжил конóпляный свет.

Ждали хама, глупца непотребного,
В спинжаке, с кулаками в арбуз,—
Даль повыслала отрока вербного,
С голоском слаще девичьих бус.

Он поведал про сумерки карие,
Про стога, про отжиночный сноп;
Зашипели газеты: «Татария!
И Есенин — поэт-юдофоб!»

О бездушное книжное мелево,
Ворон ты, я же тундровый гусь!
Осеняет Словесное дерево
Избяную, дремучую Русь!

Певчим цветом алмазно заиндевел
Надо мной древословный навес,
И страна моя, Белая Индия,
Преисполнена тайн и чудес!

Жизнь-праматерь — заутрени росные —
Служит птицам и правды сынам;

Книги-трупы, сердца папиросные, —
Ненавистный Творцу фимиам!

1916

2

Изба — святилище земли,
С запечной тайною и раем,
По духу росной конопли
Мы сокровенное узнаем.

На грядке веников ряды —
Душа берез зеленоустых...
От звезд до луковой гряды
Всё в вещем шепоте и хрустах.

Земля, как старище-рыбак,
Сплетает облачные сети,
Чтоб уловить загробный мрак
Глухонемых тысячелетий.

Провижу я: как в верше сом,
Заплещет мгла в мужицкой длани,—
Золотобрёвный, Отчий дом
Засолнцевеет на поляне.

Пшеничный колос-исполин
Двор осенит целящей тенью...
Не ты ль, мой брат, жених и сын,
Укажешь путь к преображенью?

В твоих глазах дымок от хат,
Глубинный сон речного ила,
Рязанский маковый закат —
Твои певучие чернила.

Изба — питательница слов
Тебя взрастила не напрасно:

Для русских сел и городов
Ты станешь Радуницей красной.

Так не забудь запечный рай,
Где хорошо любить и плакать!
Тебе на путь, на вечный май,
Сплетаю стих — матерый лапоть.

Между 1916 и 1918

3

У тебя, государь, новое ожерельице...
Слова убийц св. Димитрия-царевича

Ёлушка-сестрица,
Верба-голубица,
Я пришел до вас:
Белый цвет Сережа,
С Китоврасом схожий,
Разлюбил мой сказ!

Он пришелец дальний,
Серафим опальный,
Руки — свитки крыл.
Как к причастью звоны,
Мамины иконы,
Я его любил.

И в дали предвечной,
Светлый, трехвенечный,
Мной провиден он.
Пусть я некрасивый,
Хворый и плешивый,
Но душа как сон.

Сон живой, павлиний,
Где перловый иней
Запушил окно,

Где в углу, за печью,
Чародейной речью
Шепчется Оно.

Дух ли это Славы,
Город златоглавый,
Савана ли плеск?
Только шире, шире
Белизна Псалтыри —
Нестерпимый блеск.

Тяжко, светик, тяжко!
Вся в крови рубашка...
Где ты, Углич мой?..
Жертва Годунова,
Я в глуши еловой
Восприму покой.

Буду в хвойной митре,
Убиенный Митрий,
Почивать, забыт...
Грянет час вселенский,
И собор Успенский
Сказку приютит.

<1917>

4

Бумажный ад поглотит вас
С чернильным черным сатаною,
И бесы: Буки, Веди, Аз
Согнут построчников фитою.

До воскрешающей трубы
На вас падут, как кляксы, беды,
И промокательной судьбы
Не избежат бумагоеды.

Заместо славы будет смерть
Их костяною рифмой тешить,
На кляксапировую жердь
Насадят лавровые плеши.

Построчный пламень во сто крат
Горючей жупела и серы.
Но книжный червь, чернильный ад
Не для певцов любви и веры.

Не для тебя, мой василек,
Смола терцин, устава клещи,
Ржаной колдующий Восток
Тебе открыл земные вещи:

«Заря-котенок моет рот,
На сердце теплится лампадка».
Что мы с тобою не народ —
Одна бумажная нападка?

Мы, как Саул, искать ослиц
Пошли в родные буераки,
И набрели на блеск столиц,
На ад, пылающий во мраке.

И вот, окольною тропой,
Идем с уздой и кличем: сивка!
Поют хрустальною трубой
Во мне хвоя, в тебе наливка —

Тот душегубныйваренец,
Что даль рязанская сварила.
Ты — Коловратов кладенец,
Я — бора пасмурная сила.

Таран бумажный нипочем
Для адамантовой кольчуги...

О, только б странствовать вдвоем,
От Соловком и до Калуги,

Через моздокский синь-туман,
На ржанье сивки, скрип косули!..
Но есть полынный, злой дурман
В степном жалеечном Июле.

Он за курганами звенит
И по-русалочьи мурлычет:
«Будь одиноким, как зенит,
Пускай тебя ничто не кличет».

Ты отдалился от меня,
За ковыли, глухи лужи...
По ржанью певчего коня
Душа курганная недужит.

И знаю я, мой горбунок
В сосновой лысине у взморья;
Уж преисподняя из строк
Трепещет хвойного Егорья.

Он возгремит, как Божья рать,
Готовя ворогу расплату,
Чтоб в книжном пламени не дать
Сгореть родному Коловрату.

Между 1916 и 1918

250. Белая повесть

Памяти матери

То было лет двадцать назад
И столько же зим, листопадов,
Четыре морщины на лбу
И сизая стежка на шее —

Невесты-петли поцелуй.
Закроешь глаза, и Оно
Родимою рябкой кудахчет,
Морщинистым древним сучком
С обиженной матицы смотрит,
Метлою в прозябшем углу
На пальцы ветловые дует.

Оно не микроб, не Толстой,
Не Врубеля мозг ледовитый,
Но в пабедья час мировой,
Когда мои хлебы пекутся,
И печка мурлычет, пьяна
Хозяйской, бобыльною лаской,—
В печуре созвездья встают,
Поет Вифлеемское небо,
И мать пеленает меня —
Предвечность в убогий свивальник.

Оно нарастает, как в темь
Измученный, дальний бубенчик,
Ныряет в укладку, в платок,
Что сердцу святее иконы,
И там серебрит купола,
Сплетает захватистый невод,
Чтоб выловить камбалу-душу,
И к груди сынишком прижать,
В лесную часовню повесить,
Где Боженька книгу читает,
И небо в окно подает
Лучистых зайчат и свистульку.
Потом черноусьем идти,
Как пальчику в бороду тятьке,
В пригоршне зайчонка неся —
Часовенный, жгучий гостинец.

Есть остров — Великий Четверг
С изюмною, лакомой елью,
Где ангел в кутейном дупле
Поет золотые амини,—
Туда меня кличет Оно
Воркующим, бархатным громом,
От ангела перышко дать,
Сулит — щекотать за кудряшкой,
Чтоб Дедушка-Сон бородой
Согрел дорогие колешки.

Есть град с восковою стеной,
С палатой из титл и заставок,
Где вдовы-Ресницы живут
С привратницей-Родинкой доброй,
Где коврик моленный расшит
Субботней страстнóю иглой,
Туда меня кличет Оно
Куличневым, сдобным трезвоном,
Христом разговеться и всласть
Наслушаться вешних касаток,
Что в сердце слепили гнездо
Из ангельских звонких пушинок.

То было лет десять назад
И столько же вёсен простудных,
Когда, словно пух на губе,
Подснежная лóснилась озимь,
И Месяц — плясун водяной
Под ольхами правил мальчишник.
В избе, под распятьем окна
За прялкой Предвечность сидела,
Вселенскую душу и мозг
В певучую нить выпрядая.
И Тот, кто во мне по ночам
О печень рогатину точит,

Стучится в лобок, как в притон,
Где Блуд и Чума-потаскуха,—
К Предвечности Солнце подвел
Для жизни в лучах белокурых,
Для зыбки в углу избяном,
Где мозг мирозданья прядется. —
Туда меня кличет Оно
Пророческим шелестом пряжи,
Лучом за распятьем окна,
Старушьей блаженной слезинкой,
Сулится кольцом подарить
С бездонною брачной подушкой,
Где остров — ржаное гумно
Снопами, как золотом, полон.
И в каждом снопе аромат
Младенческой яблочной пятки,
В соломе же вкус водяной
И шелест крестильного плата...

То было сегодня... Вчера...
Назад миллионы столетий,—
Не скажут ни Святцы, ни стук
Височной кровавой толкуши,
Где мерно глухие песты
О темя Земли ударяют,—
В избу Бледный Конь прискакал,
И свежестью горной вершины
Пахнуло от гривы на печь,—
И печка в чертог обратилась:
Печурки — пролёты столпов,
А устье — врата огневые.
Конь лавку копытом задел,
И дерево стало дорогой,
Путем меж алмазных полей,
Трубящих и теплящих очи,
И каждое око есть мир,
Сплав жизней и душ отошедших.

«Изыди»,— воззвали Миры,
И вышло Оно на дорогу...

В Миры меня кличет Оно
Нагорным пустынным сияньем,
Свежительной гривой дожди
С сыновних ресниц отряхает.
И слезные ливни, как сеть,
Я в памяти глубь погружаю,
Но вновь неудачлив улов,
Как хлеб, что пеку я без мамы,—
Мучнист стихотворный испод,
И соль на губах от созвучий,
Знать, в замысла ярый раствор
Скатилась слеза дождевая.

Между 1916 и 1918

251. Белая Индия

На дне всех миров, океанов и гор
Хоронится сказка — алмазный узор,
Земли талисман, что Всевышний носил
И в Глуби Глубин, наклонясь, обронил.
За ладанкой павий летал Гавриил
И тьмы громокрылых взыскующих сил, —
Обшарили адский кромешный сундук
И в Смерть открывали убийственный люк,
У Времени-скряги искали в часах,
У Месяца в ухе, у Солнца в зубах;
Увы! Схоронился «в нигде» талисман,
Как Господа сердце — немолчный таран!..

Земля — Саваофовых брашен кроха,
Где люди ютятся средь терний и мха,
Нашла потеряшку и в косу вплела,
И стало Безвестное — Жизнью Села.

Земная морщина — пригорков мозоли,
За потною пашней — дубленое поле,
За полем лесок, словно зубья гребней,—
Запуталась тучка меж ря́бых ветвей,
И небо — Микулов бороздчатый глаз
Смежает ресницы — потемочный сказ;
Реснитчатый пух на деревню ползет —
Загадок и тайн золотой приворот.
Повыйди в потемки из хмарной избы —
И вступишь в поморье Господней губы,
Увидишь Предвечность — коровой она
Уснула в пучине, не ведая дна.
Там ветер молочный поет петухом,
И Жалость мирская маячит конем,
У Жалости в гриве овечий ночлег,
Куриная пристань и отдых телег:
Сократ и Будда, Зороастр и Толстой,
Как жилы, стучатся в тележный покой.
Впусти их раздумьем— и въявь обретешь
Ковригу Вселенной и Месячный Нож —
Нару́шай ломтей, и Мирская душа
Из мякиша выйдет, крылами шурша.
Таинственный ужин разделите вы,
Лишь Смерти не кличьте — печальной вдовы...

В потемки деревня — Христова брада,
Я в ней заблудиться готов навсегда,
В живом чернолесье костер разложить
И дикое сердце, как угря, варить,
Плясать на углях и себя по кускам
Зарыть под золою в поминок векам,
Чтоб Ястребу-духу досталась мета —
Как перепел алый, Христовы уста!
В них тридцать три зуба — жемчужных горы,
Язык — вертоград, железа́ же — юры,
Где слюнные лоси, с крестом меж рогов,
Пасутся по взгорьям иссопных лугов...

Ночная деревня — преддверие Уст...
Горбатый овин и ощеренный куст
Насельников чудных, как струны, полны...
Свершатся ль, Господь, огнепальные сны?!
И морем сермяжным, к печным берегам
Грома-корабли приведет ли Адам,
Чтоб лапоть мозольный, чумазый горшок
Востеплили очи — живой огонек,
И бабка Маланья, всем ранам сестра,
Повышла бы в поле ясней серебра
Навстречу Престолам, Началам, Властям,
Взывающим солнцам и трубным мирам?!

О ладанка Божья — вселенский рычаг,
Тебя повернет не железный Варяг,
Не сводня-перо, не сова-звездочет —
Пяту золотую повыглядел кот,
Колдунья-печурка, на матице сук!..
К ушам прикормить бы зиждительный Звук,
Что вяжет, как нитью, слезинку с луной
И скрип колыбели — с пучиной морской,
Возжечь бы ладони — две павьих звезды,
И Звук зачерпнуть, как пригоршню воды,
В трепещущий гром, как в стерляжий садок,
Уста окунуть и причастьем молок
Насытиться всласть, миллионы веков
Губы не срывая от звездных ковшов!..

На дне всех миров, океанов и гор
Цветет, как душа, адамантовый бор, —
Дорога к нему с Соловков на Тибет,
Чрез сердце избы, где кончается свет,
Где бабкина пряжа — пришельцу веха:
Нырни в веретёнце, и нитка-леха
Тебя поведет в Золотую Орду,
Где Ангелы варят из радуг еду, —

То вещих раздумий и слов пастухи,
Они за таганом слагают стихи,
И путнику в уши, как в овчий загон,
Сгоняют отары — волхвующий звон.
Но мимо тропа, до кудельной спицы́,
Где в край «Невозвратное» скачут гонцы,
Чтоб юность догнать, душегубную бровь...
Нам к бору незримому посох — любовь,
Да смертная свечка, что пахарь в перстах
Держал пред кончиной,— в ней сладостный страх
Низринуться в смоль, в адамантовый гул...
Я первенец Киса, свирельный Саул,
Искал пегоухих отцовских ослиц
И царство нашел многоценней златниц:
Оно за печуркой, под ря́бым горшком,
Столетия мерит хрустальным сверчком.

Между 1916 и 1918

252

Вылез тулуп из чулана
С летних просонок горбат:
«Я у татарского хана
Был из наряда в наряд.

Полы мои из Буха́ры,
Род расстягайный ведут,
Пазухи — пламя Сахары
В русскую стужу несут.

Помнит моя подоплека
Желтый Кашмир и Тибет,
В шкуре овечьей Востока
Теплится жертвенный свет.

Мир вам, Ипат и Ненила,
Печь с черномазым горшком!

Плеск звездотечного Нила
В шорохе слышен моем.

Я — лежебок из чулана
В избу зазимки принес...
Нилу, седым океанам,
Устье — запечный Христос».

Кто несказанное чает,
Веря в тулупную мглу,
Тот наяву обретает
Индию в красном углу.

Между 1916 и 1918

253

Печные прибои пьянящи и гулки,
В рассветки, в косматый потемочный час,
Как будто из тонкой серебряной тулки
В ковши звонкогорлые цедится квас.

В полях маета, многорукая жатва,
Соленая жажда и оводный пот.
Квасных перелесков свежительна дратва,
В них раковин влага, кувшинковый мед.

И мнится за печью седое Поморье,
Гусиные дали и просырь мереж...
А дед запевает о Храбром Егорье,
Склонив над иглой солодовую плешь.

Неспора починка, и стёг неуклюжий,
Да море незримое нудит иглу...
То Индия наша, таинственный ужин,
Звенящий потирами в красном углу.

Печные прибои баюкают сушу,
Смывая обиды и горестей след...
«В раю упокой Поликарпову душу», —
С лучом незабудковым шепчется дед.

Между 1916 и 1918

254

Под древними избами, в красном углу,
Находят распятье, алтын и иглу —
Мужицкие Веды: мы распяты все,
На жернове — мельник, косарь — на косе,
И куплены медью из оси земной,
Расшиты же звездно Господней иглой.
Мы — кречетов стая, жар-птицы, орлы,
Нам явственны бури и вздохи метлы: —
В метле есть душа — деревянный божок,
А в буре Илья — громогласный пророк...
У Божьей иглы не измерить ушка,
Мелькает лишь нить — огневая река...
Есть пламенный лев, он в мужицких крестцах,
И рык его чуется в ярых родах,
Когда роженичный заклятый пузырь
Мечом рассекает дитя-богатырь...
Есть черные дни — перелет воронят,
То Бог за шитьем оглянулся назад —
И в душу народа вонзилась игла...
Нас манят в зенит городов купола,
В коврижных поморьях звенящий баркас
Сулится отплыть в горностаевый сказ,
И нож семьянина, ковригу деля,
Как вал ударяет о грудь корабля.
Ломоть черносошный — то парус, то руль,
Но зубы, как чайки у Стёп и Акуль —
Слетятся к обломкам и правят пиры...
Мы сеем и жнем до урочной поры,

Пока не привел к пестрядным берегам
Крылатых баркасов нетленный Адам.

Между 1916 и 1918

255

Потные, предпахотные думы
На задворках бродят, гомонят...
Ввечеру застольный, щаный сад
Множит сны — берестяные шумы.

Завтра вёдро... Солнышко впряглось
В золотую жертвенную соху.
За оконцем гряд парному вздоху
Вторит темень — пегоухий лось.

Господи, хоть раз бы довелось
Видеть лик твой, а не звездный коготь!
Мировое сердце — черный деготь
С каплей устьями слилось. —

И глядеться в океан алмазный
Наша радость, крепость и покой.
Божью помощь в поле, за сохой
Нам вещает муж благообразный,

Он приходит с белых полудён,
Весь в очах, как луг в медовой кашке...
Привкус моря в пахотной рубашке,
И в лаптях мозольный пенный звон.

Щаный сад весь в гнездах дум грачиных,
Древо Зла лишь призрачно голо.
И, как ясно-задремавшее стекло,
Жизнь и Смерть на папертях овинных.

Между 1916 и 1918

256

Пушистые горностаевые зимы,
И осени глубокие, как схима.
На полатях трезво уловимы
Звезд гармошки и полет серафима.

Он повадился телке недужной
Приносить на копыто пластырь —
Всей хлевушки поводырь и пастырь
В ризе непорочно-жемчужной.

Телка ж бурая, с добрым носом,
И с молочным, младенческим взором...
Кружит врачеватель альбатросом
Над избой, над лысым косогором.

В теле буйство вешних перелесков:
Под ногтями птахи гнезда вьют,
В алой пене от сердечных плесков
Осетры янтарные снуют.

И на пупе, как на гребне хаты,
Белый аист, словно в свитке пан.
На рубахе же оазисы-заплаты,
Где опальный финик и шафран,

Где араб в шатре чернотканом,
Русских звезд познав глубину,
Славит думой, говором гортанным,
Пестрядную, светлую страну.

Между 1917 и 1918

257

О ели, родимые ели, —
Раздумий и ран колыбели,
Пир брачный и памятник мой,

На вашей коре отпечатки,
От губ моих жизней зачатки,
Стихов недомысленный рой.

Вы грели меня и питали
И клятвой великой связали —
Любить Тишину-Богомать.
Я верен лесному обету,
Баюкаю сердце: не сетуй,
Что жизнь как болотная гать,

Что умерли юность и мама,
И ветер расхлябанной рамой,
Как гроб забивают, стучит,
Что скуден заплаканный ужин,
И стих мой под бурей простужен,
Как осенью листья ракит,—

В нем сизо-багряные жилки
Запекшейся крови,— подпилки
И критик ее не сотрут.
Пусть давят томов Гималаи —
Ракиты рыдают о рае,
Где вечен листвы изумруд.

Пусть стол мой и лавка-кривуша —
Умершего дерева души —
Не видят ни гостя, ни чаш,—
Об Индии в русской светелке,
Где все разноверья и толки
Поет, как струна, карандаш.

Там юных вселенных зачатки —
Лобзаний моих отпечатки —
Предстанут, как сонмы богов.

И ели, пресвитеры-ели,
В волхвующей хвойной купели
Омоют громовых сынов.

Между 1916 и 1918

258

Утонувшие в океанах
Не восходят до облаков,
Они в подземных, пламенных странах
Средь гремучих красных песков.

До второго пришествия Спаса
Огневейно крылаты они,
Лишь в поминок Всадник Саврасый
На мгновенье гасит огни.

И тогда прозревают души,
Тихий Углич и праведный Псков
Чуют звон колокольный с суши,
Воск погоста и сыту блинов.

Блин поминный круглый недаром:
Солнце с месяцем — Божьи блины,
За вселенским судным пожаром
Круглый год ипостась весны.

Не напрасны пшеница с медом —
В них услада надежды земной:
Мы умрем, но воскреснем с народом,
Как зерно, под Господней сохой.

Не кляните ж, ученые люди,
Вербу, воск и голубку-кутью —
В них мятеж и раздумье о чуде
Уподобить жизнь кораблю,

Чтоб не сгибнуть в глухих океанах,
А цвести, пламенеть и питать,
И в подземных, огненных странах,
К небесам врата отыскать.

Между 1916 и 1918

259

Вот и я — суслон овсяный,
Шапка набок, весь в поту,
Тишиною безымянной
Славлю лета маету.
Эво, лес, а вот проселок,
Талый воск березняка,
Журавлиный, синий волок
Взбороздили облака.
Просиял за дальним пряслом
Бабий ангел Гавриил,
Животворным, росным маслом
Вечер жнивье окропил:
Излечите, стебли, раны —
Курослеп, смиренный тмин;
Сытен блин, кисель овсяный
На крестинах и в помин.
Благовестный гость недаром
В деревушку правит лёт —
Быть крестинам у Захара
В золотистый умолот.
Я суслон, кривой, негожий,
Внемлю тучке и листу,
И моя солома — ложе
Черносошному Христу.

Между 1916 и 1918

260

Осенние сумерки — шуба,
А зимние — бабий шугай,
Пролетние — отрочьи губы,
Весна же — вся солнце и рай.

У шубы дремуча опушка,
Медвежья, лесная душа,
В шугае ж вещунья-кукушка
Тоскует, изнанкой шурша.

Пролетье с весною — услада,
Их выпить бы бражным ковшом...
Есть в отроках хмель винограда,
Брак солнца с надгубным пушком.

Живые, нагие, благие,
О сумерки Божьих зрачков,
В вас, желтый Китай и Россия,
Сошлися для вязки снопов!

Тучна, златоплодна пшеница,
В зерне есть коленце, пупок...
Сгинь Запад — Змея и Блудница, —
Наш суженый — отрок Восток!

Есть кровное в пагоде, в срубе —
Прозреть, окунуться в зенит...
У русского мальца на губе
Китайское солнце горит.

1916 или 1918

261

Олений гусак сладкозвучнее Глинки,
Стерляжьи молоки Верлена нежней,

А бабкина пряжа, печные тропинки
Лучистее славы и неба святей.

Чтó небо — несытое, утлое брюхо,
Где звезды роятся глазастее сов.
Покорствуя пряхе, два Огненных Духа
Сплетают мережи на песенный лов.

Один орлеокий, с крылом лиловатым,
Пред лаптем столетним слагает свой щит,
Другой, тихосветный и схожий с закатом,
Кудельную память жезлом ворошит:

«Припомни, родная, карельского князя,
Бобровые реки и куньи леса...»
В державном граните, в палящем алмазе,
Поют алконосты и дум голоса.

Под сон-веретёнце печные тропинки
Уводят в алмаз, в шамаханский узор...
Как стерлядь в прибое, так в музыке Глинки
Ныряет душа с незапамятных пор.

О русская доля — кувшинковый волос
И вербная кожа девичьих локтей,
Есть слухи, что сердце твое раскололось,
Что умерла прялка и скрипки лаптей,

Что в куньем раю громыхает Чикаго,
И сиринам в гнезда Париж заглянул.
Не лжет ли перо, не лукава ль бумага,
Что струнного Спаса пожрал Вельзевул?

Что бабкина пряжа скуднее Верлена,
Руслан и Людмила в клубке не живут?..
Как морж в солнопёк, раздышалися стены, —
В них глубь океана, забвенье и суд.

Между 1916 и 1918

262

На овинной паперти Пасха,
Звон соломенок, сдобный дух:
Здесь младенцев город, не старух,
Не в косматый вечер злая сказка.

Хорошо с суслоном «Свете» петь,
С колоском в потемках повенчаться,
И рукою брачной постучаться
В недомысленного мира клеть.

С древа жизни сиринов вспугнуть,
И под вихрем крыл сложить былину,
За стихи свеча Садко-овину...
Скучно сердцу строки-дуги гнуть.

Сгинь, перо и вурдалак-бумага!
Убежать от вас в суслонный храм,
Где ячменной наготой Адама
Дух свежит, как ключ в глуши оврага.

Близок к нищим сдобный, мглистый рай,
Кус сиротский гения блаженней...
Вседержитель! Можно ль стать нетленней,
Чем мирской, мозольный каравай?

Между 1916 и 1918

263

Чтоб медведь пришел к порогу,
И щука выплыла на зов,
Словите ворона-тревогу
В тенёта солнечных стихов.

Не бойтесь хвойного бесследья,
Целуйтесь с ветром и зарей,

Сундук железного возмездья
Взломав упорною рукой.

Повыньте жалости повязку,
Сорочку белой тишины,
Переступя в льняную сказку
Запечной, отрочьей весны.

Дремля, присядьте у печурки —
У материнского сосца,
И под баюканье снегурки
Дождитесь вещего конца.

Потянет медом от оконца,
Паучьим лыком и дуплом,
И, весь в паучьих волоконцах,
Топтыгин рявкнет под окном.

И в киновареном озерке,
Где золотой окуний сказ,
На бессловесный окрик зорко
Блеснет каурый щучий глаз.

Между 1916 и 1918

264

Гробичек не больше рукавицы,
В нем листочек осиновый белый,
Говорят, что младенческое тело
Легкокрылей пчелки и синицы.

Роженичные ж боли — спицы,
Колесо мученицы Екатерины.
Всё на свете кошмы и перины
От кровей Христовой багряницы.

Царский сын, на вымени у львицы
Я уснул, проснулся же поэтом:
Вижу гробик, листиком отпетым,
В нем почили горькие страницы.

Дайте же младенчику водицы,
Омочите палец в синем море!..
Уши мира со стихами в споре, —
Подавай им строки, как звонницы.

Гробичек не больше рукавицы
Уплывает в сумерки и в свечи...
Не язык ли бедный человечий
Погребут на вечные седмицы?

Между 1916 и 1918

265

Есть каменные небеса
И сталактитовые люди,
Их плоскогорья и леса
Не переехать на верблюде.

Гранитноглавый их король
На плитняке законы пишет;
Там день — песчаник, полночь — смоль,
И утро киноварью дышит.

Сова в бычачьем пузыре
Туда поэта переносит,
Но кто о каменной заре
Косноязыкого расспросит?

И кто уверится, что Ной
Досель на дымном Арарате,
И что когда-то посох мой
Сразил египетские рати?

Хитрец и двоедушный плут —
Вот боговидящему кличка...
Для сталактитовых Иуд
Не нужно красного яичка.

Им тридцать сребреников дай,
На плешь упроченные лавры; —
Не Моисею отчий край
Забьет в хвалебные литавры.

Увы, и шашель платяной
Живет в порфирном горностае!
Пророк, венчанный купиной,
Опочивает на Синае.

Каменнокрылый херувим
Его окутал руд наносом,
Чтоб мудрецам он был незрим,
Простым же чудился утесом.

Между 1916 и 1918

266

Громовые, владычные шаги,
Пята — гора, суставы — скал отроги,
И вопль Земли: «Всевышний, помоги!
Грядет на ны Сын Бездны семирогий!»

Могильный бык, по озеру крыло,
Ощерил пасть, кромешнее пещеры:
«Мне пойло — кровь, моя отрыжка — зло,
Утроба — ночь, костяк же — камень серый».

Лев четырех ветров залаял жалким псом:
«Увы! Увы! Разбиты семь печатей...»
И лишь в избе, в затишье вековом,
Поет сверчок, и древен сон полатей.

Заутра дед расскажет мудрый сон
Про Светлый град, про Огненное древо,—
И будет строг высокий небосклон,
Безмолвен труд и зелены посевы.

А ввечеру, когда тела без сил,
Певуча кровь и сладкоустны братья,—
Влетит в светелку ярый Гавриил
Благовестить безмужние зачатья.

Между 1916 и 1918

267

Два юноши ко мне пришли
В сентябрьский вечер листопадный,
Их сердца стук, покой отрадный
К порогу милому влекли.

Я им Писание открыл,
Купели слез, глагол высокий.
«Мы приобщились к Богу сил, —
Рекли пророческие строки, —

Дела, которые творю,
И вы, птенцы мои,— творите...»
Один вскричал: «Я возгорю»,
Другой аукнулся в зените.

И долго я гостей искал:
«Любовь, явись! Бессмертье, где ты?..»
«В сердечных далях теплим светы», —
Орган сладчайший заиграл.

И понял я: зачну во чреве
И близнецов на свет рожу:

Любовь отдам скопца ножу,
Бессмертье ж излучу в напеве.

Между 1916 и 1918

268

По керженской игуменье Манёфе,
По рассказам Мельникова-Печерского,
Всплакнулось душеньке, как дрофе
В зоологическом, близ моржа пустозерского.

Потянуло в мир лестовок, часословов заплаканных,
В град из титл, где врата киноварные...
Много дум, недомолвок каляканных
Знают звезды и травы цитварные!

Повесть дней моих ведают заводи,
Бугорок на погосте родительский;
Я родился не в башне, не в пагоде,
А в лугу, где овчарник обительский.

Помню Боженьку, небо первачное,
Облака из ковриг, солнце щаное,
В пеклеванных селениях брачное
Пенье ангелов: «Чадо желанное».

На загнетке соборы святителей,
В кашных ризах, в подрясниках маковых,
И в творожных венцах небожителей
По укладам келарника Якова.

Помню столб с проволóкой гнусавою,
Бритолицых табачников нехристей;
С «Днесь весна» и с «Всемирною славою»
Распростился я, сгинувши без вести.

Столб кудесник, тропа проволóчная
Низвели меня в ад электрический...
Я поэт — одалиска восточная
На пирушке бесстыдно языческой.

Надо мною толпа улюлюкает,
Ад зияет в гусаре и в патере,
Пусть же керженский ветер баюкает
Голубец над могилою матери.

Между 1916 и 1918

269

Я — древо, а сердце — дупло,
Где Сирина-птицы зимовье,
Поет он — и сени светло,
Умолкнет — заплачется кровью.

Пустынею глянет земля,
Золой — власяничное солнце,
И, умной листвой шевеля,
Я слушаю тяжкое донце, —

То смерть за кромешным станком
Вдевает в усновище пряжу,
Чтоб выткать карающий гром —
На грешные спины поклажу.

Бередят глухие листы, —
В них óцет, анчарные соки,
Но небо затеплит кресты —
Сыновности отблеск далекий.

И птица в сердечном дупле
Заквохчет, как дрозд на отлете,

О жертвенной, красной земле,
Где камни — взалкавшие плоти,

Где Музыка в струнном шатре
Томится печалью блаженной
О древе — глубинной заре,
С листвою яровчато-пенной.

Невеста, я древо твое,
В тени моей песни-олени;
Лишь браком святится жилье,
Где сиринный пух по колени.

Явися и в дебрях возляг,
Окутайся тайной громóвой,
Чтоб плод мой созрел и отмяк —
Микулово, бездное слово!

Между 1916 и 1918

270

Как гроб епископа, где ладан и парча
Полуистлевшие смешались с гнилью трупной,
Земные осени. Бурее кирпича
Осиновая глушь. Как склеп, ворам доступный,
Зияют небеса. Там муть, могильный сор,
И ветра-ключаря гнусавый разговор:
«Украден омофор, червонное кадило,
Навек осквернена святейшая могила:
Вот митра — грязи кус, лохмотья орлеца...»
Земные осени унылы без конца.
Они живой зарок, что мира пышный склеп
Раскраден будет весь и без замков и скреп
Лишь смерти-ключарю достанется в удел.
Дух взломщика, Господь, и туки наших тел

Смиряешь ты огнем и ранами войны,
Но струпья вновь мягчишь бальзамами весны,
Пугая осенью, как грозною вехóй,
На росстани миров, где сумрак гробовой!

Между 1916 и 1918

271

Счастье бывает и у кошки —
Котеночек — пух медовый,
Солнопёк в зализанной плошке,
Где звенит пчелой душа коровы.

Радостью полнится и рябка —
Яйцом в пеклеванной соломе,
И веселым лаем Арапка
О своей конуре — песьем доме.

Горем седеет и муха —
Одиночкой за зимней рамой...
Песнописцу в буквенное брюхо
Низвергают воды Ганг и Кама.

И, внимая трубам вод всемирных,
Рад поэт словесной бурной пене,—
То прибой, поход на ювелирных
Мастерочков рифм — собак на сене.

«Гам, гам, гам»,— скулят газеты, книги,
Магазины Вольфа и Попова...
Нужны ль вам мои стихи-ковриги,
Фолиант сермяжный и сосновый?

Расцветает скука беленою
На страницах песьих, на мольбертах;

Зарождать жар-птицу, роха, сою
Я учусь у рябки, а не в Дерптах.

Нежит солнце киску и Арапку,
Прививает оспу умной твари;
Под лучами пучится, как шапка,
Мякоть мысли. Зреет гуд комарий.

Треснет тишь — булыжная скорлупка,
И стихи, как выводок фрегатов,
Вспенят глубь, где звукоцвета губка
Тянет стебель к радугам закатов...

Счастье быть коровой, мудрой кошкой,
В молоке ловить улыбки солнца...
Погрусти, мой друг, еще немножко
У земного тусклого оконца.

Между 1916 и 1918

272

Шепчутся тени-слепцы:
«Я от рожденья незрячий».
— «Я же ослепла в венцы,
В солнечный пир новобрачий».

«Дед мой — бродяга-фонарь,
Матерь же — искра-гулёха...»
— «Помню я сосен янтарь,
Росные утрени моха».

«Взломщик походку мне дал,
Висельник — шею цыплячью...»
Призраки, вас я не звал
Бить в колотушку ребячью!

Висельник, сядь на скамью,
Девушке место, где пряжа.
Молвите: в Божьем раю
Есть ли надпечная сажа?

Есть ли куриный Царьград,
В теплой соломе яичко,
Сказок и шорохов клад,
Кот с диковинною кличкой?

Бабкины спицы там есть,
Песье ворчанье засова?..
В тесных вратах не пролезть
С милой вязанкой былого.

Ястреб, что смертью зовут,
Город похитил куриный,
Тени-слепцы поведут
Душу дорогою длинной.

Только ужиться ль в аду,
Сердцу теплее наседки? —
В келью поэта приду
Я в золотые последки.

К кудрям пытливым склонюсь,
Тайной дохну на ресницы,
Та же бездонная Русь
Глянет с упорной страницы.

Светлому внуку незрим
Дух мой в чернильницу канет
И через тысячу зим
Буквенным Сирином станет.

Между 1916 и 1918

273

Октябрьское солнце косое, дырявое,
Как старая лодка, рыбачья мёрда,
Баюкает сердце незрячее, ржавое,
Как якорь на дне, как глухая руда.

И очап скрипит. Пахнет кашей, свивальником,
И чуется тяжесть осенней земли:
Не я ли — отец, и не женским ли сальником
Стал лес-роженица и тучи вдали?

Бреду к деревушке, мясистый и розовый,
Как к пойлу корова — всещедрый удой;
Хозяйка-земля и подойник березовый —
Опалая роща лежит предо мной.

Расширилось тело коровье, молочное,
И нега удоя, как притча Христа:
«Слепцы, различаете небо восточное,
Мои же от зорь отличите ль уста?»

Христос! Я — буренка мирская, страдальная;
Пусть доит Земля мою жизнь-молоко...
Как якорь на дне, так душа огнепальная
Тоскует о брачном лебяжьем Садко.

Родить бы предвечного, вещего, струнного,
И сыну отдать ложесна и сосцы, —
Увы! От октябрьского солнца чугунного
Лишь кит зачинает да злые песцы.

Между 1916 и 1918

274

Улыбок и смехов есть тысяча тысяч,
Их в воск не отлить и из камня не высечь.

Они, как лучи, как овечья парха,
Сплетают то рай, то мережи греха.

Подснежная озимь — улыбка ребенка,
В бесхлебицу рига — оскал старика,
Издевка монаха — в геенну воронка,
Где дьявола хохот — из трупов река.

Стучит к потаскухе скелет сухопарый,
(А вербы над речкой, как ангел, белы),
То Похоть смеется, и души-гагары
Ныряют, как в омут, в провалы скулы.

Усмешка убийцы — коза на постели,
Где плавают гуси — пушинки в крови,
Хи-хи роженицы, как скрип колыбели,
В нем ласточек щебет, сиянье любви.

У ангелов губы — две алые птицы,
Их смех огнепальный с пером не случить.
Издохнут созвучья, и строки-веприцы
Пытаются в сердце быдлóм угодить.

Моё ха-ха-ха — преподобный в ночлежке,
Где сладостней рая зловонье и пот,
Удавленник в церкви, шпионы на слежке...
Провижу читателя смех наперед:

О борозды ртов и зубов миллионы,
Пожар языков, половодье слюны,
Вы — ярая нива, где зреют законы
Стиха миродержца и струнной весны!

Между 1916 и 1918

275

О скопчество — венец, золотоглавый град,
Где ангелы пятой мнут плоти виноград,
Где площадь — небеса, созвездия — базар,
И Вечность сторожит диковинный товар:
Могущество, Любовь и Зеркало веков,
В чьи глуби смотрит Бог, как рыбарь на улов!

О скопчество — страна, где бурый колчедан
Буравит ливней клюв сквозь хмару и туман,
Где дятел-Маета долбит народов ствол
И Оспа с Колтуном навастривают кол,
Чтобы вонзить его в богоневестный зад
Вселенной Матери и чаще всех услад!

О скопчество — арап на пламенном коне,
Гадательный узор о незакатном дне,
Когда безудный муж, как отблеск маргарит,
Стокрылых сыновей и ангелов родит!
Когда колдунью-Страсть с владыкою-Блудом
Мы в воз потерь и бед одрами запряжем,
Чтоб время-ломовик об них сломало кнут...

Пусть критики меня невеждой назовут.

Между 1916 и 1918

276

Всё лики в воздухе да очи,
В пустынном оке снова лик...
Многопудовы, неохочи
Мы — за убойным пойлом бык.

Объемист чан, мучниста жижа,
Зобатый ворон на хребте

Буравит клювом войлок рыжий —
Пособье скотской красоте.

Поганый клюв быку приятен,
Он песня, арфы ворожба.
И от помётных, смрадных пятен
Дымится луг, ручья губа.

И к юду, в фартуке кровавом,
Не раз подходит смерть-мясник,
Но спит душа под сальным сплавом —
Геенских лакомок балык.

Убойный молот тяжко-сладок —
Обвал в ущельях мозговых...
О, сколько в воздухе загадок,
Очей и обликов живых!

Между 1916 и 1918

277

В зрачках или в воздухе пятна,
Лес башен, подобье горы?
Жизнь облак людям непонятна,—
Они для незрячих — пары.

Не в силах бельмо телескопа
Небесной души подглядеть.
Драконовой лапой Европа
Сплетает железную сеть:

Словлю я в магнитные верши
Громóвых китов и белуг!
Земля же чешуйкой померкшей
Виляет за стаей подруг.

Кит-солнце, тресковые луны
И выводки звезд-осетров
Плывут в океанах, где шхуны
Иных, всемогущих ловцов.

Услышат Чикаго с Калугой
Предвечный полет гарпуна,
И в судоргах, воя белугой,
Померкнет на тверди луна.

Мережи с лесой осетровой
Протянут над бездной ловцы, —
На потрохи звездного лова
Сбежатся кометы-песцы.

Пожрут огневую вязигу,
Пуп солнечный, млечный гусак.
Творец в Голубиную книгу
Запишет: бысть воды и мрак.

И станет предвечность понятна,
Как озими мать-борозда.
В зрачках у провидца не пятна,
А солнечных камбал стада.

Между 1916 и 1918

278

Полуденный бес, как тюлень,
На отмели греет оплечья —
По тяге в сивушную лень
Узнаешь врага человечья.

Он в тундре оленем бежит,
Суглинком краснеет в овраге,
И след от кромешных копыт —
Болотные тряские ляги.

В пролетье, в селедочный лов,
В крикливые гагачьи токи
Шаман заклинает бесов,
Шепча на окуньи молоки:

«Эй, эй! Юксавель, ай-наши!»
(Сельдей, как бобровой запруды).
Пречистей лебяжьей души
Шамановы ярые уды.

Лобок — желтоглазая рысь,
А в ядрах — по огненной утке, —
Лишь с солнцевой бабой любись,
Считая лобзанья за сутки.

Чмок — сутки, чмок — пять, пятьдесят —
Конец самоедскому маю.
На солнцевой бабе заплат,
Как мхов по Печенгскому краю.

Шаману покорствует бес
В раю из оленьих закуток
И видит лишь чума навес —
Колдующих, огненных уток.

Между 1916 и 1918

279

Я уж больше не подрасту, —
Останусь лысым и робко сутулым,
И таким прибреду ко кресту, —
К гробовым, деревянным скулам.

В них завязну, как зуб гнилой,
Лязгнет пасть — поджарая яма...
А давно ли атласной водой
Меня мыла в корытце мама?

Не вчера ли я стал ходить,
Пугаясь бороды деда?
Или впрямь допрялась, как нить,
Жизнь моя и дьячка-соседа?

Под окном березка росла,
Ствол из воска, светлы побеги,
Глядь, в седую губу дупла
Ковыляют паучьи телеги —

Буквы Аз и Буки везут
Весь алфавит и год рожденья...
Кто же мозгу воздаст за труд,
Что тесал он стихи-каменья?

Где подрядчик — пузатый журнал?
В счете значатся: слава, гений...
Я недавно шутя хворал
От мальчишеской, пьяной лени,

Тосковал, что венчальный наряд
Не приглянется крошке-Марусе...
Караул! Ведь мне шестьдесят,
Я — закладка из Книжной Руси!

Бередит нафталинную плешь,
Как былое, колпак больничный...
Кто-то черный бормочет: «Съешь
Гору строк, свой обед обычный».

Видно я, как часы, захворал,
В мироздании став запятою,
И дочитанный Жизни журнал
Желтокожей прикрыл рукою.

Между 1916 и 1918

280

«Я здесь», — ответило мне тело, —
Ладони, бедра, голова, —
Моей страны осиротелой
Материки и острова.

И, парус солнечный завидя,
Возликовало Сердце-мыс:
«В моем лазоревом Мадриде
Цветут миндаль и кипарис!»

Аорты устьем красноводным
Плывет Владычная Ладья, —
Во мгле, по выступам бесплодным,
Мерцают мхи да ягеля.

Вот остров Печень. Небесами
Над ним раскинулся Крестец.
В долинах с жёлчными лугами
Отары пожранных овец.

На деревах тетёрки, куры
И души проса, пухлых реп,
Там солнце — пуп, и воздух бурый
К лучам бесчувственен и слеп.

Но дальше путь, за круг полярный,
В края Желудка и Кишок,
Где полыхает ад угарный
Из огнедышащих молок,

Где салотопни и толкуши,
Дубильни, свалки нечистот,
И населяет гребни суши
Крылатый, яростный народ.

О плотяные Печенеги,
Не ваш я гость! Плыви, ладья,
К материку любви и неги,
Чей берег — ладан и кутья!

Лобок — сжигающий Марокко,
Где под смоковницей фонтан
Мурлычет песенку Востока
Про Магометов караван,

Как звездотечностью пустыни
Везли семь солнц — пророка жен, —
От младшей Евы, в Месяц Скиний,
Род человеческий рожден.

Здесь Зороастр, Христос и Брама
Вспахали ниву ярых уд,
И ядра — два подземных храма
Их плуг алмазный стерегут.

Но и для солнечного мага
Сокрыта тайна алтарем...
Вздыхает судоржно бумага
Под ясновидящим пером.

И, возвратясь из далей тела,
Душа, как ласточка в прилет,
В созвучий домик опустелый
Пушинку первую несет.

Между 1916 и 1918

281

Плач дитяти через поле и реку́,
Петушиный крик, как боль, за версты,
И паучью поступь, как тоску,
Слышу я сквозь наросты коросты.

Острупела мать-сыра земля,
Загноились ландыши и арфы,
Нет Марии и вифанской Марфы
Отряхнуть пушинки с ковыля, —

Чтоб постлать Возлюбленному ложе,
Пыльный луч лозою затенить.
Распростерлось небо рваной кожей, —
Где ж игла и штопальная нить?

Род людской и шила недомыслил,
Чтоб заплатать бездну или ночь;
Он песчинки по Сахарам числил,
До цветистых выдумок охоч.

Но цветы, как время, облетели.
Пляшет сталь, и рыкает чугун.
И на дымно-закоптелой ели
Оглушенный плачет Гамаюн.

Между 1916 и 1918

282

Где рай финифтяный и Сирин
Поет на ветке расписной,
Где Пушкин говором просвирен
Питает дух высокий свой,

Где Мей яровчатый, Никитин,
Велесов первенец — Кольцов,
Туда бреду я, ликом скрытен,
Под ношей варварских стихов.

Когда сложу свою вязанку
Сосновых слов, медвежьих дум?
«К костру готовьтесь спозаранку!» —
Гремел мой прадед — Аввакум.

Сгореть в метельном Пустозерске
Или в чернилах утонуть?
Словопоклонник богомерзкий,
Не знаю я, где орлий путь.

Поет мне Сирин издалеча:
«Люби, и звезды над тобой
Заполыхают красным вечем,
Где сердце — колокол живой».

Набат сердечный чует Пушкин —
Предвечных сладостей поэт...
Как яблоновые макушки,
Благоухает звукоцвет.

Он в белой букве, в алой строчке,
В фазаньи пестрой запятой.
Моя душа, как мох на кочке,
Пригрета пушкинской весной.

И под лучом кудряво-смуглым
Дремуча глубь торфяников.
В мозгу же, росчерком округлым,
Станицы тянутся стихов.

Между 1916 и 1918

283—290. Спас

1

Вышел лен из мочища
На заезженный ток —
Нет вернее жилища,
Чем косой солнопёк.

Обсушусь и провею,
После в мяло пойду,

На порты Еремею
С миткалем наряду.

Будет малец Ерёма,
Как олень, белоног,
По опушку — истома,
После — сладкий горох.

Волосок подколенный,
Крестцовой, паховой,
До одежды нетленной
Обручатся со мной.

У мужицкого Спаса
Крылья в ярых крестцах,
В пупе перьев запасы,
Чтоб парить внебесах.

Он есть Альфа, Омега,
Шамаим и Серис,
Где с Евфратом Онега
Поцелуйно слились.

В ком Коран и Минея,
Вавилон и Саров
Пляшут пляскою змея
Под цевницу веков.

Плоти громной, Господней,
На порты я взращен,
Чтоб Земля с Преисподней
Убелились, как лен,

Чтоб из Спасова чрева
Воспарил обонпол
Сын праматери Евы —
Шестикрылый Орел.

Между 1916 и 1918

2

Я родил Эммануила —
Загумённого Христа,
Он стоокий, громокрылый,
Кудри — буря, меч — уста.

Искуплением заклятый
Он мужицкий принял зрак, —
На одежине заплаты,
Речь: авось да кое-как.

Спас за сошенькой-горбушей
Пóтом праведным потел,
Бабьи, дедовские души
Возносил от бренных тел.

С белопахой коровенкой
Разговор потайный вел,
Что над русскою сторонкой
Судный ставится престол,

Что за мать, пред звездной книгой,
На слезинках творена,
Черносошная коврига
В оправданье подана.

Питер злой, железногрудый
Иисусе посетил,
Песен китежских причуды
Погибающим открыл.

Петропавловских курантов
Слушал сумеречный звон,
И «Привал комедиантов»
За бесплодье проклял Он,

Не нашел светлей, пригоже
Загумённого бытья...
О Мой Сын,— Всепетый Боже,
Что прекрасно без Тебя?

Прокаженны Стих, Газета,
Лики Струн и Кисть с Резцом...
Из Ржаного Назарета
Мы в предвечность перейдем.

И над тятькиной могилой
Ты начертишь: пел и жил.
Кто родил Эммануила,
Тот не умер, но почил.

Между 1916 и 1918

3

Я родился в вертепе,
В овчем теплом хлеву,
Помню синие степи
И ягнячью молву.

По отцу-древоделу
Я грущу посейчас.
Часто в горенке белой
Посещал кто-то нас, —

Гость крылатый, безвестный,
Непостижный уму, —
«Здравствуй, тятенька крестный», —
Лепетал я ему.

Гасли годы, всё реже
Чаровала волшба,
Под лесной гул и скрежет
Сиротела изба.

Стали цепче тревоги,
Нестерпимее страх,
Дьявол злой тонконогий
Объявился в лесах.

Он списал на холстину
Ель, кремли облаков;
И познал я кончину
Громных отрочьих снов.

Лес, как призрак, заплавал,
Умер агнчий закат,
И увел меня дьявол
В смрадный, каменный ад.

Там газеты-блудницы,
Души книг, души струн...
Где ты, гость светлолицый,
Крестный мой — Гамаюн?

Взвыли грешные тени:
Он бумажный, он наш...
Но прозрел я ступени
В Божий певчий шалаш.

Вновь молюсь я, как ране,
Тишине избяной,
И к шестку и к лохани
Припадаю щекой:

О, простите, примите
В рай запечный меня!
Вяжут алые нити
Зори — дщери огня.

Древодельные стружки
Точат ладанный сок,

И мурлычет в хлевушке
Гамаюнов рожок.

Между 1916 и 1918

4

В дни по вознесении Христа
Пусто в горнице, прохладно, звонко,
И как гробная, прощальная иконка,
Так мои зацелованы уста.

По восхищении Христа
Некому смять складок ризы.
За окном, от утренника сизы,
Обнялися два нагих куста.

Виноградный Спас, прости, прости.
Сон веков, как смерть, не выпить горсткой.
Кто косматой пятернею жесткой
Остановит душу на пути?

Мы тебе лишь алчем вознести
Жар очей, сосцов и губ купинных.
В ландышевых горницах пустынных
Хоть кровинку б — цветик обрести.

Обойти все горницы России
С Соловков на дремлющий Памир
И познать, что оспенный трактир
Для Христов усладнее Софии,

Что, как куща, веред-стол уютен,
Гнойный чайник, человечий лай,
И в церквах обугленный Распутин
Продает сусальный, тусклый рай.

1916 или 1917

5

Неугасимое пламя,
Неусыпающий червь...
В адском, погибельном храме
Вьется из грешников вервь.

В совокупленье геенском
Корчится с отроком бес...
Гласом рыдающе женским
Кличет обугленный лес:

«Милый, приди. О, приди же...»
И, словно пасечный мед,
Пес огнедышащий лижет
Семени жгучий налет.

Страсть многохоботным удом
Множит пылающих чад,
Мужа зовет Изумрудом,
Женщину — Черный Агат.

Сплав Изумруда с Агатом —
Я не в аду, не в раю,—
Жду солнцеликого брата
Вызволить душу мою:

«Милый, явись, я — супруга,
Ты же — сладчайший жених.
С Севера,— с ясного ль Юга
Ждать поцелуев Твоих?

Чрево мне выжгла геенна,
Бесы гнездятся в костях.
Птицей — волной белопенной
Рею я в диких стихах.

Гибнут под бурей крылатой
Ад и страстей корабли...
Выведи, Боже распятый,
Из преисподней земли».

Между 1916 и 1918

6

Мои уста — горючая пустыня,
Гортань — русло, где камни и песок,
Сгораю я о златоризном Сыне,
Чьи кудри — Запад, очи же — Восток...

О Сыне Мой, Возлюбленное Чадо,
Не я ль Тебя в вертепе породил?..
Твои стопы пьянее винограда,
Веянье роз свежительней кропил.

Испечены пять хлебов благодатных,
Пять тысяч уст в пылающей алчбе,
Кошница дев и сонм героев ратных
В моих зрачках томятся по Тебе.

Убелены мое жилье и ложе,
Раздроблен агнец, целостно вино,
Не на щеколде дверь... О, стукни, Сыне Божий,
Зиждительным перстом в Разумное окно.

Я солнечно брадат, розовоух и нежен,
Моя ладонь — тимпан, сосцы сладимей сот,
Будь в ласках, как жена, в лобзании безбрежен,
Раздвигни ложесна, войди в меня, как плод.

Я вновь Тебя зачну, и муки роженицы,
Грызь жил, последа жар, стеня, перетерплю...
Как сердцевину червь и как телков веприцы,
Тебя, Мое Дитя, Супруг и Бог — люблю.

Между 1916 и 1918

7

Господи, опять звонят,
Вколачивают гвозди голгофские,
И, Тобою попранный, починяют ад
Сытые кутейные московские!

О душа, невидимкой прикинься,
Притаись в ожирелых свечах,
И увидишь, как Распутин на антиминсе
Пляшет в жгучих, похотливых сапогах,

Как в потире купаются бесенята,
Надовратный голубь вороном стал,
Чтобы выклевать у Тебя, Распятый,
Сон ресниц и сердце-опал.

Как же бежать из преисподней,
Где стены из костей и своды из черепов?
Ведь в белых яблонях без попов
Совершается обряд Господний,

Ведь пичужка с глазком васильковым
Выше библий, тиар и порфир...
Ждут пришельца в венце терновом
Ад заво́дский и гиблый трактир.

Он же, батюшка, в покойчике сосновом,
У горбатой Домны в гостях,
Всю деревню радует словом
О грядущих золотых мирах.

И деревня — Красная Ляга
Захмелела под звон берез...
Знать, и смертная ро́спита баклага
За Тебя, буревестный Христос.

1916 или 1917

8

Войти в Твои раны — в живую купель,
И там убелиться, как вербный апрель,
В сердечном саду винограда вкусить,
Поющею кровью уста опалить.
Распяться на древе — с Тобою, в Тебе,
И жил тростники уподобить трубе,
Взыграть на суставах: Или-Элои —
И семенем брызнуть в утробу Земли:
Зачни, благодатная, пламенный плод,—
Стокрылое племя, громовый народ,
Сладчайшее Чадо в моря спеленай,
На очапе радуги зыбку качай!
Я в пупе Христовом, в пробитом ребре,
Сгораю о Сыне — крылатом царе,
В пяте Иисусовой ложе стелю,
Гвоздиною кровью Орленка кормлю:
Пожри меня, Чадо, до ада проклюй,
Геенское пламя крылами задуй
И выведи Разум и Деву-Любовь
Из чревных глубин на зеленую новь!
О Сын Мой, краснейшая гроздь и супруг,
Конь — тело мое не ослабит подпруг.
Воссядь на него, натяни удила
И шпорами нудь, как когтями орла,
Об адские камни копыта сломай,
До верного шляха в сияющий рай!

Уплыть в Твои раны, как в омут речной,
Насытиться тайною, глубью живой,
Достать жемчугов, золотого песка,
Стать торжником светлым, чья щедра рука.
Купите, о други, поддонный товар:
Жемчужину-солнце, песчинку-пожар!
Мой стих — зазыватель в Христовы ряды —
Охрип под туманами зла и беды,

Но пуст мой прилавок, лишь Дева-Любовь
Купила повязку — терновую кровь.
Придачей покупке, на вес не дробя,
Улыбчивой гостье я отдал себя.

Между 1916 и 1918

291

Виктору Шимановскому

Будет брачная ночь, совершение таин,
Все пророчества сбудутся, камни в пляску пойдут,
И восплачет над Авелем окровавленный Каин,
Видя полночь ресниц, виноград палых уд.

Прослезится волчица над костью овечьей,
Зарыдает огонь, что кусался и жег,
Станет бурей душа, и зрачок человечий
Вознесется, как солнце, в небесный чертог.

И Единое око насытится зреньем
Брачных ласк и зачатий от ядер миров,
Лавой семя вскипит, изначальным хотеньем
Дастся солнцу — купель, долу — племя богов.

Роженица-земля, охладив ложесна,
Улыбнется Супругу крестильной зарей...
О пиры моих уд, мрак мужицкого сна, —
Над могилой судеб бурных ангелов рой!

Между 1916 и 1918

292. Красная песня

Распахнитесь, орлиные крылья,
Бей, набат, и гремите, грома, —

Оборвалися цепи насилья,
И разрушена жизни тюрьма!

Широки черноморские степи,
Буйна Волга, Урал златоруд, —
Сгинь, кровавая плаха и цепи,
Каземат и неправедный суд!

За Землю, за Волю, за Хлеб трудовой
Идем мы на битву с врагами —
Довольно им властвовать нами!
На бой, на бой!

Пролетела над Русью Жар-птица,
Ярый гнев зажигая в груди...
Богородица наша Землица,
Вольный хлеб мужику уроди!

Сбылись думы и давние слухи,
Пробудился Народ-Святогор —
Будет мед на домашней краюхе
И на скатерти ярок узор.

За Землю, за Волю, за Хлеб трудовой
Идем мы на битву с врагами —
Довольно им властвовать нами!
На бой, на бой!

Хлеб да соль, Костромич и Волынец,
Олончанин, Москвич, Сибиряк!
Наша Волюшка — Божий гостинец —
Человечеству светлый маяк!

От Байкала до теплого Крыма
Расплеснется ржаной Океан...
Ослепительней риз серафима
Заревой Святогоров кафтан.

За Землю, за Волю, за Хлеб трудовой
Идем мы на битву с врагами —
Довольно им властвовать нами!
На бой, на бой!

Ставьте ж свечи Мужицкому Спасу!
Знанье — брат, и наука — сестра.
Лик пшеничный с брадой солнцевласой —
Воплощенье любви и добра!

Оку Спасову сумрак несносен,
Ненавистен телец золотой;
Китеж-град, ладан Саро́вских сосен —
Вот наш рай вожделенный, родной.

За Землю, за Волю, за Хлеб трудовой
Идем мы на битву с врагами —
Довольно им властвовать нами!
На бой, на бой!

Верьте ж, братья, за черным ненастьем
Блещет солнце — Господне окно;
Чашу с кровью — всемирным причастьем,
Нам испить до конца суждено.

За Землю, за Волю, за Хлеб трудовой
Идем мы на битву с врагами —
Довольно им властвовать нами!
На бой, на бой!

<1917>

293

Меня Распутиным назвали:
В стихе расстригой, без вины,
За то, что я из хвойной дали
Моей бревенчатой страны,

Что души-печи и телеги
В моих колдующих зрачках,
И ледовитый плеск Онеги
В самосожженческих стихах,

Что васильковая поддёвка
Меж коленкоровых мимоз,
Я пугачевскою веревкой
Перевязал искусства воз.

Картавит дружба: «Святотатец».
Приятство: «Хам и конокрад»,
Но мастера небесных матиц
Воздвигли вещему Царьград.

В тысячестолпную Софию
Стекутся зверь и человек.
Я алконостную Россию
Запрятал в дедовский сусек.

У Алконоста перья — строчки,
Пушинки — звездные слова;
Умрут Кольцовы-одиночки,
Но не лесов и рек молва.

Потомок бога Китовраса,
Сермяжных Пудов и Вавил,
Угнал с Олимпа я Пегаса
И в конокрады угодил.

Утихомирился Пегаске,
Узнав полеты в хомуте...
По Заонежью бродят сказки,
Что я женат на Красоте,

Что у меня в суставе — утка,
А в утке — песня-яйцо...

Сплелись с кометой незабудка
В бракоискусное кольцо.

За евхаристией шаманов
Я отпил крови и огня,
И не оберточный Романов,
А вечность жалует меня.

Увы! Для паюсных умишек
Невнятен Огненный Талмуд,
Что миллионы чарых Гришек
За мной в поэзию идут.

<1917>

294

Уму — республика, а сердцу — Матерь-Русь.
Пред пастью львиною от ней не отрекусь.
Пусть камнем стану я, корягою иль мхом,—
Моя слеза, мой вздох о Китеже родном,
О небе пестрядном, где звезды-комары,
Где с аспидом дитя играет у норы,
Где солнечная печь ковригами полна,
И киноварный рай дремливее челна...

Упокой, Господи, душу раба Твоего!..

Железный небоскреб, фабричная труба,
Твоя ль, о родина, потайная судьба?!
Твои сыны-волхвы — багрянородный труд
Вертепу Господа иль Ироду несут?
Пригрезятся ли им за яростным горном
Сад белый, восковой и златобрёвный дом, —
Берестяный придел, где отрок Пантелей
На пролежни земли льет миро и елей?..

Изведи из темницы душу мою!..

Под красным знаменем рудеет белый дух,
И с крыльев Михаил стряхает млечный пух,
Чтоб в битве с сатаной железноперым стать, —
Адама возродить и Еву — жизни мать,
Чтоб дьявол стал овцой послушной и простой,
А лихо черное — грачонком за сохой,
Клевало б червяков и сладких гусениц
Под радостный раскат небесных колесниц...

Свят, свят, Господь Бог Саваоф!

Уму — республика, а сердцу — Китеж-град,
Где щука пестует янтарных окунят,
Где нянюшка-судьба всхрапнула за чулком,
И покумился серп с пытливым васильком,
Где тайна, как полей синеющая таль...
О тысча девятьсот семнадцатый Февраль!
Под вербную капель и под грачиный грай,
Ты выпек дружкин хлеб и брачный каравай,
Чтоб Русь благословить к желанному венцу...
Я запоздалый сват, мне песня не к лицу,
Но сердце — бубенец под свадебной дугой —
Глотает птичий грай и воздух золотой...

Сей день, его же сотвори, Господь,
Возрадуемся и возвеселимся в онь!

<1917>

295. Застольный сказ

Как у нас ли на Святой Руси
Городища с пригородками,
Красны села со приселками,
Белы лебеди с лебедками,
Добры молодцы с красотками.
Как молодушки все «ай» да «не замай»,
Старичищам только пару поддавай.

Наша банища от Камы до Оки,
Горы с долами — тесовые полки,
Ковш узорчатый — озерышко Ильмень:
Святогору сладко париться не лень!

Ой вы, други, гости званые,
Сапожки на вас сафьянные,
Становой кафтан — индийская парча,
Речь орлиная смела и горяча,
Сердце-кречет рвется в поймища степей
Утиц бить да долгоносых журавлей,
Все вы бровью в соликамского бобра,
Русской совестью светлее серебра.
Изреките ж песнослову-мужику,
Где дорога к скоморошью теремку,
Где тропиночка в боярский зелен сад, —
Там под вишеньем зарыт волшебный клад —
Ключ от песни всеславянской и родной,
Что томит меня дремучею тоской...
Аль взаправду успокоился Садко,
Князь татарский с полонянкой далеко,
Призакрыл их след, как саваном, ковыль,
Источили самогуды ржа да пыль,
И не выйдет к нам царевна в жемчугах,
С речью пряничной на маковых губах?

Ой вы, други — белы соколы,
Лихо есть, да бродит около, —
Ключ от песни недалёконько зарыт —
В сердце жаркое пусть каждый постучит:
Если в сердце золотой щемящий звон,
То царевна шлет вам солнечный поклон;
Если ж в жарком плещут весла-якоря,
То Садко наш тешит водного царя.
Русь нетленна, и погостские кресты —
Только вехи на дороге красоты!

Сердце, сердце, русской удали жилье,
На тебя ли ворог точит лезвие,
Цепь кандальную на кречета кует,
Чтоб не пело ты, как воды в ледоход,
Чтобы верба за иконой не цвела,
Не гудели на Руси колокола,
И под благовест медовый в вешний день
Не приснилось тебе озеро Ильмень,
Не вздыхало б ты от жаркой глубины:
Где вы, вещие Бояновы сыны?

<1917>

296. Молитва солнцу

Солнышко-светик! Согрей мужика...
В сердце моем гробовая тоска.
Братья мои в непомерном бою
Грудь подставляют штыку да огню.
В бедной избе только холод да труд,
Русские реки слезами текут!

Пятеро нас, пять червлёных щитов
Русь боронят от заморских врагов:
Пётра, Ляксандра, кудрявич Митяй,
Федя-орленок да я — Миколай.
Старший братан, как полесный медведь,
Мял, словно лыко, железо и медь;
Братец Ляксандр — бородища снопом,
Пахарь Господний, вскормленный гумном.
Митя-кудрявич, волосья как медь,
Ангелом стал у небесных ворот —
Рана кровавая точит лучи.
Сам же светлее церковной свечи,
Федюшка-светик осьмнадцать годов
Сгиб на Карпатах от вражьих штыков.
Сказывал взводный: «Где парень убит,
Светлой слезинкой лампадка горит».

В волость бумага о смерти пришла,
Мать о ту пору куделю пряла,
Нитка порвалась... Куделя, как кровь...
Много на нашем погосте крестов!
Новый под елью, как сторож, стоит,
Ладаном ель над родимым кадит.
Пётрова баба, что лебедь речной,
Косы в ладонь, сарафан расшитой,
Мужа кончину без слез приняла,
Только свечу пред божницей зажгла.
Ночью осенней, под мелким дождем,
Странницей-нищей ушла с посошком...
Бают крещеные: «В дальнем скиту
Схимница есть, у святых на счету,
Поступь лебяжья, а схима по бровь...»
Ой, велика ты мужичья любовь!

Солнышко-светик! Согрей мужика!
Русская песня, что Волга-река —
Катится в море, где пена да синь...
Песне моей не сказать ли «аминь?»
Русь не вместить в человечьи слова:
Где ты, небес громовая молва,
Гул океана и гомон тайги?!..
Сердце свое, человек, береги!
Озеро-сердце, а Русь, как звезда,
В глубь его смотрит всегда!

<1917>

297. Сказ грядущий

Кабы молодцу узорчатый кафтан,
На сапожки с красной опушью сафьян,
На порты бы мухояровый камлот —
Дивовался бы на доброго народ.
Старики бы помянули старину,
Бабки — девичью, зеленую весну,

Мужики бы мне-ка воздали поклон:
«Дескать, в руку был крестьянский дивный сон,
Будто белая престольная Москва
Не опальная кручинная вдова...»
В тихом Угличе поют колокола,
Слышны клекоты победного орла:
Быть Руси в златоузорчатой парче,
Как пред образом заутренней свече!
Чтобы девичья умильная краса
Не топталась, как на травушке роса,
Чтоб румяны были зори-куличи,
Сытны варева в муравчатой печи,
Чтоб родная черносошная изба
Возглашала бы, как бранная труба:
«Солетайтесь, белы кречеты, на пир,
На честнóе рукобитие да мир!»
Буй-Тур Всеволод и Темный Василько,
С самогудами Чурило и Садко,
Александр Златокольчужный, Невский страж,
И Микулушка — кормилец верный наш,
Радонежские Ослябя, Пересвет —
Стяги светлые столетий и побед!
Не забыты вы народной глубиной,
Ваши облики схоронены избой,
Смольным бором, голубым березняком,
Призакрыты алым девичьим платком!..
Тише, Волга, Днепр Перунов, не гуди —
Наших бáтырей до срока не буди!

<1917>

298. Февраль

Двенадцать месяцев в году,
Посланец бурь — Февраль,
Он полуночную звезду
Перековал на сталь.

И сталь поет, ясна, остра,
Как полноводный лед...
Не самоцветов ли гора
Из сумрака встает?

То огнепальное чело,
Очей грозовый пыл
Того, кто адское жерло
Слезою угасил.

Чей крестный пот и серый кус
Лучистей купины.
Он — воскрешенный Иисус,
Народ родной страны.

Трепещет ад гвоздиных ран
Тернового чела...
В глухой степи, где синь-туман,
Пылают купола.

То кровью выкупленный край,
Земли и Воли град,
Многоплеменный каравай
Поделят с братом брат:

Литва — с кряжистым пермяком,
С карелою — туркмен,
Не сломят штык, чугунный гром
Ржаного Града стен,

Не осквернят палящий лик
Свободы буревой...
Красноголосый вечевик,
Ликуй, народ родной!

Алмазный плуг подымет ярь
Волхвующих борозд.

Овин — пшеничный государь
В венце из хлебных звезд.

Его сермяжный манифест —
Предвечности строка...
Кто пал, неся кровавый крест,
Земля тому легка,

Тому овинная свеча,
Как Спасу, зажжена...
Моря мирского калача
Без берегов и дна.

В них погибают корабли:
Неволя, Лихо, Сглаз, —
То Царь Морской — Душа Земли —
Свершает брачный пляс.

<1917>

299

Из подвалов, из темных углов,
От машин и печей огнеглазых
Мы восстали могучей громов,
Чтоб увидеть всё небо в алмазах,
Уловить серафимов хвалы,
Причаститься из Спасовой чаши!
Наши юноши — в тучах орлы,
Звезд задумчивей девушки наши.

Город-дьявол копытами бил,
Устрашая нас каменным зевом.
У страдальческих теплых могил
Обручились мы с пламенным гневом.
Гнев повел нас на тюрьмы, дворцы,
Где на правду оковы ковались...

Не забыть, как с детями отцы
И с невестою милый прощались...

Мостовые расскажут о нас,
Камни знают кровавые были...
В золотой победительный час
Мы сраженных орлов схоронили.
Поле Марсово — красный курган,
Храм победы и крови невинной...
На державу лазоревых стран
Мы помазаны кровью орлиной.

<1917>

300. Песнь Солнценосца

Три огненных дуба на пупе земном,
От них мы три жёлудя-солнца возьмем:

Лазоревым — облачный хворост спалим,
Павлиньим — грядущего даль озарим,

А красное солнце — мильонами рук
Подымем над миром печали и мук.

Пылающий кит взборождит океан,
Звонарь преисподний ударит в Монблан;

То колокол наш — непомерный язык,
Из рек бечеву свил архангелов лик.

На каменный зык отзовутся миры,
И демоны выйдут из адской норы,

В потир отольются металлов пласты,
Чтоб солнца вкусили народы-Христы.

О демоны-братья, отпейте и вы
Громовых сердец, поцелуйной молвы!

Мы — рать солнценосцев на пупе земном —
Воздвигнем стобашенный, пламенный дом:

Китай и Европа, и Север и Юг
Сойдутся в чертог хороводом подруг,

Чтоб Бездну с Зенитом в одно сочетать.
Им Бог — восприемник, Россия же — мать.

Из пупа вселенной три дуба растут:
Премудрость, Любовь и волхвующий Труд...

О молот-ведун, чудотворец-верстак,
Вам ладан стиха, в сердце сорванный мак;

В ваш яростный ум, в многострунный язык,
Я пчелкою-рифмой, как в улей, проник,

Дышу восковиной, медынью цветов,
Сжигающих Индий и волжских лугов!..

Верстак — Назарет, наковальня — Немврод,
Их слил в песнозвучье родимый народ:

«Вставай, подымайся» и «Зелен мой сад» —
В кровавом окопе и в поле звучат...

«Вставай, подымайся»,— старуха поет,
В потемках телега и петли ворот,

За ставней береза и ветер в трубе
Гадают о вещей народной судьбе...

Три жёлудя-солнца досталися нам —
Засевный подарок взалкавшим полям:

Свобода и Равенство, Братства венец —
Живительный выгон для ярых сердец.

Тучнейте, отары голодных умов,
Прозрений телицы и кони стихов!

В лесах диких грив, звездных рун и вымян
Крылатые боги раскинут свой стан,

По струнным лугам потечет молоко,
И певчей калиткою стукнет Садко:

«Пустите Бояна — рублёвскую Русь,
Я тайной умоюсь, а песней утрусь,

Почестному пиру отвешу поклон,
Румянее яблонь и краше икон:

Здравствуешь, Волюшка-мать,
Божьей Земли благодать,
Белая Меря, Сибирь,
Ладоги хлябкая ширь!

Здравствуйте, Волхов-гусляр,
Степи великих Бухар,
Синий моздокский туман,
Волга и Стенькин курган!

Чай, стосковались по мне,
Красной поддонной весне,
Думали — злой водяник
Выщербил песенный лик?

Я же — в избе и в хлеву,
Ткал золотую молву,
Сирин мне вести носил
С плах и бескрестных могил.

Рушайте ж лебедь-судьбу,
В звон осластите губу,
Киева сполох-уста
Пусть воссияют, где Мста.

Чмок городов и племен
В лике моем воплощен,
Я — песноводный жених,
Русский яровчатый стих!»

<1917>

301

Братья, это корни жизни —
Воскресные умытые руки,
Чистая рубаха на отчизне,
Петушиные, всемирные звуки!

Дагестан кукарекнул Онеге,
Литва аукнулась якутке.
На душистой сеновозной телеге
Отдохнет Россия за сутки.

Стоголовые Дарьи, Демьяны
У́зрят Жизни алое древо:
На листьях роса-океаны,
И дупло — преисподнее чрево.

В дупле столетья-гнилушки,
Помет судьбы — слезной птицы.
К валдайской нищей хлевушке
Потянутся зебры, веприцы.

На Таити брякнет подойник
Ольховый, с оло́нецкой резьбою.
Петроград — благоразумный разбойник,
Вострубит архангельской трубою:

«Помяни мя, Господи,
Егда приидеши во царствие Твое!»
В пестрядине и в серой посконн
Ходят будни — народное житье.

Будни угрюмы, вихрасты,
С мозольным горбом, с матюгами...
В понедельник звезды не часты,
В субботу же расшиты шелками.

Воскресенье — умытые руки,
Земляничная алая рубаха...
Братья, корни жизни — не стуки,
А за тихой куделью песня-пряха!

1917 или 1918

302

Я потомок лапландского князя,
Калевалов волхвующий внук,
Утолю без настоек и мази
Зуд томлений и пролежни скук.

Клуб земной — с солодягой корчагу
Сторожит Саваофов ухват,
Но, покорствуя хвойному магу,
Недвижим златорогий закат.

И скуластое солнце лопарье,
Как олений послушный телок,
Тянет желтой морошковой гарью
От колдующих тундровых строк.

Стих — дымок над берестовым чумом,
Где уплыла окунья уха,
Кто прочтет, станет гагачьим кумом
И провидцем полночного мха.

Льдяный Врубель, горючий Григорьев
Разгадали сонни́к ягелей;
Их тоска — кашалоты в Поморье —
Стала грузом моих кораблей.

Не с того ль тянет ворванью книга,
И смолой — запятых табуны?
Вашингтон, черепичная Рига
Не вместят кашалотной волны.

Уплывем же, собратья, к Поволжью,
В папиру́сно-тигриный Памир!
Калевала сродни желтокожью,
В чьем венце ледовитый сапфир.

В русском коробе, в эллинской вазе,
Брезжат сполохи, полюсный щит,
И сапфир самоедского князя
На халдейском тюрбане горит.

1917 или 1918

303

Городские, предбольничные березы
Захворали корью и гангреной.
По ночам золотарей обозы
Чередой плетутся неизменной.

В пухлых бочках хлюпает Водянка,
На Волдырь пеняет Золотуха,
А в мертвецкой крючнику цыганка
Ворожит кули нежнее пуха:

«Приплывет заморская расшива
С диковинным, солнечным товаром»...
Я в халате. За стеною Хива
Золотым раскинулась базаром.

К водопою тянутся верблюды,
Пьют мой мозг — аральских глаз лагуны,
И делить стада, сокровищ груды,
К мозжечку съезжаются Гаруны.

Бередит зурна: любовь Фатимы
Как чурек с кашмирским виноградом...
Совершилось. Иже Херувимы
Повенчали Вологду с Багдадом.

Тишина сшивает тюбетейки,
Ковыляет Писк к соседу-Скрипу,
И березы песенку Зюлейки
Напевают сторожу Архипу.

1917 или 1918

304

На божнице табаку осьмина
И раскосый вылущенный Спас,
Но поет кудесница-лучина
Про мужицкий сладостный Шираз.

Древо песни бурею разбито,—
Не Триодь, а Каутский в углу.
За окном расхлябанное сито
Сеет копоть, изморозь и мглу.

Пучит печь свои печурки-бельма:
«Я ослепла, как скорбящий дед...»
Грезит парень стачкой и Палермо,
Президентом, гарком кастаньет.

Сказка — чушь, а тайна — коршун серый,
Что когтит, как перепела, ум.
Облетел цветок купальской веры
В слезный рай, в озимый древний шум!

Кто-то черный, с пастью яро-львиной,
Встал на страже полдней и ночей.
Дед, как волхв, душою пестрядинной,
Загляделся в хляби дум-морей.

Смертны волны львиного поморья,
Но в когтисто-жадной глубине
Серебрится чайкой тень Егорья
На бурунном, гибельном коне.

«Страстотерпец, вызволь цветик маков! —
Китеж-град ужалил лютый гад...»
За пургой же Глинка и Корса́ков
Запевают: «Расцветай, мой сад!..»

1917 или 1918

305

В избе гармоника: «Накинув плащ, с гитарой...»
А ставень дедовский провидяще грустит:
Где Сирин — красный гость, Вольга с Мемёлфой старой,
Божниц рублёвский сон, и бархат ал и рыт?

«Откуля, доброхот?» — «С Владимира-Залесска...»
— «Сгорим, о братия, телес не посрамим!..»
Махорочная гарь, из ситца занавеска,
И оспа полуслов: «Валета скозырим».

Под матицей резной (искусством позабытым)
Валеты с дамами танцуют «вальц-плезир»,
А Сирин на шестке сидит с крылом подбитым,
Щипля сусальный пух и сетуя на мир.

Кропилом дождевым смывается со ставней
Узорчатая быль про ярого Вольгу,

Лишь изредка в зрачках у вольницы недавней
Пропляшет царь морской и сгинет на бегу.

1917 или 1918

306

Вечер ржавой позолотой
Красит туч изгиб.
Заболею за работой
Под гудочный хрип.

Прибреду в подвальный угол —
В гнилозубый рот.
Много страхов, черных пугал
Темень приведет.

Перепутает спросонка
Стрелка ход минут...
Убаюкайте совенка,
Сосны, старый пруд!

Мама, дедушка Савелий,
Лавка глаже щек...
Темень каркнет у постели:
«Умер паренек.

По одежине — фабричный,
Обликом — белес...»
И положат в гроб больничный
Лавку, старый лес,

Сказку мамину — на сердце,
В изголовье — пруд.
Убиенного младенца
Ангелы возьмут.

К деду Боженьке, рыдая,
Я щекой прильну:
«Там, где гарь и копоть злая,
Вырасти сосну!

Не давай железным брусом
Солнце заковать,
И машине с Иисусом
Внуков разлучать.

Страшно, дедушка, у домны
Голубю-душе...»
И раздастся голос громный
В Божьем шалаше:

«Полетайте, серафимы,
В преисподний дол!
Там, для пил неуязвимый,
Вырастите ствол.

Расплесните скатерть хвои,
Звезды шишек, смоль,
Чтобы праведные Нои
Утоли боль,

Чтоб от смол янтарно-пегий,
Как лесной закат,
Приютил мои ковчеги
Хвойный Арарат».

1917 или 1918

307

Се знамение: багряная корова,
Скотница с подойником пламенным, —

Будет кринка тяжко-свинцова,
Устойка с творогом каменным.

Прильнул к огненному вымени
Рабочий — младенец тысячеглавый.
За кровинку Ниагару выменять —
Не венец испепеляющей славы,

Не подвиг — рассекать ущелья,
Звезды-гниды раздавить ногтем,
И править смертельное новоселье
Над пропастью с кромешным дегтем.

Слава — размерить и взбить удои
В сметану на всеплеменный кус.
В персидско-тундровом зное
Дозревает сердце-арбуз, —

Это ужин янтарно-алый
Для демонов и для колибри;
Он Нила до кандального Байкала
Воскреснут все, кто погибли.

Обернется солнце караваем,
Полумесяц — ножик застольный,
С избяным киноварным раем
Покумится молот мозольный.

Подарится счастье молотобойцу
Отдохнуть на узорной лавке,
Припасть к пеклеванному солнцу,
Позабытому в уличной давке.

Слетит на застреху Сирин,
Вспенит сказка баяновы кружки,
И говором московских просфирен
Разузорится пролетарский Пушкин.

Мой же говор — пламенный подойник,
Где удои — тайна и чудо;
Возжаждав, благоразумный разбойник
Не найдет вернее сосуда.

1917 или 1918

308. Пулемет

Пулемет... Окончание — мёд...
Видно, сладостен он до охочих
Пробуравить свинцом народ —
Непомерные, звездные очи.

Ранить Глубь, на божнице вербу,
Белый сон купальских березок.
Погляди за суслонов гурьбу:
Сколько в поле крылатых повозок.

То летучий Христов Лазарет
Совершает Земли врачеванье,
И, как няня, небесный кларнет
Напевает седое сказанье:

«Утолятся твои вереда,
Раны, пролежни, злые отёки;
Неневестная, будь же тверда
До гремящей звезды на востоке!

Под Лучом заскулит пулемет,
Сбросит когти и кожу стальную...»
Неспроста буреломный народ
Уповает на песню родную.

1917 или 1918

309

Меня сегодня убьют,
Но смерть не разлука...
Из окопных братских писем

Из кровавого окопа,
От шрапнельного потопа
Ты вернулся, сокол мой,
К другу-кречету домой.
Душегубный ус целуя,
Я ликую: аллилуйя!
Соколенок невредим,
Лишь в глазах снарядный дым,
Да ресницы стали строже,
Видно, немец толсторожий
Вырвал перьев хохолок...
Здравствуй, птица-паренек!
От тебя так вкусно пахнет,
Словно луг гвоздичный чахнет
Под сентябрьским ветерком.
Мы опять с тобой вдвоем:
Та же горница, постеля...
Листопадная неделя
Домик наш запорошит...
Я живу полузабыт
И журналами и небом, —
Аполлоновские требы
Вот мой рай и вместе ад...
Под родной озимый взгляд
Я подставлю все тетради,
Воспою тебя в балладе —
И папаху и темляк:
Ты — нахмуренный варяг,
Я же раб голубоглазый,
Нам слагают скальды сказы,
И морей круговорот
Гимны брачные поет

Воин мой и соколенок.
Мы у маминых иконок
Свечку красную зажжем,
Приумолкнем под окном,
Будем слушать, как щеглята
Просят яри у заката,
Чтоб накрасить зоб и хвост...
Ты печален, как погост
В панихидные потемки,
Лик твой призрачный и ломкий
Тает, холодом дыша...
«То убитого душа»,—
Мысль картавит попугаем...
О, за адом иль за раем
Твой лебяжий белый дух
Свечкой маминой потух!
Я целую половицу,
Заклинаю Сирин-птицу
От меня не улетать:
«Ты — мой царь, невеста, мать...»
Пусто в горнице сосновой,
На лежанке луч багровый
Свежей раною горит.
Сердце вторит: «Он убит —
Ясноперый Сирин в хаки,
Чьи кровинки ярь и маки,
Умер с пулею в крыле,
Трепеща в оконной мгле.
Долго хмурились солдаты,
Не решаяся лопаты
В землю бранную вонзить,
Чтобы Солнце схоронить,
Чтоб Вселенную под щебнем
За окопным, хищным гребнем
Скрыть от взоров и лучей...»
Миллионами очей

Мне должно по Солнцу плакать...
За окном глухая слякоть,
Сердце-ворон грудь клюет,
Правит траурный отлет,
Губы — алые щеглы
Издыхают в дебрях мглы,
И в бесследицу дорог
Колеями мозг залег.
Сладко чается обоза,
Где поклажа — неба грозы,
Шар земной, чугун луны,
Чтобы взрыть до глубины
Атлантическую душу...
Лишь чахотке да коклюшу
За моим сидеть столом,
Скрежеща больным пером,
Чтоб закончить стих строкой:
«Со святыми упокой».

1918

310

Есть в Ленине керженский дух,
Игуменский окрик в декретах,
Как будто истоки разрух
Он ищет в «Поморских ответах».

Мужицкая ныне земля,
И церковь — не наймит казенный,
Народный испод шевеля,
Несется глагол краснозвонный.

Нам красная молвь по уму:
В ней пламя, цветенье сафьяна, —
То Черной Неволи басму
Попрала стопа Иоанна.

Борис — златоордный мурза,
Трезвонит Иваном Великим,
А Лениным — вихрь и гроза
Причислены к ангельским ликам.

Есть в Смольном потемки трущоб
И привкус хвои с костяникой,
Там нищий колодовый гроб
С останками Руси великой.

«Куда схоронить мертвеца», —
Толкует удалых ватага...
Поземкой пылит с Коневца,
И плещется взморье-баклага.

Спросить бы у тучки, у звезд,
У зорь, что румянят ракиты...
Зловещ и пустынен погост,
Где царские бармы зарыты.

Их ворон-судьба стережет
В глухих преисподних могилах...
О чем же тоскует народ
В напевах татарско-унылых?

<1918>

311—312. Из «Красной газеты»

1

Пусть черен дым кровавых мятежей
И рыщет Оторопь во мраке, —
Уж отточены миллионы ножей
На вас, гробовые вурдалаки!

Вы изгрызли душу народа,
Загадили светлый Божий сад,

Не будет ни ладьи, ни парохода
Для отплытья вашего в гнойный ад.

Керенками вымощенный проселок —
Ваш лукавый искариотский путь;
Христос отдохнет от терновых иголок,
И легко вздохнет народная грудь.

Сгинут кровосмесители, проститутки,
Церковные кружки и барский шик,
Будут ангелы срывать незабудки
С луговин, где был лагерь пик.

Бедуинам и желтым корейцам
Не будет запретным наш храм...
Слава мученикам и красноармейцам,
И сермяжным советским властям!

Русские юноши, девушки, отзовитесь:
Вспомните Разина и Перовскую Софию!
В львиную красную веру креститесь,
В гибели славьте невесту-Россию!

2

Жильцы гробов, проснитесь! Близок Страшный суд
И Ангел-истребитель стоит у порога!
Ваши черные белогвардейцы умрут
За оплевание Красного Бога,

За то, что гвоздиные раны России
Они посыпают толченым стеклом.
Шипят по соборам кутейные змии,
Молясь шепотком за Романовский дом,

За то, чтобы снова чумазый Распутин
Плясал на иконах и в чашу плевал...

С кофейником стол, как перина, уютен
Для граждан, продавших свободу за кал.

О племя мокриц и болотных улиток!
О падаль червивая в Божьем саду!
Грозой полыхает стоярусный свиток,
Пророча вам язвы и злую беду.

Хлыщи в котелках и мамаши в батистах,
С битюжьей осанкой купеческий род,
Не вам моя лира — в напевах тернистых
Пусть славится гибель и друг-пулемет!

Хвала пулемету, несытому кровью
Битюжьей породы, батистовых туш!..
Трубят серафимы над буйною новью,
Где зреет посев струннопламенных душ.

И души цветут по родным косогорам
Малиновой кашкой, пурпурным глазком...
Боец узнается по солнечным взорам,
По алому слову с прибойным стихом.

<1918>

313

Аннушке Кирилловой

Эта девушка умрет в родах...
Невдогад болезной повитухе,
Что он был давяще-яр в плечах
И с пушком на отроческом брюхе,

Что тяжел и сочен был приплод —
Бурелом средь яблонь белоцветных...
Эта девушка в пространствах межпланетных
Рóдит лирный солнечный народ.

Но в гробу червивом, как валежник,
Замерцает фосфором лобок.
Огонек в сторожке и подснежник—
Ненасытный девичий зрачок.

Есть в могилах роды и крестины:
В плесень — кровь и сердце — в минерал.
Нянин сказ и заводи перины
Вспенит львиный рыкающий шквал.

И в белка́х заплещут кашалоты,
Смерть — в моржовой лодке эскимос...
Эту девушку, душистую, как соты,
Приголубит радужный Христос.

<1918>

314

Революцию и Матерь света
В песнях возвеличим,
И семирогие кометы
На пир бессмертия закличем!

Ура, осанна, — два ветра-брата
В плащах багряных трубят, поют...
Завод железный, степная хата
Из ураганов знамена ткут.

Убийца красный — святей потира,
Убить — воскреснуть, и пасть — ожить...
Браду морскую, волосья мира
Коммуна-пряха спрядает в нить.

Из нитей невод сплетет Отвага,
В нем затрепещут стада веков...
На горной выси, в глуши оврага
Цветет шиповник пурпурных слов.

Товарищ ярый, мой брат орлиный,
Вперяйся в пламя и пламя пей!..
Потемки шахты, дымок овина
Отлились в перстень яснее дней!

А ночи — вставки, в их гранях глуби
Стихов бурунных, лавинных строк...
Мы ало гибнем, прибойно любим,
Как злая клятва — любви зарок.

Как воск алтарный — мозоль на пятке,
На ярой шее — веревки след,
Пусть в Пошехонье чадят лампадки,
Пред ликом Мести — лучи комет!

И лик стожарный нам кровно ясен,
В нем сны заводов, раздумье нив...
Товарищ верный, орел прекрасен,
Но ты, как буря, как жизнь, красив!

<1918>

315

Так немного нужно человеку:
Корова да грядка луку,
Да слезинка в светлую поруку,
Что пробьет кончина злому веку,

Что буренка станет львом крылатым,
Лук же древом, чьи плоды кометы...
Есть живые вещие приметы,
Что пройдет Господь по нашим хатам: —

От оконца тень крестообразна,
Задремала тайна половицей,
И душа лугов парит орлицей
От росы свежительно-алмазна.

Приходи, Жених дориносимый, —
Чиста скатерть, прибрана светелка!..
Есть в хлевушке, в сумраках проселка
Золотые Китежи и Римы.

Уврачуйте черные увечья,
О святые грады, в слезном храме!..
У коровы дума человечья,
Что прозябнет луковка громами.

<1918>

316

Миллионам ярых ртов,
Огневых, взалкавших глоток,
Антидор моих стихов,
Строки ярче косоплёток.

Красный гром в моих крылах,
Буруны в немолчном горле,
И в родимых деревнях
Знают лёт и клекот орлий.

В черносошной глубине
Есть блаженная дубрава,
Там кручинятся по мне
Две сестры: Любовь и Слава.

И вселенский день придет, —
Брак Любви с Орлиным Словом;
Вещий гусельный народ
Опочиет по дубровам.

Золотые дерева
Свесят гроздьями созвучья,
Алконостами слова
Порассядутся на сучья.

Будет птичница-душа
Корм блюсти, стожары пуха,
И виссонами шурша,
Стих войдет в Чертоги Духа.

Обезглавит карандаш
Сводню старую — бумагу,
И слетятся в мой шалаш
Серафимы слушать сагу.

Миллионы звездных ртов
Взалчут песни-антидора...
Я — полесник хвойных слов
Из олонецкого бора.

<1918>

317. Республика

Керженец в городском обноске,
На панельных стоптанных каблуках...
О родина, ужели в папироске
Больше ласточек, чем в твоих полях?

Иль в бумажной кислой манишке,
Озаренье индийской парчи?
В звонкодонных ущельях книжки
Журчат смоляные ключи.

Это олонецкие сосны,
Пудожский яхонт-листопад.
Молотьба и луг сенокосный,
Не одетый в малявинский плат.

Смертельны каменные обноски
На Беле-озере, где Синеус...

Облетают ладожские березки,
Как в былом, когда пела Русь,

Когда Дон испивался шеломом,
На базаре сурьмился медведь.
Дятлом — стальным ремингтоном —
Проклевана скифская медь.

И моя пестрядная рубаха —
Тюлень на нильских песках...
В эскимосском чуме, без страха,
Запевает лагунный Бах.

На морозном стекле Менделеев
Выводит удельный вес,—
Видно, нет святых и злодеев
Для индустриальных небес.

<1918>

318

Солнце осьмнадцатого года,
Не забудь наши песни, бесстрашные кудри!
Славяно-персидская природа
Взрастила злаки и розы в тундре.

Солнце пламенеющего лета,
Не забудь наши раны и угли-кровинки,
Как старого мира скрипучая карета
Увязла по дышло в могильном суглинке!

Солнце ослепительного века,
Не забудь праздника великой Коммуны!..
В чертоге и в хижине дровосека
Поют огнеперые гамаюны.

О шапке Мономаха, о царьградских бармах
Их песня? О солнце, — скажи!..
В багряном заводе и в красных казармах
Роятся созвучья-стрижи.

Словить бы звенящих в построчные сети,
Бураны из крыльев запрячь в корабли!..
Мы — кормчие мира, мы — боги и дети,
В пурпурный Октябрь повернули рули!

Плывем в огнецвет, где багрец и рябина,
Чтоб ран глубину с океанами слить;
Суровая пряха — бессмертных судьбина —
Вручает лишь солнцу горящую нить!

<1918>

319. Труд

Свить сенный воз мудрее, чем создать
«Войну и мир» иль Шиллера балладу.
Бредете вы по золотому саду,
Не смея плод оброненный поднять.

В нем ключ от врат в Украшенный Чертог,
Где слово — жрец, а стих — раджа алмазный,
Туда взъезжают во́зы без дорог
С билетом: Пот и Труд многообразный.

Батрак, погонщик, плотник и кузнец
Давно бессмертны и богам причастны:
Вы оттого печальны и несчастны,
Что под ярмо не нудили крестец,

Что ваши груди, ягодицы, пятки
Не случены с киркой, с лопатой, с хомутом.

В воронку адскую стремяся без оглядки,
Вы Детство и Любовь пугаете Трудом.

Он с молотом в руках, в медвежей дикой шкуре,
Где заблудился вихрь, тысячелетний страх,
Обвалы горные в его словах о буре
И кедровая глубь в дремучих волосах.

<1918>

320. Коммуна

Боже, Свободу храни —
Красного Государя Коммуны,
Дай ему долгие дни
И в венце лучезарные луны!

Дай ему скипетр-зарю,
Молнию — меч правосудный!..
Мы Огневому Царю
Выстроим терем пречудный:

Разум положим в углы,
Окна — чистейшая совесть...
Братские груди-котлы
Выварят звездную повесть.

Повесть потомки прочтут, —
Строк преисподние глуби...
Ярый, строительный труд
Только отважный полюбит.

Боже, Коммуну храни —
Красного мира подругу!
Наши набатные дни —
Гуси, летящие к югу.

Там голубой океан,
Дали и теплые мели...
Ала Россия от ран,
От огневодной купели.

Сладко креститься в огне,
Искры в знамена свивая,
Пасть и очнуться на дне
Невозмутимого рая.

<1918>

321. Матрос

Грохочет Балтийское море,
И, пенясь в расщелинах скал,
Как лев, разъярившийся в ссоре,
Рычит набегающий вал.

Со стоном другой, подоспевший,
О каменный бьется уступ,
И лижет в камнях посиневший,
Холодный, безжизненный труп.

Недвижно лицо молодое,
Недвижен гранитный утес...
Замучен за дело святое
Безжалостно юный матрос.

Не в грозном бою с супостатом,
Не в чуждой, далекой земле —
Убит он своим же собратом,
Казнен на родном корабле.

Погиб он в борьбе за свободу,
За правду святую и честь...

Снесите же, волны, народу,
Отчизне последнюю честь.

Снесите родной деревушке
Посмертный, рыдающий стон,
И матери, бедной старушке,
От павшего сына — поклон!

Рыдает холодное море,
Молчит неприветная даль,
Темна, как народное горе,
Как русская злая печаль.

Плывет полумесяц багровый
И кровью в пучине дрожит...
О, где же тот мститель суровый,
Который за кровь отомстит?!

<1918>

322. Революция

Низкая деревенская заря, —
Лен с берёстой и с воском солома.
Здесь всё стоит за Царя
Из Давидова красного дома.

Стог горбатый и лог стоят,
Повязалася рига платом:
Дескать, лют окромешный ад,
Но и он доводится братом.

Щиплет корпию нищий лесок,
В речке мокнут от ран повязки.
Где же слез полынный поток
Или горести книжные, сказки?

И Некрасов, бумажный лгун, —
Бог не чуял мужицкого стона?
Лик Царя и двенадцать лун
Избяная таит икона.

Но луна, по прозванью Февраль,
Вознеслась с державной божницы —
И за далью взыграла сталь,
Заширяли красные птицы.

На престоле завыл выжлец:
«Горе, в отпрысках корень Давида!»
С вечевых новгородских крылец
В Русь сошла золотая Обида.

В ручке грамота: Воля, Земля,
На груди образок рублёвский.
И, карельскую рожь меля,
Дед учуял ладан московский.

А в хлевушке, где дух вымян,
За удоем кривая Лукерья
Въявь прозрела Индийских стран
Самоцветы, парчу и перья.

О, колдуй, избяная луна!
Уж Рублёв, в пестрядном балахонце,
Расписал, глубже смертного сна,
У лесной церквушки оконце.

От зари восковой ветерок
Льнет, как воск, к бородам дубленым:
То гадает Сермяжный Восток
О судьбе по малиновым звонам.

<1918>

323

Я — посвященный от народа,
На мне великая печать,
И на чело свое природа
Мою приляла благодать.

Вот почему на речке ряби,
В ракитах ветер-Алконост
Поет о Мекке и арабе,
Прозревших лик карельских звезд.

Все племена в едином слиты:
Алжир, оранжевый Бомбей
В кисете дедовском зашиты
До золотых, воскресных дней.

Есть в сивке доброе, слоновье
И в елях финиковый шум, —
Как гость в зырянское зимовье
Приходит пестрый Эрзерум.

Китай за чайником мурлычет,
Чикого смотрит чугуном...
Не Ярославна рано кычет
На заборале городском, —

То богоносный дух поэта
Над бурной родиной парит,
Она в громовый плащ одета,
Перековав луну на щит.

Левиафан, Молох с Ваалом —
Её враги. Смертелен бой,
Но кроток луч над Валаамом,
Целуясь с ладожской волной.

А там, где снежную Печору
Полою застит небосклон,
В окно к тресковому помору
Стучится дед — пурговый сон.

Пусть кладенечные изломы
Врагов, как молния, разят, —
Есть на Руси живые дрёмы —
Невозмутимый, светлый сад.

Он в вербной слезке, в думе бабьей,
В Богоявленье наяву,
И в дудке ветра об арабе,
Прозревшем Звездную Москву.

<1918>

324. Медный кит

Объявится Арахлин-град,
Украшенный ясписом и сардисом,
Станет подорожник кипарисом,
И кукуший лен обернется в сад.

Братья, это наша крестьянская красная культура,
Где звукоангелы сопостники людских пабедок и просонок!
Корноухий кот мудрей, чем Лемура,
И мозг Эдиссона унавозил в веках поросенок.

Бадожок каргопольского бегуна — коромысло весов вселенной,
И бабкино веретено сучит бороду самого Бога.
Кто беременен соломой, — родит сено,
Чтоб не пустовали ясли Мира — Великого Единорога,

Чтобы мерна была жвачка гималайнозубых полушарий
(Она живет в очапе и в ткацком донце).

Много на Руси уездных татарий
От тоски, что нельзя опохмелиться солнцем,

Что луну не запечь, как палтосу, в тесто,
И Тихий океан не влить в самовар.
Не величайте революцию невестой,
Она только сваха, принесшая дар —

В кумачном платочке яичко и свечка
(Газеты пищат, что грядет Пролеткульт).
Изба — Карфаген, арсеналы же — печка,
По зорким печуркам не счесть катапульт.

Спешите, враги — легионов чернильниц,
Горбатых вопросов, поджарых тире,
Развеяться прахом у пахотных крылец,
Где Радужный Всадник и конь в серебре!

Где тропка лапотная — план мирозданья,
Зарубки ступеней — укрепы земли,
Там в бухтах сосновых от бурь и скитанья
Укрылись родной красоты корабли.

Вон песни баркас — пламенеющий парус,
Ладья поговорок, расшива былин...
Увы! Оборвался Дивеевский гарус,
Увял Серафима Саро́вского крин.

На дух мироварниц не выйдет Топтыгин,
Не выловит чайка леща на уху...
Я верю вам, братья Есенин, Чапыгин,—
Трущобным рассказам и ветру-стиху:

«Инония-град», «Белый скит» — не Почаев,
Они — наши уды, Почаев же — трость.
Вписать в житие Аввакумов, Мамаев,
Чтоб Бог не забыл черносошную кость.

И вспомнил Вселюбящий, снял семь печатей
С громовых страниц, с ураганных Миней,
И Спас ярославский на солнечном плате
Развеял браду смертоноснее змей: —

Скуратовы очи, татарские скулы,
Путина к Царьграду — лукавый пробор...
О горе! В потире ныряют акулы,
Тела пожирая и жертвенный сор.

Всепетая Матерь сбежала с иконы,
Чтоб вьюгой на Марсовом поле рыдать,
И с псковскою Ольгой, за желтые боны,
Усатым мадьярам себя продавать.

О горе! Микола и светлый Егорий
С поличным попались: отмычка и нож...
Смердят облака, прокаженные зори,
На Божьей косице стоногая вошь.

И вошь — наша гибель. Завшивело солнце,
И яростно чешет затылок луна.
Рубите ж Судьбину на баню с оконцем,
За ним присносущных небес глубина!

Глядите в глубинность, там рощи-смарагды,
Из яспиcа даль, избяные коньки, —
То новая Русь — совладелица ада,
Где скованы дьявол и Ангел Тоски.

Вперяйтесь в глубинность, там нищие в бармах,
И с девушкой пляшет Кумачневый Спас.
Не в книгах дозреет, а в Красных Казармах
Адамотворящий, космический час.

Погибла Россия — с опарой макитра,
Черница-Калуга, перинный Устюг!

И новый Рублёв, океаны — палитра,
Над Ликом возводит стоярусный круг —

То символы тверди плененной и сотой
(Девятое небо пошло на плакат).
По горним проселкам, крылатою ротой
Спешат серафимы в святой Петроград.

На Марсовом поле сегодня обедня
На тысяче красных живых просфорах,
Матросская песня канонов победней,
И брезжат лампадки в рабочих штыках.

Матросы, матросы, матросы, матросы —
Соленое слово, в нем глубь и коралл;
Мы родим моря, золотые утесы,
Где гаги — слова для ловцов-Калевал.

Прости, Кострома, в душегрейке шептухи!
За бурей «прости», словно саван, шуршит.
Нас вывезет к солнцу во Славе и Духе
Наядообразный, пылающий кит.

<1918>

325

Незабудки в лязгающей слесарной,
Где восемь мозолей, рабочих часов,
И графиня в прачечной угарной,
Чтоб выстирать совесть белей облаков.

Алмазный король на свалке зловонной,
В апостольском чертоге бабий базар,
На площади церковь подбитой иконой
Уставилась в сумрак, где пляшет пожар.

Нам пляска огня колыбельно знакома,
Как в лязге слесарной незабудковый сон.
Мы с радужный Индий дождемся парома,
Где в звездных тюках поцелуи и звон.

То братьев громовых бесценный подарок.
Мы ранами Славы корабль нагрузим...
У наших мордовок, узорных татарок
В напевах Багдад и пурговый Нарым.

Не диво в батрацкой атласная дама,
Алмазный король за навозной арбой,
И в кузнице розы... Печатью Хирама
Отмечена Русь звездоглазой судьбой.

Нам Красная Гибель соткала покровы...
Слезинка России застынет луной,
Чтоб невод ресниц на улов осетровый
Закинуть к скамье с поцелуйной четой.

От залежей костных на Марсовом поле
Подымется столб медоносных шмелей
Повысосать розы до сладостной боли,
О пляшущем солнце пирующих дней.

<1918>

326—327. Владимиру Кириллову

1

Мы — ржаные, толоконные,
Пестрядинные, запечные,
Вы — чугунные, бетонные,
Электрические, млечные.

Мы — огонь, вода и пажити,
Озимь, солнца пеклеванные,

Вы же таин не расскажете
Про сады благоуханные.

Ваши песни — стоны молота,
В них созвучья — шлак и олово;
Жизни дерево надколото,
Не плоды на нем, а головы.

У подножья кости бранные,
Черепа с кромешным хохотом;
Где же крылья ураганные,
Поединок с мечным грохотом?

На святыни пролетарские
Гнезда вить слетелись филины;
Орды книжные, татарские
Шестернею не осилены.

Кнут и кивер аракчеевский,
Как в былом, на троне буквенном.
Сон кольцовский, терем меевский
Утонули в море клюквенном.

Ваша кровь водой разбавлена
Из источника бумажного,
И змея не обезглавлена
Песней витязя отважного.

Мы — ржаные, толоконные,
Знаем Слово алатырное,
Чтобы крылья громобойные
Вас умчали во всемирное.

Там изба свирельным шоломом
Множит отзвуки павлинные...
Не глухим, бездушным оловом
Мир связать в снопы овинные,

Воск с медынью яблоновою, —
Адамант в словостроении,
И цвести над Русью новою
Будут гречневые гении.

<1918>

2

Твое прозвище — русский город,
Азбучно-славянский святой,
Почему же мозольный молот
Откликается в песне простой?

Или муза — котельный мастер,
С махорочной гарью губ?..
Заплутает железный Гастев,
Охотясь на лунный клуб.

Приведет его тропка к избушке
На куриной, заклятой пяте; —
Претят бунчуки и пушки
Великому сфинксу — красоте.

Поэзия, друг, не окурок,
Не Марат, разыгранный понаслышке.
Караван осетинских бурок
Не согреет муз в твоей книжке.

Там огонь подменен фальцовкой,
И созвучья — фабричным гудком,
По проселкам строчек с веревкой
Кружится смерть за певцом.

Убегай же, Кириллов, в Кириллов,
К Кириллу — азбучному святому,
Подслушать малиновок переливы,
Припасть к неоплаканному, родному.

И когда апрельской геранью
Расцветут твои глаза и блуза,
Под оконцем стукнет к заранью
Песнокудрая девушка-муза.

1918 или начало 1919

328

Братья, сегодня наша малиновая свадьба —
Брак с Землей и с орлиной Волей!
Костоедой обглоданы церковь и усадьба,
Но ядрено и здраво мужицкое поле!

Не жалейте же семени для плода мирскова,
Разнежьте ядра и случкой китовьей
Порадуйте Бога — старого рыболова,
Чтоб закинул он уду в кипяток нашей крови!

Сладко Божью наживку чуять в заводях тела,
У крестца, под сосцами, в палящей мошонке:
Чаял Ветхий, что выловит Кострому да иконки,
Ан леса, как наяда, бурунами запела.

Принапружь, ветробрадый, судьбу-удилище!
Клёв удачен, на уде молот-рыба и кит.
На китовьей губе гаги-песни гнездилище,
И пята мирозданья — поддонный гранит.

Братья, слышите гулы, океанские храпы
(Подавился Монбланом земледержец Титан)!
Это выловлен мир — искрометные лапы,
Буйно-радостный львенок народов и стран!

Оглянитесь, не небо над нами, а грива,
Ядра львиные — солнце с луной!..
Восшумит баобабом карельская нива,
И взрастет тамарис над капустной грядой.

С Пустозерска пригонят стада бедуины,
Караванный привал узрят Кемь и Валдай,
И с железным Верхарном сказитель Рябинин
Воспоет пламенеющий ленинский рай.

Ленин, лев, лунный лён, лучезарье:
Буква «Люди», как сад, как очаг в декабре...
Есть чугунное в Пуде, вифанское в Марье,
Но Христово лишь в язве, в пробитом ребре.

Есть в истории рана всех слав величавей, —
Миллионами губ зацелованный плат...
Это было в Москве, в человечьей дубраве,
Где идей буреломы и слов листопад.

Это было в Москве... Недосказ и молчанье —
В океанах киты, погруженные в сон.
Ленин — Красный Олень, в новобрачном сказанье
Он пасется меж строк, пьет малиновый звон.

Обожимся же, братья, на яростной свадьбе
Всенародного сердца с Октябрьской грозой,
Пусть на полке Тургенев грустит об усадьбе,
Исходя потихоньку бумажной слезой.

1918

329

Октябрь — месяц просини, листопада,
Тресковой солки и рябиновых бус...
Беломорское, камское сердце-громада —
Всенародная руга, малиновый кус.

Кус принесен тебе, ягелей володыка,
Ледовитой зари краснозубый телок;

Над тобой кашалот чертит ластами Ни-Ка,
За ресницей моржи вскипятили белок.

Ты последыш медвежий, росток китобойца
(Есть в сутулости плеч недолет гарпуна,
За жилетной морщинкой просветы оконца,
Где стада оленят сторожит Глубина).

Ленин — тундровой Руси горячая печень,
Золотые молоки, жестокий крестец,
Будь трикрата здоров и трикрата же вечен,
Как сомовья уха, как песцовый выжлец!

Эскимосскую кличку запомнит гагара...
На заре океан плещет «Ленин» скалам,
Лебединая матка, драчлива и яра,
Очарована плеском, гогочет: «он-сам».

Жизни ухо подслушало «Люди» и «Енин».
В этот миг я сохатую матку доил, —
Вижу кровь в молоке, и подойник мой пенен...
Так рождается Слово — биение жил.

Так рождается Слово... И пуля в лопатке —
Двоеточье в строке, вестовые Конца...
Осыпайся, Октябрь, и в тресковые кадки
Брызни кровью стиха — голубого песца!

1918

330

Смольный — в кожаной куртке, с загаром на лбу,
Юный шкипер, глядится в туманы-судьбу...
Чу! Кричит буревестник... К Гороховой, 2
Душегубных пучин докатилась молва.

Вот всплеснула акула, и пролежни губ
Поглотили, как чайку, Урицкого труп.
Браунинговый чох всколыхнул океан, —
Это ранен в крыло альбатрос-капитан.

Кровь коралловой пеной бурлит за рулем —
Знак, что близится берег — лазоревый дом,
Где столетия-угли поют в очаге
О космической буре и черном враге,

Где привратники — Радий, плечистый Магнит
Провожают пришельцев за полюсный щит, —
Там долина Титанов, и явственный стол
Водрузил меж рогов Электричество-вол.

Он мычит Ниагарой, в ноздрях Ливерпуль,
А в зрачках петроградский хрустальный июль,
Рог — подпора, чтоб ветхую твердь поддержать,
Где живет на покое Вселенская Мать.

На ущербе у мамушки лунный клубок —
Довязать краснозубому внуку чулок,
Он в истории Лениным звался, никак
Над пучиной столетий грозовый маяк.

1918

331

Багряного Льва предтечи
Слух-упырь и ворон-молва.
Есть Слово — змея по плечи
И схимника голова

В поддёвке синей пурговой,
В испепеляющих сапогах,

Пред троном плясало Слово
На гибель и черный страх.

По-совиному желтоглазо
Щурилось солнце с высоты,
И, штопая саван, Проказа
Сидела у Врат Красоты.

Царскосельские помнят липы
Окаянный хохот пурги...
Стоголовые Дарьи, Архипы
Молились Авось и Низги.

Авось и Низги — наши боги
С отмычкой, с кривым ножом, —
И въехали гробные дроги
В мертвый Романовский дом.

По-козьи рогат возница,
На запятках Предсмертный Час.
Это геенская страница
Мужицкого Слова пляс!

В Багряного Льва ворота
Стучится пляшущий рок...
Книга «Ленина» — жи́ла болота,
Стихотворной Волги исток.

1918 или начало 1919

332

Октябрьские рассветки и сумерки
С ледовитым гайтаном зари...
Бог предзимний, пушистый Ай-кюмерки,
Запевает над чумом: «Фью-ри»...

Хорошо в теплых пимах и малице
Слушать мысль — горностая в силке...
Не ужиться с веснянкой-комарницей
Эскимосской пустынной тоске.

Мир — не чум, не лосиное пастбище,
Есть Москва — золотая башка...
Ледяное полярное кладбище
Зацветет, голубей василька.

Лев грядет... От мамóнтовых залежей
Тянет жвачкой, молочным теплом,
Кашалоты резвятся и плеск моржей,
Как тальянка помора «в ночном».

На поморские мхи олениха-молва
Ронит шерсть и чешуйки с рогов...
Глядь, к тресковому чуму примчалась Москва
Табунами газетных листов!

Скрежет биржи, словаки и пушечный рык,
Перед сполохом красным трепещут враги,
Но в душе осетром плещет Ленина лик,
Множа строки — морские круги.

1918 или начало 1919

333

Стада носорогов в глухом Заонежье,
Бизоний телок в ярославском хлеву...
Я вижу деревни седые, медвежьи,
Где Скрябин расставил силки на молву.

Бесценна добыча: лебяжьи отлёты,
Мереж осетровых звенящая рябь...

Зурна с тамбурином вселились в ворота,
Чтоб множились плеск и воздушная хлябь.

Удойны коровы, в кокосовых кринках
Живет Парсифаля молочная бель...
К пришествию Льва василек и коринка
Осыпали цвет — луговую постель.

У пудожской печи хлопочет феллашка,
И в красном углу медноликий Будда.
Люба́ австралийцу московка-фуражка:
То близится Лев — голубая звезда.

В желтухе Царь-град, в огневице Калуга,
Покинули Кремль Гермоген и Филипп,
Чтоб тигровым солнцем лопарского юга
Сердца врачевать и молебственный хрип.

К кронштадтскому молу причалили струги, —
То Разин бурунный с персидской красой...
Отмерили год циферблатные кру́ги,
Как Лев обручился с родимой землей.

Сегодня крестины. Приплод солнцеглавый
У мамки-Истории спит на руках...
Спеваются горы для ленинской славы,
И грохот обвала роится в стихах.

1918 или начало 1919

334

Пора лебединого отлета:
Киноварно-брусничные дни,
В краснолесье рысья охота,
И у лыж обнова — ремни...

В чуме гарь, сладимость морошки,
Смоляной канатной пеньки,
На гусином сале лепешки
Из оленьей костной муки.

Сны о шхуне, песне матросов
Про «последний, решительный бой»,
У пингвинных лысых утесов
Собирались певцы гурьбой.

Океану махали флагом
(По-лопарски флаг — «юйнаши»).
Косолапым пингвинам и гагам
Примерещился Нил, камыши.

От Великого Сфинкса к тундре
Докатилась волна лучей,
И на полюсе сосны Умбрий
Приютили красных грачей.

От Печоры слоновье стадо
Потянулось на водопой...
В очаге допели цикады,
Обернулася сказка мглой.

Дымен чум и пустынны дюны...
Только знак брусничной поры —
На скале задремали руны:
Люди с Естью, Наш, Иже, Еры.

1918

335

Я построил воздушный корабль,
Где на парусе Огненный лик.

Слышу гомон отлётных цапль,
Лебединый хрустальный крик.

По-кошачьи белый медведь,
Слюня лапу, моет скулу...
Самоедская рдяная медь
Небывалую трубит хвалу.

Я под Смольным стихами трубил,
Где горящий, как сполох, солдат
Пулеметным пшеном кормил
Ослепительных гаг и утят.

Там ночной звероловный костер,
Как в тайге, озарял часовых...
Отзвенел ягелёвый узор,
Глубь строки и капель запятых.

Только с паруса Ленина лик
Путеводно в межстрочья глядит,
Где взыграл, как зарница, на миг
Песнобрюхий лазоревый кит.

<1919, 1923>

336

Я — посол от медведя
К пурпурно-горящему Льву, —
Малиновой китежской медью
Скупаю родную молву.

Китеж, Тайна, Финифтяный рай,
И меж них ураганное слово:
Ленин — ке́дрово-та́ежный май,
Где и солнце, как воин, сурово.

Это слово кровями купить,
Чтоб оно обернулось павлином...
Я — посол от медведя, он хочет любить,
Стать со Львом песнозвучьем единым.

1918 или начало 1919

337

Нила Сорского глас: «Земнородные братья,
Не рубите кринов златоствольных,
Что цветут, как слезы, в древних платьях,
В нищей песне, в свечечках юдольных.

Низвергайте царства и престолы,
Вес неправый, меру и чеканку,
Не голите лишь у Иверской подолы,
Просфору не чтите за баранку.

Притча есть: просфорку-потеряшку
Пес глотал и пламенем сжигался.
Зреть краснó березку и монашку —
Бель и чернь, в них Руси дух сказался.

Не к лицу железо Ярославлю,—
В нем кровинка Спасова — церквушка:
Заслужила ль песью злую травлю
На сучке круживчатом пичужка?

С Соловов до жгучего Каира
Протянулась тропка — Божьи четки,
Проторил ее Спаситель Мира,
Старцев, дев и отроков подметки.

Русь течет к Великой Пирамиде,
В Вавилон, в сады Семирамиды;

Есть в избе, в сверчковой панихиде
Стены Плача, Жертвенник Обиды.

О, познайте, братия и други,
Божьих ризниц куколи и митры —
Окунутся солнце, радуг дуги
В ваши книги, в струны и палитры.

Покумится Ка́ргополь с Бомбеем,
Пустозерск зардеет виноградно,
И над злым похитчиком-Кащеем
Ворон-смерть прокаркает злорадно».

1918 или начало 1919

338

Проснуться с перерезанной веной,
Подавиться черным смерчом...
Наши дни багровы изменой,
Кровяным веселым ключом.

На оконце чахнут герани, —
У хозяйки пуля в виске...
В маргариновом океане
Плывут корабли налегке, —

Неудачна на Бога охота,
Библия дождалась пинка.
Из тверского ковша-болота
Вытекает песня-река.

Это символ всерусской доли,
Черносошных, пламенных рек,
Где цветут кувшинки-мозоли
И могуч осетр-человек.

Не забыть бы, что песня — Волга,
Бурлацкий, каганный сказ!
Товарищи, ждать недолго
Солнцеповоротный час.

От Пудожа до Бомбея
Расплеснется злат-караван,
Приведет Алисафия Змея,
Как овцу, на озимь полян.

То-то, братцы, будет потеха —
Древний Змий и Смерть за сохой!
Океан — земная прореха —
Потечет стерляжьей ухой.

Разузорьте же струги-ложки,
Сладкострунный, гусельный кус!
Заалеет герань на окошке,
И пули цветистей бус.

Только яростней солнца чайте,
Кумачневым буйством горя...
Товарищи, не убивайте,
Я — поэт!.. Серафим!.. Заря!..

1918 или начало 1919

339. Русь-Китеж

Обернулась купальским светляком,
Укрылась крестиком из хвоинок.
Больше не будет сказки за веретеном,
Позапечных, брынских тропинок.

На лежанку не сядет дед,
В валенках-кораблях заморских,

С бородищей-пристанью лет,
С Индией узорною в горстках.

В горенке Сирин и Китоврас
Оставили помёт да перья.
Не обрядится в шамаханский атлас
В карусельный праздник Лукерья.

И Орина, солдатская мать,
С помадным ртом, в парике рыжем...
Тихий Углич, брынская гать
Заболели железной грыжей.

В Светлояр изрыгает завод
Доменную отрыжку — шлаки...
Светляком, за годиною год,
Будет теплиться Русь во мраке.

В гробе утихомирится Крупп,
И, стеня, издохнет машина;
Из космических косных скорлуп
Забрезжит лицо Исполина:

На челе прозрачный топаз —
Всемирного ума панорама,
И «в нигде» зазвенит Китоврас,
Как муха за зимней рамой.

Заслюдеет память-стекло,
Пра́зелень хвой купальских...
Я олóнецкий Лонгфелло́ —
С сердцевиной кедров уральских.

1918 или начало 1919

340

Не хочу Коммуны без лежанки,
Без хрустальной песенки углей!
В стихотворной тягостной вязанке
Думный хворост, буреломник дней.

Не свалить и в «Красную газету»
Слов щепу, опилки запятых.
Ненавистен мудрому поэту
Подворотный, тявкающий стих.

Лучше пунш, чиновничья гитара,
Под луной уездная тоска.
Самоцвет и пестрядь Светлояра
Взбороздила шрифтная река.

Не поет малиновкой лучина,
И Садко не гуслит в ендове.
Не в тюрбанах гости из Берлина
Приплывут по пляске и молве.

Их дары — магнит и град колбасный,
В бутербродной банке Парсифаль.
Им навстречу, в ферязи атласной,
Выйдет Лебедь — русская печаль.

И атлас с варяжскою кольчугой
Обручится вновь, сольет уста...
За безмерною зырянской вьюгой
Купина горящего куста.

То моя заветная лежанка,
Караванный аравийских шлях, —
Неспроста нубийка и славянка
Ворожат в олóнецких стихах.

1918 или начало 1919

341

Господи! Да будет воля Твоя
Лесная, фабричная, пулеметная.
Руки устали, ловя
Призраки, тени болотные.

Революция не открыла Врат,
Но мы дошли до Порога Несказанного,
Видели пламенной зрелости сад,
Отрока-агнца багряного.

На отроке угли ран,
Ключи кровяные, свирельные.
Уста народов и стран
Припадали к ним в годы смертельные.

Вот и заветный Порог,
Простой, как у часовни над речкою,
А за ним предвечный чертог
Серебрится заутренней свечкою.

Господи! Мы босы и наги,
На руках с неповинною кровью...
Шелестят леса из бумаги,
«Красная газета» мычит по-коровьи:

«Мм-у-у! Чернильны мои удои,
Жирна пенка — построчная короста»...
По-казенному, в чинном покое,
Деревенеют кресты погоста.

Как и при Осипе патриархе,
В набойчатом плату просвирня,
И скулит в щенячьей лютой пархе
Меднозвоном древняя кумирня.

1918 или начало 1919

342

На ущербе красные дни,
Наступают геенские серные, —
Блюдите на башнях огни,
Стражи — товарищи верные!

Слышите лающий гуд,
То стучится в ад Григорий Новых...
У Лючифера в венце изумруд,
Как пра́зелень рощ сосновых.

Не мой ли «Сосен перезвон»
И «Радельных песен» свирели
Затаили распутинских икон
Сладкий морок, резьбу и синели?

В наговорной поддёвке моей
Хлябь пурги и просинь Байкала.
За пляской геенских дней
Мерещится бор опалый.

В воздухе просфора и кагор,
(Приобщался Серафим Саро́вский),
И за лаптем дед-Святогор
Мурлычет псалом хлыстовский.

Ковыляет к деду медведь,
Матер от сытной брусники...
Где ж индустриальная клеть,
Городов железные лики?

На ущербе красные дни,
К первопутку лапти-обнова,
Не тревожит гуд шестерни
Рай медвежий и сумрак еловый.

Только где-то пчелой звенят
Новобрачных миров свирели,
И душа — запричастный плат —
Вся в резьбе, жемчугах и синели.

1918 или начало 1919

343. Красный орел

Товарищу Мехнецову

Глухая Вытегра не слышит урагана,
Сонливая, с сорочьим языком,
Она от клеветы и глупых сплетен пьяна, —
Ей не дружить с тобой — малиновым орлом.

Орлы с кротами дружны не бывают,
И цвет малиновый змеенышам претит...
Мой алокрылый брат, Россия уповает,
Что Дерево Борьбы вовек не облетит!

Под яростную сень стекаются народы,
И ты в рядах бойцов, сермяжный и простой,
Мужицким говором вещаешь про походы
На злую нищету, с проклятою нуждой.

И Книга Жизни пишется недаром, —
В ней строчка есть: «Товарищ Мехнецов».
Мы все опалены пурпуровым пожаром
Без солнечных одежд, без солнечных венцов.

И страшно нам, неверящим, трусливым,
Но голос твой, как ветер в парусах...
Как девушки, грустят олóнецкие ивы
По красному орлу в глухих, уездных днях.

<1919>

344. Гимн Великой Красной Армии

Мы — красные солдаты,
Священные штыки,
За трудовые хаты
Сомкнулися в полки.
От Ладоги до Волги
Взывает львиный гром...
Товарищи, недолго
Нам мериться с врагом!
Мир хижинам, война дворцам,
Цветы побед и честь борцам!
Низвергнуты короны,
Стоглавый капитал.
Рабочей обороны
Бурлит железный вал.
Он сокрушает скалы,
Пристанище акул...
Мы молоды и алы
За изгородью дул!
Мир хижинам, война дворцам,
Цветы побед и честь борцам!
Да здравствует Коммуны
Багряная звезда:
Не оборвутся струны
Певучего труда!
Да здравствуют Советы,
Социализма строй!
Орлиные рассветы
Трепещут над землей.
Мир хижинам, война дворцам,
Цветы побед и честь борцам!
С нуждой проклятой споря,
Зовет поденщик нас;
Вращают жернов горя
С Архангельском Кавказ.

Пшеница же — суставы
Да рабьи черепа...
Приводит в лагерь славы
Возмездия тропа.
Мир хижинам, война дворцам,
Цветы побед и честь борцам!
За праведные раны,
За ливень кровяной
Расплатятся тираны
Презренной головой.
Купеческие туши
И падаль по церквам,
В седых морях, на суше
Погибель злая вам!
Мир хижинам, война дворцам,
Цветы побед и честь борцам!
Мы — красные солдаты,
Всемирных бурь гонцы,
Приносим радость в хаты
И трепет во дворцы.
В пылающих заводах
Нас славят горн и пар...
Товарищи, в походах
Будь каждый смел и яр!
Мир хижинам, война дворцам,
Цветы побед и честь борцам!
Под огненное знамя
Скликайте земляков,
Кивач гуторит Каме,
Олóнцу вторит Псков:
«За Землю и за Волю
Идет бесстрашных рать...»
Пускай не клянет долю
Красноармейца мать.
Мир хижинам, война дворцам,
Цветы побед и честь борцам!

На золотом пороге
Немеркнущих времен
Отпрянет ли в тревоге
Бессмертный легион?
За поединок краткий
Мы вечность обретем,
Знамен палящих складки
До солнца доплеснем!
Мир хижинам, война дворцам,
Цветы побед и честь борцам!

<1919>

345

Мы опояшем шар земной
Не острозубою стеной —
Цветистей радуг наша ткань,
Уснова — груди, губ герань,
Кайма из дерзостных грудей,
Узор из выспренних очей,
Живого пояса конец
Из ослепительных сердец!

Мы опояшем океан,
Как твердь, созвездьями из ран,
А кровь в рубиновый канат
Сплетет нам старище-закат!
Под вулканическим перстом
Взгремят в пространстве мировом
Созвездья ран, кометы слез, —
Планетный огненный обоз!

Пусть подивится на товар
Кузнец архангельских тиар,
Ткачиха саванов и мглы
И рок, развесивший котлы

У запоздалых очагов,
Варить похлебку из рабов:
Его убийственный таган
Поглотит красный океан!

Мы опояшем шар земной —
Рука с дерзающей рукой,
Уста — мирскую купину
Сольем в горящую волну,
Чтоб ярых песен корабли
К бессмертью правили рули, —
На острове Знамен и Струн,
Где брак племен и пир коммун!

Осанна миру, красоте,
Снегам на горной высоте
И кедру с шишкой смоляной,
Пчеле, корове за удой,
За поцелуи ветерку,
Сохе и дятлу-молотку —
Он проклевал насилья ствол,
Соха же прочит стих-помол!

Хвала коврижному стиху —
Коммуны-девы жениху!
Багрянородный их союз
Свершен собором синих блуз,
Им горн — палящий аналой,
Венец же — бой, безмерный бой!

Хвала ресницам и крестцам,
Улыбке, яростным родам,
Свирепой ласке ястребов,
Кровоточивой пляске слов,
Сосцам, любовному бедру
И моему змее-перу —

Тысячежалое оно,
Неисчислимых жизней дно!

<1919>

346

Скалы — мозоли земли.
Волны — ловецкие жилы.
Ваши черны корабли, —
Путь до бесславной могилы.

Наш бureломен баркас,
В вымпеле солнце гнездится.
Груз — огнезарый атлас,
Брачному миру рядиться.

Скоро родной материк
Ветром борта поцелует,
Будет ничтожный велик,
Нищий в венке запирует.

Светлый восстанет певец,
Звукам прибоем научен,
И не изранит сердец
Скрип стихотворных уключин.

<1919, 1921>

347

Огонь и розы на знаменах,
На ружьях маковый багрец.
В красноармейских эшелонах
Не счесть пылающих сердец!

Шиповник алый на шинелях,
В единоборстве рождена,

Цветет в кумачневых метелях
Багрянородная весна.

За вороньем погоню правя,
Парят Коммуны ястреба...
О нумидийской знойной славе
Гремит пурговая труба.

Египет в снежном городишке,
В броневиках — слоновый бой...
Не уживется в душной книжке
Молотобойных песен рой.

Ура! Да здравствует Коммуна!
(Строка — орлиный перелет)
Припал к пурпуровым лагунам
Родной возжаждавший народ.

Не потому ль багрец и розы
Заполовели на штыках,
И с нумидийским тигром козы
Резвятся в яростных стихах?!

<1919>

348

По мне Пролеткульт не заплачет,
И Смольный не сварит кутью.
Лишь вечность крестом обозначит
Предсмертную песню мою.

Да где-нибудь в пестром Судане
Нубиец, свершивши намаз,
О раненом солнце-тимпане
Причудливый сложит рассказ!

И будет два солнца на небе —
Две раны в гремящих веках,
Пурпурное — в ленинской требе,
Сермяжное — в хвойных стихах.

Недаром мерещится Мекка
Олóнецкой серой избе...
Горящий венец человека
Задуть ли самумной судьбе?!

От смертных песков есть притины —
Узорный оазис-изба...
Грядущей России картины —
Арабская вязь и резьба,

В кряжистой тайге — попугаи,
Горилла — за вязкой лаптей...
Я грежу о северном рае
Плодов и газельих очей!

<1919>

349

Глухомань северного бревенчатого городишка,
Где революция как именины у протопопа.
Ряд обжорный и каланчи вышка
Ждут антихриста, сивушного потопа.

На заборе кот корноухий
Мурлычет про будочника Егора,
В бурнастых расстегаях старухи
Греют души на припёке у собора.

Собор же помнит Грозного, Бориса,
На створах врат Илья громогласный...

Где же Свобода в венке из барбариса
И Равенство — королевич прекрасный?

Здесь не верят в жизнь без участка,
В смерть — без кутьи и без протопопа.
Сбывается аракчеевская сказка
Про немчуру и про мужика-холопа:

Немец был списан на икону —
Мужику невдомеки рожа...
По купецким крышам, небосклону
Расплеснулся закат-рогожа.

На рогоже страстотерпица Россия
Кажет Богу раны и отеки...
Как за буйство царевна София,
Мы получили указ жестокий:

«Стать уездной бревенчатой глухомани
Черной кузней при Удгоф-бароне,
И собору, как при Грозном Иоанне,
Бить уставы в медные ладони».

<1919, 1921>

350

Чернильные будни в комиссариате,
На плакате продрог солдат,
И в папахе, в штанах на вате;
Желто-грязен зимний закат.

Завтра поминальный день —
Память расстрелянных рабочих...
Расцветет ли в сердцах сирень
У живых, до ран неохочих?

Расплетут ли девушки косы,
Старцы воссядут ли у ворот,
Светорунные мериносы
Сойдутся ль у чермных вод?

Пахнёт ли вертоград изюмом,
Банановой похлебкой очаг?..
Вторя смертельным думам,
Треплется советский флаг,

Как будто фрегат багряный
Отплывает в безвестный край...
Восшумят в печурке платаны,
На шесток взлетит попугай!

И раджа на слоне священном
Посетит карельский овин,
Из ковриги цветом нетленным
Взрастет златоствольный крин!

Вспыхнет закат-папаха,
Озарит потемок чернил,
И лагунной музыкой Баха
Зажурчит безмолвье могил!

<1919>

351. Красный Адам

Была разлука с Единым,
На Горе гор, у реки животной,
Где под радужным говорящим крином
Реяли духи, как пух болотный.

На крине солнце — ястреб небесный,
Устилало гнездо облачным пухом.

Помню дол тернистый и тесный,
Гибель сына под братским обухом,

Помню прощание с Иерусалимом,
С тысячестолпным кедровым храмом.
Пестрые жизни проплыли мимо, —
Снова зовусь я Красным Адамом.

В зрачках моих хляби и пальмы Евфрата,
Но звездное тело застегнуто в хаки,
И молот с серпом на печати мандата
Вещает о жертвенном солнечном браке...

Павлины-декреты, пестры и слепящи,
В курятнике будней выводят птенцов.
Часы ураганны, мгновенья гремящи,
И мысленный шквал не найдет берегов.

Евфратная Русь в черемисском совдепе,
В матросской цигарке Аравии зной!
За смертною бурей наш якорь зацепит
Коралловый город с алмазной стеной.

С урочным отплытьем на якорных лапах,
Раскинет базары поддонный Харран...
Плывет от Олбнца смоковничный запах,
Устюжский закат осыпает шафран.

Я — отпрыск Адама, в окопной папахе,
Улыбчивой твари даю имена...
Не критик ученый, а песней феллахи
Измерят мой стих, как пустыню, до дна.

<1919>

352

Павлу Медведеву

Россия плачет пожарами,
Варом, горючей золой,
Над перинами, над самоварами,
Над черной уездной судьбой.

Россия смеется зарницами,
Плеском вод, перелетом гусей,
Над чертогами и темницами,
Над грудой разбитых цепей.

Россия плачет распутицей,
Листопадом, серым дождем,
Над кутьею и Троеручицей
С кисóю, с пудовым замком.

Россия смеется бурями,
Блеском молний, обвалами гор,
Над столетьями, буднями хмурыми,
Где седины и мысленный сор,

Над моею заклятой тетрадкою,
Где за строчками визг бесенят...
Простираюсь перед укладкою
И слезам, и хохоту рад, —

Там, Бомбеем и Ладогой веющий,
Притаился мамин платок...
О твердыни ларца, пламенеющий
Разбивается смертный поток.

И над Русью ветвится и множится
Вавилонского плата кайма...
Возгремит, воссияет, обожится
Материнская вещая тьма!

<1919>

353

Теперь бы герань на окнах,
Ватрушка, ворчун-самовар,
В зарю на речонке и копнах
Киноварно-сизый пожар.

Жизнь, как ласково-мерная пряжа
Под усатую сказку кота...
Свершилась смертельная кража —
Развенчана Мать-красота:

Слепящий венец и запястье —
В обмен на сорочий язык!..
Народное горькое счастье
Прозябло кустом повилик.

Сплести бы веночек Марусе,
Но жутко пустынна межа,
И песенка уличной Руси —
Точильные скрипы ножа.

Корейцы, чумазые сербы
Заслушались визга точил...
Сутулятся волжские вербы
Над скорбью бурлацких могил.

<1919>

354

Братья, мы забыли подснежник,
На проталинке — снегиря,
Непролазный, мертвый валежник
Прославляют поэты зря!

Хороши завóдские трубы,
Многохоботный маховик,

Но всевластней отрочьи губы,
Где живет исступленья крик!

Но победней юноши пятка,
Рощи глаз, где лешачий дед!..
Ненавистна борцу лампадка,
Филаретовских риз глазет.

Полюбить гудки, кривошипы,—
Снегиря и травку презреть...
Осыпают церковные липы
Листопадную рыжую медь.

И на сердце свеча и просфорка,
Бересклет, где щебечет снегирь...
Есть Купало и Красная горка,
Сыропустная блинная ширь,

Есть Россия в багдадских монистах,
С бедуинским изломом бровей...
Мы забыли о цветиках чистых
На груди колыбельных полей.

<1919>

355

Блузник, сапожным ножом
Раздирающий лик Мадонны, —
Это в тумане ночном
Достоевского крик бездонный!

И ныряет, аукает крик —
Чернoперый колдующий петел...
Неневестной Матери лик
Предстает нерушимо светел.

Безобиден горлинка-нож
В золотой коврижной потребе.
Колосится зарная рожь
На валдайском ямщицком небе.

И звенит Достоевского боль
Бубенцом плакучим, поддужным...
Глядь, кабацкая русская голь,
Как Мадонна, в венце жемчужном!

Только буйственна львенок-брада,
Ястребята — всезрящие очи...
Стали камни, огонь и вода
До пурпуровых сказок охочи.

И волхвующий сказочник я,
На устах огневейные страны...
Достоевского боль, как ладья,
Уплывает в ночные туманы.

<1919>

356

Всемирного солнца восход —
Великий семнадцатый год
Прославим, товарищи, мы
На черных обломках тюрьмы!
От крови обломки черны,
От слез неизмерней волны
И горше пустынных песков
От мук и свирепых оков!

Гремящий семнадцатый год —
Железного солнца восход!

Мы руки громам подадим
С Таити, венчая Нарым,
Из молнии перстень скуем,
С лозой побратав бурелом,
Созвездья раздуем в костры,
В живые павлиньи миры,
Где струнные годы и дол
Баюкает Жизни Глагол!

Багряный семнадцатый год —
Певучего солнца восход!

Казбек, златоперстный Урал
И полюса рдяный опал
Куют ожерелье тому,
Кто выпрял косматную тьму,
Застенки и плесень могил
Лавинною кровью омыл,
Связал ураганы в суслон,
Чтоб выпечь Ковригу племен!

Озимый семнадцатый год —
Пшеничного солнца восход!

Прославимте, братья, персты,
Где бранный шатер красоты,
Где трубная роща ногтей
Укрыла громовых детей,
Их смех — полнозвучье строки,
Забавы же — песен венки,
Где жгучий шиповник и ярь
Связуют кровавый янтарь!

Литаврный семнадцатый год —
Тигриного солнца восход!

Леса из бород и зубов,
Проселок из жадных зрачков,
Где мчится Истории конь
На вещий купальский огонь,
Чтоб клад непомерный добыть —
Борьбы путеводную нить,
Прославим, товарищи, мы
В час мести и раненой тьмы!

Разящий семнадцатый год —
Булатного солнца восход!

<1919>

357

Поселиться в лесной избушке
С кудесником-петухом,
Чтоб не знать, как боровы-пушки
Изрыгают чугунный гром,

Чтоб не зреть, как дымятся раны,
Роженичные ложесна...
На лопарские мхи, поляны
Голубая сойдет весна.

Прибредет к избушке лосиха
Просить за пегих телят,
И пузатый пень, как купчиха,
Оденет зеленый плат.

Будет месяц, как слезка, светел,
От росы чернобыльник сед,
Но в ночи кукарекнет петел,
Как назад две тысячи лет.

Вспыхнет сердце — костер привратный,
Озаряя Терновый лик...

Римский век багряно-булатный
Гладиаторский множит крик.

И не слышна слеза Петрова —
Огневая моя слеза...
Осыпается Бога-Слова
Живоносная бирюза.

Нет иглы для низки и нити,
Победительных чистых риз...
О, распните меня, распните,
Как Петра, — головою вниз!

<1919>

358

Родина, я умираю —
Кедр без влаги в корнях,
Возношусь к коврижному раю,
Где калач-засов на дверях,

Где изба — пеклеванный шолом,
Толоконная городьба!..
Сарафанным алым подолом
Обернулась небес губа,

Сапожки́ — сафьянные тучи,
И зенит — бахромчатый плат...
Не Кольцов, мандолинный Кардуччи —
Мой напевно плакучий брат!

Стать бы жалким чумазым кули,
Горстку риса стихами чтя...
Нижет голод, как четки, пули,
Костяной иглой шелестя.

И в клетушке издохла рябка,
(Это солнце сразил колтун),
Не откроет куриная лапка
Адамантовых врат коммун,

Перед ними не вымолить корки
За сусальный пряничный стих...
Жаворонками скороговорки
Утонули в далях пустых.

От былин, узорных погудок,
Только перья, сухой помёт...
И гремит литаврой желудок,
Янычар сзывая в поход.

<1919>

359

Маяковскому грезится гудок над Зимним,
А мне — журавиный перелет и кот на лежанке.
Брат мой несчастный, будь гостеприимным:
За окном лесные сумерки, совиные зарянки!

Тебе ненавистна моя рубаха,
Распутинские сапоги с набором, —
В них жаворонки и грусть монаха
О белых птицах над морским простором.

В каблуке моем — терем Кащеев,
Соловей-разбойник поныне, —
Проедет ли Маркони, Менделеев,
Всяк оставит свой мозг на тыне,

Всякий станет песней в ночевке
Под свист костра над излучиной сивой!

Заблудиться в моей поддёвке
«Изобразительным искусствам» не диво.

В ней двенадцать швов, как в году високосном,
Солноповороты, голубые пролетья,
На опушке по сафьяновым соснам
Прыгают дятлы и белки-столетья.

Иглокожим, головоногим претят смоль и черника,
Тетеревиные токи в дремучих строчках...
Свете Тихий от народного лика
Опочил на моих запятых и точках.

Простой, как мычание, и облаком в штанах казинетовых
Не станет Россия — так вещает Изба.
От мереж осетровых и кетовых —
Всплески рифм и стихов ворожба.

Песнетворцу ль радеть о кранах подъемных,
Прикармливать воронов — стоны молота?
Только в думах поддонных, в сердечных домнах
Выплавится жизни багряное золото!

<1919>

360. Красные незабудки

Незабудки в крови малютки,
На лесной сосновой тропе,
Багровеют круглые сутки,
Как роса на житном снопе.

В Заонежье, в узорных Ки́жах,
Где рублёвский нетленный сад,
Стальноклювый гость из Парижа
Совершает черный обряд.

И малиновка, малая птаха,
По Голгофе Христу родня,
Умирает в гнезде от страха,
От язвящих пуль и огня.

У речной пугливой герани
В сердцевине кровоподтек,
Пулеметные злые длани
Верезжащих ловят сорок.

И стрекочут пули-сороки
В хвойной зыби, в лесных лугах,
Истекли кровавые сроки
На всемирных тяжких часах.

Незабудки в росе багровой
(Серафимов на казнь вели),
И родное, громное слово
Журавлями стонет вдали.

<1919>

361

Строгановские иконы —
Самоцветный мужицкий рай!..
Не зовите нас в Вашингтоны,
В смертоносный, железный край,

Не обертывайте в манишки
С газетным хитрым листом!
По звенящей тонкой наслышке
Мы Предвечное узнаем!

И когда златится солома,
Оперяются озима,

Мы — в черте алмазной, мы — дома,
У живых истоков ума.

Самоцветны умные хляби —
Непомерность ангельских глаз...
Караван к Запечной Каабе
Привезет виссон и атлас.

Нарядяся в пламя и розы,
В строгановское письмо,
Мы глухие смерчи и грозы
Запряжем в земное ярмо!

Отдохнет многоскорбный сивка,
От зубастых ножниц — овца,
Брызнет солнечная наливка
Из небесного погребца.

Захмелеют камни и люди,
Кедр и кукуший лен,
И восплачет с главой на блюде
Плясея Кровавых Времен.

Огневые рощи-иконы
Восшумят: «Се Жених грядет...»
Не зовите нас в Вашингтоны
Под губительный молот бед!

<1919>

362

Родина, я грешен, грешен,
Богохульствуя и кляня!..
Осыпается цвет черешен —
Жемчуга Народного дня.

Не в окладе Спас, а в жилетке
С проныраю-кодаком...
Прочитают внуки заметки
О Черепе под крестом,

Скажут: «В строчках бцет и раны,
Мужицкий самумный вздох...»
Салтычихи и Тамерланы
Не вошли в Сермяжный чертог.

Но бумажные злые черви
Пробуравили Хризопраз,
От Маркони, радио вервий,
Саваоф не милует нас.

И над суздальскою божницей
Издевается граммофон...
Пламенеющей колесницей
Обернется поэта сон.

С Зороастром сядет Есенин —
Рязанской земли жених,
И возлюбит грозовый Ленин
Пестрядинный клюевский стих.

<1919>

363–364. Из цикла «Песни утешения»

Светлому товарищу Михаилу Мехнецову. Памяти его убитой шляпы

1

С победительной годиной
Меч заржавеет в ножнах,
Воспарит изба с овином
На бревенчатых крылах,

В поднебесье журавлями
Закурлычут голоса...
Уж над красными полками
Брезжит благости звезда.

Будет благость, будет радость...
Милый брат, не унывай!
Нашу молодость и старость
Убаюкает Китай.

Там, в оранжевом Тян-Дзине,
Перелеском чайных роз,
К нам приедут на овине
С Молотьбой Жених-Покос.

Подивятся китайчата,
Как туманы теребя,
Ткач созвездий и заката
Выткет шляпу для тебя.

И на свадьбе сенокосной
Молодуха-Молотьба
Губкой сладостной и росной
Твоего коснется лба.

Брат! Мужицкого эдема
Не постигнет становой!
Мариинская система
Помнит вечер роковой.

Сердце Матери-Коммуны
Гневной кровью истекло...
Осеняет отблеск лунный
Мехнецовское чело.

Сын земли и сын деревни,
Для кого Коммуна — мать,

Чаши братства — тайны древней
Становым не разгадать!

2

Ты мне рассказывал про лошадку,
Про маму в слезах пред кончиною, —
Красный орленок знает разгадку,
Как ему парить над черной пучиною.

Сына бурь не укротить решеткою,
Ни цепью кандальной, ни шляпобитием,
К горным вершинам железной походкою
Идет он, ведомый буйным наитием.

Брат мой! Посланец избы и землицы-матери,
В лике твоем думы мужицкие; —
Чуют их пальмы на жарком экваторе,
Русские села и хаты станицкие.

В огненном вихре Россия крестьянская, —
Ран не измерить, а слезы все пролиты,
Чья ж пятерня оголтело-татарская
Рвет с головы ее Красное золото?

Стих мой — отлетные красные зяблики
Весть пронесут от Олóнца до Кракова:
«С Древа Коммуны осыпались яблоки,
Ворон гнездится на знамени маковом».

Горе нам, горе! Душа деревенская
Встретилась с городом каменным, лающим.
Шляпа убита... И сабля чеченская
Кровью дымится, как маревом тающим.

Пляшет чеченец... Победа грошовая
Дикому сердцу далася негаданно.

Ранена шляпа. И ветка терновая
Жертву венчает душистее ладана.

<1919>

365

В васильковое утро белее рубаха,
В междучасие зорь самоцветна слеза...
Будет олово в горле, оковы и плаха
И на крыльях драконьих седая гроза!

Многозубые башни укроют чертоги,
Где властители жизни — епископ и царь,
Под кандальный трезвон запылятся дороги...
Сгиньте, воронов стаи, — словесная гарь!

В васильковое утро белее рубаха,
Улыбается печь и блаженна скамья,
За певучей куделью незримая пряха
Мерит нитью затон, где бессмертья ладья.

На печной материк сходят мама и дед,
Облаченные в звон, в душу флейт и стихов,
И коврижное солнце крупитчатый свет
Проливает в печурки, где выводок слов.

И ныряют слова в самоцветную хлябь,
Ронят радужный пух запятых и тире...
О горящее знамя — тигриная рябь,
Буйный молот и серп в грозовом серебре!

Куйте, жните, палите миры и сердца!
Шар земной — голова, тучи — кудри мои,
Мох — коралловый остров, и слезку певца
Омывают живых океанов струи.

<1919>

366—368. Песни Вытегорской коммуны

1

Пожалейте трудную скотинушку,
Скрипушу-телегу, соху горбатую,
Вспомните родимую «Лучинушку»,
Месяц над зимней хатою!

Припомните дороги русские,
Малиновок на погосте родительском.
Не Сезанны, не вазы этрусские
Заревеют в восстании питерском.

Золотятся в нем кудри Есенина,
На штыках красногрудые зяблики;
Революция Ладогой вспенена,—
В ней шиповник, малина да яблоки.

Дождик яблочный, ветер малиновый
Попретил Маяковскому с Бриками;
Вспомнил молот над рощицей ивовой,
Купину с огнепальными ликами.

Горн узрел на лежанке усатую —
Горностайку с семьею котятною...
Пожалейте над нищею хатою
Цветик маковый — тучку закатную!

В слезоцвет на могилушке маминой
Не вонзайте штыка кровожадного!..
Песня — юноша в битве израненный
Алчет солнца и мира отрадного.

2

Говорят, что умрет дуга,
Лубяные лебеди-санки,

Уж в стальные бьют берега
Буруны избяной лоханки.

Переплеск, как столб комаров,
Запевает в ушах деревни:
Знать, пора крылатых китов
Родить нашей Саре древней.

Песнолиственный дуб облетел,
Рифма стала клокочуще бурна...
Кровохарканьем Бог заболел,—
Оттого и Россия пурпурна,

Ощенилась фугасом земля,
Динамитом беременны доли...
Наши пристани ждут корабля
С красным грузом корицы и соли.

Океан — избяная лохань
Плещет в берег машинно-железный,
И заслушалась Мать-глухомань
Бунчука торжествующей бездны.

3

Листопадно ковровые шали
Спеленали осеннюю землю.
До полуночи ели рыдали,
На закате же, слезные, дремлют.

И еловая тень на дороге —
Чернокрылое вещее знамя,
Опаленными злыми устами
Провещаю о яростном Боге.

О, внемлите: провидящий филин,
Гад могильный и выводок волчий, —

День улыбчивый, дрёмой осилен,
Станет брашном пирующей ночи!

Стать бы тучкою, малой синицей,
Отлететь в голубую обитель...
А завод горделиво дымится —
Листопадной земли победитель.

<1919>

369—371. Вороньи песни

Возлюбленному А. Б.

1

Мы верим в братьев многоочитых,
А Ленин в железо и в красный ум.
В придорожных, хлябких ракитах
Многоверстный горестный шум.

Неспроста и застольный ломоть,
Как душа, златисто духмян.
Погрозится заоблачный коготь,
На болотце выйдет туман,

С пихты белка обронит шишку,
Подарив земле семена...
Братья, время ли в пламя-книжку
Пеленать бойцов имена?

Не в ракитах ли Луначарский
Нашептывает деревням:
«Кнутобойный облик татарский
Ненавистен знаньям сынам».

Не Зиновьев ли множит ветры
И зловеще ставнею бьет?..

Нарядилась Россия в гетры,
Позабыв узорный камлот.

Тихий Углич, Ростов Великий
Не пахнут родимым углом,
И стихи — седые калики —
Загнусавили вороньем.

Грай пророчит остров Елены,
Из Гейне «двух гренадер»...
Сшивают саван измены
Из мглы и страхов пещер.

Чернобыльем цветет Рассудок,
И пургою пляшет Порок,—
Для кого же из незабудок
Небеса сплетают венок?

2

Я обижен сестрою родной, домашней,
В чьих напевах детства свирель.
Многоярусной, зоркою башней
Вознеслась за оконцем ель.

Белка-совесть теребит хвои, —
Слезка канет, как круглый год.
В нумидийском мускусном зное
Дозревает мщения плод.

Искривятся мои иконы,
Воздохнет в чулане тулуп,
И слетятся на ель вороны,
Чуя теплый, лакомый труп.

Не найдется в целой Коммуне
Безутешней моих зрачков.

В октябре, как в смуглом июне,
Много алых жгучих цветов.

Полыхают они на знаменах,
На товарищеских губах...
В листопадных, предзимних звонах
Притаился холодный страх.

В «Марсельезе» коршуна крики,
И в плакатах буйственный лев.
Генеральским смехом Деникин
Покрывает борьбы напев.

Оттого в опустелом доме
Ненавистна песня сестры...
Мы очнемся в Красном Содоме,
Где из струн и песен шатры,

Где русалкою Саломия
За любовь исходит в плясне...
Обезглавленная Россия
Предстает, как поэма, мне.

3

Презреть колыбельного Бога,
Жизнедательный, отчий крест...
Повернула душа-дорога
От родных, назаретских мест.

Позабыта матери пряжа,
Отцовский мудрый верстак,
Винтовка — моя поклажа —
С Возмездьем железный брак.

Я распят на Гималаях,
На Урале, на Машуке...

В вороньих, свирепых граях
Узнаю Россию в тоске.

Россия — не светлая пава,
А ворон — железный нос —
Клюет кремнистую лаву
Из сукровицы и слез.

Под жаркой лавой Помпея,
Триклиниумы, сады...
Коварней древнего змея
Русалочья песня беды:

«Оставь подругу-винтовку
Для будней — смазливых баб...»
Сплетает из тьмы веревку
Вечер — лукавый раб.

И ночь — гробов сторожиха —
Обходит лагерь бойцов.
Цветет беленою лихо
На свалке тряпичных слов.

Их ловят пером писаки
Крикливых нищих Фелиц...
Пылайте, напевы-маки,
На грядке павьих страниц!

<1919>

372

Из избы вытекают межи,
Ломоносовы, Ермаки...
Убежать в половецкие вежи
От валдайской ямщицкой тоски!

Журавиная русская тяга —
С Соловков — на узорный Багдад...
В «Марсельезе», в напеве «Варяга»
Опадает судьба-виноград.

Забубённо, разгульно и пьяно
Бровь-стрела, степь да ветер в зрачках...
Обольщенная Русь, видно, рано
Прозвенел над Печорою Бах!

Спозаранку, знать, внук Коловрата
Персиянку дарил перстеньком!..
Поседела рязанская хата
Под стальным ливерпульским лучом:

Эфиопская черная рожа
Над родимою пущей взошла...
Хмура Волга и степь непогожа,
Где курганы пурга замела,

Где Светланина треплется лента,
Окровавленный плата лоскут...
Грай газетный и щёкот конвента
Славословят с оковами кнут.

И в глухом руднике — Ломоносов,
Для Европы издевка — Ермак...
В бубенце и в напеве матросов
Погибающий стонет «Варяг».

<1919>

373

В заборной щели солнышка кусок —
Стихов веретено, влюбленности исток

И мертвых кашек в воздухе дымок...
Оранжевый сентябрь плетет земле венок.

Предзимняя душа, как тундровый олень,
Стремится к полюсу, где льдов седая лень,
Где ледовитый дуб возносит сполох-сень,
И эскимоска-ночь укачивает день.

В моржовой зыбке светлое дитя
До мамушки-зари прижухнуло, грустя,
Поземок-дед, ягельником хрустя,
За чумом бродит, ежась и кряхтя.

Душа-олень летит в алмаз и лед,
Где время с гарпуном, миров стерляжий ход,
Чтобы закли́кать май, гусиный перелет,
И в поле, как стихи, суслонный хоровод.

В заборной щели солнечный глазок
Глядит в овраг души, где слезка-ручеек
Звенит украдкою меж галек — серых строк,
Что умерла любовь и нежный май истёк.

<1919>

374. Железо

Безголовые карлы в железе живут,
Заплетают тенёта и саваны ткут,
Пишут свиток тоски смертоносным пером,
Лист убийства за черным измены листом.

Шелест свитка и скрежет зубила-пера
Чуют Сон и Раздумье, Дремота-сестра...
Оттого в мире темень, глухая зима,
Что вселенские плечи болят от ярма,

От железной пяты безголовых владык,
Что на зори плетут власяничный башлык,
Плащаницу уныния, скуки покров,
Невод тусклых дождей и весну без цветов!

Громоносные духи в железе живут,
Мощь с Ударом, с Упругостью девственный Труд,
Непомерна их ласка и брачная ночь...
Человеческий род до объятий охоч.

И горючие перси влюбленных машин
Для возжаждавших стран словно влага долин.
Из магнитных ложесн огневой баобаб
Ловит звездных сорок краснолесьями лап.

И стрекочут сроки: «В плену мы, в плену...»
Допросить бы мотыгу и шахт глубину,
Где предсердие руд, у металла гортань,
Чтобы песня цвела, как в апреле герань,

Чтобы млечным огнем серебрилась строка,
Как в плотичные токи лесная река,
И суровый шахтер по излукам стихов
Наловил бы певучих гагар и бобров.

<1919>

375. Памяти товарища Василия Грошникова, убитого на Нарвском фронте

Он явился мне в образе отрока, но высок и чело крылато. Голос же его, как крик бекасов на заре отлетной; в двадцатый день декабря. Красному духу его посвящаю стих сей

Придут голубые Святки,
С вьюгой, с колким окном,

И заря раскинет палатки,
Отороченные бобром.

Приплетется бабушка в гости
С инеем на бровях,
Сказать о старом погосте,
О паюсных пирогах,

О новой протопопа рясе.
Только все украдкой поймут,
Что кутью убитому Васе
От земли метели несут;

Что кутья на маминых слезках,
Кровинки — сладкий изюм...
В подворотне зальется Розка
На чужой многокрылый шум.

И войдет в боковушу Вася,
Бабка всхлипнет: «Аминь, аминь...»
На сугробном, блёстком атласе
Панихидная злая синь.

Будут Святки под дальней Нарвой,
Звездотечная Коляда...
Разбудить ли бранной литаврой
Опочившего навсегда?

Дорогой товарищ Василий,
Солнцекудрой Коммуны сын,
По тебе Повенец и Чили
Испекут поминальный блин.

И, опарою канув в кадку,
Мирозданья выбродит кус,
Гималаи пойдут вприсядку,
Заломив гранитный картуз.

Вотяки, мингрельцы и мавры
В песноликий сольются луч,
Над полями кровавой Нарвы
Заалеет Дерево Муч.

По плодам, по ясному цвету
Мы узнаем святую кровь...
Милый братец, прости поэту
К многоцветным строчкам любовь!

<1919>

376

Ураганы впряглися в соху —
Ветрогривые жеребцы.
К яровому, озимому вздоху
Преклонились земли концы.

Будет колоб: солнце-начинка,
Океанское дно — испод...
По сердцам пролегла тропинка,
Где Бессмертное — пешеход.

Бадожок мозолит аорты,
Топчет лапоть предсердий сланец,
Путь безвестен и вехи стерты...
Где же, братья, тропы конец?

У излуки ли в Пошехонье,
Где свирепы тюря и чёс?..
Примерещилось рябой Хавронье
Дуновенье ширазских роз,

У мечети дядюшка Яков
С помадой и бирюзой...

Улыбается Перми Краков,
Пустозерску Таити зной.

Братья, верен буря-проселок,
И Бессмертное — пешеход,
Коротает последний волок
Ветрокудрый родной народ!

Ураганы впряглися в плуги,
Сейте пламя, звездный анис...
Зазвонят Соловки на юге,
У вогул запляшет Тунис.

И небесную, синюю шапку
Залихватски заломит мир.
Это вечность скликает рябку —
Сердце жизни на птичий пир.

1919

377

Они смеются над моей поддёвкой,
Над рубахой соловецкой тресковой,
Им неведомо распутинской сноровкой,
Как дитя, взлелеянное слово.

Им неведом плеск полночной зыбки —
Дрёма пальм над гулом караванным,
И в пушкé надгубном вопли скрипки
По садам и пажитям шафранным,

По стране, где птицы-поцелуи
Гнезда вьют из взоров и касаний...
От Борнео до овчинной Шуи
Полыхают алые герани.

Смертоносны строк водовороты,
В них обломки Певчего Фрегата,
А в излуке сердца громный кто-то
Ловит звуки — радуги заката.

<1919, 1921>

378

Отрубленная голова,
Как мусор, пожрана канавой,
В зубах застрявшие слова
Прозябли плесенью корявой.

Глазницы — черный океан,
Где тонет солнце — клуб червивый...
Огнем и прáзеленью ран
Удобрены родные нивы.

Запечный пламенный павлин
В напевах радугою светит,
И наше Пулково — овин
В созвездия суслоном метит.

Пророчит Сириус беду,
Зловещ Стрелец и Марс кровавый...
На эшафоте иль в аду
Благоухают розы славы!

Во рву, где плесень и ботва,
Угомонится мозг поэта,—
Усекновенная глава
На блюде солнечном воздета.

И лишь запечному коту
Близка нетленная потеря...

Я жил, ослиному хвосту
Молясь и нерушимо веря.

1919

379

С хитрым стулом умерла лавка
С певуном-Алконостом на спинке,
И усеяла кринка-мавка
Черепками печные тропинки.

Постучался Зингер в светелку,
Лодзь в хороводе пошла вприсядку,
Глядь, по лесному проселку
Догоняет вихрь самокатку.

Пригорюнился в пуще Топтыгин,
Слышна ли Маркони слеза медвежья?
И «Белым скитом» Чапыгин
Отпел родные безбрежья.

Вечная память вербе, лежанке,
Тихвинской колыбельной Богородице!
Обмолвлюся прозой: калачу с баранкой
Не след брыкаться и ссориться!

По зубам ли России калач чугунный
С бетонным исподом, с купоросной поливою?
Сердце верит: песня Коммуны
Зажурчит, словно ключ под ивою.

В песногуде Мильтон с Кирилловым
Поведут говорок о белых ангелах,
И Есенин в венце берилловом
Скажет сказку о книжных вандалах:

Как впрягали Пегаса в арбу словесную,
Где хореи и ямбы пустозвонные.
Я славлю Россию — сестру неневестную,
Заплетшую в косы огни небосклонные.

Я славлю Россию — жену многочадную
В коврижном саду под молочной смоковницей!
Пусть Зингер стучится в калитку оградную —
Сладчайшая мать не бывает любовницей!

1919

380

Не коврига, а цифр клубок
Да голодной слюны осьмина...
Помню Волгу, щаный дымок
Вкусней ржаного овина.

За таганом бурлацкий сказ,
Пляску барж — паруса-подолы,
С языка словесный алмаз
Прядал в русские темные долы.

И казалось, что жизнь — казан
С просяной румяною кашей.
Ермак и Кольцо Иван
Улыбались артели нашей.

На узорной ложке сечня
Выплясывала «черевики»...
Как в омут, нырнул в меня
Народ родной, песноликий.

Севастополь и Соловки
Теплят свечи в мозгу-церквушке,

И сердце Матки-реки
Тихозвонит в дедовской кружке:

«Помяни дымок просяной,
Как себя, как Русь-персиянку,
Я теку голодной слюной
От тверских болот — на Казанку.

Кану в Каспий — стерляжий рай,
Где с напевным пшеном казаны,
Тамерланов Златой Сарай
Приютит мои караваны».

1919

381

Проклята верба, слезинка,
Лежанка и многодумный кот,
Лишь прибоем всемирного рынка
Гной столетий смоет народ.

Хвала лесопилке, прожорливой домне,
Нам звезды — окрошка, луна же — балык!..
Как осенью бор в тихозвонной Коломне,
Озимого Спаса осыпался лик.

И Ремизов нижет загиблое слово,
Где плач Ярославны и волчий оскал...
В олóнецкой пуще на блюде еловом
Почила в сиянье коврига-опал.

Глухим перелеском идет Огнезрачный,
Повязан кометой магнитный армяк.
Нарушать ломтей и на трапезе брачной
Подать виночерпный улыбчивый знак,

Чтоб молоту верба далась молодицей,
Изба покумилась с завудской трубой...
Восходят светила над глыбкой страницей,
Где пляска русалок и смех ветровой,

Где дремлет меж строк с запятыми расшива
И шкипер-рассудок вздремнул на руле,
Октябрь краснозубый поет у залива
О знойном Байраме в лопарской земле,

О скачке Фарисов на льдинах тресковых,
Где финик опалый, рогатый банан...
Сбывается сказ: на оленях громовых
Примчится к овину ездок-великан,

Повыйдут суслоны супругу навстречу,
Светильники — зерна, хвалы — молотьба...
Я песенный колоб железом калечу,
Чтоб множились раны и крепла борьба!

1919

382

Воры в келье: сестра и зять
С отмычкой от маминой укладки.
Как же мне не рыдать
Ввечеру при старой лампадке?!

Как же мне не седеть,
Не складывать лба в морщины?!.
Паучья липкая сеть
Заткала горы, долины.

И за каждым выступом вор
С рысьими зелеными глазами...

Непролазен терновый сор,
Накопленный злыми веками.

Сестра, хитроглазый зять —
Привиденья из жуткой сказки...
Чрез болото, лесную гать
Мчатся зимы салазки.

Леденеет мое перо,
И кудрявятся вьюгой строки,
Милосердие, жертва, добро —
Только сон голубой далекий.

На глухих руинах стихов
Воронье да совы гнездятся,
И, кляня под звон кандалов,
Запевает сестра о братце.

1919 или 1920

383

Я помню крылатое дерево
И девушку-птицу в ветвях,
Кормушку, где звездное мелево,
И лунную воду в бадьях.

Столетия ангел бесполый —
Я певчую деву стерег,—
Пылинки сдувая с подола,
Дремля у лазоревых ног.

Однажды мой сук обломился
(Паденье — кометы полет),
И буркнул: «Мальчонка родился!» —
Мой дед, бородатый Федот.

Между 1919 и 1921

384

Александр Добролюбов — пречистая свеченька
Перед ликом Руси, перед Брамой, Буддой,
Натрудили ему богоносные плеченьки
Коромысло миров с чернокрылой бедой.

Пули в солнце, в росинке и в цветике маковом,
У пеструшки яичко с кровавым белком,
И любимую полку с Минеей, Аксаковым,
Посребрило, как луг, паутинным снежком.

Сиротеет церквушка... Микола с Егорием
Обернулися тучкой — слезинкой небес,
Над израненной нивой, родимым Поморием
Пулеметом стрекочет и каркает бес.

Оттого на крушиннике слезы свинцовые,
И задуло лампадку, и вопли в трубе...
Грезит кашей горшок, маслобойка — коровою,
Постучалася Оторопь к черной Судьбе.

На лежанке две тени — зловещие саваны
Делят кус мертвечины не в час и не впрок.
Пулеметного беса не выкурят ладаны —
Обронила Россия моленный платок.

И рассыпались косы грозою, пожарами,
Лебединую грудь взбороздил броневик.
Не ордой половецкой, не злыми татарами
Окровавлен священный родительский лик.

Александр Добролюбов — березынька белая
Плачет травной росою, лесным родником:
Ты катися, слеза, роковая, горелая,
Побратайся с былинкой, с ночным светляком!

Схоронись в буреломе с дремучим валежником,
Обернися алмазом, подземной струей,
Чтоб на братской могиле прозябнуть подснежником,
Сочетая поэзию с тайной живой.

Между 1919 и 1921

385

Я давно не смеялся, но в праздник Коммуны
Были губы мои алее знамен...
К небесным аулам примчались Гаруны
И в ветре бешметном зурны перезвон,

Арабские очи у псковского парня
И пляска дервищей в газетных листах...
Завод дымнобрадый, сутулая швальня
Поют по-лопарски о Медных китах.

Киты запряглись в полушарий салазки,
Умчать человечество в Солнечный Глаз.
Телок с ягуаром живет без опаски —
Мой стих пестрядинный и красный атлас.

Свершились пророчества: в Силе и Духе
Из песен и крыл воздвигается храм,
И «Франции сердце» с «Китом Меднобрюхим»
Причалили в Смольном к родным берегам.

В китовьем жиру увязают и пули,
Но страшен поэту петли поцелуй,
Меня расстреляют в зеленом июле
Под плеск осетровый и жалобы струй...

Никто не узнает вождя каравана
В узорном бурнусе на жгучем коне...

Не ветлы России, а розы Харрана
Под смертным самумом вздохнут обо мне!

Между 1919 и 1921

386

Брезг самоварной решетки
В избяной лиловатой мгле —
Провозвестник, что вечер кроткий
Гостит на трудной земле,

Что твердь починила дыры —
Пастбище стад дождевых.
Живоносных капелей клиры
Поют о солнцах ржаных.

Я верю флейтам капелей,
Кукушьим лесным словам, —
Золотой пирог новоселий
Испечет Багряный Адам.

Над избой взрастут баобабы,
Приютит хлевушка тигрят,
За тресковой ухой арабы
Поведут пустынный обряд.

Часослов с палящим Кораном
Поцелуйно сольют листы,
И прискачет к хвойным зырянам
Огневой Трубач Красоты.

Улыбнутся вигваму чумы,
Тамаринду — семья ракит,
Журавлями русские думы
Взбороздят Таити зенит.

Расцветет калачная Пресня
Лавандою, купиной,
И моя сермяжная песня
Зазвенит чеченской зурной.

Между 1919 и 1921

387

Зарезать родную мать —
Кормилицу-печь теплушу,
Окровавленным разгадать
Вередовую, злую душу.

Отречься до петухов,
Как Петру, с пугливою клятвой...
Не счесть лучезарных снопов
За красной всемирною жатвой.

Будут злачны ток, молотилка,
Жернова — чистейший алмаз!
Материнские теплые жилки
Милосерднее, чем Гааз.

Припадаю к родимой печурке
С пропащей слезой на щеке...
Ах, умчаться бы на каурке
К говорящей живой реке!

До узды окунуться в струны,
В адамант строительных слов,
Чтоб поэтом родной Коммуны
Заалеть на высях веков!

Не потерпят убийцу други,
Облетят дубы-знамена́,

И в кумачной плакатной вьюге
Отзвенят бойцов имена.

Между 1919 и 1921

388

Облака в камлотовых штанах
И розы — килечные банки...
Завередеют травы на полях,
И Китоврас издохнет на полянке.

Лагунный Бах объявится глупцом,
А Скрябин — рыночною швалью,
Украдкою Россия под окном
Затенькает синичною печалью.

Я ставню распахну, горбатый и седой,
Пытая тютчевским вопросом
Речонку с захлебнувшейся звездой
И огонек сторожки под откосом.

Но не ответит мыслящий тростник,
По Тютчеву зубило не тоскует...
Чудовища сталелитейный лик
На розы сладостные дует.

Между 1919 и 1922

389

Статья в широченных «Известиях»,
Веющая гибелью княжны Таракановой,
Вещает о песенных бедствиях,
О смерти крестной, баяновой:

«В рязанском небе не клюют жаворо́нки
Золотого проса, бисера слезного,

Лишь вокзалов глотки да плавилен заслонки —
Зыбка искусства чугунного, грозного!»

Недаром избы родимые
Дымятся скорбью глухой, угарною,
И песни-гусли, орлом гонимые,
Ныряют в загуменья стаей янтарною.

Гумно — гусыня матерая
Гогочет зловеще молотьбой недородною:
«Я — Матка созвучий, столетняя, хворая,
Яйцо мое — тайна с судьбиной народною!»

Гусак стальноклювый, чей мозг — индустрия,
Чье сердце — турбина, крыло — маховик,
Кричит из-за моря: «Россия, Россия,
В миры запрокинь огневеющий лик!»

Великая Матка поет пред кончиной,
Но лавой бурлит адамант-яицо...
Невнятно «Известиям» дымкой овинной
Повитое Слово, как сфинкса лицо.

Под треск пулеметов и визги трактиров
Родились поэты — наседки галчат:
За Гёте — Садофьев, за Гюго — Маширов.
Над роспятой книгой чернильный закат.

Между 1919 и 1922

390

Кареглазый жених убит
Пулей в персиковую щёку,
Недаром во мгле ракит
Ворона пеняет року.

Что каркнет зловещая птица,
Всё сбудется... В руку сон...
Бородатая горе-вдовица
Старей поморских икон.

А давно ли цвела рубаха
На милом, как маков цвет?!.
С водопольем душенька-птаха
Канет на бересклет,

Запоет про молодость нашу,
Про малиновый поцелуй...
Лучше б есть острожную кашу
На пути в глухой Акатуй,

На каторжной ночевке
Читать гнусавый Псалтырь...
Убегают ели-мутовки
В нерасказанную Сибирь.

Не равна ль варнаку, поэту
Персиковая щека?!
На словесных поминках нету
Волшебного колобка.

Оттого и стих безголосен,
Не вспыхивает перо,
И оделись вершины сосен
В позументное серебро.

Между 1919 и 1922

391

Рукомойник из красной меди
С развалистым, губастым рожком,

За кряжистым тыном соседи,
Лабаз, повалуша с коньком.

В горнице скворцы-болтушки,
Идолище-самовар.
От перинной глухой опушки
Отхлынул вселенский пожар.

Там блуждают гонцы-декреты,
Безотзывно в рога трубя.
Принимаю венец поэта,
Как грядущее, не любя.

По душе Цареград перинный,
Кулебяк нерушимый круг.
До узды в крови неповинной
Ступает былое-битюг.

За ним едноног костлявый,
Вороньи, злые смерчи...
Товарищи, на поле славы
Священны мщенья мечи!

Рубите же перинные дебри,
Изжарьте архистратигов-гусей,
Чтобы не было Россий и Сербий,
Грибных, календарных дней,

Чтоб из звездной горящей меди
Отлился Жизни сосуд,
И за тыном взыграли б соседи —
Солнце-яхонт и Марс-изумруд,

Чтобы в клетке скворец-комета
Клевал слова-коноплю...
Испове́дь себя — поэта
Я кровавым пером креплю.

Между 1919 и 1922

392

Женилось солнце, женилось
На ладожском журавле,
Не ведалось и не снилось,
Что дьявол будет в петле,

Что смерть попадется в сети
Скуластому вотяку!..
Глядятся боги и дети
В огненную реку

И видят: журавье солнце
На тигровом берегу
Курлыкает об Олóнце,
Взнуздавшем коня-пургу.

Будя седую пустыню,
Берестяный караван
Везет волшебную скрыню
Живых ледовитых ран, —

От хвой платану подарок,
Тапиру — тресковый дар...
Тропически ал и жарок
Октябрьских знамен пожар.

Не басня, что у араба
Львиный хлеб — скакун в табуне,
И повойник зырянка-баба
Эфиопской мерит луне;

Что Плеяды в бурлацком взваре
Убаюкивает Евфрат,
И стихом в родном самоваре
Закипает озеро Чад.

<1920, 1921>

393

Михаилу Соколовскому

Я знаю, родятся песни —
Телки у пегих лосих,
И не будут звезды чудесней,
Чем Россия и вятский стих!

Города Изюмец, Чернигов
В словозвучье радость таят...
Пусть в стихе запылает Выгов,
Расцветет хороводный сад.

По заставкам Волга, Онега
С парусами, с дымом костров...
За морями стучит телега,
Беспощадных мча седоков.

Черный уголь, кудесный радий,
Пар-возница, гулёха-сталь
Едут к нам, чтобы в Китеж-граде
Оборвать изюм и миндаль,

Чтобы радужного Рублёва
Усадить за хитрый букварь...
На столетье замкнется снова
С драгоценной поклажей ларь.

В девяносто девятое лето
Заскрипит заклятый замок,
И взбурлят рукой самоцветы
Ослепительных вещих строк.

Захлестнет певучая пена
Холмогорье и Целебей,
Решетом наловится Вена
Серебристых слов-карасей!

Я взгляну могильной березкой
На безбрежье песенных нив,
Благовонной зеленой слезкой
Безымянный прах окропив.

1920

394

Миновав житейские версты,
Умереть, как золе в печурке,
Без малинового погоста,
Без сказки о котике Мурке,

Без бабушки за добрым самоваром,
Когда трепыхает ангелок-лампадка...
Подружиться с яростным паром
Человечеству не загадка:

Пржевальский в желтом Памире
Видел рельсы — прах тысячелетий...
Грянет час, и к мужицкой лире
Припадут пролетарские дети,

Упьются озимью, солодягой,
Подлавочной ласковой сонатой!..
Уж загрезил пасмурный Чикаго
О коньке над пудожскою хатой,

О сладостном соловецком чине
С подблюдными славами, хвалами...
Над Багдадом по моей кончине
Заширяют ангелы крылами.

И помянут пляскою дервиши
Сердце-розу, смятую в Нарыме,

А старуха-критика запишет
В поминанье горестное имя.

1920

395

Свет неприкосновенный, свет неприступный
Опочил на родной земле...
Уродился ячмень звездистый и крупный,
Румяный картофель пляшет в котле.

Облизан горшок белокурым Васяткой,
В нем прыгает белка — лесной солнопёк,
И пленники — грызь, маета с лихорадкой
Завязаны в бабкин заклятый платок.

Не кашляет хворь на счастливых задворках,
Пуста караулка, и умер затвор.
Чтоб сумерки выткать, в алмазных оборках
Уселась заря на пуховый бугор.

Покинула гроб долгожданная мама,
В улыбке — предвечность, напевы — в перстах...
Треух — у тунгуса, у бура — панама,
Но брезжит одно в просветленных зрачках:

Повыковать плуг — сошники Гималаи,
Чтоб чрево земное до ада вспахать,
Леха за Олóнцем, оглобли в Китае,
То свет неприступный — бессмертья печать.

Васятку в луче с духовидицей-печкой
Я ведаю, минет карающий плуг,
Чтоб взрóстил не меч с сарацинской насечкой —
Удобренный ранами песенный луг.

1920

396

Домик Петра Великого,
Бревна в лапу, косяки аршинные,
Логовище барса дикого,
Где тлеют кости безвинные!

Сапоги — шлюзы амстердамские,
С запахом ила, корабельного якоря,
Пакля в углах — седины боярские,
Думы столетий без песен и бахаря.

Правнуки барсовы стали котятами,
Топит их в луже мальчонко-история...
Глядь, над сивушными, гиблыми хатами
Блещет копье грозового Егория!

Домик петровский — не песня Есенина,
В нем ни кота, ни базара лещужного,
Кружка голландская пивом не вспенена —
Ала душа без похмелья недужного!

Песня родимая — буря знаменная,
Плач за курганами, Разин с персидкою...
Индия-Русь — глубина пододонная
Стала коралловой красною ниткою.

Выловлен жемчуг, златницы татарские,
Пестун бурунный — добыча гербария,
Стих обмелел... Сапоги амстердамские
Вновь попирают земли полушария.

Барсова пасть и кутья на могилушке,
Кто породнил вас, турбина с Егорием?
Видно, недаром блаженной Аринушке
Снилися маки с плакучим цикорием!

1920

397

Поле, усеянное костями,
Черепами с беззубою зевотой,
И над ними — гремящий маховиками,
Безымянный и безликий кто-то.

Кружусь вороном над страшным полем,
Узнаю чужих и милых скелеты,
И в железных тучах демонов с дрекольем,
Провожающих в тартар серные кареты.

Вот шестерня битюгов крылатых,
Запряженных в кузов, где Лады и сказки.
Господи, ужели и в рязанских хатах
Променяли на манишку ржаные Дамаски,

И нет Ярославны поплакать зегзицей,
Прекрасной Евпраксии низринуться с чадом?!.
Я — ворон, кружусь над великой гробницей,
Где челюсть ослиная с розою рядом.

Мой грай почитают за песни народа,—
Он был в миллионах годин и столетий...
На камне могильном старуха-свобода
Из саванов вяжет кромешные сети.

Над мертвою степью безликое что-то
Роило безумие, тьму, пустоту...
Глядь, в черепе утлом — осиные соты,
И кости ветвятся, как верба в цвету!

Светила слезятся запястьем перловым,
Ручей норовит облобзаться с лозой,
И Бог зеленеет побегом ветловым
Под новою твердью, над красной землей!

1920

398

Арский, Аксён Ачкасов —
Чужие далекие слова,
Отчего же, как в пестрых Яссах,
Кружится голова?

Не розы ль в голодной книжке,
В ощеренных волчьих стихах?
Не останется сердце в излишке
От сеющих язвы и страх.

Это ран дурманящий запах,
Браунинговый смертный след,
В росомашьих неслышных лапах
Убаюкан рабочий поэт.

Баю-бай! Вместо речки — уголь,
Купоросные берега!..
Эй, петля затянута ль туго
На шее у музы-врага?

Эй, заплечный рогатый мастер,
Готовь для искусства дыбу!
Стальноклювым вороном Гастев
Взгромоздился на древо-судьбу,

Клюет лучезарные дули:
Ухо Скрябина, тютчевский глаз...
В голубом васильковом июле
Свершится мужицкий сказ:

Городские злые задворки
Заметелят убийства след,
По голгофским русским пригоркам
Зазлатится клюевоцвет.

Выйдет жница в насущное поле
Жаворо́нком размыкать тоску,
В пестрядинном родном подоле
Быть душе — заревому цветку!

1920 или 1921

399

Суровое булыжное государство:
Глаза — Ладога, Онего сизоводное...
Недосказ — стихотворное коварство,
Чутье следопытное народное.

Нос мужицкий — лось златорогий
На тропе убийства, всеземного кипения...
Проказа — на солнце, лишь изб пироги
Духмяней аравийского курения.

У порога избы моей страж осьмикрылый.
О, поверьте, то не сказка, не слова построчные!
Чу, как совы, рыдают могилы...
Всё цепче, глазастее лучи восточные.

Мир очей, острова из улыбок и горы из слов,
Баобабы, смоковницы, кедры из нот:
Фа и Ля на вершинах, и в мякоть плодов
Ненасытные зубы вонзает народ.

Дарья с Вавилом качают Монблан,
Каменный корень упрям и скрипуч...
Встал Непомерный, звездистый от ран,
К бездне примерить пылающий ключ.

Чу! За божницею рыкают львы,
В старой бадье разыгрались киты...

Ждите обвала — утесной молвы,
Каменных песен из бездн красоты!

Гулы в ковриге... То стадо слонов
Дебри пшеничные топчет пятой...
Ждите самумных арабских стихов,
Пляски смоковниц под ярой луной!

<1921>

400

Псалтырь царя Алексия,
В страницах убрусы, кутья,
Неприкаянная Россия
По уставам бродит кряхтя.

Изодрана душегрейка,
Опальный треплется плат...
Теперь бы в сенцах скамейка,
Рассказы про Китеж-град,

На столе медовые пышки,
За тыном успенский звон...
Зачураться бы от наслышки
Про железный неугомон,

Как в былом, всхрапнуть на лежанке...
Только в ветре порох и гарь...
Не заморскую ль нечисть в баньке
Отмывает тишайший царь?

Не сжигают ли Аввакума
Под вороний несметный грай?..
От Бухар до лопского чума
Полыхает кумачный май.

Заметает яблонным цветом
Душегрейку, постный Псалтырь...
За плакатным советским летом
Расцветают розы, имбирь.

В лучезарье звездного сева,
Как чреватый колос браздам,
Наготою сияет Ева,
Улыбаясь юным мирам.

<1921>

401

Коровы — платиновые зубы,
Оранжевая масть, в мыке валторны,
На птичьем дворе гамаюны, инкубы —
Домашние твари курино-покорны.

Пшеничные рощи, как улей, медовы,
На радио-солнце лелеют стволы.
Глухие преданья про жатву и ловы
В столетиях брезжат, неясно-смуглы.

Двуликие девушки ткут песнопенья,
Уснова — любовь, поцелуи — уток...
Блаженна земля и людские селенья,
Но есть роковое: Начало и Срок.

Но есть роковое: Печаль и Седины,
Плакучие ивы и воронов грай,
Отдайте поэту родные овины,
Где зреет напев — просяной каравай,

Где гречневый дед — золотая улыба,
Словесное жито ссыпает в сусек!..

Трещит ремингтон, что Удрас и Барыба
В кунсткамерной банке почили навек,

Что внук Китовраса в заразной больнице
Гнусавит Ой-ра, вередами цветя...
Чернильный удав на сермяжной странице
Пожрал мое сердце, поэзии мстя.

<1921>

402

Проститься в лаптем-милягой,
С овином, где дед Велес,
Закатиться красной ватагой
В безвестье чужих небес.

Прозвенеть тальянкой в Сиаме,
Подивить трепаком Каир,
В расписном бизоньем вигваме
Новоладожский править пир.

Угостить раджу солодягой,
Баядерку сладким рожком!..
Как с Россией, простясь с бумагой,
Киммерийским журчу стихом.

И взирает Спас с укоризной
Из угла на словесный пляс...
С окровавленною отчизной
Не печалит разлука нас.

И когда зазвенит на Чили
Керженский самовар,
Серафим на моей могиле
Вострубит, светел и яр.

И взлетит душа Алконостом
В голубую млечную медь,
Над родным плакучим погостом
Избяные крюки допеть!

<1921>

403

У соседа дочурка с косичкой —
Голубенький цветик подснежный...
Громыхает, влекомо привычкой,
Перо, словно кузов тележный.

На пути колеи, ухабы,
Недозвучья — коровьи мухи.
Стихотворные дали рябы
И гнусавы рифмы-старухи.

Ах, усладней бы цветик-дочка,
Жена в родильных веснушках!..
Свернулась гадюкою точка,
Ни зги в построчных макушках.

Громыхает перо-телега
По буквам — тряским ухабам...
Медвежья хвойная нега —
Внимать заонежским бабам.

В них вече и Вольгова домбра,
Теремов слюдяные потемки...
Щекочет бесенок ребра
У соседа — рыжего Фомки.

Оттого и дочка с косичкой,
Перина, жена в веснушках...

Принижен гения кличкой,
Я — крот в певучих гнилушках.

<1921>

404

Зурна на зырянской свадьбе,
В братине знойный чихирь,
У медведя в хвойной усадьбе
Гомонит кукуший Псалтырь:

«Борони, Иван Волосатый,
Берестяный Семиглаз...»
Туркестан караваном ваты
Посетил глухой Арзамас.

У кобылы первенец — зебу,
На задворках — пальмовый гул,
И от гумен к новому хлебу
Ветерок шафранный пахнул.

Замесит Орина ковригу —
Квашня семнадцатый год...
По малину колдунью-книгу
Залучил корявый Федот.

Быть приплоду нутром в Микулу,
Речью в струны, лицом в зарю...
Всеплеменному внемля гулу,
Я поддонный напев творю.

И ветвятся стихи-кораллы,
Неявленные острова,
Где грядущие Калевалы
Буревые пожнут слова,

Где совьют родимые гнезда
Фламинго и журавли...
Как зерно залягу в борозды
Новобрачной, жадной земли!

<1921>

405

В шестнадцать — кудри да посиделки,
А в двадцать — первенец, молодица, —
Это русские красные горелки,
Неопалимая Феникс-птица.

Под тридцать — кафтан степенный,
Пробор, как у Мокрого Спаса, —
Это цвет живой, многоценный,
С луговин певца-Китовраса.

Золотые столбы России,
Китоврас, коврига и печь,
Вам в пески и устья чужие
Привелось, как Волге, истечь!

Но мерцает в моих страницах
Пеклеванных созвездий свет.
Голосят газеты в столицах,
Что явился двуглаз-поэт.

Обливаясь кровавым потом,
Я несу стихотворный крест
К изумрудным лунным воротам,
Где напевы, как сонм невест.

Будет встреча хлебного слова
С ассирийской флейтой-змеей,

И Великий Сфинкс, как корова,
На Сахару прольет удой.

Из молочных хлябей, как озимь,
Избяные взойдут коньки,
Засвирелит блеянием козьим
Китоврас у райской реки.

И под огненным баобабом
Закудахчет павлин-изба!..
На помин олонецким бабам
Эта тигровая резьба.

<1921>

406

Осыпалась избяная сказка —
Шатер под смоковницей сусальной,
На затерянном судне полярная Пасха,
Путешествие по Библии при свечке сальной!

Пересохли подлавочные хляби,
И кит-тишина с гарпуном в ласту...
В узорной каргопольской бабе
Провижу богов красоту —

Глядь, баба в парижской тальме,
Напудрен лопарский нос!..
Примерещился нильской пальме
Сельдяной холмогорский обоз.

За обозом народ-Ломоносов
В песнорадужном зипуне...
Умереть у печных утесов
Индустриальной волне,

Чтоб в коврижные океаны
Отчалил песенный флот...
Товарищи, отмстим за раны
Девы-суши и Матери-вод!

Ложесна бытия иссякли,—
В наших ядрах огонь и гром!..
Пиренеи словесной пакли
Падут под тараном-стихом.

На развалинах строк, созвучий
Каркнет ворон — мое перо,
И польется из трубной тучи
Живоносных рифм серебро!

<1921>

407

Теперь бы Казбек-коврига,
Урал — румяный омлет...
Слезотечна старуха-книга,
Опечален Толстой и Фет.

По-цыгански пляшет брошюра
И бренчит ожерельем строк.
Примеряет мадам культура
Устьсысольский яхонт-платок,

Костромские зори-сережки,
Заонежские сапожки...
Строятся филины, кошки
В симфонические полки.

Мандолина льнет к барабану —
Одалиска к ломовику...

По кумачному океану
Уплывает мое ку-ку.

Я — кукушка времен и сроков,
И коврига — мое гнездо,
А давно ль Милюков, Набоков
Выводили глухое До?!

Огневое Фа — плащ багряный,
Завернулась в него судьба...
Гамма Соль осталась на раны
Песнолюбящего раба.

<1921>

408

Солнце избу взнуздало —
Бревенчатого жеребца:
Умчимся в эскуриалы,
В глагол мирового Отца,

С Богом станем богами,
Виссонами шелестя!..
Над олбнецкими полями
Взыграло утро-дитя —

Сиамских шелков сорочка,
Карельские сапожки...
Истекла глухая отсрочка
Забубённой русской тоски:

На покосе индус в тюрбане,
Эфиоп — Вавилин приймак!
Провидит сердце заране
Живой смоковничий мрак.

И когда огневой возница
Взнуздывает избу,
Каргопольским говором Ницца
Провещает Руси судьбу:

Пустозерье кличет Харраном,
Казуарами — журавлей...
Плывут по народным ранам
Караваны солнц-кораблей.

И, внимая плескам великим,
Улыбается мать-изба,
А за печью лебяжьим криком
Замирает миров борьба.

<1921>

409

Солнце верхом на овине
Трубит в лазоревый рог...
Как и при Рюрике, ныне
Много полюдных дорог:

В Индию, в сказку, в ковригу
(Горестен гусельный кус!),
Помнит татарское иго
В красном углу Деисус.

Грезит изба Гостомыслом,
Суслом — тверёзый корец...
Братья, по ранам иль числам
Огненный ведом конец?

Наше смертельное знамя
Сладостней персей и струн,

Пляшет тигренком над нами
Юное солнце коммун!

Эво, ревун на раките,
Кафр у тунгуса в гостях,
В липовом бабьем корыте
Плещет лагуною Бах,

В избах и в барках ловецких
Пляска сидонских ковров!..
Тянет от пущ соловецких
Таборным дымом стихов.

<1921>

410

На заво́дских задворках, где угольный ад,
Одуванчик взрастает звездистою слезкой;
Неподвластен турбине незримый Царьград,
Что звенит жаворо́нком и зябликом-тезкой.

Пусть плакаты горланят: «Падите во прах
Перед углем чумазым, прожорливой домной»,
Воспарит моя песня на струнных крылах
В позапечную высь, где Фавор беспотемный,

Где отцовская дума — цветенье седин,
Мозг ковриги и скатерти девьи персты...
Не размыкать сейсмографу русских кручин,
Гамаюнов — рыдающих птиц красоты.

И вотще брат-железо березку корит,
Что, как песня, она с топором не дружна...
Глядь, в бадейке с опарою плещется кит,
В капле пота дельфином ныряет луна,

Заливаются иволги в бабьем чепце,
(Есть свирели в парче, плеск волны в жемчугах!)
Это Русь загрустила о сыне-певце,
О бизоньих вигвамах на вятских лугах.

Стих — черпак на родной соловецкой барже,
Где премудрость глубин, торжество парусов...
Я в историю въеду на звонном морже
С пододонною свитой словесных китов!

<1921>

411. Мать

Она родила десятерых
Краснозубых, ярых сынов...
В материнских косах седых
Священный сумрак лесов:

Под елью старый Велес,
Пшено и сыр на костре,
И замша тюркских небес,
Как щит в голубом серебре.

Поет заклятья шаман,
Над жертвой кудрявится дым...
Родительский талисман
В ученую лупу незрим.

И мамин еловый дух
Гербарий не полонит...
Люблю величавых старух,
В чьих шалях шумы ракит,

Чьи губы умели разжечь
В мужчине медвежий жар,

Отгулы монгольских сеч
И смертный пляс янычар!

Старушья злая любовь
Дурманнее белены,
Салоп и с проседью бровь
Таят цареградские сны:

В Софию въехал Мурат,
И Влахерн — пристанище змей...
Могуч, боговидящ и свят,
Я — сын сорока матерей!

И сорок титанов-отцов,
Как глыбу, тесали меня...
Придите из певчих сосцов
Отпить грозового огня!

<1921>

412

Узорные шаровары
Вольготней потных кузнечных...
Воронье да злые пожары
На полях родимых запечных.

Черепа по гулким печуркам,
В закомарах лешачий пляс.
Ускакал за моря каурка,
Добрый волк и друг-Китоврас.

Лучше вихорь, пески Чарджуев,
На пути верблюжий костяк...
Мы борцы, Есенин и Клюев,
За ковригу возносим стяг,

За цветы в ушах у малайца,
За кобылий сладкий удой!
Голубка́ и ржаного зайца
Нам испек Микула родной,

Оттого на песенной кровле
Воркование голубей...
Мы — Исавы, в словесной ловле
Обросли землей до грудей.

И в земле наших книг страницы,
Запятые — медвежий след!..
Не свивают гнезд жаро-птицы
По анчарным дебрям газет.

На узорчатых шароварах
Прикурнуть ли маховику?..
Лишь пучина из глубей ярых
Выплескивает строку.

<1921>

413

Повешенным вниз головою
Косматые снятся шатры
И племя с безвестной молвою
У аспидно-синей горы.

Там девушка — тигру услада,
И отрок геенски двууд...
Захлестнутым за ноги надо
Отлить из кровинок сосуд.

В нем влага желёз, сочленений
И с семенем клей позвонков...

Отрадны казенному сени
Незыблемых горных шатров.

Смертельно пеньковой тропою
Достичь материнской груди...
Повешенных вниз головою
Трещоткою рифм не буди!

<1921>

414

У вечерни два человека —
Поп да сторож в чуйке заплатанной.
На пороге железного века
Стою, мертвец неоплаканный.

Бог мой, с пузом распоротым,
Выдал миру тайны сердечные:
Дароносица распластана молотом,
Ощипаны гуси — серафимы млечные,

Расстреляны цветики на проталинках
И мамины спицы-кудесницы...
Снегурка в шубейке и валенках
Хнычет у облачной лестницы:

Войти бы в Божью стряпущую,
Где месяц — калач анисовый!..
Слезинка над жизненной пущею
Расцветет, как сад барбарисовый.

Спицы мамины свяжут Нетленное —
Чулки для мира голопятого,
И братина-море струнно-пенное
Выплеснет Садко богатого.

Выстроит Садко Избу соборную,
Подружит Верхарна с Кривополеновой
И обрядит Ливерпуль, Каабу узорную
В каргопольскую рубаху с пряжкой эбеновой!

<1921>

415

Убежать в глухие овраги,
Схорониться в совьем дупле
От пера, колдуньи-бумаги,
От жестоких книг на земле.

Обернуться малой пичугой,
Дом — сучок, а пища — роса,
Чтоб не знать, как серною вьюгой
Курятся небеса,

Как в пылающих шлемах горы
Навастривают мечи!..
Помню пагодные узоры,
Чайный сад и плеск че-чун-чи.

Гималаи видели ламу
С ячменным русским лицом...
Песнописец, Волгу и Каму
Исчерпаю ли пером,

Чтобы в строчках плавали барки,
Запятые, как осетры!?
Половецкий голос татарки
Чародейней пряжи сестры:

В веретёнце — жалобы вьюги,
Барабинская даль — в зурне...

Самурай в слепящей кольчуге
Купиной предстанет мне,

Совершит обряд харакири:
Вынет душу, слезку-звезду...
Вспомянёт ли о волжской шири
Китайчонок в чайном саду?

Домекнутся ли по Тян-Дзину,
Что под складками че-чун-чи
Запевают, ласкаясь, к сыну,
Заонежских песен ключи?

<1921>

416

Незримая паутинка
Звенит, как память, как миг...
Вьется жизненная тропинка
Перевалом пустынных книг.

Спотыкаюсь о строки-кварцы,
О кремни точек, тире.
Вотяки, голубые баварцы
Притекают к Единой Заре.

На пути капканами книги:
Тургенев, жасминный Фет...
На пламенной ли квадриге
Вознесется русский поэт?

Иль, как я, переметной сумкой
Будет мыкать горе-судьбу?
Ах, родиться бы недоумкой
Песнолюбящему рабу!

Не знать бы «масс», «коллектива»,
Святых имен на земле!..
Львиный Хлеб — плакучая ива
С анчарным ядом в стволе.

<1921>

417

Задворки Руси — матюги на заборе,
С пропащей сумой красноносый кабак,
А ветер поет о родимом Поморье,
Где плещется солнце — тюлений вожак,

Где заячья свадьба, гагарьи крестины
И ос новоселье в зобатом дупле...
О, если б в страницах златились долины,
И строфы плясали на звонкой земле!

О, если б кавычки — стада холмогорок
Сходились к перу — грозовому ручью!
Люблю песнотравный гремучий пригорок,
Где тайна пасет двоеточий семью!

Сума и ночлежка — судьбина поэта,
За далью же козлик-дымок над избой
Бодается с просинью — внучкою света...
То сон колыбельный, доселе живой.

Как раненый морж, многоротая книга
Воззвала смертельно: приди! О, приди!
И пал Карфаген — избяная коврига...
Найдет ли изменник очаг впереди

Иль в зуде построчном, в словесном позоре
Износит певучий Буслаев кафтан?..

Цветет костоеда на потном заборе —
Бесструнных годин прокаженный Коран.

<1921>

418

Запах имбиря и мяты
От парня с зелеными глазами...
Какие Припяти и Евфраты
Протекают в жилах кровями?

Не закат ли пустыни в мочках,
Леопарды у водопоя?..
В осиновых терпких почках
Есть бцет халдейского зноя,

Есть в плотничьих звонких артелях
Оттулы арабской стоянки...
Зареет в лапландских метелях
Коралловый пляс негритянки.

Кораллы на ладожской юфти —
К словесному, знать, половодью...
В церквушке узорчатый муфтий
Рыдает над ветхой Триодью.

То встреча в родимых бороздах
Зерна с земляными сосцами.
У парня в глазницах, как в звездах,
Ночное зеленое пламя,

Как будто в бамбуковых дебрях
За маткой крадутся тигрята,
И жёлчью прозябли на вербах
Имбирь и чилийская мята.

<1921>

419

Древний новгородский ветер,
Пахнущий колокольной медью и дымом бурлацких
костров,
Таится в урочищах песен,
В дуплах межстрочных,
В дремучих потемках стихов.

Думы — олбнецкие сосны
С киноварной мякотью коры,
С тульей от шапки Ивана-царевича на макушке,
С шумом гусиного перелета,
С плеском окуньим в излуке ветвей —
Живут в моих книгах до вечной поры.
Бобры за постройкой плотины,
Куницы на слежке тетерьей
И синие прошвы от лыж
К мироварнице — келье пустынной,
Где Ярые Очи — зырянский Исус
С радельной рубахой на грядке —
Вот мое сердце и знанье, и путь!

В стране холмогорской, в нерпячьем снегу,
Под старым тресковым карбасом
Нашел я поющий берестяный след
От лаптя, что сплел Ломоносов:
Горящую пятку змея стерегла,
Последье ж орлы-рыбогоны,
И пять кашалотов в поморье перстов
Познанья Скалу сторожили.

Я пламенем мозга змею прикормил,
Орлов — песнокрылою мыслью,
Пяти кашалотам дал зренье и слух,
Чутье с осязаньем и вкусом, —
Разверзлась пучина, к Познанья Скале

Лазоревый мост обнажая!
Кто раз заглянул в ягеля моих глаз,
В полесье ресниц и межбровья,
Тот видел чертог, где берестяный Спас
Лобзает шафранного Браму,
Где бабья слезинка, созвездием став,
В Медину ведет караваны,
И солнце Таити — суропный калач
Почило на пудожском блюде!

Запечную сказку, тресковую рябь,
Луну в толоконном лукошке,
У парня в серьге талисманный Памир,
В лучине — кометное пламя,
Тюрбан Магомета в старушьем чепце,
Карнак — в черемисской божнице,—
Всё ведает сердце, и глаз-изумруд
В зеленые неводы ловит!
Улов непомерный на строчек шесты
Развесила пестунья-память:
Зубатку с кораллом, с дельфином треску,
Архангельский говор с халдейским...
Глядь, вышла поэма — ферганский базар
Под сенью карельских погостов!

Пиджачный читатель скупает товар,
Амбары рассудка бездонны,
И звездною тайну страницей зовет,
Стихами — жрецов гороскопы.
Ему невдомек, что мой глаз-изумруд —
Зеленое пастбище жизни!

<1921>

420

На помин олóнецким бабам
Воскуряю кедровый стих...

Я под огненным баобабом
Мозг ковриги и звезд постиг.

Есть Звезда Квашни и Сусека,
Материнской пазушной мглы...
У пиджачного человека
Не гнездятся в сердце орлы.

За резцами не вязнут перья
Пеклеванных драчливый стай...
Не магнит, а стряпка-Лукерья
Указует дорогу в рай.

Там сосцы тишины и крынки
С песенным молоком...
Не поэты ли сиротинки,
Позабывшие Отчий дом?

Не по ним ли хнычет мутовка,
Захлебываясь в дрожжах?..
Как словесная бронза ковка
Шепелявой прозе на страх!

Раздышалась мякишем книга,
Буква «ша» — закваска в пере,
И Казбеком блещет коврига
Каравану пестрых тире.

<1921>

421

«Тридцать три года, тридцать три», —
Это дудка няни-зари,
Моей старой подруги...
Первый седой волос

И морщинок легкие дуги —
Знак, что и в мою волость
Приплетутся гости-недуги:
Лихорадка — поджарая баба,
Костолом — сутулый бродяга...
В тени стиха-баобаба
Залегла удавом бумага.
Под чернильным солнцем услада
Переваривать антилопу-чувства...
Баобабы — пасынки сада
Неувядаемого искусства.
В их душе притаились пумы,
Каннибалов жадный поселок,
Где треплются скальпы-думы
У божничных свирепых полок,
Где возмездие варит травы
Напитывать стрелы ядом,
И любовь — мальчонка чернявый
С персиковым сладким задом.
В тридцать три года норов
Лобызать, как себя, мальчонка...
Отныне женщине боров
Подарит дитя-свинёнка,
И не надобна пупорезка
Полосатой тигровой самке...
Песнословного перелеска
Не ищите в славянской камке:
Питомец деда-Онега
Отведал Львиного Хлеба!
Прощайте, изба, телега —
Моя родная потреба!
Лечу на крыльях самума —
Коршуна, чье яйцо Россия,
В персты арабского Юма,
В огни и флейты степные!
Свалю у ворот Судана

Вязанку стихов овинных...
Олонецкого баяна
Возлюбят в шатрах пустынных,
И девушки-бедуинки
В «Песнослов» окунут кувшины...
Не ищите меня на рынке,
Где ярятся бесы-машины,
Где, оскаля шрифтные зубы,
Взвизгивает газета!..
В зрачках чернокожей любы
Заплещет душа поэта,
И заплачут шишками сосны
Над моей пропащей могилой...
Тридцать третий год високосный
Вздувает ночи ветрило.
Здравствуй, шкипер из преисподней!
Я — кит с гарпуном в ласту,
Зову на пир новогодний
Дьяволицу-красоту!
Нам любо сосать в обнимку
Прогорклый собственный хвост,
Пока и нашу заимку
Хлестнет пургою погост.

Март—апрель 1921

422

Сергею Есенину

В степи чумацкая зола —
Твой стих, гордынею остужен!
Из мыловарного котла
Тебе не выловить жемчужин.

И груз «Кобыльих кораблей» —
Обломки рифм, хромые стопы.

Не с коловратовых полей
В твоем венке гелиотропы, —

Их поливал Мариенгоф
Кофейной гущей с никотином...
От оклеветанных голгоф —
Тропа к иудиным осинам.

Скорбит рязанская земля,
Седея просом и гречихой,
Что, перелесицы трепля,
Парит есенинское лихо.

Оно, как стая воронят
С нечистым граем, с жадным зобом,
И опадает песни сад
Над материнским строгим гробом.

В гробу пречистые персты,
Лапотцы с посохом железным, —
Имажинистские цветы
Претят очам многоболезным.

Словесный брат, внемли, внемли
Стихам — берестяным оленям:
Олбнецкие журавли
Христосуются с «Голубенем».

«Трерядница» и «Песнослов» —
Садко с зеленой водяницей!
Не счесть певучих жемчугов
На нашем детище — странице.

Супруги мы... В живых веках
Заколосится наше семя,
И вспомнит нас младое племя
На песнотворческих пирах!

Март—апрель 1921

423

Николаю Ильичу Архипову

Портретом ли сказать любовь,
Мой кровный, неисповедимый!..
Уж зарумянилась морковь,
В рассоле нежатся налимы,

С бараньих почек сладкий жир,
Как суслик, прыскает свечою,
И вдовий коротает пир
Комар за рамою двойною.

Салазкам снится, что зима
Спрядает заячью порошу...
Глядь, под окном свалила тьма
Лохмотьев траурную ношу!

Там шепелявит коленкор
Подслеповатому глазету:
«Какой великопостный сор
Поэт рассыпал по портрету!

Как восковина строк горька,
Горбаты буквы-побирушки!..»
О, только б милая рука
Легла на смертные подушки!

О, только б обручить любовь
Созвучьям — опьяненным пчелам,
Когда кровавится морковь,
И кадки плачутся рассолом!

8 апреля 1921

424

Умирают звезды и песни,
Но смерть не полнит сумы...
Самоцветный лебедь Воскресни
Гнездится в недрах тюрьмы.

Он, сосцов девичьих алее,
Ловит рыбок — чмоки часов...
Нож убийцы и цепи злодея
Знают много воскресных слов.

И на исповеди, перед казнью,
Улей-сердце выводит пчел,
Над смертельной слезой, над боязнью
Поцелуйный реет орел.

Оборвутся часов капели,
Как луга, омыв каземат,
Семисвечником на постели
Осенит убийцу закат.

И с седьмого певчего неба
Многовзорный скатился Глаз,
Чтобы душу черней Эреба
Спеленать в лазурный атлас.

А за ним Очиститель сходит
С пламенеющею метлой,
Сор метет и пятна выводит,
Хлопоча, как мать, над душой.

И когда улыбка дитяти
Расплещет губ черноту,
Смерть-стрелок в бедуинском плате
Роковую ставит мету.

Апрель—май 1921

425

Меня хоронят, хоронят
Построчная тля, жуки
Навозные проворонят
Ледоход словесной реки!

Проглазеют моржа златого
В половодном разливе строк,
Где ловец — мужицкое слово
За добычей стремит челнок!

Погребают меня так рано
Тридцатилетним бородачом,
Засыпают книжным гуано
И брюсовским сюртуком.

Сгинь, поджарый! Моя одёжа —
Пестрядь нив и ржаной атлас.
Разорвалась тучами рожа,
Что пасла, как отары, нас.

Я — из ста миллионов первый
Гуртовщик златорогих слов,
Похоронят меня не стервы,
А лопаты глухих веков!

Нестерпим панихидный запах...
Мозг бодает изгородь лба...
На бревенчатых тяжких лапах
Восплясала моя изба.

Осетром ныряет в оконцах
Краснобрюхий лесной закат, —
То к серпу на солнечных донцах
Пожаловал молот-брат.

И зажглись словесные клады
По запечным дебрям и мхам...
Стихотворные водопады
Претят бумажным жукам.

Не с того ль из книжных улусов
Тянет прелью и кизяком?
«Песнослову» грозится Брюсов
Изнасилованным пером.

Но ядрён мой рай и чудесен —
В чаще солнца рассветный гусь,
И бадьею омуты песен
Расплескала поморка-Русь!

Апрель-ноябрь 1921

426

Григорий Новых цветистей Бессалько,
В нем глубь Байкала, смётка бобров.
От газетной ваксы и талька
Смертельно выводку слов.

Пересыплют в «Известиях» Кии
Перья сиринов сулемой,
И останутся от России
Кандалы с пропащей сумой.

Ни соловки, ни зѐлена сада,
Только шишки да бедный Макар...
Из чернильного водопада
Вытекает речка Товар,

Вниз по быстрой плывет ватага
Буквенной голытьбы...

Словно туча, застит бумага
Лик Коммуны и русской судьбы.

Утопает в построчной ваксе
Златоствольный искусства сад,
И под Смольным сюртук на Марксе
Продырявил брошюрный град.

Брат великий, сосцы овина
Пеклеванный взрастили цвет,
Избяных напевов ряднина
Свяжет молот и злак в букет.

Разгадать ли красную тайну
Кляксопапировым ведунам?
От Печоры на Буг и Майну
Мчится всадник — Ржаной Хирам.

То строитель звездных просонок, —
Всеплеменной песни — избы...
Не Садко, а шрифтный бесенок
Баламутит глуби судьбы.

Май 1921

427

Петухи горланят перед солнцем,
Пред фазаньим лучом на геранях...
Над глухим бревенчатым Олóнцем
Небеса в шамаханских тканях.

И не верится, что жизнь — обида
С бесхлебицею и бестишьем, —
Это возводится Семирамида
Поверьем солнечным, вышним.

Тяжек молот, косны граниты,
В окровавленных ризах зодчий...
Полюбил кумач и бархат рытый,
Как напев, обугленный рабочий.

Только б вышить жребий кумачный
Бирюзой кокандской, смирнским шёлком,
Чтобы некто чопорно-пиджачный
Не расставил Громное по полкам,

Чтобы в снедь глазастым микроскопам
Не досталась песня, кровь святая!..
В белой горенке у протопопа
Заливается тальянка злая.

Кривобоки церковь и лавчонки,
Позабыв о купле, Божьих данях...
Петухи горланят вперегонки
О фазаньем солнце на геранях.

<1921>

428

Придет караван с шафраном,
С шелками и бирюзой,
Ступая по нашим ранам,
По отмели кровяной.

И верблюжьи тяжкие пятки
Умерят древнюю боль,
Прольются снежные Святки
В ночную арабскую смоль.

Сойдутся вятич в тюрбане,
Поморка в тунисской чадре,

В незакатном новом Харране
На Гор Лучезарной Горе.

Переломит Каин дубину
Для жертвенного костра,
И затопит земную долину
Пылающая гора.

Города журавьей станицей
Взбороздят небесную грудь,
Повенец с лимонною Ниццей
Укажут отлетный путь.

И не будет песен про молот,
Про невидящий маховик,
Над Сахарою смугло-золот
Прозябнет России лик —

В шафранных зрачках караваны
С шелками и бирюзой,
И дремучи косы-платаны,
Целованные грозой.

<1921>

429

Дремлю с медведем в обнимку,
Щекою на доброй лапе...
Дозорит леший заимку
Верхом на черном арапе.

Слывя колдуном в округе,
Я — пестун красного клада,
Где прялка матери-вьюги
И ключ от Скимена-града!

Не знают бедные люди,
Как яр поцелуй медвежий!..
Луна — голова на блюде,
Глядится в земные вежи.

И видят: поэт медведя
Питает кровью словесной...
Потомок счастливый Федя
Упьется сказкой чудесной,

Прольет в хвою «Песнослова»
Ресниц живые излуки...
В тиши звериного крова
Скулят медвежата-звуки.

Словить бы Си, До для базара,
Для ха-ха-ха Прова и Пуда!
От книжного злого угара
Осыпалось песни чудо.

И только Топтыгина лапой
Баюкать старые боли...
О буквенный дождик, капай
На грудь родимого поля!

Глаголь, прорасти васильками,
Добро — золотой медуницей,
А я обнимусь с корнями
Землею — болезной сестрицей!

19 ноября 1921

430

Потемки — поджарая кошка
С мяуканьем ветра в трубе,

И звезд просяная окрошка
На синей небесной губе.

Земля не питает, не ро́бит,
В амбаре пустуют кули,
А где-то над желтою Гоби
Плетут невода журавли,

А где-то в кизячном улусе
Скут пряжу и доят овец...
Цветы окровавленной Руси —
Бодяга и смертный волчец.

На солнце, саврасом и рябом,
Клюв молота, коготь серпа...
Плетется по книжным ухабам
Годов выгребная арба.

В ней Пушкина череп, Толстого,
Отребьями Гоголя сны,
С *Покоем* горбатое *Слово*
Одрами в арбу впряжены.

Приметна ль вознице сторожка,
Где я песноклады таю?..
Потемки — подражая кошка,
Крадутся к душе-воробью.

1921 или 1922

431

Заутреня в татарское иго
В церквушке, рубленной в лапу,
На плате берестяная книга
Живописную теплит вапу.

Пирогощая точит гривны —
Кровинки с козельской сечи,
За хоробрую Тверь и Ливны
Истекли огневицей свечи.

Полегли костями Буслаи
На далекой ковыльной Калке...
За оконцем вороньи граи
Да девичий причит жалкий.

Христофор с головой собаки
С ободверья возлаял яро,
В княженецкой гридне баскаки
Осквернили кумысом чары.

Пирогощая плачет зернью
Над кутьей по красном Мстиславе,
Прозревая раннюю обедню
В агарянское злое иго...

1921

432. Гитарная

Вырастает и на теле лебеда,
С Невидимкой шепелявя и шурша,
Это чалая колдунья-борода,
Знак, что вызрела полосынька-душа!

Что, как брага, яры соки в бороздах,
Ярче просини улыбок васильки!..
Говорят, Купало пляшет в бородах,
А в моей гнездятся вороны тоски!

Грают темные: «Подруга седина,
Допрядай свою печальную кудель!

Уж как нашему хозяину жена
В новой горнице сготовила постель».

За оконцем, оступаясь и ворча,
Бродит с заступом могильщик-нелюдим!..
Тих мой угол, и лежанка горяча,
Старый Васька покумился с домовым.

Неудача верезжит глухой Беде:
«Будь, сестрица, с вороньем настороже!..»
Глядь, слезинка расцвела на бороде —
Василек на жаворо́нковой меже!

1921 или 1922

433

Стариком, в лохмотья одетым,
Притащусь к домовой ограде...
Я был когда-то поэтом,
Подайте на хлеб Христа ради!

Я скоротал все проселки,
Придорожные пни и камни!..
У горничной в плоёной наколке
Боязливо спрошу: «Куда мне?»

В углу шарахнутся трости
От моей обветренной палки,
И хихикнут на деда-гостя
С дорогой картины русалки.

За стеною Кто и Незнаю
Закинут невод в Чужое...
И вернусь я к нищему раю,
Где Бог и Древо печное.

Под смоковницей солодовой
Умолкну, как Русь, навеки...
В мое бездонное слово
Канут моря и реки.

Домовину оплачет баба,
Назовет кормильцем и ладой...
В листопад рябины и граба
Уныла дверь за оградой.

За дверью пустые сени,
Где бродит призрак костлявый,
Хозяин Сергей Есенин
Грустит под шарманку славы...

1921 или 1922

434

От иконы Бориса и Глеба,
От стригольничьего Шестокрыла
Моя песенная потреба,
Стихов валунная сила.

Кости мои от Маргарита,
Кровь — от костра Аввакума.
Узорнее аксамита
Моя золотая дума:

Чтобы Русь, как серьга, повисла
В моем цареградском ухе...
Притекают отары-числа
К пастуху — дырявой разрухе.

И разруха пасет отары
Татарским лихим кнутом,

Оттого на Руси пожары
И заплакан родимый дом.

На задворках, в пустом чулане,
Бродит оторопь, скрёб и скок,
И не слышно песенки няни
На крылечке, где солнопёк.

Неспроста и у рябки яичко
Просквозило кровавым белком...
Громыхает чумазый отмычкой
Над узорчатым тульским замком.

Неподатлива чарая скрыня,
В ней златница — России душа,
Да уснул под курганом Добрыня,
Бородою ковыльной шурша,

Да сокрыл Пересвета с Ослябей
Голубой Богородицын плат!..
Жемчугами из ладожской хляби
Не скудеет мужицкий ушат.

И желанна великая треба,
Чтоб во прахе бериллы и шелк
Пред иконой Бориса и Глеба
Окаянный поверг Святополк!

1921 или 1922

435–436. Вавила

Н. И. А-ву

1

Вернуться с оленьего извоза,
С бубенцами, с пургой в рукавицах,

К печным солодовым грозам,
К ржаным и щаным зарницам,

К черемухе белой — жёнке,
К дитяти — свежéй поляны.
Овчинные жаворóнки
Поют, горласты и рьяны.

За трапезой гость пречудный —
Сермяжное солнце в крыльях...
Почил перезвон погудный
На Прохорах и Васильях.

С того ль у Маланьи груди
Брыкасты, как оленята?
В лапотном лыковом гуде
Есть мед и мучная сата.

Вскисайте же, хлебные недра —
Микуловы отчие жилы!
Потемки и прáзелень кедра
Зареют в зрачках у Вавилы.

И крыльями плещет София —
Орлица запечных ущелий,
То вещая пряха — Россия —
Прядет бубенцы и метели.

2

Карельские зори раскосы и рябы,
Дорожное вымя — бугры и ухабы,
Их доят сутёмки — в повойниках бабы.
Подойник — болотце, где рыжий удой
Взбивает мутовкою дед-лесовой,
Чтоб маслилось вёдро — калач золотой,

Чтоб дался саврасый буланой кобыле
И груди кочанные мальцу — Вавиле...
Карельские зори — ширинки в бучиле,
Всенощная марь — молодуха на сносях, —
Запуталась ель в солодовых волосьях,
Родиться бы нивой в гремучих колосьях,
Чтоб баба могутная ярым серпом
Сразила напевы на поле мирском:
Их ждет мужичище — столикий Пахом,
Их ждет на полатях кудрявый Васятка...
Дубленые зори — заклятая кадка,
Где миру вскисает созвучий разгадка...
Карельские зори любимы тобой,
Стихов моих пестун и брат дорогой!

1921 или 1922

437

Ленин на эшафоте,
Два траурных солнца — зрачки,
Неспроста журавли на болоте
Изнывают от сизой тоски.

И недаром созвездье Оленя
В Южный Крест устремило рога...
Не спасут заклинанья и пени
От лавинного злого врага!

Муравьиные косные силы
Гасят песни и пламя знамен...
Волга с Ладогой — Ленина жилы,
И чело — грозовой небосклон.

Будет буря от Камы до Перу,
Половодье пророчит Изба,
Убегут в гробовую пещеру
Черный сглаз и печалей гурьба!

Свет, как очи, взойдет над болотом,
Где тоскуют сердца-журавли.
По лесным глухариным отлетам
Узнаются раздумья земли.

Ленин — птичья октябрьская тяга,
Щедрость гумен, янтарность плодов...
Словно вереск дымится бумага
От шаманских, волхвующих слов.

И за строчками тень эшафота —
Золотой буреломный олень...
Мчатся образы, турья охота
В грозовую страничную сень.

1921 или 1922

438

От березовой жилы повытекла Волга,
Из медвежьего зуба Звенигород слажен...
Аксамиты напевов коротко иль долго
Будет мерить оравами бумажн<ая> сажень.
По ораве поминки — смола да горнило,
Черномазым потёмки — невесте атласы,
Шалапыгу наторя — подымаю кропило
На комолого беса из буден саврасых,
Чу! скулит колченогий... Просонки да храпы
Не избыть кацеёй с аравийским тимьяном...
Я хочу песнословить рублёвские вапы,
Заозерье перстов под гагарьим туманом.
Я хочу аллилуить, как вёсны, Андрея,
Как сорочьи пролетья, овчинные зимы.
Не тебе, самоварное пузо — Рассея,
Мечут жемчуг и лал заревые налимы.
Не тебе в хлеборобье по теплым овинам
Паскараги псалмят, гомонят естрафили.

Куманике лиловой да мхам журавиным
Эти свитки берёсты, где вещие были...
Куманике глазастой, на росной олифе
Любо ассис<т> творить, зеленец с полуярью, —
То начальные вапы «Сказанья о Сифе»,
О лопарской свирели про тундру комарью.
Там олений привал, глухариные токи,
На гагарьем желтке ягелёвый бакан,
Чтобы охрить икону «Звезда на Востоке»,
Щиплет гуся на снедь — ледовитый туман.
Челмогорский Кирилл, Иринарх соловецкий,
Песнолебедь Макарий на Желтых Водах,
Терем красок невидимых, рубленый, клецкий,
С ароматом столетий в дремучих углах.
Имена — в сельделовы озерные губы,
Что теребят, как парус, сосцы красоты...
Растрепала тайга непогодные чубы,
Молодя листопад и лесные цветы, —
То горящая роспись «Судище Христово».
Зверобойная желть и кленовый багрец.
Поселились персты и прозренья Рублёва
Киноварною мглой в избяной поставец.
«Не рыдай мене Мати» — зимы горностаи,
Всплески кедровых рук и сосновых волос:
Умирая в снегах, мы прозябнем в Китае,
Где жасмином цветет «Мокробрадый Христос».
Умирая в снегах, мы бездомны и наги...
До избы невечерней, где красок восход,
<Нрзб> не Рим и не колокол в Праге
Табунами напевов влекомый народ.
Барабинские шляхи, бесследье Турана
Убаюканы лаптем, тверским бадожком.
Есть икона: змея и глава Иоанна
Перевязаны розой, как брачным венцом.
Это бцет Руси: ложесна Даниила
С карим коршуном в браке — с Андрея брадой.

Про любовь-купину от Печоры до Нила
Ткут морянки молву, гаги — гам голубой.
И в гусиных капканах, как строки, недаром
Серебрятся пушинки и птичья слюна, —
То «Зачатия» образ, где звездным гагарам
Топит жёлчь и молоки китовья луна.
У поморской луны есть притин поддонный:
Ядра — Маточкин Шар, пуп — белужий Вайгач
Ледовитой Любви пресвятые иконы
Знает белый Топтыгин да Стеньки палач.
Окунаюсь в стихи, чтобы стать топором,
Чтобы Разина кровь расплескать языком,
О ретивую печень точить лезвие —
Лебединую нежность и сердце мое.

О блаженном Рублёве янтарь и финифть,
Хризолиты раздумий спрядаются в нить,
Глядь, и милого слезки — глаза Василько
В самоцветную гривну вплелися легко,
И березовый садик щегленком запел,
Что «Тридневен во гробе» — любимых удел.

Из калиновой жилы повытекла Выга,
Что Данилову с Лексой купать седины.
Пеклеванным железом указует Коврига
Первопуток в узор, в златошвейню луны.
Там по камчатым взморьям цветет атлабас,
Птицы — нитка с иглой — ловят яхонт и лал.
Есть раздумий челны, сновидений баркас,
Что дозорят сердца, как священный Байкал,
У сибирских дорог есть уста и сосцы,
Их целует и пьет забубённый народ...
Оттого ясноглазые Руси певцы
Любят хлебный румянец и липовый мед...

1921 или 1922

439

Будут ватрушки с пригарцем,
Малиновки за окном,
И солнце усыплет кварцем
Бугор с веселым крестом.

Под ним с мощами колода,
Хризопраз — брада и персты...
Дивен образ: Дева-Свобода
Возлагает на крест цветы.

Уж бессмертные трутся краски,
Колыбель укрыла творца.
Веретённые бабьи сказки
На пиру у струн и резца.

Чу! Застольные братские клики!
Гости Лопь, чародейный Сиам,
И в венце из лесной повилики
Входит сказка в лазоревый храм.

Обернулись в тимпаны ватрушки
(Вкусен звук — с творогом поставец),
Мимо вещей олóнецкой кружки
Не прольется столетий конец.

1922

440

Ни песня, ни звон покоса
Услада в нежной тоске...
Щуренком плещется просо
В развалистом котелке.

Мигает луковый уголь —
Зеленый лешачий глаз...

Любовницу ли, супруга ль
Я жду в нестерпимый час?

И кому рассказать, кому бы,
Чтоб память цвела века,
Как жадны львиные губы,
Берестяная щека!

Всё ведают очи Спаса —
Фиалковые моря...
На свист просяного бекаса
Скрипят часов якоря.

Предтеча светлого гостя —
Гремит запечный прибой...
Под виселицей на помосте
Не слаще встреча с тобой.

Поцелуем Перовской Софии
Приветствую жениха...
Вспахала перси России
Пылающая соха.

Бессмертны колосья наши
На ниве, где пала кровь.
Мы пьем из бцетной чаши
Малиновую любовь.

3 июня 1922

441

Н. Архипову

Не ласкай своего Ильюшу
Под рябиновый листопад.
Не закликать зяблика-душу
В сырой обглоданный сад.

И в худых бескровных ладошках,
Что выпил голодный год,
Не стукнет ставней сторожка
На папин милый приход.

Овдовеет диван семейный
Без стихов, без гостя в углу,
И ресницею златовейной
Не разбудит лампадка мглу.

Черный ангел станет у двери
С рогатым тяжким ковшом,
Чтоб того, кто любви не верил,
Напоить смердящим вином,

Чтоб того, кто в ржаных просонках
Не прозрел Господних чудес,
Укачал в кровавых пеленках
С головою ослиной бес:

«Баю-бай, найденыш любимый,
Не за твой ли стыд и кураж
Ворота Четвертого Рима
Затворил белокрылый страж?»

Не ласкай своего Ильюшу
С сукровицей на руках,
Захворала лампа коклюшем
На наших святых вечерах.

И ширяют тени-воро́ны
Над сраженным богатырем,
Но повиты мои иконы
Повиликой и коноплем.

Как будто гречневым златом
Полны приго́ршни гумна,

И почила над полем сжатым
Рябиновая тишина.

Октябрь 1922

442

Люблю поленницу дров,
Рогожу на полу мытом,
И в хлеву над старинным корытом
Соломенный жвак коров.

Солома — всему укрепа,
Хлеб — вселенская голова.
Вымолотят слова
Труда золотые цепи.

И не будет коровий сап
Оглашать страниц лукоморья,
Прискачет черный арап
На белом коне Егорья.

Бель и чернь — родная душа...
Окровавлены ангелов руки.
Овце, многочадной суке,
Уготован мир шалаша.

Вороне — птенец носатый
Сладкозвучнее веретена...
Киноварной иглой весна
Узорит снегов заплаты.

Половеет лыко и таль.
Дух медвежий от зимней шубы.
И прясть сутемёнкам любо
Березовую печаль.

Душа всещедро тверда,
Как ток, цепами убитый,
Где смуглый Ангел труда
Молотит созвучий жито.

<1922>

443

Не буду писать от сердца,
Слепительно вам оно!
На ягодицах есть дверца —
Гнилое болотное дно.

Закинул чертенок уду
В смердящий водоворот,
Чтоб выловить слизи груду,
Бодяг и змей хоровод.

Это новые злые песни —
Волчий брёх и вороний грай...
На московской кровавой Пресне
Не взрастет словесный Китай,

И не склонится Русь-белица
Над убрусом, где златен лик...
По-речному таит страница
Лебединый отлетный крик.

Отлетает Русь, отлетает
С косогоров, лазов, лесов,
Новоселье в желтом Китае
Справят Радонеж и Саро́в.

На персты Андрея Рублёва
Алевастры прольет Сиам,

Обретая родину, снова
Мы вернемся к волжским лугам.

Под соборный звон сенокоса,
Чумаки в бандурном, родном,
Мы ключи и Стенькины плёса
Замесим певучим пшеном.

И, насытясь песней сердечной,
Мы, как улей — нектар и смоль,
Убаюкаем в зыбке млечной
Золотую русскую боль.

30 июля 1925

444. Богатырка

Моя родная богатырка —
Сестра в досуге и в борьбе,
Недаром огненная стирка
Прошла булатом по тебе!

Стирал тебя Колчак в Сибири
Братоубийственным штыком,
И голод на поволжской шири
Костлявым гладил утюгом.

Старуха — мурманская вьюга,
Ворча, крахмалила испод,
Чтоб от Алтая и до Буга
Взыграл железный ледоход.

Ты мой чумазый осьмилеток,
Пропахший потом боевым,
Тебе венок из лучших веток
Плетут Вайгач и теплый Крым.

Мне двадцать пять, крут подбородок
И бровь моздокских ямщиков,
Гнездится красный зимородок
Под карим бархатом усов.

В лихом бою, над зыбкой в хате,
За яровою бороздой
Я помню о суконном брате
С неодолимою звездой!

В груди, в виске ли будет дырка —
Её напевом не заткнешь...
Моя родная богатырка,
С тобой и в смерти я пригож!

Лишь станут пасмурнее брови,
Суровее твоя звезда...
У богатырских изголовий
Шумит степная лебеда.

И улыбаются курганы
Из-под отеческих усов
На ослепительные раны
Прекрасных внуков и сынов.

Декабрь 1925

445. Ночная песня

За невской тихозвонной лаврой,
Меж гробовых забытых плит,
Степной орел — Бахметьев храбрый,
Рукой предательской зарыт.

Он в окровавленной шинели,
В лихой папахе набекрень,

Встряхнуть кудрями цепче хмеля
Богатырю смертельно лень,

Не повести смолистой бровью,
Не взвить двух ласточек-ресниц.
К его сырому изголовью
Слетает чайкой грусть звонниц.

По-матерински стонет чайка
Над неоплаканной судьбой,
И темень — кладбища хозяйка,
Скрипит привратной щеколдóй.

Когда же невские буксиры
Угомонит глухой ночлег,
В лихой папахе из Кашмира
Дозорит лавру человек.

Он улыбается на Смольный —
Отвагой выкованный щит,
И долго с выси колокольной
В ночные улицы глядит.

И траурных касаток стая
Из глуби кабардинских глаз
Всем мертвецам родного края
Несет бахметьевский приказ:

Не спать под крышкою сосновой,
Где часовым — косматый страх,
Пока поминки правят совы
На глухариных костяках.

По русским трактам и лядинам
Шумит седой чертополох,
И не измерена кручина
Сибирских каторжных дорог.

У мертвецов одна забава —
Звенеть пургой да ковылем.
Но только солнечная пава
Блеснет лазоревым крылом, —

На тиховейное кладбище
Закинет невод угомон,
Буксир сонливый не отыщет
Ночного витязя затон.

Лишь над пучиной городскою,
Дозорным факелом горя,
Лассаль гранитной головою
Кивнет с проспекта Октября.

Кому поклон — рассвету ль мира,
Что вечно любит и цветет,
Или папахой из Кашмира
Вождю пригрезился восход?

И за провидящим гранитом
Поэту снится наяву,
Что горным розаном-джигитом
Глядится утренник в Неву.

Апрель 1926

446

Милый друг, из Святогорья
Ни улыбки, ни письма.
На божнице лик Егорья
Застит сумерек косма.

Ты у папы и у мамы —
«На вакациях студент»,
Вечер пушкинский «тот самый»
Облака плетет из лент.

Я с тобой... Махоркой вея
В грудь плакатных парусов,
Комсомольская Рассея
Отошла от берегов.

Как в былом, у печки мама,
Дух пшеничный избяной —
Распахнем же настежь раму
В звон зеленый полевой!

Погляди, как вьются бойко
Трясогузки над прудом,
Хворь мою с больничной койкой
Жданой свахой назовем,

Только б ран моих касались
Чудотворные персты...
Солнце жгло, гроза ли мчалась,
Смяв жасминные кусты.

Только я влюблен, как речка,
В просинь, ивы, облака,
Обручальное колечко
Шлю тебе издалека.

Если ж стих пустой игрушкой
Прозвенит душе твоей,
Выпью с горя, где же кружка —
Сердцу будет веселей!

<1926>

447

Не буду петь кооперацию:
Ситец да гвоздей немного,

Когда утро рядит акацию
В серебристый плат, где дорога.

Не кисти Богданова-Бельского —
Полезности рыжей и са́женной,
Отдам я напева карельского
Чары и звон налаженный.

И мужал я, и вырос в келии
Под брадою отца Макария,
Но испить Тицианова зелия
Ну́дит моя татария.

Себастьяна, пронзенного стрелами,
Я баюкаю в удах и в памяти,
Упоительно крыльями белыми
Ран касаться, как инейной замяти.

Старый лебедь, я знаю многое,
Дрёму лилий и сны Мемфиса,
Но тревожит гнездо улогое
Буквоедная злая крыса,—

Чтоб не пел я о Тициане —
Пляске арф и живых громах.
Как стрела в святом Себастьяне,
Звенит иное в стихах.

Овчинный омут полатей,
В ночи стокрылый петух,
И за лыками дед Кондратий,
Провидец бурь и засу́х.

В удоях кедры-коровы
Рогатей купальских лун,
В избе же клюевословы
Мерят зарю-зипун.

Но в словесных взвивах и срывах,
Себастьянов испив удел,
Из груди не могу я вырвать
Окаянных ноющих стрел!

1926

448–451. Новые песни

I
Ленинград

В излуке Балтийского моря,
Где невские волны шумят,
С косматыми тучами споря,
Стоит богатырь — Ленинград.

Зимой на нем снежные латы,
Метель голубая в усах,
Запутался месяц щербатый
В карельских густых волосах.

Румянит мороз ему щеки,
И ладожский ветер поет
О том, что апрель светлоокий
Ломает по заводям лед,

Что скоро сирень на бульваре
Оденет лиловую шаль
И сладко в матросской гитаре
Заноет горячий «Трансваль».

Когда же заря молодая
Багряное вздует горно —
Великое Первое мая
В рабочее стукнет окно.

Взвалив себе на спину трубы,
На площади выйдет завод.
За ним Комсомол краснозубый —
Республики пламенный мед.

И Армии Красной колонны,
Наш флот — океану собрат —
Пучиной стальной, непреклонной
На Марсово поле спешат.

Там дремлют в суровом покое
Товарищей подвиг и труд,
И с яркой гвоздикой левкои
Из ран благородных растут.

Плющом Володарского речи
Обвили могильный гранит...
Печаль об ушедших далече,
Как шум придорожных ракит.

Люблю Ленинград в богатырке
На каменном тяжком коне;
Пускай у луны-поводырки
Мильоны сестер в вышине, —

Звезда Октября величавей
Стожаров и гордых комет...
Шлет Ладога смуглой Мораве
С гусиной станицей привет.

И слушает Рим семихолмный,
Египет в пустынной пыли,
Как плавят рабочие домны
Упорную печень земли,

Как с волчьей метелицей споря,
По-лоцмански зорко лобат,

У лысины хмурого моря
Стоит богатырь — Ленинград.

Гудят ему волны о крае,
Где юность и Мая краса,
И ветер лапландский вздувает
В гранитных зрачках паруса.

2

Застольная

Мои застольные стихи
Свежей подснежников и хмеля.
Знать, недалеко до апреля,
Когда цветут лесные мхи...
Мои подснежные стихи!

Не говори, что ночь темна,
Что дик и взмылен конь метели,
И наш малютка в колыбели
Не встрепенется ото сна...
Не говори, что жизнь темна!

О, позабудь глухие дни,
Подвал обглоданный и нищий,
Взгляни, дорога и кладбище
В сосновой нежатся тени...
О, позабудь глухие дни!

Наш мальчуган, как ручеек,
Журчит и вьется медуницей,
И красным галстуком гордится —
Октябрьский яростный дичок...
Наш мальчуган, как ручеек!

Ах, в сердце ноет, как вино,
Стрела семнадцатого года,
Когда весельем ледохода
Пахнуло в девичье окно...
Ах, сердце — лютое вино!

Не говори, моя Сусанна,
Что мы старей на восемь лет,
Что оплешивел твой поэт
От революции изъяна...
Не опуская ресниц, Сусанна!

В твою серебряную свадьбу,
У обветшалых клавесин,
Тебе споет красавец-сын
Не про Татьянину усадьбу —

Про годы бурь и славных ран,
Про человеческие муки,
Когда как бор шумели руки,
Расплескивая океан...
Наш сын — усатый мальчуган!

Друзья, прибой гудит в бокалах
За трудовые хлеб и соль,
Пускай уйдет старуха-боль
В своих дырявых покрывалах...
Друзья, прибой гудит в бокалах!

Наш труд — широкоплечий брат
Украсил пир простой гвоздикой,
Чтоб в нашей радости великой,
Как знамя рдел октябрьский сад...
Наш труд — широкоплечий брат!

Чу! Неспроста напев звучит
Подоблачной орлиной дракой

И крыльями в бессильном мраке
Взлетают волны на гранит, —
Орлиный мир, то знает всякий,
Нам жизнь в грядущем подарит!

3

Сегодня празднество у домен,
С рудой целуется багрец,
И в глубине каменоломен
Запел базальтовый скворец.

У антрацита лоска кожа, —
Он — юный негр, любовью пьян,
Клубится дымная рогожа
Из труб за облачный бурьян.

Есть у завода явь и небыль,
Железный трепет, чернь бровей...
Портретом Маркс, листовкой Бебель
Гостят у звонких слесарей.

О, неизведанных Бразилий
Живая новь — упругость губ!..
Люблю на наковальном рыле
Ковать борьбы горящий зуб.

Лебедок когти, схваты, сглазы,
Сады из яблонь гвоздяных,
Чтобы орленком черномазым
Тонуть в пучинах городских.

Играть страницей жизнетома
От Повенца до Сиракуз,
Как бородою Совнаркома,
Мир — краснощекий карапуз.

4

Я, кузнец Вавила,
Кличка — Железня,
Рудовая сила
В жилах у меня!

По мозольной блузе
Всяк дознать охоч:
Сын-красавец в вузе,
В комсомоле дочь.

Младший пионером —
Красногубый мак...
Дедам-староверам
Лапти да армяк.

Ленинцам негожи
Посох и брада,
Выбродили дрожжи
Вольного труда.

Будет и коврига —
Пламенный испод...
С наковальней книга
Водят хоровод.

Глядь, и молот бравый
Заодно с серпом,
Золотые павы
Плещут над горном.

Всё звончей, напевней
Трудовые сны,
Радости деревни
Лениным красны.

Он глядит зарницей
В продухи берез:
На гумне сторицей
Сыченый овес.

Труд забыл засýхи
В зелени ракит,
Трактор стальнобрюхий
На задворках спит.

И над всем, что мило
Ярому вождю,
Я — кузнец Вавила —
С молотом стою.

<1926>

452. Корабельщики

Мы, корабельщики-поэты,
В водовороты влюблены,
Стремим на шквалы и кометы
Неукротимые челны.

И у руля, презрев пучины,
Мы атлантическим стихом
Перед избушкой две рябины
За вьюгою не воспоем.

Чтó романтические ямбы —
Осиный гуд бумажных сот,
Когда у крепкогрудой дамбы
Орет к отплытью пароход!

Познав веселье парохода
Баюкать песни и тюки,

Мы жаждем львиного приплода
От поэтической строки.

Напевный лев (он в чревной хмаре)
Взревет с пылающих страниц —
О том, как русский пролетарий
Взнуздал багряных кобылиц,

Как убаюкал на ладони
Грозовый Ленин боль земли,
Чтоб ослепительные кони
Луга беззимние нашли,—

Там, как стихи, павлиноцветы,
Гремучий лютик, звездный зев...
Мы — китобойцы и поэты —
Взбурлили парусом напев.

И, вея кедром, росным пухом
На скрип словесного руля,
Поводит мамонтовым ухом
Недоуменная земля!

<1926>

453

Наша собачка у ворот отлаяла,
Замело пургою башмачок Светланы,
А давно ли нянюшка ворожила-баяла
Поварёнкой вычерпать поморья-океаны,

А давно ли Россия избою куталась,—
В подголовнике бисеры, шелка багдадские,
Кичкою кичилась, тулупом тулупилась,
Слушая акафисты да бунчуки казацкие?

Жировалось, бы́тилось братанам Елисеевым,
Налимьей ухой текла Молога синяя,
Не было помехи игрищам затейливым,
Саянам-сарафанам, тройкам в лунном инее.

Хороша была Настенька у купца Чапурина,
За ресницей рыбица глотала глубь глубокую
Аль опо́ена, аль окурена,
Только сгибла краса волоокая.

Налетела на хоромы приукрашены
Птица мерзкая — поганый вран,
Оттого от Пинеги до Кашина
Вьюгой разоткался Настин сарафан.

У матерой матери Мемёлфы Тимофеевны
Сказка-печень вспорота и сосцы откушены,
Люди обезлюдены, звери обеззверены…
Глядь, березка ранняя мерит серьги Лушины!

Глядь, за красной азбукой, мглицею потуплена,
Словно ива в озеро, пра́зелень ресниц,
Струнным тесом крытая и из песен рублена
Видится хоромина в глубине страниц.

За оконцем Настенька в пяльцы душу впялила —
Вышить небывалое кровью да огнем…
Наша корноухая у ворот отлаяла
На гаданье нянино с вещим башмачком.

<1926>

454. Дружба

Вятичи не любят сапог,
Подавай им батюшку-лапоть.

Пермякам же Степанко-бог
Не устанет сусалом капать.

Черемисина с белой чудью
Косоглазят на картузы,
По рассейскому разнолюдью
Не дивятся ковшу бузы.

Буза — степная баба
С сапом, храпом и с потом тож...
Хороши на Волыни грабы,
Но милей васильковая рожь.

А жаворонки утром сизым,
К ромашке клеверный пыл!..
Милый друг, удерем к киргизам
Доить пятнистых кобыл.

Устелю я ковром кибитку,
Разолью по чашкам кумыс,
Как невесту, баранью лытку
Наряжу в укроп и анис.

Заживем мы с тобой на славу,
Два лица, а душа одна.
Голубою неслышной павой
На кибитку слетит луна, —

Подивиться на праздник дружбы —
На пунцовый клеверный пыл.
Людям грустно, они так чужды
Золотому ржанью кобыл.

1926

455. Вечер

Помню на задворках солнопёк,
Сивку, мухояровую телку,
За белесой речкою рожок:
«Ту-ру-ру, не дам ягненка волку!»

Волк в лесу, косматом и седом,
На полянке ж смолки, незабудки.
Дома загадали о Гришутке
Теплый блин да крынка с молоком.

Малец блин, а крынка, что девчонка,
Вся в слезах, из глины рябый нос...
Глядь, ведет сохатая буренка
Золотое стадо через мост!

Эка зарь, и голубень, и просинь,
Пра́зелень, березовая ярь!
Под коровье треньканье на плёсе
Завертится месячный кубарь.

Месяц, месяц — селезень зобатый,
Окунись, как плёсо, в глыбкий стих!
Над строкою ивой бородатой
Никну я в просонках голубых!

Вижу мухояровую телку,
На задворках мглицу — шапку сна,
А костлявый гость в дверную щелку
Пялит глаз, как сом с речного дна.

От косы ложится на страницы,
На луга стихов кривая тень...
Здравствуй, вечер, сумерек кошницы,
Холод рук и синяя сирень!

<1927>

456. Юность

Мой красный галстук так хорош,
Я на гвоздику в нем похож, —
Гвоздика — радостный цветок
Тому, кто старости далек
И у кого на юной шее,
Весенних яблонь розовее,
Горит малиновый платок.
Гвоздика — яростный цветок!

Мой буйный галстук — стая птиц,
Багряных зябликов, синиц,
Поет с весною заодно,
Что парус вьюг упал на дно,
Во мглу скрипучего баркаса,
Что синь небесного атласа
Не раздерут клыки зарниц.
Мой рдяный галстук — стая птиц!

Пусть ворон каркает в ночи,
Ворчат овражные ключи,
И волк выходит на опушку, —
Козлятами в свою хлевушку
Загнал я песни и лучи...
Пусть в темень ухают сычи!

Любимый мир — суровый дуб
И бора пихтовый тулуп,
Отары, буйволы в сто пуд
В лучах зрачков моих живут,
Моим румянцем под горой
Цветет шиповник молодой,
И крепкогрудая скала
Упорство мышц моих взяла!

Мой галстук с зябликами схож,
Румян от яблонных порош,
От рдяных листьев Октября
И от тебя, моя заря,
Что над родимою страной
Вздымаешь молот золотой!

<1927>

457

Кто за что, а я за двоперстье,
За байку над липовой зыбкой...
Разгадано ль русское безвестье
Пушкинской золотою рыбкой?

Изловлены ль все павлины,
Финисты, струфокамилы
В кедровых потемках овина,
В цветике у маминой могилы?

Погляди на золотые сосны,
На холмы — праматерние груди!
Хорошо под гомон сенокосный
Побродить по Припяти и Чуди, —

Окунать усы в квасные жбаны
С голубой татарскою поливой,
Слушать ласточек и ранним-рано
Пересуды пчел над старой сливой:

«Мол, кряжисты парни на Волыни,
Как березки девушки по Вятке...»
На певущем огненном павлине
К нам приедут сказки и загадки.

Сядет Суздаль за лазорь и вапу,
Разузорит Вологда коклюшки...

Кто за что, а я за цап-царапу,
За котягу в дедовской избушке.

1928

458. Нерушимая Стена

Рогатых хозяев жизни
Хрипом ночных ветров
Приказано златоризней
Одеть в жемчуга стихов.

Ну, что же? — Не будет голым
Тот, кого проклял Бог,
И ведьма с мызглым подолом —
Софией Палеолог!

Кармином, не мусикией
Подвéден у ведьмы рот...
Ужель погас над Россией
Сириновый полет?!

И гнездо в безносой пивнушке
Златорогий свил Китоврас!..
Не в чулке ли нянином Пушкин
Обрел певучий Кавказ?

И не веткой ли Палестины
Деревенские дни цвели,
Когда ткал я пестрей ряднины
Мои думы и сны земли,

Когда пела за прялкой мама
Про лопарский олений рай,
И сверчком с избяною Камой
Аукался Парагвай?

Ах, и лермонтовская ветка
Не пустила в душу корней!..
Пусть же зябликом напоследках
Звенит самопрялка дней.

Может, выпрядется родное —
Звон успенский, бебрян рукав!..
Не дожди — кобыльи удои
Истекли в бурдюки отав —

То пресветлому князю Ба́тый
Преподнес поганый кумыс,—
Полонянкой тверские хаты
Опустили ресницы вниз.

И, рыдая о милых близях,
В заревой конопель и шелк
Душу Ру́си на крыльях сизых
Журавиный возносит полк.

Вознесенье Матери правя,
Мы за плугом и за стихом
Лик Оранты как образ славий
Нерушимой Стеной зовем.

1928?

459

Наша русская правда загибла,
Как Алёнушка в чарой сказке...
Забодало железное быдло
Коляду, душегрейку, салазки.

Уж не выйдет на перёные крыльца
В куньей шубоньке Мелентьевна Василиса,

Утопил лиходей-убийца
Сердце князево в чаре кумыса.

Заливай ордынским напитком,
Тверь-вдовица, кос пепелище,
Твой Михайло в шуйце со свитком
Стал вороньей гнусавой пищей.

И боярыни Морозовой терем
В тощей пазухе греет вьюгу,
На иконе в борьбе со зверем
Стратилат оборвал подпругу.

Так загибла русская доля —
Над речкою белые вербы,
Вновь меж трупов на Косовом поле
Узнают царя Лазаря сербы.

На костях горит мусикия,
Вместо сердца кротовьи ходы...
Отлетела лебедь-Россия
В безбольные тихие воды.

Но сквозь слезы, звериные муки
Прозревают родину очи:
Забрели по колено буки
В синезёр, до питья охочи.

Ловит солнце лещом матерым
Стрекозиных телег вереницы,
По-ребячьи лохматят горы
С голубых просонок косицы.

Исцеленный мир смугло-розов,
На кувшинках гнезда гагар,
И от вьюг, косматых морозов
Только сосен смолистый жар.

Далеко по синим поречьям
Благодатный печерский звон...

. . .

1928

460

Вспоминаю тебя и не помню...
Отцвели резедовые дни.
На последнем пути не легко мне
Сторожить гробовые огни!

Скоро сердце уснет непробудно,
До заката не встретиться нам,
Присылай белокрылое судно
К полуночным моим берегам!

Там лишь звезды да сумрак голу́бый,
На утесе заплаканный крест,
И плывут в океанские губы
Паруса хороводом невест.

Стонет чайка о юном матросе,
Что погиб, роковое любя...
Не в лугах на душистом покосе
Я увидел, мой цветик, тебя!

Выла улица каменным воем,
Но таинственным поясом муз
Обручил мою песню с тобою
Легкокрылых художеств союз.

Светлый Власов крестом Нередицы,
Многострунной зарею Рылов

Утолили прохладой криницы
Огневицу купальских стихов.

И теперь, когда головы наши
Подарила судьба палачу,
Перед страшной кровавою чашей
Я сладимую теплю свечу,

Чтоб черемуха с белою вербой
Целовались с заветным окном.
Хорошо, когда жизнь на ущербе
Лебединым пахнула крылом.

Будто озеро в синих ирисах,
Ель цветет и резвится форель.
Только траурной мглой кипариса
Просквозило карельский апрель.

И стихи, словно ласточки в поле,
На отлете в лазоревый край...
Прощебечь, моя птичка, мой Толя,
Как чудесен твой детский Китай!

Как смешны в хризантемах зайчата,
Легковейны бубенчики пчел.
Я не знал ни жены, ни собрата,
Но в тебе свою сказку нашел.

Пусть же сердце уснет непробудно,
Зная тайну ревнивых веков,
Что плывет мое лунное судно
В лед и яхонт любимых зрачков.

2 марта 1929

461

Мне нагадал грачиный грай
Улыбку девушки и май,
Над речкой голубые вербы,
Зарю и месяца ущербы,
Рязанский колыбельный рай.

Но я увидел Ваш портрет —
Святыя славы нежный свет,
Уста и очи серафима, —
В моей крови заржал огонь —
Неопалимый яркий конь:

На нем седок в плаще из дыма.
И мчится конь чрез топь и мель,
Не клад он ищет, а Брюссель —
Чужой неуловимый город...
Стремниной взят или заколот
Мой ненаглядный светлый Лель!

Преодолеть ли мрак теснины, —
Порошей ранние седины
Заносят розы губ и щек...
Чу! Сердце-конь у милой двери.
Ужель желанный не поверит,
Что свеж влюбленности цветок!

15 июля 1929

462

Кнут Гамсун — сосны под дождем,
На черни моря хлопья чаек,
Его Норвегия ласкает
Зеленым рыбьим плавником

И на утесе высекает
Мережи с гагачьим птенцом,—
Питай, поэт, лелей и пестуй
Озерноглазую невесту —
Страну родную, чей гранит
Волной косматою не сыт,
И солью парус разъедает!

Кнут Гамсун — в лебедином мае
Черемуховый ветерок,
А я — глухонемой поток,
В плену у скал Титан заклятый,
Гляжусь в луну и пью закаты,
Но сладости язык далек!
Душа летит на огонек,
В бесследицу и замять поля,
Где у костра сидит недоля,
Вплетая бурю в шлык кровавый.
Черемуха не русской славой
Украсит буйное чело,—
В железный шлем совы крыло
И кисть рябины тяжко алой!

Кнут Гамсун — над пучиной скалы
В косынках снежной земляники,
Мои же песни — ястреб дикий
С когтями из алмазных игол,
Им ненавистно мертвой книгой
Порабощенное перо!..
Ах, где ты, речки серебро,
Босые ноги, рыбный кузов?!
Уж не рассориться ли с музой —
Белицей в беспоповском срубце,
Пусть сердце бесы на трезубце
Зловещим факелом несут,
Лишь только б верности сосуд,

Где слезы ландышей, барвинок,
Не опрокинул черный инок —
Сомнение в сетях тропинок,
Меж пней и цепких корневищ?!.
Как страшны призраки кладбищ
И ревность с волчьими глазами!

Кнут Гамсун, синими цветами,
Норвежских хижин огоньками
Разрывы жил перевяжи!
Чтоб васильком в росистой ржи
Моя Алёнушка вернулась —
Влюбленность — с костяникой туес,
Лесной ручей, где лик Нарцисса,
В серьгах из пестрого Туниса,
Но с русскою льняной улыбкой.

Кнут Гамсун — в соснах дождик сыпкий,
Соленый жемчуг горстью глыбкой
Недаром плещет в темень совью,
Но чтоб заморскою любовью
Пахнуло б в бороду мою,
И стих запел: «Люблю, люблю!»

1929(?)

463

С тобою плыть в морское устье,
Не отрывая уст от уст...
В широком парусном искусстве
Поют, как ветер, трубы чувств.

Так не тоскует мать о сыне,
И сын по матери своей,
Изгнанник бедный на чужбине
По тишине родных полей.

Так не печалятся о брате,
Друзьях, о друге дорогом —
Свет предвечерний на закате
О пребывании земном.

Так не кручинилася Хлоя
И тысячи влюбленных душ.
Наездник, выбитый из строя —
У гроба овдовевший муж!

И так не плачет лист зеленый,
Распятый на людском кресте, —
Слепец и смрадный прокаженный
По отгоревшей красоте,

Как я о яхонтах глубинных
В твоих морях, в твоих зрачках,
Так в шумах липовых вершинных
Всегда звенит разлуки страх!

Между 1929 и 1932

464

Старикам донашивать кафтаны —
Сизые над озером туманы,
Лаптевязный подорожный скрип...
Нет по избам девушек-улыб,
Томных рук и кос в рублях татарских;
Отсияли в горницах боярских
Голубые девичьи светцы.
Нижет страстотерпные венцы
Листопад по Вятке, по Кареле —
Камень-зель, оникс и хризолит...
Забодали Мономахов щит
Туры в белозубые метели —
Он в лохмотах бархат, ал и рыт.

Вороном уселся, злобно сыт,
На ракиту ветер подорожный,
И мужик бездомный и безбожный
В пустополье матом голосит:
— Пропадай, моя телега, растакая бабка-мать!
Где же ты, невеста — павья стать,
В аравийских па́волоках дева?
Старикам отжинки да посевы,
Глаз поречья и бород туман.
Нет по избам девушек-Светлан,—
Серый волк живой воды не сыщет.
Теремное светлое кладбище
Загляделось в медный океан.
Узоро́чье, бусы, скрыни, прялки...
Но в тюки увязаны русалки,
Дед-мороз и Святки с Колядой,
Им очнуться пестрою гурьбой,
Содрогаясь, в лавке антикварной.
Где же ты, малиновый, янтарный
Русский лебедь в чаше заревой?!
Старикам донашивать кафтаны,
Нам же рай смертельный и желанный,
Где проказа пляшет со змеей!

Между 1929 и 1933

465–476. О чем шумят седые кедры

Анатолию Яр-Кравченко

1

Сегодня звонкие капели —
Прилет касаток из Египта
На милый север. Явь иль сон?
Но, бубенцы, капели сыпьте
В молотобойный вешний звон!..
Цветите, ярь и конопели!

Не солнце ль чинится в слесарне,
Чтобы не слепло и не жгло?
Не ветру ль штопают крыло,
Как ласты мельнице? Стожарней
Играют зори меж ракит,
И вихорь скулы не трудит,
Ласкаясь росней и купавней.

О жизнь! О легкие земли,
Свежительнее океана!..
У черноземного Ивана
В зрачках пшеничные кули,
И на ладонях город хлебный —
Прибойно, фугою хвалебной,
О межи плещут конопли.

Россия, матерь, ты ли? Ты ли?
Босые ноги, плат по бровь,
Хрустальным лебедем из былей
Твоя слеза, ковыль-любовь
Плывут по вольной заводине!
И только старость при лучине
На саван тянет волокно.

Уйди, сухое толокно
И тюря с серою загустой!
Горою дыбится капуста,
Какой на свете не бывало!
Из песен ткется одеяло
Для молодого новожёна,
Стальному мерину попона
Испещрена моей погудкой,
Олóнецкою незабудкой
И шамаханской резедой!

Товарищ, вскормленный звездой,
Пятиочитой и пурпурной,

Тебе моих напевов зу́рны,
Лезгинка рифм под блеск кинжала!
Пусть песногранные опалы
Хрустят на варварских зубах!

Моя любовь врагам на страх,
И ненависть — земле, как ужин
Опосле ловли стерлядей,
Когда свистит костер стожалый
И красит огненное сало
Мережи, полные жемчужин
И киноварных лебедей!

Моя любовь — в полях капель,
Сорокалетняя, медвежья,
Свежее пихт из Заонежья,
Пьянее, чем косматый шмель
В медовом погребе под щебнем!..

Пусть солнце золотистым гребнем
Отныне чешет наши нивы,—
Оно заштопано на диво
Неуязвимою рукой
И нитью, крашенною кровью,
Чтобы вовеки к изголовью
Моей республики родной
Не прилетал совиный рой
С хозяйкой — тощей голодухой,
Лишь кедры глухариным пухом,
Как гнезда, веяли б в капели
О том, как жили мы и пели!

2

Не пугайся листопада,
Он не вестник гробовой!
У вдовца — глухого сада
Есть завидная услада —

Флейта-морок, луч лесной
За ресницей сизых хвой!

Я — налим в зеленой тине,
Колокольчики ловлю,—
Стать бы гроздью на рябине,
Тихой пряжей при лучине,
Чтобы выпрясть коноплю —
Листопадное «люблю»!
Медом липовым в кувшине
Я созвучия коплю.

Росомашьими сосцами
Вскормлен песенный колхоз,
И лосиными рогами
Свит живой свирельный воз,—
Он пьяней сосновых кос,
Непроглядней щучьих плёс.
Будь с оглядкой, голубок,—
Омут сладок и глубок!
От омытых кровью строк
Не ударься наутек!

Куплен воз бесценным кладом —
Нашей молодостью, садом
И рыдальцем-соловьем
Под Татьяниным окном.
Куплен воз страдой великой,
Всё за красную гвоздику,
За малиновую кашку
С окровавленной рубашкой,
В нем шмелей свинцовых рой,
Словно флейта за рекой!

Уловил я чудо-флейту
По пятнадцатому лету

В грозовой озимый срок, —
Птицу вещую в силок,
Самоцветного павлина
В дымной пазухе овина!

В буйно-алый листопад
Просквозили уши-сад
Багрецом, румянцем, зарью,
И сосцом землища-Дарья
Смыла плесень с языка,
Чтоб текла стихов река!

Искупайся, сокол, в речке, —
Будут крылышки с насечкой,
Клюв булатный из Дамаска,
Чтоб пролилась солнцем сказка
В омут глаз, в снопы кудрей,
В жизнь без плахи и цепей!

3

Зимы не помнят воробьи
В кругу соломенной семьи,
Пушинок, зернышек, помёта.
Шмель не оплакивает соты,
Что разорил чумазый крот
В голодный, непогожий год.
Бурьян не памятует лист,
Отторгнутый в пурговый свист,
И позабудет камень молот,
Которым по крестец расколот.
Поминок не справляет лен,
В ткача веселого влюблен.
И дятел иволгу не будит
В предзимнем гаме и погуде.

Но старый дом с горбатой липой
Отмоет ли глухие всхлипы,

Хруст пальцев с кровью на коре
И ветку в слезном серебре,
Ненастьем, серыми дождями
И запоздалыми стихами —
Бекасами в осенний скоп?

Ты уходил под Перекоп
С красногвардейскою винтовкой
И полудетскою сноровкой
В мои усы вплетал снега,
Реки полярной берега,
С отчаяньем — медведем белым...
И молнии снопом созрелым
Обугливали сердца ток...
Ты был как росный ветерок
В лесной пороше, я же — кедр,
Старинными рубцами щедр
И памятью — дуплом ощерым,
Где прах годов и дружбы мера!

Ты уходил под Перекоп,
На молотьбу кудрявый сноп,
И старый дом с горбатой липой
Запомнил кедровые всхлипы,
Скрип жил и судорги корней!

На жернове суровых дней
Измелется ячмень багровый,
Ковригой испечется слово
Душистое, с мучным нагарцем.
«Подснежник в бороде у старца»
Тебе напишется поэма,
Волчицей северного Рема
Меня поэты назовут
За глаз несытый изумруд,
Что наглядеться не могли
В твои зрачки, где конопли,

Полынь и огневейный мак,
Как пальцы струны, щиплет як,—
Подлунный, с гривою шафранной,
Как сказка, вещий и нежданный!

4

Недоуменно не кори,
Что мало радио-зари
В моих стихах — бетона, гаек,
Что о мужицком хлебном рае
Я нудным оводом бубню
Иль костромским сосновым звоном!
Как перс священному огню,
Я отдал дедовским иконам
Поклон до печени земной,
Микула с мудрою сохой,
И надломил утесом шею.

Без вёсен и цветов коснея,
Скатилась долу голова,—
На языке плакун-трава,
В глазницах воск да росный ладан.
Греховным миром не разгадан,
Я цепенел каменнокрыло
Меж поцелуем и могилой,
В разлуке с яблонною плотью.
Вдруг потянуло вешней сотью!
Не Гавриил ли с горней розой?..
Ты прыгнул с клеверного воза,
Борьбой и молодостью пьян,
В мою татарию, в бурьян,
И молотом разбил известку,—
К губам поднес, как чашу, горстку
И солнцем напоил меня
Свежее вымени веприцы!
Воспрянули мои страницы
Ретивей дикого коня.

В них ржанье, бешеные гривы,
Дух жатвы и цветущей сливы!

Сбежала темная вода
С моих ресниц коростой льда;
Они скрежещут, злые льдины,
И, низвергаясь в котловины
Забвения, купавы режут,
Протальники — дары апреля!..
Но ты поставил дружбы вежу
Вдали от вероломных мелей,
От мглистых призраков трясин.
Пусть тростники моих седин,
Как речку, юность окаймляют,
Плывя по розовому маю;
Причалит сердце к октябрю,
В кленовый яхонт и зарю,
И пеклеванным Гималаям
Отдаст любовь с мужицким раем,
С олóнецким озерным звоном,
С плакучим ивовым поклоном,
За клеверный румяный воз,
За черноземный плеск борозд
О берега России, сказки,
Без серой заячьей опаски,
Что василек забудет стог
За пылью будней и дорог!

5

По восемнадцатой весне
Черемуха шепнула мне,
Что любит волосатый пень,
И взмыла облачком сорочку...
Я побранил шальную дочку:
Истерт, как упряжью олень
У леденого самоеда,
Твой дед, до брачного обеда!

Мое дитя, в дупле рысенок,
Я — лысый пень, а ты — ребенок,
Пушок янтарный над губой,
Сорокалетнею судьбой
Я надломлю тебя по корень,
И лягут сумерки во взоре,
Где журавлей осенних стая!..
Забудь, совенок, деда в мае!
Его любить у очага,
Когда метелица-карга
Над чумом квохчет злобной птицей,
И домовой едва ль решится!

По восемнадцатой весне
Ты постучался в дверь ко мне,
Свежей черемухи росистой,
И понял я, что в пятьдесят
Поэту друг не листопад,
А снегиренок с хвойным свистом!
Что кедр смолистей во сто лет,
У лося серебристей след
На старом тундровом снегу,
Душистей ландышу в логу
Прильнуть к морщинистому пню
И лепетать: «Люблю, люблю!»

По восемнадцатой весне
Взыграла рыбка в глубине
И вышла замуж за сома,
Не за речные терема,
А за певучие усы,
Что упреждают от лесы
И от излук, где вентеря...
Не сом ли полюбил тебя,
Моя купава, моей ершонок?
Иль это сон на старом плёсе,

Как юность грезится под осень
Челну, дырявому от гонок?!.
Иль это сон на ржавом дне,
И нет черемухи в окне,
Янтарного пушка над губкой?
И лишь на посохе зарубкой
Отметить приведется деду,
Что гнал он лося не по следу,
Что золоченое копытце
В чужие заводи глядится
Купальской смуглою луной
С подругой — тучкой голубой?!

6

Ты бормотал, что любишь деда
За умный лоб, за мудрость глаз!..
Вечерний палевый атлас
Окутал мир, где смерть и беды.
В окошке яблоня цвела,
И верность руку обожгла
Пожатием, как звенья цепи —
Пусть Парка не из воска лепит
В грядущем милые черты,
Зрачки, где синие цветы,
Медузы, кораблей обломки!
Ты жизнь мою бери и комкай,
Гадай по ней, как по ромашке,
До окровавленной рубашки
И до сухих прогорклых губ!..
Отныне дедовский тулуп
Пчелиной жадности, как улей!..
В апреле — мак, снопы — в июле,
Но короб яблок — в сентябре! —
Тебе, как маленькой сестре,
Что ласточек вплела в косичку,
Я отдаю любви страничку! —

Она истории осколок,
С библиотечных строгих полок
Поведает иным до боли,
Что был утес, и цветик — Толя!
Но где они? Не все ль равно!
Пусть яблоня глядит в окно,
И дружба пальцы обжигает,
Мы повстречаемся в Китае
В тысячелетнюю весну,
Сердец измерить глубину
Цветистой сказкой о России,
Где жили нежити и вии,
И зимний дед, рубя валежник,
Влюбился пчелкою в подснежник!

7

Под пятьдесят пьянее розы,
Дремотней лен, синей фиалки,
Пряней, землистей резеда...
Как будто взрыто для посева
Моим племянником веселым
Дернó у старого пруда.
Как будто в домик под бузи́ной
Приехала на хлябких дрожках
С погоста мама. Солнце спит
Теленком рыжим на дорожке,
И веет гроздью терпко-винной
От бухлых слизистых ракит.
Всё чудится раскат копыт
По кремлю непробудных плит
От вавилонских городов...
Шмелиной цитрой меж цветов
Теленькают воспоминанья.
Преодолел земную грань я,
Сломал у времени замок,
Похожий на засов церковный,

И новобрачною поповной
Вхожу в заветный теремок,
Где суженый, как пастушок,
Запрячет душу в кузовок,
Чтоб пахли звезды резедой,
Стихи же — полою водой,
Плотами, буйным икромётом,
Гаданьем девичьим по сотам —
Чёт, нéчет, лапушка иль данник?
Как будто юноша-племянник
Дернó у старого пруда
Веселым заступом корчует,
А сам поет, в ладони дует,
Готовя вереску и льну
Пятидесятую весну!

8

У пихты волосата лапа,
Чтоб крынку лунную зацапать,
И ель расставила силки
В зеленой зыби у реки
На зайца с облачною шёрсткой.
На лысине коряги жесткой
Светляк затеплил огонек,
И белка пляшет наутек
В смазливой рыжей душегрейке.
У зяблика на пухлой шейке
Зияет звонкая кровинка...
Куда, проталая тропинка,
Ты сердце зимнее влечешь —
На новоселье иль на нож,
Или под вьюгу поцелуев?
Я — тот же тяжколобый Клюев,
С рублёвской прорисью зрачков,
Где глыбкий рай и кубок снов, —
Его пригубить нестерпимо!
Лишь дружба птичкой из Салима

Купает крылышки в пучине,
Чтоб стать, как небо, нежно-синей,
И брызги слез — целящий ливень,
Послать в житейское мурьё,
Рождая радуги копье,
И в сердце гром озимосвежий!
Бреду тропинкою медвежьей;
Уж сорок пять лестных пролетий
Совятами у смерти в сети!
Их палый пух — мои стихи...
Как страшно черные грехи
Нести к порогу дружбы юной!
Содрогнись, памятник чугунный,
Испепелится дата лет,
Я — пихта ярая, поэт,
Ищу любви, как лось сохатый,
Сорокалетние заплаты
Сдираю с кровью и коню
Пучок фиалок подаю:
Отведай, за мое здоровье!
Хозяин в чуме — изголовье —
Лесной пожар в пурге кудрей...
О разум! Хворост серых дней!
Не вами молодость водима!
Волшебной птичкой из Салима
Журчит подснежный поцелуй...
Кукушка пьяная, кукуй,
На много зим, ядреных вёсен,
Чтоб цвел брусничник, бор был росен,
И за лешонком в ярь и просинь
Нырял скуластый ветродуй!

9

Приласкать бы собаку
Или с бурей поспорить!
Красногубому маку
Шепелявит цикорий:

«Подружимся, любимый!
Ты — сыночек, я — батька!»
Аист цокает: «На-тка,
Знать, младенчик у Клима!»

Птица, кланяюсь низко,
Принеси мне малютку!
Уж котилася киска,
Рябка парит закутку!

Уж на яблоне завязь,
Как сосцы иль кровинка,
И болотной купаве
Повитуха — тростинка!

Только я без собаки
У лежанки остылой, —
Ковылем в буераке
Серебрится мой милый

Или звездочкой росной —
Голубые ресницы...
Только рифмою постной
Не скулите, страницы!

У поэта — трын-доля
До могильной лопаты...
Сын, как вятское поле,
Жаворонково златый!

Сын — калина над кровлей,
Весь в улыбках и пчелках,
И зовут его Толей —
Тополя у проселка!

Пью весеннее имя,
Словно борозды ливень,

С ним тепло и в Нарыме
Сердцу — розовой сливе!

И не ломит над бровью,
Что у мурочки — цапик,
На влюбленность коровью,
На подсолнечник в шляпе

Я смотрю спозаранка,
Забияка и козырь,
И по жилам-полянкам
Резво прыгают козы!

10

Я женился на тюльпане,
Всех пригожей и румяней,
Пестик золотой.
Он звенит в моем закуте,
Зяблым листиком на пруте, —
Бубенец лесной!

И в избушке закоптелой
Розовеет его тело,
Голубеет бровь.
В мой пробор, в седины прялки,
Как сестра, вплела фиалки
Зимняя любовь!

Камелек пылает ярче,
Мурка пухлая не плачет,
Курочка с яйцом,
И в зеленом огородце
Проросло салатом солнце,
Пестрым кабачком!

Хвост в репейнике, Валетка
Гусю старому соседка,
Напрягла сосцы:

Ощенюсь, мол, для хозяйки
Самоедской белой лайкой
В лен да огурцы!

Глядь, и добрая буренка
Долговязого теленка
Ластит языком!
Мой тюльпан благоухает
В бородатом терпком рае
Лебединым сном.

Старость, старость, напоследки
Сбылась сказка самоедки
Про медведя-Рум!
Как любил бурнастый Пай-я
Белокрылого из рая
Под еловый шум.

Да забыл в чувале щелку
Позаткнуть косматой елкой, —
Пай-я улетел!
С той поры хворает бурый:
Не влюбляйся, лысый, сдуру
В голубой удел!

Ах, ужель тюльпан завянет
На покошенной поляне —
На моей груди?!
Он же тренькает сверчково
Балалаечное слово:
«Прялочка, пряди!»

Сладко верить новоженцу,
Осиянному оконцу,
Поцелуям хвой!

Кровь колотится почасту,
И подальше прячешь заступ
С гробовой доской!

11

Среди цветов купаве цвесть
Не приведется в милом поле,
Она у озера в неволе,
Чтоб водяницам мёрды плесть
Иль под берестяной луной
Слезинки утирать косой!
Лишь у глазастого сома,
Где слюдяные терема
Таят сусеки скатных зерен,
Купава позабудет горе
И, чашей запрокинув груди,
Сома увидит на запруде —
С зеленой лунной бородищей, —
Он лапушку свою отыщет
И приголубит слаще ката,
Челном разбитым без возврата!

И будет лебединый челн
Гремучим узорбчьем полон,
Живыми рыбьими слезами
И полноводными стихами,
Где звездный ковш, гусиный спор
И синий времени шатер;
В шатре разлапушка-купава —
Сома бессмертная забава!

Не о тебе ли, мой цветок,
Перо журчит, как ручеек,
Лесную сказку про кувшинку
И под сердечную волынку
Рождает ландышами строки,
Что сом — поэт подводноокий

И что ему под пятьдесят? —
Тебе же скряга-листопад
Лишь двадцать отсчитал монет —
Веселых золотистых лет,
Похожих на речных форелей!

Я допряду свою куделю,
Быть может, через год проточный,
Чтобы любить тебя заочно,—
Тростинку, птичка-горихвостка!
Не медли укоризной жесткой,
Гарпун не страшен для сома!
Тебе речные терема,
Стихов жемчужные вереи!
Пусть на груди моей лилея
Сплетется с веткою сосновой,
Как символ юности и слова,
И что берестяные глуби
По саван лебедя голубят!

12

Ночной комар — далекий звон,
На Светлояре белый сон,
От пугал темени заслон,
И от кладбищенских ворон
Мечте, как лебедю, затон:
Дон-дон!

Дуб — ухо, и сосна — другое,
Одно — листы, сосед же — хвои
Роняют в ночи глубину
И по ее пустому дну
Влачат зеленые лохмотья.

Не бездне ли вручаю плоть я,
А разум звездам — палым розам,

Что за окном чумацким возом
Пристали, осью верезжа?
То в зале сердца вальс забытый!
Я к сорока, как визг ножа,
Познал словесного ежа,
Как знал в младенчестве ракиты.
Культура — вечная вдова,
Супруг покоится в Мемфисе...
Оскалом тигра, хваткой рыси
Цветут дикарские слова
И таборною головней
Грозят пришелице ночной:

«Уйди, колдунья! У-гу-гу!»
Подсела ближе к очагу,
И пальцы синие в опалах
Костра ночного лижут жала —
Ляс, ляс!.. Плю, плю!..
Ужель вдовицу полюблю
Я — первоцвет из Костромы,
Румяный Лель — исчадье тьмы?
Уйди, старуха!.. Злой комар
В моем мозгу раздул пожар:
Горю, товарищи, горю!
И ненавижу и люблю
Затоны лунные — опалы,
Где муза крылья искупала,
Лебяжьи, с сыченой капелью,
С речным разливом по апрелю,
С малиновым калуцким словом
И с соловьем в кусту ольховом!
Прости, родимое, прости!
Я с новым посохом в пути,
Змеиным, в яростных опалах,
И в каплях крови черно-алых,
Иду в неведомые залы,
Где легковейней опахала

Струится вальс — ночной комар
На биллион влюбленных пар!

1930—1932

477. Анатолию Яр-Кравченко

Москва! Как много в этом звуке
Скворечниц, звона, калачей.
И нет в изменчивости дней
За дружбу сладостней поруки!
Ах, дружба — ласточек прилет,
Весенний, синий ледоход
И пихты над стерляжьей Вяткой.
Ты вновь прельстительной загадкой
Меня колдуешь в сорок лет!..
И кровь поет: «Восстань, поэт!»
В зарю и ветер настежь двери,
Чтобы воочию поверить
В блистанье белого крыла!
Любовь зовет и ждет тепла
Родной щеки, как речка солнца,
Как избяного веретёнца
Голубоглазый в поле лен!
Мой роковой! Московский звон
Я слушаю в твоих бумажках,
И никнет белая ромашка
Моих седин на бисер строк,
Где щебет зябликов и сок
Румяных пихт над той же Вяткой.
Благочестивою лампадкой
Не сыто сердце... Ад иль рай,
Лишь поскорее прилетай!
И про любовь пропой с дороги
Касаткою под кровлей нашей.
Пусть бороду могильщик вспашет,
Засеет прахом и песком.

Я был любим, как любят боги,
Как водопад — горы отроги,
Чтоб жить в глубинном и морском.
О друг березовой сережки,
Ты слаще старому клесту, —
Он верит песне и кресту
И рóнит солнечные крошки
В лесную зыбь и глуботу,
Чтоб у лосенка крепли рожки
За живописную мечту!
Чтоб мой совенок ухал рьяно,
Пугая лесовиху-темь,
И в тициановский гарем
Стремил лишь кисть, а дудку Пана
Оставил дружбе на помин
О том, что есть Москва и Клин,
Египтоокая Россия,
И что любовь — всегда Мария
У ног Христа, как цвет долин.

Май 1932

478

Есть дружба пёсья и воронья,
Во имя пищи и зловонья,
Змеиная в глухой норе,
У жаворóнка в серебре;
Березынька ломает руки —
С калиной-девушкой в разлуке,
Плотица тянет плавники,
Где забияки-тростники
Целуются с речной осокой.
Лишь от меня любовь далёко,
И дружбу позднюю мою
Я с одиночеством делю.

<1932>

479

Отображение любви:
Чурли-чурли, чуви-чуви!
Лазоревой касатки голос,
Она о терн, знать, укололась
И в скорби закликает друга,
Напруживая зобик туго.
Но темен сад, зловещи дупла,
Свершилась роковая купля,—
Смерть отсчитала золотой
За птичку с песенкой простой!
Осиротел буланый тополь,
Он с горя листьями захлопал
И обронил в ладони лужи —
Колпак дырявый с грудой кружев!
Как облысател бедный дядя,
Сутуло прислонясь к ограде!
Ему носатая ворона
Приносит с кладбища поклоны
От деда, тетки Василисты...
А был он дымно-серебристый,
Зеленоокий и плечистый,
Как лесоруб под тридцать пять,
Когда дородной смотрит мать,
Невесткой полногрудой бредя:
«Дождаться ль меду от медведя?!»
А был он росно голубой
Для крошки с дудочкой лесной,—
Ее от бурь под сердце прятал,
Чтоб колотушкой хитрый дятел
Укромной дружбы не вспугнул!

По-тополиному сутул,
Роняя дни в мирские лужи,
Я мадригалом неуклюжим
Влюбленность мертвую зову

И старомодным прослыву
На ярмонке литературной —
Шарманщик с птичкою лазурной.
Пусть так! Виновен ли поэт,
Что за рекою синий свет,
И стадо звякает, как в детстве?
Ах, мудрено не разреветься
Щегленку резвому Колюше,
Что сердце невозвратным сушит
И по излучинам зраков
Капканы ставит для годов!
Уж сорок пять щеглят в ловушке...
Любимый тополь на опушке
Дуплом зияет опустелым, —
Малютка-птаха улетела
Иль накололась о терновник!..
Кавалерийский ты полковник,
По-новому же — комсостав.
Прости, прости! За кубком слав
Не вспоминай смешного дяди!
Он верен дереву в ограде
И пурговóй в трубе балладе
О птичке в пряже тополевой.
Пускай житейскою пелёвой,
Как дрёмой, правит домовой,
И тополь ржавью кружевной
Лесную сказку заметет,
Чтоб в новый щебет и прилет,
Дупло, как горенку, прибрав,
Встречать пернатый комсостав!

22 августа 1932
Деревня Потрепухино

480. Клеветникам искусства

Я гневаюсь на вас и горестно браню,
Что десять лет певучему коню,

Узда алмазная, из золота копыта,
Попона же созвучьями расшита,
Вы нé дали и пригоршни овса
И не пускали в луг, где пьяная роса
Свежила б лебедю надломленные крылья!
Ни волчья пасть, ни дыба, ни копылья
Не знали пытки вероломней, —
Пегасу русскому в каменоломне
Нетопыри вплетались в гриву
И пили кровь, как суховеи ниву,
Чтоб не цвела она золототканно
Утехой брачною республике желанной!
Чтобы гумно, где Пушкин и Кольцов
С Есениным в венке из васильков,
Бодягой поросло, унылым плауном,
В разлуке с песногривым скакуном,
И с молотьбой стиха свежее борозды
И непомернее смарагдовой звезды,
Что смотрит в озеро, как чаша, колдовское,
Рождая струнный плеск и вещих сказок рои!

Но у ретивого копыта
Недаром золотом облиты,
Он выпил сон каменоломный
И ржет на Каме, под Коломной
И на балтийских берегах!..
Овсянки, явственны ль в стихах
Вам соловьиные раскаты,
И пал ли Клюев бородатый,
Как дуб, перунами сраженный,
С дуплом, где Сирин огневейный
Клад стережет — бериллы, яхонт?..
И от тверских дубленых пахот,
С антютиком лесным под мышкой,
Клычков размыкал ли излишки
Своих стихов — еловых почек,
И выплакал ли зори-очи

До мертвых костяных прорех
На грай вороний — черный смех?!
Ахматова — жасминный куст,
Обо́жженный асфальтом серым,
Тропу утратила ль к пещерам,
Где Данте шел и воздух густ,
И нимфа лен прядет хрустальный?
Средь русских женщин Анной дальней
Она как облако сквозит
Вечерней проседью ракит!
Полыни сноп, степное юдо,
Полуказак, полукентавр,
В чьей песне бранный гром литавр,
Багдадский шелк и перлы грудой,
Васильев — омуль с Иртыша.
Он выбрал щуку и ерша
Себе в друзья,— на песню право,
Чтоб цвесть в поэзии купавой, —
Не с вами правнук Ермака!
На стук степного батожка,
На ржанье сосунка-кентавра
Я осетром разинул жабры,
Чтоб гость в моей подводной келье
Испил раскольничьего зелья,
В легенде став единорогом,
И по родным полынным логам
Жил гривы заревом, оттулами копыт!
Так нагадал осетр, и вспенил перлы кит!

Я гневаюсь на вас, гнусавые вороны,
Что ни свирель ручья, ни сосен перезвоны,
Ни молодость в кудрях, как речка в купыре,
Вас не баюкают в багряном октябре,
Когда кленовый лист лохмотьями огня
Летит с лесистых скал, кимвалами звеня,
И ветер-конь в дождливом чепраке
Взлетает на утес, вздыби́ться налегке,

Под молнии зурну копытом выбить пламя
И вновь низринуться, чтобы клектать с орлами
Иль ржать над пропастью потоком пенногривым.
Я отвращаюсь вас, что вы не так красивы!
Что знамя гордое, где плещется заря,
От песен за́стите крылом нетопыря,
Крапивой полуслов, бурьяном междометий,
Не чуя пиршества столетий,
Как бороды моей певучую грозу, —
Базальтовый обвал — художника слезу,
О лилии с полей Иерихона!..
Я содрогаюсь вас, убогие вороны,
Что серы вы, в стихе не лирохвосты,
Бумажные размножили погосты
И вывели ежей, улиток, саранчу!..
За будни львом на вас рычу
И за мои нежданные седины
Отмщаю тягой лебединой!
Всё на восток, в шафран и медь,
В кораллы розы нумидийской,
Чтоб под ракитою российской
Коринфской арфой отзвенеть
И от Пече́неги до Бийска,
Завьюжить песенную цветь,
Где конь пасется диковинный,
Питаясь ягодой наливной,
Травой-улыбой, приворотом,
Что по фантазии болотам
И на сердечном глыбком дне
Звенят, как пчелы по весне!
Меж трав волшебных Анатолий,—
Мой песноглаз, судьба-цветок,
Ему ковер индийских строк,
Рязанский лыковый уток,
С арабским бисером — до боли!
Чу! Ржет неистовый скакун
Прибоем слав о гребни дюн

Победно-трубных, как органы,
Где юность празднуют титаны!

<1932>

481

Мне революция не мать —
Подросток смуглый и вихрастый,
Что поговоркою горластой
Себя не может рассказать!
Вот почему Сезанн и Суслов,
С индийской вязью теремов,
Единорогом роют русло
Средь брынских гатей и лесов.
Навстречу Вологда и Вятка,
Детинцы Пскова, Костромы!..
Гоген Рублёву не загадка,
Матисс — лишь рясно от каймы
Моржовой самоедской прялки...
Мы — щуры, нежити, русалки,
Глядим из лазов, дупел, тьмы
В чужую пестроту народов
И мирных фиников-восходов,
Как новь румяных корнеплодов,
Дождемся в маревах зимы!

Чу! Голос из железных губ! —
Уселись чуйка и тулуп
С заморским гостем побалакать,
И лыковой ноздрею лапоть
Чихнул на долгое здоровье...
Напудрен нос у Парасковьи,
Вавилу молодит Оксфорд.
Ах, кто же в святорусском тверд —
В подблюдной песне, Алконосте?
Молчат могилы на погосте,

И тучи вечные молчат;
Лишь ты смеешься на закат,
Вихраст и смугло-золотист,
Неисправимый коммунист,
Двадцатою весной вспоённый,
«Вставай, проклятьем заклейменный»
Тебе, как бабушке романс,
Что полюбил пастушку Ганс,
Ты ж бороду мою, как знамя,
Бурлацкий сказ, плоты на Каме,
Где светлый Суслов и Сезанн
Глядятся радугой в туман
Новорожденных пав и поля...
Ах чайка с Камы, милый Толя,
Мне революция не мать,
Когда б тебя не вспоминать!

1932

482

Деревня — сон бревенчатый, дубленый,
Овинный город, пра́зелень иконы,
Колядный вечер, вьюжный и каленый.
Деревня — жатва в косах и поняве,
С волынкою о бабьей лютой славе,
С болезною кукушкою в дубраве.
Деревня— за кибиткой волчья стая —
Вот-вот настигнет, сердце разрывая,
Ощеренной метелицею лая!
Свекровь лихая — филин избяной,
Чтоб очи выклевать невестке молодой,
Деревня — саван, вытканный пургой,
Для солнца упокойник костяной.
Рученек не разомкнуть,
Ноженек не разогнуть —
Не белы́ снежки — мой путь!

Деревня — буря, молний наковальня,
Где молот — гром, и тучи — котовальня,
Что треплют шерсть — осинника опальней;
Осинник жгуч, багров и пестр,
Ждет волчьих зим — седых невест,
С вороньим табором окрест.
Деревня — смертная пурга,
Метелит друга и врага,
Вонзив в безвестное рога,
Деревня — вепрь и сатана...
Но ронит коробом луна
На нивы комья толокна.
И сладко веет толокном
В родных полях, в краю родном,
Где жаворонок с васильком
Справляют свадьбу голубую.
В республике, как и в России,
Звенят подснежники лесные,
Венчая пчелку восковую.
    Хватит воску на березку,
    Запряглась луна в повозку,
    Чтобы утро привезти
    По румяному пути!

1932

483. Письмо художнику Анатолию Яру

В разлуке жизнь обозревая,
То улыбаясь, то рыдая,
Кляня, заламывая пальцы,
Я слушаю глухие скальцы
Набухлых и холодных жил.
Так меж затерянных могил,
Где мыши некому посватать,
На стужу, на ущерб заката
Ворчит осенняя вода.

Моя славянская звезда,
Узорная и избяная,
Орлицей воспарив из рая,
Скатилася на птичий двор.
Там властелин — корявый сор
С помётом — закоруэлым другом,
Кукареку́ и кряки цугом
От перегноя до нашеста, —
Не чудо ль! Родина-невеста
Рядно повыткала из стали...
Но молоты ковать устали
В сердечной кузнице секиру.
Они не укоризна пиру,
Где в мертвой пляске Саломея...

Ах, жигулевская Рассея,
Ужели в лямке бурлаки?!
У риторической строки
Я надломлю ишачью шею
И росной резедой повею
Воспоминаний, встреч, разлуки,
По-пушкински, созвучьем «руки»
Чиня былого корабли,
Чтоб потянулись журавли
С моих болот в твое нагорье, —
Там облако купает в море
Розовоногих облачат,
И скалы забрели по зад
В расплавы меди, охры, зели...

Ты помнишь ли на Вятке ели,
Избу над пихтовым обрывом?
Тебе под двадцать, я же сивым
Был поцелован голубком,
Слегка запорошен снежком,
Как первопуток на... погост...
В закатном лаке Алконост

Нам вести приносил из рая,
В уху ершовую ныряя,
В палитру, кипяток, лазори,
Чтоб молодость на косогоре
Не повстречала сорок пугал —
Мои года, что гонит вьюга
На полюс ледяным кнутом...

Лесное утро лебедком
Полощется в моей ладони,
И, словно тучи, смерти кони
В попонах черных ржут далече.
Какие у березки речи,
У ласточек какие числа?
У девичьего коромысла
Есть дума пó воду ходить,
Поэту же — любить, любить
И пихты черпать шляпой, ухом...
По вятским турицам-краюхам
Полесным рогом трубит печень.
Теперь бы у матерой печи
Послушать, как бубнят поленья
Про баснословные селенья,
Куда в алмазо-рудый бор
Не прокрадется волк-топор
Пожрать ветвистого оленя.
Ведь в каждом тлеющем полене
Живут глухарь, лосята, белки...

Свои земные посиделки
Я допрядаю без тебя.
И сердце заступом дробя,
Под лопухи, глухой суглинок,
Костлявый не пытает инок
Моих свирелей и волынок,
Как я молился, пел, любил...

Средь не оплаканных могил
Ты набредешь на холмик дикий
И под косынкой земляники
Усмотришь древнюю праматерь,
Так некогда в родимой хате,
С полатей выглянув украдкой,
В углу под синею лампадкой
Я видел бабушку за прялкой, —
Она казалася русалкой,
И омут глаз качал луну...

Но памятью не ту струну
Я тронул на волшебной лютне!
Под ветром, зайца бесприютней,
Я щедр лишь бедностью да песней.
Теперь в Москве, на Красной Пресне,
В подвальце, как в гнезде гусином,
Томлюсь любовницей иль сыном —
Не всё ль равно? В гнезде тепленько.
То сизовато, то аленько
Смежают сумерки зенки.
Прости, прости. В разлив реки
Я распахну оконца вежи
И выплыву на пенный стрежень
Под трубы солнца, трав и бора;

И это будет скоро, скоро.
Уж черный инок заступ точит
На сердца россыпи и кочи,
И веет свежестью речной,
Плотами, теплою сосной,
Как на влюбленной в сказку Вятке.
А синий огонек лампадки
По детству бабушку мне кажет,
Подводную, за лунной пряжей.
С ней сорок полных веретён
Стучатся в белокрылый сон,

Последнее с сапфирной нитью —
К желанной встрече и отплытью!

19 ноября 1932

484–487. Стихи из колхоза

1

Саратовский косой закат —
Киргиз в дубленом малахае...
В каком неведомом Китае
Цветет овечий карий сад?!

Под мериносовым закатом
За голубым полынным скатом
Пастушеской иглой киргиз
Сшивает малахай из лис.

Бреду соломенной деревней; —
Вон ком земли, седой и древний,
Читает вести про Китай.
«Здорово, дед!» — «Здорово, милай!..»
Не одолеет и могила
Золотогрудый каравай!
Порхает в строчках попугай,
И веет ветер Индостана, —
То львиная целится рана —
Твоя, мой серый Парагвай!

Но эта серость, соль, сермяга,
Как в зной ручей на дне оврага,
Который год пленяют нас! —
То, окунув в струи копытца,
Не может сказке надивиться
Родной овечий Китоврас!

2

На просини рябины рдяны,
Трещат сороками бурьяны,
И на опушке дух груздей.
Какие тучные запашки!
Ковриги будут и алашки!
Плеск ложек в океане щей!

Сегодня батькина пирушка, —
На петуха бранится клушка,
Что снова понесла яйцо,
А именинник под навесом
Глядит, как облачко над лесом
Румянит ситное лицо.

Как золоченую ковригу
Скатали сумерки за ригу —
Знать, испеклась за потный день!
Глядит из-под навеса батя
На скирд непочатые рати,
На зори новых деревень.

Какая молодость и статность!
Не уязвила бед превратность
Пшенично-яростного льва!
Скулят волчатами слова,
И точат когти запятые...
Татарщина и Византия —
Извечная плакун-трава!

По сытым избам комсомол —
Малиной ландышевый дол
Цветет зазвонисто и сладко.
Недаром тяжковатый батька
Железным клювом пьет зарю,
Где осенница у прокосьев
Из рдяных гроздий и колосьев
Венок сплетает Октябрю.

3

В ударной бригаде был сокол Иван,
Артемий беркут, буревестник Степан,
Привольные птицы земле не в изъян!

За пот трудовой подарил им колхоз
Прибоем пшеницу, пучиной овес
С горою гречихи и розовых прос!

Дозорным орлам похвала не нужна, —
Зажмурилось солнце, глазеет луна,
Что в золоте хлебном родная страна!

У девушек наших пшеничный загар, —
Залить только песней вишневый пожар,
Но ждет и орленка нещадный удар!

Шептались березы под мягкой луной,
И перепел тренькал за дымкой ночной.
Кто не был влюбленным пролетной порой?!

Как в смуглые борозды житный суслон,
Красавец Иван в Катерину влюблен,
Под лунной березкой задумался он!

Республики дети суровы на вид,
Но сердце улыбкой и счастьем звенит
От меда стогов и похмелья ракит!

Таков крупногрудый и юный Иван...
Но что это? Выстрел прорезал туман!..
Кровавою брагой упился бурьян!

Погасла луна, и содрóгнулась мгла, —
Коварная пуля сразила орла,
Он руки раскинул — два сизых крыла!

Зловещую ночь не забудет колхоз!..
Под плач перепелок желтеет овес,
Одна Катерина чужая для слез.

Она лишь по брови надвинула плат,
И доит буренок, и холит телят,
Уж в роще синицей свистит листопад.

Отпраздновал осень на славу колхоз
И прозван «Орлиным» за буйный покос,
За море пшеницы и розовых прос!

В ударной бригаде был сокол Иван.
Он крылья раскинул в октябрьский туман,
Где бури да ливни косые!

Где, вьюгой на саван спрядая кудель,
В болото глядится недужная ель —
В былое былая Россия!

4

В алых бусах из вишен,
Из антоновки ру́дой
Ходит кто-то запрудой, —
Над Байкалом и Су́дой
Шаг серебряный слышен:

«Я —смуглянка Октябрина,
У меня полна корзина:
Львиный зев и ноготки —
Искрометные венки!

Но кому цветы подаришь
Без весенней нежной яри,
Незабудок, бледных роз?
Понесу цветы в колхоз!

Там сегодня именины —
Небывалые отжины,
Океан каленых щей
Ждет прилета лебедей!

И летят несметной силой
От соломенного Нила,
От ячменных островов
Стаи праздничных снопов!

Заплету снопу бородушку —
Помянуть лихую долюшку:
«Нивка, нивка,
Отдай мою силку!»

Слава, кто костями лег
За матерый братский стог!
Лист кленовый, тучно-ал,
Кроет Сýду и Урал.

Это вещие пороши,
Мой пригожий, мой хороший,
Из колхоза суженый,
Зазывает ужинать,
Подивиться морю щей,
С плеском ложек-лебедей!

Слава лебедю алому,
Всем горам с перевалами,
Петуху с наседками,
Молодице с детками!

Дружным дедам, добрым бабам
От Алтая и до Лабы,
До пшеничных берегов
Короб песен и цветов!»

<1932>

488

Ночь со своднею-луной
Правят сплетни за стеной,
Будто я, поэт великий,
Заплетаю в строки лыки,
Скрип лаптей, угар корчаги,
Чтобы пахло от бумаги
Черемисиной, Рязанью,
Что дородную Маланью
Я лелею пуще муз,
Уж такой лабазный вкус:
Красоту копить, как сальце,
По-барсучьи жить в подвальце,
Мягкой устланной норе,
По колено в серебре,
В бисере по локотки;
Что Распутина силки
Ставлю я калачной Пресне,
За ухмылки да за песни
У меня бесенок в служках,
Позашиваны в подушках
Окаянные рубли!..
Вот так сусло развели
Темень и луна косая
Про лесного Миколая,
Про сосновый бубенец!..
Но, клянусь, не жеребец
Унавозил мой напев!
В нем живет пустынный лев
С водопадным вещим рыком, —
Лебедь я и шит не лыком,
Не корчажным вспоен суслом, —
Медом, золотом загуслым
Из ладони смугло-глыбкой!
Над моей ольховой зыбкой

Эта мреяла ладонь,
И фатой сестрица-сонь,
Утирая сладкий ротик,
Легкозвонной пчелкой в соте
Поселилась в мой язык,
За годами гуд и зык,
Стали пасекой певучей.
Самоедине иль чукче
Я любовней поднесу
Ковш мой — лютую росу,
Из подземных ульев браги,
Чем поэтам из бумаги
С корноухой Жучкой-лирой!
Я не серый и не сирый,
Не Маланьин и не Дарьин, —
Особливый тонкий барин,
В чьем цилиндре, строгом банте
Капюшоном веет Данте,
А в глазах, где синь метели,
Серебрится Марк Аврелий,
В перстне перл — Александрия,
В слове же опал — Россия!
Он играет — нежный камень,
Речкой, облачком, стихами
И твоим, дитя, письмом —
Голубым лесным цветком!
В нем слезинок пригоршня...
Расцвела моя Опошня
(Есть село на Украине,
Всё в цветистой жбанной глине),
Мой подвалец лесом стал:
Вон в дупле горит опал!
Сердце родины иль зыбка,
С чарою ладонью глыбкой
Смуглой няни — плат по щеки!..
За стеной молчат сороки,

Видно, лопнула луна,
Ночь от зависти черна,
Погоняя лист пролетний —
Подноготицу и сплети!

1932

489

Когда осыпаются липы
В раскосый и рыжий закат,
И кличет хозяйка «цып, цыпы»
Осенних зобастых курят,
На грядках лысато и пусто,
Вдовеет в полях борозда,
Лишь пузом упругим капуста,
Как баба обновкой, горда.
Ненастна воронья губернья,
Ущербные листья — гроши.
Тогда предстают непомерней
Глухие проселки души.
Мерещится странником голос,
Под вьюгой без верной клюки,
И сердце в слезах раскололось
Дуплистой ветлой у реки.
Ненастье и косит, и губит
На кляче ребрастой верхом,
И в дедовском кондовом срубе
Беда покумилась с котом.
Кошечье «мяу» в половицах,
Простужена старая печь.
В былое ли внуку укрыться
Иль в новое мышкой утечь?!
Там лета грозóвые кони,
Тучны золотые овсы...
Согреть бы, как душу, ладони
Пожаром девичьей косы.

1932

490

По жизни радуйтесь со мной,
Сестра буренка, друг гнедой,
Что стойло радугой цветет.
В подойнике лучистый мед,
Кто молод, любит кипень сот,
Пчелиный в липах хоровод!
Любя, порадуйся со мной,
Пчела со взяткой золотой.
Ты сладкой пасеке верна,
Я ж — песне голубее льна,
Когда цветет дремотно он,
В просонки синие влюблен!
Со мною радость разделите,
Баран, что дарит прялке нити
Для теплых ласковых чулок,
Глашатай сумерек — Волчок
И рябка — тетушка-ворчунья,
С котягою,— шубейка кунья,
Усы же гоголиной масти.
Ворона — спутница ненастья, —
Не каркай голодно, гумно
Зареет, словно в рай окно,
Там полногрудые суслоны
Ждут молотьбы рогов и звона;
Кто слышит музыку гумна,
Тот вечно молод, как весна!
Как сизый аир над ручьем,
Порадуйся, мой старый дом,
И улыбнись скрипучей ставней.
Мы заживем теперь исправней,
Тебе за нищие годины
Я шапку починю тесиной
И брови подведу смолой.
Пусть тополь пляшет над тобой

Гуськом, в зеленую присядку!
Порадуйся со мной и, кадка,
Моя дубовая вдова,
Что без соленья не жива,
Теперь же, богатея салом,
Будь женкой мне и перевалом
В румяно-смуглые долины,
Где не живут с клюкой морщины,
И старость, словно дуб осенний,
Пьет чашу снов и превращений,
Вся солнце рдяное, густое,
Чтоб закатиться в молодое,
Быть может, в песенки твои,
Где гнезда свили соловьи,
В янтарный пальчик с перстеньком.
Взгляни, смеется старый дом,
Осклабил окна до ушей
И жмется к тополю нежней,
Как я, без мала в пятьдесят,
К твоей щеке, мой смуглый сад,
Мой улей с солнечною брагой!
Не потому ли над бумагой
Звенит издевкой карандаш,
Что бледность юности не пара,
Что у зимы не хватит чаш
Залить сердечные пожары?!
Уймись, поджарый надоеда, —
Не остудят метели деда,
Лишь стойло б клевером цвело,
У рябки лоснилось крыло
И конь бы радовался сбруе,
Как песне непомерный Клюев!
Он жив, олóнецкий ведун,
Весь от снегов и вьюжных струн
Скуластой тундровой луной
Глядится в яхонт заревой!

1932 или 1933

491

Я лето зо́рил на Вятке,
Жених в хороводе пихт,
Любя по лосьей повадке
Поречье, где воздух тих,
Где челн из цельной осины
Веет каменным веком, смолой:
Еще водятся исполины
В нашей стране лесной!
Еще гнутся лодки из луба
Гагарой и осетром,
Из кряковистого дуба
Рубят суровый дом.
И бабы носят сороки —
Очелья в хазарских рублях.
Черемиска — лен синеокий,
Полет в белесых полях.
Жаворо́нковый бисер, как в давнем,
При посаднике, земской избе,
И заводь цветком купавным
Теплит слезку в полюдье-судьбе.
Полюдье же лаптем железным
Попирает горбыль кедрачам.
Ой, тошнехонько дедам болезным
Приобыкнуть татарским харчам!
Ой, кроваво березыньке в бусах
Удавиться зеленой косой...
Так на Вятке, в цветущих чарусах,
Пил я солнце и пихтовый зной.
И вернулся в Москву черемисом,
Весь медовый, как липовый шмель,
Но в Пушторге ощеренным рысям
Не кажусь я, как ворог, досель.
Вдруг повеет на них ароматом
Пьяных трав, приворотных корней!..

За лобатым кремлевским закатом
Не дописана хартия дней.
Будут ночи рысиной оглядки,
Победителен рог ветровой,
Но раскосое лето на Вятке
Ну́дит душу татарской уздой!

1932 или 1933

492

Чтоб пахну́ло розой от страниц
И стихотворенье садом стало,
Барабанной переклички мало,
Надо слышать клекоты орлиц,
В непролазных зарослях веприц —
На земле, которой не бывало.
До чудесного материка
Не доедешь на слепых колесах.
Лебединый выводок на плёсах,
Глубину и дрёму тростника
Улови, где плещется строка,
Словно утро в розовых прокосах.
Я люблю малиновый падун,
Листопад горящий и горючий,
Оттого стихи мои как тучи
С отдаленным громом теплых струн.
Так во сне рыдает Гамаюн —
Что забытым туром бард могучий.
Простираясь розой подышать,
Сердце, как малиновка в тенётах,
Словно сад в осенних позолотах,
Ро́нит давнее, как листья в гать.
Роза же в неведомых болотах,
Как лисица редкая в охотах,
Под пером не хочет увядать.
Роза, роза! Суламифь! Елена!
Спят чернила заодно с котом,

Поселилась старость в милый дом,
В заводь лет не заплывет сирена,
Там гнилые водоросли, пена
Парусов, как строчек рваный ком.
Это тридцать лет словостроенья,
Плешь как отмель, борода — прибой,
Будет и последний китобой —
Встреча с розою — владычицей морской
Под тараны кораблекрушенья.
Вот тогда и расцветут страницы
Горным льном, наливами пшеницы,
Пихтовой просéкой и сторожкой.
Мой совенок, подожди немножко,
Гости близко: роза и луна,
Старомодно томна и бледна!

1932 или 1933

493

Мы старее стали на пятнадцать
Ржавых осеней, вороньих зим,
А давно ль метелило в Нарым
Нашу юность от домашних пятниц?

Обнищали липы за окном!
На костыль оперся дряблый дом.
Мыши бы теперь да вьюга —
Вышла б философия досуга.

За годами грамотным я стал
И бубню Верлена по-французски.
Только жаворóнок белорусский
С легковейной ласточкой калужской
Перстнем стали, где смежил опал
Воды бледные у бледных скал.

Где же петухи на полотенцах,
Идолище-самовар?!
«Ах, вы сени» обернулись в бар,
Жигули, лазурный Светлояр
Ходят, неприкаянные, в немцах!
А в решетчатых кленовых сенцах,
Как судьба, поет стальной комар.
Про него не будет послесловья,—
Есть комарье жало, боль и зуд.
Я не сталь, а хвойный изумруд,
Из березовой коры сосуд,
Налитый густой мужицкой кровью,
И, по пяди косы, Парасковью
На базар не вывожу, как плут!

Ах, она болезная, родная,
Ста пятидесяти мильонов мать,
Про нее не хватит рассказать
Ни степей моздокских, ни Китая.
Только травы северного мая
Знают девичью любовь и стать.

Я — Прасковьин сын, из всех любимый,
С лебединым выводком в зрачках,
С заячьей порошей в волосах,
Правлю первопуток в сталь и дымы,
Кто допрежде, принимайте Клима,
Я — Прасковьин сын, цветок озимый!

Голос мой — с купавой можжевель,
Я резной, мудреный журавель,
На заедку поклевал Верлена,
Мылил перья океанской пеной,
Подивись же на меня, Европа,—
Я кошница с перлами Антропа!

Мы моложе стали на пятнадцать
Ярых осеней, каленых зим

И румяным листопадом чтим
Деда снежного, глухой Нарым,
С вереницей внучек — серых пятниц!

1932 или 1933

494

Кому бы сказку рассказать,
Как лось матерый жил в подвале,
Ведь прописным ославят вралей,
Что есть в Москве тайга и гать,
Где кедры осыпают шишки —
Смолистые лешачьи пышки!
Заря полощет рушники
В дремотной заводи строки,
Что есть стихи — лосиный мык,
Гусиный перелетный крик;
Чернильница — раздолье совам,
Страницы с запахом ольховым,
И всё, как сказка на Гранатном?

В пути житейском необъятном
Я лось, забредший через гать,
В подвал горбатый умирать.
Как тяжело ресницам хвойным,
Звериным легким — вьюгам знойным —
Дышать мокрицами и прелью!
Уснуть бы под вотяцкой елью,
Сугроб пушистый — одеяло,
Чтобы не чуять над подвалом
Глухих вестей — ворон носатых,—
Что не купаются закаты
В родимой Оби стадом лис,
И на Печоре вечер сиз,
Но берега пронзили сваи,
Калина не венчает в мае

Березку с розовым купалой,
По тундре дымной и проталой
Не серебрится лосий след,
Что пали дебри; брынский дед
По лапти пилами обрезан.
И от свирепого железа
В метель горящих чернолесий
Бегут медвежьи, рысьи веси.
И град из рудых глухарей,
Кряквы, стрельчатых дупелей
Лесные кости кровью мочит!..

Кому же сивый клады прочит,
Напевом золотит копыта,
Когда черемуха убита —
Сестра душистая, чьи пальцы
Брыкастым и комолым мальцем
Его поили зельем мая?!..
От лесоруба убегая,
Березка в горностайной шубке
Ломает руки на порубке,
Одна меж омертвелых пней...

И я один, в рогожу дней
Вплетен, как лыко, волчьим когтем,
Хочу, чтобы сосновым дегтем,
Парной сохатою зимовкой,
А не Есенина веревкой,
Пахнуло на твои ресницы
С подвала, где клюют синицы
Построчный золотой горох,
И тундровый соловый мох
Вплетает время в лосью челку!

На Рождестве закличут елку
Впоследки погостить в подвал,
И за любовь лесной бокал

Осушим мы, как хлябь болотца.
Колдунья будет млеть, колоться,
Пылать от ревности зеленой,
А я поникну над затоном —
Твоим письмом, где глубь и тучки,
Поплакать в хвойные колючки
Под хриплый рог лихой погони
Охотника с косой зубастой.
И в этот вечер звезды часто,
Осиным выводком в июле,
Заволокут небесный улей,
Где няня-ель в рукав соболий
Запрячет сон земной и боли.

1932 или 1933

495

Россия была глу́ха, хро́ма,
Копила сор в избе, но до́ма,
В родном углу пряла судьбу
И аравитянку-рабу
В тюрбане пестром чтила сказкой,
Чтобы за буквенной указкой
Часок вольготный таял слаже,
Сизее щеки, косы глаже,
И перстенек жарчей от вьюги,
Но белый цвет — фату подруги,
Заполонили дебри дыма.
Снежинка — слезка серафима,
Упала на панельный слизень,
В семиэтажье, на карнизе,
Как дух, лунатик... Бьют часы
По темени железной тростью,
Жемчужину ночной красы,
Отужинать дождуся гостью

Хвостатую, в козлиных рожках,
Она в аду на серных плошках,
Главвинегретчица Авдотья.
Сегодня распотешу плоть я
Без старорусского креста,
И задом и губой лапта,
Рогами и совиным глазом!..
Чтоб вередам, чуме, заразам
Нашлося место за столом
В ничьем, безродном, неживом,
Где кровушка в бокалах мутных
И бесы верезжат на лютнях
Ослиный марш топ-топ, топ-топ;
Меж рюмочных хрустальных троп
Ползет змея — хозяйка будней,
Вон череп пожирает студни,
И в пляс пустились башмаки!
Колотят в ребра каблуки.
И сердце лает псом забытым,
У дачи в осень позабытым!
Ослепли ставни, на балконе
Укрылись листья от погони
Ловца свирепого — ненастья.
Коза-подруга, сладострастья
Бокалом мутным не измерить!
Поди и почеши у двери
Свой рог корявый, чтоб больней
Он костенел в груди моей!
Родимый дом и синий сад
Замел дырявый листопад
Отрепьем сумерек безглазых —
Им расцвести сурьмой на вазах,
Глядеться в сон, как в воду мысу
Иль на погосте барбарису!
Коза-любовница топ-топ
И через тартар, и через гроб

К прибою, чайкам, солнца бубну!
Ах, я уснул не беспробудно!
«По морям, по волнам,
Нынче здесь, а завтра — там!» —
Орет весенний переулок,
И голоса, вином из втулок,
Смывают будни, слов коросту...
Не верю мертвому погосту,
Чернявым рожкам и копытам.
Как молодо панельным плитам
И воробьям задорно-сытым!

Январь 1933

496

Мой самовар сибирской меди —
Берлога, где живут медведи
В тайге золы — седой, бурнастый
Ломает икристые насты.
Ворчун в трубе, овсянник в кране —
Лесной нехоженой поляне
Сбирает землянику в кузов.
На огонек приходит муза
Испить стихов с холостяком
И пораспарить в горле ком
Дневных забот и огорчений.
Меж тем как гроздьями сирени
Над самоваром виснет пар,
И песенный старинный дар
В сердечном море стонет чайкой
И бьется крыльями под майкой.
За революцию, от страху,
Надел я майку под рубаху,
Чтобы в груди, где омут мглистый,
Родился жемчуг серебристый,

И звезды бороздили глуби.
Овсянник бурого голубит
Косматой пясткой земляники.
Мои же пестряди и лыки
Цветут для милого Китая,
Где в золотое море чая
Глядится остров — губ коралл
И тридцать шесть жемчужных скал;
За перевалом снежных пик —
Мыс олеандровый — язык.
Его взлюбили альбатросы
За арфы листьев и утесы,
За славу крыльев в небесах.
На стихотворных парусах
Любимый облик, как на плате,
Волной на пенном перекате
Свежит моих седин отроги...
У медной пышущей берлоги,
Где на любовь ворчит Топтыгин,
Я доплету, как лапоть, книги,
Таежные, в пурговых хлопьях.
И в час, когда заблещут копья
Моих врагов из преисподней,
Я уберу поспешно сходни.
Прощай, медвежий самовар!
Отчаливаю в чайный пар,
В Китай, какого нет на карте.
Пообещай прибытье в марте,
Когда фиалки на протале,
Чтоб в деревянном одеяле
Не зябло сердце-медвежонок,
Неприголубленный ребенок!

Январь 1933

497

Хозяин сада смугл и в рожках,
Пред ним бегут кусты, дорожки
И содрогается тюльпан,
Холодным страхом обуян.
Умылся желью бальзамин,
Лишь белена да мухоморы
Ведут отравленные споры,
Что в доме строгий господин,
Что проклевал у клавесин
Чумазый ворон грудь до ребер,
Чтоб не затеплилася в небе
Слезинкой девичьей звезда.
Седея, ивы у пруда
Одели саваны и четки —
Отчалить в сумеречной лодке
К невозмутимым берегам.
Хозяин дома делит сам
Пшеницу, жемчуг, горностаи,
И в жерла ночи бесов стаи
Уносят щедрую добычу.
Я липою медыни сычу,
Таинственный, с дуплистым глазом,
О полночь вижу, как проказам,
Нетопырям, рогатым юдам
Ватага слуг разносит блюда:
Собачий брёх, ребячьи ножки,
И в лунном фраке по дорожке
Проходит сатана на бал.
Дуплистым глазом видя зал,
Я, липа, содрогаюсь лубом,
И вот железным мертвым зубом
И мне грозят лихие силы:
В саду посвистывают пилы
Марш похоронный вязам, кленам,
У белой девушки с балкона

Уходит молодость поэта...
То было в бред и грозы лета,
Мне снился дом под старой липой,
Медынью лунною осыпан,
И сельский бал. На милом бале,
В жасминном бабушкином зале,
Мы повстречалися с тобой,
Ручей с купавой голубой.
Не слава ли — альбомной строчкой
Над окровавленной сорочкой,
Над угольком в виске — бряцать?!
Пускай поплачет ива-мать,
Отец — продрогльый лысый тополь.
Уехать бы в Константинополь,
Нырнуть в сапог, в печную сажу,
Чтобы в стране прорех и скважин
Найти мой бал и в косах маки —
На страх рогатому во фраке:
Ему смертельна липа в шали...

1933

498

Прощайте, не помните лихом,
Дубы осыпаются тихо
Под низкою ржавой луной.
Лишь вереск да терн узловатый,
Репейник как леший косматый
Буянят под рог ветровой.
Лопух не помянет и лошадь,
Дубового хвороста ношу
Оплачет золой камелек.
И в старой сторожке объездчик,
Когда темень ставней скрежещет,
Затянет по мне тютюнок,

Промолвит: «Минуло за тридцать,
Как я разохотился бриться
И ластить стрельчатую бровь;
Мой друг под луною дубовой,
Где брезжат огарками совы,
Хоронит лесную любовь!»

И глаз не сведет до полночи,
Как пламя валежину точит,
Целует сухую кору...
А я синеватою тенью
Присяду рядком на поленья,
Забытый в ненастном бору.

В глаза погляди, Анатолий,
Там свадьбою жадные моли
И в сердце пирует кротиха!..
Дубы осыпаются тихо
Под медно-зеленой луной.
Лишь терний да вереск шальной
Буянят вдоль пьяной дороги,
Мои же напевы, как ноги,
Любили проселок старинный,
Где ландыш под рог соловьиный
Подснежнику выткал онучки.
Прощайте, не помните лихом!
Дубы осыпаются тихо
Рудою в шальные колючки.

Январь 1933

499

Шапку насупя до глаз,
Спит «Не доскачешь до нас»,
Старый колдун городишка, —
Нос — каланчевая вышка,

Чуйка — овражный лопух...
Только б ночник не потух!
Снова кручинится деду,
Некому дрёмы поведать.
Ясени в лунных косынках,
Садик в росистых барвинках,
В хворосте спят снегири...
Где вы, глаза-купыри,
В травах стрельчатых ресниц,
Локон пьяней медуниц?
Тянет ответно ночник:
«Впредь не влюбляйся, старик!»
Плюнуть бы дурню в бельмо:
Сердце не знает само,
Двадцать ему или сотни!..
Где ты, мой цветик болотный?!

В срок я доштопал коты,
Мягко подрезал кусты,
Зерен насыпал щеглу,
Жучку приветил в углу,
Сел на лежанку совой,—
Где ты, подснежник лесной?!
Сумерки дратвы длинней,
Ночи — одер без вожжей —
Тянут чугунный обломок,
Чтоб улыбнулся потомок
Виршам на нем пустозвонным:
«Умер, в щеглёнка влюбленным».
Тяжек могильный колпак...
Вспыхнул за окнами мак
Битвенным алым плащом,
Видится меч и шелом,
Сбруя с арабской насечкой:
«Грозный, тебе ли за печкой
Тени пустые ловить?!»
Только любви не избыть!

Подвиг ли, слава ли, честь ли?
Что там? Колеса да петли!
Терпкая пытка моя!..
Тянется веткой заря
В просинь сутулого зальца...
Выстрел иль хрустнули пальцы?
Ах, то щегленок старинный
Утро вплетает в седины —
В чуйку, в худую постель!..
Где ты, лесная свирель?!

Январь 1933

500. Моему другу Анатолию Яру

Продрогли липы до костей,
До лык, до сердца лубяного
И в снежных саванах готовы
Уснуть навек, не шля вестей.

В круговороте зимних дней,
Косматых, волчьих, лязгозубых,
Деревья не в зеленых шубах,
А в продухах, в сквозистых срубах
Из снов и морока ветвей.

Продрогли липы до костей,
Стучатся в ставни костылями:
«Нас приюти и обогрей
Лежанкой, сказкою, стихами!»

Войдите, снежные друзья,—
В моей лежанке сердце рдеет,
Черемухой и смолью мреет
И журавлиной тягой веет
На одинокого меня!

Подснежниками у ручья
Погрейтесь в пламени сердечном,
Пока горбун — жилец запечный —
Не погасил его навечно!

Войдите!.. Ах!.. Звездой пурговой
Сияет воротник бобровый
И карий всполох глаз перловых!

Ты опоздал, метельный друг,
В оковах льда и в лапах пург
Остыла грудь, замглился дух!
Вот сердце, где тебе венок
Сплетала нежность-пастушок,
Черемуха и журавли
Клад наговорный стерегли:
Стихов алмазы, дружбы бисер,
Чтоб росомахи, злые рыси
Любимых глаз — певучих чаш
Не выпили в звериный раж,
И рожки — от зари лоскут
Не унесли б в глухой закут,
Где волк-предательство живет!..

Оно горит, как ярый мед,
Пчелиным, грозовым огнем!..

Ты опоздал седым бобром,
Серебряным крылом метели
Пахнуть в оконце бедной кельи,
Где оторопь и свист печной
Кружились стаей надо мной,
И за стеной старик-сугроб
Сколачивал глубокий гроб!

Мои рыданья, пальцев хруст
Подслушал жимолости куст, —

Он, содрогаясь о поэте,
Облился кровью на рассвете.

А ты?!.. В отмщенье посмотри,
Как тлеют, горестней зари,
Ущербной, в пазухе еловой,
Былое сердце, песня, слово
И угли — души поцелуев!..

Золой расписываясь: Клюев,
Я мертвецом иду в мороз,
Где преданность — побитый пес
В пургу полуночную воет.

Под солнцем жизни были двое:
Лосенок и лесной ручей.

Продрогли липы до костей
И в дверь случатся костылями:
«Нас приюти и обогрей,
Лежанкой, сказкою, стихами!»

Войдите, бедные друзья,
Декабрьским льдом согреть меня!

Февраль 1933

501. Моему другу Анатолию Яру

Сердце, изъязвленное Другом, не залечивается ничем,— кроме Времени да Смерти. Но Время стирает язвы его, удаляя и больную часть сердца, — частично умерщвляет,— а Смерть изничтожает всего человека. Поскольку жив, стало быть, человек, постольку неисцельны и болезненны раны его от дружбы и будет он ходить с ними, чтобы явить их Вечному Судие.

с. 476

Для всех скорбей находятся слова, но потеря друга и близкого — выше слов: тут — предел скорби, тут какой-то нравственный обморок. Одиночество — страшное слово: «быть без друга» таинственным образом соприкасается с «быть вне Бога». Лишение друга — это род смерти.

Потрясающие стоны 87-го псалма обрываются воплями о друге: «Я сравнялся с нисходящими в могилу; я стал как человек без силы между мертвыми, брошенный,— как убитые, лежащие во гробе, о которых Ты уже не вспоминаешь, Господи. Ты удалил от меня друга искреннего: знакомых моих не видно».

с. 416—417

Из книги «Столп и утверждение Истины» Павла Флоренского

Не верю, что читать без слез
Ты будешь ветхие страницы,
Где хвоями цветут ресницы
И ручейком журчит вопрос:
За что поэту преподнес
Ты скорпиона в нежной розе?..
В скрипучем жизненном обозе
Есть жернов смерти тяжелей —
Твое предательство,— злодей,
Лукавый раб, жених, владыка!..
Ах, не лесная голубика
Укрáсит черное копье,—
В крови певучей лезвие,
С зарею схожей, самой чистой!..
Тебя завидя, вяз росистый
Напружит паруса по корень,
Чтобы размыкать на просторе,
В морях или в лесном пожаре,
Глухую весть, что яхонт карий
Твоих зрачков горит слюдой,
Где месяц мертвой головой

Повис на облачной веревке!..
Есть Святки, синие Петровки,—
Любимый праздник косарей,
Не с ними брачится злодей; —
Страстная крестная суббота
Убийцу нудит из болота
К поэту постучать в оконце...
В Москве или в глухом Олóнце
Кровь на ноже — одна и та же!..
Будь счастлив, милый!.. Хвойной пряжей
Моя струится борода,
И в сердце рана, как звезда,
Лучится лебедем на плёсе.
Уже не турьим рогом сосен,
Узорною славянской сагой,—
Крикливой нотною бумагой
Повеет на твои ресницы
И не дослушанной певицы,
Каких на свете миллионы,
Ты почерпнешь руладо-звоны
Душой ли, пригоршней любимой?!..
Но только облик серафима
Пурге седин, как май погожий...
У русских рек и подорожий
О яхонтах звенит мой посох: —
Они глядят из трав и проса
С мольбою смертной, огнепальной...
Не песней Грузии печальной,
А вдовьей ивовой свирелью
Я убаюкиваю келью:
Бай-бай! Усните злые боли,
Нож не натачивает Толя,
Он в белом гробике уснул
Под заревой сосновый гул.

1 мая 1933
Москва

502. Из предсмертных песен

Под солнцем жизни были двое:
Лосенок и лесной ручей...

Змея змею целует в жало,
Ручей полощет покрывало
В ладонях матери реки;
И ткут запястья тростники,
Друг друга к лебедю ревнуя,
Рассветной тучки поцелуи
Пылают на щеке сосновой.
Вещунья грает слово в слово,
Что вороненок сыт, зобат;
Скулит Мухтарко, что богат
Облавами с соседским псом.
По тополю скучает дом
Вечерним ласковым дымком,
И даже куцая метла
Приятством к заступу тепла.
А — я, как тур из Беловежья,
Где вывелась трава медвежья,
Чтоб жвачкой рану исцелить,
Зову туренка тяжким мыком.
Но пряжей ель и липа лыком
Расшили дебрь не в прок и сыть!
Судьба без глаза. Тур один —
Литовских ладов властелин,
Он рухнет бухлым ржавым дубом,
Рога ломая о порубы,
Чтобы душа — глухарь матерый,
Дозором облетела боры,
Где недоласканный туренок
Влюбился в гарпию спросонок:
Совиха с женской головой,
Рысиный зуб и коготь злой!
За что отель покинул вымя
И теплый пах, в каком Нарыме

Найдет он деда с грудью турьей?!
Там мягко рожкам в стыть и в бури?!
Иль мало взмылено слюны
На ножки-брыки, губы-ляли,
Иль яхонты зрачков устали
Пить сусло северной весны
И мед звериной глубины,
Где вечность в хвойном покрывале?!
Мой первородный,— плачет дед,
Как ель смолою, в чащу лет, —
Она как озеро лесное...
О Лель! О дитятко родное!

Душа-глухарь о ребра бьет,
Туман крадется из болот,
Змея змею целует в жало;
И земляное покрывало
Крот делит с пегою кротихой;
А — я, как тур, настигнут лихом,
С рогатиной в крестце сохатом,
Покинут в смерти милым братом!

10 мая 1933

503

Над свежей могилой любови
Душа словно дверь на засове, —
Чужой, не стучи щеколдой!
Шипящие строки мне любы, —
В них жуть и горящие срубы,
С потемками шорох лесной.

Как травы и вербы плакучи!
Ты кем, лебеденок, замучен
Под хмурым еловым венком?

Не все еще песни допеты,
Дописаны зарью портреты
Опаловым лунным лучом!

Погасла заря на палитре...
Из Углича отрок Димитрий,
Ты сам накололся на нож.
Царица упала на грудку —
Закликать домой незабудку
В пролетье, где плещется рожь!

Во гробике сын Иоанна —
Черемухи ветка, чья рана
Как розан в лебяжьем пуху.
Прости, жаворóнок, убивца,
Невесело савану шиться,
Игле бороздить по греху!

А грех-от, касатик, великий,
Не хватит в лесу земляники
Прогорклую сдобрить полынь:
Зарезаны лебеди-гусли
И струны, что Волги загуслей,
Когда затихает сарынь!

Но спи под рябиной и кашкой,
Ножовая кровь на рубашке,
Дитя пригвожденной страны!
Оса забубнит на могилке,
И время назубрит подпилки
Трухлявить кору у сосны.

Всё сгибнет: ступени столетий,
Опаловый луч на портрете,
Стихи и влюбленность моя!

Нетленны лишь дружбы левкои,
Роняя цветы в мировое,
Где Пан у живого ручья!

Поет золотая тростинка,
И хлеб с виноградом в корзинке —
Художника чарый обед.
Вкушая вкусих мало меда,
Ты умер для песни и деда,
Которому имя — Поэт!

У свежей могилы любови,
Орел над стремниною, внове
Пьет сердце земную юдоль...
Как юны холмы и дубравы!
Он снился мне, выстрел кровавый,
Старинная рана и боль!

Май 1933

504

<Павлу Васильеву>

Я человек, рожденный не в боях,
А в горенке с мураленою печкой,
Что изразцовой пестрою овечкой
Пасется в дрёме, супрядках и снах
И блеет сказкою о лунных берегах,
Где невозвратнее, чем в пуще хвойный прах,
Затеряно Светланино колечко!
Вот почему яичком в теплом пухе
Баюкая ребячий аромат,
Ныряя памятью, как ласточки в закат,
В печную глубину краюхи,
Не веришь желтокожей голодухе,
Что кровью вытечет сердечный виноград!

Ведь сердце — сад нехоженый, немятый!
Пускай в калитку год пятидесятый
Постукивает нудною клюкой,—
Садовнику за хмурой бородой
Смеется мальчик в ластовках лопарских,
В сапожках выгнутых бухарских,
С былиной-нянюшкой на лавке:
Она была у костоправки
И годы выпрядает пряжей...
Навьючен жизненной поклажей,
Я всё ищу кольцо Светланы,
Рожденный в сумерках сверчковых,
Гляжу на буйственных и новых,
Как смотрит тальник на поляны,
Где снег предвешний, ноздреватый
Метут косицами туманы,—
Побеги будут терпко рьяны,
Но тальник чует бег сохатый
И выстрел... В звезды ли иль в темя?..
Кольцо Светланы точит время,
Но есть ребячий городок
Из пуха, пряжи и созвучий,
Куда не входит зверь рыкучий
Пожрать волшебный колобок.
И кто в громах рожден, как тучи,
Тем не уловится текучий,
Как сон, запечный ручеек!
Я пил из лютни жемчуговой
Пригоршней, сапожком бухарским,
И вот судьею пролетарским
Казним за нежность, тайну, слово,
За морок горенки в глазах,—
Орланом — иволга в кустах.
Не сдамся! Мне жасмин ограда
И розы алая лампада,
Пожар нарцисса, львиный зев!
Пусть дубняком стальной посев

Взойдет на милом пепелище —
Лопарь забрел по голенище
В цимбалы, в лукоморья скрипки
Проселком от колдуньи-зыбки
Чрез горенку и дебри-няни,
Где заплутали спицы-лани,
Бодаясь с нитью ярче сказки!
Уже Есенина побаски
Измерены, как синь Оки,
Чья глубина по каблуки,
Лишь в пасмо серебра чешуйки...
Но кто там в росомашьей чуйке,
В закатном лисьем малахае,
Ковром зари, монистом бая,
Прикрыл кудрявого внучонка? —
Иртыш пелéгает тигренка —
Васильева в полынном шелке...
Ах, чур меня! Вода по холки!
Уже о печень плещет сом —
Скирда кувшинок — песен том! —
Далече — самоцветны глуби...
Я — человек, рожденный в срубе,
И гостю с яхонтом на гýбе,
С алмазами, что давят мочку,
Повышлю в сарафане дочку, —
Ее зовут Поклон до земи,—
От Колывани, снежной Кеми,
От ластовок — шитья лопарки,
И печи — изразцовой ярки, —
Ведунья падка до купав,
Иртышских и шаманских трав!
Авось, испимши и поемши,
Она ершонком в наши верши
Загонит перстенек Светланы!
И это будет раным-рано,
Без слов дырявых человечьих,
Когда на розовых поречьях,

Плывет звезда вдоль рыбьих троп,
А мне доской придавят лоб,
Как повелося изначала,
Чтоб песня в дереве звучала!

1933

505

Моей чародейной современнице —
славной русской артистке
Надежде Андреевне Обуховой

Баюкало тебя райское древо
Птицей самоцветною — девой,
Ублажала ты песней царя Давида,
Он же гуслями вторил взрыдам.
Таково пресладостно пелось в роще,
Где ручей поцелуями ропщет,
Виноградье да яхонты-дули!..
И проснулась ты в русском июле:
«Что за край, лесная округа?»
Отвечают: «Кострома да Калуга!»
Протерла ты глазыньки рукавом кисейным,
Видишь — яблоня в плату златовейном!
Поплакала с сестрицей, пожурилась
Да и пошла белицей на клирос.
Таяла, как свеченька, полыхая веждой,
И прослыла в людях Обуховой Надеждой.
А мы, холуи, зенки пялим, —
Не видим, что Сирин в бархатной зале,
Что сердце райское под белым тюлем
Обо́жжено грозо́вым июлем,
Лесными пожарами, гладом да мором,
Кручинится по синим небесным озерам —
То Любашей в «Царской невесте»,
То Марфой в огненном благовестье.

А мы, холуи, зенки пялим, —
Не видим крыл в заревом опале,
Не слышим гуслей царя Давида
За дымом да слезами горькой панихиды!
Пропой нам, сестрица, кого погребаем
В Костромском да Рязанском крае?
Ответствует нам краса Любаша:
«Это русская долюшка наша, —
Голова на коле,
Косынька в пекле,
Перстенек на Хвалынском дне».
Аминь.

1933

506

Меня октябрь настиг плечистым,
Как ясень, с усом золотистым,
Глаза — два селезня на плёсе,
Волосья — копны в сенокосе,
Где уронило грабли солнце.
Пятнадцатый октябрь в оконце
Глядит подростком загорелым,
С обветренным шафранным телом,
В рябину — яркими губами,
Над головой, как роща, знамя,
Где кипень бурь, крутых дождей, —
Земли матерой трубачей.
А я, как ива при дороге, —
Телегами разбиты ноги
И кожа содрана на верши.
Листвой дырявой и померкшей
Напрасно бормочу прохожим:
— Я, златострунный и пригожий, —
Средь вас, как облачко, плыву!
Сердца склоните на молву,

Не бейте, обвяжите раны,
Чтобы лазоревой поляны,
Саврасых трав, родных лесов
Я вновь испил привет и кров!
И ярью, белками, щеглами,
Как наговорными шелками,
Расшил поэзии ковер
Для ног чудесного подростка,
Что, как подснежная березка,
Глядит на речку косогор,
Вскипая пра́зеленью буйной!
Никто не слышит ветродуйной
Дуплистой и слепой кобзы.

Меня октябрь серпом грозы,
Как иву, по крестец обрезал
И дал мне прялку из железа
С мотком пылающего шелка,
Чтобы ощерой костью волка
Взамен затворничьей иглы
Я вышил скалы, где орлы
С драконами в свирепой схватке.
И вот, как девушки, загадки
Покровы сняли предо мной
И первородной наготой
Под древом жизни воссияли,
Как лебеди в речном опале,
Плеща, любуются собой!
И в шапке, в зарослях кафтанных,
Как гнезда, песни нахожу,
И бородой зеленой вея,
Порезать ивовую шею
Не дам зубастому ножу!
Посторонитесь! Волчьей костью
Я испещрил подножье гостю:
Вот соболиный, лопи стёг,
Рязани пестрядь и горох,

Сибири золотые прошвы,
Бухарская волна и кошмы.
И смуглой Грузии узор
Горит как сталь очам в упор,
Моя же сказка — остальное:
Карельский жемчуг, чаек рои
И юдо вещее лесное:
Медведь по свитку из лозы
Выводит ягодкой азы!

Я снова ткач разлапых хвой,
Где зори в бусах киноварных,
В котомке, в зарослях кафтанных,
Как гнезда, песни нахожу,
И бородой зеленой вея,
Порезать ивовую шею
Не дам зубастому ножу.

1933

507. Годы

Я твой, любовь! Под пятьдесят,
Торжественный дубовый сад
Иль паруса под свежей тучей, —
Вздыхает борода могуче!
И грудь стропилами ключицы
Вперила в порубе светлицы,
Где сердце Сирином в коруне
Вот-вот на кровь пожаром дунет,
И закипит смолой руда!..

Прошу гостей — свои года
На лавицу, под образ отчий:
Ромашки — отрочества очи,
Садитесь к златной пелене,
Где матери персты на дне

И чудотворные ресницы!
Она повышила дробницы
Для первенца — лесной фиалки.
Пятнадцатый, садись у прялки,
Коль хочешь выглядеть девчонкой
Иль покумись с изюмной гонкой —
Густой шиповник на щеках
И пчелка в гречневых кудрях
С ведёрцем меда в звонких лапках!
(Забыл, что ножки у пчелы.)
Осьмнадцать с двадцатью смуглы —
Пролетних васильков охапка,
Где вьется белый мотылек —
Веселой жницы голосок,
Алёнушки или Любаши,
Уселися к добротной каше,
Чтобы повыглядеть дубовей, —
Росистый первоцвет любови!
Вот двадцать пять — ау лесное,
Руно на бедрах, губы в зное,
Шафран и золото на коже,
Он всех дурманней и пригожей —
Дитя неведомой весны,
В венке из пьяной белены,—
Пред ним корзина с виноградом
И друг золоторогий рядом.

За ними тридцать — пряный гость,
Тюрбан в рубинах, в перлах трость,
Как черный ястреб, реет бровь,
Шатер ресниц таит любовь,
И ложе пышное из шелка, —
Пред ним кинжал и шкура волка!
Не узнаю тебя, пришлец,
В серьгах, коралловый венец,
Змея на шее, сладко жаля,
Звенит чешуйками о зале

Подземном, в тусклых сталактитах,
О груде тел, лозой повитых
На ложе обоюдоостром!
Душе прозреть тебя не просто,
Ты — дуб из черного стекла,
Сквозящий маревами зла,
Где бродит желтый лунный морок.
Змея насвистывает: сорок!
Близнец пылающего зала,
Осыпанный дождем опалов,
С двойной змеей на львиной шее,
Павлиным опахалом вея,
Чтоб остудить хоть на мгновенье
Костей плавильню, жил разжженье, —
Садись за блюдо черных сот,
Геенский сорок пятый год!
Желанный год пятидесятый, —
Величье лба от Арарата,
И в бороде, как меж холмов,
Голубоватый блеск снегов
Еще незримых, но попутных, —
На братьев пестрых и лоскутных,
Глядит, как дуб, вершиной вея,
На быстротечные затеи
Веселых векш и диких яблонь...

Я твой, любовь! И не озябло
Подсолнечник — живое сердце,
Оно пьет сумерки ведёрцем,
Степную сыть чумацким возом,
Но чем пьяней, махровей розам,
Тем слаще жалят их шмели
И клонят чаши до земли,
Чтобы вино смешалось с перстью...
Не предавай меня безвестью,
Дитя родное! Меж цветов
Благоухает лепестков

Звенящий ворох. Это песни,
За них стань прахом и воскресни.

<1933>

508—509. Из цикла «Разруха»

1

От Лаче-озера до Выга
Бродяжил я тропой опасной,
В прогалах брезжил саван красный,
Кочевья леших и чертей.
И как на пытке от плетей
Стонали сосны: «Горе! Горе!»
Рябины — дочери нагорий
В крови до пояса... Я брел,
Как лось, изранен и комол,
Но смерти показав копыта.
Вот чайками, как плат, расшито
Буланым пухом Заонежье
С горою вещею Медвежьей,
Данилово, где Неофиту
Андрей и Симеон, как сыту,
Сварили на премноги леты
Необоримые «Ответы».
О книга — странничья киса,
Где синодальная лиса
В грызне с бобрихою поддонной, —
Тебя прочтут во время оно,
Как братья, Рим с Александрией,
Бомбей и суетный Париж!
Над пригвожденною Россией
Ты сельской ласточкой журчишь,
И, пестун заводи камыш,
Глядишься вглубь — живые очи, —
Они, как матушка, пророчат

Судьбину — не чумной обоз,
А студенец в тени берез
С чудотворящим почерпальцем!..
Но красный саван мажет смальцем
Тропу к истерзанным озерам, —
В их муть и раны с косогора
Забросил я ресниц мережи
И выловил под ветер свежий
Костлявого, как смерть, сига:
От темени до сапога
<Весь изъязвленный> пескарями,
Вскипал он <гноем>, злыми вшами,
Но губы теплили молитву...
Как плахой, поражен ловитвой,
Я пролил вопли к жертве ада:
«Отколь, родной? Водицы надо ль?»
И дрогнули прорехи глаз:
«Я ж украинец Опанас...
Добей зозулю, чоловиче!..»
И видел я: затеплил свечи
Плакучий вереск по сугорам,
И ангелы, златя убором
Лохмотья елей, ржавь коряжин,
В кошницу из лазурной пряжи
Слагали, как фиалки, души.
Их было тысяча на суше
И гатями в болотной води!..
О Господи, кому угоден
Моих ресниц улов зловещий?
А Выго сукровицей плещет
О пленный берег, где медведь
В недавнем милом ладил сеть,
Чтобы словить луну на ужин!
Данилово — котел жемчужин,
Дамасских перлов, слезных смазней,
От поругания и казни

Укрылося под зыбкой схимой, —
То Китеж новый и незримый,
То беломорский смерть-канал,
Его Акимушка копал,
С Ветлуги Пров да тетка Фёкла.
Великороссия промокла
Под красным ливнем до костей
И слезы скрыла от людей,
От глаз чужих в глухие топи.
В немереном горючем скопе
От тачки, заступа и горстки
Они расплавом беломорским
В шлюзах и дамбах высят воды.
Их рассекают пароходы
От Повенца до Рыбьей Соли, —
То памятник великой боли,
Метла небесная за грех
Тому, кто выпив сладкий мех
С напитком дедовским стоялым,
Не восхотел в бору опалом,
В напевной, ко́ндовой избе
Баюкать солнце по судьбе,
По доле и по крестной страже...
Россия! Лучше б в курной саже,
С тресковым пузырьком в прорубе,
Но в хвойной непроглядной шубе,
Бортняжный мед в кудесной речи
И блинный хоровод у печи,
По Азии же блин — чурек,
Чтоб насыщался человек
Свирелью, родиной, овином
И звездным выгоном лосиным, —
У звезд рога в тяжелом злате, —
Чем крови шлюз и вошьи гати
От Арарата до Поморья.
Но лен цветет, и конь Егорья

Меж туч сквозит голубизной
И веще ржет... Чу! Волчий вой!
Я брел проклятою тропой
От Дона мертвого до Лаче.

2

Есть демоны чумы, проказы и холеры,
Они одеты в смрад и в саваны из серы.
Чума с кошницей крыс, проказа со скребницей,
Чтоб утолить колтун палящей огневицей,
Холера же с зурной, где судороги жил,
Чтоб трупы каркали и выли из могил.
Гангрена, вереда и повар-золотуха,
Чей страшен едкий суп и терпка варенуха
С отрыжкой камфары, гвоздичным ароматом
Для гостя-волдыря с ползучей цепкой ватой.
Есть сифилис — ветла с разинутым дуплом
Над жёлчи омутом, где плещет осетром
Безносый водяник, утопленников пестун.
Год восемнадцатый на родину-невесту,
На брачный горностай, сидонские опалы
Низринул ливень язв и сукровиц обвалы,
Чтоб дьявол-лесоруб повыщербил топор
О дебри из костей и о могильный бор,
Не считанный никем, непроходимый. —
Рыдает Новгород, где тучкою златимой
Грек Феофан свивает пасмы фресок
С церковных крыл — поэту мерзок
Суд палача и черни многоротой.
Владимира червонные ворота
Замкнул навеки каменный архангел,
Чтоб стадо гор блюсти и водопой на Ганге,
Ах, для славянского ль шелома и коня?
Коломна светлая, сестру Рязань обняв,
В заплаканной Оке босые ноги мочит,
Закат волос в крови и выколоты очи,

Им нет поводыря, родного крова нет!
Касимов с Муромом, где гордый минарет
Затмил сияньем крест, вопят в падучей муке
И к Волге-матери протягивают руки.
Но косы разметав и груди-Жигули,
Под саваном песков, что бесы намели,
Уснула русских рек колдующая пряха; —
Ей вести черные, скакун из Карабаха,
Ржет ветер, что Иртыш, великий Енисей
Стучатся в океан, как нищий у дверей:
«Впусти нас, дедушка, напой и накорми,
Мы пасмурны от бед, изранены плетьми
И с плеч береговых посняты соболя!»
Как в стужу водопад, плачь, русская земля,
С горючим льдом в пустых глазницах,
Где утро — сизая орлица —
Яйцо сносило — солнце жизни,
Чтоб ландыши цвели в отчизне,
И лебедь приплывал к ступеням.
Кошница яблок и сирени,
Где встарь по соловьям гадали,—
Чернигов с Курском! Бык из стали
Вас забодал в чуму и в оспу,
И не свирелью — кисти в роспуск,
А лунным черепом в окно
Глядится ночь давным-давно.

Плачь, русская земля, потопом...
Вот Киев, по усладным тропам
К нему не тянут богомольцы,
Чтобы в печерские оконца
Взглянуть на песноцветный рай.
Увы, жемчужный каравай
Похитил бес с хвостом коровьим,
Чтобы похлебкою из крови
Царьградские удобрить зерна!
Се Ярославль — петух узорный,

Чей жар-атлас, кумач-перо
Не сложит короб на добро
Кудрявый офень... Сгибнул кочет,
Хрустальный рог не трубит к ночи,
Зарю хвоста пожрал бетон,
Умолк сорокоустый звон,
Он, стерлядь, в волжские пески
Запрятался по плавники!
Вы умерли, святые грады,
Без фимиама и лампады
До нестареющих пролетий.

Плачь, русская земля, на свете
Злосчастней нет твоих сынов,
И адамантовый засов
У врат лечебницы небесной
Для них задвинут в срок безвестный.
Вот город славы и судьбы,
Где вечный праздник бороньбы
Крестами пашен бирюзовых,
Небесных нив и трав шелковых,
Где князя Даниила дуб
Орлу двуобразному люб. —
Ему от Золотого Рога
В Москву указана дорога,
Чтобы на дебренской земле,
Когда подснежники пчеле
Готовят чаши благовоний,
Заржали бронзовые кони
Веспасиана, Константина...

Скрипит иудина осина
И плещет вороном зобатым,
Доволен лакомством богатым,
О ржавый череп чистя нос,
Он трубит в темь: колхоз, колхоз!
И, подвязав воловий хвост,

На верезг мерзостной свирели
Повылез черт из адской щели —
Он весь мозоль, парха и гной,
В багровом саване, змеей
По смрадным бедрам опоясан...
Не для некрасовского Власа
Роятся в притче эфиопы —
Под черной зарослью есть тропы,
Бетонным связаны узлом —
Там сатаны заезжий дом.
Когда в кибитке ураганной
Несется он, от крови пьяный,
По первопутку бед, сарыней,
И над кремлевскою святыней,
Дрожа успенского креста,
К жилью зловещего кота
Клубит метельную кибитку,—
Но в боль берестяному свитку
Перо, омокнутое в лаву,
Я погружу его в дубраву,
Чтоб листопадом в лог кукуший
Стучались в стих убитых души...
Заезжий двор — бетонный череп,
Там бродит ужас, как в пещере,
Где ягуар прядет зрачками.
И, как плоты по хмурой Каме,
Храня самоубийц тела,
Плывут до адского жерла
Рекой воздушною... И ты
Закован в мертвые плоты,
Злодей, чья флейта — позвоночник,
Булыжник уличный — построчник
Стихи мостить «в мотюх и в доску»,
Чтобы купальскую березку
Не кликал Ладо в хоровод,
И песню позабыл народ,
Как молодость, как цвет калины...
Под скрип иудиной осины

Сидит на гноище Москва,
Неутешимая вдова,
Скобля осколком по коростам,
И многопестрым Алконостом
Иван Великий смотрит в были,
Сверкая златною слезой.
Но кто целящей головней
Спалит бетонные отеки:
Порфирный Брама на востоке
И Рим, чей строг железный крест?
Нет русских городов-невест
В запястьях и рублях мидийских...

<1934>

510

Есть две страны: одна — Больница,
Другая — Кладбище, меж них
Печальных сосен вереница,
Угрюмых пихт и верб седых!

Блуждая пасмурной опушкой,
Я обронил свою клюку
И заунывною кукушкой
Стучусь в окно к гробовщику:

«Ку-ку! Откройте двери, люди!»
«Будь проклят, полуночный пес!
Куда ты в глиняном сосуде
Несешь зарю апрельских роз?!

Весна погибла, в космы сосен
Вплетает вьюга седину»...
Но, слыша скрежет ткацких кросен,
Тянусь к зловещему окну

И вижу: тетушка Могила
Ткет желтый саван, и челнок,

Мелькая птицей чернокрылой,
Рождает ткань, как мерность строк.

В вершинах пляска ветродуев,
Под хрип волчицыной трубы
Читаю нити: «Н. А. Клюев —
Певец олóнецкой избы!»

Я умер! Господи, ужели?!
Но где же койка, добрый врач?
И слышу: «В розовом апреле
Оборван твой предсмертный плач!

Вот почему в кувшине розы,
И сам ты — мальчик в синем льне!..
Скрипят житейские обозы
В далекой бренной стороне.

К ним нет возвратного проселка,
Там мрак, изгнание, Нарым.
Не бойся савана и волка, —
За ними с лютней серафим!»

«Приди, дитя мое, приди!» —
Запела лютня неземная,
И сердце птичкой из груди
Перепорхнуло в кущи рая.

И первой песенкой моей,
Где брачной чашею лилея,
Была: «Люблю тебя, Рассея,
Страна грачиных озимей!»

И ангел вторил: «Буди, буди!
Благословен родной овсень!
Его, как розаны в сосуде,
Блюдет Христос на Оный День!»

<1937>

ПОЭМЫ

511. Четвертый Рим

Николаю Ильичу Архипову

А теперь я хожу в цилиндре
И в лаковых башмаках...
Сергей Есенин

Не хочу быть знаменитым поэтом
В цилиндре и в лаковых башмаках,
Предстану миру в песню одетым
С медвежьим солнцем в зрачках,
С потемками хвой в бородище,
Где в случке с рысью рычит лесовик!
Я сплел из слов, как закат, лаптище
Баюкать чадо — столетий зык, —
В заклятой зыбке седые страхи,
Колдуньи — Дрёмы, горбун — Низги...
Мое лицо — ребенок на плахе,
Святитель в гостях у бабы-яги.
А сердце — изба, бревна сцеплены в лапу,
Там горница — ангелов пир,
И точат иконы рублёвскую вапу,
Молитв молоко и влюбленности сыр.
Там тайны чулан, лавка снов и раздумий,
Но горница сердца лобку не чета:
О край золотых сенокосов и гумен!
О ткацкая радуг и вёсен лапта!

К тебе притекают искатели кладов —
Персты мои — пять забубённых парней,
И в рыжем полесье, у жил водопадов
Буравят пласты до алмазных ключей.
Душа — звездоперый петух на нашесте —
Заслушалась яростных чмоков сверла...
Стихи — огневица о милой невесте,
Чьи ядра — два вепря, два лютых орла.

Не хочу укрывать цилиндром
Лесного черта рога!
Седым кашалотам, зубаткам и выдрам
Моих океанов и рек берега!
Есть берег сосцов, знойных ягодиц остров,
Долина пахов, плоскогорье колен;
Для галек певучих и раковин пестрых
Сюда заплывает ватага сирен,
Но хмурится море колдующей плоти,
В волнах погребая страстей корабли.
Под флейту тритона на ляжек болоте
Полощется леший и духи земли.
О плоть — голубые нагорные липы,
Где в губы цветений вонзились шмели,
Твои листопады сгребает Архипов
Граблями лобзаний в стихов кошели!
Стихов кошели полны липовым медом,
Подковами радуг, лесными ау...
Возлюбленный будет возлюблен народом
За то, что баюкал слезинку мою.
Возлюбленный — камень, где тысячи граней,
В их омуте плещет осетр-сатана,
В змеиной повязке, на серном кабане,
Блюдет сладострастье обители сна,
Возлюбленный — жатва на северном поле,
Где тучка — младенчик в венце гробовом,
Печаль журавиная русских раздолий,
Спрядающих травы и звезды крестом.

Не хочу цилиндром и башмаками
Затыкать пробоину в барке души!
Цвету я, как луг, избяными коньками,
Улыбкой озер в песнозвонной тиши.
Да! И верен я зыбке, плакучей родимой,
Могилушке маминой, лику гумна;
Зато, как щеглята, летят серафимы
К кормушке моей, где любовь и весна.
Зато на моем песнолиственном дубе
Бессмертия птица и стая веков,
Варить Непомерное в черепа срубе
Сошлись колдуны у заклятых котлов.
В котлах печень мира и солнца вязига,
Безумия перец, укроп тишины...
Как первенец ясный, столикая книга
Лежит на руках у родимой страны.
В той книге страницы — китовьи затоны,
На буквенных скалах лебяжий базар,
И каркают точки — морские вороны,
Почуя стихов ледовитый пожар.
В той книге строка — беломорские села
С бревенчатой сказкою изб и дворов,
Где темь-медвежонок и бабы с подола
Стряхают словесных куниц и бобров.
Кукует зегзицею дева-Обида
Над слезкой России (о камень драгий!..).
Когда-нибудь хрустнет небесная гнида —
Рябой полумесяц под ногтем стихий.
И зуд утолится, по ляжек болотам
Взойдет чистоты белоснежный ирис,
Заклятым стихам отдадут, словно сотам,
Мёд глаз ярославец, вогул и киргиз.

Не хочу быть лакированным поэтом
С обезьяньей славой на лбу!
С Ржаного Синая багряным заветом
Связую молот и мать-избу.

Связую думы и сны суслона
С многоязычным маховиком...
Я — Кит Напевов, у небосклона
Моря играют моим хвостом.
Блюду я, вечен и неизменен,
Печные крепи, гумна пяту.
Пилою-рыбой кружи́т Есенин,
Меж ласт родимых ища мету.
Пилою-рыбой прослыть почёстно
У сонных крабов, глухих бодяг...
Как дед внучонка, качает вёсны
Паучьей лапой запечный мрак.
И зреют вёсны: блины, драчёны,
Рогатый сырник, пузан-кулич...
«Для варки песен — всех стран Матрёны,
Соединяйтесь!» — несется клич...
Котел бессмертен, в поморьях щаных
Зареет яхонт — Четвертый Рим:
Еще немного и в новых странах
Мы желудь сердца Земле вручим.
В родных ладонях прозябнет дубом
Сердечный желудь, листва-зрачки...
Подарят саван заво́дским трубам
Великой Азии пески.
И сядет ворон на череп Стали —
Питомец праха, судьбы маяк...
Затмит ли колоб на звездном сале
Сосцы ковриги, — башмачный лак?

Не хочу быть «кобыльим» поэтом,
Влюбленным в стойло, где хмара и кал!
Цветет в моих снах геенское лето
И в лязге строк кандальный Байкал.
Я вскормлен гумном, соловецким звоном,
Что вьет, как напевы, гнезда в ушах.
Это я плясал перед царским троном
В крылатой поддёвке и злых сапогах,

Это я зловещей совою
Влетел в Романовский дом,
Чтоб связать возмездье с судьбою
Неразрывным красным узлом,
Чтоб метлою пурги сибирской
Замести истории след...
Зырянин с душой нумидийской
Я — родной мужицкий поэт.
Черномазой пахоты ухо
Жаворонковый ловит гром —
Не с того ль кряжистый Пантюха
Осеняет себя крестом?
Не от песни ль пошел вприсядку
Звонкодутий лихой Валдай,
И забросил в кашную латку
Многострунный невод Китай?
На улов таращит Европа
Окровавленный жадный глаз,
А в кисе у деда Антропа
Кудахчет павлиний сказ.

Анафема, анафема вам,
Башмаки с безглазым цилиндром!
Пожалкую на вас стрижам
Речным плотицам и выдрам.

Попечалюсь родной могилке,
Коту, горшку-замарашке,
Чтобы дьявольские подпилки
Не грызли слезинок бляшки,

Чтоб была, как подойник, щедра
Душа молоком словесным.
Не станут коврижные недра
Калачом поджарым и пресным.

Не будет лаковым Клюев,
Златорог — задорным кутёнком!

Легче сгинуть в песках Чарджуев
С мягкозадым бачой-сартёнком.

В чайхане дремать на циновке,
В полосатом курдском халате,
И видеть, как звезд подковки
Ныряют в небесной вате,

Как верблюдица-полумесяц
Пьет у Аллы́ с ладони...
У мускусных перелесиц
Замедлят времени кони.

И сойду я с певчей кобылы —
Кунак в предвечном ауле...
Ау, Николенька милый —
Живых поцелуев улей!

Ау! Я далёко, далёко...
Но в срок, как жених, вернуся,
Стихи — жемчуга Востока
Сложить пред образом Ру́си.

Ноябрь 1921

512. Мать-Суббота

Николаю Ильичу Архипову —
моей последней радости!

Ангел простых человеческих дел
В избу мою жаворо́нком влетел,
Заулыбалися печь и скамья,
Булькнула звонко гусыня-бадья,
Муха впотьмах забубнила коту:
«За ухом, дяденька, смой черноту!»

Ангел простых человеческих дел
Бабке за прялкою венчик надел,
Миром помазал дверей косяки,
Бусы и киноварь пролил в горшки,
Посох врачуя, шепнул кошелю:
«Будешь созвучьями полон в раю!..»

Ангел простых человеческих дел
Вечером го́луб, в рассветки же бел,
Перед ковригою свечку зажег,
В бороду сумерек вплел василек,
Сел на шесток и затренькал сверчком:
«Мир тебе, нива, с горбатым гумном,
Мир очагу, где обильны всегда
Звездной плотвою годов невода!..»

Невозмутимы луга тишины —
Пастбище тайн и овчинной луны.
Там небеса, как полати, теплы,
Овцы — оладьи, ковриги — волы;
Хищным отарам вожак — помело,
Отчая кровля — печное чело.

Ангел простых человеческих дел
Хлебным теленьям дал тук и предел.

Судьям чернильным постылы стихи,
Где в запятых голосят петухи,
Бродят коровы по злачным тире,
Строки ж глазасты, как лисы в норе.
Что до того, если дедов кошель —
Луг, где Егорий играет в свирель,
Сивых, соловых, буланых, гнедых
Поят с ладоней соборы святых:
Фрол и Медост, Пантеле́ймон, Илья —
Чин избяной, луговая семья.

Что до того, если вечер в бадью
Солнышко скликал: «тю-тю да тю-тю!»
Выведет солнце бурнастых утят
В срок, когда с печью прикурнет ухват,
Лавка постелет хозяйке кошму,
Вычернить косы — потемок сурьму.

Ангел простых человеческих дел
Певчему суслу взбурлить повелел.

Дремлет изба, как матерый мошник
В пазухе хвойной, где дух голубик,
Крест соловецкий, что крепче застав,
Лапой бревенчатой к сердцу прижав.
Сердце и Крест — для забвенья мета...
Бабкины пальцы — Иван Калита —
Смерти грозятся, узорят молву,
В дебрях суслонных возводят Москву...

Слышите ль, братья, поддонный трезвон —
Отчие зовы запечных икон?!
Кони Ильи, Одигитрии плат,
Крылья Софии, Попрание врат,
Дух и Невеста, Царица предста
В колосе житном отверзли уста!

Ангел простых человеческих дел
В персях земли урожаем вскипел.

Чрево овина и стога крестцы —
Образов деды, прозрений отцы.
Сладостно цепу из житных грудей
Пить молоко первопутка белей,
Зубы вонзать в неневестную плоть —
В темя снопа, где пирует Господь.
Жернову зерна — детине жена,
Лоно посева — квашни глубина,

Вздохи серпа и отжинок тоску
Каменный пуп растирает в муку.

Бабкины пальцы — Иван Калита —
Ставят помолу капкан решета.
В пестрой макитре вскисает улов:
В чаше агатовой очи миров,
Распятый Лебедь и Роза над ним...
Прочит огонь за невесту калым,
В звонких поленьях зародыши душ
Жемчуг ссыпают и золота куш...
Савское миро, душисто-смугла
Входит Коврига в Чертоги Тепла.

Тьмы серафимов над печью парят
В час, как хозяйка свершает обряд:
Скоблит квашню и в мочалкин вихор
Крохи вплетает, как дружкин убор.
Сплетницу муху, пройдоху кота
Сказкой дивит междучасий лапта.

Ангел простых человеческих дел
Умную нежить дыханьем пригрел.

Старый баран и провидец-петух,
Сторож задворок — лохматый лопух
Дождик сулят, бородами трепля...
Тучка повойником кроет поля,
Редьке на грядке испить подает —
Стала б ядрена, бела наперед.
Тучка — к пролетью, к густым зеленям,
К свадьбам коровьим и к спорым блинам...
В горсти запашек опару пролив,
Селезнем стала кормилица нив.

Зорко избе под сытовым дождем
Просинь клевать, как орлице, коньком.

Ну́дить судьбу, чтобы ребра стропил
Перистым тесом хозяин покрыл,
Знать, что к отлету седые углы
Сорок воскрылий простерли из мглы,
И к новоселью в поморья окон
Кедровый лик окунул Елеон,
Лапоть Исхода, Субботу Живых...

Стелют настольник для мис золотых,
Ру́шают Хлеб для крылатых гостей
(Пуду — Сергунька, Васятке — Авдей).
Наша Суббота озер голубей!

Ангел простых человеческих дел
В пляске Васяткиной крылья воздел.

Брачная пляска — полет корабля
В лунь и агат, где Христова Земля.
Море житейское — черный агат
Плещет стихами от яростных пят.
Духостихи — златорогов стада,
Их по удоям не счесть никогда,
Только следы да сиянье рогов
Ловят тенёта захватистых слов.
Духостихи отдают молоко
Мальцам безудным, что пляшут легко.
Мельхиседек и Креститель Иван
Песеннорогий блюдут караван.

Сладок Отец, но пресладостней Дух, —
Бабьего выводка ястреб — пастух,
Любо ему вожделенную мать
Страсти когтями, как цаплю, терзать,
Девичью печень, кровавый послед
Клювом долбить, чтоб родился поэт.
Зыбка в избе — ястребиный улов —
Матери мнится снопом васильков;

Конь-шестоглав сторожит васильки, —
Струнная грива и песня зрачки.

Сноп бирюзовый — улыбок кошель —
В щебет и грай пеленает апрель,
Льнет к молодице: «Сегодня в ночи
Пламенный дуб возгорит на печи,
Ярой пребудь, чтобы соты грудей
Вывели ос и язвящих шмелей:
Дерево-сполох — кудрявый Федот
Даст им смолу и сжигающий мед!»

Улей ложесн двести семьдесят дней
Пестует рой медоносных огней...
Жизнь-пчеловод постучится в леток:
Дескать, проталинка теплит цветок!...
Пасеке зыбок претит пустота —
В каждой гудит, как пчела, красота.
Маковый ротик и глазок слюда —
Бабья держава, моя череда.

Радуйтесь, братья, беременен я
От поцелуев и ядер коня!
Песенный мерин — багряный супруг —
Топчет суставов и ягодиц луг,
Уды мои, словно стойло, грызет,
Роет копытом заклятый живот, —
Родится чадо — табун жеребят,
Музыка в холках, и в ржании лад.

Ангел простых человеческих дел
Гурт ураганный пасти восхотел.

Слава ковриге и печи хвала,
Что Голубую Субботу спекла,
Вывела лося — цимбалы рога,
Заколыбелить души берега!

Ведайте, други, к животной земле
Едет купец на беляне-орле!
Груз преисподний: чудес сундуки,
Клетки с грядущим и славы тюки!
Пристань-изба уповаьем цветет,
Веще мурлычет подойнику кот,
Птенчики-зерна в мышиной норе
Грезят о светлой засевной поре;

Только б привратицу серую мышь
Скрипы вспугнули от мартовских лыж,
К зернышку в гости пожалует жук,
С каплей-малюткою — лучиков пук.
Пегая глыба, прядя солнопёк,
Выгонит в стебель ячменный пупок.
Глядь, колосок, как подругу бекас,
Артосом кормит лазоревый Спас...

Ангел простых человеческих дел
В книжных потемках лучом заалел.

Братья, Субботе Земли
Всякий любезно внемли:
Лишь на груди избяной
Вы обретете покой!

Только ковриги сосцы —
Гаг самоцветных ловцы,
Яйца кладет, где таган —
Дум яровой пеликан...

Светел запечный притин —
Китеж Мемёлф и Арин,
Где словорунный козел
Трется о бабкин подол.

Там образок Купины —
Чаша ржаной глубины;

Тела и крови Руси,
Брат озаренный, вкуси!

Есть Вседержитель гумна,
Пестун мирского зерна,
Он, как лосиха телка,
Лижет земные бока,
Пахоту поит слюной
Смуглый Господь избяной.

Перед Ним Единым,
Как молóкой сом,
Пьян вином овинным,
Исхожу стихом.

И в ответ на звуки
Гомонят улов
Осетры и щуки
Пододонных слов.

Мысленные мрежи,
Слуха вертоград,
Глуби Заонежий
Перлами дарят.

Палеостров, Выгу,
Ки́жи, Соловки
Выплескали в книгу
Радут черпаки.

Там, псаломогорьем
Звон и чаек крик,
И горит над морем
Мой полярный лик.

Ангел простых человеческих дел
В сердце мое жаворóнком влетел.

Видит, светелка, как скатерть, чиста,
Всюду цветут «ноготки» и «уста»,
Труд яснозубый тачает суму —
Слитки беречь рудокопу Уму,
Девушка-Совесть вдевает в иглу
Нити стыда и ресничную мглу...

Ткач пренебесный, что сердце потряс,
Полднем солов, ввечеру синеглаз,
Выткал затон, где напевы-киты
Дремлют в пучине до бурь красоты...
Это — Суббота у смертной черты,
Это — Суббота опосле Креста...
Кровью рудеют России уста,
Камень привален, и плачущий Петр
В ночи всемирной стоит у ворот...

Мы готовим ароматы
Из березовой губы,
Чтоб помазать водоскаты
У Марииной избы.

Гробно выбелим убрусы
И с заранкой-снегирем
Пеклеванному Исусу
Алевастры понесем.

Ты уснул, пшеничноликий,
В васильковых пеленах...
Потным платом Вероники
Потянуло от рубах.

Блинный сад благоуханен...
Мы идем чрез времена,
Чтоб отведать в новой Кане
Огнепального вина.

Вот и пещные ворота,
Где воркует голубь-сон,
И на камне Мать-Суббота
Голубой допряла лен.

<1922>

513. Заозерье

Памяти матери

Отец Алексей из Заозерья —
Берестяный светлый поп,
Бородка — прожелть тетерья,
Волосы — житный сноп.

Весь он в росе кукушьей,
С окуньим плеском в глазах,
За пазухой — бабьи души,
Ребячий, лоскутный страх.

Дудя коровьи молебны
В зеленый Егорьев день,
Он в воз молочный и хлебный
Свивает сны деревень.

А Егорий поморских писем
Мчится в киноварь, в звон и жуть,
Чтобы к стаду волкам и рысям
Замела метелица путь,

Чтоб у баб рожались ребята
Пузатей и крепче реп,
И на грудах ржаного злата
Трепака отплясывал цеп.

Алексею ру́жит деревня,
Как Велесу при Гостомысле.
Вон девка несет, не кре́ня,
Два озера на коромысле.

На речке в венце сусальном
Купальница Аграфёна,
В лесах зарит огнепально
Дождевого Ильи икона.

Федосья-колосовица
С Медостом — богом овечьим —
Велят двуперстьем креститься
Детенышам человечьим.

Зато у ребят волосья
Желтее зимнего льна...
В парчовом плату Федосья,
Дозорит хлеба́ она.

Флору да Лавру работа —
Пасти табун во лесях,
Оттого мужичьи ворота
В смоляных рогатых крестах.

* * *

Хорошо зимой в Заозерье,
Заутренний тонок звон,
Как будто лебяжьи перья
Падают на амвон.

А поп в пестрядинной ризе,
С берестяной бородой,
Плавает в дымке сизой,
Как сиг, как окунь речной.

Церквушка же, в заячьей шубе,
В сердцах на Никона-кобеля́,
От него в заруделом срубе
Завелась скрипучая тля!

От него мужики в фуражках,
У парней враскидку часы!
Только сладко в блинах да алажках,
Как в снопах, тонуть по усы.

А уж бабы на Заозерье —
Крутозады, титьки как пни,
Всё Мемёлфы, Груни, Лукерьи
По верётнам считают дни.

У баб чистота по лавкам,
В печи судачат горшки, —
Синеглазым Сенькам да Савкам
Спозаранку готовь куски.

У Сеньки кони-салазки,
Метель подвязала хвост...
Но вот с батожком и в ряске
Колядный приходит пост.

Отец Алексей в притворе
Стукает о пол лбом,
Чтоб житные сивые зори
Покумились с мирским гумном,

Чтоб водились сиги в поречье,
Был добычен прилет гусей.
На лесного попа, на свечи
Смотрит Бог, озер голубей.

Рожество — звезда золотая,
Воробьиный, ребячий гам,
Колядою дальнего края
Закликают на Русь Сиам.

И Сиам гостит до рассветок
В избяном высоком углу.

Кто не видел с павлинами клеток,
Проливающих яхонт во мглу?

Рожество — калач златолобый,
После Святки — вьюг помело,
Вышивают платки зазнобы,
На морозное глядя стекло.

В Заозерье свадьбы на диво,
За невестой песен суслон,
Вплетают в конские гривы
Ирбитский, суздальский звон.

На дру́жках горят рубахи
От крепких девичьих губ,
Молодым шептухи да свахи
Стелют в горнице волчий тулуп.

И слушают избы и звезды
Первый звериный храп,
У елей, как сев в борозды,
Сыплется иней с лап.

Отцу Алексею руга
За честно́й и строгий венец.
У зимы ослабла подпруга,
Ледяной взопрел жеребец.

Эво, масленица навстречу,
За нею блинный обоз!
В лесную зыбель и сечу
Повернул пургача мороз.

* * *

Великие дни в деревне —
Журавиный плакучий звон,

По мертвой снежной царевне
Церквушка правит канон.

Лиловые павечерья,
И, как весточка об ином,
Потянет из Заозерья
Березовым ветерком.

Христос воскресе из мертвых,
Смертию смерть поправ,
И у елей в лапах простертых
Венки из белых купав.

В зеленчатом сарафане
Слушает звон сосна.
Скоро в лужицу на поляне
Обмакнет лапоток весна.

Запоют бубенцы по взгорью,
И, как прежде в тысячах дней,
Молебном в уши Егорью
Задудит отец Алексей.

1926

514. Плач о Сергее Есенине

Младая память моя железом погибнет,
и тонкое мое тело увядает...

Плач Василька, князя Ростовского

*

Мы свое отбаяли до срока —
Журавли, застигнутые вьюгой.
Нам в отлет на родине далекой
Снежный бор звенит своей кольчугой.

Помяни, чёртушко, Есенина
Кутьей из углей да из омылок банных!

А в моей квашне пьяно вспенена
Опара для свадеб да игрищ багряных.

А у меня изба новая —
Полати с подзором, божница неугасимая,
Намел из подлавочья ярого слова я
Тебе, мой совенок, птаха моя любимая!

Пришел ты из Рязани платочком бухарским,
Нестираным, неполосканым, немыленым,
Звал мою пазуху улусом татарским,
Зубы табунами, а бороду филином!

Лепил я твою душеньку, как гнездо касатка,
Слюной крепил мысли, слова слезинками,
Да погасла зарная свеченька, моя лесная лампадка,
Ушел ты от меня разбойными тропинками!

Кручинушка была деду лесному,
Трепались по урочищам берестяные седины,
Плакал дымом овинник, а прясла солому
Пускали по ветру, как пух лебединый.

* * *

Из-под кобыльей головы, загиблыми мхами
Протянулась окаянная пьяная стежка.
Следом за твоими лаковыми башмаками
Увязалась подражая дохлая кошка, —

Ни крестом от нее, ни пестом, ни мукой,
Женился ли, умер — она у глотки,
Вот и острупел ты веселой скукой
В кабацком буруне топить свои лодки!

А всё за грехи, за измену зыбке,
Запечным богам Медосту да Власу.

Тошнёхонько облик кровавый и глыбкий
Заре вышивать по речному атласу!

* * *

Рожоное мое дитятко, матюжник милый,
Гробóвая доска — всем грехам покрышка,
Прости ты меня, борова, что кабаньей силой
Не вспоил я тебя до златого излишка!

Златой же удел — быть пчелой жирóвой,
Блюсти тайники, медовые срубы.
Да обронил ты хазарскую гривну — побратимово слово,
Целовать лишь ковригу, солнце да цвет голу́бый.

С тобой бы лечь во честнóй гроб,
Во желты́ пески, да не с веревкой на шее!..
Быль иль небыль то, что у русских троп
Вырастают цветы твоих глаз синее?

Только мне, горюну, — горынь-трава...
Овдовел я без тебя, как печь без помяльца,
Как без Настеньки горенка, где шелки да канва
Караулят пустые, нешитые пяльца!

* * *

Ты скажи, мое дитятко удáтное,
Кого ты сполóхался-спужался,
Что во темную могилушку собрался?
Старичища ли с бородою
Аль гумённой бабы с метлою,
Старухи ли разварухи,
Суковатой ли во играх рюхи?
Знать, того ты сробел до смерти,
Что ноне годочки пошли слезовы,
Красны девушки пошли обманны,
Холосты ребята всё бесстыжи!

* * *

Отцвела моя белая липа во саду,
Отзвенел соловьиный рассвет над речкой.
Вольготней бы на поклоне в Золотую Орду
Изведать ятагана с ханской насечкой!

Умереть бы тебе, как Михайлу Тверскому,
Опочить по-мужицки — до рук борода!..
Не напрасно по брови родимому дому
Нахлобучили кровлю лихие года.

Неспроста у касаток не лепятся гнезда,
Не играет котенок веселым клубком, —
С воза, сноп-недовязок, в пустые борозды
Ты упал, чтобы грудь испытать колесом.

Вот и хрустнули кости... По желтому жнивью
Бродит песня-вдовица — ненастью сестра...
Счастливее елка, что зимнею синью,
Окутана саваном, ждет топора.

Разумнее лодка, дырявые груди,
Целящая корпией тины и трав...
О жертве вечерней иль новом Иуде
Шумит молочай у дорожных канав?

* * *

Забудет ли пахарь гумно,
Луна — избяное окно,
Медовую кашку — пчела
И белка — кладовку дупла?

Разлюбит ли сердце мое
Лесную любовь и жилье,
Когда, словно ландыш в струи,
Гляделся ты в песни мои?

И слушала бабка-Рязань,
В малиновой шапке Кубань,
Как их дорогое дитя
Запело, о небе грустя.

Напрасно Афон и Саро́в
Текли половодьем из слов,
И ангел улыбок крылом
Кропил над печальным цветком.

Мой ландыш березкой возник, —
Берестяный звонок язык,
Сорокой в зеленых кудрях
Уселись удача и страх.

В те годы Московская Русь
Скидала державную гнусь,
И тщетно Иван золотой
Царь-колокол ну́дил пятой.

Когда же из мглы и цепей
Встал город на страже полей,
Подпаском, с волынкой щегла,
К собрату березка пришла.

На гостью ученый набрел,
Дивился на шитый подол,
Поведал, что пухом Христос
В кунсткамерной банке оброс.

Из всех подворотен шел гам:
«Иди, песноликая, к нам!»
А стая поджарых газет
Скулила: «Кулацкий поэт!»

Куда ни стучался пастух —
Повсюду урчание брюх,

Всех яростней в огненный мрак
Раскрыл свои двери кабак.

* * *

На полете летит лебедь белая,
Под крылом несет хризопраз-камéнь.
Ты скажи, лебедь пречистая, —
На пролетах-переметах недосягнутых,
А на тихих всплавах по озёрышкам
Ты поглядкой-выглядом не выглядела ль,
Ясным смотром-зором не высмотрела ль,
Не катилась ли жемчужина по чисту́ полю́,
Не плыла ль злат-рыба по тихозаводью,
Не шел ли бережком добрый молодец,
Он не жал ли к сердцу певуна-травы,
Не давался ли на родимую сторонушку?
Отвечала лебедь умная:
«На небесных переметах только соколы,
А на тихих всплавах — сиг да окуни,
На матерóй земле медведь сидит,
Медведь сидит, лапой моется,
Своей суженой дожидается.
А я слышала и я видела:
На реке Неве грозный двор стоит,
Он изба на избе, весь железом крыт,
Поперек дворище — тыща дымников,
А вдоль бежать — коня загнать.
Как на том ли дворе, на большом рундуке,
Под заклятою черной матицей,
Молодой детинушка себя сразил.
Он кидал себе кровь поджильную,
Проливал ее на дубовый пол.
Как на это ли жито багровое
Налетали птицы нечистые —
Чирея́, Грызея́, Подкожница,
Напоследки же птица-Удавница.

Возлетала Удавна на матицу,
Распрядала крыло пеньковое,
Опускала перище до́ земли.
Обернулось перо удавно́й петлей...
А и стала Удавна петь-напевать,
Зобом горготать, к себе в гости звать:

«На румяной яблоне
Голубочек, —
У серебряна ларца
Сторожочек.
        Кто отворит сторожец,
        Тому яхонтов корец!

На осенней ветице
Яблок виден, —
Здравствуй, сокол-зятюшка, —
Муж Снафидин!
        У Снафиды перстеньки —
        На болоте огоньки!

Угоди-ка вежеством,
Сокол, теще,
Чтобы ластить павушек
В белой роще!
        Ты одень на шеюшку
        Золотую денежку!»

Тут слетала я с ясна месяца,
Принимала душу убойную
Что ль под правое тёпло крылышко,
Обернулась душа в хризопраз-каме́нь,
А несу я потеряшку на родину
Под окошечко материнское.
Прорастет хризопраз березынькой,
Кучерявой росной, как Сергеюшко.
Сядет матушка под оконницу

С долгой прялицей, с веретёнышком,
Со своей ли сиротской работушкой,
Запоет она с ниткой нáровне
И тонёхонько и тихохонько:

«Ты гусыня белая,
Что сегодня делала?
    Баю-бай, баю-бай,
    Елка, челкой не качай!

Али ткала, али пряла,
Иль гусеныша купала?
    Баю-бай, баю-бай,
    Жучка, попусту не лай!

На гусеныше пушок,
Тега мальчик-кудряшок —
    Баю-бай, баю-бай,
    Спит в шубейке горностай!

Спит березка за окном
Голубым купальским сном —
    Баю-бай, баю-бай,
    Сватал варежки шугай!

Сон березовый пригож,
На Сереженькин похож!
    Баю-бай, баю-бай,
    Как проснется невзначай!»

* * *

Мой край, мое Поморье,
Где песни в глубине,
Твои лядины, взгорья
Дозорены Егорьем
На лебеде-коне!

Твоя судьба-гагара
С Кащеевым яйцом,
С лучиною стожары,
И повитухи-хмары
Склонились над гнездом.

Ты посвети лучиной,
Синебородый дед!
Гнездо шумит осиной,
Ямщицкою кручиной
С метелицей вослед.

За вьюжною кибиткой
Гагар нескор полет...
Тебе бы сад с калиткой
Да опашень враскидку
У лебединых вод.

Боярышней собольей
Привиделся ты мне,
Но в сорок лет до боли
Глядеть в глаза сокольи
Зазорно в тишине.

Приснился ты белицей —
По бровь холстинный плат,
Но Алконостом-птицей
Иль вещею зегзицей
Не кануть в струнный лад.

Остались только взгорья,
Ковыль да синь-туман,
Меж тем как редкоборьем
Над лебедем-Егорьем
Орлит аэроплан.

УСПОКОЕНИЕ

Падает снег на дорогу —
Белый ромашковый цвет.
Может, дойду понемногу
К окнам, где ласковый свет?
Топчут усталые ноги
Белый ромашковый цвет.

Вижу за окнами прялку,
Песенку мама поет,
С нитью веселой вповалку
Пухлый мурлыкает кот,
Мышку-вдову за мочалку
Замуж сверчок выдает.

Сладко уснуть на лежанке...
Кот — непробудный сосед,
Пусть забубнит впозаранки
Ульем на странника дед,
Сед он, как пень на полянке —
Белый ромашковый цвет.

Только б коснуться покоя,
В сумке огниво и трут,
Яблоней в розовом зное
Щеки мои расцветут,
Там, где вплетает левкои
В мамины косы уют.

Жизнь — океан многозвонный
Путнику плещет вослед.
Волгу ли, берег ли Роны —
Всё принимает поэт...
Тихо ложится на склоны
Белый ромашковый цвет.

1926

515. Деревня

Валентину Михайловичу
Белогородскому

Будет, будет стократы
Изба с матицей пузатой,
С лежанкой-единорогом,
В углу с урожайным Богом:
У Бога по блину глазища —
И под лавкой грешника сыщет,
Писан Бог зографом Климом
Киноварью да златным дымом.
Лавицы — сидеть Святогорам,
Кот с потемным дозором,
В шелому, чтоб роились звезды...
Вот они, отчие борозды, —
Посеешь усатое жито,
А вырастет песен сыта!
На обраду баба с пузаном —
Не укрыть извозным кафтаном,
Полгода, а с телку весом.
За оконцами тучи с лесом,
Всё кондовым да заруделым...
Будет, будет русское дело —
Объявится Иван Третий
Попрать татарские плети,
Ясак с ордынской басмою
Сметет мужик бородою!

Нам любы Бухáры, Алтаи —
Не тесно в родимом крае,
Шумит Куликово поле
Ковыльной залетной долей.
По Волге, по ясной Оби,
На всяком лазе, сугробе
Рубили мы избы, детинцы,
Чтоб ели внуки гостинцы,

Чтоб девки гуляли в бусах
Не в чужих косоглазых улусах!

Ах, девки, — калина с малиной,
Хороши вы за прялкой с лучиной,
Когда вихорь синебородый
Заметает пути и броды!
Вон Полоцкая Ефросинья,
Ярославна — зегзица с Путивля,
Евдокию — Донского ладу —
Узнаю по тихому взгляду!

Ах, парни, — Буслаевы Васьки —
Жильцы из разбойной сказки,
Всё лететь бы голью на буяны
Добывать золотые кафтаны!
Эво, как схож с Коловратом,
Кучерявый, плечо с накатом,
Видно, у матери груди —
Ковши на серебряном блюде!
Ах, матери, — трудницы наши —
В лапо́тцах, а яблони краше,
На каждой, как тихий привет,
Почил немерцающий свет!
Ах, деды, — овинов владыки,
Ржаные, ячменные лики,
Глядишь и не знаешь — сыр-бор
Иль лунный в сединах дозор?!

Ты, Рассея, Рассея-матка,
Чаровая, заклятая кадка!
Что там, кровь или жемчуга,
Иль лысого черта рога?
Рогатиной иль каноном
Открыть наговорный чан?..
Мы расстались с саро́вским звоном —
Утолением плача и ран.

Мы новгородскому Никите
Оголили трухлявый срам, —
Отчего же на белой раките
Не поют щеглы по утрам?

Мы тонули в крови до пуза,
В огонь бросали детей, —
Отчего же небесный кузов
На лучи и зори скупей?
Маета как змея одолела,
Голову бы под топор...
И Сибирь, и земля Карела
Чутко слушают вьюжный хор.
А вьюга скрипит заслонкой,
Чернит сажей горшки...
Знаем, бешеной самогонкой
Не насытить волчьей тоски!
Ты, Рассея, Рассея-матка,
На мирской смилосердись гам:
С жемчугами иль с кровью кадка,
Окаянным поведай нам!

На деревню привезен трактор —
Морж в людское жилье.
В волсовете баяли: «Фактор,
Что машина... Она тоё...»
У завалин молчали бабы,
Детвору окутала сонь,
Как в поле межою ря́бой
Железный двинулся конь.
Желты́ пески, расступитесь,
Прошуми напоследках, полынь!
Полюбил стальногрудый витязь
Полевую плакучую синь!
Только видел рыбак Кондратий,
Как прибрежьем, не глядя назад,

Утопиться в окуньей гати
Бежали березки в ряд.
За ними с пригорка елки
Раздрали ноженьки в кровь...
От ковриг надломятся полки,
Как взойдет железная новь.
Только ласточки по сараям
Разбили гнезда в куски...
Видно, к хлебушку с новым раем
Посошку пути не легки!

Ой ты, каша да щи с мозгами, —
Каргопольской ложке родня!
Черноземье с сибиряками
В пупыре захотело огня!
Лучина отплакала смолью,
Ендова показала течь,
И на гостя с тупою болью
Дымоходом воззрилась печь.
А гость, как оса в сетчатке,
В стекольчатом пузыре...
Теперь бы книжку Васятке
О Ленине и о царе.
И Вася читает книжку,
Синеглазый, как василек.
Пятясь, охая, на сынишку
Избяной дивится Восток.
У прялки сломило шейку,
Разбранились с бёрдами льны,
В низколобую коробейку
Улеглись загадки и сны.
Как белица, платок по брови,
Туда, где лесная мгла,
От полавочных изголовий
Неслышно сказка ушла.
Домовые, нежити, мавки —
Только сор, заскорузлый прах...

Глядь, и дед улегся на лавке
Со свечечкой в желтых перстах.
А гость, как оса в сетчатке,
Зенков не смежит на миг...
Начитаются всласть Васятки
Голубых задумчивых книг.

Ты, Рассея, Рассея-теща,
Насолила ты лихо вó щи,
Намаслила кровушкой кашу —
Насытишь утробу нашу!
Мы сыты, мать, до печенок,
Душа — степной жеребенок
Копытом бьет о грудину, —
Дескать, выпусти на долину,
К резедовым лугам, водопою...
Мы не знаем ныне покою, —
Маета-змея одолела
Без сохи, без милого дела,
Без сусальной в углу Пирогощей...

Ты, Рассея, — лихая теща!..
Только будут, будут стократы
На Дону вишневые хаты,
По Сибири лодки из кедра,
Олончане песнями щедры,
Только б месяц, рядяся в дымы,
На реке бродил по налимы,
Да черемуху в белой шали
Вечера, как девку, ласкали!

1926

516. Соловки

Распрекрасен Соловецкий остров,
Лебединая тишина...

Звенигóрод, великий Рóстов
Баюкает голубизна,
А тебе, жемчужине Поморья,
Крылья чаек навевают сны,
Езера твои и краснохборья
Ясными улыбками полны...
Камень и горбатая колода
Золотою дышат нищетой,
По тебе лапóтцами народа
Путь углажен к глубине морской...
Глубина ты, глубота морская,
Зыбка месяца, царя-кита,
По тебе скучает пестрядная
Птица, что зовется красота!..
Гей ты, птица, отзовись на песню —
Дерево из капель кровяных!
Глубже море, скалы всё отвесней,
Плачут гуси в сумерках седых...

Распрекрасный остров Соловецкий,
Лебединая Секир-гора,
Где церквушка, рубленная клецки, —
Облачному ангелу сестра.
Где учился я по кожаной Триоди
Дум прибою, слов колоколам,
Величавой северной природе
Трепетно моляся по ночам...
Где впервые пономарь Авива
Мне поведал хвойным шепотком,
Как лепечет травка, плачет ива
Над осенним розовым Христом.
И Феодора — строителя пустыни,
Как лесную речку, помяну,
Он убит и в легкой <белой с>кр<ы>не
Поднят чайками в голубизну...
Помнят смирноглазые олени,
Как, доев морошку и кору,

К палачам своим отец Парфений
Из избушки вышел поутру.
Он рассечен саблями на части
И лесным пушистым глухарем
Улетел от бурь и от ненастий
С бирюзовой печью в новый дом...
Не забудут гуси-рыбогоны
Отрока Ивана на колу,
К дитятку слетелись все иконы,
Словно пчелы к сладкому дуплу:
«Одигитрия» покрыла платом,
«Утоли печали» смыла кровь...
Урожаем тучным и богатым
Нас покрыла песенная новь.
Триста старцев и семьсот собратий
Брошены зубастым валунам.
Преподобные Изосим и Савватий
С кацеями бродят по волнам...
В охровой крещатой ризе
Анзерский Елиазар
Кличет ласточек и утиц сизых
Боронить пустынюшку от кар:
«Ты, пустыня, мать-пустыня,
Высота и глубота!
На ключах — озерных стынях —
Нету лебедя-Христа!
Студены ручья коленца, —
Наше сердце студеней,
Богородица младенца
Возносила от полей:
«Вы, поля, останьтесь пусты,
Без кукушки дом лесной!»
Грядка белая капусты
Разрыдалася впервой:
«Утоли моя печали!» —
Плачет репа, брюква тож,

Пред тобой виновна вмале,
Как на плаху, никнет рожь!»
Богородица прижухла,
Оперлась на локоток:
«У тебя, беляны пухлой,
Есть ли Сыну уголок?»
— «Голубица, у белянки,
Лишь в стогах уснет трава,
Будет горенка с лежанкой
Для Христова Рождества!»

1926—1928

517. Погорельщина

Наша деревня — Сигóвой Лоб
Стоит у лесных и озерных троп,
Где губы морские, олень да остяк,
На тысячу верст ягелевый желтяк.
Сигóвец же — ярь и сосновая зель,
Где слушают зори медвежью свирель,
Как рыбья чешуйка, свирель та легка,
Баюкает сказку и сны рыбака.
За неводом сон — лебединый затон,
Там яйца в пуху и кувшинковый звон,
Лосиная шерсть у совихи в дупле,
Туда не плыву я на певчем весле.

Порато баско зимой в Сигóвце,
По белым избам на рыбьем солнце!
А рыбье солнце — налимья майка,
Его заманит в чулан хозяйка,
Лишь дверью стукнет — оно на прялке
И с веретёнцем играет в салки.
Арина-баба на пряжу дюжа,
Соткет из солнца порты для мужа,

По ткани свекор, чтоб песне длиться,
Доской резною набьет копытца,
Опосле репки, следцы гагарьи...
Набойки хватит Олёхе, Дарье,
На новоселье и на поминки...
У наших девок пестры ширинки,
У Степаниды, веселой Насти
В коклюшках кони живых брыкастей,
Золотогривы, огнекопытны,
Пьют дым плетеный и зоблют ситный.
У Прони скатерть синей Онега,
По зыби едет луны телега,
Кит-рыба плещет, и яро в нем
Пророк Иона грозит крестом.

Резчик Олёха — лесное чудо,
Глаза — два гуся, надгубье рудо,
Повысек птицу с лицом девичьим,
Уста заклятьι потайным кличем.
Когда Олёха тесал долотцем
Сосцы у птицы, прошел Сигóвцем
Медведь матерый, на шее гривна,
В зубах же книга, злата и дивна.
Заполовели у древа щеки,
И голос хлябкий, как плеск осоки,
Резчик учуял: «Я — Алконост,
Из глаз гусиных напьюся слез!»

* * *

Иконник Павел — насельник давний
Из Мстёр Великих, отец Дубравне,
Так кличет радость язык рыбачий...
У Павла ощупь и глаз нерпячий —
Как нерпе сельди во мгле соленой,
Так духовидцу обряд иконный.
Бакан и умбра, лазорь с синелью
Сорочьей лапкой цветут под елью,

Червлец, зарянку, огонь купинный
По косогорам прядут рябины.
Доска от сердца сосны кондовой —
Иконописцу как сот медовый,
Кадит фиалкой, и дух лесной
В сосновых жилах гудит пчелой.

* * *

Явленье Иконы — прилет журавля,
Едва прозвенит жаворóнком земля,
Смиренному Павлу в персты и в зрачки
Слетятся с павлинами радуг полки,
Чтоб в роще ресниц, в лукоморьях ногтей,
Повывесть птенцов — голубых лебедей, —
Их плески и трубы с лазурным пером
Слывут по Сигóвцу «доличным письмом».
«Виденье Лица» богомазы берут
То с хвойных потемок, где теплится трут,
То с глуби озер, где ткачиха-луна
За кросном янтарным грустит у окна.
Егорию с селезня пишется конь,
Миколе — с крещатого клена фелонь,
Успение — с перышек горлиц в дупле,
Когда молотьба и покой на селе.
Распятие — с редьки — как гвозди креста,
Так редечный сок опаляет уста.
Но краше и трепетней зографу зреть
На птичьих загонах гусиную сеть,
Лукавые мёрды и петли ремней
Для тысячи белых кувшинковых шей.
То Образ Суда, и метелица крыл —
Тень мира сего от сосцов до могил.
Студеная Кола, Поволжье и Дон
Тверды не железом, а воском икон.
Гончарное дело прехитро зело,
Им славится Вятка, Опошня-село;

Цветет Украина румяным горшком,
А Вятка кунганом, ребячьим коньком.
Сигóвец же Андому знает реку,
Там в крынках кукушка ку-ку да ку-ку,
Журавль-рукомойник курлы да курлы,
И по сту годов доможирят котлы.
Сигóвому Лбу похвала — Силивёрст,
Он вылепил Спаса на Лопский погост,
Украсил сурьмой и в печище обжег,
Суров и прекрасен глазуревый Бог.

На Лопский погост (лопари, а не чудь)
Укажут куницы да рябчики путь, —
Не ешь лососины и с бабой не спи,
Берестяный пестер молитв накопи,
Волвянок-Варвар, богородиц-груздей,
Пройдут в синих саванах девять ночей,
Десятые звезды пойдут на потух,
И Лопский погост — многоглавый петух —
На кедровом гребне воздынет кресты:
Есть Спасову печень сподобишься ты.
О русская сладость — разбойника вопь —
Идти к красоте через дебри и топь
И пестер болячек, заноз, волдырей
Со стоном свалить у Христовых лаптей!
О мед нестерпимый — колодовый гроб,
Где лебедя сон — изголовьице-сноп,
Под крылышком грамота: «Чадца мои,
Не ешьте себя ни в нощи, ни во дни!»

* * *

Порато баско зимой в Сигóвце!
Снега как шапка на устьсысольце,
Леса — тулупы, предлесья — ноги,
Где пар медвежий да лосьи логи,

По шапке вьются пути-сузёмки,
По ним лишь думу нести в котомке
От мхов оленьих до кипарисов...
Отец «Ответов» Андрей Денисов
И трость живая — Иван Филиппов
Сузёмок пили, как пчелы липы.
Их черным медом пьяны доселе
По холмогорским лугам свирели,
По сизой Выге, по Енисею
Седые кедры их дыхом веют...
Но вспять сказанье! Зимой в Сигóвце
Помор за сетью, ткея за донцем,
Петух на жердке дозорит беса,
И снежный ангел кадит у леса,
То киноварный, то можжевельный,
Лучась в потемках свечой радельной.
И длится сказка... Часы иль годы?
Могучей жизни цветисты всходы.
За бородищей незрим Васятка,
Сегодня в зыбке, а завтра — на-ка...
Кудрявый парень, берёста — зубы,
Плечистым дядям племянник любый!
Изба — криница без дна и выси —
Семью питает сосцами рыси.
Поет ли бахарь, орда ли мчится,
Звериным пойлом полна криница,
Извечно-мерно скрипит черпуга...
Душа кукует иль ноет вьюга,
Но сладко, сладко к сосцам родимым
Припасть и плакать по долгим зимам!

Не белы снеги, да сугробы,
Замели пути до зазнобы,
Не проехать, не пройти по проселку
Во Настасьину хрустальную светелку!

Как у Настеньки женихов
Было сорок сороков,

У Романовны сарафанов —
Сколько у моря туманов!..

Виноградье мое со калиною,
Выпускай из рукава стаю лебединую!

Уж как лебеди на Дунай-реке,
А свет-Настенька на белой доске,
Не оструганной, не отесанной,
Наготу свою застит косами!

Виноградье мое, виноградьице,
Где зазнобино цветно платьице?
Цветно платьице с аксамитами
Ковылем шумит под ракитами!

На раките зозулит зозуля:
«Как при батыре-есауле...»
Ты, зозуля, не щеми печёнки
У гнусавой каторжной девчонки!
Я без чести, без креста, без мамы
В Звенигороде иль у Камы
Напилась с поганого копытца,
Мне во злат шатер не воротиться!
Ни при батыре-есауле,
Ни по осени, ни в июле,
Ни на Мезени, ни в Коломне,
А и где, с опитухи не помню,
Я звалася свет-Анастасией!..

Вот так песня, словеса лихие,
Кто пропел ее в голубый вечер
На дремотном веретённом вече?!
И сказал Олёха: «Это ели
Стать смолистым срубом захотели
Или сосны у лесной часовни
Запряглися в ледяные дровни,

Чтоб бежать от самоедской стужи,
Заглядеться в водопой верблюжий».
«Нет, — сказала кружевница Проня, —
Это кони в петельной погоне
Расплескали бубенцы в коклюшках
Или в рукомойнике кукушка
Нагадала свадьбу Дорофею».
«Знать, прогутукал филин к снеговею, —
Молвил свекор, — или гусь с набойки
Посулил леща глазастой сойке...»
Силивёрст пробаял: «То в гончарной
Стало рябому котлу угарно,
Он и стонет, прасол нетверезый!..»
Светлый Павел, утирая слезы,
Обронил из уст словесный бисер:
«Чадца, теля не от нашей рыси,
Стала ялова праматерь на удои,
Завывают избы волчьим воем,
И с иконы ускакал Егорий —
На божнице змий да сине море!
Не усыпающую в молитвах Богородицу
Кличьте, детушки, за застолицу!»

«Обрадованное Небо —
К Тебе озера с потребой,
Сладкое Лобзание —
До Тебя их рыдание!
Неопалимая Купина —
В чем народная вина?
Утоли Моя Печали —
Стань березкой на протале!
Умягчение Злых Сердец —
Сядь за теплый колобец!
Споручница Грешных —
Спаси от мук кромешных!»

Гляньте, детушки, за стол —
Он стоит чумаз и гол,
Нету Богородицы
У пустой застолицы!

Вы покличьте-ка, домочадцы,
На Сигóвец к студеному долу
Парусов и рыбарей братца,
Святителя теплого — Миколу!
Он, кормилец, в ризе сермяжной,
Ради песни, младеня в зыбке,
Откушает некуражно
Янтарной ухи да рыбки.

«Парусов погонщик Миколае,
Объявился змий в родимом крае,
Вороти Егорья на икону —
Избяного рая оборону!
Красной ложкой похлебай ушицы,
Мы тебе подарим рукавицы
И на ноженьки оленьи пимы, —
Свете тихий, свет незаходимый!
Русский сад — мужики да бабы,
От Норвеги и до смуглой Лабы
Принесем тебе морошки, яблок, —
Ты воспой нам, сладковейный зяблик!»

Правило веры и образ кротости,
Не забудь соборной волости!

В зимы у нас баско —
Деды бают сказки,
Как потемок скрыни,
Сарафаны сини,
Шубы долгоклинны,
Лестовицы чинны!

По моленным нашим
Чирин да Парамшин
И персты Рублёва —
Словно цвет вербовый!
По зеленым вёснам
Прилетает к соснам
На отцов могилы
Сирин песнокрылый.
Он, что юный розан,
По Сиго́вцу прозван
Братцем виноградным,
В горестях усладным:

«Ти-ли́, ти-ли-ли́ —
Плывут корабли —
Голубые паруса
Напрямик во небеса.
У реки животной
Берег позолотный,
Воды-маргариты
Праведным открыты.
Кто во гробик ляжет
Бледной, лунной пряжей,
Тот спрядется Богом
Радости залогом!
Гробик ты мой, гробик,
Вековечный домик,
А песок желтяный —
Суженый, желанный!»

Гляньте, детушки, на стол —
Змий хвостом ушицу смёл,
Адский пламень по углам:
Не пришел Микола к нам!

* * *

Увы, увы, раю прекрасный!..
Февраль рассыпал бисер рясный,
Когда в Сигóвец, златно-бел,
Двуликий Сирин прилетел.
Он сел на кедровой вершине,
Она заплакана доныне,
И долго-долго озирал
Лесов дремучий перевал.
Истаевая, сладко он
Воспел: «Кирие, елейсон!»
Напружилось лесное недро,
И, как на блюде, вместе с кедром
В сапфир, черемуху и лен
Орел чудесный вознесен.

В тот год уснул навеки Павел,
Он сердце в краски переплавил
И написал икону нам:
Тысячестолпный дивный храм
И на престоле из смарагда,
Как гроздь в точиле вертограда,
Усекновенная глава.
Вдали же никлые березы
И журавлиные обозы,
Ромашки и плакун-трава.
Еще не гукала сова
И тетерев по талой зорьке
Клевал пестрец и ягель горький,
Еще медведь на водопое
Гляделся в зеркальце лесное
И прихорашивался втай, —
Стоял лопарский сизый май,
Когда на рыбьем перегоне
В лучах озерных, легче соний,

Как в чаше запоны опал,
Олёха старцев увидал.
Их было двое светлых братий,
Один Зосим, другой Савватий,
В перстах златые кацеи...
Стал огнен парус у ладьи
И невода многоочиты,
Когда, сиянием повиты,
В нее вошли озер Отцы:
«Мы покидаем Соловцы,
О человече Алексие!
Вези нас в горнюю Россию,
Где Богородица и Спас
Чертог украсили для нас!»
Не стало резчика Олёхи...
Едва забрезжили сполóхи,
Пошла гагара наутек,
Заржал в коклюшках горбунок,
Как будто годовалый волк
Прокрался в лен и нежный шелк.
Лампада теплилась в светелке,
И за мудреною иголкой
Приснился Проне смертный сон:
Сиговец змием полонен,
И нет подойника, ушата,
Где б не гнездилися змеята.
На бабьих шеях, люто злы,
Шипят змеиные узлы.
Повсюду посвисты и жала,
И на погосте кровью алой
Заплакал глиняный Христос...
Отколе взялся Алконост,
Что хитро вырезан Алешей:
«Я за тобою по пороше!
Летим, сестрица, налегке
К льняной и шелковой реке!»

Не стало кружевницы Прони...
С коклюшек ускакали кони,
Лишь златогривый горбунок,
За печкой выискав клубок,
Его брыкает в сутемёнки,
А в горенке по самогонке
Тальянка гиблая орет —
Хозяев новых обиход.

* * *

Степенный свекор с Силивёрстом
Срубили келью за погостом,
Где храм о двадцати главах,
В нем Спас в глазуревых лаптях.
Который месяц точит глина,
Как иней ягодный крушина,
Из голубой поливы глаз
Кровавый бисер и топаз,
Чудно́, болезно мужичью́,
За жизнь суровую свою,
Как землянику в кузовок,
Сбирать слезинки с Божьих щек.
Так жили братья. Всякий день,
Едва раскинет сутемень
Свой чум у таежных полян,
В лесную келью сквозь туман
Сорока грамотку носила.
Была она четверокрыла,
И, полюбив налимье сало,
У свекра в бороде искала.
Уж не один полет воочью
Сильвёрст за пазухой сорочьей
Худые вести находил,
Писал их столпник, старец Нил.
Он на прибрежии Онега
Построил столп из льда и снега,

Покрыл его дерном, берестой
И тридцать лет стоит невестой
Пустынных чаек, облаков
И серых беличьих лесов.
Их немота родила были,
Что белки столпника кормили.
Он по-мирскому стольный князь,
Как чешуей озерный язь,
Так ослеплял служилым златом
Любимец царские палаты.
Но сгибло всё! Нил на столпе —
Свеча на таежной тропе,
В свое дупло, как хризопраз,
Его укрыл звериный Спас!

* * *

Однажды птица прилетела
Понурою, отяжелелой
И не клевала творожку.
Сильвёрст желанную строку
У ней под крылышком сыскал:
«Готовьтесь к смерти», — Нил писал.
Ударили в би́ло поспешно...
И, как опалый цвет черешни,
На новоселье двух смертей
Слетелись выводки гусей.
Тетерева и куропатки,
Свистя крылами, без оглядки
На звон завихрились из пущ.
И молвил свекор: «Всемогущ,
Кто плачет кровию за тварь!
Отменно знатной будет гарь,
Недаром лоси ломят роги,
Медведи, кинувши берлоги,
С котятами рябая рысь
Вкруг нашей церкви собрались!

Простите, детушки, убогих!
Мы в невозвратные дороги
Одели новое рядно...
Глядят в небесное окно
На нас Авва́кум, Феодосий...
Мы вас, болезные, не бросим,
С докукою пойдем ко Власу,
Чтоб дал лебедушкам атласу,
А рыси выбойки рябой...
Живите ладно меж собой.
Вы, лоси, не бодайтесь больно,
Медведихе — княгине стольной —
От нас в особицу поклон, —
Ей на помин овса суслон,
Стоит он, миленький, в сторонке...
Тетеркам пестрым по иконке, —
На них кровоточивый Спас, —
Пускай помолятся за нас!»

«Ныне отпущаеши раба Твоего, Владыко», —
Воспела в горести великой
На человечьем языке
Вся тварь вблизи и вдалеке.
Когда же церковь-купина
Заполыхала до вершины,
Настала в дебрях тишина
И затаили плеск осины.
Но вот разверзлись купола,
И въявь из маковицы главной
На облак белизны купавной
Честная двоица взошла.
За нею трудница-сорока
С хвостом лазо́ревым, в тороках...
Все трое метятся писцом,
Горящей птицей и крестом.

* * *

Не стало деда с Силивёрстом...
С зарей над сгибнувшим погостом,
Рыдая, солнышко взошло
И по-над речью, по-над логом
Оленем сивым хромоногим
Заковыляло на село.
Несло валежником от суши,
Глухою хмарой от болот,
По горенкам и повалушам
Слонялся человечий сброд.
И на лугу, перед моленной,
Сияя славою нетленной,
Икон горящая скирда:
В огне Мокробородый Спас,
Успение, коровий Влас...
Се предреченная звезда,
Что в карих сумерках всегда
Кукушкой окликала нас!
Да молчит всякая плоть человеча:
Уснул, аки лев,
Великий Сиг!
Икон же души с поля сечи,
Как белый гречневый посев,
И видимы на долгий миг,
Вздымались в горнюю Софию...
Нерукотворную Россию
Я, песнописец Николай,
Свидетельствую, братья, вам!
В сороковой полесный май,
Когда линяет пестрый дятел
И лось рога на скид отпятил,
Я шел по Унженским горам.
Плескали лососи в потоках,
И меткой лапою, с наскока,

Ловила выдра лососят.
Был яр, одушевлен закат,
Когда безвестный перевал
Передо мной китом взыграл.
Прибоем пихт и пеной кедров
Кипели плоскогорий недра,
И ветер, как крыло орла,
Студил мне грудь и жар чела.
Оледенелыми губами
Над росомашьими тропами
Я бормотал: «Святая Русь,
Тебе и каторжной молюсь!
Ау, мой ангел пестрядинный,
Явися хоть на миг единый!»
И чудо! Прыснули глаза
С козиц моих, как бирюза!
Потом, как горные медведи,
Сошлись у врат из тяжкой меди.
И постучался левый глаз,
Как носом в лужицу бекас, —
Стена осталась безответной.
И око правое — медведь —
Сломало челюсти о медь,
Но не откликнулась верея,
Лишь страж, кольчугой пламенея,
Сиял на башне самоцветной.
Сластолюбивый мой язык,
Покинув рта глухие пади,
Веприцей ринулся к ограде,
Но у столпов, рыча, поник.
С нашеста ребер в свой черед
Вспорхнуло сердце — голубь рябый,
Чтобы с воздушного ухаба
Разбиться о сапфирный свод.
Как прыснуть векше, — голубок
В крови у медного порога!..

И растворились на восток
Врата запретного чертога.
Из мрака всплыли острова,
В девичьих бусах заозерья,
С морозным Устюгом Москва,
Валдай-ямщик в павлиньих перьях,
Звенигород, где на стенах
Клюют пшено струфокамилы,
И Вологда, вся в кружевах,
С Переяславлем белокрылым.
За ними Новгород и Псков —
Зятья в кафтанах атлабасных,
Два лебедя на водах ясных —
С седою Ладогой Ростов.
Изба резная — Кострома,
И Киев — тур золоторогий —
На цареградские дороги
Глядит с Перунова холма.
Упав лицом в кремни и гальки,
Заплакал я, как плачут чайки
Перед отплытьем корабля:
«Моя родимая земля,
Не сетуй горько о невере,
Я затворюсь в глухой пещере,
Отрóщу бороду до рук, —
Узнает изумленный внук,
Что дед недаром клад копил
И короб песенный зарыл,
Когда дуванили дуван!..»
Но прошлое, как синь туман:
Не мыслит вешний жаворóнок,
Как мертвен снег и ветер звонок.

* * *

Се предреченная звезда,
Что темным бором иногда

Совою окликала нас!..
Грызет лесной иконостас
Октябрь — поджарая волчица,
Тоскуют печи по ковригам,
И шарит оторопь по ригам
Щепоть кормилицы-мучицы.
Ушли из озера налимы,
Поедены гужи и пимы,
Кора и кожа с хомутов,
Не насыщая животов.
Покойной Прони в руку сон:
Сигóвец змием полонен,
И синеглазого Васятку
Напредки посолили в кадку.
Ах, синеперый селезень!..
Чирикал воробьями день,
Когда, как по грибной дозор,
Малютку кликнули на двор.
За кус говядины с печёнкой
Сосед освежевал мальчонка
И серой солью посолил
Вдоль птичьих ребрышек и жил.
Старуха же с бревна под балкой
Замыла кровушку мочалкой,
Опосле, как лиса в капкане,
Излилась лаем на чулане.
И страшен был старуший лай,
Похожий то на баю-бай,
То на сорочье стрекотанье.
Ополночь бабкино страданье
Взошло над бедною избой
Васяткиною головой.
Стеклися мужики и бабы:
«Да, те ж вихры и носик рябый!»
И вдруг, за гиблую вину,
Громада взвыла на луну.

Завыл Парфён, худой Егорка,
Им на обглоданных задворках
Откликнулся матерый волк...
И народился темный толк:
Старух и баб-сорокалеток
Захоронить живьем в подклеток
С обрядой, с жалкой плачеей
И с теплою мирской свечой,
Над ними избу запалить,
Чтоб не достались волку в сыть!

* * *

Так погибал Великий Сиг,
Заставкою из древних книг,
Где Стратилатом на коне
Душа России, вся в огне,
Летит ко граду, чьи врата
Под знаком чаши и креста!
Иная видится заставка:
В светелке девушка-чернавка
Змею под створчатым окном
Своим питает молоком —
Горыныч с запада ползет
По горбылям железных вод!
И третья восстает малюнка:
Меж колок золотая струнка,
В лазури солнце и луна
Внимают, как поет струна.
Меж ними костромской мужик
Дивится на звериный лик, —
Им, как усладой, манит бес
Митяя в непролазный лес!

Так погибал Великий Сиг,
Сдирая чешую и плавни...
Год девятнадцатый, недавний,
Но горше каторжных вериг!

Ах, пусть полголовы обрито,
Прикован к тачке рыбогон,
Лишь только бы, шелками шиты,
Дремали сосны у окон!
Да родина нас овевала
Черемуховым крылом,
Дымился ужин рыбьим салом,
И ночь пушистым глухарем
Слетала с крашеных полатей,
На осмерых кудрявых братий,
На становитых зятевей,
Золовок, внуков-голубей,
На плешь берестяную деда
И на мурлыку-тайноведа, —
Он знает, что в тяжелой скрыне,
Сладимым родником в пустыне,
Бьют матери тепло и ласки...
Родная, не твои ль салазки,
В крови, изгрызены пургой,
Лежат под Чертовой Горой?!

Загибла тройка удалая,
С уздой татарская шлея,
И бубенцы — дары Валдая,
Дуга моздокская лихая, —
Утеха светлая твоя!

«Твоя краса меня сгубила», —
Певал касимовский ямщик,
Пусть неопетая могила
В степи, ненастной и унылой,
Сокроет ненаглядный лик!

Калужской старою дорогой,
В глухих олбнецких лесах
Сложилось тайн и песен много

От сахалинского острога
До звезд в глубоких небесах!

Но не быль́о напева краше
Твоих метельных бубенцов!..
Пахнуло молодостью нашей,
Крещенским вечером с Парашей
От ярославских милых слов!

Ах, непроста душа в ознобе,
Матерой стаи чуя вой! —
Не ты ли, Пашенька, в сугробе,
Как в неотпетом белом гробе,
Лежишь под Чертовой Горой?!

Разбиты писаные сани,
Издох ретивый коренник,
И только ворон назаране,
Ширяя клювом в мертвой ране,
Гнусавый испускает крик!

Лишь бубенцы — дары Валдая —
Не устают в пурговом сне
Рыдать о солнце, птичьей стае
И о черемуховом мае
В родной далекой стороне!

* * *

Кто вы — лопарские пи́мы
На асфальтовой мостовой?
«Мы сосновые херувимы,
Слетели в камень и дымы
От синих озер и хвой.
Поведайте, добрые люди,
Жалея лесной народ,

Здесь ли с главой на блюде,
Хлебая железный студень,
Иродова дщерь живет?
До нее мы в кошеле рысьем
Мирской гостинец несем:
Спаса рублёвских писем, —
Ему молился Анисим
Сорок лет в затворе лесном!
Чай, перед Светлым Спасом
Блудница не устоит,
Пожалует нас атласом,
Архангельским тарантасом,
Пузатым, как рыба-кит!
Да еще мы ладим гостинец:
Птицу-песню пером в зарю,
Чтобы русских высоких крылец,
Как околиц да позатылиц,
Не минуть и богатырю!
Чай, на песню Иродиада
Склонит милостиво сосцы,
Поднесет нам с перлами ладан,
А из вымени винограда
Даст удой вина в погребцы!»

Выла улица каменным воем,
Глотая двуногие пальто.
«Оставьте нас, пожалста, в покое!..»
«Такого треста здесь не знает никто...»
«Граждане херувимы, — прикажете авто?»
«Позвольте, я актив из КИМа!..»
«Это экспонаты из губздрава...»
«Мильционер, поймали херувима!..»
«Реклама на теплые джимы?..»
«А!.. Да!.. Вот... Так, право...»
«А из вымени винограда
Даст удой вина в погребцы...»

Это последняя Лада,
Купава из русского сада,
Замирающих строк бубенцы!
Это последняя липа
С песенным сладким дуплом;
Знаю, что слышатся хрипы,
Дрожь и тяжелые всхлипы
Под милым когда-то пером!
Знаю, что вечной весною
Веет березы душа,
Но борода с сединою,
Молодость с песней иною
Слезного стоят гроша!
Вы же, кого я обидел
Крепкой кириллицей слов,
Как на моей панихиде,
Слушайте повесть о Лидде —
Городе белых цветов!

Как на славном Индийском помории,
При ласковом князе Онории
Воды были тихие стерляжие,
Расстилались шелковою пряжею.
Берега — всё ониксы с лалами,
Кутались бухарскими шалями,
Еще пухом чаиц с гагарятами,
Тафтяными легкими закатами.
Кедры-ливаны семерым в обойм,
Мудро вышиты паруса у сойм.
Гнали паруса гуси махами,
Селезни с чирятами-кряками,
Солнышко в снастях бородой трясло,
Месяц кормовое прямил весло,
Серебряным салом смазывал,
Поморянам пути указывал.
Срубил князь Онорий Лидду-град
На синих лугах меж белых стад.

Стена у города кипарисова,
Врата же из скатного бисера.
Избы во Лидде — яхонты,
Не знают мужики туги-пахоты.
Любовал Онорий высь нагорную —
Повыстроить церковь соборную.—
Тесали каменья брусьями,
Узорили налепами да бусами,
Лемехом свинчатым крыли кровлища,
Закомары, лазы, переходища.
Маковки, кресты басменили,
Арабской синелью синелили,
На вратах чеканили Митрия,
На столпе писали Одигитрию.
Чаицы, гагары встрепыхалися,
На морское дно опускалися,
Доставали жемчугу с искрицей
На высокий кокошник Владычице.
А и всем пригоже у Онория
На славном Индийском помории,
Только нету в лугах мала цветика,
Колокольчика, курослепика,
По лядинам ушка медвежьего,
Кашки, ландыша белоснежного.
Во садах не алело розана,
Цветником только книга прозвана.
Закручинилась Лидда стольная:
«Сиротинка я подневольная!
Не гулять сироте по цветикам,
По лазоревым курослепикам.
На Купалу мне не завить венка,
Средь пустых лугов протекут века.
Ой, верба, верба, где ты сросла? —
Твои листыньки вода снесла!..»
Откуль взялась орда на выгоне, —
Обложили град сарациняне.
Приужахнулся Онорий с горожанами,
С тихими стадами да полянами:

«Ты, Владычица Одигитрия,
На помогу нам вышли Митрия,
На нем ратная сбруна чеканена, —
Одолеет он половчанина!»
Прослезилася Богородица:
«К моему столпу мчится конница!..
Заградили меня целой сотнею,
Раздирают хламиду золотную
И высокий кокошник со искрицей, —
Рубят саблями лик Владычице!..»
Сорок дней и ночей сарациняне
Столп рубили, пылили на выгоне,
Краски, киноварь с Богородицы
Прахом веяли у околицы.
Только лик пригож и под саблями,
Горемычными слезками бабьими,
Бровью волжскою синеватою
Да улыбкою скорбно сжатою.
А где сеяли сита разбойные
Живописные вапы иконные,
До колен и по оси тележные
Вырастали цветы белоснежные.
Стала Лидда, как чайка, белёшенька,
Сарацинами мглится дороженька,
Их могилы цветы приукрасили
На Онорья святых да Протасия!

Лидда с храмом белым,
Страстотерпным телом
Не войти в тебя!
С кровью на ланитах,
Сгибнувших, убитых
Не исчесть, любя.

Только нежный розан,
Из слезинок создан,
На твоей груди.

Бровью синеватой
Да улыбкой сжатой
Гибель упреди!

Радонеж, Самара,
Пьяная гитара
Свилися в одно...
Мы на четвереньках,
Нам мычать да тренькать
В мутное окно!

За окном рябина,
Словно мать без сына,
Тянет рук сучье.
И скулит Трезором
Мглица под забором —
Темное зверье.

Где ты, город-розан —
Волжская береза,
Лебединый крик
И, ордой иссечен,
Осиянно вечен,
Материнский Лик?!

Цветик мой дитячий,
Над тобой поплачет
Темень да Трезор!
Может, им под тыном
И пахнёт жасмином
От Саронских гор!

День Покрова Пресвятыя Богородицы
1928
Полтава

518. Повесть скорби

Над домом вечного позора
Стоят два ангела с крестом,
И часовые для дозора —
Внизу с заряженным ружьем!
Как ангел тихий непорочный
И ты мне верен был шесть лет,
Но вот пробил наш час урочный, —
Нарушен клятвенный обет!
Тебе простить вину такую
Я хотел бы, но не смог,
И повесть скорби роковую
Угрюмо слушает острог.

Старинная тюремная песня

Ты не поверил до конца
В Пречистый Лик, в зарок кольца
С крестом московских патриархов,
И вот колтун с собачьей пархой.
Твои ночные завсегдаи
Сулят Оксану в темном гае.
Меж тем как оторопь с чесоткой
Зловещей заняты находкой:
В мешке два сердца человечьих,
Пригоршня ладана и свечи!

Кому достанется мешок? —
Поэту ль за отару строк,
Похожих на чирят болотных?..
В одеждах звездно-позолотных
Проходят образы былого, —
Так в роще северной еловой
Олени тянут к роднику...
Как в кандалы, тебя в строку
Заковывать перу не ласка,
Пусть Сахалин или Аляска
Хохочут каторжною цепью,
Что ангел с облачною ветвью
Оборотился в кобеля!..

Моя родимая земля
Расшита кровяной синелью,
И к дьявольскому рукоделью
Любимый приложил персты,
Сорвав влюбленности цветы
И дружбы сумеречной розан!
Уж не сирень, а скрип обоза
Осиным роем бьет в окно, —
Везут парчу и полотно
Да три доски всегда готовых.
Так в пущах северных еловых
Лосиха, потеряв отеля,
Рожком берестяным свирелит:
«Му-у-у! Му-у-у! Удоем вымя лоско!..»

Поблеклым вереском да воском
Я расшиваю повесть скорби, —
Лазорь и шелк уснули в торбе,
Им не пойти стихом вприсядку.
Я теплю синюю лампадку
Пред образом из Белозерья, —
По чудотворному поверью,
Он ослепил орду татар...

Жил дед и Анатолий Яр —
Лосенок, что пришел напиться
К ручью лесному, морок длится
Седьмой позёмок и весну...
Брыкастый выпил глубину
И данью колдовскому дну
Оставил очи — яхонт карий.
И с той поры в ольховой хмаре,
За кружкой меда у медведя,
Барсук-лаптюга, рысь-редедя
За первопуток правят сплётки,
Что от загадочной находки

Не спится старому ручью.
Его кобза журчит «люблю»
На всю кедровую опушку
И в жемчуговую избушку,
Где сны и песни в кулебяках,
Лосенку тропка в синих маках, —
Порукою медвежье слово!..
Так в пуще северной еловой...
Но яхонт выпал из венца! —
Ты не поверил до конца
Кресту московских патриархов,
И вот колтун с собачьей пархой.
Твои ночные завсегдаи,
И Ленинград луну качает,
Как маятник, гранитной лапой.
Уж не иконной нежной вапой,
Дымком лопарского грудка,
А головней из кабака
Твой облик в будущем очерчен!..

Костлявый каменщик о печень
Свирепый натрудил колун, —
Ручью вещает Гамаюн,
Как шум вершин, печальным бубном,
Укрыться в просинь непробудно,
С журчаньем в сердце: «Я люблю
Два карих яхонта под бровью!»
Склонились рожки к изголовью,
Припали губы к хрусталю,
И тянет кедровой корой,
Но лапа подымает вой,
И гаснет золото виденья...

Пусть эти руны, как селенье,
В ночи приветным огоньком
Тебя поманят в милый дом,

Где за разлапым самоваром
Сиреневым певучим паром
Повита сказка в русских прошвах!
Она не укоряет прошлым,
Любя крещенскую ватрушку,
Метель за окнами и кружку,
Где сладко пенится любовь!
Но скорби повесть нижет вновь
За порванную нитью — муза.
С душистой земляникой кузов
Мои стихи теперь — опёнки
Без самоцветного лосенка,
Что в сердце искупал копытца!
Он будет мне до гроба сниться,
Как берег в розовых тюльпанах
Иль главы в утренних туманах
Голубокрылого Афона, —
На них молюсь, кладя поклоны,
Как в детстве цветиком-Колюшей:
Угомоните морок-душу,
Пролейте радугу на скорби,
Чтобы за песней легче горбить
Сугробу зимнему заплечье!
В мешке два сердца, ладан, свечи...
О безответный страшный клад,
Тебя повыслал Ленинград,
Как хороводов волчьих сварок,
Москве истерзанной в подарок!
Уж не зарезал ли монгол
Алёнушку в пожаре сёл?!..
Два сердца, знать: погибли двое, —
Купава и побег Левкоя!..
Не я ли, Господи, не я ли?!.
И стон ловлю: на жабьем бале
Я обронил чудесный крест,
Кольцо ж оставил у невест

В подземном адском кабачке,
Где пляшут кости налегке…
М-у-у! М-у-у! Удоем вымя лоско ль?

На Вятке розовы березки,
И горница на зори дверью.
По чудотворному поверью
Пречистая из Белозерья
К полону, лиху, нездоровью,
Как в стыдь рябина, плачет кровью.
И вот заплакала она,
Лишь на крылечке тишина,
Как нянюшка, вздремнуть уселась,
И банька дымом запотела,
Возжаждав веника с мочалкой,
А клеть с куриной перепалкой
Зарделась заревом петушьим!..
Так разлучились наши души —
Лосенок и лесной ручей!

Гранитной лапе до зверей,
До птиц с цветами нету дела,
Она в пурге осатанелой
Качает маятник луны.

От невской пасмурной волны
И от иглы адмиралтейской
Питаться повестью злодейской
Тебе, как Дантесу, не внове:
Взгляни, росинка свежей крови
Горит и на твоей перчатке!
С судьбою не играют в прятки, —
Я умираю, не кляня,
Прости, Владычица, меня!
Я твой в рубахе пестрядинной,
Поэт посконный и овинный,

Но Пушкину сродни звездой,
Убит любимою рукой
И дружбой в ранах не обвязан!

Читатель, моего рассказа
Хватило бы на ларь свечей,
На столько ж вечеров и дней,
Но синяя лампада гаснет,
И понапрасну в скудном масле
Усердие купает пряжу!
Пусть тени зимние доскажут,
Как не поверил до конца
В обеты братского кольца
Душистый розан, как в отчизну,
Не в черный суд и укоризну.

Июнь 1933
Москва

519. Песнь о великой матери

<ЧАСТЬ ПЕРВАЯ>

Эти гусли — глубь Онега,
Плеск волны палеостро́вской,
В час, как лунная телега
С грузом жемчуга и воска
Проезжает зыбью лоской,
И томит лесная нега
Ель с карельскою березкой.

Эти притчи — в день Купалы
Звон на Ки́жах многоглавых,
Где в горящих покрывалах,
В заревых и рыбьих славах
Плещут ангелы крылами.

Эти тайны парусами
Убаюкивал шелони́к.

В келье кожаный Часовник,
Как совят в дупле смолистом,
Их кормил душистой взяткой
От берестяной лампадки
Перед Образом Пречистым.

Эти вести — рыбья стая,
Что плывет, резвясь, играя,
Лосось с Ваги, язь из Водлы,
Лещ с Мегры, где ставят мёрды,
Бок изодран в лютой драке
За лазурную плотицу,
Но испить до дна не всякий
Может глыбкую страницу.

Кто пречист и слухом золот,
Злым безверьем не расколот,
Как береза острым клином,
И кто жребием единым
Связан с родиной-вдовицей,
Тот слезами на странице
Выжжет крест неопалимый
И, таинственно водимый
По тропинкам междустрочий,
Красоте заглянет в очи —
Светлой девушке с Поморья.

Броженица ли воронья —
На снегу вороньи лапки
Или трав лесных охапки,
На песке реки таежной
След от крохотных лапо́тцев —
Хитрый волок соболиный,
Ну́дят сердце болью нежной,
Как слюду в резном оконце,
Разузорить стих сурьмою,

Команикой и малиной,
Чтоб под крышкой гробовою
Улыбнулись дед и мама,
Что возлюбленное чадо,
Лебеденок их рожоный,
Из железного полона
Черных истин, злого срама
Светит тихою лампадой, —
Светит их крестам, криницам,
Домовищам и колодам!..
Нет прекраснее народа,
У которого в глазницах,
Бороздя раздумий воды,
Лебедей плывет станица!
Нет премудрее народа,
У которого межбровье —
Голубых лосей зимовье,
Бор незнаемый кедровый,
Где надменным нет прохода
В наговорный терем слова! —
Человеческого рода,
Струн и крыльев там истоки...
Но допрядены, знать, сроки,
Все пророчества сбылися,
И у русского народа
Меж бровей не прыщут рыси!
Ах, обожжен лик иконный
Гарью адских перепутий,
И славянских глаз затоны
Лось волшебный не замутит!
Ах, заколот вещий лебедь
На обед вороньей стае,
И хвостом ослиным в небе
Дьявол звезды выметает!

* * *

А жили по звездам, где Белое море,
В ладонях избы, на лесном косогоре.
В бору же кукушка, всех сказок залог,
Серебряным клювом клевала горох.
Олень изумрудный, с крестом меж рогов,
Пил кедровый сбитень и марево мхов,
И матка сорочья — сорока сорок —
Крылом раздувала заклятый грудок.
То плящий костер из глазастых перстней
С бурмитским зерном, чтоб жилось веселей,
Чтоб в нижнем селе пахло сытой мучной,
А в горней светелке проталой вербой,
Сурьмлённым письмом на листах Цветника,
Где тень от ресниц, как душа, глубока!
Ах, звезды Поморья, двенадцатый век
Вас черпал иконой обильнее рек.
Полнеба глядится в речное окно,
Но только в иконе лазурное дно.
Хоромных святынь, как на отмели гаг,
Чуланных, овинных, что брезжат впотьмах,
Скоромных и постных, на сон, на улов,
Сверчку за лежанку, в сундук от жуков,
На сшив парусов, на постройку ладьи,
На выбор мирской старшины и судьи —
На всё откликалась блаженная злать.
Сажали судью, как бобриху на гать,
И отроком Митей (вдомёк ли уму?)
«Заклание» образ — вручался ему.
Потом старики, чтобы суд был легóк,
Несли старшине жемчугов кузовок,
От рыбных же весей пекли косовик,
С молоками шаньги, а девичий лик
Морошковой брагой в черпугах резных
Честил поморян и бояр волостных.

Ах, звезды Помория, сладостно вас
Ловить по излучинам дружеских глаз
Мережею губ, языка гарпуном,
И вдруг разрыдаться с любимым вдвоем!
Ах, лебедь небесный, лазоревый крин,
В архангельских дебрях у синих долин!
Бревенчатый сон предстает наяву:
Я вижу над кедрами храма главу,
Она разузорена в лемех и слань,
Цветет в сутемёнки, пылает в зарань.
С товарищи мастер Аким Зяблецов
Воздвигли акафист из рудых столпов,
И, тепля ущербы, — Христова рука
Крестом увенчала труды мужика.

Три тысячи сосен — печальных сестер —
Рядил в аксамиты и пестовал бор;
Пустынные девы всегда под фатой,
Зимой в горностаях, в убрусах весной,
С кудрявым Купалой единожды в год
Водили в тайге золотой хоровод
И вновь засыпали в смолистых фатах.
Линяла куница, олень на рогах
Отметиной пегой зазимки вершил,
Вдруг Сирина голос провеял в тиши:
«Лесные невесты, готовьтесь к венцу,
Красе ненаглядной и саван к лицу!
Отозван Владыкой дубрав херувим, —
Идут мужики, с ними мастер Аким;
Из ваших телес Богородице в дар
Смиренные руки построят стожар,
И многие годы на страх сатане
Вы будете плакать и петь в тишине!
Руда ваших ран, малый паз и сучец
Увидят Руси осиянной конец,
Чтоб снова в нездешнем безбольном краю
Найти лебединую радость свою!»

И только замолкла свирель бирюча,
На каждой сосне воссияла свеча.
Древесные руки скрестив под фатой,
Прощалась сестрица с любимой сестрой.
Готовьтесь, невесты, идут женихи!..
Вместят ли сказанье глухие стихи?
Успение леса поведает тот,
Кто слово, как жемчуг, со дна достает.

Меж тем мужики, отложив топоры,
Склонили колени у мхов и коры
И крепко молились, прося у лесов
Укладистых матиц, кокор и столпов.
Поднялся Аким и топор окрестил:
«Ну, братцы, радейте, сколь пота и сил!»
Три тысячи бревен скатили с бугра
В речную излуку — котел серебра:
Плывите, родные, укажет Христос
Нагорье иль поле, где ставить погост!
И видел Аким, как лучом впереди
Плыл лебедь янтарный с крестом на груди.
Где устье полого и сизы холмы,
Пристал караван в час предутренней тьмы,
И кормчая птица златистым крылом
Отцам указала на кедровый холм.

Церковное место на диво красно:
На утро — алтарь, а на полдень — окно,
На запад врата, чтобы люди из мглы,
Испив купины, уходили светлы.
Николин придел — бревна рублены в крюк,
Чтоб капали вздохи и тонок был звук.
Егорью же строят сусеком придел,
Чтоб конь-змееборец испил и поел.
Всепетая в недрах соборных живет, —
Над ней парусами бревенчатый свод

И кровля шатром — восемь пламенных крыл,
Развеянных долу дыханием сил.

С товарищи мастер Аким Зяблецов
Учились у кедров порядку венцов,
А рубке у капли, что камень долбит,
Узорности ж крылец у белых ракит —
Когда над рекою плывет синева,
И вербы плетут из нее кружева,
Кувшинами крылец стволы их глядят
И легкою кровлей кокошников скат.
С товарищи мастер предивный Аким
Срубили акафист и слышен и зрим,
Чтоб многие годы на страх сатане
Саронская роза цвела в тишине.

Поется: «Украшенный вижу чертог», —
Такой и Покров у Лебяжьих дорог:
Наружу — кузнечного дела врата,
Притвором — калик перехожих места,
Вторые врата серебрятся слюдой,
Как плёсо, где стая лещей под водой.
Соборная клеть — восковое дупло,
Здесь горлицам-душам добро и тепло.
Столбов осетры на резных плавниках
Взыграли горé, где молчания страх.
Там белке пушистой и глуби озер
Печальница твари виет омофор.
В пергаменных Святцах есть лист выходной,
Цветя живописной поблекшей строкой:
Творение рая, Индикт, Шестоднев,
Писал, дескать, Гурий — изограф царев.
Хоть титла не в лад, но не ложна строка,
Что Русь украшала сновидца рука!

* * *

Мой братец, мой зяблик весенний,
Поющий в березовой сени,
Тебя ли сычу над дуплом
Уверить в прекрасном былом?!

Взгляни на сиянье лазури —
Земле улыбается Гурий
И киноварь, нежный бакан
Льет в пестрые мисы полян!

На тундровый месяц взгляни —
Дремливей рыбачьей ладьи,
То он же, улов эскимос,
Везет груду перлов и слез!

Закинь невода твоих глаз
В речной голубиный атлас,
Там рыбью отару зограф
Пасет средь кауровых трав!

Когда мы с тобою вдвоем
Отлетным грустим журавлем,
Твой облик — дымок над золой —
Очерчен иконной графьей!

И сизые прошвы от лыж,
Капели с берестяных крыш, —
Всё Гурия вапы и сны
О розе нетленной весны!

Мой мальчик, лосенок больной,
С кем делится хлеб трудовой,
Приветен лопарский очаг
И пастью не лязгает враг!

Мне сиверко в бороду вплел,
Как изморозь, сивый помол,
Чтоб милый лосенок зимой
Укрылся под елью седой!

Берлогой глядит борода,
Где спят медвежата-года
И беличьим выводком дни...
Усни, мой выдренок, усни!

Лапландия кроткая спит,
Не слышно оленьих копыт,
Лишь месяц по кости ножом
Тебе вырезает псалом!

* * *

Мы жили у Белого моря,
В избе на лесном косогоре:
Отец богатырь и рыбак,
А мать — бледнорозовый мак
На грядке, где я, василек,
Аукал в хрустальный рожок.

На мне пестрядная рубашка,
Расшита, как зяблик, запашка,
И в пояс родная вплела
Молитву от лиха и зла.

Плясала у тетушки Анны
По плису игла неустанно
Вприсядку и дыбом ушко, —
Порты сотворить не легко!
Колешки, глухое гузёнце,
Для пуговки совье оконце,
Карман, где от волчьих погонь
Укроется сахарный конь.

Пожрали сусального волки,
Оконце разбито в осколки,
И детство — зайчонок слепой —
Заклевано галок гурьбой!

* * *

Я помню зипун и сапожки
Веселой сафьянной гармошкой,
Шушукался с ними зипун:
«Вас делал в избушке колдун,
Водил по носкам, голенищам
Кривым наговорным ножищем
И скрип поселил в каблуки
От вёсел с далекой реки!
Чтоб крепок был кожаный дом,
Прямил вас колодкой потом,
Поставил и тын гвоздяной,
Чтоб скрип не уплелся домой.
Алёнушка дратву пряла,
От мглицы сафьянной смугла,
И пела, как иволга в елях,
Про ясного Финиста-леля!»
Шептали в ответ сапожки:
«Тебя привезли рыбаки
И звали аглицким сукном,
Опосле ты стал зипуном!
Сменяла сукно на икру,
Придачей подложку-сестру,
И тетушка Анна отрез
Снесла под куриный навес,
Чтоб петел обновку опел,
Где дух некрещеный сидел.
Потом завернули в тебя
Ковчежец с мощами, любя,
Крестом повязали тесьму —
Повывесть заморскую тьму,

И семь безутешных недель
Ларец был тебе колыбель,
Пока кипарис и тимьян
На гостя, что за морем ткан,
Не пролили мира ковши,
Чтоб не был зипун без души!

Однажды, когда Расстегай
Мурлыкал про масленый рай,
И горенка была светла,
Вспорхнула со швейки игла, —
Ей нитку продели в ушко,
Плясать стрекозою легко.
И вышло сукно из ларца
Синё, бархатисто с лица,
Но с тонкой тимьянной душой...
Кроил его инок-портной,
Из желтого воска персты...
Прекрасное помнишь ли ты?»
Увы! Наговорный зипун
Похитил косматый колдун!

* * *

Усни, мой совенок, усни!
Чуть брезжат по чумам огни, —
Лапландия кроткая спит,
За сельдью не гонится кит.

Уснули во мхах глухари
До тундровой карей зари,
И дрёмам гусиный базар
Распродал пуховый товар!

Полярной березке светляк
Затеплил зеленый маяк, —

Мол, спи! Я тебя сторожу,
Не выдам седому моржу!

Не дам и корове морской
С пятнистою жадной треской,
Баюкает их океан,
Раскинув, как полог, туман!

Под лыковым кровом у нас
Из тихого Углича Спас,
Весной, васильками во ржи,
Он веет на кудри твои!

Родимое, сказкою став,
Перистей озерных купав,
Лосенку в затишье лесном
Смежает ресницы крылом:
Бай, бай, кареглазый, баю!
Тебе в глухарином краю
Про светлую маму пою!

* * *

Как лебедь в первый час прилета,
Окрай проталого болота,
К гнезду родимому плывет
И пух буланый узнает,
Для носки пригнутые травы,
Трепещет весь, о стебель ржавый
Изнеможенный чистя клюв,
На ракушки, на рыхлый туф
Влюбленной лапкой наступает
И с тихим стоном оправляет
Зимой изгрызенный тростник, —
Так сердце робко воскрешает
Среди могильных повилик
Купавой материнский лик

И друга юности старик —
«Любимый, ты ли?» — вопрошает,
И свой костыль — удел калик —
Весенней травкой украшает.

* * *

У горенки есть много таин,
В ней свет и сумрак не случаен,
И на лежанке кот трехмастный
До марта с осени ненастной
Прядет просонки неспроста.
Над дверью медного креста
Неопалимое сиянье, —
При выходе ему метанье,
Входящему — в углу заря
Финифти, черни, янтаря
И очи глубже океана,
Где млечный кит, шатры Харрана
И ангелы, как чаек стадо,
Завороженное лампадой —
Гнездом из нитей серебра,
Сквозистей гагачья пера.
Она устюжского сканья,
Искусной грани и бранья,
Ушки — на лозах алконосты,
Цепочки — скреп и звеньев до ста,
А скал серебряник Гервасий
И сказкой келейку украсил.
Когда лампаду возжигали
На Утоли Моя Печали,
На Стратилата и на пост,
Казалось, измарагдный мост
Струился к благостному раю,
И серафимов павью стаю,
Как с гор нежданный снегопад,
К нам высылает Стратилат!

Суббота горенку любила,
Песком с дерюгой, что есть силы,
Полы и лавицы скребла
И для душистого тепла
Лежанку пихтою топила,
Опосле охрой подводила
Цветули на ее боках...
Среда — вдова, Четверг — монах,
А Пятница — Господни страсти.
По Воскресеньям были сласти —
Пирог и команичный сбитень,
Медушники с морошкой в сыте,
И в тихий рай входил отец:
«Поставить крест аль голубец
По тестю Митрию, Параша?»
— «На то, кормилец, воля ваша»...
Я голос из-под плата слышал,
Подобно голубю на крыше
Или свирели за рекой.
«Уймись, касатка! Что с тобой?
Покойному за девяносто...»
Вспорхнув с лампады, алконосты
Садились на печальный плат,
И была горенка, как сад,
Где белой яблоней под платом
Благоухала жизнь богато.

* * *

Ей было восемнадцать вёсен,
Уж Сирин в пра́зелени сосен
Не раз налаживал свирель,
Чтобы в крещенскую метель
Или на Красной ярой горке
Параше, по румяной зорьке,
Взыграть сладчайшее «люблю»...
Она на молодость свою

Смотрела в венецейский складень,
При свечке, уморяся за день,
В большом хозяйстве хлопоча.
На косы в пядь, на скат плеча
Глядело зеркало со свечкой,
А Сирин, притаясь за печкой,
Свирель настраивал сверчком,
Боясь встревожить строгий дом
И сердце девушки пригожей.
Она шептала: «Боже, Боже!
Зачем родилась я такой, —
С червонной, блёскою косой,
С глазами речки голубее?!
Уйду в леса, найду злодея,
Пускай ограбит и прибьет,
Но только душеньку спасет!..
Люблю я Федю Стратилата
В наряде, убранном богато
Топазием и бирюзой!..
Егорья с лютою змеей, —
Он к Алисафии прилежен...
Димитрий из Солу́ня реже
Приходит грешнице на ум,
И от его иконы шум
Я чую вещий многокрылый...
Возьму и выйду за Вавила,
Он смолокур и древодел!..»
Тут ясный Сирин не стерпел
И на волхвующей свирели,
Как льдинка в икромет форели,
Повывел сладкое «люблю»...
Метель откликнулась: «Фи-ю!..»
Параша к зеркалу всё ближе,
Свеча горит и бисер нижет,
И вдруг расплакалась она —
Вавилы рыжего жена:

«Одна я — серая кукушка!.
Была б Аринушка подружка, —
Поплакала бы с ней вдвоем!..»
За ужином был свежий сом.
«К Аринушке поеду, тятя, —
Благословите погостить!»
— «Кибитку легче на раскате, —
Дорога ноне, что финить,
В хоромах векше не сидится!..»
Отец обычаем бранится.

* * *

На петухах легла Прасковья, —
Ей чудилось: у изголовья
Стоит Феодор Стратилат,
Горит топазием наряд,
В десной — златое копие.
Победоносец на коне,
И япанча — зари осколок...
Взаранки с пряжею иголок
Плакуша ворох набрала
И села, помолясь, за пяльцы;
Но непроворны стали пальцы
И непослушлива игла.
Знать, перед утренней иконой
Она девических поклонов
Одну лишь лестовку прошла.

Слагали короб понемногу...
И Одигитрией в дорогу
Благословил лебедку тятя:
«Кибитку легче на раскате,
Дорога ноне, что финить!
Счастливо, доченька, гостить,
Не осрами отца покрутой!..»
Шесть сарафанов с лентой гнутой,

Расшитой золотом в Горицах,
Шугай бухарский — пава птица —
По сборкам кованый галун
Да плат — атласный Гамаюн —
Углы отливом, лапы, меты, —
В изъяне с матери ответы.
Сорочек пласт, в них гуси спят,
Что первопуток серебрят.
К ним утиральников стопой,
Чтоб не утерлася в чужой,
Не перешла б краса к дурнушке,
Опосле с селезня подушки,
Афонский ладан в уголках —
Пугать лукавого впотьмах.
Всё мать поклала в коробью,
Как осетровый лов в ладью,
А цельбоносную икону
По стародавнему канону
Себе повесила на грудь,
Чтоб пухом расстилался путь.
Простились с теткой вековушей,
Со скотьей бабой и Феклушей,
Им на две круглые недели
Хозяйство соблюдать велели.
И под раскаты бубенца
Сошли с перёного крыльца.

Кибитка слажена на славу!
Исподом выведены травы
По домотканому сукну,
В ней сделать сотню не одну
И верст, и перегонов можно.
От вьюги синей подорожной
У ней заслон и напередник,
Для ротозеев хитрый медник
Рассыпал искры по бокам,
На спинку же уселся сам

Луною с медными усами
И с агарянскими белками,
В одной руке число и год,
В другой — созвездий хоровод.

Запряжены лошадки гусем,
По дебренской медвежьей Руси
Не ладит дядя Евстигней
Моздокской тройкою коней.
Здесь нужен гусь, езда продолом,
В снегах и по дремучим долам,
Где волок верст на девяносто, —
От Соловецкого погоста
До Лебединого скита,
Потом Денисова Креста
Завьются хвойные сузёмки, —
Не хватит хлебушка в котомке
И каньги в дыры раздерешь,
Пока к ночлегу прибредешь!
Зато в малёваной кибитке,
Считая звезды, как на свитке,
И ели в шапках ледяных,
Как сладко ехать на своих
Развалистым залетным гусем
И слышать: «Господи Исусе!»
То Евстигней, разиня рот,
В утробу ангела зовет.

Такой дорогой и Прасковья
Свершила волок, где в скиту
От лиха и за дар здоровья
Животворящему Кресту
Служили путницы молебен.
Как ясны были сосны в небе!
И снежным лебедем погост,
Казалось, выплыл на мороз

Из тихой заводи хрустальной!
Перед иконой огнепальной
Молились жарко дочь и мать.
Какие беды их томили
Из чародейной русской были —
Одной Всепетой разгадать!

— «Ну, трогай, Евстигней, лошадок!..»
«Как было терпко от лампадок...» —
Родной Параша говорит
Под заунывный лад копыт.
«Отселе будет девяносто...»
Глядь, у морозного погоста,
Как рог у лося, вырос крин,
На нем финифтяный павлин,
Но светел лик и в ряснах плечи...
«Не уезжай, дитя, далече!..»
Свирелит он дурманней сот
И взором в горнее зовет,
Трепещет, отряхаясь снежно...
Как цветик, в колее тележной
Под шубкой девушка дрожит:
«Он, он!.. Феодор... Бархат рыт!..»

* * *

На небе звезды, что волвянки,
Как грузди на лесной полянке,
Мороз в оленьем совике
Сидит на льдистом облучке.
Осыпана слюдой кибитка,
И смазней радужная нитка
Повисла в гриве у гнедка.
Ни избяного огонька
И ни овинного дымка —
Всё лес да лес... Скрипят полозья...
Вон леший — бороденка козья —

Нырнул в ощерое дупло!
Вот черномазое крыло —
Знать, бесы с пакостною ношей...
«Он, он!.. Рыт бархат... Мой хороший!..» —
Спросонок девушка бормочет
И открывает робко очи.

У матушки девятый сон —
Ей чудится покровский звон
У лебединых перепутий
И яблоки на райском пруте,
И будто девушка она,
В кисейно-пенном сарафане,
Цветы срывает на поляне,
А ладо смотрит из окна
В жилетке плисовой с цепочкой.
Опосле с маленькою дочкой
Она ходила к пупорезке
И заблудилась в перелеске.
«Ау! Ау!..» Вдруг видит — леший
С носатым вороном на плеши.
«Ага, попалась!..» — «Ой, ой, ой!..»
— «Окстись! Что, маменька, с тобой?..»
И крепко крестится мамаша.
«Ну вот и палестина наша!» —
Мороз заш<ам>кал с облучка.
Трущобы хвойная рука
Впоследки шарит по кибитке,
Река дымится, месяц прыткий,
Как сиг в серебряной бадье,
Ныряет в черной полынье, —
Знать, ключевые здесь места...
Над глыбкой чернью брезг креста
Граненым бледным изумрудом.
Святой Покров, где церковь-чудо!
Ее Акимушка срубил
Из инея и белых крыл.

Уже проехали окраи...
Вот огонек, собачьи лаи,
Густой, как брага, дух избы
Из нахлобученной трубы.

Деревня, милое Поморье,
Где пряха тянет волокно,
Дозоря светлого Егорья
В тысячелетнее окно!
Прискачет витязь из тумана,
Литого золота шелом,
Испепелить Левиафана
Двоперстным огненным крестом,
Чтоб пóсолонь текли просонки,
Медведи-ночи, лоси-дни.
И что любимо искони,
От звезд до крашеной солонки,
Не обернулось в гать и пни!
Родимое, прости, прости!
Я, пес, сосал твои молоки
И страстотерпных гроздий соки
Извергнул жёлчью при пути!
Что сталося со мной и где я?
В аду или в когтях у змея,
С рожком заливчатым в кости?
Как пращуры, я сын двоперстья,
Христа баюкаю в ночи,
Но на остуженной печи
Ни бубенца, ни многоверстья.
Везет не дядя Евстигней
В собольей шубоньке Парашу —
Стада ночных нетопырей
Запряжены в кибитку нашу,
И ни избы, ни милых братий.
Среди безглазой тьмы болот
Лишь пни горелые да гати!

«Кибитку легче на раскате» —
Рыданьем в памяти встает.
Спаси нас, Господи Исусе!
Но запряглися бесы гусем, —
Близки, знать, адские врата.
Чу! Молонья с небесных взгорий!
Не жжет ли гада свет-Егорий
Огнем двоперстного креста?!

* * *

Умыться сладостно слезами,
Прозрев, что сердце соловьями,
Как сад задумчивый, полно,
Что не персты чужих магнолий,
А травы Куликова поля
К поэту тянутся в окно!

Моя Параша тоже травка,
К ее межбровью камилавка
С царьградской опушью пошла б.
В обнимку с душенькой Аришей
Она уснула, мягко дышит,
Перемогая юный храп.
Так молодая куропатка,
Морошкою наполнив сладко
Атласистый крутой зобок,
Под комариный говорок,
Себя баюкает — кок, кок!
Мне скажут — дальше опиши
Красу двух елочек полесных!
Побольше было в них души,
Чем обольщений всем известных.
Вот разве косы — карь и злать —
Параше заплетала мать
На кинифасовых подушках,
А далее... Моя избушка

Дымится в слове на краю, —
Я свет очей моих пою!

Торопит кулебяку сбитень:
«Остыну, гостейку будите!
Уже у стряпки Василисы
Полны судёнцы, крынки, мисы,
В печи ватрушка-кашалот,
И шаньги водят хоровод,
Рогульки в масленом потопе,
Калач в меду усладу копит,
И пряник пестрым городком,
С двуглавым писаным орлом,
Плывет, как барка по Двине,
Наперекор ржаной стряпне!
А в новом пихтовом чулане,
Завялым стогом на поляне,
Благоухает сдобный рай...» —
Хоть пали гости невзначай,
Как скатерть браная с сушил...
«Ахти, касатики, остыл! —
Торопит кулебяку сбитень, —
Скорее девушек будите!»
Уже умылись, чешут пряди,
Нельзя в моленной не в обряде
Поклоны утренние класть,
За сбитнем же хозяин — власть,
Еще осудит ненароком —
Родительское зорко око!
На Пашеньке простой саян,
В нем, как березка, ровен стан,
И косы прибраны вязейкой.
Аринина же грудь сулейкой
И в пышных сборках сарафан,
В Сольвычегодске шит и бран.
Красна домашняя моленна,
Горя оковкою басменной,

Иконы — греческая прорись,
Что за двоперстие боролись,
От Никона и Питирима
Укрыла их лесная схима.
Параша — ах!.. Как осень, злат,
Пред ней Феодор Стратилат.
Мамаша ахнула за дочкой,
Чтоб первый блин не вышел кочкой,
Как бы на греческую вязь
По бабьей простоте дивясь.
Опосле краткого канона
Пошли хозяину поклоны.
«Здоров ли кум? Здоров ли сват?
Что лов сёмуженый богат,
На котика в Норвегах цены,
Что в океане горы пены —
Того гляди прибьет суда!
Как Пашенька?.. Моя — руда!»
И девушка, оправя косы,
Морскому волку на вопросы
Прядет лазурный тихий лен.
«Мои хоромы — не полон,
И гости — не белуга в трюме!
Без дальних, доченька, раздумий
Зови подруг на посиделки!..»
— «Ох, батюшка, плетешь безделки,
Не для Параши вольный дух!..»
— «Тюлень и под водою сух!..
Еще молодчиков покраше,
Авось, приглянутся Параше,
Не мы — усатые моржи!..»
Что куколь розовый во ржи,
Цвели в прирубе посиделки.
Опосле утушки и белки
Пошли в досюльный строгий шин.
«Я Федор, Калистрата сын,

Отложьте прялицу в сторонку!..»
И вышла Пашенька на гонку.
Обут детинушка в пимы́,
И по рубахе две каймы
Испещрены лопарским швом.
«Заплескала сера утушка крылом,
Ой-ли, ой-ли, ой-ли!
Добру молодцу поклоны до земли!
Ты на реченьке крыла не полощи,
Сиза селезня напрасно не ищи!
Ой-ли, ой-ли, ой-ли!
Выплывали в сине море корабли!
Сизый селезень злым кречетом убит,
Под зеленою ракитою лежит!
Ой-ли, ой-ли, ой-ли!
Во лузях цветы лазоревы цвели!
Еще, Федор, Парасковьюшку
Не ищи по чисту полюшку!
Ой-ли, ой-ли, ой-ли!
Поклевали те цветочки журавли!
Парасковья дочь отецкая,
На ней скрута не немецкая!
Ой-ли, ой-ли, ой-ли!
Серу утушку ко прялке подвели...»
Все девушки: «Ахти-ахти!
Красивее нельзя пройти
Размеренным досюльным шином
Речной лебедушке с павлином!..»
— «Спасибо, Федор Калистратыч!..
Подладь у прялки спицу на стычь!..»
И поправляет пасмо он,
Лосенок, что в зарю влюблен.
И кисть от пояса на спице
Алеет памяткой девице:
Мол, кисточкой кудрявый Федя
В кибитке с лапушкой поедет.

Запело вновь веретено...
Глядь, филин пялится в окно!
Не ясно видно за морозом.
Перепорхнул к седым березам,
Ушаст, моржовые усы...
Хозяин!.. У чужой красы!..
Но вьются хмелем посиделки —
Детина пляшет под сопелки
То голубым песцом в снегах,
То статным лосем в ягелях,
Плакучим лозняком у вод —
Заглянет в омут и замрет,
В лопарских вышивках пимы...
Чу! Петухом из пегой тьмы
Оповещает ночь полати,
Лежанки, лавицы, кровати,
Что сон за дверью в кошелях
Несет косматых росомах
И векшу — серую липушу —
Угомонить людскую душу!

* * *

Как лен, допрялася неделя.
Свистун-позёмок на свирелях
Жалкует, правя панихиды,
И филин плачет от обиды,
Что приморозил к ветке хвост.
На вечереющий погост
Зарница капает сусалом.
Вон огонек, там в срубце малом
Живет беглец из Соловков —
Остатний скрытник и спасалец,
Ночной печальник и рыдалец
За колыбель родных лесов.
И стало горестно Параше,
Что есть молитва за леса, —

Неупиваемые чаши
Земле готовят небеса.
Сподоби, Господи, сподоби
Уснуть невестой в белом гробе
До чаши с яростной полынью!..
А вечер манит нежной синью,
И ель, как схимник в манатейке...
«Не приросла же я к скамейке!
Пойду к отцу Нафанаилу
Пожалковать на вражью силу,
Что ретивбе мне грызет!»
Сама не зная, как по крыльцам
Она бежит, балясин рыльца
Собольим рукавом метет,
Спеша испить от ярых сот.
Вот на сугробе волчий след,
Ни огонька, ни сруба нет.
Вот слезка просочилась в ели,
Тропинку выкрали метели...
Опять сугроб — медвежья шапка...
Ай волк, что растерзал Арапка!
Бирюк матер, зеленоглаз,
Знать, утка выплыла не в час!
Котлом дымится полынья...
«Пусть растерзает и меня,
Чтоб не ходила красным шином!..»
Касатка в стаде ястребином,
Бесстрашна внучка Аввакума.
В тенётах сокол — в сердце дума
Затрепетала по борьбе
Без терпкой жалости к себе.
И как Морозова Федосья,
Оправя мокрые волосья,
Она свой тельник золотой,
Не чуя, что руда сгорает,
Над зверем, над ощерой тьмой
Рукою трезвой поднимает

И трижды грозно осеняет!
Как от стрелы, метнулся волк,
Завыл, скликая бесов полк,
И в миг издох... Параша к срубу,
Слюдою осыпая шубу,
И, обронив с косы вязейку,
Упала в сенцах на скамейку.
Пахнуло тепелью от сердца...
Омыты тишиною сенцы.
Вот гроб колодовый, на нем,
Пушистым кутаясь хвостом,
Уселась белка буквой в Святцах...
«С рассудком, видно, не собраться...»
Чу! В келье плач глухой и палый!..
«Что, Парасковьюшка, застряла?»
На темя капают слова:
«Уймися, девка не вдова!..
Намедни спрос чинил я белке:
«Что, полюбились посиделки
У сарафанистой Ариши?»
Запрыскала, усами пишет,
На Федьку сердится... Да, да!
Плыви, лебедушка, сюда!»
И очутилась Паша в келье.
Какое светлое веселье!
Пред нею в мантии дерюжной,
Не подъяремный и досужный,
Сиял отец Нафанаил.
Веянием незримых крыл
Дышали матицы, оконце...
«Не хошь ли сусла с толоконцем?
Вот ложка — корабли по краю!
Ведь новобрачную встречаю, —
Богато жить да сусло пить!..»
— «Я, батюшка!..» — «Эх, волчья сыть!» —
И старец указал брадою.
Воззрилась гостья, что такое?

Хозяин... Морж... стоит у печи,
Усы в слезах, как судно в течи,
Как паруса в осенний ливень!..
«Мотри, голубка, Спас-от дивен,
Нé поругаем никогда!..»
— «Ах, батюшка!..» — «Пройдут года,
Вы вспомните мои заветы, —
Руси погаснут самоцветы!
Уже дочитаны все свитки,
Златые роспиты напитки,
И у святых корсунских врат
Топор острит свирепый кат!..
В царьградской шапке Мономаха
Гнездится ворон — вестник страха,
Святители лежат в коросте,
И на обугленном погосте,
Сдирая злать и мусикию,
Родимый сын предаст Россию
На крючья, вервие, колеса!..
До сатанинского покоса
Ваш плод и отпрыск доживет
В последний раз пригубить мед
От сладких пасек Византии!..
Прощайте, детушки! Благие
Вам уготованы сады
За чистоту и за труды!..»
И старец скрылся в подземелье.
Березкой срубленой средь кельи
Лежит Параша на полу,
И как к лебяжьему крылу
Припал к ней морж в ребячьем страхе,
Не смея ворота рубахи
Тяжелым пальцем отогнуть,
И не водой опрыскал грудь,
А долголетними слезами,
Что накопил под парусами.

«Моя любовь, мой осетренок!..»
Легка невеста, как ребенок,
Для китобойщика руки.
Через сугробы, напрямки,
На избяные огоньки,
Понес ларец бирюк матерый...

Цветут сарматские озера
Гусиной пра́зеленью, синью...
Не запрокинут рог с полынью
В людские веси, в темный бор,
Где тур рогатый и бобер.
Парашу брачною царевной,
В простой ладье, рекой напевной,
В полесья северной земли
От Цареграда привезли.
Она Палеолог София,
Зовут Москвой ее удел,
Супруг на яхонты драгие
Иваном Третьим править сел.
Дубовый терем тих и мирен,
Ордынский не грозит полон,
И в горнице двуглавый Сирин
Поет: «Кирие, елейсон».
И снится Паше гроб убранный,
Рубин востока смертью взят,
Отныне кто ее желанный?
Он, он, в кольчуге филигранной,
Умбрийских красок Стратилат!
Дочитан корсунский Псалтырь,
Заключена колода в клети,
И Воскресенский монастырь
Рубин баюкал шесть столетий.
Но вот очнулася она
От рева, посвиста и гама, —
Топор разламывает мрамор,
Бежит от гроба тишина,

И кто-то черный пятерню
К сидонским перлам жадно тянет...
«Знать, угорела в чадной бане!
Ходила к старцу по кутью,
Да волка лютого спужалась...
Иль домовой... На губках алость!..
Иль ворон человечий зуб
Занес на девичий прируб —
Примета злая!..» Так над ладой,
Стрижами над вечерним садом,
Гуторил пестрый бабий рой.
И как тростник береговой,
Примятый бурею вчерашней,
Почуя ласточек над пашней,
К лазури тянет лист и цвет,
Так наша ладушка в ответ
На вопли матери, сестрицы,
Раскрыла тяжкие ресницы.

От горницы до черной клети,
На василистином совете,
У скотьей бабы в повалуше,
Решили: порча девку сушит!
Могильным враном на прируб
Обронен человечий зуб.
Ох, ох! Хвороба неминуча
Голубку до смерти замучит!
Недаром полыньи черны
И волчьи зубы у луны!
Не домекнет гусыня-мать
Поворожить да отчитать!
И вот Аринушка с Васихой,
Рогатиной на злое лихо,
Приводят в горенку ведка́,
В оленьих шкурах старика,
В монистах из когтей медвежьих.
По желтой лопи, в Заонежьях,

По дымным чумам Вайгача,
Трепещут вещего сыча.
Он темной древности посланец,
По яру — леший, в речке — сом,
И даже поп никонианец
Дарил шамана табаком.
Кудесник не томил Парашу,
Опрыскав каменную чашу
Тресковой желчью, дудку взял
И чародейно заиграл:
«Га-га-ра га-га сайма-ал,
Ай-ла учима трю-вью-рю,
Ты не ходила по кутью!
Одна болезнь, чью-ри-чирок,
Что любит девку паренек!..
Но, айна-ала чам-ера,
Вдовец, чам-ра, убьет бобра!..
Вставай, вставай! Медведю пень,
Гагаре же румяный день!..»
— «Ох, дедушка, горю, горю!..
Отдайте серьги лопарю
И ленту, шитую в Горицах!..»
А уж ведун на задних крыльцах;
Арина с теткой Василистой
Уладили отчитки чисто.

* * *

Поморский дом плывет китом,
Ему смарагдовым копьем
В предутрия, просонки, зори
Указывает путь Егорий.
Столетие, мгновенье, день —
Копье роняет ту же тень
Всё на восток, где Брама спит, —
С ним покумиться хочет кит.

Всё на восток, где сфинкс седой
Встает щербатой головой,
Печаль у старого кита
Клубится дымом из хребта.
Скрипят ворота — плавники —
Друзья всё так же далеки,
Им с журавлями всякий год
Забытый кум поклоны шлет.
Сегодня у него в молоке,
Где сердца жаркие истоки,
О тайне сумерек лесных
Поют две птахи расписных.
Аринушка с душой Прасковьей,
Два горностая на зимовье,
В светелке низенькой сошлись
И потихоньку заперлись.
«Крепки затворы, нас не слышат, —
Поет малиновкой Ариша, —
Уснула лавка, потолок
И кот — пузатый лежебок,
А домовому за лежанку
Положим черствую баранку,
Чтоб грыз досужливым сверчком!..»
— «Не обернулась бы грехом
Беседа наша!..» — «Что ты, Паня!
Отмоемся золою в бане,
Оденем новые станушки,
Чай, не тонули в пьяной кружке!»
— «Аринушка, я виновата!..»
— «С Федюшей, сыном Калистрата?..»
— «Ох, что ты, что ты!.. Видит Бог...
Живой не выйти за порог!..»
— «Так кто ж обидчик?..» — «Твой отец...»
— «Окстись, Параня!.. Пес, выжлец!..
Повыйдет матушка из гроба!..»
— «Тогда у волчьего сугроба

Спознала я свою судьбу...
Прости, Владычица, рабу!
Святый Феодор Стратилат,
Ты мой жених и сладкий брат!
Тебе вручается душа,
А плоть, как стены шалаша,
Я китобойцу отдаю!..»

Свирель от иконы:

«*С тобою встретимся в раю!*»
«Аринушка, ты слышишь гласы?..»
— «Ах он выжлец, кобель саврасый!..
Повыйду замуж не в угодье
За калистратово отродье,
За Федьку в рыболовный чум!..
В горящих письмах Аввакум
Глаголет: «Детушки, горите!..»
Я нажилась в добре и сыте,
Теперь сгорю огнем тягучим,
Как в море лодка без уключин,
О камни груди разобью!..»

Свирель от иконы:

«*С тобою встретимся в раю!..*»
«Аринушка, поет свирель!..»
— «То синеперая метель...»
— «Подруженька, люби Федюшу,
Ему отдай навеки душу!..
Целуй покрепче да ласкай,
Ведь по хозяйке каравай —
Пригож, волосья — красный яр,
Смолистый кедр в лесной пожар
Он опаляет!..» — «Что ты, Паня?
Аль любишь?.. Знала бы заране,
Тебе бы сердца не открыла...»
— «Пророчество Нафанаила —
Мне быть супругою вдовца
И твоего ласкать отца!..

А Феде — белому оленю,
Когда посадит на колени
Он ясноглазую дочурку,
Скажи, что рысь убила... курку!
Что поминальный голубец
Дознает повести конец!..»
— «Ты любишь Федора, Арина?..»
— «Под осень не тряси осины,
Не то рудою изойдет!..
Олень же вербу любит яро...»
Тут кит дохнул морозным жаром,
И из его оконных глаз
Полился желтый канифас,
Потом кауровый камлот,
Знать, офень-вечер у ворот
Огнистый короб разложил —
Мохры, бубенчики, гужи...
Но вот погасла чудо-полка, —
Дудец запел перед светелкой,
То Федя — нерполова сын —
Идет в метелицу один
И в синеперой ранней мгле,
На непонятном веселе,
Как другу, жалостной волынке
Вверяет милые старинки:

«Пчелы белояровыя-а-а-а!
Тю вью верею павы я-а-а-а!
Ко двору-двору,
Ту-ру-ру-ру-ру,
К Парасковьину
Прививалися-а-а-а!
У медведя животы,
Ах, по меду у Топты-ы-ы-
Гина растужилися-а-а-а!..
Ах, пошел медведь
На поклоны в клеть —

Ти-ли вью-вью-вью,
Пиво во-во, да люблю-ю-ю!..
Парасковья-свет
Подала ответ:
«Ох, да медведь косолап,
Лапой сам зацап!..
Трю-вью, ох да я —
Пчелы белояровыя-а-а-а!»

* * *

Тебе, совенок кареглазый,
Слюду и горные топазы,
Морские зерна, кремешки
Я нижу на лесу строки.

Взгляни, какое ожерелье:
Играет радугою келья,
И шкуры золотистей ржи
В родимом поле у межи!

Шепни, дитя, сквозь дымку сна:
«Ну, молодчина, старина!..»
Но звезды спят, всхрапнул очаг,
В дупло забился филин-страх.

Тебе на мерную лесу
Я нижу яхонтом слезу,
А сердца алый уголек
Стяну последним в узелок!

Я знаю, молодость прошла,
Вернется филин из дупла
Вцепиться в душу напослед,
Чтоб навсегда умолкнул дед!

Как прялка, голос устает,
И ульи глаз не точат мед,
Лишь сединою борода
Цветет, как травами вода

Среди болотных мочежин...
Усни, дитя, изгнанья сын!
Костлявой смерти на беду
Я нить звенящую пряду.

И, может быть, далекий внук
Уловит в пряже дятла стук,
В кострйке точек и тире
Гусиный гомон на заре.
По дебрям строк медвежий след
Слепым догадкам даст ответ,
Что из когтей Руси дудец
Себе нанизывал венец,
Что лесовик дуду унес
В глухую топь, в пургу, мороз!..
Но скучно внуков поминать,
Целуя пепельную прядь,
Им «Погорельщины» угли
Мы в груду звонкую сгребли.
Слова же сук, паук и внук
Напоминают дятла стук,
Чуждаясь осьминогих слов,
Я смерть костлявой звать готов
И прялке прочу в женихи
Ефрема Сирина стихи!

* * *

<. . . . .>
Господи владыко,
Метелицей дикой
Сжигает твое Поморье,

Кибитку, шубоньку соболью,
Залетную русскую долю,
Бубенец и коня Егорья!..

Уймись, умолкни, сердце!
Вон пряничною дверцей
Скрипит зари изба, —
В реку упали крыльца,
Наличники, копыльца,
Резная городьба.

Живет Параша дома —
Без васильков солома
Пустая полоса.
Неделя канет за день,
Но в веницейский складень
Не падает коса.

Не окунутся руки
От девичьей прилуки
В заморское стекло.
В приятстве моль со свечкой,
И не цветет за печкой
Сусальное крыло.

Ау, прекрасный Сирин!
В тиши каких кумирен
Твой сладостный притин?
Уж отплясали Святки
Татарские присядки,
Эх-ма и брынский трын.

На постные капели,
На дымчатые ели
Не улыбнется

Плющиха Евдокия,
Снежинки голубые
Сбирает в решето.

Глядь, Алексей калика
Из бирюзы да лыка
Сплетает неводок,
И веткой Гавриила
В оконце к деве милой
Стучится ветерок.

Почуяла Прасковья,
Что кончилось зимовье —
Христос во гробе спит,
Что ноне дедов души
По зорьке лапти сушат
У голубцов да плит.

Утечь бы солнопёком,
Доколе видит око,
В лазоревый Царьград —
Там лапушку приветит
В незаходимом свете
Феодор Стратилат!

Написано в Прологе,
Что встретил по дороге
Отроковицу мних.
Кормил ее изюмом,
И, вторя травным шумам,
Слагал индийский стих.

Узорно бает книга,
Как урожаем рига,
Смарагдами полна.

Уйду на солнопёки,
В индийский край далекий,
Где зори шьет весна!

И вот от скотьей бабы
В узлу коты-расхлябы
Да нищая сума,
Затих базар сорочий,
И повернулась к ночи
Небесная корма.

За ужином Прасковья
Спросила о здоровье
Любимого отца.
К родимой приласкалась,
Знать в час, на щеки алость
Струилась от светца.

Уж мглицы да потемы
Закутали хоромы
В косматый балахон.
Низги затренькал в норке,
И снится холмогорке
В хлеву зеленый сон.

В котах, сума коровья,
Повышла Парасковья
На деревенский зад
И в голубые насты,
Где жуть да ельник частый,
Отправилась в Царьград.

Бегут навстречу елки —
«К нам гостья из светелки», —
И тянут лапы ей.

Ой, пёнышки, макушки,
Не застите кукушке
На Индию путей!

Глядит, с развалом сани,
В павлиньих перьях Ваня —
Купецкий ямщичок:
«Садитесь, ваша милость,
К заутрени на клирос
Примчу за целкачок!»

Летит беркутом карий,
Вон огоньки на яре —
Из грошиков блесня,
Чай, в Цареграде бабы
Не ждут через ухабы
Павлиньего коня?

Подъехали к палатам, —
Горя парчовым платом,
Хозяйка на крыльце:
«Раба Парасковия,
Вот бисеры драгие
И маргарит в ларце!»

Как в смерти дивно Паше!
А горницы всё краше,
Благоуханней сот.
Она пчелою дале
И Утоли Печали
В хозяйке узнает!

«Вот горенка Миколы,
Подснежники — престолы,
На лавке лапоток.

Здесь — Варлаам с Хутыня
И матерь слез — пустыня,
Одетая в поток.

Иона яшезерский,
С уздечкой, цветик сельский, —
Из Ве́ркольска Артем.
Се — Аввакум горящий,
Из свитка, меда слаще,
Питается огнем!

На выструге ж в светлице,
Где будут зори шиться,
Для гостьюшки покой.
Черемухою белой,
Пройдя земное тело,
В него войдешь — душой!

Как я, вдовцом укрыта,
Ты росною ракитой
Под платом отцветешь
И сына-сладкопевца
Повыпустишь из сердца,
Как жаворо́нка в рожь!

Он будет нищ и светел —
Во мраке вещий петел —
Трубить в дозорный рог,
Но бесы гнусной грудой
Славянской песни чудо
Повергнут у дорог.

Запомни, Параскева, —
Близка година гнева,
В гробу святая Русь!..

Чай, опоздвился Ваня,
Продрогли с карим сани.
Прощай!..» — «Я остаюсь!..

Владычица!.. Мария!..»
Кругом места глухие.
Сопит глухарь-рассвет.
И глухо сердце млеет...
Пролей, Господь, елеи
На многоскорбный след!

Страшат беглянку дебри,
Уж солнышко на кедре
Прядет у векш хвосты,
Проснулся пень зобатый.
Присесть бы... Пар от плата
И снег залез в коты.

Когтит тетерку кречет,
И дупла словно печи,
Повыкрал враг суму.
«Прощай, любимый тятя,
Кибиткой на раскате
Я брошена во тьму!»

Но что за марь прогалом, —
Ужели в срубце малом
Спасается бегун?
Скорей к нему в избушку,
За нищую пирушку,
Где кот — лесной баюн!

Как цепки буреломы!..
Наверно, скрытник дома —
Окруток ни следка.

Ай, увязают ноги!..
А уж теплом берлоги
Обожжена щека.

Ай, на хвосте у белки
Медвежьи посиделки
Параше суждены!
В шубейке, легким комом,
Лежать под буреломом
До ангельской весны!

Во те поры Топтыгин,
Бегун с дремучей Выги,
Усладный видел сон, —
Как будто он в малине,
Румяной, карей, синей,
Берет любовь в полон.

Как смерть, сильна дремота,
Но завести охота
Звериную семью.
Храпя, слюнявя ветки,
Он обнял напоследки
Разлапушку свою.

Еще снега округой,
И черная лешуга
К просонкам не зовет...
На быстрых лыжах Федя
Спешит силки проведать,
Пока солноворот.

Нейдет лукавый соболь,
Рядками ли, особо ль
На лазах петли ставь!

Верст сорок от становищ,
По дебрям дух берложищ —
С оглядкой лыжи правь.

Прошит сугроб котами, —
По ярам соболями
Не бабе промышлять!
Где пень — сума коровья,
Следы же до логовья, —
Там хворост лижет чадь.

Насупился Федюша
И ну, как выдра, слушать,
Заглядывать в суму.
Мережкой ловят уши,
Как белка лапки сушит,
Лишайник — бахрому.

Сума же кладом дразнит,
В ней правит тихий праздник
Басменный образок
И с кисточкой вязейка...
Но где же душегрейка
И Гамаюн-платок?!

У сына Калистрата
В глазах сугроб лобатый
Пошел с корягой в шин.
Она, она!.. Параня!..
Недаром снились сани —
За ямщика — павлин!

«Увез мою кровинку
К медведю на поминку!..
Не в час родился я!»

— «Мой цветик, соболенок!..»
А голос хрупко-тонок,
Как подо льдом струя.

«Параша!.. Паша!.. Паня!..»
Лисицей на поляне
Резвится солнопёк.
«Пророче Елисее,
Повызволь от злодея
Кровинку-перстенек!

Я на твою божницу
Дам бурую куницу
И жемчугу корец!..»
Скрепя молитвой душу,
Прислушался Федюша:
Храпит лесной чернец.

Меж тем щегленок-лучик
Прокрался на онучи,
На Парасковьин плат,
Погрелся у косицы, —
Авось пошевелится,
На крошку бросит взгляд!

Ай, лапа на шубейке,
Оборочусь в копейки,
Капелью побренчу:
«То-ли, сё-ли,
Ну-ли, что-ли, —
Дай копеечку лучу!»

И дрогнули ресницы...
Душа в ребро стучится...
Жива иль не жива?

И в кровяном прибое
Плывет, страшнее вдвое,
Медвежья голова.

Потемки гуще дегтя,
Лежат, как гребень, когти
На девичьих сосцах.
«Пророче Елисее,
Повызволь от злодея, —
Запел бубенчик-страх, —

Я на твою божницу
Дам с тельника златницу
И пряник испеку!..»
В обет смертельный веря,
Она втишок от зверя
Ползет, как по лотку.

«Параша!.. Паша!.. Паня!..»
Знать, Сирин на поляне, —
И покатилась в лог!..
Взбурлила келья ревом,
И в куколе еловом
Над нею чернобог.

«Пророче Елисее!..»
Топор прошел от шеи
По становой костец.
Захлебываясь кровью,
Спасает Парасковью
Неведомый боец.

Как филин с куропаткой,
Топтыгин в лютой схватке
С Федюшей-плясуном!..

Отколь взяла отвагу
На ворога корягу
Набросить хомутом

И бить колючей елкой
По скулам и по холкам,
Неистово молясь?
Вот пошатнулся Федя, —
Топор ушел в медведя
От лысины — по хрясь.

«Параша!..» — «Федя!.. Сокол!..»
— «Поранен я глубоко...
Тебя Господь упас?..
Ох, тяжко!..» — «Братец милый,
Коль сердце не остыло, —
Христос венчает нас!»

«Ах, радость, радость, радость
Пожить женатым малость...
Того не стою я...»
— «Вот тельник из Афона,
Вдоветь да класть поклоны
Благослови меня!»

«Благословляю... Паша!..»
И стал полудня краше
Феодор — Божий раб.
От горести в капели
Свои запястья ели
Пообронили с лап.

И кедр, раздув кадило,
Над брачною могилой
Запел: «Подаждь покой!»

А солнопёк на брата
Расшил покров богато
Коралловой иглой.

К невиданной находке
Слетелись зимородки,
Знать, кудри — житный сноп.
На них глаза супруги
Наплавили от туги
Горючих слез потоп.

И видела трущоба,
Как вырос из сугроба
Огнистый слезный крин,
На нем с лицом Федюши,
Чтоб жальче было слушать,
Малиновый павлин.

* * *

Усни, мой лосенок больной!
По чумам проходит покой,
Он мерности весла несет
Тому, кто отчизну поет.

Смежи своих глаз янтари,
Еще далеко до зари,
Лапландия кроткая спит,
Не слышно оленьих копыт,

Не лает голу́бый песец,
От жира совеет светец,
За кожаной дверью покой
Стучит в колоток костяной.

Войди и садись к очагу,
Но только про смерть ни гу-гу!

Пускай не приходит она,
Пока голубеет сосна,
И трется, линяя, олень
О теплый березовый пень!

Покуда цветут берега,
От пули не ноет нога.
И бахарь за кровлю и хлеб
Над песней от слез не ослеп.

Не лучше ли в свой колоток
Пришельцу потренькать часок,
Чтоб милый лосенок-янтарь
Смежил, как в счастливую старь,

Где бабкины спицы цвели
Кибиткой в морозной пыли,
Медведем, малиной, рекой
И русской ямщицкой тоской?!

Затренькал ночной колоток.
Усни, мой болотный цветок.
Лапландия кроткая спит,
Не слышно ни трав, ни ракит!

Лишь пальцы зайчонком в кустах
Плутают в любимых кудрях,
Да сердце — завьюженный чум —
Тревожит таинственный шум.

То стая фрегатов морских —
Стихов острокрылых живых,
У каждого в клюве улов —
Матросская горсть жемчугов.

У каждого в крыльях закат,
Чтоб рдян был поэзии сад.

Послушай фрегатов, дитя,
В безбрежной груди у меня!

Послушай и крепче усни.
Уж зорче по чумам огни.
С провидящих кротких ресниц
Лапландия гонит ночниц,
И дробью оленьих копыт
Судьба в колотушку стучит.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

...И в горенку входил отец...
«Поставить крест аль голубец
По тестю Митрию, Параша?..»
Неупиваемая чаша,
Как ласточки звенящих лет,
Я дал пред родиной обет
Тебя в созвучья перелить,
Из лосьих мыков выпрясть нить,
Чтоб из нее сплести мережи!
Авось любовь, как ветер свежий,
Загонит в сети осетра,
Арабской черни, серебра,
Узорной яри, аксамита,
Чем сказка русская расшита!
Что критик и газетный плут,
Чихнув, архаикой зовут.
Но это было! Было! Было!
Порукой лик нездешней силы —
Владимирская Божья Мать!
В ее очах Коринфа злать,
Мемфис и пурпур Финикии
Сквозят берёстою России
И нежной просинью Вифезды.
В глухом Семеновском уезде —

Кто Светлояра не видал,
Тому и схима— чертов бал!
Но это было! Было! Было —
Порукой образ тихокрылый
Из радонежеских лесов!
Его писал Андрей Рублёв
Смиренной кисточкой из белки.
Века понатрудили стрелки,
Чтобы измерить светлый мир,
Черемух пробель и сапфир —
Шести очей и крыл над чашей!
То русской женщины Параши,
Простой насельницы избы,
Душа — под песенку судьбы,
Но... многоточие — синицы,
Без журавля пусты страницы...
Увы... волшебный журавель
Издох в октябрьскую метель!
Его лодыжкою в запал
Я книжку <«Ленин»> намарал,
В ней мошкара и жуть болота.
От птичьей жёлчи и помёта
Слезами отмываюсь я
И не сковать по мне гвоздя,
Чтобы повесить стыд на двери!..
В художнике, как в лицемере,
Гнездятся тысячи личин,
Но в кедре много ль сердцевин
С несметною пучиной игол? —
Таков и я!.. Мне в плач и в иго
Громокипящий пир машин,
И в буйном мире я один —
Гадатель над кудесной книгой!
Мне скажут: жизнь — стальная пасть —
Крушит во прах народы, классы...
Родной поэзии атласы

Не износил Руси дудец, —
Взгляните, полон коробец.
Вот объярь, штоф и канифасы!
Любуйтесь и поплачьте всласть!
Принять, как антидора часть,
Пригоршню слез не всякий сможет...
Я помню лик... О Боже, Боже!
С апрельскою березкой схожий
Или с полосынькой льняной
Под платом куколя и мяты,
Или с гумном, где луч заката
Касаток гонит на покой
К стропилам в кровле восковой,
Где в гнездышках пищат малютки!..
Она любила незабудки
И синий бархат васильков.
В ее прирубе от цветов
Тянуло пряником суропным,
Как будто за лежанку копны
Рожков, изюма, миндаля
С неведомого корабля
Дано повыгрузить арапам.
Оконца синие накрапы
И синий строгий сарафан —
Над речкой мглица и туман,
Моленный плат одет на кромки...
Лишь золотом, струисто ломкий,
Зарел Феодор Стратилат.
Мои сегодня именины, —
Как листопадом котловины,
Я светлой радостью богат:
Атласной с бисером рубашкой
И сердоликовой букашкой
На перстеньке — подарке тяти.
«Не надо ль розанцов соскати
Аль хватит колоба с наливом?»
Как ветерок по никлым ивам,

На стол и брашна веял плат.
«Обед-то ноне конопат, —
Забыли про кулич с рогулей
Да именинника на стуле
Не покачати без отца,
Чтоб рос до пятого венца,
А матерел, как столб запечный.
Придется, грешнице, самой
Повеселить приплод родной!»
И вот сундук с резьбой насечной,
Замок о двадцати зубцах,
В сладчайший повергая страх,
Как рай, как терем, разверзался,
И, жмуря смазни, появлялся
На свет кокошник осыпной,
За ним зарею на рябинах
Саян и в розанах купинных
Бухарской ткани рукава.
Однажды в год цвели слова
Волнистого, как травы, шина,
И маменька, пышней павлина,
По горенке пускалась в пляс
Жар-птицей и лисой-огневкой,
Пока серебряной подковкой
Не отбивался «подзараз»,
И гаснул танец-хризопраз.
«Ах, греховодница-умыка!
От богородичного лика
Укроется ли бабий срам?!»
И вновь сундук — суровый храм —
Скрипел железными зубами.
Слезилась кика жемчугами,
Бледнел, как облачко, саян.
Однажды в год, чудесным пьян,
Я целовал кота и прялку
И становилось смутно жалко

Родимую — платок по бровь.
Она же солнцем, вся любовь,
Ко мне кидалась с жадной лаской:
«Николенька, пора с указкой
Читать славянские зады!..»
И в кельице до синей мглицы,
До хризопразовой звезды,
Цвели словесные сады.
Пылали Цветника страницы,
Глотал слюду струфокамил,
И снился фараону Нил
Из умбры, киновари, яри...
В павлино-радужном пожаре
Тонула мама, именины...
Мои стихи не от перины
И не от прели самоварной
С грошовой выкладкой базарной,
А от видения Мемфиса
И золотого кипариса,
Чьи ветви пестуют созвездья.
В самосожженческом уезде
Глядятся звезды в Светлояр, —
От них мой сон и певчий дар!

* * *

Двенадцать снов царя Мамера
И Соломонова пещера,
Аврора, книга Маргарит,
Златая Чепь и Веры Щит,
Четвертый свиток белозерский,
Иосиф Флавий — муж еврейский,
Зерцало, Русский виноград —
Сиречь Прохладный вертоград,
С Воронограем список Вед,
Из Лхасы шелковую книгу

И гороскоп — Будды веригу —
Я прочитал в пятнадцать лет —
Скитов и келий самоцвет.
И вот от Кеми до Афона
Пошли малиновые звоны,
Что на Водах у Покрова
Растет Адамова трава.
Кто от живого злака вкусит —
Найдет зарочный перстень Руси,
Его тишайший Алексей
В палатах и среди полей
Носил на пальце безымянном;
Унесен кречетом буланым
С миропомазаной руки,
Он теплит в топях огоньки,
Но лишь Адамовой травой
Закликать сокола домой!
И что у Клюевой Прасковьи
Цветок в тесовом изголовье,
Недаром первенец сынок
Нашел курганный котелок
С новогородскими рублями
И с аравийскими крестами,
При них, как жар, епистолия
Гласит — чем кончится Россия!
На слухи — щёкоты сорочьи,
У василька тускнели очи,
Полоска куколя и льна
Бывало трепетно бледна.
«Николенька, на нас мережи
Плетутся лапою медвежьей!
Китайские несториане
В поморском северном тумане
Нашли улыбчивый цветок
И метят на тебя, дружок!
Кричит ослица Валаама,
Из звездоликой Лхасы лама

В леса наводит изумруд...
Крадутся в гагачий закут
Скопцы с дамасскими ножами!..
Ах, не веселыми руками
Я отдаю тебя в затвор —
Под соловецкий омофор!
Открою завтра же калитку
На ободворные зады,
Пускай до утренней звезды
Входящий вынесет по свитку —
На это доки бегуны!»
И вот под оловом луны
В глухой бревенчатый тайник
Сошелся непоседный лик:
Старик со шрамом, как просека,
И с бородой Максима Грека,
В веригах богатырь-мужик,
Детина — поводырь калик —
По прозвищу Оленьи Ноги,
Что ходят в пуще без дороги,
И баба с лестовкой буддийской.
От Пустозерска и до Бийска,
И от Хвалыни на Багдад
Течет невидимый Евфрат, —
Его беспутным кораблям
Притины — Китеж и Сиам.

Златая отрасль Аввакума,
Чтоб не поднять в хоромах шума,
Одела заячьи коты
И крест великой маеты,
Который с прадедом горел
И под золой заматорел, —
По тайникам, по срубам келий,
Пред ним сердца, как свечи, рдели.

«Отцам, собратиям и сестрам,
Христовым трудникам, невестам,
Любви и веры адамантам,
Сребра разженного талантам,
Орлам ретивым пренебесным,
Пустынным скименам безвестным
Лев грома в духе говорит,
Что от диавольских копыт
Болеет Мать-земля сырая,
И от Норвеги до Китая
Железный демон тризну правит;
К дувану адскому, не к славе,
Ведут Петровские пути!.
В церковной мертвенной груди
Гнездится змей девятиглавый...
Се Лев радельцам веры правой
Велит собраться на собор —
Тропой, через Вороний Бор,
К Денисову Кресту и дале
На Утоли Моя Печали!..
А на собор пресветлый просим
Макария — с Алтая лося,
От Белой пагоды — Дракона.
Агата-столпника — с Афона,
С Ветлуги — деву Елпатею,
От суфиев — Абаза-змея
Да от рязанских кораблей —
Чету пречистых голубей,
Еще Секиру — от скопцов!..
Поморских братий и отцов,
Как ель, цветущих недалеко,
Мы известим особь сорокой!»
Так мамины гласили свитки —
Громов никейских пережитки.
Земным поклоном бегуны
Почтили отзвуки струны

Узорной корсунской псалтыри,
Чтоб разнести по русской шири,
Как вьюга, искры серебра
От пустозерского костра.

* * *

Денисов Крест с Вороньим Бором
Стоят, как воины дозором,
Где тропы сходятся узлом.
Здесь некогда живым костром,
Белее ледовитых пен,
Две тысячи отцов и жен
Пристали к берегу Христову.
Не скудному мирскому слову
Узорить отчие гроба,
Пока архангела труба
Не воззовет их к веси новой,
Где кедром в роще бирюзовой
Доспеет русская судьба.

Денисов Крест — потайный знак,
Что есть заклятый буерак,
Что сорок верст зыбучих мхов
Подземной храмины покров.
В нее, по цвету костяники,
Стеклись взыскующие лики:
Скопец-Секира и Халдей,
Двенадцать вещих медведей
С Макарием — лесным Христом,
Над чьим смиренным клобуком
Язык огня из хризолита,
И Елпатея — риза сшита
Из омофорных подоплёк —
Все объявились в час и срок.
В подземной горнице, как в чаше,
Незримым опахалом машет

И улыбается слюда —
Окаменелая вода.
Со стен, где олова прослои
И скопы золота, как рои,
По ульям кварца залегли, —
То груди Матери-земли
Удоем вспенили родник.
Недаром керженский мужик,
Поморец и бегун от Оби
Так величавы в бедном гробе.
«Обра́з есть нереченной славы», —
Поют над ними крыльев сплавы,
Очей, улыбок, снежных лилий.
В их бороды из древних былей
Упали башни городов,
Как в озеро зубцы лесов.
И в саванах, по мхам олени, —
Блуждают сонмы поколений
От Вавилона и до Выга...
Цвети, таинственная книга
Призоров чарых и метелей,
Быть может, в праздник новоселий
Кудрявый внук в твои разливы
Забросит невод глаз пытливых,
Чтоб выловить колдунью рыбу —
Певучеротую улыбу!
Но ты, железный вороненок,
Кому свирель лесных просонок
Невнятна, как ежу купава,
Не прилетай к узорным травам,
Они обожжены грозой —
России крестною слезой!
И ты кровавый, злобный ящер,
Кому убийство песни слаще
И кровь дурманнее вина,
Не для тебя стихов весна,

Где под ольхою, в пестрой зыбке
Роятся иволги-улыбки
И ель смолистой едкой титькой
Поит Алёнушку с Микиткой
(То бишь Федюшу с Парасковьей.
К чему приводит цветословье!).

Собор пресветлый вел Макарий,
Весь в хризолитовом пожаре,
И с ним апостолы-медведи —
В убрусах из закатной меди,
Венцы нездешней филиграни.
«Отцы и сестры, на Уране
Меч указует судный час,
Разодран саккоса атлас
И веред на церковной плоти,
Как лось, увязнувший в болоте,
Смердящим оводом клокочет.
Смежила солнечные очи
София на семи столпах.
И сатана в мужицких снах
Пасет быков железнорогих.
Полесья наши, нивы, логи
Ад истощает ясаком, —
Удавленника языком.
Он прозывается машиной!..

(Слышатся удары адского молота,
Храмина содрогается,
Слюда точит слезы, колчеданы
Обливаются кровью.)

За остяка, араба, финна
Пред вечным светом Русь порука —
Ее пожрет стальная щука!
И зарный цвет во мгле увянет,
Пока на яростном Уране

Приюта Сирин не совьет,
Чтоб славить Крест и новый род,
Поправший смертью черный ад!
И будет Русь, как светлый сад,
Где заступ с мачехой-могилой,
Как сторож полночью унылой,
Не зазывают в колотушку
Гостей на горькую пирушку!
Нам адский молот ворожит,
Что сгибнет бархат, ал и рыт,
И в русский рай, где кот-баюн,
Стучатся с голодом колтун.
И в красном саване пришлец,
Ему фонарь возжет мертвец.
А в плошку вытопили жир
С могильным аспидом вампир...
О горе, горе! Вижу я
В огне родимые поля.—
Душа гумна, душа избы,
Посева, жатвы, бороньбы,
Отлетным стонет журавлем!..
Убита мать, разграблен дом,
И сын злодей на пепелище
Приюта милого не сыщет,
Как зачумленный волк без стаи!..
Но нерушимы Гималаи —
Блаженных сеней покрывало.
Под океан, тропинкой малой,
Отбудем мы в алмазный город,
Где роковой не слышен молот,
Не полыхает саван злой,
Туда жемчужною тропой
К святым собратиям в соседи
Нас поведут отцы-медведи!»
Собор ответствовал: «аминь!» —
Макарию, с Алтая лосю.
Абаз поднялся, смугл, как осень

В тигриных зарослях Памира,
В его руках сияла лира
И цвет одежд был снежно-синь.

Как полевой тысячецвет
Звенит, подругу опыляя,
Так лира, чарая чужая,
Запела горлицей из рая
Медвежьей мудрости в ответ:
«От розы и змеи рожден,
Я помню сладостный Сарон
И голубой Геннисарет,
Где несмываем легкий след
Стопы прекраснейшего мужа, —
По нем струна рыдать досужа!
Ему в пастушеском Харране
Передо мной дано заране
Горящим тернием цвести, —

Не потому ли у Абаза
Сосцы — две розы из Шираза
И пламя терпкое кости?!
Велик Сиам и древни кхмеры,
Порфирный Сива пьет луну
И видит пермскую весну
Из глубины своей пещеры.
Цветет берёста, лыко, прель,
В смолистых иглах муравейник,
И внуку дедушка-затейник
Из древесины свил свирель.
Туру-ру-ру! Пасись, олень,
Рядись, земля, в янтарь и ситцы.
Но не в березовый златень
Рядятся матереубийцы!
Есть месяц жадных волчьих стай,
Погонь и хохотов совиных,

Когда на пастбищах ослиных
С бодягой пляшет молочай.
Тогда у матери родящей
Змея вселяется в приплод,
И в светлый мир приходит кот,
Лобато-рыжий и смердящий.
На роженичное мяу
Ад вышлет нянюшку-змею
Питать дитя полынным жалом,
И под неслышным покрывалом
Котенка выхолит рогатый...
Он народился вороватый,
С нетопырем заместо сердца,
Железо — ребра, сталь — коленцы,
Убийца матери великой!..»

И блюдом с алой земляникой
Оборотилась лира с певчим —
Все причастились телом вещим
И кровью сладостно певучей.
(Ее с икон недавно стерли).
Меж тем с базальтовых излучин,
Хрустальный колоколец в горле,
Монисто из рублей хазарских, —
Запела птица рощ цесарских:

«К нам вести горькие пришли,
Что зыбь Арала в мертвой тине,
Что редки аисты на Украине,
Моздокские не звонки ковыли,
И в светлой Саровской пустыне
Скрипят подземные рули!

К нам тучи вести занесли,
Что Волга синяя мелеет,
И жгут по Керженцу злодеи
Зеленохвойные кремли,

Что нивы суздальские, тлея,
Родят лишайник да комли!

Нас окликают журавли
Прилетной тягою вповледки,
И сгибли зябликов наседки
От колтуна и жадной тли,
Лишь сыроежкам многолетки
Хрипят косматые шмели!

К нам вести черные пришли,
Что больше нет родной земли,
Как нет черемух в октябре,
Когда потемки на дворе
Считают сердце колуном,
Чтобы согреть продрогший дом,
Но не послушны колуну,
Поленья воют на луну.
И больно сердцу замирать,
А в доме друг, седая мать!..
Ах, страшно песню распинать!

Нам вести душу обожгли,
Что больше нет родной земли,
Что зыбь Арала в мертвой тине,
Замолк Грицько на Украине,
И Север — лебедь ледяной —
Истек бездомною волной,
Оповещая корабли,
Что больше нет родной земли!»

Разбился бубенец хрустальный,
И как над мисой поминальной,
Сединами поникли старцы.
Бураном перекрылись кварцы,
И тихо плакала слюда —
Окаменелая вода.

А маменька и Елпатея
От половчанина-злодея
Оборонялись силой крестной.
Но вот из рощи пренебесной
В тайник дохнуло фимиамом,
И ясно зримы храм за храмом,
Как гуси по излуке синей,
Над беломорскою пустыней
Святыни русские вспарили,
Все в лалах, яхонтах, берилле:
Егорий ладожский, София,
Спас на Бору, Антоний с Сии
И с Верхотурья Симеон,
Нередицы в атласном корзне
Четою брачною и в розне
Текли и таяли, как сон.
И золотой прощальный звон
Поил, как грудью, напоследки
Озера, камни, травы, ветки,
Малиновок в дупле корявом...
«Прощайте, — возопил собор, —
Святая Русь отходит к славам,
К заливам светлым и купавам
Под мирликийский омофор!»
Вот пронеслись, как парус, Ки́жи —
Олóнецкая купина,
И всех приземнее и ниже,
Кого, как телку, кедры лижут,
Чтоб не ушла от них она,
Проплыл Покров, как пелена,
Расшитая жемчужным стёгом.
К отлетным выспренним дорогам
Мы долго простирали руки...
«Беру Владычицу в поруки,
Что не покину я тебя,
О Русь, о горлица моя!.. —

Рыдала дева Елпатея, —
Пусть у диавола и змея
В железной кише таин тьма, —
Моя сиротская сума
Благоуханнее Шираза.
В подземном граде из алмаза
Березке ль керженской цвести?
Садовник вечный, обрати
Меня в убогую былинку,
Чтобы не в сыть на сиротинку
Овце комолой набрести!»
И голос был: «Да будет тако!»
И полевым плакучим маком
Оборотило Елпатею, —
Его не скосят, не посеют
За горечь девичьих слезинок,
Пока для злаков и былинок
Приходит лекарем апрель...
«Проснись, Николенька, кудель
Уже допрялася по спицу!..»
Гляжу, домашние все лица,
И в горенку от заряницы
Летят малиновки, касатки,
И сказка из сулейки сладкой
Меня поит цветистым суслом...
Готов наш ужин, крепко взгусло
В лесном чумазом котелке,
Но не лазурно на реке,
Пока не полноводно русло.
Так я лишь в сорок страдных лет
Даю за родину ответ,
Что распознал ее ракиты
И месяц, ложкою изрытый,
Пирог румяный на отжинки —
Месопотамии поминки,
И что сады Александрии
Цвели предчувствием России!

Усни, дитя, забыв гоненье,
Пока вскипает песнопенье!

* * *

У лосенка моего
Нет копытца одного.
Где ты, милое копытце? —
Дано облачку напиться.

Звонок ковшик золотой,
Полон солнечной водой,
А на дне резвится рыбка —
Предрассветная улыбка.

Скоро розовый хромуша
Задудит: «Дед, дай покушать!»
И хоть беден котелок,
Да зато горяч кусок!

На заедку сизый лось
Выпьет душу — ягод гроздь.
Будет в чуме жить душа,
Веретёнцем верезжа,

Чтобы пряла эскимоска
Из крапивы нитку лоско —
Сказку вьюжную про нас
С ярким инеем прикрас:

Жил да был медвежий дед,
Самый вещий самоед,
С ним серебряный лосенок,
От черемухи ребенок.

Знать, черемуха-девица —
Заревая рукавица,

Заняла красы у шубы
И родился лось голу́бый!

Золоченые копытца!..
Сказка длится, длится, длится!
Села ближе к очагу —
Я, мол, клад устерегу!

* * *

Клад ты мой цареградский, —
Песня — лапоть бурлацкий,
Расписная волжская беляна
Убаюкала царевича Романа,
Распрекрасную зазнобу — Василису, —
Полонит их ворог котобрысый!
Аксамиты, объяри разграбит,
Чистоту лебяжью распохабит,
Приволочит красоту на рынок:
За косушку — груди-пара свинок,
А за шкалик — очи-сине море,
Маргариты, зерна на уборе!
За алтын — в рублях арабских косы,
Песню-сокола, плеч снежные заносы,
На закуску сердце — рыбник свежий,
Глубже звезд, певучей Заонежий!
Ах, ты клад заклятый, огнепальный,
Стал ты шлюхой пьяной да охальной,
Ворон, пес ли — всяк тебя облает:
«В октябре родилось чучело, не в мае...»
    Аржаное мое чучело,
    Что тебя замучило?
    Солоду, гречихе да гороху
    Без тебя бездомно, дюже плохо.
Жило ты в домашности — печь с развалом,
Сермяжое, овчинное, лаптем щи хлебало,

А щи-те костромские ядреные,
Котлы-те черемисиной долбленые,
А полати-те — пазуха теплущая,
А баба-те гладкая родущая,
А Бог-те в углу с хлебной милостью,
Борода, как стог, глаза с разливностью,
По разливам, по заглазьям, лукоморьям
В светлый град проложен путь Егорьем.
Тем бы волоком доступи́ть околицы,
Вышли бы устрет все богородицы.
Семиозерная, Толгская, Запечная,
Нерушимая Стена, Звездотечная,
Сладкое Лобзание, Надежда Ненадежных,
Спасение на Водах безбрежных,
Узорешительница, Споручница Грешных,
Умягчение Злых Сердец кромешных,
Спорительница с манным коробом,
Повышли бы к Федоре целым городом.
Мол, кровинушка наша, Федора,
Ждет тебя Микола у собора,
Петр, Алекси́й, Иона, —
Для тебя сошли они с иконы.
Сергий с Пересветом да Ослябей
Не помя́нут твоей дурости бабьей.
Варвара, Парасковья-Пятница
С чашей, что вовек не убавится,
Ефросинья — из Полоцка письмовница,
А за ними вся небесная конница!
Да не сподобил Господь, чтобы чучело
Купиною розвальни навьючило,
Напустил змею котобрысую
На беляну с распрекрасной Василисою.
А и стали красоту пытать-крестовать:
«Ты ли, заря, всем зарницам мать?»
Отвечала краса: «Да!»
Тут ниспала полынная звезда, —

Стали воды и воздухи жёлчью,
Осмердили жизнь человечью.
А и будет Русь безулыбной,
Стороной нептичной и нерыбной!
Взяли красоту в зубья да пилы:
«Ты ли плачешь чайкой белокрылой?»
Отвечала невеста: «Да!..»
Тут пошли огнем города, —
Дудя на волчьих свирелях,
Закрутились бесы в метелях,
Верхом на черепе Зерефер,
Молот в когтях против сил и вер:
«Стань-ка, Русь, барабанной шкурой,
Дескать, была дубовою дурой,
Верила в малиновые звоны,
В ясли с младенцем да в месяц посконный!»
Томили деву черным бесчестьем:
«Ты ли по валдайским безвестьям
Рыдала бубенцом поддужным
И фатой метельной, перстнем вьюжным
Обручилась с Финистом залетным?»
И калымом-суком подворотным
Ярославне выкололи очи...
Ой, Каял-река! Ой, грай сорочий!
Ой, бебрян рукав! Ой, раны княжьи!

Гляжу: на материнской пряже
Горит купальский светлячок —
Его бы в брачный перстенек
Или в иконную репейку.
Вот переполз на душегрейку
И таять стал... Слеза родимой
Сберется пчелкою незримой,
Чтоб в Божьем улье каплей меда
Благоухать за жизнь народа —
От матери за мать златница!..
«Николенька, тебе синица

Нащебетала лапотки
И легкий путь на Соловки
К отцу Савватию с Зосимой,
Чтоб адамантовою схимой
Тебя укрыть от вражьей сети!
Пройдет немного зим, пролетий
И для меня сошьют коты —
Идти в селенья красоты,
Кувшинке к светлости озер, —
Так кличет лебедем — собор,
И семилетняя разлука —
За прялкой зимняя докука,
Лишь сердца сладостный порез, —
Христос воскрес! Христос воскрес!
Запомни, дитятко, годину,
Как белоцветную калину, —
Твою невесту под окном,
Что я усну в калинов цвет
Чрез семь плакучих легких лет
Невозмутимым гробным сном!
Я не страшусь могильной кельи,
Но жалко ивовой свирели
И колокольцев за рекой!
Тебе дается завещанье,
Чтоб мира Божьего сиянье
Ты черпал горсткой золотой,
Любил рублёвские заветы,
Как петел синие рассветы
Иль пяльцы девичья игла:
Красотоделатель Савватий
На голубом небесном плате
Не шьет совиного крыла!
Поморью любы души-чайки,
Как печь беленая хозяйке,
Они приветны и моржу...»
— «Родимая, ужель последний
Я за твоей стою обедней

И Святцы красные твержу?»
— «Уже пятнадцать миновало,
У лося огрубело сало,
А ты досель игрок в лапту, —
Пора и пострадать немного
За Русь, за дебренского Бога
В суровом Анзерском скиту!
Там старцы Никона новиной,
Как вербу белую, осиной
Украдкой застят древний чин.
Вот почему старообрядцы
Елиазаровские Святцы
Не отличают от старин!»

* * *

«Преподобне отче Елиазаре, моли Бога о нас!»
И так пятьсот кукушьих раз
Иль иволги свирельных плачей.
Но послушанье меда паче,
Белей подснежников лесных.
«Скиту поружен, как жених
Иль колоб алый земляничный,
Николенька сладкоязычный
Зело прилежный до Триоди.
Уж в черном лапотном народе
Гагаркою звенит молва,
Что Иоанова глава
Явила отрочати чудо
И кровью кануло на блюдо» —
Так обо мне отец Никита
Оповестил архимандрита.
Игумен душ, лесных скитов,
Где мерен хвойный Часослов,
Весь борода, клобук да посох,
Осенним стогом на покосах

Прошелестел: «Зело, зело!..
Покуль бесовское крыло
Не смыло злата с отрочати,
Пусть поначалится Савватий!
У схимника теплы полати
И чудотворны сухари,
А квас-от — солод от зари,
А лестовки — сёмужьи зерны,
А Спас-от ярый тайновзорный!
Опосле Мишка-балагур,
Хоть косолап и чернобур,
Зато, как азбука живая,
Научит восходить до рая!»
Честнóму авве боле сотни,
Он сизобрад, как пух болотный,
С заливами лазурных глаз,
Где мягкий зыблется атлас,
И помавают тростники —
Сюда не помыслов чирки,
А нежный лебедь прилетает
И берег вежд крылом ласкает,
Чтоб золотилися пески.
Кто видел речку на бору,
Глубокую, с водою вкусной,
С игрою струй прозрачно грустной,
Как след резца по серебру, —
Она пригоршней на юру
Сосновой яри почерпнула
И вновь, чураясь шири, гула,
Лобзает светлую сестру—
Молчание корней, прогалов...
Лишь звезд высоких покрывало
Над нею ткется невозбранно —
Таков, вечерне осиянный,
И древний схимник Савватий.
К нему с небесных Византий

Являлся житель чудодейный,
Как одуванчик легковейный,
С лотком оладий, калачей,
Похожих на озерный месяц,
Косым прозрачным пирожком,
И звал в нерукотворный дом
От мочежин и перелесиц:
«Погодь маленько, паренек,
Пока доспеет лапоток
И заживет у мишки ухо,
Его разъела вошь да муха,
Да выбродит в лубянке квас».
И с той поры ущербный лапоть
Не устает берёстой капать,
Медведь развел на шубе улей,
А квас зарницею в июле
То искрится, то крепнет дюже,
Святой же брезжит, не остужен,
Речной лазурной глубиной,
И сруб с колодой гробовой
Напрасно ждет мощей нетленных.
Как хорошо в смолисто-пенных
И строгих северных лесах!
«Подъязик ты, а не монах
Иль под корягой ерш вилавый!
Послушай, молятся ли травы,
Благословясь ли, снегири
Клюют в кормушке сухари?
Как у Топтыгина с ушами?..»
И было в келье мне, как в храме,
Как в тайной завязи зерну.
«Ну, подплывай, мой ерш, к окну!
Я покажу тебе цветулю!..» —
И авва, взяв сухую дулю,
Тихонько дул на кожуру.
И чудо, дуля, как хомяк,
От зимней дрёмы воскресала,

Рождала листья, цвет, кору
И деревцом в ручей проталый
Гляделася в слюдяный мрак.
Меж тем, как вечной жизни знак,
В дупёльце пестрая синичка,
Сложив янтарное яичко,
Звенела бисерным органцем...
Обожжен страхом и румянцем,
Я целовал у старца ряску
И преподобный локоток.
«Плыви, ершонок, на восток
Дивиться на сорочью сказку.
Она с далекого Кавказья
На Соловки летит с оказьей,
С письмом от столпника Агапа,
А чтоб беркут гонца не сцапал,
На грудку, яхонтом пылая,
Надета сетка золотая —
В такой одежине сороку
Не закогтит ни вран, ни сокол.
Перекрестясь, воззрись в печурку, —
Авось закличешь балагурку!
Ау! Ау! Сорока, где ты?»
Гляжу, предутрием одеты
Горища, лысиной до тучи,
И столп ступенчатый у кручи,
Вершина — русским голубцом —
Цветет отеческим крестом.
На подоконнике сорока,
Зеленый хвост и волоока,
Пылает яхонтом кольчуга.
На Соловки примчаться с юга —
Пот птичий на гусиной стае!..
Вот поднялась, в тумане тая,
Скатилась звездочкою в дол...
«Ох, батюшка, летит орел!..»

Но вестник плещет против солнца,
И лучик, кольче веретёнца,
Пугает страшного орла...
Вот день, закаты, снова мгла.
Клубок летучий ближе, ближе,
Уже полощется, где Ки́жи,
Онего, синий Палеостров
И кемский берег нерпой пестрой.
Сюда!.. Сюда!.. «Чир-чир! Чок-чок!»
— «Встречай туркиню, голубок!»
И схимник поднимал заслонец.
Не от молитвенных бессонниц,
Постов, вериг семифунтовых,
Я пил из ковшиков еловых
Нездешних зорь живое пиво, —
Есть Бог и для сороки сивой!
Что ковш, то год... Четыре... Пять...
И бледной голубикой мать
Цвела в прогалине душевной.
Топтыгин шубою пригревной
Неясный растоплял озноб...
Откуда он — спорынный сноп
На ниве, вспаханной крылами
Пустынных ангелов и зорь?
Есть горе-сом и короб-горь.
Одно, как заводи, зрачки
Лопатой плавников взрывает,
Седому короб не с руки,
А юный горе отряхает,
Как тину резвая казарка.
Но есть зловещая знахарка
С гнилым дуплом заместо рта,
Чьи заклинания — песта
В ночном помоле стук унылый,
В нем плаха, скрежеты, могилы,
На трупе слизней черный ужин!..
Я помню месяц неуклюжий

Верхом на ели бородатой
И по-козлиному рогатой,
Он кровью красил перевал.
Затворник, бледный, как опал,
В оправе схимы вороненой,
Тягчайше плакал пред иконой
Под колокольный зык в сутёмы.
А с неба низвергались ломы,
Серпы, рогатины, кирьги...
Какие тайные враги
Страшны лазурной благостыне?
«Узнай, лосенок, что отныне
Затворены небес заставы,
И ад свирепою облавой,
Как волк на выводок олений,
Идет для ран и заколений
На Русь, на Крест необоримый.
Уж отлетели херувимы
От нив и человечьих гнезд,
И никнет колосом средь звезд,
Терновой кровью истекая,
Звезда монарха Николая, —
Златницей срежется она
Для судной жатвы и гумна!
Чу! Бесы мельницей стучат,
Песты размалывают души, —
И сестрин терем ворог-брат
Под жалкий плач дуваном рушит.
Уж радонежеских лампад
Тускнеют перлы, зори глуше!
Я вижу белую Москву
Простоволосою гуленой,
Ее малиновые звоны
Родят чудовищ наяву,
И чудотворные иконы
Не опаляют татарву!

Безбожие свиной хребет
О звезды утренние чешет,
И в зыбуны косматый леший
Народ развенчанный ведет,
Никола наг, Егорий пеший
Стоят у китежских ворот!
Деревня — в пазухе овчинной,
Вскормившая судьбу-змею,
Свивает мертвую петлю
И под зарею пестрядинной
Как под иудиной осиной,
Клянет питомицу свою!

О Русь! О солнечная мати!
Ты плачешь роем едких ос
И речкой, парусом берез
Еще вздыхаешь на закате.
Но позабыл о Коловрате
Твой костромич и белоросс!

В шатре Батыя мертвый витязь,
Дремуч и скорбен бор ресниц,
Не счесть ударов от сулиц,
От копий на рязанской свите,
Но дивен Спас! Змею копытя,
За нас, пред ханом павших ниц,
Егорий вздыбит на граните
Наследье скифских кобылиц!» —

Так плакал схимонах Савватий!
И зверь, печалуясь о брате,
Лизал слезинки на полу.
И в смокве плакала синичка,
Уж без янтарного яичка,
Навек обручена дуплу —
Необоримому острогу...
Ах, взвиться б жаворонком к Богу!

Душа моя, проснись, что спишь?!.
Но месяц показал нам шиш,
Грозя кровавыми рогами, —
И я затрепетал по маме,
О сундуке, где Еруслан
Дозорит сполох-сарафан,
Галчонком, в двадцать крепких лет...
Прощай, мой пестун, бурый дед!
Дай лапу в бадожок дорожный!..
И, спрятав когти, осторожно
Топтыгин обнимал меня,
И слезы, как смола из пня,
Катились по щекам бурнастым...
Идут кривым тюленьим ластам
Мои словесные браслеты!..

* * *

На куполах живут рассветы,
Ночам — колокола светелка,
Они стрижами, как иголкой,
Под ними штопают шугаи.
Но лишь дойдет игла до края,
Предутрие старух сметает
Пушистой розовой метлой,
И ангел ковшик золотой
С румяною зарнúчной брагой
Подносит колоколу Благо,
Опосле Лебедю, Сиону.
Для чистоты святого звона
Колоколам есть имена —
О том вещают письмена
И годы светлого рожденья,
Чтобы роили поколенья
Узорных сиринов в ушах
Дырявым штопалкам на страх!

Качает Лебедя звонарь,
И мягко вздрагивает хмарь,
Как на карельских гуслях жилы —
То Лебедь-звон золотокрылый!
Он в перьях носит бубенцы,
Жалеек, дудочек ларцы,
А клюв и лапки из малины,
И где плывет, там цвет кувшинный
Алеет с ягодой звончатой.
Недаром за двоперстной хатой,
Таяся, ликом на восток,
Зорит малиновый садок —
Для девичьей души услада.
Пока Ильинская лампада
В моленной теплит огонек,
И в лыке облачном пророк
Милотью плещет Елисею,
Сама себя стыдясь и млея,
За первой ягодкой-обновой
Идет невестою Христовой
Дочь древлей веры и креста
И, трижды прошептав «Достойно»,
Купает в пурпуре уста,
Чтоб слаже была красота!
Сион же парусом спокойно
Из медной заводи своей,
Без зорких кормчих, якорей,
Выходит в океан небесный,
И, грудь напружа, льет глаголы,
Чтоб слышали холмы и долы,
Что Богородице полесной
Приносят иноки дары
И протопопы-осетры.
Тресковый род, сигов дворы
Обедню служат по [Сиону].
Во Благо клеплется к канону

Иль на отход души блаженной,
Чтоб гусем или чайкой пенной
Летела чистая к Николе,
Опосле в сельдяное поле
Отведать рыбки да икрицы...
Есть в океане водяницы,
Княжны марийские, царицы,
Их ледяные города
Живой не видел никогда.
Лишь мертвецы лопарской крови
Там обретают снедь и кровы,
Оленей, псов по горностаям, —
Что поморяне кличут раем.
Вот почему мужик ловецкий,
Скуластый инок соловецкий
По смерти птицами слывут
С весенней тягой в изумруд,
В зеленый жемчуг эскимосский,
Им крылья — гробовые доски,
А саван уподоблен перьям
Лететь к божаткам и деверьям,
Как чайкам, в голубые чумы.
Колоколам созвучны думы
Далеких княжичей марийских,
Они на плитах ассирийских
Живут доселе — птицы те же,
Оленьи матки, сыр и вежи!

Усни, дитя! Колокола
В мои сказанья ночь вплела,
Но чайка-утро скоро, скоро
Посеребрит крылом озера!

Твой дед тенёта доплетет, —
Утиный хитрый перемёт,
Чтобы увесистый гусак
Порезал шею натощак

О сыромятную лесу
Иль заманил в капкан лису
На шапку добрый лесовик...
Не то забормотал старик!

Колокола... колокола...
И саван с гробом — два крыла!
Уж пятьдесят прошло с тех пор,
Как за ресницей жил бобер,
Любовь ревниво зазирая,
И, искры с шубки отряхая,
Жила куница над губой,
Но всё прошло с лихой судьбой!

Не то старик забормотал!
Подброшу хвороста в чувал
И с забиякой огоньком
Спою акафист о былом!
Как жила Русь, молилась мать,
Умея скорби расшивать
Шелками сказок, ярью слов
Под звон святых колоколов!

* * *

В калигах и в посконной рясе,
В пузатом сумском тарантасе,
От хмурой Колы на Крякву
Я пробирался к Покрову,
Что на лебяжьих перепутьях.
Позёмок-ветер в палых прутьях
Запутался крылом тетерьим.
По избам Домнам и Лукерьям
Мерещатся медвежьи сны,
Как будто зубы у луны,
И полиняли пестрядины
У непокладистой Арины, —

Крамольницу карает Влас...
Что ал на штофнике атлас
У Настеньки, купецкой дщери,
И бык подземный на печере,
Знать, к неулову берег рушит,
Что глухариные кладуши
В осоке вывели цыплят —
К полесной гари... «Эй, Кондрат,
Отложь натруженные вожжи
И бороду — каурый стог —
Развей по ветру вдоль дорог!..»
«С никонианцем нам не гоже...»
— «Скажи, Кондратушко, давно ли
Помор кручинится недолей?
И плат по брови поморянке
Какие супят лихоманки?
Святая наша сторона,
Чай, не едала толокна
Ни расписной, ни красной ложкой
И без повойника расплошкой
У нас не видывана баба!..»
— «Никонианцы — нам расслаба!»
И вновь ныряет тарантас —
Затертый хвоями баркас.
Но что за блеск в еловой клети?
Не лесовик ли сушит сети,
Не крест ли меж рогов лосиных
Или кобыл золотоспинных
Пасет полудник, гривы чешет?
То вырубок седые плеши
В щетине рудо-желтых пней!
Вон обезглавлен иерей —
Сосна в растерзанной фелони,
Вон сучьев пади, словно кони
Забросили копыта в синь,
Березынька — краса пустынь,

Она пошла к ручью с ведерцем
И — перерублена по сердце,
В криницу обронила душу.
Укрой, Владычица, горюшу
Безбольным милосердным платом!..
Вон ель — крестом с Петром распятым
Вниз головой — брада на ветре...
Ольха рыдает: «Петре! Петре!»
Вон кедр — поверженный орел —
В смертельной муке взрыл когтями
Лесное чрево и зрачками,
Казалось, жжет небесный дол,
Где непогодный мглистый вол
Развил рога, как судный свиток.
Из волчьих лазов иль калиток
Настигло лихо мать-пустыню,
И кто ограбил бора скрыню, —
Златницы, бисеры и смазни,
Злодей и печенег по казни, —
Скажи, земляк?!. И вдруг Кондратий,
Как воин булавой на рати,
В прогалы указал кнутом:
«Знать, ён, с кукуйским языком!»
Гляжу — подобие сыча,
И в шапке бабе до плеча,
Треногую наводит трубку
На страстотерпную порубку.
Так вот он, вражий поселенец,
Козява, короед и немец,
Что комаром в лесном рожке
Зовет к убийству и тоске!
Он — в лапу мишкину заноза,
Савватию — мирские слезы,
Подземный молот для собора!..
И солью перекрыло взоры
Мои, ямщицкие Кондрата.
Где версты, вьюги, перекаты,

Судьба-бубенчик, хмель-ночлеги?..
«Эх, не белы снежки да снеги!..» —
Так сорок поприщ пели мы —
Колодники в окно тюрьмы,
В последний раз целуя солнце,
И нам рыдало в колокольце:
«Антихрист близок! Гибель, гибель
Лесам, озерам, птицам, рыбе!..»
И соль струилась по щекам...

* * *

По рыболовным огонькам,
По яри кедровых полесий
Я узнавал родные веси.
Вот потянуло парусами,
Прибойным плеском, неводами,
А вот и дядя Евстигней
С подковным цоком, звоном шлей
Повыслан маменькой навстречу...
Усекновенного Предтечу
Отпраздновать с родимой вместе!
В раю, где писан на бересте
Благоуханный Патерик —
Поминок Куликова поля,
В нем реки слезотечной соли
Донского омывают лик.
О радость! О сердечный мед!
И вот покровский поворот
У кряковиных подорожий!
Голубоокий и пригожий,
Смолисторудый, пестрядной,
Мне улыбнулся край родной
Широкоскуло, как Вавила, —
Баркасодел с моржовой силой,
Приветом же теплей полатей!
Плеща и радуясь о брате,

На серебристом языке
Перекликалися озера.
Как хлопья снега в тростнике,
Смыкаясь в пасмы и узоры,
Плясали лебеди... Знать, к рыбе
Лебяжьи свадьбы застят зыби!
Князь брачный, оброни перо
Проезжим людям на добро,
На хлеб и щи — с густым приваром
И на икру в налиме яром,
На лен, на солод, на пушнину,
На песню — разлюли малину,
На бусы праздничной избы,
С вязижным дымом из трубы!
Вот захлебнулись бубенцы —
По гостю верные гонцы.
Заперешептывались шлеи,
И, не спросясь у Евстигнея,
К хоромам повернул буланый, —
Хлестнуло веткой росно пряной,
И прямо в губы, как Волчок,
Лизнул домашний ветерок, —
Волчку же пир за караваем,
Чтобы усердным пустолаем
Обрядной встречи не вспугнуть.
К коленям материнским путь
Пестрел ромашкой, можжевелем,
Пчелиной кашкой, смолкой, хмелем,
А на крылечных рундуках
С рассветным облачком в руках —
Владычицей Семиозёрной,
Как белый воск, огню покорный,
Сияла матушка... Станицей
За нею хоры с головщицей,
Мужицкий велегласный полк,
И с бородой, как сизый шелк,

Начетчик Савва Стародуб, —
Он для меня покинул сруб
Среди болотных ляг и чарус.
Его брада, как лодку парус,
Влекла по океану хвой,
Чтобы пристать к избе мирской,
Где соловецкой бедной рясе
Кадят тимьяном катавасий!
Но предоволен прозорливец,
На рундуке перёных крылец
Семь крат положено метанье,
И, погрузив лицо в сиянье
Рассветной тучки на убрусе,
Я поклонился прядью русой
И парусовой бороде:
«Христу почет, а не руде,
Не праху в старческом азяме!..»
А сердце билось: «К маме, к маме!»
Так отзвенели Соловки —
Серебряные кулики —
Над речкой юности хрустальной,
Где облачко фатой венчальной.
Слеза смолистая медвежья —
Не плел из прошлого мереж я
И не нанизывал событий
Трескою на шесты и нити.
Пускай для камбалы шесты!..
Стучат сердечные песты,
И жернов-дума мерно мелет
Медыни месяца, метели
И вести с Маточкина Шара,
Где китобойные стожары
Плывут на огненных судах,
И где в седых зубастых льдах
Десятый год затерт отец,
Оставя матери ларец

По весу в новгородский пуд, —
Самосожженцев — дедов труд.
Клад хоронился в тайнике,
А ключ в запечном городке
Жил в колдобоине кирпичной
И лишь по нуде необычной
На свет казал кротовье рыльце.
Про то лишь знает ночь да крыльца.
Избу рубили в шестисотом,
Когда по дебрям и болотам
Бродила лютая Литва
И словно селезня сова
Терзала русские погосты
В краю, где на царевы версты
Еще не мерена земля.
По ранне-синим половодьям,
К сёмужьим плёсам и угодьям
Пристала крытая ладья.
И вышел воин исполин
На материк в шеломе — клювом,
И лопь прозвала гостя Клюев —
Чудесной шапке на помин!
Вот от кого мой род и корень,
Но смыло всё столетий море,
Одна изба кольчужной рубки
Стоит пред роком без отступки
И, ластами в бугор вперясь,
Всё ждет, когда вернется князь.
Однажды в горнице ночной,
Когда хорек крадется к курам
И поит мороком каурым
Молодок теплозобых рой,
Дохнула турицею лавка,
И как пищальная затравка,
Зазеленелись деда взоры:
«Почто дружиною поморы

Не ратят тушинских воров
Иль Богородицы покров
Им домоседная онуча?
И горлиц на костер горючий
Не кличет Финист-Аввакум?
Почто мой терем, словно чум,
Убог и скуден ратной сбруей,
И конь, как облако, кочует
Под самоедскою луной?!
Я — князь — и вотчиной родной, —
Как раб, не кланяюсь Сапеге!
Мое кормленье от Онеги
До ледяного Вайгача,
Шелом татарского меча
Изведал с честью не однажды!
Ах, сердце плавится от жажды
Воздать обидчикам Руси!..
Мой внук, немедля принеси
Заклятый ключ — стальное рыльце!»
И выходили мы на крыльца
Под желтоглазою луной,
И дед по камень гробовой,
В глубоком избяном подполье,
Меня сводил и горше соли
Поил кровавой укоризной:
«Вот булава с братиной тризной,
Ганзейских рыцарей оброк,
Златницы, жемчуга моток,
Икры белужниной крупнее!
Восстань, дитя, убей злодея,
Что душу русскую, как моль,
Незримо точит, в прах и боль,
Орла Софии повергая!..»
И до зари моя родная
Светца в те ночи не гасила.

* * *

«Николенька, меня могила
Зовет, как няня, тихой сказкой, —
Орлице ли чужой указкой
Господне солнце лицезреть?
Приземную оставя клеть, —
Отчалю в Русь в ладье сосновой,
Чтобы с волною солодовой
Пристать к лебяжьим островам,
Где не стучит по теремам
Железным посохом хромец,
Тоски жалейщик и дудец.
Я умираю от тоски,
От черной ледяной руки,
Что шарит ветром-листодёром
По перелесицам, озерам,
По лазам, пастбищам лосиным,
Девичьим прялицам, холстинам,
В печи по колобу ржаному,
По непоказному, родному,
Слезе, молитве, поцелую.
Я сказкою в ином ночую,
Где златоносный Феодосий
Святителю дары приносит,
И Ольга черпает в Корсуни
Сапфир афинских полнолуний, —
Знать, неспроста Нафанаил
Меня по-гречески учил,
А по-арабски старец Савва!..
Меж уток радужная пава,
Я чувствую у горла нож
И маюсь маетой всемирной —
Абаза песенкою пирной,
Что завелась стальная вошь
В волосьях времени и дней, —
Неумолимый страшный змей

По крови русский и ничей!»
Свое успение провидя,
Родная пóходя и сидя,
«Христос воскресе» напевала
Иль из латинского хорала
Дориносимые псалмы.
Еще поминками зимы
Горел снежок на дне оврагов,
Когда дорогой звездных магов
К нам гости дивные пришли,
Три старца — Перския земли.
Они по виду тазовляне,
Не черемисы, не зыряне,
Шафран на лицах, а по речи —
Как звон поленницы из печи.
Подарки матушке — коты,
Венец и саван из тафты,
А лестовку она сама
Связала как бы из псалма
Или из утренних снежинок.
В ней нити легче паутинок
И лáстовки-евангелисты,
Как лепестки, от слез росисты!
Пошел живой сорокоуст.
Моленна, как горящий куст
Иль яблоня в цвету тяжелом,
Лучилась матицами, полом...
И в купине неопалимой,
Как хризопраз, лицо родимой
Сияло тонко и прозрачно.
Казалося, фатою брачной
Ее покроет Стратилат,
Чтоб повести в блаженный сад,
Где преподобную София
Нарядит в бисеры драгие!
И вот на смертные каноны
Пахнуло миррой от иконы,

И голос был: «Иду! Иду!..»
И голубым сигом во льду,
Весь в чешуе кольчуги бранной
Сошел с божницы друг желанный
И рядом с мученицей встал,
Чтоб положить скитской начал
Перед отбытьем в путь далекий.
Запели суфии: «Иокки!
Чамарадан, эхма-цан-цан!..»
Проплыл видений караван:
Неведомые города
И пилигримами года
В покровах шелестных, с клюками.
И зорькой улыбался маме
То-светный Божий Цареград.
Меж тем дворовый палисад
С поёмной ласковой лужайкой
Пестрели, словно отмель чайкой,
Толпой коленопреклоненной,
Чтоб гробом праведным, иконой,
Как полным ульем, подышать.
Дымилась водь, скрипела гать,
Всё прибывали китежане, —
От Ясных Ляг, где гон кабаний,
Из городища Турий Лоб
И от печер, где узел троп
Подземной рыбы пачераги,
Что роет темные овраги,
Бездонный чарус, родники...
Явились в бусах остяки,
В хвостах собольих орочёны,
Услышав росомашьи стоны,
Волыночный лосиный плач...
И па́волок венчальных ткач —
Цвела карельская калина.

«Николенька, моя кончина
Пусть будет свадьбой для тебя, —
Я умираю, не кляня
Ни демона, ни человека!..
Мое добро ловец, калека,
Под гусли славы панихидной,
Пускай поделят безобидно —
Сусеки, коробы, закуты,
Шесть сарафанов с лентой гнутой,
Расшитой золотом в Горицах,
Шугай бухарский — павой птицей,
По сборкам кованый галун,
И плат — атласный Гамаюн.
Они новехоньки доселе,
Как и... в Федюшины метели...
Всё по рукам сестриц да братий!..»
Кибитку легче на раскате,
Дорога ноне, что финить!
Счастливо, Пашенька, гостить
В светлице с бирюзовой печью!..
И невозвратно, как поречье
Сквозь травы в озеро родное,
Скатилось солнце избяное
В колодовый глубокий гроб,
Чтоб замереть в величье строгом.
И, убеляя прошвы троп,
Погоста холм и сад над логом,
Цвела карельская калина!

Милый друг, моя кручина —
Не чувальная зола,
Что зайчонком прилегла
У лопарского котла.
Дунет ветер и зайчок
Вздыбит лапки наутек.
А колдунье-головешке
Не до пепельной услежки,

Ей чесать кудрявый дым,
Что никем не уловим,
Ни белугой, ни орланом,
Только с утренним туманом
Он в ладах и платьем схож,
Князь крылатый без вельмож!
Пал в долину на калину
Непроглядный синь-туман, —
Не найдет гнезда орлан.
Океан ворчит сердито:
«Где утесные граниты —
Обсушить седой кафтан?»
И не плещутся пингвины,
Мертвы гаги, рыба спит, —
Это цвет моей калины —
В пенном саване гранит!
Это сосны на Урале,
Лык рязанских волокно,
Утоли Моя Печали,
В глубине веретено!
Чу! Скрипит мережный ворот,
Знать, известье рыбакам,
Что плывет хрустальный город
По калиновым волнам!
Милый друг, в чувале нашем
Лишь зола да едкий чад, —
Это девушки Параши
Заревой сгоревший плат!

ГНЕЗДО ТРЕТЬЕ

Три тысячи верст до уезда,
Их мерил нечистый пурговой клюкой,
Баркасом — по соли, долбленкой — рекой.
Опосле путина — пролазы, проезды,
В домашнее след заметай бородой!

Двуглавый орел — государево слово —
Перо обронил: с супостатом война!
Затучилась сила — Перфён от гумна,
Земля ячменем и у нас не скудна,
Сысой от медведя, Кондратий с улова,
Вавила из кузни, а Пров от рядна, —
Любуйся, царь-батюшка, ратью еловой!
Допрежде страды мужики поговели,
Отпарили в банях житейскую прель,
Чтоб лоснилась душенька — росная ель
Иль речка лесная — пролетья купель,
Где месяц — игрок на хрустальной свирели.
На праздник разлук привезли плачею —
Стог песенных трав, словозвучий ладью.
В беседной избе усадить на скамью
Все сказки, заклятья и клады
Устинья Прокопьевна рада!
Она сызмальствá по напеву пошла,
Варила настои и пряник пекла,
Орленый, разлапый и писаный тоже.
В невестах же кликана Устей пригожей.
Как ива под ветром, вопила она —
Мирская обида, полыни волна,
Когда же в оконце двуглавый орел
Заклёкал, что ставится судный престол,
Что книги разгнуты — одна живота,
Другая же смерти, словес красота,
Как горная просинь, повеяла небом...
То было на праздник Бориса и Глеба —
Двух сиринов красных, умученных братом.
Спешилися морем — китищем горбатым —
Подводная баба кричала: «Ау!»
И срамом дразнила: «хи-хи» да «ху-ху».
Но мы открестились от нечисти тинной.
Глядь, в шубе из пены хозяин глубинный,
Как снежная туча, грозит бородой!
Ему поклонились ковригой ржаной

Да руги собрали по гривне с ладони,
Чтоб не было больше бесовской погони,
Чтоб царь благоверный дождался нас здравых, —
Чай, солнцем не сходит с палат златоглавых
И башни дозорной глаза проглядел,
А сам, словно яхонт, и душенькой бел!..
Ужо-тко покажем мы ворогу прятки,
Портки растеряет в бегах без оглядки!..
Сысоя — на тысчу, Вавила же — на пять!..
Мужик государю — лукошко да лапоть,
А царь мужику, словно вёдро, ломоть!
За веру лесную поможет Господь!
И пели мы стих про Снафиду,
Чтоб черную птицу-обиду
Узорчатым словом заклясть:
Как цвела Снафида Чуриле всласть,
Откушала зелья из чарочки сладкой,
За нею Чурила, чтоб лечь под лампадкой.
Вырастала на Снафиде золотá верба,
На Чуриле яблоня кудрявая! —
Эта песня велесова, старая,
Певали ее и на поле Куликовом, —
Непомерное вéдкое слово!
Всё реже полесья, безрыбнее губы,
Селенья ребрасты, обглоданы срубы,
Бревно на избе не в медвежий обхват,
И баба пошла — прощалыжный обряд, —
Платок не по брови и речью соромна,
Сама на Ояти, а бает Коломной.
Отхлынули в хмару леса и поречья,
Взъерошено небо, как шуба овечья,
Что шашель изгрыз да чуланная мышь.
Под ним логовище из труб да из крыш.
То, бают, уезд, где исправник живет,
И давит Чугунка захожий народ.
Капралы орут: «Ну, садись, мужики!»
— «Да будет ли гоже, моржу ли клыки

Совать под колеса железному змию?
Померимте, други, котами Россию!»
Лосей смирноглазых пугали вагоны,
Мы короб открыли, подъяли иконы
И облаком серым, живая божница,
Пошли в ветросвисты, где царь да столица.
Что дале то горше... Цигарки, матюг,
Народишко чалый и нет молодух,
Домишки гноятся сивухой
Без русской улыбки и духа!
А вот и столица — железная клеть,
В ней негде поплакать и душу согреть, —
Погнали сохатых в казармы...
Где ж Сирин и царские бармы?
Капралы орут: «Становись, мужики!
Идет благородие с правой руки...
Ась, два! Ась, два!»
Эх, ты родина, — ковыль-трава!..
«Какой губернии, братцы?»
— «Русские, боярин, лопарцы!.»
— «Взгляните, полковник, — королевич Бова!»
— «Типы с картины Сурикова...»
— «Назначаю вас в Царское Село,
В Феодоровский собор, на правое крыло!
Тебя и вот этого парю!..
Наверно, понравитесь государю.
Он любит народный... стебель.
Распорядись доставкой, фельдфебель!»

Господи, ужели меня,
В кудрях из лесного огня?..

Царь-от живет в селе,
Как мужик... на живой земле!..

«Пролетарии всех стран...» Глядь, стрюцкий!
«Не замай! Я не из стран, — калуцкий!»

* * *

Феодоровский собор —
Кувшинка со дна Светлояра,
Ярославны плакучий взор
В путивльские вьюги да хмары.

Какой метелицей ты
Занесен в чухонское поле?
В зыбких пасмах медузы-кресты
Средиземные теплят соли.
Что ни камень, то княжья гривна!..
Закомары, печурки, зубцы,
К вам порошей розовой сливной
Приплывали с нагорий ловцы,
Не однажды метали сети
В глубь мозаик, резьбы, янтаря
В девятьсот пятнадцатом лете,
Когда штопала саван заря.
Тощ улов. Космы тины да ила
В галилейских живых неводах,
Не тогда ли душа застыла
Гололедицей на полях?!
Только раз принесли мережи
Запеклый багровый ком.
С той поры полевые омежи
Дыбят жёлчь и траву костолом.
Я, прохожий, тельник на шее,
Светлоярной кувшинке молюсь:
Кличь кукушкой царя от Рассеи
В соловецкую белую Русь!
Иль навеки шальная рубаха
И цыганского плиса порты
Замели, как пургою, с размаха
Мономаховых грамот листы?!
Вон и речки Смородины заводь,
Где с оглядкой, под крики сыча,

Взбаламутила стиркой кровавой
Черный омут жена палача!
Вот он, праведный Нил с Селигера,
Листопадный задумчивый граб.
Кондовая сибирская вера
С мановением благостных пап!
С ним тайга, подорожие ссылок,
Баргузи<н>, пошевеливай вал.
Воровской поселили подпилок,
Как сверчка, а Александровский зал.
И сверчок по короткой минуте
Выпил время, как тени закат...
Я тебя содрогаюсь, Распутин, —
Домовому и облачку брат!
Не за истовый крест и лампадки,
Их узор и слезами не стерт,
Но за маску рысиной оглядки,
Где с дитятей голубится черт,
Но за лунную глубь Селигера,
Где утопленниц пряжа на дне.
Ты зеленых русалок пещера
В царской ночи, в царицыном сне!
Ярым воском расплавились души
От купальских малиновых трав,
Чтоб из гулких подземных конюшен
Прискакал краснозубый кентавр.
Слишком тяжкая выпала ноша
За нечистым брести через гать,
Чтобы смог лебеденок Алеша
Бородатую адскую лошадь
Полудетской рукой обуздать!

* * *

Был светел царский сад,
Струился вдоль оград
Смолистый воздух с медом почек,
Плутовки осы нектар строчек

Носили с пушкинской скамьи
В свое дупло. Казалось, дни
Здесь так безоблачны и сини,
Что жалко мраморной богине
Кувшин наполнить через край.
Один чугунный попугай
Пугает нимфу толстым клювом.
Ах, посмотрел бы Рюрик, Трувор
На эту северную благость!
Не променяли б битвы сладость
На грот плющевый и они?!..
«Я православный искони
И Богородицу люблю,
Как подколодную змею,
Что сердце мне сосет всечасно!
С крутыми тучами, ненастный,
Мой бог обрядней, чем Христос
Под утиральником берез,
Фольговый, ноженьки из воска!
Моя кремнистая полоска
Взборбнена когтями...» — «Что ты!
Не вспоминай кромешной злоты!
Пусть нивы Царского Села
Благоухают, как пчела,
Родя фиалки, росный мак...»
— «А ну тя к лешему, земляк!
Не жги меня пустой селедкой,
Давай икры с цимлянской водкой,
Чтоб кровью вышибало зубы!..
Самосожженческие срубы
Годятся Алексею в сказки,
Я разотру левкас и краски
Уж не на рябкином яйце!
Гнездятся чертики в отце,
Зеленые, как червь капустный,
Ему открыт рецепт искусный,

Как в сердце разводить гусей —
Ловить рогатых карасей —
Забава царская... Ха! Ха!..
Царица же дрожит греха,
Как староверка общей мисы.
Ей снятся море, кипарисы
И на утесе белый крест —
Приют покинутых невест
И вдов, в покойников влюбленных!
Я для нее из бус иконных
Сварил, как щи из топора,
Каких не знают повара,
Два киселя — один из мысли,
Чтобы ресницы ливнем висли,
Другой из бабьего пупка,
Чтоб слез наплавилась река!..
Вот этот корень азиатский
С тобою делится по-братски.
Надрежь меж удом и лобком,
Где жилы сходятся крестом,
И в ранку, сладостнее сот,
Вложи индийский приворот,
Чрез сорок дней сними удильце,
Чтобы пчелою в пьяной пыльце
Влететь, как в улей, в круг людской
И жалить души простотой,
Лесной черемухи душистей,
Что обронила в ключ искристый
Кисейный девичий платок!..
Про зелье знает лишь Восток
Под пляс факиров у костра!..
Возьми мой крест из серебра
С мидийской надписью... в нем корень!..»
Я прошептал: «Оставь, Григорий!..»
Но талисман нырнул в ладони —
И в тот же миг, как от погони,

Из грота выбежал козел,
Руно по бедра, грудью гол,
С погуслым золотом на рожках...
И закопытилась дорожка.
Распутин заплясал с козлом,
Как иволга, над кувшином
Заплакала из камня баба.
У грота же, на ветке граба
Качалась нимфа белой векшей.
И царский сад, уже померкший,
Весь просквозил нетопырями,
Рогами, крыльями, хвостами...
Окрест же сельского чертога
Залег чешуйчатой дорогой
С глазами барса страшный змей.
«Ладони поразнять не смей,
Не то малявкой сгинешь, паря!»
И увидал я государя.
Он тихо шел окрай пруда.
Казалось, черная беда
Его крылом не задевала,
И по ночам под одеяло
Не заползал холодный уж.
В час тишины он был досуж
Припасть к еловому ковшу,
К румяной тучке, камышу,
Но ласков, в кителе простом.
Он всё же выглядел царем.
Свершилось давнее. Народ,
Пречистый воск потайных сот,
Ковер, сказаньями расшитый,
Где вьюги, сирины, ракиты, —
Как перл на дне, увидел я
Впервые русского царя.
Царь говорил тепло, с развальцем,
Купецкий сын перед зерцальцем

С Коломны — города церквей.
Напрасно ставнями ушей
Я хлопал, напрягая слух, —
В дом головы не лился дух
И в сердце — низенькой светлице, —
Как встарь, молчальницы-сестрицы
Беззвучно шили плат жемчужный.
Свершилось давнее. Сёмужный,
Поречный, хвойный, избяной,
Я повстречался въявь с судьбой
России — матери матерой,
И слезы застилали взоры, —
Дождем душистый сенокос,
Душа же рощею берез
Шумела в поисках луча,
Бездомной иволгой крича,
Но между рощей и царем
Лежал багровый липкий ком!
С недоуменною улыбкой,
Простой, по-юношески гибкий,
Пошел обратно государь
В вечерний палевый янтарь,
Где в дымке арок и террас
Залег с хвостом змеиным барс.

* * *

«Коль славен наш» поет заря
Над петропавловской твердыней,
И к милосердной благостыне
Вздымает крылья-якоря
На шпице ангел бирюзовый.
Чу! Звякнул медною подковой
Кентавр на площади Сенатской.
Сегодня корень азиатский
С ботвою срежет князь Димитрий,
Чтоб не плясал в плющевой митре

Козлообраз в несчастном Царском.
Пусть византийским и татарским
Европе кажется оно,
Но только б не ночлежки дно,
Не белена в цыганском плисе!
Не от мальчишеской ли рыси
Я заплутал в бурьяне черном
И с Пуришкевичем задорным
Варю кровавую похлебку?
Ах, тяжко выкогтить заклепку
Из Царскосельского котла,
Чтоб не слепила злая мгла
Отечества святые очи!..
Так самому себе пророчил
Гусарским красноречьем князь —
В утробу филина садясь,
(Авто не называл Григорий).
И каркнул флюгер: «Горе, горе!»
«Беда!» — мигнул фонарь воротам.
В ту ночь индийским приворотом
Моя душа — овин снопами —
Благоухала васильками.
И на радении хлыстовском,
Как дед на поле Куликовском
Изгнал духовного Мамая
Из златоордного сарая,
Спалив поганые кибитки,
Какие сладкие напитки
Сварил нам старец Селивёрст!
Круг нецелованных невест
Смыкал, как слезка перстенек,
Из стран рязанских паренек.
Ему на кудри меда ковш
Пролили вётлы, хаты, рожь,
И стаей, в коноплю синицы,
Слетелись сказки за ресницы.

Его, не зная, где опаска,
Из виноградников Дамаска
Я одарил причастной дулей.
Он, как подсолнечник в июле,
Тянулся в знойную любовь,
И Селивёрст, всех душ свекровь,
Рязанцу за уста-соловку
Дал лист бумаги и... веревку.
Четою с братчины радельной
Мы вышли в сад седой, метельный,
Под оловянную луну.
«Овсеня кликать да весну
Ты будешь ли, учитель светлый?..
У нас в Рязани сини ветлы,
И месяц подарил узду
Дощатой лодке на пруду —
Она повыглядит кобылой,
Заржет, окатит теплым илом,
Я ж, уцепимшись за мохры,
Быстринкой еду до поры,
Пока мой дед под серп померкший
Карасьи не расставит верши!
Ах, возвратиться б на Оку,
В землянку к деду рыбаку,
Не то здесь душу водкой мучить
Меня писатели научат!»
— «Мой богоданный вещий братец,
Я от избы, резных полатец
Да от рублёвской купины
И для языческой весны
Неуязвим, как крест ростовский.
Мужицкой верой беспоповской
Мой дух в апостольник обряжен! —
Ни лунной, ни ученой пряжей
Его вовек не замережить!..
Но чу! На Черной речке скрежет! —

В капкане росомахи стон!..
Любезный братец, это он,
В богатых тобольских енотах,
В губе сугроба, как в воротах,
Повис над глыбкой полыньей!..»
— «Учитель светлый, что с тобой?
Не обнажайся на морозе!..
Быть может, пьяница в навозе.
В тени косматого ствола!..»
Ему не виделось козла,
Сатир же под луною хныкал,
И снежной пасмой повилика
Свисала с ледяных рогов...
Под мост, ныряя меж быков,
И, метя валенком в копыто,
Достигли мы губы-корыта,
Где, от хорька петух в закуте,
Лежал дымящийся Распутин!
Кто знает зимний Петербург,
Исхлестанный бичами пург
Под лунной перистой дугой,
Тот видел душ проклятых рой
И в полыньях скелетов пляски.
В одной костяк в драгунской каске,
На Мойке, в Невке... Мимо, мимо!
Их съели раки да налимы!
«Григорий, ты ли?!» И зрачок —
В пучине рыбий городок
Раскрыл ворота — бочку жира,
Разбитую на водной шири —
Крушенья знак и гиблых мест.
«Земляк... Спаси!.. Мой крест!.. Мой крест!
Не подходи к подножной глыбе,
Не то конец... Прямая гибель!..
Держуся я, поверь на слово,
За одеяние Христово.

Крестом мидийским целься в скулы...
Мотри вернее!..» Словно дуло,
Навел я руку в мглистый рот,
И... ринул страшный приворот!
Со стоном обломилась льдина...
Всю ночь пуховая перина
Нас убаюкать не могла.
Меж тем из адского котла,
Где варятся грехи людские,
Клубились тучи грозовые.
Они ударили нежданно,
Кровавою и серной манной
В проталый тихозвонный пост,
Когда на Вятке белят холст,
А во незнаемой губерньи
Гнут коробьё да зубят гребни,
И в стружках липовых лошкарь
Старообрядческий тропарь
Малюет писанкой на ложке!
Ты показал крутые рожки
Сквозь бранный порох, козлозад,
И вывел тигров да волчат
От случки со змеей могильной!
России, ранами обильной,
Ты прободал живую печень,
Но не тебе поставит свечи
Лошкарь, кудрявый гребнедел!
Есть дивный образ, ризой бел,
С горящим сердцем, солнцеликий.
Пред ним лукошко с земляникой,
Свеча с узорным куличом,
Чтоб не дружить вовек с сычом
Малиновке, в чьей росной грудке
Поют лесные незабудки!

* * *

Двенадцать лет, как пропасть, гулко страшных.
Двенадцать гор, рассеченных на башни,
Где колчедан, плитняк да аспид твердый
И тигров ненасытных морды!
Они родятся день от дня
И пожирают то коня,
То девушку, то храм старинный
Иль сад с аллеей лунно-длинной
И оставляют всюду кости,
Деревья и цветы в коросте,
Колтун на нежном винограде,
С когтями черными в засаде.
«О горе, горе!» — воет пес,
«О горе!» — квохчет серый дрозд.
«Беда, беда!» — отель мычит.
Бедою тянет от ракит.
Вот ярославское село —
Недавно пестрое крыло
Жар-птицы иль струфокамила,
Теперь же с заступом могила
Прошла светелками, дворами...
По тихой Припяти, на Каме,
Коварный заступ срезал цвет,
И тигры проложили след.
Вот нива <с> редкою щетиной,
В соломе просквозила кровь.
(Посев не дедовский старинный —
Почтить созвучием — любовь,
Как бирюзой дешовку ситца,
Рублёвской прориси претится).
Как будто от самой себя
Сбежала нянюшка-земля,
И одичалое дитя,
Отростив зубы, волчий хвост,
Вцепилось в облачный помост

И хрипло лает на созвездья!..
Вон в берендеевском уезде
За ветроплясом огонек —
Идем, погреемся, дружок!
Так холодно в людском жилье
На Богом проклятой земле!..
Как ворон, ночь. И лес костляв.
Змеиные глаза у трав.
Кустарником в трясине руки —
Навеки с радостью в разлуке!
Вот бык — поток, рога — утес,
На ребрах смрадный сенокос.
Знать, новоселье правят бесы
И продают печёнку с весу,
Кровавых замыслов вязигу.
Вот адский дьяк читает книгу,
Листы из висельника кожи,
Где в строчках смерть могилы множит,
Бескрестные, как дом без кровли!..
Повышла Техника для ловли, —
В мереже, рыбами в потоке,
Индустриальные пороки —
Молитва, милостыня, ласка,
В повойнике парчовом сказка
И песня про снежки пушисты,
Что ненавидят коммунисты!
Бежим, бежим, посмертный друг,
От черных и от красных вьюг,
На четверговый огонек,
Через Предательства поток,
Сквозь Лес лукавых размышлений,
Где лбы — комолые олени —
Тучны змеиною слюной,
Там нет подснежников весной,
И к старым соснам, где сторожка,
Не вьется робкая дорожка,

Чтоб юноша купал ресницы
В смоле и яри до зарницы,
Питая сердце медом встречи...
Вот ласточки — зари предтечи!
Им лишь оплакивать дано
Резное русское окно
И колоколен светлый сон,
Где не живет вечерний звон.
Окно же с девичьей иголкой
Заполыхало комсомолкой,
Кумачным смехом и махрой
Над гробом матери родной!
Вот журавли, как хоровод, —
На лапках костромских болот
Сусанинский озимый ил,
Им не хватило птичьих сил,
Чтоб заметелить пухом ширь,
Где был Ипатьев монастырь.
Там виноградарем Феодор,
В лихие тушинские годы,
Нашел укромную лозу, —
Собрать алмазы, бирюзу
В неуязвимое точило...
«Подайте нам крупицу ила,
Чтоб причаститься Костромой!»
И журавли кричат: «Домой,
На огонек идите прямо,
Там в белой роще дед и мама!»
Уже последний перевал,
Крылатый страж на гребне скал
Нас окликает звонким рогом,
Но крест на нас, и по отрогам
С хоругвями, навстречу нам
Идет Хутынский Варлаам,
С ним Сорский Нил, с Печеньги Трифон,
Борис и Глеб — два борзых грифа.

Зареет утро от попон.
И Анна с кашинских икон —
Смиренное тверское поле.
С пути отведать хлеба-соли
Нас повели в дубовый терем...
Святая Русь, мы верим, верим!
И посохи слезами мочим...
До впадин выплакать бы очи
Иль стать подстрешным воробьем,
Но только бы с родным гнездом,
Чтоб бедной песенкой чи-ри
Встречать заутреню зари
И знать, что зернышки, солому
Никто не выгонит из дому,
Что в сад распахнуто давно
Резное русское окно,
И в жимолость упали косы!..

* * *

На преподобного Салоса —
Угодника с большой Торговой,
Цветистей в Новгороде слово.
И пряжею густой шелковой
Прошит софийский перезвон
На ипостасный вдовий сон,
На листопад осин повальных,
К прибытку в избах котовальных,
Где шерсть да валенок пушистый.
Аринушка вдовела чисто.
И уж шестнадцать дочке Насте,
Как от неведомой напасти
Ушел в могилу котовал,
Чтоб на оплаканном погосте
Крестом из мамонтовой кости
Глядеться в утренний опал!
Там некогда и я сиял,

Но отягченный скатным словом,
Как рябчик к травам солодовым,
На землю скудную ниспал!
Аринушка вдовела свято,
Как остров под туманным платом,
Плакучий вереск по колени.
Уж океан в саврасой пене
Не раз ей косы искупал,
И памяткой ревнивый вал
В зрачки забросил парус дальний.
Но чем прекрасней, тем печальней
Лен времени вдова пряла,
И материнского крыла
Всю теплоту и многострунность
Испила Настенькина юность!
Зато до каменной Норвеги
Прибоя пенные телеги
Пух гаги — слухи развезли,
Что материнские кремли
И сердца кедр, шатра укромней,
Как бирюзу в каменоломне
Укрыли девичью красу!
Как златно-бурую лису
Полесник чует по умётам,
Не правя лыжницу болотом,
Ведь сказка с филином не дружит.
А раекой доторы вьюжит,
И на березовой коре —
Следы резцы на серебре,
Находит волосок жар-зверя,
И, ревностью снега измеря,
Пустым притащится к зимовью, —
Так, обуянные любовью
И Капарулин с Кулда оя,
И Лопарев от Выдромоя, —
Купцы, кудрявичи и щуры
В сеть сватовства лисы каурой

Словить, как счастья, не могли!
Цветисты моря хрустали,
Но есть у Насти журавли
Средь голубик и трав раздумных,
Златистее поречий лунных,
Когда голуборогий лось,
В молоках и опаре плёс,
Куст головы, как факел, топит!
В Помории, в скуластой Лопи
Залетней нету журавля,
Чем с Гоголиного Ручья —
Селения, где птичьи воды, —
Сын косторезчика — Феодор!
Он поставец, резьбой украшен,
С кувшинцами нездешних брашен,
Но парус плеч в морях кафтанных
Напружен туго. Для желанных
Нет слов и в девичьем ларце,
И о супружеском венце
Не пелося Анастасии...
Святые девушки России —
Купавы, чайки и березки,
Вас гробовые давят доски,
И кости обглодали волки,
Но грянет час — в лазурном шелке
Вы явитесь, как звезды, миру!
Полюбит ли сосна секиру,
Хвой волосами, мясом корня,
И станет ли в избе просторней
От гробовой глухой доски?
Так песнь стерляжьи плавники
Сдирает о соображенье.
Испепелися, наважденье —
Понятие — иглистый еж!
Пусть будет стих с белугой схож,
Но не полюбит он бетона!..
Для Настеньки заря — икона,

А лестовка — калины ветка —
Оконца росная соседка.
Вся в бабку, девушка в семнадцать
Любила платом покрываться
По брови, строгим, уставным,
И сквозь келейный воск и дым,
Как озарение опала,
Любимый облик прозревала.
Он на купеческого сына,
На объярь — серая холстина,
Не походил и малой складкой
И за колдующей лампадкой
Пил морок и горючий сон,
В березку раннюю влюблен.
Так две души, одна земная,
И живописная другая,
Связались сладостною нитью,
Как челн, готовые к отплытью
В живую водь, где Китеж-град
И спеет слезный виноград,
Куда фиалкой голубой
Уйдешь и ты, любимый мой!
Бай-бай, изгнания дитя!
Крадется к чуму, шелестя,
Лисенок с радужным хвостом,
За ним доверчивым чирком
Вспорхнул рассветный ветерок,
И ожил беличий клубок
В дупле, где смоль, сухая соть!..
Вдовицын дом хранил Господь
От черной немочи, пожара.
И человеческая свара
Бежала щедрого двора,
Где от ларца до топора
Дышало всё ухой да квасом
И осенялось ярым Спасом,

Как льдиной прорубь сельдяная,
Куда лишь звездочка ночная
Роняет изумрудный усик...

Между 1929 и 1934

ПРИМЕЧАНИЯ

При жизни Николая Клюева были выпущены следующие книги: Сосен перезвон. М., 1912; Братские песни: Кн. 2. М., 1912; Братские песни: (Песни голгофских христиан). М., 1912; Лесные были. М., 1912; Лесные были. Кн. 3. М., 1913; Сосен перезвон. 2-е изд. М., 1913; Мирские думы. Пг., 1916; Красная песня. Пг., 1917; Медный кит. Пг., 1919; Песнослов: В [2 кн.] Пг., 1919; Избяные песни. Берлин, 1920; Неувядаемый цвет. Вытегра, 1920; Песнь Солнценосца. Земля и железо. Берлин, 1920; Львиный хлеб. М., 1922; Мать-Суббота. Пб., 1922; Четвертый Рим. Пб., 1922; Ленин. М.; Пг., 1924. — То же. 2-е изд. Л., 1924. — То же. 3-е изд. Л., 1924; совместная кн.: Клюев Н., Медведев П. Сергей Есенин. Л., 1927; Изба и поле. Л., 1928.

После гибели поэта (1937) его имя на долгие годы предается насильственному забвению: стихи не переиздаются, упоминания в литературоведческих работах носят резко негативный характер. В русском зарубежье предпринимаются попытки собрать воедино поэтическое наследие Клюева. В 1954 г. в нью-йоркском издательстве им. Чехова, под редакцией Б. А. Филиппова, появилось «Полное собрание сочинений», в состав которого были включены все прижизненные сборники поэта, а также впервые обнародованы поэмы «Деревня» (без купюр) и «Погорельщина». Спустя пятнадцать лет в Германии, под общей редакцией Г. П. Струве и Б. А. Филиппова был напечатан двухтомник «Сочинения», который, по сравнению с американским, вырос почти в полтора раза, обогатившись новыми публикациями из периодики и советских

архивохранилищ: поэзия, проза, письма. Изданию, однако, присущи некоторые недостатки, в частности, «Песнослов» воспроизведен со всеми имеющимися в нем ошибками, искажениями и опечатками (см. примеч. 184), тексты конца 20-х — начала 30-х гг. опубликованы по черновым автографам, что привело к текстологическим потерям. В нашей стране впервые в 1977 г. (1982 г. — допечатка) в «Библиотеке поэта» («Малая серия») вышел однотомник «Стихотворения и поэмы», давший определенный толчок в активизации освоения творческого наследия поэта. В столице и периферийных издательствах начали выходить сборники его произведений.

Настоящее издание является наиболее полным из всех выпускавшихся у нас и за рубежом одно- и двухтомников Клюева. Основными источниками воспроизведений текстов служат прижизненные издания поэта; тексты, не вошедшие в эти издания, приводятся либо по последним авторитетным публикациям, либо по автографам, либо по авторизованным копиям и достоверным спискам. Тексты произведений заново сверены со всеми печатными и рукописными источниками (с учетом их достоверности). В каждом случае за основу брался полный или наиболее исправный источник. При выборе основного текста составитель руководствовался принципом «последней авторской воли».

Сборник состоит из двух разделов: стихотворения и поэмы. В каждом разделе материал, включая и циклы, располагается в хронологической последовательности.

Произведения датируются по источнику текста. При отсутствии дат, позволяющих установить время его написания, в угловых скобках указывается дата первой публикации. Гипотетические даты сопровождаются вопросительным знаком. Дата, отделенная запятой, обозначает время создания первоначальной редакции и окончательной переработки произведения. Часть текстов датируется приблизительно, исходя из логики развития творчества поэта. В сложных случаях датировки текстов оговариваются в примечаниях, однако некоторые из них поясним. Осенью 1912 г. Клюев закончил работу над сб. «Лесные были». Благодаря содействию А. Н. Толстого в нояб. между Клюевым и ярославским издателем К. Ф. Некрасовым была достигнута договоренность об издании книги (См.: *Азадовский К. М.* Николай Клюев: Путь поэта. Л., 1990. С. 124—125). 27 дек. (в связи с намеченным на 6 янв. 1913 г. отъездом из Петербурга) он уже просит издателя выслать

корректуру книги С. М. Городецкому, так как тот близок клюевским «песням» и поэтому никто, кроме Городецкого, не прочтет ее верно (Государственный архив Ярославской обл., фонд К. Ф. Некрасова 952. Оп. 1. Л. 128). В этом случае, как и в последующих, за основу датировки стихотворений берется не год издания книги (к примеру, 1913), а время полной подготовки рукописи к печати. Тексты первоначального варианта будущего первого тома «Песнослова» предполагалось издать в двух «книжечках» — «ковчежцах» не позднее июня 1917 г. В письме издателю Аверьянову от 3 окт. 1917 г. поэт сообщал: «Присылаю Вам "Песнослов" в окончательном виде...» (Соч. 1. С. 201). Значительная часть текстов второй кн. «Песнослова» свидетельствует о том, что они были написаны не ранее 1918 г., так как оба тома «Песнослова» были привезены в Петроград (после разрыва с Аверьяновым) в авг. 1918 г. В письме М. Горькому от сент.—окт. <до 25> 1918 г. Клюев писал: «Единственное мое богатство — это четыре книжки стихотворений, в совокупности составивших "Первый том" моих сочинений и новая, не видавшая света книга, в которую вошли около 200-х сот <так> стихотворений, в большинстве своем отразивших наше красное время, разумеется, в самом широком смысле, чаще так, как понимает его крестьянская Рассея» (*Клюев Н.* «Я славлю Россию...» Из творческого наследия; Автобиографическая проза. Из писем к В. С. Миролюбову. Стихотворения. Клюев и Горький // ЛО. 1987, № 8. С. 111 (публикация К. М. Азадовского).

Примечания имеют единообразную структуру. Каждое из них начинается ссылкой на первую публикацию. Далее — через точку и двойной дефис — фиксируются все источники, содержащие какие-либо смысловые изменения, вплоть до той публикации, в которой текст установился окончательно. Если дается ссылка только на первую публикацию, это означает, что текст в печати не менялся. Сообщаются сведения о наличии и месте хранения автографов, авторизованных копий, списков и достоверных машинописных копий. Формула «Печ. по...» применяется в тех случаях, когда произведение печатается по рукописи (автографам, авторизованным копиям и спискам) или когда текст реконструируется по нескольким источникам (как печатным, так и рукописным). Затем — по мере необходимости — в примечаниях сообщаются факты биографического и историко-литературного характера.

Если в примечаниях имеется ссылка на отсчет стихов, то произведение, содержащее 50 и более строк текста, сопровождается нумерацией по десяткам.

Орфография текстов приближена к современным нормам, за исключением таких особенностей написания слов, которые имеют смысло-различительное и стилистическое значение. Исправлены явные опечатки.

Пояснение архаичных, диалектных, библейских и редкоупотребительных слов вынесено в Словарь.

Приношу глубокую благодарность К. М. Азадовскому, Н. Н. Брауну, В. М. Загребину, Л. И. Ивановой, Л. Ф. Капраловой, Н. Г. Князевой, Т. А. Комаровой, Н. И. Кузнецовой, Т. П. Макаровой, Н. П. Пакшиной, Т. С. Царьковой, а также сотрудникам библиотек и архивов, способствовавшим подготовке издания. Особое чувство признательности хочу выразить М. и Г. Беллуччи, Д. К. Бурлаке, В. П. Зеленскому, В. С. Киселеву, Ю. и М. Люкшиным, А. И. Михайлову, В. В. Петроченкову, С. В. Степанову, С. И. Субботину и Л. И. Чикаровой за дружескую помощь и советы, наполненные воистину клюевской сердечностью и беспокойством.

Условные сокращения, принятые в примечаниях

Ал — журнал «Альбатрос».
БВ — газета «Биржевые ведомости».
Бл — журнал «Байкал».
БП — Клюев Н. Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. писатель, 1977 (Б-ка поэта; Малая серия).
БрП, 1 — Клюев Н. Братские песни. Кн. 2. М.: Изд. журн. «Новая земля», 1912.
БрП, 2 — Клюев Н. Братские песни: (Песни голгофских христиан). М.: Изд. журн. «К новой земле», 1912.
БС — журнал «Бодрое слово».
ВЛ — журнал «Вопросы литературы».
Влн — Сб. «Волны». М., 1905. Вып. 2.
ВС — журнал «Велес».
Г — газета «Голос» (Ярославль).
ГЖ — журнал «Голос жизни».
ГЛМ — Отдел рукописей Государственного литературного музея (Москва).

Гп — журнал «Гиперборей».
ГУ — журнал «Голос учащихся» (Вытегра).
Дн — газета «Дело народа».
ДН — журнал «Дружба народов».
ДнП — Сб. «День поэзии» (Москва).
ЕЖ — «Ежемесячный журнал».
ЖД — журнал «Женское дело».
З — журнал «Заря».
Записки — журнал «Записки Передвижного Общедоступного театра».
ЗВ — газета «Звезда Вытегры».
Зв — журнал «Звезда».
Звт — журнал «Заветы».
ЗиВ — газета «Земля и воля».
Зн — журнал «Знамя».
ЗР — журнал «Золотое руно».
ЗС — журнал «Земля советская».
ЗТ — газета «Знамя труда».
Из — газета «Известия» (Вытегра).
ИзП — Клюев Н. Изба и поле. Избранные стихотворения. Л.: Прибой, 1928.
ИЛ — журнал «Искусство Ленинграда».
ИМЛИ — Отдел рукописей Института мировой литературы им. М. Горького Российской Академии наук.
ИП — Клюев Н. Избяные песни. Берлин: Скифы, 1920.
ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской Академии наук.
ИсМ — Н. А. Клюев. Письма к А. Н. Яр-Кравченко // Николай Клюев. Исследования и материалы. М., 1997.
КЗ — газета «Красное знамя» (Вытегра).
КП — журнал «Красная панорама».
КрГ — «Красная газета».
КрЗ — Красный звон; Сб. стихотворений (С. Есенин, Н. Клюев, П. Орешин, А. Ширяевец). Пг., 1918.
ЛА — Литературный альманах. Спб., 1912 (фактически: 1911).
ЛБ, 12 — Клюев Н. Лесные были. М.: Изд. журн. «К новой земле», 1912.
ЛБ, 13 — Клюев Н. Лесные были: Кн. 3. М.: К. Ф. Некрасов, 1913.

ЛН — Письма Н. А. Клюева к Блоку. Вступ. статья, публикации и комментарии К. Азадовского // Литературное наследство. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы. М., 1987. Кн. 4.
Лн — Клюев Н. Ленин. М.; Пг.: Гос. изд-во, 1924 (фактически: 1923).
ЛО — журнал «Литературное обозрение».
ЛП — газета «Ленинградская правда».
ЛХ — Клюев Н. Львиный хлеб. М.: Наш путь, 1922.
ЛХ, 1 — рукописный сб. «Николай Клюев. Львиный хлеб. 1921» (РГАЛИ).
МД — Клюев Н. Мирские думы. Пг.: Изд. М. В. Аверьянова, 1916.
МК — Клюев Н. Медный кит. Пг.: Изд. Петрогр. Совета рабочих и красноарм. депутатов, 1919 (фактически: 1918).
Н — журнал «Нива».
Набор. экз. — Наборный экземпляр «Николай Клюев. Львиный хлеб. Стихи 1919—1921. Петроград, 1924» (Архив семьи Клычковых, Москва).
НВ — журнал «Новое вино».
НвЖ — журнал «Новая жизнь».
НвЗ — журнал «Новая земля».
НЖДВ — «Новый журнал для всех».
НЛО — журнал «Новое литературное обозрение».
НМ — журнал «Новый мир».
НН — журнал «Наше наследие».
НП — Новые поэты. СПб., 1904.
Ог — журнал «Огонек».
ОШСК — машинопись сб. «Николай Клюев. О чем шумят седые кедры. 1933» (ИРЛИ).
П — альманах «Поэзия». 1985. Вып. 43.
Песнослов, 1, 2 — Клюев Н. Песнослов: [В 2 кн.] Пг.: Лит. изд. отд. Нар. комиссариата по просвещению, 1919.
Песнослов, 90 — Клюев Н. Песнослов. Стихотворения и поэмы. Петрозаводск: Карелия, 1990.
ПЗ — Клюев Н. Песнь Солнценосца. Земля и железо. Берлин: Скифы, 1920.
Пл — журнал «Пламя».

ПОД	—	Сб. «Пряник осиротевшим детям». Пг., 1916.
Пр	—	Прибой. М., 1905. Вып. 3.
Прж	—	журнал «Прожектор».
ПС	—	Потаенный сад: Новокрестьянские поэты [Сб. стихов]. [1] Стихотворения и поэмы / Н. Клюев. Ставрополь: Кн. изд-во, 1992.
ПСС, 1, 2	—	Клюев Н. Полное собрание сочинений. Т. 1—2. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954.
Пт	—	журнал «Петроград».
Р	—	журнал «Родник» (Рига).
РГАЛИ (ЦГАЛИ)	—	Российский государственный архив литературы и искусства (Москва).
РГБ (ГБЛ)	—	Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва).
РЛ	—	журнал «Русская литература».
РМ	—	журнал «Русская мысль».
РН	—	журнал «Родная нива».
РНБ (ГПБ)	—	Отдел рукописей Российской национальной (Публичной) библиотеки (Санкт-Петербург).
РП	—	газета «Русская мысль» (Париж).
РС	—	журнал «Русский современник».
Рч	—	газета «Речь».
С	—	журнал «Современник».
Св	—	журнал «Север».
СЗ	—	журнал «Северные записки».
СиП	—	Клюев Н. Стихотворения и поэмы. Архангельск: Сев. -Зап. кн. изд-во, 1986.
Скифы, 1	—	Скифы. Пг., 1917. Сб. 1.
Скифы, 2	—	Скифы. Пг., 1918 (фактически: 1917). Сб. 2.
Сл	—	журнал «Слово».
СнП, 12	—	Клюев Н. Сосен перезвон. М.: Кн. -во В. И. Знаменского и К°, 1912 (фактически: 1911).
СнП, 13	—	Клюев Н. Сосен перезвон. 2-е изд. М.: Кн. -во К. Ф. Некрасова, 1913.

Соч. 1, 2 — Клюев Н. Сочинения: В 2-х тт. [Мюнхен]. 1969.
СП — Клюев Н. Стихотворения; Поэмы. М.: Худож. лит., 1991.
СРЗ — Клюев Н. А. Стихотворения и разные записи его (черновики). 1921—1922. (ИРЛИ). Сюда вошли и составленные поэтом в 1922 г. два списка его ст-ний 1919—1922 гг. Тетрадь была подарена Клюеву 4 марта 1921, записи прекращены летом 1922 гг.
Страда — Страда. Пг., 1916. [Сб. 1.]
Тетр. ГЛМ — рукопись цикла ст-ний «Николай Клюев. «О чем шумят седые кедры», вместе со ст-нием «Клеветникам искусства».
Тетр. ИМЛИ — черновые автографы ст-ний Клюева 1932—1933 гг. (Фонд 178. Оп. 1. № 3).
ТП — журнал «Трудовой путь».
ТС — газета «Трудовое слово» (Вытегра).
Хм — журнал «Хмель».
ЦЖ — газета «Царицынская жизнь».
ЮМ — журнал «Юный молот» (Вытегра).

СТИХОТВОРЕНИЯ

1. НП.

2. НП.

3. РН. 1905, № 51.

4. Влн., с вар. ст. 7 «И в наследство отдал». - - БрП, 1. Беловой автограф — ИРЛИ. Положено на музыку В. И. Панченко.

5. Влн.

6. Влн.

7. Пр.

8. Пр.

9. В кн.: *Белоусов И.* Литературная Москва (Воспоминания, 1880—1928): Писатели из народа. Писатели-народники. М., 1929. С. 122. По словам Белоусова, ст-ние подверглось резкой цензуре: была зачеркнута вторая строфа и ст. 10. - - Ог. 1984, № 40 по беловому автографу — РГАЛИ.

10. В кн.: *Белоусов И.* Литературная Москва, вторая строфа (с. 123). В этом ст-нии цензура вычеркнула строфы 2, 3, 4, 5. - - В кн.: *Азадовский К. М.* Николай Клюев: Путь поэта (с. 35) по беловому автографу — РГАЛИ.

11. Соч. 2, по беловому автографу — ИРЛИ. *Плещут холодные волны* — первая ст. из ст-ния Я. Репнинского «Варяг» (1904), муз. Ф. Н. Богородицкого, В. Д. Беневского.

12. ТП. 1907, № 5.

13. ТП. 1907, № 9, подпись: Крестьянин Николай Клюев. Это ст-ние, а также № 14, 21—23 навеяны пребыванием поэта в 1907—1908 гг. на военной службе. Много лет спустя Клюев так вспо-

минает этот эпизод своей жизни: «В Сен-Михеле, городок такой есть в Финляндии, сдали меня в пехотную роту. Сам же про себя я порешил не быть солдатом, не учиться убийству, как Христос велел и как мама мне завещала. Стал я отказываться от пищи, не одевался и не раздевался сам, силой меня взводные одевали; не брал я и винтовки в руки. <...> Сидел я в Сен-Михеле в военной тюрьме, в бывших шведских магазеях петровских времен. Люто вспоминать эту мерзкую каменную дыру, где вошь неусыпающая и дух гробный <...> Сидел я и в Выборгской крепости (в Финляндии)» (Цит. по статье Азадовского К. М. «Личность и судьба Николая Клюева» // Нева. 1988. № 12. С. 185).

14. В статье Азадовского К. М. «Раннее творчество Н. А. Клюева: (Новые материалы) // РЛ. 1975, № 3, по беловому автографу — ИРЛИ. Беловой автограф — РГАЛИ приложен вместе со ст-ниями 15—18 к письму Блоку из дер. Желвачёва от конца сент. — нач. окт. 1907 г. (ЛН. С. 464).

15. ЛН, по беловому автографу — РГАЛИ, приложенному вместе со ст-ниями 14, 16—18 к тому же письму Блоку, что и № 14.

16. ЛН, по беловому автографу — РГАЛИ, приложенному вместе со ст-ниями 14, 15, 17, 18 к тому же письму Блоку, что и № 14. Положено на музыку В. И. Панченко.

17. СнП, 12. Беловой автограф — РГАЛИ, приложен вместе со ст-ниями 14—16, 18 к тому же письму Блоку, что и № 14.

18. ЛН, по беловому автографу — РГАЛИ, приложенному вместе со ст-ниями 14—17 к тому же письму Блоку, что и № 14.

19. ДнП, 1983, по беловому автографу — ИРЛИ, над текстом которого написано карандашом, возможно, В. С. Миролюбовым: «Крестьянин Николай Клюев». Это ст-ние, а также № 20, находящиеся в фонде Миролюбова, по всей вероятности, предполагались для публикации в журн. «Трудовой путь», запрещенном после выхода янв. номера цензурой в 1908 г.

20. Р. 1988, № 6, по беловому автографу — ИРЛИ.

21. П, по беловому автографу — ИРЛИ.

22. ТП. 1908, № 1, подпись: Крестьянин Николай Олонецкий.

23. ТП. 1908, № 1, с надписью «Посвящается дорогой сестре», без членения на строфы, между ст. 20—21 дополн. ст.:

И суровый плен нежданный
Вспомню я наедине,
Зал торжественно парадный,
Где так страшно было мне.
Где, как воры, люди робко
Совещание вели,
По-военному коротко
Смертный приговор прочли.
Может быть, на казни место
Поведут меня сейчас;
Посмотри, моя невеста,
На меня в последний раз.

подпись: Крестьянин Николай Олонецкий. Строфа 7, а также ст. 43—44 ст-ния № 22 ошибочно подверстаны к ст-нию М. Энгельгардта «В тюрьме». *Дорогой сестре* — вероятно, посвящ. адресовано одной из духовно близких женщин.

24. НвЗ. 1911, № 19, под загл. «Грешница», с вар. ст. 1—3 «Бледна, со взором, полным боли, С овалом вдумчивым чела, От мирных хижины и поля», ст. 16 «В видений легких хоровод», ст. 23 «И взором милующим брата». - - Песнослов, 1. ЛН, по беловому автографу — РГАЛИ, приложенному вместе со ст-ниями 32—43 к письму Блоку из дер. Желвачёва от нояб. — дек. 1908 г. без загл., первоначальная ред., вместо ст. 1—3 ст.:

Ты разлюбила мир иконы,
Мерцанье кроткое лампад,
Собора белые колонны
И монастырский старый сад.
С тоской глубокою во взгляде,
Лицом девически светла,
В старинном клетчатом наряде

вместо ст. 11—24 ст.:

Моя квартира холостая
Пропахла пудрой и бельем.

По ней слоняешься небрежно
Ты вечерами без огня,
Зовет и тянет неудержно
Соблазном улица тебя.
Томит загадкою красивой,
Сулит грядущее простить,
И ты уходишь торопливо,
Боясь мгновенье упустить.
А утром смотришь богаделкой
Так виновато глубоко,
Берет с кричащею отделкой,
Забросив в угол далеко.
Сидишь убито, чуть не плача,
Потупив судорожный взгляд...
Тебя постигла неудача:
Из моды вышел твой наряд.

В этом письме Клюев сообщал Блоку: «Посылаю В<иктору> С<ергеевичу> М<иролюбову> эту рукопись. Стихотворение "Ты разлюбила" он похвалил, но не успел поместить (см. примеч. 19), а потому присылаю его Вам. Извините за беспокойство, за мою навязчивость. Быть может, всё скоро отойдет от меня». В библиографическом очерке Грунтова А. К. «Книги Николая Клюева» (Св. 1980, № 8.), по другому беловому автографу — РГБ, с такой же ред., вместе со ст-ниями 34, 61, 67, 86, приложенному к письму Брюсову из Вытегорского уезда около 30 нояб. 1911 г. Третий беловой автограф — ИРЛИ, без загл., с вар. ст. 20 «Стопы сладчайшего Христа», без строф 2, 3. *Миролюбов* Виктор Сергеевич (1860—1939) — литератор, издатель, редактор и инициатор демократических журналов «Журнал для всех», «Трудовой путь». «Заветы», «Современник», «Ежемесячный журнал». Своим утверждением в литературе Клюев во многом обязан Миролюбову. *В слезах лобзает Магдалина Стопы пречистого Христа* — намек на эпизод о грешнице из Евг. от Лк. (VII, 37—39, 44—50), в котором рассказывается, как Христос простил грешницу. Имя ее не названо, но по церковной традиции, этот эпизод стали связывать с Марией Магдалиной, из которой Господь изгнал семерых бесов. Из чувства благодарности к Нему она присоединилась к немногим благочестивым женам, которые сопровождали Иисуса Христа во время Его земной жизни. Мария Магдалина присутствовала на казни Спасителя. После воскресения Он явился ей прежде дру-

гих. По преданию, она проповедовала евангелие в Риме, принесла жалобу римскому императору Тиберию на Понтия Пилата и поднесла ему красное яичко — символ страдания и воскресения Иисуса Христа. Память 22 июля (4 авг.). Положено на музыку В. И. Панченко.

25. БрП, 1. ЛН, по беловому автографу — РГАЛИ, с посвящ. «...брату», приложенному вместе со ст-нием № 26 к письму Блоку из дер. Желвачёва от 16 мая 1908 г., первоначальная ред., перед ст. 1 дополн. строфы:

Зеленеют травкою могилы,
Голубеют талые кресты...
Я принес тебе, мой милый,
Росный ладан и цветы.
Не грусти о прошлом невозвратном,
Ты нетленно светел навсегда,
Чьи-то руки ткут в огне закатном
Для тебя бессмертия года.

между ст. 4—5 дополн. строфа:

Убелись, душа моя, белее,
Позабудь печаль и суету,
Возвращусь я прежнего святее
Целовать заветную плиту.

Другой беловой автограф — ИРЛИ. *Брату* — это не конкретное посвящение, а обобщенное обращение к духовно близкому человеку. Положено на музыку В. И. Панченко.

26. ЛН, по беловому автографу — РГАЛИ, приложенному вместе со ст-нием № 25 к тому же письму к Блоку, что и № 25, с искажением в ст. 19 «багряную» вместо «багровую». *Брату* — см. предыдущее примеч.

27. ЗР. 1908, № 10, с вар. ст. 11 «Сквозь паутину занавески». - - Песнослов, 1. Беловой автограф — РГАЛИ, приложен вместе со ст-ниями 28—31 к письму Блоку из дер. Желвачёва от середины сент. 1908 г. (ЛН. С. 475). После ст-ния дата: сентябрь 1908. Отнесение ст-ний 27, 28 К. М. Азадовским (ЛН. С. 468, 475) к 1907 г. не мотивировано. В письме от окт.—нояб. 1907 г. Клюев писал: «Присылаю Вам еще стихотворений...» (С. 466), а в письме от середины сент. 1908 г. он отмечал: «Некоторые я, кажется, уже посылал Вам, теперь — в переделанном

виде» (С. 474). Ни в первом, ни во втором случаях поэт не дает пояснений о каких ст-ниях идет речь, нет и косвенных подтверждений, чтобы ст-ния 27, 28 отнести к 1907 г. Положено на музыку В. И. Панченко.

28. ЗР. 1908, № 10, с вар. ст. 2 «Картины неба рисовал». - - Песнослов, 1. Беловой автограф — РГАЛИ, с надписью «Посвящается Л. Д. Семенову», приложен вместе со ст-ниями 27, 29—31 к тому же письму Блоку, что и № 27. Рядом с этим ст-нием Блок красным карандашом сделал помету: «»Зол<отое> Руно». 1908, № 10». *Семенов* Леонид Дмитриевич (1880—1917) — поэт-символист, драматург, племянник известного русского географа П. П. Семенова-Тян-Шанского, участвовал в деятельности Крестьянского союза, куда входил и Клюев, позже оставил литературу и ушел «в народ». Убит в революцию крестьянами. Семенов способствовал появлению ст-ний Клюева на страницах журн. «Трудовой путь». Положено на музыку В. И. Панченко.

29. БС. 1909, № 5, под загл. «Современная былина», с вар. ст. 58—59 «Тучка сизая заплакала, Сизым бисером прокапала», ст. 67—68 «Царство белое, кручинное, Всё столбами огорожено», между ст. 68—69 дополн. ст.:

Меж столбов брусы дубовые,
Поперечины положены,
Петли новые пеньковые
Хомутами заморожены.

вместо ст. 69—74 цензурный пропуск заменен шестью рядами точек, ст. 78 в слове «немогутною» опечатка. - - ЛБ, 12, под загл. «Лесная быль», с теми же вар. и цензурным пропуском. - - Песнослов, 1. ЛН, по беловому автографу — РГАЛИ, под загл. «Песня девушки», приложенному вместе со ст-ниями 27, 28, 30, 31, к тому же письму Блоку, что и № 27, первоначальная ред., с вар. ст. 15 «Выйду в гуне — старой рибуше», ст. 31 «Забежало частой раскою», ст. 35 «На гулянье красовитое», ст. 38—39 «Молодцы недоцелованы, Запотай недолюбованы», ст. 58—59 «Тучка сизая заплакала, Слезным бисером прокапала», ст. 67 «Царство белое кручинное», вместо ст. 68—74 ст.:

Всё столбами огорожено.
Меж столбов брусы дубовые —

Петли новые пеньковые
Хомутами заморожены.
Кто завечен Свету Белому,
Доброрадью человечьему,
Кто в пустыне верным пастырем,
На земле смиренным пахарем,
В темну ночь оборонителем,
Во миру честном рачителем,
Молит Солнышко тихошенько,
Чтоб пекло оно теплёшенько,
Чтобы малому и старому
Была жира привольжная,
Чтоб ни тварь в лесу голодная,
Ни гадюка подколодная,
Не кусали и не жалили,
А Свят Духа Бога славили,
Тот головушку безвинную
Залагает во петелочку,
И казнят его без милости
Палачи немилосердные.

Сверху над ст-нием рукой Блока простым карандашом сделана помета: «Пос<лал> 24. II в "Бодрое слово"». *Обидин плач* — образ восходит к «Слову о полку Игореве»: «Въстала Обида в силах Дажь-Божа внука, *вступила* дѣвою на землю Трояню, въсплескала лебедиными крылы на синѣм море у Дону...» и близок по значению слову «горе». В 20-е гг., вспоминая свой первый сб. «Сосен перезвон» и особенно выделяя в нем ст-ния № 29 и 30, Клюев отметит: «Я не нашел более приятных способов выражения Блоку своей приязни, как написав стихи в его блоковской излюбленной форме и чувстве. Стихи эти написаны мной совершенно сознательно по-блоковски, а вовсе не оттого, что я был весь пронизан его стихотворной правдой. В этой же книге "Сосен перезвон" наряду со стихами, посвященными Блоку и написанными по-блоковски, имеются песни "О Соколе и трех птицах Божиих", "В красовитый летний праздничек", которые только глупец или бесчестный человек обойдет молчанием, как порождение иного мира, земли и ее совести, которые суть подлинная моя стихия.

И если разные Городецкие с длинным языком, но коротким разумом, уверяют публику, что я родился из Блока, то сие явление вытекает от скудного и убогого сердца, которого не посещала лю-

бовь, красота и Россия как песня» (Цит. по статье Азадовского К. М. «О “народном поэте” и “святой Руси” («Гагарья судьбина» Николая Клюева)» // НЛО. 1993. № 5. С. 91).

30. БС. 1909, № 7, с вар. ст. 17—21:

Облетели море около,
Мимо острова Буянного,—
Не видали ль злого Сокола —
Душегуба окаянного?
Отвечали птицы умные

между ст. 25—26 дополн. ст.:

Мы летели мимо острова,
Миновали море около,
А не видли змея пестрого,
Что ль того лихого Сокола.
Только волны белогривые
Принесли нам слухи верные —
Вои гулкие, пещерные.

с вар. ст. 29—30 «Схоронился же на росстани, А навис погодной тучею», ст. 46 «Мы слетались птицы мудрые», ст. 79 «Кирпичу с руды натяпает», ст. 90 «Полечу в обитель райскую», ст. 97 «Подотрет слезу рубахою». - - ЛБ, 13. Беловой автограф — РГАЛИ, приложен вместе со ст-ниями 27—29, 31 к тому же письму Блоку, что и № 27, с вар. аналогичными БС. Отправляя его Блоку, Клюев спрашивал поэта: «Что вы думаете про такое стихотворение, как моя “Песня о царе Соколе и о трех птицах Божиих”? Можно ли так писать — не наивно ли, не смешно ли?» Сверху на текстом ст-ния простым карандашом рукой Блока написано: «Посл<ал> 24. II в “Бодрое слово”».

31. ЛБ, 13, под рубрикой «Песни». - - МК. ЛН, по беловому автографу — РГАЛИ, под загл. «Осенняя сказка», приложенному вместе со ст-ниями 27—30, к тому же письму Блоку, что и № 27, первоначальная ред., с вар. ст. 1—2 «Сдивовалась девушка, Бедушка стряслась», ст. 4 «Кровью изошлась», вместо ст. 17—24 ст.:

Не узнать без знахаря
Тяготу обид...
Труп кровавый пахаря
В полюшке лежит.

С заунывным шорохом
Стелется трава,
И ружейным порохом
Пахнет синева.
Кутает долинушку
Заревой багрец...
Видела осинушка
Пахаря конец.
И горючей жалостью
В сердце пронзена,
До корней кровавостью
Изошлась она.

Рядом со ст-нием приписка рукой Блока красным карандашом: «Пос<лал> 10. XI в «Лебедь»». В московском журн. «Лебедь» ст-ния Клюева не появились. Положено на музыку В. И. Панченко.

32. ЛН, по беловому автографу — РГАЛИ, вместе со ст-ниями 24, 33—43, приложенному к тому же письму Блоку, что и № 24.

33. СнП, 12, с вар. ст. 10 «Покрывая меди вой», ст. 15 «Под валежником, меж прутьями», ст. 17 «Дни свершилися падения», ст. 23 «И на диске солнца млечного». - - СнП, 13, с теми же вар. в ст. 17, 23. - - Песнослов, 1. ЛН, по беловому автографу — РГАЛИ, под загл. «Возвращение», с надписью «Посв<ящается> Леониду Семенову», приложенному вместе со ст-ниями 24, 32, 34—43 к тому же письму Блоку, что и № 24, с вар. вместо ст. 1—3 ст.:

Помню я обедню строгую,
Позолоту царских врат,
Свитый млечною дорогою
Ряд мерцающих лампад.
Солею, ковром покрытую,
Тени синие углов,
Над толпою, тесно сбитою,

с вар. ст. 9—10 «Но в ответ мольбе медлительной Помню: с выси голубой», ст. 13—17:

С той поры я тенью серою
По земле скитаться стал,

И уж больше с детской верою
Откровенья не искал.
Минул срок грехопадению,

ст. 19—20 «К позабытому смирению Нечестивца возвратил», между ст. 20—21 две дополн. строфы:

Был он белый и сияющий
С ветвью райскою в руке,
Перед ним, спасенья чающий,
Преклонился я в тоске.
И услышал уходящие
В вечность темную года,
Разгадал слова горящие
В книге жизни и суда.

Это ст-ние Клюев, вероятно, раньше посылал Блоку и получил ответ с замечаниями, ибо в письме от нояб.—дек. 1908 г. он отметил: «"Возвращение" переделано» (ЛН. С. 480). Письмо Блока не сохранилось, первая ред. ст-ния не обнаружена исследователями. Леонид *Семенов* — см. примеч. 28.

34. В статье Азадовского К. М. «Раннее творчество Н. А. Клюева: (Новые материалы)», по беловому автографу — РГБ, приложенному вместе со ст-ниями 24, 61, 67, 86 к тому же письму Брюсову, что и № 24, с искажением в ст. 11, «наложим» вместо «положим». Другой беловой автограф — РГАЛИ, приложен вместе со ст-ниями 24, 32, 33, 35—43 к тому же письму Блоку, что и № 24. Рукой Блока чернилами над ст-нием сделана приписка: «Пос<лал> 17. II "Слушай, земля"». В данном царицынском журн. ст-ние Клюева не появилось.

35. НвЗ. 1912, № 9/10, под загл. «Валентине Брихничевой», с вар. ст. 1 «Заревеют нагорные склоны», ст. 6 «О пустынях печали твои». - - Песнослов, 1. ЛН, по беловому автографу — РГАЛИ, приложенному вместе со ст-ниями 24, 32—34, 36—43 к тому же письму Блоку, что и № 24, первоначальная ред.:

Всё напевней и благостней звоны,
Колокольные выси темней.
Выходи на вечерние склоны
Убаюканных звоном полей.
Омрачаются дымкою ночи
В небесах заревые цветы,

Надовратного ангела кротче
Пред иконой склонилася ты.
Помолись о сияющем лете,
О светилах в пространстве ночном,
Обо всех, кто томится на свете
Одиноким во мраке глухом.
Помолись о безбурных возвратах
Моряков в океанах седых,
Об угасших в сырых казематах,
Неоплаканных, юных, святых.
Отлетят лебединые зори,
Мрак и вьюги на земли сойдут,
И на тлеюще-дымном просторе
Безнадежно молитвы замрут.

Брихничева Валентина Максимовна — жена Ионы Пантелеймоновича Брихничева (1879—1968) — поэта, писателя-популяризатора, бывшего священника, организатора журналов «голгофских христиан» «Новая земля» и «Новое вино». «Брихничев, — отмечал Клюев, — пламенный священник, народный проповедник, редактор издаваемого в Царицыне на Волге журнала "Слушай, замля!", принял меня, как брата, записал мои песни. Так появилась первая моя книга "Сосен перезвон". Брихничев же издал и "Братские песни"» (Клюев Н. Гагарья судьбина (фрагменты) ЛО. 1987. № 8. С. 104) — см. о нем: *Базанов В. Г.* Трудная биография // Зв. 1979. № 12. С. 176—188.

36. НвЗ. 1912, № 3/4, с вар. ст. 1 «Как звезде, крылатой тучке», ст. 8 «За окном осенний куст». — БрП, 1. ЛН, по беловому автографу — РГАЛИ, приложенному вместе со ст-ниями 24, 32—35, 37—43 к тому же письму Блоку, что и № 24, первоначальная ред., вместо ст. 1—7 ст.:

И опять я мудро весел,
Синеок, как глубь озер.
На сафьяне старых кресел
Тот же дремлющий узор.
Те же ветхие обои
Догорают в тишине,
Но в беззвучности покоя
Роковое мнится мне:
Поцелуй и шепот клятвы,
Умереть и жить любя,—

Накануне судной жатвы.
Побелевшие поля.
Кто я? Кто я невечерний,
Не рассветный, не дневной,
В Отчем Царствии последний,
На земле полусвятой?
И не станет ли, как тучке,
Мне родною синева...
На терновника колючке
Кровь — заметная едва.

с вар. ст. 8 «За окном терновый куст», ст. 11—12 «Надо тело восковое На заклание отдать». Другой беловой автограф — ИРЛИ, с вар. ст. 8 «За окном колючий куст». Третий беловой автограф — ИРЛИ.

37. ЛН, по беловому автографу — РГАЛИ, с надписью «Посвящается А. Блоку», приложенному вместе со ст-ниями 24, 32—36, 38—43 к тому же письму Блоку, что и № 24. Эпиграф — из «Божественной комедии» Данте («Чистилище», песнь 16, ст. 98—99). Перевод О. Д. Чюминой (1901). По мнению Данте, истинный град есть град доброй жизни. Башня — означает основные социальные обязанности.

38. НвЗ. 1911, № 18. - - ЗВ. 1919, 1 нояб., в подборке «Октябрьские листья», без загл. - - Песнослов 1. Беловой автограф — РГАЛИ, приложен вместе со ст-ниями 24, 32—37, 39—43 к тому же письму Блоку, что и № 24. Другой беловой автограф — ГЛМ, загл. зачеркнуто, подпись: Николай Клюев. Положено на музыку В. И. Панченко.

39. СнП, 12. Беловой автограф — РГАЛИ, под загл. «Зимняя сказка», с посвящ. «Елене Добролюбовой», приложен вместе со ст-ниями 24, 32—38, 40—43 к тому же письму Блоку, что и № 24, с вар. ст. 30—32 «Когда неузнанно в ночи Придут, довольные удачей, И за тобою палачи». Рядом с посвящ. Блок красным карандашом поставил знак †. *Добролюбова* Елена Михайловна (1882—?) — сестра известного поэта-символиста Александра Добролюбова, окончила специальные педагогические курсы Смольного института в Петербурге, была религиозно настроенным человеком, принимала участие в революционных собы-

тиях 1905—1906 гг. *Сестра, погибшая в бою* — по всей вероятности, намек на одну из сестер Добролюбовых Марию Михайловну (1880—1906) — педагога, автора стихов, активную участницу первой русской революции, неожиданно скончавшуюся вскоре после выхода из тульской тюрьмы. Блок писал о ней: «Главари революции слушали ее беспрекословно, будь она иначе и не погибни,— ход русской революции мог бы быть иной» (*Блок А. А.* Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1963. Т. 7. С. 115).

40. НвЗ. 1911, № 10, с вар. ст. 22 «Облечу вселенной храм»- - Песнослов, 1. Беловой автограф — РГАЛИ, приложен вместе со ст-ниями 24, 32—39, 41—43 к тому же письму Блоку, что и № 24, под загл. «Из книги "Откровения"», без эпиграфа, с тем же вар. ст. 22. Положено на музыку В. И. Панченко.

41. В статье Азадовского К. М. «Раннее творчество Н. А. Клюева: (Новые материалы)», по беловому автографу — РГАЛИ, приложенному вместе со ст-ниями 24, 32—40, 42, 43 к тому же письму Блоку, что и № 24, с искажениями в ст. 4, «за дугою» вместо «золотую», ст. 19 «вы» вместо «все». Положено на музыку В. И. Панченко.

42. ЛН, по беловому автографу — РГАЛИ, приложенному вместе со ст-ниями 24, 32—41, 43 к тому же письму Блоку, что и № 24.

43. ЦЖ. 1909, 29 марта, под загл. «Под вечер», с вар. ст. 2 «Опояшусь кожаным ремнем», ст. 6 «Синий вечер, дрему стен», ст. 8 «На окне лиловый бальзамен», ст. 31 «Сон души! То заводи речные», ст. 33—35 «Сердца сон неистово нелепый! По оврагам бродит ночи тень, И слезятся жалобно и слепо». - - СнП, 13, без загл., с теми же вар. - - Песнослов, 1. Беловой автограф — РГАЛИ, под загл. «Под вечер» приложен вместе со ст-ниями 24, 32—42, к тому же письму Блоку, что и № 24. Блок красным карандашом вычеркнул между ст. 4—5 строфу:

На камнях затеют тени пляску,
За стеной чиликнет воробей,
Искривятся судорожно маски
В золотистом свете фонарей.

Рядом со ст-нием Блок чернилами сделал приписку: «17. II пос<лал> в "Слушай, земля"». В этом царицынском журн. ст-ние Клюева не появилось. Другой текст — ИРЛИ, ст. 1, 2, 33—36 выполнены Клюевым от руки, ст. 3—32 типографский оттиск, в ст. 6 вместо счищенной фразы вписано слово «паутин». *Не вовремя косынька На две расплелась!* На Руси девушка до замужества заплетала свои длинные волосы в одну косу. В день свадьбы девушке расплетали косу и заплетали две косы, и с этих пор она уже замужняя женщина.

44. Соч. 2, по беловому автографу — ИРЛИ. В апр. 1909 г. Клюев отправил Блоку письмо из дер. Желвачёва, приложив к нему ст-ния 44, 45 и 46, о судьбе которых поэт с беспокойством спрашивал в следующем письме Блоку в нач. июля 1909 г. (ЛН. С. 491). Ст-ния 44 и 45 в архиве Блока не сохранились.

45. Соч. 2, по беловому автографу — ИРЛИ. О датировке см. примеч. 44. *Е. Д.* — Елена Добролюбова — см. примеч. 39.

46. НвЗ. 1912, № 15/16, под загл. «Змей» и подзаголовком «Из серии "Тюрьма"», без членения на строфы, с вар. ст. 7 «В жизни тяжкую разлуку», между ст. 10—11 дополн. ст.:

До зари во мгле суровой
Буду грезить жизнью новой
В царстве благостных теней.
Просветленный, не услышу,
Как крылом неволи нишу
Осенит Убийца-Змей,

с вар. ст. 15 «Я бессмертья вожделею», ст. 19 «Средь немеркнущих полей». - - БрП, 1. Беловой автограф — РГАЛИ, под загл. «Змей», приложен вместе со ст-нием № 47 к тому же письму Блока, что и № 44.

47. БС. 1909, № 17. Беловой автограф — РГАЛИ, приложен к письму Блоку из дер. Желвачёва от апр. 1909 г. (ЛН. С. 490). *Адамов грех* — в Ветхом завете человек и отец рода человеческого, нарушив предписание Бога, вкусил вслед за женою Евою в раю запретный плод с древа познания добра и зла, за что вместе с нею был лишен бессмертия и изгнан из рая.

48. НвЗ. 1911, № 22, под загл. «На волнах», с вар. ст. 7 «Крест, Голгофа и палач». - - БрП, 1, без загл., с тем же вар. - - Песнослов, 1. Беловой автограф — РГАЛИ, под загл. «На волнах», приложен вместе со ст-ниями 49—52, к письму Блоку из дер. Желвачёва от конца сент. 1909 г., с вар. ст. 6—7 «Что-то розово и юно; Плаха, петля и палач». Другой беловой автограф — ИРЛИ, без второй строфы. *Голгофа* — холм на северо-западе от Иерусалима, на котором был распят Иисус Христос. По церковному преданию, здесь погребен Адам. Иносказательно: нравственные страдания, мучения, подвижничество.

49. ЛА, под рубрикой «Песни», под загл. «Девичья», с вар. ст. 1 «Вы, белила-румяны мои». - - ЛБ, 13, первое ст-ние из цикла «Девичья». - - Песнослов, 1. Беловой автограф — РГАЛИ, под загл. «Девичья песня», с тем же вар., приложен вместе со ст-ниями 48, 50—52, к тому же письму Блоку, что и № 48. Положено на музыку В. И. Панченко.

50. ЛА, под рубрикой «Песни», под загл. «Теремная». - - ЛБ, 13. Беловой автограф — РГАЛИ, под загл. «Песня», приложен вместе со ст-ниями 48, 49, 51, 52 к тому же письму Блоку, что и № 48, с вар. ст. 2 «Что ль в красивой слободе».

51. НвЗ. 1912, № 9/10, под загл. «Под ветром». - - БрП, 1. Беловой автограф — РГАЛИ, под загл. «Под ветром», приложен вместе со ст-ниями 48—50, 52 к тому же письму Блоку, что и № 48, с вар. ст. 10—11 «Тверд в решеньи, как скала, Изо всех сестер-царевен». с вар. ст. 17—20:

Пусть же бег за мглу седую
И твоя душа стремит,
Сказку синюю, морскую
Наяву осуществит.

Другой беловой автограф — ИРЛИ.

52. ЛН, по беловому автографу — РГАЛИ, приложенному вместе со ст-ниями 48—51 к тому же письму Блоку, что и № 48.

53. СнП, 12, под загл. «У очага», с вар. ст. 10 «На елей меркнет бахроме», ст. 16 «А мне умолкший карабин», ст. 24 «Зимы затмят-

ся серебром». - - СнП, 13, без загл., с теми же вар. - - Песнослов, 1. В статье Базанова В. Г. «“Олонецкий крестьянин” и петербургский поэт» // Базанов В. Г. Фольклор. Русская поэзия начала XX в. Л., 1988. С. 215, по беловому автографу — РГАЛИ, под загл. «На пороге зимы», приложенному к письму Блоку из дер. Желвачёва от 22 янв. 1910 г., с теми же вар. ст. 10, 16, что и в СнП, 12. Рукой Блока чернилами сбоку сделана приписка: «Получ<ил> 26. 1. 1910».

54. В статье Базанова В. Г. «“Олонецкий крестьянин” и петербургский поэт» (С. 232), по беловому автографу — РГАЛИ, приложенному к письму Блоку из дер. Желвачёва от апр.—мая 1910 г., с искажением в ст. 6 «народившемся» вместо «неродившемся». Уточнено по тому же автографу.

55. СнП, 12. Беловой автограф — РГАЛИ, под загл. «Отверженной», вместе со ст-ниями 56, 57 при письме Блоку из дер. Желвачёва от июня 1910 г. и общей датой под ст-ниями: май 1910. Положено на музыку В. И. Панченко.

56. ЛН, по беловому автографу — РГАЛИ, вместе со ст-ниями 55, 57 при том же письме Блоку, что и № 55.

57. СнП, 12, с вар. ст. 15 «Зажгу с земли материка». - - Песнослов, 1. Беловой автограф — РГАЛИ, вместе со ст-ниями 55, 56 при том же письме Блоку, что и № 55. Положено на музыку В. И. Панченко.

58. НвЗ. 1911, № 9, с надписью «Посвящается русской интеллигенции», с вар. ст. 13 «Ласка девичья природы». - - СнП, 12, без надписи, с тем же вар. - - Песнослов, 1. Беловой автограф — РГАЛИ, под загл. «Голос из народа», приложен вместе со ст-ниями 59—64, 88 к тому же письму Блоку, что и № 55, с тем же вар. в ст. 13, что и в НвЗ. Полемическое ст-ние поэта, вероятнее всего, навеяно строками из книги П. Ф. Якубовича «В мире отверженных»: «Как он могуч и как вместе темен и слеп, этот несчастный труженик-народ, и как жалка ты, зрячая интеллигенция, пылающая горячей любовью к нему, мечтающая о вселенском братстве и счастье, но имеющая такие слабые руки, такую ничтожную волю для осуществления высокого идеала! Кричи, плачь, взывай — *твои вопли бесплодно замрут в глухом лабиринте действительнос-*

ти (курсив мой — *В. Г.*) и не будут услышаны титаном, оглушаемым дикой музыкой своей повседневной работы, этими звуками, от которых вздрагивает мать-земля и с нею наше бессильное, пугливое сердце...» (*Мельшин Л.* (*П. Ф. Якубович*). В мире отверженных. Записки бывшего каторжника: В 2 т. СПб., 1907. Т. 1. С. 236).

59. БрП, 1. ЛН, по беловому автографу — РГАЛИ, под загл. «За гранью», приложенному вместе со ст-ниями 58, 60—64, 88 к тому же письму Блоку, что и № 55, между ст. 12—13 дополн. строфа:

Пусть не в жизни темных гнездах
Отсияет страсть моя...
Как дитя, улыбчив воздух,
Сладок лепет ковыля.

Другой беловой автограф — ИРЛИ.

60. СнП, 12,. с вар. ст. 6 «Скорбь и траура венки» - - Песнослов, 1. ЛН, по беловому автографу — РГАЛИ, приложенному вместе со ст-ниями 58, 59, 61—64, 88 к тому же письму Блоку, что и № 55, между ст. 4—5 две дополн. строфы:

Сестры-ели над лачугой
Протянули полога,
Затмевают лунной вьюгой
Свечеревшие снега.
Предадим же души пленные
Ночи, призракам седым,
Сны певучие, мгновенные
О грядущем предадим.

с вар. ст. 6, как и в СнП, 12. Другой беловой автограф — РГАЛИ, дата: 23 мая 1923.

61. БрП, 1. Беловой автограф — РГАЛИ, приложен вместе со ст-ниями 58—60, 62—64, 88 к тому же письму Блоку, что и №55. Другой беловой автограф — РГБ, приложен вместе со ст-ниями 24, 34, 67, 86 к тому же письму Брюсову, что и № 24.

62. НвЗ. 1912, № 13/14, под загл. «На рассвете», с вар. ст. 10 «Трубит победу в смертный рог», ст. 18—19 «И стража тело бережет; Душа моя покой развалин». - - БрП, 1, без. загл., с тем

же вар. в ст. 10. - - Песнослов, 1. Беловой автограф —РГАЛИ, под загл. «На рассвете», приложен вместе со ст-ниями 58—61, 63, 64, 88 к тому же письму Блоку, что и № 55, с вар. ст. 16 «Распятью преданный жених», с теми же вар. в ст. 10, 18, 19, что и в НвЗ. *Пока из мертвых не восстанет Гробнице преданный жених* — речь идет об Иисусе Христе, который, по Евангелию, после распятия на кресте и погребения должен будет «в третий день воскреснуть» (Лк. IX, 22).

63. ЛН, по беловому автографу — РГАЛИ, приложенному вместе со ст-ниями 58—62, 64, 88 к тому же письму Блоку, что и № 55.

64. СнП, 12, под загл. «На пороге жизни», с вар. ст. 19 «К уборке зимней винограда», ст. 23 «И наших рук пробитых гвозди». — СнП, 13, без загл., с теми же вар. - - Песнослов, 1. Беловой автограф — РГАЛИ, под загл. «Последний день», приложен вместе со ст-ниями 58—63, 88 к тому же письму Блоку, что и № 55, с вар. ст. 12 «Тебе душой принадлежать», ст. 13 «Ласкать, как в прошлом, эти руки», ст. 19 и 23 с теми же вар., что и в СнП, 12. К этому ст-нию Клюев сделал приписку: «Я всё не могу отделаться от тюремных кошмаров, как-то невольно пишется всё больше о них» (ЛН. С. 498) — см. примеч. 13. Другой текст — ИРЛИ, строфы 1—4 типографский оттиск, строфы 5 и 6 выполнены Клюевым от руки, с вар. ст. 22 «Пока звенит предсмертный час». Третий беловой автограф — ИРЛИ, строфы 5 и 6, с вар. ст. 17—18 «Душе единственное надо По завершению конца», ст. 22 «Пока иссякнет крестный час».

65. ЛН, по беловому автографу — РГАЛИ, приложенному вместе со ст-ниями 66—75 к письму Блоку из дер. Желвачёва от 5 нояб. 1910 г.

66. БрП, 1, третье ст-ние из цикла «На отлете». ЛН, по беловому автографу — РГАЛИ, под загл. «Осенняя разлука», приложенному вместе со ст-ниями 65, 67—75 к тому же письму Блоку, что и № 65, с вар. ст. 8 «Сердца боль угомонит», ст. 11—12 «По тебе я, голубица, Закручинившись, вздохну», ст. 13—16:

Нам недолго сердце маять —
Из безоблачных сторон

От тебя я буду чаять
С первой ласточкой поклон.

67. БрП, 1, второе ст-ние из цикла «На отлете». - - МК. ЛН, по беловому автографу, — РГАЛИ, под загл. «На отлете», приложенному вместе со ст-ниями 65, 66, 68—75 к тому же письму Блоку, что и № 65, с вар. ст. 3 «Ты, как прежде, ясна, хороша», между ст. 4—5 дополн. строфа:

От меня неневестная ты
Не отходишь ли к Брака Чертогу...
Отряхают березы листы,
И на юг флюгер кажет дорогу.

с вар. ст. 6—8 «Журавли над болота равниной... Как со мною, тебя эшафот Не разлучит с отчизны кручиной». Другой беловой автограф — РГБ, приложен вместе со ст-ниями 24, 34, 61, 86 к тому же письму Брюсову, что и № 24. Третий беловой автограф — ИРЛИ.

68. С. 1912, № 12, под загл. «Сказка» с вар. ст. «Ветхая ставен резьба», ст. 3 «Тебе, голубка, судьба». - - ЛБ, 13, под загл. «Сказка», с вар. ст. 1 «Ветхая ставень резьба». - - Песнослов, 1. ЛН, по беловому автографу — РГАЛИ, под загл. «Сказка», приложенному вместе со ст-ниями 65, 66, 68—75 к тому же письму Блоку, что и № 65, с вар. ст. 2 «Кровли речной шеломок», ст. 3 «Тебе или мне судьба», между ст. 8—9 дополн. ст.:

Подойди же к калитке ворот
Звякнуть заклятым кольцом.
День за днем и за годом год
Протекут в затишьи немом.
По зиме в теремок прибреду
Про свои поведать вины
И глухую старуху найду
Вместо синей, звенящей весны.

без ст. 9—12.

69. НвЗ. 1912, № 5/6. ЛН, по беловому автографу — РГАЛИ, под загл. «На распутье», приложенному вместе со ст-ниями 65—68, 70—74 к тому же письму Блоку, что и № 65. Другой беловой автограф — ИРЛИ.

70. ЛН, по беловому автографу — РГАЛИ, приложенному вместе со ст-ниями 65—69, 71—75 к тому же письму Блоку, что и № 65.

71. ЛН, по беловому автографу — РГАЛИ, приложенному вместе со ст-ниями 65—70, 72—75 к тому же письму Блоку, что и № 65. *От Печерских пробираюсь.* На святой Руси было возведено три м-ря, называющиеся Печерскими: Киево-Печерский (осн. преподобным Антонием в подземных пещерах в 1051 г.); Печерский Вознесенский (осн. монахом Киево-Печерского м-ря св. Дионисием в 1328—1330 гг.), находящийся между Нижним Новгородом и слободою Старыми Печерами, и Псковско-Печерский (осн. преподобным Ионой в 1470 г.). *К Соловецким на поклон.* На Соловецком о-ве преподобным Савватием вместе с преподобным Германом в 1429 г. был основан Соловецкий Преображенский м-рь близ горы Секирной.

72. НвЗ. 1911, № 25, под загл. «Духу Святому». - - БрП, 1. ЛН, по беловому автографу — РГАЛИ, под загл. «Духу Святому», с подзаголовком «Песнь предсмертная», приложенному вместе со ст-ниями 65—71, 72—75 к тому же письму Блоку, что и № 65, с вар. ст. 22—27:

Белого духа
Устами моего сердца
Поют небо и земля...
Чья это старуха
Ест младенца?
А! Петля!

73. БрП, 1, первое ст-ние из цикла «На отлете». - - Песнослов, 1. ЛН, по беловому автографу — РГАЛИ, под загл. «Под осеннею луной», приложенному вместе со ст-ниями 65—72, 74, 75 к тому же письму Блоку, что и № 65, перед ст. 1 дополн. строфа:

Мерно стукает машинка,
Что-то дальнее поет,
Букв оттиснутых тропинка
Нас к бессмертию ведет.

74. НвЗ. 1911, № 14, под загл. «Изгнанник», с вар. ст. 2 «В надмирном ангелов жилище», ст. 8 «В лесной блуждающей пус-

тыне», ст. 10 «Душе в изгнания юдоли», ст. 19—20 «За что посрамленный навек Я рая светлого лишился». - - СнП, 13, без загл., с теми же вар. - - Песнослов, 1. ЛН, по беловому автографу — РГАЛИ, под загл. «Что листья осени шептали...», приложенному вместе со ст-ниями 65—73, 75 к тому же письму Блоку, что и № 65, ст. 1—12 являются первоначальной ред.:

Я до рожденья был крылат
В надмирном ангелов жилище.
И райских кринов аромат
Мне был усладою и пищей.
Но смертной матерью рожден
И человеком ставший ныне,
Люблю я сосен перезвон
В лесной блуждающей пустыне.
Светил заоблачных милей
Мне тучи медленные стали,
И крик осенних журавлей,
Чем душ, представленных печали.

Другой текст — ИРЛИ, строфы 1, 2 выполнены Клюевым от руки; строфы 3, 4, 5 типографский оттиск, с вар. ст. 20 «Я рая светлого лишился». Положено на музыку В. И. Панченко.

75. Хм. 1913, № 7/9. ЛН, по беловому автографу — РГАЛИ, под загл. «Что листья осени шептали...», приложенному вместе со ст-ниями 65—74 к тому же письму Блоку, что и № 65, ст. 13—24 являются первоначальной ред.:

Трудом рыбачьим проживя
У моря зим и весен много,
Седой и мудрый, как дитя,
Сижу у хижины порога.
Как эхо гор и крики цапль
Над море жалостны сегодня...
Прибудет к берегу корабль
И... воля сбудется Господня.
На труп простертый листопад
Сухих навеет листьев груду...
Я до рожденья был крылат
И по отбытьи светел буду.

Другой беловой автограф — РГАЛИ вместе со ст-ниями 75, 94—96 объединен общей надписью: «Посв<ящается> Гумилевой».

Гумилева — по мужу, *Ахматова* Анна Андреевна (1889—1966) — русский поэт. Знакомство Клюева с нею состоялось в редакции журн. «Аполлон» осенью 1911 г. Вскоре после этого Клюев написал Ахматовой письмо: «Извините за беспокойство, но меня потянуло показать Вам эти стихотворения, так как они родились только под впечатлением встречи с Вами. Чувства, прихлынувшие помимо моей воли, для меня новость, открытие. До встречи с Вами я так боялся такого чувства, теперь же боязнь исчезла, и, вероятно, напишется больше в таком духе. Спрашиваю Вас — близок ли Вам дух этих стихов? Это для меня очень важно» (*Швецова Л.* Николай Клюев и Анна Ахматова // ВЛ. 1980, № 5. С. 304). Но Клюев, видимо, так и не решился отправить стихи и письмо, и они остались в его архиве. Положено на музыку В. И. Панченко.

76. НвЗ. 1911, №1, под загл. «Жнецы», с эпиграфом, с вар. ст. 6—7 «В гробовой измены час, Смерти ужасом объятых». - - СнП, 13, без загл., без эпиграфа, с теми же вар. - - Песнослов, 1. Эпиграф — из ст-ния А. В. Кольцова «Пахарь» (1831). По мнению Клюева, «Кольцов — тот же Васнецов: пастушок играет на свирели, красна девка идет за водой, мужик весело ладит борону и соху; хотя от века для земледельца земля была страшным Дагоном: недаром в старину духу земли приносились человеческие жертвы. Кольцов поверил в крепостную культуру и закрепил в своих песнях не подлинно народное, а то, что подсказала ему усадьба добрых господ, для которых не было народа, а были поселяне и мужички.

Вера Кольцова — не моя вера, акромя "жаркой свечи перед иконой Божьей Матери"» (ИРЛИ, Клюев Н. А., Р. 1. Оп. 12. № 681. Л. 72). Положено на музыку В. И. Панченко.

77. НвЗ. 1911, № 2, с вар. ст. 7 «Из-за полога выглянь сосны», ст. 10 «Грудь и профиль задумчиво кроткий», ст. 13—14 «Про бубенчик в изгнанье пути, Про бегущие родины дали». - - Песнослов, 1. Беловой автограф — ИРЛИ. Положено на музыку В. И. Панченко.

78. НвЗ. 1911, № 8, под загл. «К родине», с эпиграфами, с вар. ст. 11 «Для поэтического слуха». - - СнП, 13, без эпиграфов, с теми же вар. - - Песнослов, 1. Первый эпиграф — из ст-ния

А. В. Кольцова «Песня» (1839). Второй эпиграф — из ст-ния А. В. Кольцова «К другу» (1830). *О, кто ты, родина? Старуха? Иль властнокая жена?* — перекличка со ст-нием А. А. Блока «Река раскинулась. Течет, грустит лениво...» (1908): «О, Русь моя! Жена моя!..» «*Чтоб в тайники твоих раздолий Открылись торные пути?* — реминисценция строк ст-ния А. А. Блока «Балаган» (1906): «Чтоб в край моих заморских песен Открылись торные пути».

79. НвЗ. 1911, № 12, под загл. «Мученик», с вар. ст. 6 «Денницей вспыхнет златотканной». - - СнП, 12, с тем же загл. - - СнП, 13. - - МК, с тем же загл. - - Песнослов, 1. *Как вора дерзкого меня* — из ст-ния Леонида Семенова «Проклятие» (1907). Положено на музыку В. И. Панченко.

80. НвЗ. 1911, № 13, с вар. ст. 10 «Смерти ль костлявая тень», ст. 12 «В ризах огнистых, как день?» - - Песнослов, 1. Другой текст — ИРЛИ, строфы 1, 2 типографский оттиск, строфы 3, 4 выполнены рукой Клюева, с вар. ст. 10 «Злая загробная тень?», ст. 12 «Пламеннокрылей чем день?»

81. НвЗ. 1911, № 15/16. - - МК, с вар. ст. 17 «Работник родины свободный». - - Песнослов, 1. Положено на музыку В. И. Панченко.

82. НвЗ. 1911, № 17, под загл. «Зимняя сказка». - - СнП, 12. - - ЕЖ. 1917, № 5/6, с надписью: «Посв<ящается> Марии Спиридоновой», с эпиграфом, между ст. 4—5 две дополн. строфы:

Там безвестные дороги
Неизмерены лежат,
Молчаливые остроги
Грозно выход сторожат;

День и ночь Байкал холодный
Плещет пеной о гранит:
Вековечный стон народный
Бездна волн его таит.

с вар. ст. 17—19 «Безголосы стены-скалы, Недоступно страшен свод. Песню гневную Байкала», подпись: Крестьянин К. - - Песнослов, 1, с вар. ст. 19 «Эхо дикого простора». - - ИзП. *Спиридо-*

нова Мария Александровна (1884—1941) — русская политическая деятельница. В 1917 г. — одна из лидеров партии левых эсеров, член ее ЦК. После Октябрьской революции член III—V Всероссийских съездов Советов, избиралась членов ВЦИК и его президиума. Репрессирована и расстреляна в Орловской тюрьме. Эпиграф — из поэмы Н. А. Некрасова «Мороз, красный нос». Часть первая (1862—1863). *На всепенном скакуне* — из ст-ния А. А. Блока «Проскакала дикой степью...» (1905). Положено на музыку В. И. Панченко.

83. НвЗ. 1911, № 23. *Я бежал в простор лугов Из-под мертвенного свода* — речь идет о вражде Клюева к официальной церкви, о тяготении его к сектантам-скрытникам и староверам-беспоповцам. В письме Блоку в апр. 1909 г. Клюев подчеркивал: «Я не считаю себя православным, да и никем не считаю, ненавижу казенного бога, пещь Ваалову Церковь, идолопоклонство "слепых", людоедство верующих...» (ЛН. С. 489). *Всадник-Смерть* — образ из Откр. (VI, 8): «...конь бледный, и на нем всадник, которому имя смерть...» *Свят, свят, свят* — цитата из кн. пр. Исайи (VI,3), а также из Тропаря троичного — утренней молитвы. Положено на музыку В. И. Панченко.

84. НвЗ. 1911, № 24, под загл. «Пилигрим», с вар. ст. 30—31 «Жизни пряжу допряла И лазурную свободу». - - СнП, 13, с теми же вар. - - Песнослов, 1.

85. НвЗ. 1911, № 26. Беловой автограф — ИРЛИ. Положено на музыку В. И. Панченко.

86. СнП, 13, с вар. ст. 16 «Бассейны жёлчью потекли». - - Песнослов, 1. Беловой автограф — РНБ, без эпиграфа, приложен вместе со ст-ниями 24, 34, 61, 67 к тому же письму Брюсову, что и № 24, с тем же вар. в ст. 16, что и в СнП, 13, ст. 24 «Перед рассветом сосен звон». Эпиграф тот же, что и к ст-нию К. Д. Бальмонта «Оттуда» (1898), вольное переложение ст. 23, суры II Корана.

87. В кн.: *Брихничев И.* Христос в мировой поэзии. М., 1912 (фактически: 1911), под загл. «Пришлец», перед ст. 1 дополн. строфа:

Вот зданье мрачное с классическим фронтоном,
С гигантским куполом, увенчанным крестом.
Смиренно становлюсь в тени резной колонны —
Фигуры осенен изваянным крылом... — БрП, 1.

88—89. Александру Блоку

Клюев переписывался с Блоком, посылал ему свои ранние стихи, посещал его в Петербурге. «Я, — вспоминал Клюев, — появился в Москве, вероятно, в 1910 г., а Блок-то узнал мои стихи раньше, в рукописях, ходивших по рукам. В Москву я пришел прямо с "корабля" и весь был, как говорится, в Боге. Надо думать, какое впечатление я произвел на Блока, когда жене Городецкого он писал: "Радуйся, сестра, Христос посреди нас, — это Николай Клюев!"

Но я пришел в мир печальным, и эти люди со своей культурой, со своим образованием очень меня печалили. Чуяла душа моя, что в жизни этих людей мало правды и что придет час расплаты, страшный час.

Об этом я позже писал и Блоку: "Горе будет вам, утонете в собственной крови!"» (ИРЛИ. Р. 1. Оп. 12. № 681. Л. 144 об., 145).

1. СнП, 12, первое ст-ние из цикла «Александру Блоку», с вар. ст. 2 «Птицам звенящим рассвета», ст. 4 «Моря лазурь не одета?», ст. 7 «Злые метели зимы», ст. 10 «Шхер испытует гранит». - - Песнослов, 1. Беловой автограф — РГАЛИ, под загл. «Александру Блоку», приложен вместе со ст-ниями 34—43 к тому же письму Блоку, что и № 34. В письме от 5 нояб. 1910 г. Клюев писал Блоку: «Нравится ли Вам посвященное стих<отворение> "Верить ли песням твоим?" Как бы мне хотелось, чтобы его напечатали! Чем дальше я пишу, тем явственней становится какое-то незнакомое страдание,— когда пишу Вам, то легче» (ЛН. С. 502). Другой текст — ИРЛИ, строфа 1 выполнена рукой Клюева; строфы 2—6 типографский оттиск, ст. 7, 10 с теми же вар., что и в СнП, 12.

2. СнП, 12, второе ст-ние из цикла «Александру Блоку», с вар. ст. 2 «Багряной осени тоской», ст. 11 «И свод тюрьмы, окна решетка». - - Песнослов, 1.

90. СнП, 12, под загл. «На отлете», с вар. ст. 11 «У ограды ворот». - - СнП, 13, с тем же вар. - - Песнослов, 1. Положено на музыку В. И. Панченко.

91. СнП, 12, с опечаткой в ст. 2 в слове «сердце», с вар. ст. 9 «Вглядись в эту дымно-лиловую даль»,. ст. 13 «Потянет к загадке, к туманной мечте». - - СнП, 13, с теми же вар. - - Песнослов, 1. - - Изп, с опечаткой в ст. 2, в слове «сердце». - - Песнослов, 1. Опечатка в ст. 2 исправлена автором в экземплярах СнП, 12, подаренных В. Я. Брюсову и С. В. Кисину (РГБ) и А. А. Блоку (ИРЛИ). Текст — ИРЛИ, типографский оттиск с частичной правкой рукой Клюева в ст. 2, 9, 13. Положено на музыку В. И. Панченко.

92. СнП, 12, с вар. ст. 19 «На села ночные прохладою веять». - - Песнослов, 1. Положено на музыку В. И. Панченко.

93. СнП, 12, под загл. «У окна», с вар. ст. 2 «Платом закрыты туманным», ст. 5—6 «Сердцу полей ветерок Смерти дыханием мнится». - - СнП, 13, с теми же вар. - - Песнослов, 1. Другой текст — ИРЛИ, строфы 1, 2 выполнены рукой Клюева, с вар. ст. 5—6 «Сердцу лесной ветерок Шелестом савана мнится...», строфа 3 типографский оттиск.

94. ЛБ, 13. Беловой автограф — РГАЛИ, приложен вместе со ст-ниями 75, 95, 96 к тому же письму Клюева, что и № 75.

95. ВЛ. 1980, № 5, по беловому автографу — РГАЛИ, приложенному вместе со ст-ниями 75, 94, 96 к тому же письму Клюева, что и № 75.

96. Н: Ежемес. лит. и попул. -науч. прил. 1913, № 2, с вар. ст. 11 «Разве ветер — не ласка твоя». - - Песнослов, 1. Беловой автограф — РГАЛИ, приложен вместе со ст-ниями 75, 94, 95 к тому же письму Клюева, что и № 75.

97. НвЗ. 1912, № 1/2, с эпиграфами, с вар. ст. 4 «Серафима грозный меч», ст. 10 «На кольчугах крест горит», между ст. 16—17 дополн. строфа:

Наш удел — венец терновый,
Ослепительней зари.
Мы — соратники Христовы,
Преисподней ключари.

между ст. 20—21 две дополн. строфы:

Крест целящий, крест разящий,
Нам водитель и завет.
Брат, на гноище лежащий,
Подымись, Христос грядет!

Он не в нищенском хитоне,
И не с терном вкруг чела...
На рассветном небосклоне
Плещут ангелов крыла.

с вар. ст. 21—22 «Их заоблачные гимны, Как прибой морей звучит», ст. 24 «У предвечных рая врат». - - БрП, 1, с теми же вар. - - БрП, 2, без загл., с теми же вар. - - Песнослов, 1. Текст — ИРЛИ, строфы 1—3 выполнены рукой Клюева, ст. 4, 10 с теми же вар., что и в НвЗ, без строфы 4, между ст. 16—17 та же дополн. строфа, что и в НвЗ — типографский оттиск, между ст. 20—21 те же две дополн, строфы, что и в НвЗ — типографский оттиск, строфа 6 выполнена рукой Клюева, ст. 21, 22, 24 с теми же вар., что и в НвЗ. Первый эпиграф, с пометой «Из писаний Павла Тарсянина» — цитата из Первого послания апостола Павла к Коринфянам (XV, 55), уроженца малоазийского г. Тарса (ныне Тарсус, Турция). Другой эпиграф, с пометой «Из пророка Захарии» — цитата из кн. пр. Захарии (IX, 16). Третий эпиграф, с пометой «Из народных песен». Своей статье «Самоцветная кровь: (Из Золотого Письма Братьям-Коммунистам)» Клюев предпослал этот же эпиграф, с пояснением «Из песен русских хлыстов» (Записки. 1919, № 22/23). С. 3. Положено на музыку В. И. Панченко.

98. НвЗ. 1912, № 7/8, под загл. «Песнь — братьям», перед первой строфой дополн. ст.:

Иисуса Крест кровавый —
Наше знамя, меч и щит,
Зверь из бездны семиглавый
Перед ним не устоит.

с вар. 29 «Гробовой избегнув клети», между ст. 32—33 дополн. ст.:

Мир вам, странники-собратья,
И в блаженстве равный пай,
Муки нашего распятья
Вам открыли светлый рай,

после ст. 34 один ряд точек, с вар. ст. 36 «Сонмы сил возопиют». - - Песнослов, 1. Беловой автограф — ИРЛИ, с теми же вар., что и в НвЗ.

99. НвЗ. 1912, № 11/12, под загл. «Вечерняя песня», между ст. 34—35 дополн. ст. «Ныне, братики, нас гонят и бесчестят, Тем Уму Христову неневестят». - - БрП, 1, с теми же загл. и вар. - - БрП, 2, без загл., с теми же вар. - - Песнослов, 1. Беловой автограф — ИРЛИ, под загл. «Радельная песня», с теми же вар., что и в НвЗ. *Геннисарет* — Геннисаретское, Галилейское или Тивериадское озеро. Его окрестности всегда были богаты финиковыми пальмами, померанцевыми деревьями и сахарным тростником. На этом озере Иисус Христос усмирял словом ветры и волны (Мф. VIII, 23—27); здесь происходил чудесный лов рыбы (Лк. V, 1—11); здесь же Иисус Христос после воскрешения явился ученикам и вкушал с ними пищу (Иоан. XXI, 1—25). *Назарет* — город в Галилее, где, по Евангелию, прошли детство и отрочество Иисуса Христа.

100. НвЗ. 1912, №13/14, с посвящ. «Сестре», с вар. ст. 2 «Под могучей стопою пришельца-царя», ст. 5—6 «Он воссядет под сению кедров дремучей, На смарагдовом троне, в слепящих лучах», ст. 19 «Кто-то шепчет тебе: «К серафимов собору»», ст. 22—23 «Что за гробом припал я к бессмертья ключу, Воспаришь ты к лазури, светла, шестикрыла», с опечаткой в ст. 22 о чем сообщила редакция журн. в № 15/16. - - БрП, 1, без посвящ., с теми же вар. - - Песнослов, 1. Беловой автограф — ИРЛИ, с вар. ст. 2 «Звездоперстой стопы Неземного Царя», ст. 6 «На виссонный престол, в нестерпимых лучах», ст. 19, 22, 23 с теми же вар., что и в НвЗ. *Сестра* — см. примеч. 23. Положено на музыку В. И. Панченко.

101. Звт. 1912, № 1, под загл. «Песня». - - Гп. 1912, № 1, под загл. «Лесная». - - МК. Положено на музыку В. И. Панченко.

102. НвЗ. 1912, №17/18, под загл. «Утренняя», первое ст-ние из цикла «Братские песни». - - БрП, 1. Беловой автограф — ИРЛИ. Положено на музыку В. И. Панченко.

103. НвЗ. 1912. № 19/20. - - БрП, 1. - - БрП, 2, без ст. 1—15. - - Песнослов, 1. Беловой автограф — ИРЛИ. *Адам* — см. примеч. 47.

104. Звт. 1912, № 2, с вар. ст. 8—9 «Ко ракитовому кустышку, С корня сламывал три прутышка», ст. 14 «Пророки-ка, мать-сыра земля». - - БрП, 1, первое ст-ние из цикла «Песня про судьбу», ст. 14 с тем же вар., что и в Звт. - - Песнослов, 1. Беловой автограф — ИРЛИ, с вар. ст. 14 «Ты скажи-ка, мать-сыра земля».

105. Звт. 1912, № 2, под загл. «А. Городецкой», между ст. 28—29 дополн. строфа:

Обвила руками шею,
Косы-тучи, темный бор...
Изумрудно заревея,
Прояснила кругозор.

с вар. ст. 29 «Поруделые избенки». - - Песнослов, 1. *Городецкая* Анна Алексеевна (1889—1946) — жена поэта Сергея Городецкого. *Хвалынщина, Хвалынское, Хвалисское* — древнерусское название Каспийского моря. Положено на музыку В. И. Панченко.

106. Звт. 1912, № 4, с вар. ст. 8 «Нижет скатную зернь солнцепёк», ст. 16 «Поменялся кольцом солнцепёк». - - ЛБ, 13, с теми же вар. в ст. 8, 16, что и в Звт. - - Песнослов, 1, с вар. ст. 6 «Бродит сон, волокнится дымок». - - ИзП.

107. Звт. 1912, № 5, под загл. «Девичья песня», с вар. ст. 9 «Пишет девушке смертное прощенье». - - ЛБ, 13, второе ст-ние из цикла «Девичья». - - Песнослов, 1.

108. Звт. 1912, № 6, под рубрикой «Песни». *Соловки* — Соловецкие острова, группа о-вов в Белом море (крупные о-ва — Соловецкий, Анзерский, Б. и М. Муксалма, мелкие — Б. и М. Заяцкие). На Соловецком о-ве расположен ансамбль Соловецкого м-ря и на о-вах — принадлежащие ему скиты. Положено на музыку В. И. Панченко.

109. Звт. 1912, № 6, под рубрикой «Песни», под загл. «Рекрутская». - - Песнослов, 1. Положено на музыку В. И. Панченко.

110. С. 1912, № 8, с вар. ст. 2 «Необорная, острожная стена», ст. 9—10 «Не послухала боярыня-судьба, За гуленою повыслала

раба», ст. 11 «Раб повышпилит булавочки с косы», ст. 14—15 «Захоронит в грановитом терему, Станет девушка приземнее травы», ст. 18 «Перехожую волынку к вечеру». - - ЛБ, 13. Положено на музыку В. И. Панченко.

111. Звт. 1912, № 7, с посвящ. «Сергею Городецкому», с вар. ст. 12 «Лазурные псалмы». - - МК. *Городецкий* Сергей Митрофанович (1884—1967) — русский поэт. Осенью 1911 г. познакомился с Клюевым и стал горячим приверженцем и пропагандистом его поэзии, способствовал сближению Клюева с «Цехом поэтов» и кругом журн. «Аполлон». Отношения между поэтами носили сложный и противоречивый характер. После революции Клюев отзывался о нем резко отрицательно: «Городецкий супротив Блока — просто напросто вонючий мещанишко, настолько опустошенный, что и сказать нельзя» (ИРЛИ. Р. 1. Оп. 12. № 681. Л. 83). *Садко* — гусляр и певец, герой одноименной новгородской былины, сюжет которой получил разработку в русском искусстве XIX в. (одноименная былина А. К. Толстого (1871—1872) и опера Н. А. Римского-Корсакова (1896). *И кровь гвоздиных ран* — намек на раны распятого на кресте Иисуса Христа.

112. Гп. 1912, № 1, с вар. ст. 11 «Но бдите и бойтесь! В изваянном лоне». - - Песнослов, 1.

113. Гп. 1912, № 1, без загл., с вар. ст. 8 «Отчего ты утробой кручинишься», ст. 39 «Как в горах рассвет эхом скажется». - - ЛБ, 13. *Адам* — см. примеч. 47.

114. РМ. 1912, № 10, с вар. ст. «Мне ль обряжаться в янтарь-бахрому». - - ЛБ, 13.

115. РМ. 1912, № 10.

116. НвЖ. 1912, № 10, с вар. ст. 5 «Наглядеться б на бора опушку»., ст. 9 «Не она ль за глухою решеткой». - - ЛБ, 13, вар. ст. 5 аналогичен НвЖ. - - Песнослов, 1. Положено на музыку В. И. Панченко.

117. Н. 1912, № 45, с вар. ст. 4 «В пути за Ладою-подругой». - - ЛБ, 13. *Еруслан* — герой одной из популярных русских

повестей XVIII в. «Сказание о Еруслане Лазаревиче», прочно вошедших в круг народного чтения. Несмотря на иноземное происхождение, стал народным богатырем, подобно Илье Муромцу или сказочному Ивану-царевичу. Существуют многочисленные переделки повести — лубочные и сказочные.

118. Звт. 1912, № 8. Положено на музыку В. И. Панченко, Л. А. Половинкиным.

119. ЖД. 1912, № 24.

120. В кн.: *Брихничев И.* Что такое голгофское христианство? М., 1912. Беловой автограф — ИРЛИ, без загл., с вар. ст. 31 «Как на облачном Фаворе». *До седьмых дойдут небес* — в христианстве распространены представления о многих небесах. Апокрифическая литература и народные поверья указывают на семь или девять небес. Рай помещается либо на третьем из семи небес, либо на седьмом из девяти, в последнем — «сокровища жизни и праведность души». *Фавор* — гора, расположенная вблизи Назарета. По Евангелию, апостолы Иоанн, Петр и Иаков стали свидетелями Преображения Господня (Мф. XVII, 1; Мк. IX, 2; Лк. IX, 28).

121—123. Радельные песни

1. НвЗ. 1912, № 17/18, под загл. «Полуденная», второе ст-ние из цикла «Братские песни». - - Песнослов, 1, первое ст-ние из цикла «Радельные песни». Беловой автограф — ИРЛИ. *Саваоф* — одно из ветхозаветных имен Бога воинств и сил. Положено на музыку В. И. Панченко.

2. БрП, 1, второе ст-ние из цикла «Песня про судьбу», с вар. ст. 2 «Белый Светик и теперь во глазах». - - Песнослов, 1, второе ст-ние из цикла «Радельные пенис». Текст — ИРЛИ, под загл. «Радельная песня», ст. 1—16 типографский оттиск, ст. 17—20 выполнены рукой Клюева. Беловой автограф — ИРЛИ. *Свет, Светик* — одно из именований Иисуса Христа. Положено на музыку В. И. Панченко.

3. НвЗ. 1912, № 17/18, под загл. «Вечерняя», третье ст-ние из цикла «Братские песни». - - Песнослов, 1, третье ст-ние из цикла «Радельные песни». Беловой автограф — ИРЛИ. *Невечерний Свет* — одно из именований Иисуса Христа. Положено на музыку В. И. Панченко.

124. ЛБ, 13, с вар. ст. 2 «Замурудные волосья по ветру», ст. 6 «Молодешеньке у мужа спеси приубавить». - - Г. 1913, 23 февр. (8 марта), с теми же вар. в ст. 2, 6. - - Звт. 1913, № 8, с тем же вар. в ст. 2. - - Песнослов, 1.

125—126. На кресте

1. БрП, 1, первое ст-ние из диптиха «На кресте», с вар. ст. 5 «В кущах братья-духи», ст. 7—8 «Ладан черемухи С ветром донесло». - - Песнослов, 1, первое ст-ние из диптиха «На кресте». Беловой автограф — ИРЛИ. *Да воскреснет Бог* — цитата из православной молитвы Честному Кресту.

2. БрП, 1, второе ст-ние из диптиха «На кресте», 1, с вар. ст. 3 «Чу! провеяло в тумане», ст. 12 «Мой Фавор и Назарет!» - - Песнослов, 1, второе ст-ние из диптиха «На кресте». Беловой автограф — ИРЛИ, вар. ст. 12 аналогичен БрП, 1. *Гвоздяные ноют раны* — см. примеч. 111. *Назарет* — см. примеч. 99. *Фавор* — см. примеч. 120.

127. БрП, 1. Беловой автограф — ИРЛИ.

128. БрП, 1. Беловой автограф — ИРЛИ. *Саваоф* — см. примеч. 121. Положено на музыку В. И. Панченко.

129. БрП, 1. - - МК, с вар. ст. 10 «Жисть не дорога». - - Песнослов, 1. Беловой автограф — ИРЛИ.

130. Вс. 1913 (фактич.: 1912), № 1, между ст. 32—33 дополн. строфа:

Ой, люба — птица вьюжная,
Присуха — боль недужная,
Блесни, взгляни на молодца,
Развей, как тучи, розмысли,
Размыкай душу черную!

с вар. ст. 36 «На грудь твою орлиную». - - ЛБ, 13.

131. ЛБ, 13. Беловой автограф — РГАЛИ (альбом М. М. Марьяновой), с вар. ст. 2 «И всё, чем страшен смерти час», дата: 1917, подпись: Н. Клюев.

132. ЛБ, 13.

133. ЛБ, 13. Положено на музыку В. И. Панченко.

134. ЛБ, 13, под загл. «Полюбовная», с опечаткой в ст. 1 «На калином кусту». - - Песнослов, 1. Положено на музыку А. И. Михайловым.

135. ЛБ, 13, под загл. «Рыбачья». - - Песнослов, 1.

136. ЛБ, 13.

137. ЛБ, 13.

138. Л, 13.

139. ЛБ, 13.

140. ЛБ, 13, под загл. «Кабацкая». - - Песнослов, 1.

141. ЛБ, 13. - - Звт. 1913, № 2, с вар. ст. 17 «В есаулову кольчугу», ст. 42 «Половодный вешний сказ». - - Песнослов, 1. *Кудеяр* — персонаж поволжского фольклора, герой одноименного романа-хроники Н. И. Костомарова (1875). *Еруслан* — см. примеч. 117.

142. ЛБ, 13.

143. ЛБ, 13. Под загл. «Острожная», с вар. ст. 23 «Волос — гад, малина — губы». - - Песнослов, 1.

144. НЖ. 1913, № 30, под загл. «Песня». - - МД. Беловой автограф — ИРЛИ. Положено на музыку В. И. Панченко.

145. Хм. 1913, № 7/9.

146. ЕЖ. 1914, № 1, с посвящ. «Надежде Яковлевне Брюсовой». - - Песнослов, 1. *Брюсова* Надежда Яковлевна (1881—1951) — сестра поэта Валерия Брюсова, проявляла большой интерес к поэтам «из народа», в 1910-е гг. жила в Олонецкой губ. (г. Каргополь), увлекалась музыкальным фольклором, впоследствии стала профессором Московской консерватории (1921—1943). Клюев подарил ей экземпляр своей книги «Сосен перезвон».

147. ЕЖ. 1914, № 1.

148. Звт. 1914, № 1, с вар. ст. 10 «На жердке хохлится куделей». - - Песнослов, 1.

149. Звт. 1914, № 1, с вар. ст. 10 «На сучьях пляшет солнцепёк», ст. 12—14 «Соловый хохлится дымок. В избе потемки, смачный ужин, Медвежья пряжа, сказка, мать». - - Песнослов, 1.

150. Звт. 1914, № 1.

151. Звт. 1914, № 1, с вар. ст. 13—16 «Изба руда(чепец старуший — Облез сурмленный шеломок). И на припеке лен кукуший Янтарный теплит огонек. - - Песнослов, 1.

152. Звт. 1914, №1, с вар. ст. 1—2 «Оскал февральского окна Глотает залпы, космы дыма», ст. 6 «Зловеще отблески маячат». - - КрГ. 1918, 25 окт., (7 ноября): Окт. прил., под загл. «В дыму», с вар. ст. 1 «Оскал октябрьского окна». - - Пл. 1918, № 27, под загл. «Октябрь», с тем же вар. в ст. 1, что и в КрГ. - - МК, с теми же вар. в ст. 1, 2, 6, что и в Звт. - - ЗВ. 1919, 10 авг., в подборке «Голос святого мятежа».

153. ЕЖ. 1914, № 2, с посвящ. «Надежде Васильевне Плевицкой». - - Песнослов, 1. Беловой автограф — ИРЛИ, с тем же посвящ. *Плевицкая* (урожденная Винникова) Надежда Васильевна (1884—1941) — русская эстрадная певица, блистательная исполнительница народных песен. Познакомилась с Клюевым в конце 1915 — начале 1916 г., участвовала с ним в гастрольных поездках по городам России. После революции эмигрировала, опубликовала воспоминания «Дежкин корогод». Ч. 2. «Мой путь с песней» (1930), в которых рассказала о встречах с Клюевым и Есениным в Петрограде. Положено на музыку В. И. Панченко.

154. ЕЖ. 1914, № 2. Беловой автограф — ИРЛИ, с вар. ст. 4 «И ночной зловещий листопад». Положено на музыку В. И. Панченко.

155. Песнослов, 1. Ст-ние навеяно строительством Мурманской железной дороги. «»Чугунка» у Клюева, — отмечал В. Г. Ба-

занов, — это и условно-обобщенное изображение наступающего на деревню индустриального города, и нечто более грозное, фантастическое, предвещающее экологическую катастрофу» (*Базанов В. Г.* С родного берега. О поэзии Николая Клюева. Л., 1990. С. 147). В письме к Брюсову, написанном в конце нояб. 1911 г., Клюев с тревогой подчеркивал: «...мое бегство от повсюду проникающего красного света "новой звезды на востоке" есть бегство вымирающих пород животных в пущи, в пустыни и пещеры гор, — всё дальше, всё вперед... Но бежать больше некуда. В пуще пыхтит лесопилка, в ущельях поет телеграфная проволока и лупеет зеленый глаз семафора. И чтобы не погибнуть, нужно если и не идти встречу "Красному Рыцарю", то забежать в тыл Ему, — в полосу сравнительного затишья. Я избираю последнее. И вот кожаный пояс на чреслах моих и в руке грубое тесло, как бы у у ученика-каменотесца» (Цит. по статье Азадовского К. М. «Переписка В. Я. Брюсова с Н. А. Клюевым (1911—1914)» // РЛ. 1989. № 3. С. 192). *Обонежье* — или Обонежская пятина, административно-территориальная единица Новгородской земли до начала XVIII в.; земли вокруг Онежского озера (Карелия). С XVI в. делилась на Заонежскую и Нагорную половины. Датируется по письму к Миролюбову от февр. 1914 г., в котором Клюев писал: «Вы находите хорошим стихотворение "Пушистые, теплые тучи", мне бы очень хотелось, чтобы оно было напечатано» (ЛО. 1987, № 8. С. 106). В «Ежемесячном журнале», в котором сотрудничал Миролюбов, ст-ние не появилось по просьбе самого Клюева, так как он его отправил в журн. «Заветы», однако и здесь оно не было опубликовано из-за того, что на седьмом номере в 1914 г. издание прекратило свое существование.

156. ЕЖ. 1914, № 4. В письме к Миролюбову от 21 марта 1914 г. из Вытегры Клюев писал: «...а в стих<отворении> "Ноченька темная" в последней строке вместо слова "сироте" поставить "бобылю"» (ЛО. 1987, № 8. С. 107). Исправление не было сделано. *Полнится вестью, что умерла мама.* Мать поэта Прасковья (Параскева) Дмитриевна умерла 19 нояб. 1913 г. в возрасте 62 лет и похоронена была в селе Макачево, у Верхне-Пятницкой церкви Вытегорского уезда Олонецкой губ., (ныне Вытегорский р-он Вологодской обл.) Клюев тяжело переживал кончину матери и всю жизнь оплакивал ее. В письме к Миролюбову от февр. 1914 г. он сообщал: «...нахожусь в великой скорби: у меня умерла

Мама. Былинщица, песельница моя умерла — “от тоски” и оттого, что “Красного дня не видела”» (ЛО. 1987, № 8. С. 106). Современники поэта (В. Ф. Балуков, А. А. Епишев и др.) запомнили скорбные строки поэта на кресте могилы матери, написанные в духе традиционных народных плачей:

Ох, моя жаломнёшенька,
По тебе, родитель-матушка,
В эту осень непроходную
Не капельки с неба капали,
Аль снежинки падали,
А по тебе, родитель-матушка,
Детки с батюшкою плакали,
И без тебя, родитель-матушка,
Нам полынью сахар кажется,
И отдали твое цветное платьице
Нищим-любящим.

(*Грунтов А. К.* Материалы к биографии Н. А. Клюева // РЛ. 1973. № 1. С. 122). Положено на музыку В. И. Панченко.

157. СЗ. 1914, № 5, в подборке «Из северных песен». - - Песнослов, 1, с вар. ст. 16 «Теплят листья-огоньки». - - ИзП. Беловой автограф — ИРЛИ.

158. ЕЖ. 1914, № 6. Беловой автограф — ИРЛИ. Эпиграф — отрывок из стиха, вошедшего в статью Клюева «С родного берега», опубликованную К. М. Азадовским в сб.: Русский фольклор. Л., 1975. Вып. 15. Социальный протест в народной поэзии. С. 209. *Олон-река* — р. Олонка вытекает из озера Утозеро и впадает в Ладожское озеро (Карелия). *Секир-гора* — в 1860—1861 гг. (Соловецкий о-в) на этой горе высотою 98,5 м был построен каменный двухэтажный Спасо-Вознесенский скит с двумя приделами: вверху в честь Вознесения Господня, внизу в честь чуда св. архистратига Михаила. На колокольне в 1862 г. установлен маяк. *Палеостров* — о-в Палей, или Палеостров, находится неподалеку от юго-западного берега Онежского озера. Здесь в XII в. преподобным Корнелием, уроженцем Пскова, был основан Рождественский м-рь. В м-ре произошло два больших самосожжения раскольников. «Отец Игнатий скончался огнем за древнее благочестие и с ним народа к двум тысячам седмь сот от мироздания 7195 (1687) <...> монастырь со строением весь згоре, и отец

Герман и Емелиан Повенецкий со всеми собравшимися скончашася за древлецерковное благочестие, числом к тысячи пять сот о Господе оусопша вечным сном, лета от мироздания 7197 (1689)...» (*Филиппов Иван.* История Выговской пустыни. СПб., 1862. С. 42, 61). «Палеостров, — говорил Клюев, — кость мужицкая: 10 000 заонежских мужиков за истинный крест да красоту молебную сами себя посреди Палеострова спалили. И доселе на их костях звон цветет, шумит Неопалимое Древо... Видел я, грешный, пречудное древо и звон слышал...» (*Клюев Н.* Гагарья судьбина // А. И. Михайлов. Автобиографическая проза Николая Клюева. Св. 1992. № 6. С. 155). *Андома* — р. в Карелии. *На суклин щербят кость Адамову*, т. е. у подножья каменного креста высекают Адамову голову — череп с двумя накрест лежащими костями. *Саваоф* — см. примеч. 121.

159. ЕЖ. 1914, № 7. - - ГУ. 1920, № 1, второе ст-ние из диптиха «Избу строят», с вар. ст. 5 «Кругом земля-землица», ст. 7 «И бора-старичица», без ст. 17—23. - - ИзП. Черновой автограф — ГЛМ, подпись: Клюев. Ст. 17—28 положены на музыку В. И. Панченко.

160. ПОД. Беловой автограф — РНБ, с вар. ст. 19 «И хлопнул дверью, а купчик млад», ст. 21 «Чтобы с желанным соснуть часок», ст. 25 «И День затмился: «Любовь не в час!»», ст. 27 «В лабазе сукна алей огня», ст. 29 «И стукнул дверью... Заря одна», подпись: Николай Клюев. Другой беловой автограф — ГЛМ, с теми же вар., дата: 8 авг. 1914.

161. ПОД, с вар. ст. 7 «Изба богомольно-сурово». - - ЕЖ. 1917, № 7/10. Беловой автограф — ГЛМ, дата: 16 авг. 1914. *Преподобный Аверкий* — день памяти св. равноапостольного епископа Иерапольского, чудотворца Аверкия (ок. 167) приходится на 22 окт. (4 нояб.).

162. ЕЖ. 1915, № 11. Готовя к публикации в журн. «Заветы» подборку ст-ний, Клюев на том же листе, где помещен автограф ст-ния «В суслонах усатое жито», после даты: 16 авг. 1914, привел перечень текстов в таком порядке:

«Растрепало солнце
Сегодня в лесу именины

От сутемок до звезд
В суслонах»

(ГЛМ. Ф. 99. Ед. хр. 7 (№ Р 85). Поскольку № 161 завершает перечень, то три предыдущие ст-ния, разумеется, написаны поэтом не позже авг. 1914 г., то есть до закрытия журн. «Заветы».

163. БВ. 1915, 25 дек. (1916, 7 янв.). Утр. вып., под загл. «Сегодня в лесу именины», между ст. 16—17 дополн. строфа:

Ему нипочем именины
Без зорь, без русалок-подруг;
Пусть мгла, словно пух из перины
Ложится на речку и луг.

- - Песнослов, 1. О датировке см. примеч. 162.

164. Ог. 1984, № 40, по беловому автографу — ИРЛИ. Датируется по Книге регистраций рукописей редакции «Ежемесячного журнала», куда оно поступило вместе со ст-ниями 165, 166 1 сент. 1914 г., (№ 1200 — ИРЛИ), а также по беловым автографам этих ст-ний с пометой № 1200 (ИРЛИ. Ф. 185. Оп. 1. № 1403).

165. Песнослов, 1. Беловой автограф — ИРЛИ. *Остров Соловецкий* — см. примеч. 108. О датировке см. примеч. 164.

166. Песнослов, 1. Беловой автограф — ИРЛИ. О датировке см. примеч. 164.

167. ЕЖ. 1914, №11, в подборке «Песни из Заонежья», с опечатками в ст. 17, 30 (о них говорит Клюев в письме к Миролюбову, написанном в конце 1914 г.— ИРЛИ. Ф. 185. Оп. 1. № 617. Л. 14 об.). - - МД. Беловой автограф — ИРЛИ. Положено на музыку В. И. Панченко.

168. ЕЖ. 1914, № 11, в подборке «Песни из Заонежья», с опечатками в ст. 17, 23, на которые указано в письме, упомянутом в примеч. 167. Беловой автограф — ИРЛИ. Положено на музыку В. И. Панченко.

169. ЕЖ. 1914, № 11, в подборке «Песни из Заонежья». Беловой автограф — ИРЛИ. Положено на музыку В. И. Панченко.

170. ЕЖ. 1914, № 11, в подборке «Песни из Заонежья». Беловой автограф — ИРЛИ.

171. ЕЖ. 1914, № 11, в подборке «Песни из Заонежья», между ст. 13—14 дополн. ст. «Я повешу чудо-завесу На ступенчато крылечко». - - МД. Беловой автограф — ИРЛИ. Положено на музыку В. И. Панченко.

172. БВ. 1914, 14(27) дек. Утр. вып. Беловой автограф — ИРЛИ. Положено на музыку В. И. Панченко.

173. БВ. 1914, 16 (29) дек. Утр. вып. Эпиграф, а также ст. 1, 5, 11, 12, 15, 16 из ст-ния К. Р. — литеры великого князя Константина Романова — «Умер» (1885).

174. ЕЖ. 1914, № 12, в подборке «Песни из Заонежья». Беловой автограф — ИРЛИ. *Аверкий* — см. примеч. 161. *Сесентий-калужник*, точнее: *Сисиний* (ок. 320) — св. мученик Севастийский. В народе пользовался глубоким уважением и известен как целитель от весенней лихорадки. Память 9(22) марта. *Олексий, Алексей*, человек Божий (411) — преподобный, согласно житию, в юности тайно ушел из дома богатых родителей и провел жизнь в добровольных лишениях и подвижничестве. Память 17(30) марта. В народе известен под именем Алексея Теплого, так как с этого дня становилось все теплее и теплее. Стих об Алексее — любимая песня бродячих певцов Христа ради — калик перехожих.

175. БВ. 1914, 23 дек. (1915, 5 янв.). Утр. вып. *Шамиль* (1799—1871) — вождь и объединитель горцев Дагестана и Чечни в их борьбе с царизмом и местными феодалами. 26 апр. 1859 г. взят в плен русскими войсками возле аула Гуниб и на почетных условиях вместе с семьей выслан в Калугу. Умер по пути в Мекку, в Медине (Аравия). *Как бухарец бунтовал* — имеются в виду частые нападения вооруженных отрядов Бухарского эмира на русские гарнизоны в Средней Азии во второй половине XIX в. *Пал Рущук* (ныне г. Русе, Болгария). Во время русско-турецкой войны (1877—1878) к турецкой крепости Рущук было приковано внимание половины русской армии, т. н. рущукский отряд, и на подступах к крепости происходили упорные

бои. По условиям Берлинского трактата (1878), укрепления Рущука были уничтожены. *Турку белый генерал Потоптал конем лебяжьим* — имеется в виду Скобелев Михаил Дмитриевич (1843—1882), русский генерал. Успешно командовал отрядом под Плевной, затем дивизией при Шипке—Шейново. Обладал большой личной храбростью (его называли «белым генералом» за появление под огнем врага верхом на белом коне, в белом кителе и белой фуражке или папахе).

176. Сл. 1991, № 4, по копии, выполненной Архиповым — ИРЛИ. Беловой автограф — ГЛМ. *Будьте как дети* — измененная цитата из Евг. от Мф. (XVIII, 3): «...если не обратитесь и не будете как дети».

177. ИЛ. 1990, № 8, по копии, выполненной Архиповым — ИРЛИ, с искажением в ст. 8, перенесенного из копии, где вместо «дар» следует «день», дата: 1914. Беловой автограф — ГЛМ, здесь же, на обороте листа — беловой автограф ст-ния № 178. *Рублёв* Андрей (ок. 1360—70 — ок. 1430) — преподобный, русский иконописец, крупнейший мастер московской иконописной школы. Память 4(17) июля. *Два Плача и Троицын Дар* — речь идет об иконах Рублёва «Воскрешение Лазаря» и «Троица». *Олимпий Печерский*, точнее Алипий (?—1114) — преподобный, Киево-Печерский чудотворец и родоначальник русской иконописи. Память 17(30) авг., 28 сент. (11 окт.). *Никитин* Гурий (1630-е гг.—1691) — русский иконописец. Росписи (вместе с Силой Савиным) в церкви Ильи Пророка в Ярославле и иконы замечательны богатством фантазии, декоративной красочностью.

178. Песнослов, 2, без строфы 2. - - По беловому автографу — ГЛМ. *Свят, свят, свят* — см. примеч. 83. *Крылатый Лев Евангелиста* — речь идет о евангелисте Марке, который «изображается на иконе с херувимом, имеющим лицо, подобное лицу льва. Сие лицо херувима означает владычное царское и божественное достоинство сына Божия над всеми видимыми и невидимыми Его тварями» (Беседа о символических изображениях животных: льва, тельца, орла и других тварей на святых иконах... Киев, 1910. С. 11). *Вселися в ны и обожи* — вселися в нас и сделай причастными Божьей благодати — перефразированная цитата из молитвы — Полуночницы воскресной, глас 1-й: «...при-

иди вселися в ны, и очисти от всякой скверны, и спаси, Блаже, душа наша». О датировке см. примеч. 177.

179. БВ. 1914, 25 дек. (1915, 7 янв.). Утр. вып. Беловой автограф — ИРЛИ. *Русь Червонная* — историческое название Галиции в зарубежных источниках XVI—XIX вв.

180. ЕЖ. 1914, № 12, в подборке «Песни из Заонежья», с вар. ст. 5 «Красна девушка сдогадалась». - - МД. Беловой автограф — ИРЛИ. Положено на музыку В. И. Панченко.

181. ЕЖ. 1914, № 12, в подборк «Песни из Заонежья», с вар. ст. 12 «Закрючили душу два огненных пса». - - МД. Беловой автограф — ИРЛИ. *Мостовую ли гривну утаивала* — имеется в виду мостовая повинность, или уплата мостовых денег, нужных для содержания улиц. *В Страстной Пяток она стреснула, Не покаявшись, глупыш масляный.* Во все дни Великого Поста, но особенно в Страстную неделю (Великая пятница посвящена погребению Спасителя), верующим запрещается есть мясо, яйца и молочные продукты. Положено на музыку В. И. Панченко.

182. ЕЖ. 1914, № 12, в подборке «Песни из Заонежья». Беловой автограф — ИРЛИ.

183. МД. Беловой автограф — ИРЛИ.

184—198. Избяные песни.

Впервые цикл ст-ний с посвящ. матери (см. примеч. 156) был опубликован в Скифах, 2. В 1920 г., готовя для берлинского издательства «Скифы» сб. «Избяные песни», Клюев перенес сюда текст цикла из Скифов, 2, опустив посвящ. матери. В сб. «Изба и поле» цикл оказался разбросанным и урезанным на пять ст-ний. Трудно судить, каким был корпус сборника, составленный поэтом. «Книжка моих избранных стихов,— писал он Горькому в сент. 1928 г.,— два года лежала в изд<ательстве> “Прибой” и, наконец, вышла в марте этого года. В книге не хватает девяноста страниц, недопущенных к напечатанию» (ЛО. 1987, № 8. С. 112).

В данном издании за основу взят текст Песнослова, 2, не свободный от опечаток и искажений, как и в целом двухтомник, о чем с горечью писал Клюев Миролюбову в конце 1919— начале 1920 г.:

«Народное просвещение издало мои стихи в двух книгах, издало так, что в отхожем месте на стене пальцем грамотнее и просвещеннее напишут» (Цит. по кн.: У истоков русской советской литературы. 1917—1922. Л., 1990. С. 44). Это издание цикла в отличие от Скифов, 2 идейно-эстетически наиболее выношенное и композиционно совершенное.

1. Страда, вместе со ст-нием № 188 в составе диптиха, с посвящ. «Памяти матери». - - Скифы, 2, первое ст-ние из цикла «Избяные песни», с вар. ст. 8 «А после с ковригою печь обошли», с опечаткой в ст. 15. - - Песнослов, 2, первое ст-ние из цикла «Избяные песни». - - ИП, первое ст-ние из цикла «Избяные песни», с тем же вар. в ст. 8 и опечаткой в ст. 15, что и в Скифах, 2. - - Песнослов, 2. Беловой автограф — РНБ, с посвящ. «Памяти матери», в ст. 27 вместо «ендовы» «яндовы». *Митрий Солунский, Димитрий Солунский* — св. великомученик, согласно житию, сын солунского воеводы, проконсул Солуни (ныне Салоники (Фессалоники), Греция), за исповедание христианской веры убит ок. 306 г. Пользовался особой популярностью как святой воин в Древней Руси. Память 26 окт. (8 ноября). *Микола, Никола, Николай, Николай Угодник* — епископ из г. Мира в Ликии (юго-запад Малой Азии), самый популярный в России святой, персонаж множества народных легенд, сказок, заговоров. Его считали помощником крестьян, покровителем путешественников, победителем бесов. В народе признавалась именно такая форма его имени — Микола, Никола, и старообрядцы, опиравшиеся на традицию, противопоставляли эту форму книжной — Николай. На иконах он изображается держащим в левой руке Евангелие. Память 9(22) мая и 6(19) дек. *Влас, Власий* — св. великомученик, епископ Севастийский (?—316). В России почитался как покровитель домашнего скота, так как, по преданию, благословлял и исцелял диких животных. В иконографии изображается в окружении домашних животных. Память 11 (24) февр. *Креститель Иван,* Иоанн Креститель — по Евангелию, аскет, пустынник, пророк, предсказавший пришествие Иисуса Христа и крестивший Его в р. Иордан. Как ревнитель праведности, Иоанн выступил обличителем Ирода Антипы, который отнял у своего брата жену и при жизни прежнего мужа женился на ней, грубо нарушив иудейские обычаи. Память 24 июня (7 июля), 29 авг. (11 сент.), 23 сент. (5 окт.). Положено на музыку В. И. Панченко.

2. ЕЖ. 1915 № 3, первое ст-ние из цикла «Избяные песни», с общим посвящ. «Памяти матери». - - Скифы, 2, второе ст-ние из цикла «Избяные песни». - - Песнослов, 2, второе ст-ние из цикла «Избяные песни», ошибочно подверстано к ст-нию 186. Датируется, как и ст-ния 190 и 193, 1914 г. В конце 1914 г. в письме к Миролюбову Клюев сообщал: «Вскоре пришлю вам «Избяные песни»» (ИРЛИ. Ф. 185. Оп. 1. № 617. Л. 14 об.). Отправляя эти ст-ния вместе с письмом Миролюбову от янв. (до 27-го) 1915 г., Клюев писал: «Шлю Вам «Избяные песни». Радостно бы увидеть их в «Ежемесячном журнале». Песни немногословные, и потому желательно бы их напечатать в одном № в указанном порядке, который имеет мысль и, по-моему, обостряет впечатление» (ЛО. 1987, № 8. С. 107). 27 янв. 1915 г. ст-ния были отмечены в Книге регистраций рукописей редакции «Ежемесячного журнала» (№ 1692 — ИРЛИ).

3. ЕЖ. 1914, № 4, с вар. ст. 5 «Узнай, что снегири в саду справляют свадьбу», ст. 17 «Чем сумрак паперти баюкает мечту». - - Скифы, 2, шестое ст-ние из цикла «Избяные песни», в ст. 11 опечатка вместо «изжаждалась» «изждалась», перешедшая в ИП и ИзП. - - Песнослов, 2, третье ст-ние из цикла «Избяные песни», ошибочно подверстано к ст-нию № 185. В письме к Миролюбову от 21 марта 1914 г. Клюев писал: «...прошу Вас в стих<отворении> «Осиротела печь» в пятой строке сверху вместо слова «в саду» поставить «в лесу»...» (ЛО. 1987, № 8. С. 107).

4. Песнослов, 2, четвертое ст-ние из цикла «Избяные песни».

5. Страда, вместе со ст-нием 184 в составе диптиха, под загл. «Памяти матери». - - Скифы, 2, пятое ст-ние из цикла «Избяные песни». - - Песнослов, 2, пятое ст-ние из цикла «Избяные песни», к нему ошибочно подверстано ст-ние № 189. Беловой автограф — РНБ, подпись: Николай Клюев.

6. Скифы, 2, седьмое ст-ние из цикла «Избяные песни», с опечатками в ст. 14, 21. - - Песнослов, 2, шестое ст-ние из цикла «Избяные песни», ошибочно подверстано к ст-нию № 188. *Весь день поучатися правде Твоей* — перефразированная цитата из Псалтыри (Пс. 118, 7) «Я славил бы Тебя в правоте сердца, поучаясь судам правды Твоей». *Трех отроков пещных и ангелов труд* — речь идет о христианских великомучениках Анании, Михаиле и Азарии. За отказ поклоняться золотому истукану, сделанному по велению вавилонского царя Навуходоносора, они были брошены в огненную печь, но спасены ангелом Господним (Дан. 1, 6—7; III,

23—24) Память 17(30) дек. *Медост*, Модест — православный св., считавшийся покровителем овец. Память 18(31) дек. *Иван* — Иоанн Креститель — см. примеч. 183. *Голубь над ним* — намек на эпизод из Евангелия о крещении Иисуса Христа, когда на Него снизошел Святой Дух в виде голубя.

7. ЕЖ. 1915, № 3, второе ст-ние из цикла «Избяные песни». - - Скифы, 2, четвертое ст-ние из цикла «Избяные песни». - - Песнослов, 2, седьмое ст-ние из цикла «Избяные песни». - - ИП, с опечаткой в ст. 10, без строфы 4. - - Печ. по беловому автографу — ИМЛИ, ибо только здесь слово «верша» приводится в ед. числе, что несомненно предпочтительнее версии мн. числа. *Завтра год, как родная в гробу* — см. примеч. 156. О датировке см. примеч. 185.

8. ЕЖ. 1915, № 5. - - Песнослов, 2, восьмое ст-ние из цикла «Избяные песни». Черновой автограф — ГЛМ, на обороте листа белового автографа ст-ния № 161. 26 марта 1915 г. отмечено в Книге регистраций рукописей «Ежемесячного журнала» (№ 2002 — ИРЛИ).

9. Скифы, 2, третье ст-ние из цикла «Избяные песни». - - Песнослов, 2, девятое ст-ние из цикла «Избяные песни». *Яко воск от огня* — перефразированная цитата из Псалтыри (Пс. 67, 3) «Яко тает воск от лица огня...» О датировке см. примеч. 162.

10. ЕЖ. 1915, № 3, третье ст-ние из цикла «Избяные песни», с общим посвящ. «Памяти матери». - - Скифы, 2. двенадцатое ст-ние из цикла «Избяные песни». - - Песнослов, 2, десятое ст-ние из цикла «Избяные песни». *Егорий, Егорий Храбрый, Георгий Победоносец* (?—303) — великомученик, казнен при римском императоре Диоклетиане. Являлся одним из наиболее почитаемых воинов-святых в Древней Руси, герой многих песен и сказаний, змееборец. В народных верованиях выступает как защитник людей и домашнего скота от злых сил. К Егорьеву (Юрьеву) дню 23 апр. (6 мая) приурочивался обычно выгон скота в поле и завершался сев яровых. *Влас* — см. примеч. 184. О датировке см. примеч. 185.

11. НВЖД. 1916, № 1, с вар. ст. 18 «Теленья числя и удой». - - Скифы, 2, восьмое ст-ние из цикла «Избяные песни». - - Песнослов, 2, одиннадцатое ст-ние из цикла «Избяные песни».

12. Скифы, 2, девятое ст-ние из цикла «Избяные песни». - - Песнослов, 2, двенадцатое ст-ние из цикла «Избяные песни». *До горнего неба семь нижних небес* — см. примеч. 120. *Фавор* —

см. примеч. 120. *Иона* — ветхозаветный пр. (VII в. до н. э.), в «Книге пророка Ионы» рассказывается, как за неисполнение Божьего повеления он был выброшен в море, проглочен китом, из чрева которого взмолился Богу, был прощен и отправился проповедовать слово Божье в г. Ниневию. Память 22 сент. (5 окт.).

13. НЖДВ. 1916 № 1, с вар. ст. 4 «И бел, как берёсто, испод», ст. 17 «Кусок у мамашки в подоле», ст. 19 «Поломаны мачты, пучиной». - - Скифы, 2, десятое ст-ние из цикла «Избяные песни», с те же вар. в ст. 4. - - Песнослов, 2, тринадцатое ст-ние из цикла «Избяные песни». - - ИзП, под загл. «Коврига». - - Песнослов, 2.

14. СЗ. 1914, № 5, в подборке «Из северных песен». - - Скифы, 2, одиннадцатое ст-ние из цикла «Избяные песни». - - Песнослов, 2, четырнадцатое ст-ние из цикла «Избяные песни». *Иже херувимы* — слова из православной молитвы «Херувимская песнь». Положено на музыку В. И. Панченко.

15. СЗ. 1914, № 5, в подборке «Из северных песен». - - Песнослов, 2, пятнадцатое ст-ние из цикла «Избяные песни». *Богородицын сон* — речь идет об апокрифе «Сон пресвятой Богоматери присной Девы Марии», который приобрел в крестьянской среде значение заговóра. Тому, кто носит его с собой, будет от Богородицы «великая благодать и милость: здравие и благополучие и на полях большое изобилие, и урожай во всяком хлебе, и на лугах, и покосы сухие». Веря в это, крестьянин зарывал заговор под своим порогом (См.: Литературная энциклопедия. М., 1930. Т. 1. С. 543). Положено на музыку В. И. Панченко.

199. Песнослов, 1. Положено на музыку В. И. Панченко.

200. Печ. по беловому автографу — ИРЛИ. *Выгово*, Выговская старообрядческая община (полное название — Всепречестная и богоспасаемая киновия отец и братий Всемилостивого Спаса Господа и Бога нашего Иисуса Христа Богоявления), основанная дьячком Даниилом Викулиным (ок. 1695) и потому называвшаяся еще Даниловым м-рем в Заонежье на р. Выг и оз. Выгозеро Повенецкого уезда Олонецкой губ. Выг стал духовным центром не только Поморья, но и всего древлеправославия. «Известный исследователь раскола И. Н. Заволоко назвал Выг «Академией староверства». Помимо школ грамотности, были заведены школы подготовки искусных переплетчиков книг, знатоков знаменного

пения и иконописцев. <...> Почти 150 лет обитель существовала довольно спокойно, достигнув необыкновенного духовного расцвета. В 1830 году, в царствование Николая I, началось разорение старообрядческих монастырей... В 1855 году монастырь был сожжен окончательно и дотла. Сгорело около 50 моленных и часовен, в огне погибли шедевры древней иконописи, редкой и старопечатной книги. <...> Монашеская пустынь превратилась в дикую пустыню» (*Миролюбов Иоанн.* К 300-летию основания Выговского общежительства) // Старообрядческий поморский церковный календарь на 1995 год. С. 5—6. *Аввакум* (Аввакум Петрович Кондратьев; 1620—1682), св. священномученик, протопоп, крупнейший представитель раннего старообрядчества, писатель и публицист. Память 14/27 апр. *Иван Златоуст, Иоанн Златоуст* (между 344 и 354—407) — византийский церковный деятель, епископ Константинополя. В Византии и на Руси был идеалом проповедника и неустрашимого обличителя, в том числе и для протопопа Аввакума. Память 27 и30 янв. (9 и 12 февр.), 13(26) нояб.

201. Песнослов, 1.

202. Песнослов, 1.

203. Песнослов, 1, без загл. - - ИзП. *Медост* — см. примеч. 189. *Со святыми* упокой — измененные слова из молитвы об умерших: «Упокой, Господи, душу раба твоего...»

204. Песнослов, 1. Положено на музыку В. И. Панченко.

205. Песнослов, 1. *Микола* — см. примеч. 184. *Топтыгин с козой* — сюжет популярной лубочной картинки.

206. Песнослов, 1. *Садко* — см. примеч. 111. *Вольга* — герой русских былин, богатырь. *Лаче*, Лача — озеро в истоках р. Онеги в Архангельской обл. В открытке из Петербурга от 9 сент. 1912 г. Клюев писал Блоку: «Озеро Лаче, оказывается — по-местному зовется «Ляча», а не «Плача»» (ЛН. С. 516).

207. Песнослов, 1.

208. Песнослов, 1. *Блажен муж* — слова из Псалтыри (Пс. 1, 1). *Кресту Твоему* — слова из молитвы (икос) во Святую и Великую неделю Пасхи. *Три пришельца, три солнца, и я — Авраам... «Родишь сына-звезду»* — имеется в виду эпизод из Ветхого завета: к Аврааму у дубравы Мамре явился Господь в образе трех мужей и сказал, что у него «будет сын» (Быт. XVIII, 1—2, 10).

209. БВ. 1915, 3(16) янв. Утр. вып.

210. БВ. 1915, 15(28) февр. Утр. вып., с вар. ст. 35 «Стежки торные поразметаны». - - МД. Беловой автограф — ИРЛИ. *Славят Митрием... Свет-Солунским* — см. примеч. 184. *Ко маврийскому дубу-дереву, — Там столы стоят неуедные* — имеется в виду Мамврийский дуб, близ которого было явление Аврааму трех ангелов в виде странников. Авраам по обычаю гостеприимства пригласил их в свой шатер совершить омовение ног и отведать пищи (Быт. XVIII, 1—8). Положено на музыку В. И. Панченко.

211. БВ. 1915, 22 марта (4 апр.). Утр. вып. *Муромцы, Дюки, Потоки* — потомки русских былинных богатырей Ильи Муромца, Дюка Степановича и Михайла Ивановича по прозвищу Поток или Потык. *Радонеж* — древнерусский город, родина Сергия Радонежского, основателя Троице-Сергиевой лавры. *Выгово* — см. примеч. 200. *Саров* — речь идет о Саровской мужской пустыни Темниковского уезда Тамбовской губ. (ныне в Нижегородской обл.), расположенной при слиянии рр. Саровки с Сатисом. Основана в XII в, стала местопребыванием преподобного Серафима Саровского (в миру Прохор Исидорович Мошнин; 1759—1833). В годы революции пустынь была упразднена. Во время проведения антирелигиозной кампании по вскрытию мощей (1918—1920) мощи Серафима Саровского были вскрыты 19 дек. 1920 г. и отправлены в Московский Центральный антирелигиозный музей. 11 янв. 1991 г. мощи св. возвращены Русской Православной Церкви. Память 2(15) янв., 19 июля (1 авг.).

212. СЗ. 1915, № 4, в составе диптиха, под общим названием «Перед ликом лесов», с посвящ. «Памяти матери», с вар. ст. 11 «И узывнее пташек». - - Песнослов, 1.

213. СЗ. 1915, № 4, в составе диптиха, под общим названием «Перед ликом лесов», с посвящ. «Памяти матери». - - Песнослов, 1.

214. Ог. 1915, № 18. Беловой автограф — ИРЛИ. Положено на музыку В. И. Панченко.

215. ГЖ. 1915, № 20. Беловой автограф — ГЛМ, подпись: Николай Клюев. Другой беловой автограф — ИРЛИ (альбом Ф. Ф. Фидлера «В гостях». XVI), вторая строфа, подпись: Николай Клюев, дата: 1 окт. 1915.

216. ГЖ. 1915, № 20, под загл. «Памяти матери». - - БВ. 1916, 13 (26) нояб. Утр. вып., с вар. ст. 15 «О пуща-матерь, тучка-прядь» - - Песнослов, 1. Беловой автограф — ГЛМ. Положено на музыку В. И. Панченко.

217. ГЖ. 1915, № 20. Беловой автограф — ГЛМ.

218. ГЖ. 1915, № 20. Беловой автограф — ГЛМ. *Ной* — в Ветхом завете праведник, спасшийся на построенном им по велению Бога ковчеге во время всемирного потопа.

219. ГЖ. 1915, № 20. Беловой автограф — ГЛМ. Другой беловой автограф — ИРЛИ (альбом Ф. Ф. Фидлера «В гостях». XVII), третья строфа, подпись: Николай Клюев. Третий беловой автограф — ИРЛИ (Архив Н. Б. Хвостова. Альбом), эта же строфа, подпись: Николай Клюев. Положено на музыку В. И. Панченко.

220. ГЖ. 1915, № 20. Беловой автограф — РНБ, дата: июнь 1916, с припиской: «С просьбой вспоминать меня кой-когда, оставляю это стихот<ворение> Юрию Юркуну-юноше, для которого есть место в красном углу души моей,— мед стоялый и слово рублевое. Июнь — 1916 г. Н. Клюев». *Юркун* (наст. имя и фам. Иосиф Юркунас) Юрий Иванович (1895—1938) — писатель, ближайший друг поэта Михаила Кузмина и его литературный спутник.

221. Ог. 1915, № 27, с вар. ст. 16 «Каргополы, лопь и пудожане». - - МД. Беловой автограф — ИРЛИ. Другой беловой автограф — РНБ, ст. 7—9:

Постоим за крещеную землю,
За зеленую матерь-пустыню,
За березыньку с вещей кукушкой.

Николай Клюев.

Год Великой Брани,
месяц февраль,
Прощеное воскресенье.

Эти же ст. вписаны поэтом в альбом автора (*Уманов-Каплуновский В.* Из моего собрания // Столица и усадьба. 1917. № 81/82). *Лазарь преподобный* — речь идет об иноке Лазаре (XIV в.), основателе Муромского м-ря на берегу Онежского озера. Память 24 марта (6 апр.). *Им любовь пригвождена к древу* — имеется в виду Иисус Христос. *Свете Тихий*, или Вечерняя песнь Сыну Божию — православная молитва.

222. МД. Беловой автограф — ИРЛИ. О чтении этого ст-ния в Петрограде в 1916 г. рассказывает Плевицкая: «...дочь хозяина уговорила Клюева прочесть что-нибудь из его произведений. Он согласился. Старомодные старушки зашевелились, зашептались, стали вскидывать лорнетки на поддевку и голенища Клюева <...>

— Чтоб не пугать их,— сказал мне Клюев о старушках, — я больше в салон не пойду.

Он был обижен таким приемом, а между тем, он читал тогда те самые стихи, слушая которые, плакал у меня А. И. Шингарев. Я помню, как зябко прижимаясь к изразцовой печке в моей гостиной, плакал, не стесняясь, Шингарев хорошими слезами, слушая «Солдатские душеньки» Клюева...» (*Плевицкая Н.* Дежкин корогод. Ч. 2. Мой путь с песней. Париж, 1930. С. 108). *Шингарев* Андрей Иванович (1869—1918) — политический деятель, кадет. В первом составе Временного правительства — министр земледелия. Убит матросами-анархистами в Мариинский больнице (Петроград). *Михаил* — архангел, предводитель небесного воинства. На иконах изображается в воинских доспехах, попирающим Люцифера, в левой руке держит зеленую пальмовую ветвь, а в правой — копье, наверху которого развивается хоругвь с красным крестом или пламенным мечом, опущенным вниз. *Аввакум* —

ветхозаветный пр. (ок. VI в. до н. э.). Пророчества третьей, заключительной главы его книги — величественная песнь изображающая грозное пришествие Господа для суда, наказания нечестивых и для спасения своего народа. Память 2(15) дек. *Златоуст Иван* — см. примеч. 200. *Илья, Илия* — ветхозаветный пр. (IX в. до н. э.), прославившийся аскетической жизнью в пустыне и борьбой с языческим многобожием, живым был взят на огненной колеснице на небо (3 Цар., XVII; 4 Цар., II). Культ Илии был широко распространен на Руси. По народным поверьям, он мог укрощать огненную стихию, посылать дождь, исцелять недуги. Память 20 июля (2 авг.). *Ерёма-запрягальник* — имеется в виду ветхозаветный пр. Иеремия (VI в. до н. э.), который считается одним из предтеч Христа. В народе получил название Запрягальника или Запашника, так как обычно около для его памяти 1(14) мая, начинались важнейшие сельскохозяйственные работы, которые преимущественно совершались с использованием подъяремных животных. Ст-ние датируется 1915 г. В письме критику и публицисту газ. «Биржевые ведомости» А. А. Измайлову (1873—1921) поэт отмечал: «Окромя прилагаемой "Мирской думы" Вам послал "Поминный причит", сверху я упустил поставить "Из песен о войне"» (Соч. 1. С. 191). Ст-ние «Мирская дума» напечатано в журн. «Огонек». 1915, № 27.

223. ЕЖ. 1915, № 8, под загл. «Смерть ручья», с вар. ст. 24 «Отрок-ручей опочил». - - Песнослов, 1, под тем же загл. - - ИзП.

224. БВ. 1915, 27 сент. (10 окт.). Утр. вып., под загл. «Речная сказка». - - Песнослов, 1. Беловой автограф — ИРЛИ, с вар. ст. 14 «Камыша пустые трости», ст. 19 «Ты дрожишь бледней кудели». *Святый Боже, Святый Крепкий* — слова из утренней молитвы «Трисвятое».

225. БВ. 1915, 11(24) окт. Утр. вып. - - З. 1916, № 1 в подборке «Деревенские песни». - - Песнослов, 1, дата: 1915. Беловой автограф — ИРЛИ. *Егорьев дозор* — имеется в виду Егорий Храбрый, см. примеч. 193. Положено на музыку В. И. Панченко.

226. Ог. 1915, № 47, под загл. «В черный год». - - Песнослов, 1. Беловой автограф — ИРЛИ.

227. Рч. 1915, 6(19) дек., с вар. ст. 31 «Не отерта тумана ширинкою». - - ЕЖ. 1915, № 12, под загл. «Мирская дума», с эпиграфом: «Мирских умильных думушек В долгий летний день не высказать В ночь осеннюю не выслухать (Из северных причитов)», в ст. 31 вар. аналогичен Рч. - - МД. - - Песнослов, 1, с вар. ст. 25 «Вековать придется без селезня». - - ИзП. Беловой автограф — ИРЛИ, с тем же вар. в ст. 31, что и в Рч, ст. 74 «Я накрыла ее епитрахилью». *За мирскую Микулову пахоту* — речь идет о Микуле Селяниновиче, богатыре-пахаре. *Дева-Пятенка* — св. мученица Параскева жила в III в. Ее родители особенно почитали день страдания Господня — пятницу, поэтому родившуюся в этот день дочь назвали Параскевой, что в переводе с греческого означает — пятница. За исповедание христианской веры она претерпела великие мучения. Параскева-Пятница — покровительница полей и скота, поэтому в день ее памяти 28 окт. (10 нояб.) принято было приносить в церковь плоды для освящения. Она — исцелительница от самых тяжелых телесных и духовных недугов. *Теплый Никола* или *Вешний* — церковью празднуется перенесение мощей св. чудотворца Николая (см. примеч. 184) 9(22) мая.

228. ЕЖ. 1915, № 12, с вар. ст. 46 «Светить зобом в каменные норы», ст. 128 «Слухайте-смекайте», ст. 146 «Осенщину-дань сбирая с твари», ст. 161 «Зык другой, как трус снегов полярных», ст. 189 «Послесловье к присловью не станет», ст. 192 «Он гнездами с громами поменялся». - - Песнослов, 1. Беловой автограф — ИРЛИ, в ст. 46 и 161 с теми же вар., что и в ЕЖ, в ст. 52 «С шеи ж солнца бобчатую гривну», ст. 141 «Выпеть денежек руб». 16 янв. 1916 г. в Москве, в собрании Общества свободной эстетики Клюев выступал вместе с Есениным, кроме лирических стихов, прочел и «Беседный наигрыш». «Клюев, — писал литературовед и историк русской поэзии Розанов, — поражал своею густою красочностью и яркой образностью» (*Розанов И. Н.* Воспоминания о Сергее Есенине // С. А. Есенин в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1986. Т. 1. С. 430). *Со Вильгельмищем* — имеется в виду Вильгельм II Гогенцоллерн (1859—1941), германский император и прусский король, объявивший в авг. 1914 г. войну России. *Они веруют Лютеру-богу* — речь идет о Мартине Лютере (1483—1548), видном деятеле Реформации, основателе лютеранства — первой и главной разновидности

протестантизма в Германии. *С уха же Стенькина славного кургана* — имеется в виду место в Жигулях, на берегу Волги, название которого связано с преданиями о Степане Разине. *Мощи Маккавея*. Под именем Маккавеи в ветхозаветной истории известная семья Маттафии Маккавея, которая освободила Иудею от сирийцев и восстановила богослужение. Память 1(14) авг. *Петр апостол* — сын галилейского рыбака Ионы, брат Андрея, один из трех ближайших и преданных учеников Иисуса Христа. Память 16(29) янв. и 29 июня (12 июля). *С Пятенкою-девой* — см. предыдущее примеч. *Речка Сорога* — гидроним Клюева. *Давид* — царь и псалмопевец Израильско-Иудейского государства в конце XI в.—ок. 950 до н. э. *Иван Богослов, Иоанн Богослов* (96—117) — апостол и евангелист, один из двенадцати избранных учеников Господа, автор четвертого Евангелия, трех посланий и Откровения. Память 8(21) мая и 26 сент. (9 окт.). *Онега* — р. на северо-западе Европейской части России. *Угорские плиты*, т. е. Закарпатская Украина, называвшаяся в X—XI вв. Угорской Русью. *Валуны Валдая* — подразумевается Валдайская возвышенность на северо-западе России с холмистым рельефом и обилием валунов.

229. З. 1916, № 1, в подборке «Деревенские песни». Беловой автограф — ИРЛИ.

230. СЗ. 1916, № 2 (янв.), под загл. «Лесная любовь». - - Песнослов, 1. Беловой автограф — ИРЛИ. *Никита* (1108) — св., затворник Киево-Печерской обители, епископ Новгородский. Память 31 янв. (13 февр.), 30 апр. (13 мая). *Лазарь* — персонаж распространенных в русском народе духовных стихов, первоисточником которых — евангельская притча о богатом и Лазаре (Лк. XVI, 19—26). Народное творчество дополняло притчу. *Кирик и Улита*, точнее: *Иуллита* — свв. мученики, пострадали в г. Тарсе (Малая Азия, ныне г. Тарсус, Турция) от наместника Александра (III—IV вв). Память 15(28) июля. *Медост* — см. примеч. 189.

231. Песнослов, 1 без загл. - - ГУ. 1920, № 1, без загл., первое ст-ние из диптиха «Избу строят». - - ИзП. Беловой автограф — ИРЛИ.

232. Песнослов, 1. Беловой автограф — ИРЛИ, под загл. «Белица», с вар. ст. 15 «И чую: «Я — Вешний Никола»». *Вешний Никола* — церковью празднуется перенесение мощей св. чудотворца Николая (см. примеч. 227) 9(22) мая. В народном календаре этот день называют вешним, травным. *Давид убаюкал Саула Пастушеским красным псалмом* — имеется в виду библейский рассказ о Сауле, первом царе Израиля, который прогневал Бога и от него «отступил Дух Господень и возмущал его злой дух от Господа» и чтобы успокоить свою душу, Саул велел найти человека «искушенного в игре на гуслях». Им оказался Давид-псалмопевец и тогда «отраднее и лучше становилось Саулу, и злой дух отступал от него» (1 Цар., XVI, 14—23). *Странник на Колу*, т. е. в Печенгский Троицкий Трифонов мужской м-рь Кольского уезда Архангельской губ., являвшийся местом паломничества верующих. *В сне тонцем* — во сне тонком. *Украшенны вижу чертоги* — перефразированная цитата из ексапостилария (Триодь постная) во святый и великий четверток на утрени: «Чертогъ твой вижду Спасе мой, оукрашенный...»

233. Песнослов, 1. Беловой автограф — ИРЛИ, между ст. 6—7 две дополн. ст. «Петуху-провидцу пущая охота Облачаться в саван с шапкой звездочета», с вар. ст. 7—8 «В галочьи потемки, притулясь на жердке, Дремлют, как старухи, курицы-молодки», ст. 14 «Петел ждет, чтоб зорька обрядилась в венчик», ст. 17 «Почивает галка, воробей-горошник», ст. 21 «И пернатых брашно на бугор, на плёсо».

234. Песнослов, 1. Беловой автограф — ИРЛИ, с вар. ст. 1 «Тучи-коняги в ночном», ст. 5 «Только и ходу, что шлях». *Двина*, Северная Двина — р. на Севере Европейской части России.

235. СЗ. 1916, № 7.

236. БВ. 1916, 3(16) апр. Утр. вып., с вар. ст. 13—14 «И кому, клонясь, козу, Кажет зорька-повитуха». - - Песнослов, 1.

237. БВ. 1916, 10(23) апр. Утр. вып. Беловой автограф — ИРЛИ. *Гуриев образ* — имеется в виду икона в честь св. Гурия (в миру Григорий Руготин; ум. 1561) — первого архиепископа

Казанского, миссионера и просветителя. Память 20 июня (3 июля), 4(17) окт., 5(18) дек. Положено на музыку В. И. Панченко.

238. ЕЖ. 1916, № 9/10, под загл. «Смерть деда». - - Песнослов, 1.

239. БВ. 1916, 20 нояб. (3 дек.). Утр. вып. *Упокой мою душу, Господь* — измененные слова из молитвы об умерших: «Упокой, Господи, душу раба твоего...» *Молчит всяка плоть* — цитата их тропаря, глас 8-й на вечерни во Святую и Великую субботу. *Во святых упокоит себя* — измененные слова из молитвы об умерших: «Со святыми упокой, Христе, душу раба твоего...»

240. ЕЖ. 1917, № 1, под загл. «Новый псалом». - - МК. Черновой автограф — ГЛМ, без загл., дата: 1916, здесь же, на обороте листа — черновой автограф ст-ния № 241. В дек. 1916 г. вместе с певицей Надеждой Плевицкой Клюев прибыл на гастроли в Н. Новгород. Здесь он навестил журналиста Бориса Лаврова, который позже на страницах местной газеты рассказал о встрече с Клюевым: «Чем-то осязаемо светлым и хорошим веет от разговора с нашим народным поэтом: в нем, в его простоте и красивых словах, чувствуешь вдохновенную веру в нетленную красоту мира и его преображение. И эта светлая вера нашла себе, между прочим, яркое выражение в его "Новом псалме", который он мне прочел и который пока еще нигде не напечатан. Видя Н. А. Клюева и беседуя с ним, невольно и радостно понимаешь тот религиозный гимн, который он поет природе и Богу» (*Лавров Б.* Беседа с Н. А. Клюевым // Волгарь. 1916. 23 дек.). *Прозри и виждь* — перефразированная цитата из Псалтыри (Пс. 79, 15): «Боже сил! обратися оубо, и призри с небесе и виждь, и посети виноград сей...» *Вижу не женой, одетой в солнце* — видоизмененная цитата из Откр. (XII, 1) «...жена, облеченная в солнце...», а также одна из мифологем младших символистов (А. Белый, А. Блок и др.), с которыми полемизирует здесь Клюев. В «Поддонном псалме» символика материнства вырастает из мифа и «крестьянского бытового уклада. У поэтов-символистов культ женщины имеет обычно теургический смысл, мистический ореол... У Клюева — прежде всего «баба-хозяйка, кормилица, олицетворение власти земли» (*Базанов В. Г.* Поэзия Николая Клюева // БП. С. 25). *Тебе только тридцать три — Возраст Христов лебединый* —

по Евангелию и трудам отцов церкви, Иисус Христос до тридцатилетнего возраста жил в небольшом г. Назарете в семье плотника Иосифа. В тридцать лет он принял крещение и три года проповедовал слово Божье, был распят и после крестной смерти воскрес из мертвых. *Саваоф* — см. примеч. 121. *Ав Бог Ведаю Глагол Добра... Есть Живнь Земли... Фита* — здесь Клюев дает свое толкование букв церковнославянской азбуки (А, Б, В, Г, Д, Е, Ж, З, Ф), стремясь постигнуть глубинный смысл русской речи. *Синайский глав и вышний трубный гром* — намек на библейский рассказ о древнееврейском пр. и вожде Моисее, который при блеске молний и ударах грома на горе Синай получил от Бога «скрижали завета» (законы) для своего народа (Исх. XIX, 16—20, XX—XXIII). *Во зеленых лузях* — слова из русской народной песни «Во лузях». *Приложитесь ко мне, братья, К язвам рук моих и ног* — перефразированная цитата из Евг. от Лк. (XXIV, 39, 40): «Посмотрите на руки Мои и на ноги Мои; это — Я Сам; осяжите Меня и рассмотрите; ибо дух плоти и костей не имеет, ка́к видите у Меня. И сказав это, показал им руки и ноги». *Снова голубь Иорданский Над землею воспарил* — намек на эпизод из Евг. от Мф. (III, 16) о крещении Иисуса Христа в р. Иордан. 30 сент. 1916 г. ст-ние отмечено в Книге регистраций рукописей редакции «Ежемесячного журнала» (№ 4331 — ИРЛИ).

241. Песнослов, 1. Черновой автограф — ГЛМ. О датировке см. примеч. 240. Положено на музыку В. И. Панченко.

242—245. Земля и железо

1. Скифы, 1, первое ст-ние из цикла «Земля и железо». *Узнайте же ныне: на кровле конёк Есть знак молчаливый, что путь наш далек.* Издревле у наших предков установился обычай украшать кровли своих изб фигурками деревянных коней, ибо, по словам Есенина, «конь... есть знак устремления... только один русский мужик догадался посадить его к себе на крышу, уподобляя свою хату колеснице <...> Это чистая черта Скифии с мистерией вечного кочевья» (*Есенин С. А.* Ключи Марии // Собр. соч.: В 6 т. М., 1979. Т. 5. С. 171).

2. Скифы, 1, второе ст-ние из цикла «Земля и железо».

3. Скифы, 1, третье ст-ние из цикла «Земля и железо».

4. Скифы, 1, четвертое ст-ние из цикла «Земля и железо». Ст-ния № 242—245 в Скифах, 1 имеют общую дату: 1916.

246—249. Поэту Сергею Есенину

1. Скифы 1, пятое ст-ние из цикла «Земля и железо», с посвящ. «Прекраснейшему из сынов крещеного царства, крестьянину Рязанской губернии поэту Сергею Есенину». - - Песнослов, 2, первое ст-ние из цикла «Поэту Сергею Есенину». *Микола* — см. примеч. 184. *«Братские песни», «Лесные были». «Мирские думы»* — сб. ст-ний поэта. *В поучение дали мне Игоря Северянина пудреный том.* Клюев с иронией относился к поэзии Северянина (наст. имя и фам. Игорь Васильевич Лотарев, 1888—1941), что не помешало ему, однако, весьма внимательно прочесть «пудреный том». Клюевская поэзия обнаруживает не только «полярность», «но и «точки соприкосновения»: размер, ритмика, неологизмы (См.: *Полякова С. В.* Клюев и Северянин // Литература и искусство в системе культуры. М., 1988. С. 468—471). *Русь Христа променяла на Платовых* — вероятно, речь идет о Матвее Ивановиче Платове (1751—1818), атамане Донского казачьего войска, герое Отечественной войны 1812 г., конница которого вошла в Париж. *С рязанских полей коловратовых* — намек на Евпатия Коловрата, рязанского богатыря, который зимой 1237—1238 гг. нанес поражение монголо-татарам во Владимиро-Суздальской земле. Убит в бою. Его подвиги описаны в «Повести о разорении Рязани Батыем». *Зашипели газеты: «Татария! И Есенин — поэт-юдофоб!»* — В газетах этого не было. 22 июля 1916 г. в присутствии императрицы и ее дочерей в царскосельском лазарете № 17 перед ранеными поэт читал стихи. «Передовая общественность» негодовала. Издательница журнала «Северные записки» Софья Чацкина «на пышном приеме в своей гостеприимной квартире истерически рвала рукописи и письма Есенина, визжа: "Отогрели змею! Новый Распутин! Новый Протопопов!" Тщетно ее более сдержанный супруг Я. Л. Сакер уговаривал расходившуюся меценатку не портить здоровья "из-за какого-то ренегата". Последовали ярлыки типа "черносотенец" с его жестко определенным толкованием. Не произойди революции, двери большинства издательств России, притом самых богатых и влиятельных, были бы для Есенина навсегда закрыты. Таких "преступлений", как монархические чувства, русскому писателю либеральная общественнсть не прощала» (См.: *Иванов Г. В.* Есенин // Сергей Есенин в стихах и жизни. Воспоминания современников. М., 1995. С. 143). *Распутин* (*Новых*) Григорий Ефимович (1869—1916) — крестьянин Тобольской губ., подвизавшийся в

качестве «провидца» и «целителя» при дворе Николая II и имевший большое влияние на царскую семью и ее окружение. Вмешивался в государственные дела. Убит монархистами. *Протопопов* Александр Дмитриевич (1866—1917/18) — министр внутренних дел и шеф жандармов, ставленник Распутина. Пытался вооруженным путем подавить Февральскую революцию. Осужден органами ВЧК. *Белая Индия* — образ, восходящий к древнерусским книжным и фольклорным сказаниям об «индийском царстве», скрывавшемся за многими морями, где земля дает изобилие, где царит райская, праведная жизнь, где люди благоденствуют, не зная лжи, преступлений, разврата и других пороков. В статье «Порванный невод» Клюев раскрывает свое представление о Белой Индии: «Иконописные миры, где живет последний трепет серафимских воскрылий... внутренний гром слова былинного, мысленного, моленного, заклинательного, радельного и еще особого человеческого состояния, которое мужики-хлысты зовут Рожеством ангелов — вот тайные, незримые для гордых взоров вехи, ведущие Россию — в Белую Индию, в страну высочайшего и сейчас немыслимого духовного могущества и духовной культуры» (ЗВ. 1919, 3 авг.).

2. Песнослов, 2, второе ст-ние из цикла «Поэту Сергею Есенину».

3. ЕЖ. 1917, № 11/12, с вар. ст. 2 «Березка-голубица». - - Песнослов, 2, третье ст-ние из цикла «Поэту Сергею Есенину». Беловой автограф — ИРЛИ, с загл. «Посвящается Сергею Есенину», с вар. ст. 2 «Березка-голубица», ст. 20 «Где стозвонный иней», ст. 22 «Где в углах, за печью», вместе со ст-ниями 293, 294 приложен к письму Миролюбову от <нач. окт.> 1917 г. Клюев писал: «Присылаю Вам три стихотворения, и на этот раз очень прошу напечатать, они для меня и лично нужны, но очень был бы благодарен, если бы Вам понравились они и литературно» (ИРЛИ. Ф. 185. Оп. 1. № 1403. Л. 13). Эпиграф — слова Даниила Волохова, убийцы царевича Димитрия из «Жития святого Димитрия царевича». В ответ на вопрос царевич поднял голову и ответил тихим голосом: «Сие мое ожерелие» и был зарезан. *Димитрий* царевич (1582—1591) — малолетний сын Ивана Грозного от последней (седьмой) жены Марии Нагой, получивший в удел Углич и отправленный туда вместе с матерью. 15 мая 1591 г. он погиб. До сих пор тайна смерти Димитрия не выявлена: была ли это случайная гибель во время «падучей болезни», которой он

страдал, или преднамеренное убийство, спровоцированное Борисом Годуновым, расчищавшим себе путь к престолу. Православная церковь придерживается второй версии. В 1606 г. мощи его были доставлены в Москву и помещены в Архангельском соборе среди других царских гробов. Память 15 (28) мая, 23 мая (5 июня), 3(16) июня. *Собор Успенский* Московского Кремля, построенный в XV в., являлся усыпальницей московских митрополитов, патриархов и местом совершения торжественных актов (коронации, венчания князей и царей). Есенина глубоко задело клюевское ст-ние. В письме к Иванову-Разумнику от апр. 1918 г. поэт признавался: «Я больше знаю его, чем Вы, и знаю, что заставило написать его "прекраснейшему" и "белый свет Сережа, с Китоврасом схожий"». В черновом варианте этого же письма Есенин прокомментировал: «Ведь в этом стихотворении Годунов, от которого ему так тяжко, есть никто иной, как я. И это понятно, может быть, мне единому». «Ведь в стихотворении Годунов, от которого ему так тяжко, есть никто иной, как сей же Китоврас, и знает это только пишущий да читающий» (*Есенин С. А.* Собр. соч. Т. 6. С. 86, 283—284). 12 окт. 1917 г. ст-ния 248, 293, 294 были внесены в Книгу регистраций рукописей «Ежемесячного журнала» под общим загл. «Меня Распутиным» (№ 5273-с —ИРЛИ). Записи в «Книге» не всегда носили обстоятельно описательный характер, часто были фрагментарны.

4. Песнослов, 2, четвертое ст-ние из цикла «Поэту Сергею Есенину». *Буки, Веди, Аз... Фита* — буквы церковнославянской азбуки (Б, В, А... Ф). *До воскрешающей трубы*, т. е. до того времени, по Откр. Иоанна Богослова, когда царство мира сделается «царством Господа нашего и Христа, и будет царствовать во веки веков» (XI, 15). *Заря-котенок моет рот, На сердце теплится лампадка* — цитаты из ст-ний Есенина «Не бродить, не мять в кустах багряных...» (1916): «В тихий час, когда заря на крыше, Как котенок, моет лапкой рот» и «Я странник убогий...» (1915): «На сердце лампадка, А в сердце Исус». *Мы, как Саул, искать ослиц*. В 1-й кн. Цар. рассказывается о том, как Саул, сын Киса, в поисках потерявшихся ослиц своего отца пришел в город пр. Самуила, помазавшего его после беседы с ним на царство (IX, X, I). *От Соловков* — см. примеч. 108.

250. Песнослов, 2. *Толстой* Лев Николаевич (1828—1910) — русский писатель. *Врубель* Михаил Александрович (1856—

1910) — русский живописец. *Вифлеемское небо* — подразумевается г. Вифлеем в Палестине, в котором, по Евангелию, родился Христос. *Великий Четверг* на Страстной неделе — «всенощная накануне Великого четверга посвящается исключительно Тайной Вечере, за которой Христос повелел, чтобы Пасха Нового Завета вкушалась в память Его Самого, Его преломленного Тела и Его Крови, пролитой во отпущение грехов... в литургическом центре этого дня также находятся предательство Иуды и омовение Христом ног Своих учеников» (*Хопко Ф.* Основы православия. Минск, 1991. С. 157). *Бледный конь* — см. примеч. 83.

251. Песнослов, 2. *Белая Индия* — см. примеч. 246. *Павий летел Гавриил* — архангел, вестник Божьих тайн. В Новом завете он является носителем радостных благовестий: священнику Захарии в храме возвещает о рождении Иоанна и его служении как предтечи Христа (Лк. 1, 1—20), а деве Марии он предсказывает рождение от нее Спасителя (Лк. 1, 26—38). *Микула* — см. примеч. 227. *Сократ* (ок. 470—399 до н. э.) — древнегреческих философ, ставший для последующих эпох символом мудреца. *Будда* (просветленный) — имя, данное основателю буддизма Сиддхарте Гаутаме (623—544 до н. э.), проповедавшему избавление от страданий путем отказа от желаний и достижение высшего просветления — нирваны. *Зороастр, Заратуштра* — пр. и основатель зороастризма — учения, возникшего в Ср. Азии и окончательно сформировавшемуся к VII в. до н. э. Главное в З. — учение о постоянной борьбе двух противоположных начал: добра и зла. *И бабка Маланья всем ранам сестра* — персонаж сказки Лескова «Маланья — голова баранья» (1903), прозванная так потому, что «считали ее глупою, а глупою почитали за то, что о других больше, чем о себе, думала» (*Лесков Н. С.* Повести и рассказы. М., 1986. С. 319). *Престолы, Начала, Власти* — согласно кн. афинского епископа Дионисия Ареопагита (I или V в.) «О небесной иерархии», третий, второй и первый, из девяти, ангельские чины. *Соловки* — см. примеч. 108. *Тибет* — р-он Центральной Азии, в пределах Тибетского нагорья. *Золотая Орда* — монголо-татарское феодальное государство, основанное в XIII в. ханом Батыем. *Я первенец Киса, свирельный Саул, Искал пегоухих отцовских ослиц И царство нашел многоцветней златниц* — см. примеч. 249.

252. Песнослов, 2. *Кашмир* — историческая область в Азии, в бассейне верхнего Инда. *Тибет* — см. примеч. 251.

253. Песнослов, 2. *Поморье* — историческое название в XV—XVII вв. побережья Белого моря от г. Кемь до г. Онега или более обширной территории от Обонежья до Северного Урала. *О храбром Егорье* — см. примеч. 193. *В раю упокой... душу* — см. примеч. 203.

254. Песнослов, 2. *Илья* — см. примеч. 222. *Адам* — см. примеч. 47.

255. Песнослов, 2.

256. Песнослов, 2.

257. Песнослов, 2. *Гималаи* — высочайшая горная система земного шара, между Тибетским нагорьем и Индо-Гангской равниной.

258. Песнослов, 2. Беловой автограф — ГЛМ. *Всадник Саврасый* — см. примеч. 83. *Углич* — один из древних уездных городов России, расположенный по обеим берегам Волги (ныне райцентр Ярославской обл.) *Мы умрем, но воскреснем с народом, Как зерно, под Господней сохой* — ремисценция строк из Евг. от Иоан. (XII, 24): «Если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода». Положено на музыку В. И. Панченко.

259. БП, по беловому автографу — ГЛМ, находящемуся на обратной стороне белового автографа ст-ния № 258. *Гавриил* — см. примеч. 251.

260. Песнослов, 2.

261. Песнослов, 2. *Глинка* Михаил Иванович (1804—1857) — русский композитор, родоначальник русской классической музыки, создатель опер «Жизнь за царя» (1836) и «Руслан и Людмила» (1842). *Верлен* Поль (1844—1896) — французский поэт-символист, ввел в лирическую поэзию сложный мир чувств и пережи-

ваний, придал стиху тонкую тональность. Клюев относил Верлена к своим любимым поэтам, читал его в подлиннике. *В куньем раю громыхает Чикаго.* Клюев отрицательно относился к Америке, видя в ней зловещий символ разрушения живой природы. В письме А. Ширяевцу от 19 нояб. 1914 г. поэт писал: «...Я каждый день хожу в рощу — сижу там у часовенки — а сосны столетние, в небе вершок <...> Сегодня такая заря сизоперая смотрит на эти строки, а заяц под окном щиплет сено в стогу. О матерь пустыня! рай душевный, рай мысленный! Как ненавистен и черен кажется весь так называемый Цивилизованный мир и что бы дал, какой бы крест, какую бы Голгофу понес — чтобы Америка не надвигалась на сизоперую зарю, на часовню в бору, на зайца у стога, на избу-сказку...» (Соч. 1. С. 189—190). *И сиринам в гнезда Париж заглянул* — возможно, намек на французскую авиацию.

262. Песнослов, 2. *«Свете»* — см. примеч. 221. *Садко* — см. примеч. 111. *Адам* — см. примеч. 47.

263. Песнослов, 2. *Топтыгин* — шуточное прозвище медведя.

264. Песнослов, 2. *Колесо мученицы Екатерины.* Екатерина (305—313) — великомученица, по преданию, ее привязали к четырем деревянным колесам с копьями, вертящимися в разные стороны (орудие казни), однако ангел Господень освободил ее и покарал истязателей. Память 24 нояб. (7 дек.).

265. Песнослов, 2. *Ной Досель на дымном Арарате* — см. примеч. 218. *Арарат* — вулкан на востоке Турции, близ границ Армении и Ирана, с двумя вершинами: Большой и Малый Арарат. Полагают, что на Б. А. остановился ковчег Ноя во время всемирного потопа. *И что когда-то посох мой Сразил египетские рати* — имеется в виду библейский рассказ об исходе евреев из Египта во главе с Моисеем. Войска египтян, преследовавшие сынов Израиля, были поражены чудодейственным жезлом Моисея (Исх. XIV, 21—27). *Иуда* — по Евангелию, один из двенадцати учеников Христа, предавший своего учителя за тридцать сребреников иудейским первосвященникам. Иуда — символ предательства. *Моисей* — см. примеч. 240. *Синай* — п-в и гора в Аравии.

266. Песнослов, 2. *Грядет на ны* — придет на нас. *Сын Бездны семирогий* — намек на фантастического зверя, «выходящего из моря... с семью головами и десятью рогами...» (Откр. XIII, 1). *Увы! Увы! Разбиты семь печатей... И лишь в избе, в затишье вековом* — измененная цитата из Откр. (VIII, 1): «И когда Он снял седьмую печать, сделалось безмолвие на небе, как бы на полчаса». *Гавриил* — см. примеч. 251.

267. Песнослов, 2.

268. Песнослов, 2. *По керженской игуменье Манёфе* — имеется в виду настоятельница Комаровского скита (поповского толка), быт которого подробно описан в романе П. И. Мельникова (псевдоним — Андрей Печерский; 1818—1883) «В лесах» (1871—1874). Скит находился в двенадцати километрах к юго-западу от г. Семенова Нижегородской губ. В истории скита были две настоятельницы с именем Манёфа: Манёфа Старая — умерла ок. 1816., почти за сорок лет до изложенных в романе событий. Обитель продолжала носить ее имя. Прототипом для романа стала настоятельница Манёфиной обители в 40—50-е гг. XIX в. Матрена Филипповна (См.: *Мельников П. И. (Андрей Печерский)*. В лесах: В 2 т. М., 1989. Т. 1. С. 587). *Днесь весна* — ныне весна — цитата из ексапостилария, глас 1-й. *Всемирная слава* — измененная фраза из Догматика: «Всемирную славу от человек прозябшую...»

269. Песнослов, 2.

270. Песнослов, 2.

271. Песнослов, 2. *Вольф* Маврикий Осипович (Болеслав Маурыцы, 1825—1883) — русско-польский издатель, книготорговец, типограф. *Попов* — имеется в виду Попова Ольга Николаевна (1848—1907) — русская издательница, владелица книжного магазина в Петербурге. После ее смерти в 1908 г. изд-во было преобразовано в «Товарищество издательского дела и книжной торговли О. Н. Поповой». *В Дерптах* — речь идет о Дерптском ун-те, основанном в 1802 г.,— ныне Тартуский, Эстония.

272. Песнослов, 2. *Царьград* — древнерусское название Константинополя, столицы Византийской империи. В 1453 г. город был захвачен турками и стал столицей Османской империи.

273. Песнослов, 2. *Слепцы, различаете небо восточное, Мои же от зорь отличите ль уста* — перефразированная цитата из Евг. от Лк. (XII, 56): «Лицемеры! лице земли и неба распознавать умеете, как же времени сего не узнаёте?» *Садко* — см. примеч. 111.

274. Песнослов, 2.

275. Песнослов, 2.

276. Песнослов, 2.

277. Песнослов, 2. *Чикаго* — см. примеч. 261. *Бысть воды и мрак* — перефразированная цитата из Ветхого завета (Быт. 1, 2): «Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою».

278. Песнослов, 2. *Печенгский край* — просторечное название Кольского уезда Архангельской губ.

279. Песнослов, 2. *Аз и Буки* — см. примеч. 240.

280. Песнослов, 2. - - ИзП, под загл. «Путешествие», опущены строфы 9—11, видимо, по цензурно-пуританским соображениям, что привело к искажению целостной композиции. - - Песнослов, 2. *Магомет* — устаревшая транскрипция имени Мухаммеда (ок. 570—632) — арабский религиозный и государственный деятель, основатель ислама. *Ева* — по Ветхому завету, жена Адама, первая женщина и праматерь рода человеческого. *Зороастр* — см. примеч. 251. *Брама* (Брахма) — один из высших богов в индуистской религии, творец мира и всего живого.

281. Песнослов, 2. *Нет Марии и вифанской Марфы* — по Евг. от Лк., сестры Лазаря из селения Вифания, Мария — воплощает духовное начало, а Марфа — суетное (X, 38—42).

282. Песнослов, 2. *Где Пушкин говором просвирен* — имеется в виду высказывание Пушкина в заметке «Опровержение на критики»: «...не худо нам иногда прислушиваться к московским просвирням. Они говорят удивительно чистым и правильным языком» (*Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. Л., 1978. Т. VII. С. 122). *Мей* Лев Александрович (1822—1862) — русский поэт и драматург. *Никитин* Иван Саввич (1824—1861) — русский поэт. *Велесов первенец — Кольцов.* Русский поэт Алексей Васильевич Кольцов (1809—1842) родился в семье торговца-прасола — см. примеч. 76. *«К костру готовьтесь спозаранку»,— Гремел мой прадед Аввакум.* Ревнители «древлего благочестия» отвергли церковные реформы Никона 1653—1656 гг. Ибо много из того, что считалось святым, незыблемым, достоянием отцов, подверглось глумлению, оплевыванию, древние книги бросались в костры. На непокорных обрушились увещевания — плети, пытки, казни. Церковь и гос-во, с точки зрения старообрядца, подпали под власть антихриста. На этой почве «возникает и развивается страстное желание "разрешитися и со Христом быти", желание смерти и искание ее... Зарождается мысль о самоубийстве. Но ведь самоубийство — смертный грех. Для разрешения этой роковой дилеммы: жить с антихристом — значит, погибнуть духовно, умертвить себя — совершить смертный, мешающий спасению грех — обращается старообрядец к своему обычном авторитету: старым книгам, прологам, житиям святым... Создается своего рода доктрина самоубийства» (*Рождественский Т. С.* Памятники старообрядческой поэзии. М., 1909. С. XVIII—XIX). В ряде писем своим сторонникам протопоп Аввакум (см. примеч. 200) развивал мысль о самосожжении как богоугодном подвиге. Так, в письме Симеону с обращением к трем узницам Боровской тюрьмы он указывал: «...мужествуй крепко о Христе Исусе! Сладка ведь смерть-та за Христа — того света. Я бы умер, да опять бы ожил; да и опять бы умер по Христе Бозе нашем <...> пойди же ты со сладким-тем Исусом в огонь! Подле Нево и тебе сладко будет. Да помнишь ли? Три отрока в пещи огненной в Вавилоне Навходоносором: глядит он, ано Сын Божий четвертой с ними! В пещи и гуляют отроки, сам четвертой, з Богом, не бойся,— не покинет и вас Сын Божий. Дерзайте всенадежным упованием. Таки размахав, и в пламя! На-вось, диявол, еже мое тело,— до души моей дела нет!» (Пустозерская проза. Сб. М., 1989. С. 148). Протопоп Аввакум был для Клюева величайшим авторитетом,

заступником «красоты народной» и свою родословную поэт вел от великого мятежника. В автобиографическом отрывке «Праотцы» Клюев писал, приводя слова матери: «В тебе, Николаюшка, аввакумовская слеза горит, пустозерского пламени искра шает. В нашем колене молитва за Аввакума застольной была и праотеческой слыла... приходила к нам из Лексинских скитов старица в каптыре с железной панагией на персях, отца моего Митрия в правоверии утверждать и гостила у нас долго... Вот от этой старицы и живет памятование, будто род наш от Аввакумова кореня повелся... (ЛО. 1987, № 8. С. 103). *Лексинские скиты* (полное название — Пречистая обитель девственных лиц Честного и Животворящего Креста Господня) — на р. Лексе, неподалеку от Выговской пустыни (см. примеч. 200), в 1706 г. был основан женский м-рь. Вокруг м-ря находились скиты. *Пустозерск* — древнерусский город XV—XVIII вв. у озера Пустое, в низовьях р. Печоры. Сюда был сослан протопоп Аввакум, где 15 лет провел в земляной тюрьме, написал «Житие» и многие другие сочинения. По царскому указу формально за «великие на царский дом хулы», а фактически — за религиозные убеждения по настоянию патриарха Иоакима был сожжен в срубе вместе со своими соузниками. Сегодня на месте города — голый песок, мох да низкий кустарник. В 1981 г. группа поморцев из Гребенщиковской общины установила осьмиконечный крест в память мучеников за веру.

283—290. Спас.

1. Песнослов, 2, первое ст-ние из цикла «Спас». *Шамаим и Серис* (др. евр.) — небо и земля. Сочетание взято из Ветхого завета (Быт. 1, 1). *Евфрат* — р. в Турции, Сирии, Ираке. В Ветхом завете под именем великой р. Евфрат считался северо-восточной границей земли обетованной (Быт. XV, 18; Исх. XXIII, 21). *Онега* — см. примеч. 228. *Вавилон* — древний город в Месопотамии, к юго-западу от современного Багдада. В Ветхом завете образ Вавилона как города противника истинной веры относят ко времени разрушения Иудейского государства в 586 г. до н. э. и к так называемому вавилонскому пленению. В Новом завете Вавилон символизирует силы, враждебные христианству. *Саров* — см. примеч. 211. *Ева* — см. примеч. 280.

2. Песнослов, 2, второе ст-ние из цикла «Спас». *Эммануил.* Евг. Матфей, повествуя о рождении Христа, предсказанном

пр. Исайей, приводит его слова: «Се, Дева во чреве приимет и родит сына, и нарекут имя Ему: Еммануил, что значит: с нами Бог» (1, 22—23). *Петропавловские куранты* — часы с музыкой Петропавловского собора (Петербург), установленные на колокольне в 1724 г. «*Привал комедиантов*» — петроградское литературно-артистическое кабаре (1915—1919), организованное Б. К. Прониным (1875—1946), помощником режиссера и артистом театра В. Ф. Комиссаржевской, и задуманное как продолжение известного кабаре «Бродячая собака» (1912—1915) (См.: *Конечный А. М., Мордерер В. Я., Парнис Е. Е., Тименчик Р. Д.* Артистическое кабаре «Привал комедиантов» // Памятники культуры. Новые материалы. Ежегодник 1988. М., 1989. С. 98—99). *Назарет* — см. примеч. 99.

3. Песнослов, 2, третье ст-ние из цикла «Спас». *Я родился в вертепе, В овчем теплом хлеву* — по Евангелию, Иисус Христос родился в пещере (вертепе) в г. Вифлееме и был положен родителями в ясли, «потому что не было им места в гостинице» (Лк. II, 7). *По отцу-древоделу* — по Евангелию, Иисус Христос происходил из семьи плотника Иосифа.

4. Песнослов, 2, четвертое ст-ние из цикла «Спас». *Соловки* — см. примеч. 108. *Памир* — горная система в Ср. Азии. *София* — здесь: храмы в честь Софии — премудрости Божией. *И в церквах обугленный Распутин* — см. примеч. 246. 11 марта 1917 г. труп Распутина был сожжен на окраине Петрограда на костре. По новейшим исследованиям, тело «старца» было кремировано в котельной Политехнического института (См.: *Чепарухин В. В.* Григорий Распутин. Последняя точка? // Новый часовой. 1995, № 3. С. 35, 36). Многочисленные поклонницы «целителя», так называемые «распутинки», заказывали в церквах панихиды по убиенному Григорию.

5. Песнослов, 2, пятое ст-ние из цикла «Спас». Черновой автограф — ГЛМ, ст. 1—24.

6. Песнослов, 2, шестое ст-ние из цикла «Спас». *Испечены пять хлебов благодатных, Пять тысяч уст в пылающей алчбе* — намек на евангельский эпизод о взалкавшем народе (Мф. XIV, 15—21).

7. МК, с вар. ст. 10 «Надовратный голубь вороном стал». - - Песнослов, 2, седьмое ст-ние из цикла «Спас», с тем же вар. - - ЗВ. 1919, 10 авг. в подборке «Голос святого мятежа». *Гвозди голгофские* — см. примеч. 111. *Распутин* — см. примеч. 246.

Надовратный голубь — изображение Св. Духа в виде голубя над царскими вратами, ведущими в алтарь церкви.

8. Песнослов, 2, восьмое ст-ние из цикла «Спас».

291. Песнослов, 2. *Шимановский* Виктор Владиславович (1890—1954) — актер, режиссер, в 1919 г. создал в Петрограде Рабочую драматическую студию при Доме культуры и просвещения Северо-Западных железных дорог, позже она стала Центральной студией, а в 1925 г.— Центральной драматической студией. В 1920 г. им был организован Дом самодеятельного театра, называемый в обиходе студией Шимановского (ул. Стремянная, 10). Здесь часто бывали Клюев и Есенин. *И восплачет над Авелем окровавленный Каин* — речь идет об убийстве Каином брата Авеля и оплакивании его, изложенном в духовном стихе «Плач Каина». *Прослезится волчица над костью овечьей* — перефразированная цитата из кн. пр. Исайи (XI, 6): «Тогда волк будет жить вместе с ягненком...» *Око насытится зрением* — измененная цитата из кн. Екклесиаста (1, 8): «Не насытится око зрением».

292. ЗиВ. 1917, 26 мая, с подзаголовком «Русская марсельеза», подпись: Крестьянин. - - Клюев Н. Красная песня. Пг., 1917, с пояснением под загл. «Эту песню можно петь, как Марсельезу». - - КрЗ, без загл. - - МК, без загл. - - ЗВ. 1919, 1 мая, под загл. «Песнь Красного мая». - - Песнослов, 2. Беловой автограф — ГЛМ, под загл. «Песнь Красного мая», подпись: Николай Клюев. Другой беловой автограф — Собрание М. С. Лесмана (Санкт-Петербург), подпись: Николай Клюев. «*Марсельеза*» — французская революционная песня, государственный гимн Франции, слова и музыка К. Ж. Руже де Лиля. В России получила распространение «Рабочая Марсельеза» (мелодия «Марсельезы»), текст П. А. Лаврова, опубликованный в газ. «Вперед» (1875). *Святогор* — герой русских былин, богатырь, обладавший сверхъестественной силой. *Китеж-град* — во время нашествия Батыя на Русь был чудесным образом спасен от уничтожения, погрузившись в воды озера Светлояр (Нижегородская обл.) Избранные слышат колокольный звон исчезнувшего города. В дореволюционное время был местом паломничества, в особенности старообрядцев. Народная легенда о Китеже легла в основу оперы Н. А. Римского-Корсакова «Сказание о невидимом граде Ките-

же и деве Февронии» (1904). *Ладан Саровских сосен* — см. примеч. 211.

293. МК. Беловой автограф — ИРЛИ, вместе со ст-ниями 248, 294, приложен к тому же письму Миролюбову, что и № 248. *Распутин* — см. примеч. 246. Клюев был знаком с Распутиным. Язвительное сравнение Клюева с Распутиным было пущено в обиход Борисом Садовским (См.: С. А. Есенин. Материалы к биографии. М., 1993. С. 368. На титульном листе ошибочно: 1992. См.: *Шумихин* С. Errata: 1. Невыявленные штрихи биографии Есенина // НЛО. 1995. № 15. С. 154). *Царьград* — см. примеч. 272. *В тысячестолпную Софию* — имеется в виду храм святой Софии в Константинополе. После завоевания города турками стал мечетью Айя-София, в настоящее время музей. *Кольцовы-одиночки* — см. примеч. 76, 282. *Заонежье* — архипелаг о-вов и п-овов в северной части Онежского озера. *И не оберточный Романов* — здесь: самооправдание Клюева, попытка принизить в революционное время значение контактов (чтение стихов в великокняжеских салонах) с членами царской семьи: императрицей Александрой Федоровной и ее сестрой Елизаветой Федоровной. О датировке см. примеч. 248.

294. ЕЖ. 1918, № 1. Беловой автограф — ИРЛИ, вместе со ст-ниями 248, 293 приложен к тому же письму Миролюбову, что и № 248. *Китеж* — см. примеч. 292. *Где с аспидом дитя играет у норы* — перефразированная цитата из кн. пр. Исайи (XI, 8): «И младенец будет играть над норою аспида...» *Упокой, Господи, душу раба Твоего* — см. примеч. 239. *Ирод* — царь Иудеи, по Евангелию, узнавший от волхвов о рождении царя Иудейского, т. е. Иисуса Христа. *Отрок Пантелей* — имеется в виду Пантелеймон, св. великомученик, искусный врач. За проповедь христианства в 305 г. при императоре Максимилиане был казнен. В православной церкви призывается при елеосвящении (помазании маслом). Память 27 июля (9 авг.). *Изведи из темницы душу мою* — цитата из Псалтыри (Пс. 141, 7). *Михаил* — см. примеч. 222. *Свят, свят Господь Саваоф* — см. примеч. 83, 121. *Сей день, его же сотвори, Господь, Возрадуемся и возвеселимся в онь* — перефразированная цитата из Псалтыри: «Сей день сотворил Господь: возрадуемся и возвеселимся в оный!» (Пс. 117, 24). О датировке см. примеч. 248.

295. Дн. 1917, 22 окт. *Ильмень* — озеро в Новгородской обл. *Святогор* — см. примеч. 292. *Садко* — см. примеч. 111. *Бояновы сыны* — певцы-поэты, последователи Бояна, Баяна — русского певца-дружинника второй пол. XI—нач. XII в., которого автор «Слова о полку Игореве» называет своим поэтическим предшественником. Положено на музыку В. И. Панченко.

296. Дн. 1917, 22 окт. *Сгиб на Карпатах* — речь идет о Первой мировой войне 1914—1918 гг. На Карпатах русская армия вела бои с австро-венгерскими войсками.

297. Дн. 1917, 22 окт. *Будто белая престольная Москва Не опальная кручинная вдова* — реминисценция строк из поэмы А. С. Пушкина «Медный всадник» (1833): «И перед младшею столицей Померкла старая Москва, Как перед новою царицей Порфироносная вдова». Перенесение столицы Российского государства в Петербург воспринималось старообрядцами как опала Москвы — города «древнего благочестия». *Углич* — см. примеч. 258. *Буй-Тур Всеволод* — младший брат князя Игоря, храбро бившийся с половцами. Автор «Слова о полку Игореве» называет его Буй-Тур, Яр-Тур. *Темный Василько* — Василько Ростиславич (ум. 1124) — князь, вместе с братом Володарем Ростиславичем боролся за независимость Галитчины от Киева. Киевский князь Святополк и владимиро-волынский князь Давид Игоревич ослепили Василька, но им не удалось захватить его владения. *Чурило* — персонаж русских былин, боярин, щеголь. *Садко* — см. примеч. 111. *Александр Златокольчужный* — Александр Невский (1220—1263), князь новгородский и великий князь владимирский. Победами над шведами (Невская битва 1240 г.) и над немецкими рыцарями Ливонского ордена (Ледовое побоище 1242 г.) обезопасил западные границы Руси. В схиме — Алексий. Память 30 авг. (12 сент.), 23 нояб. (6 дек.). *Микулушка, Микула* — см. примеч. 227. *Ослябя* Родион (? — после 1389) — монах Троице-Сергиевой лавры, герой Куликовской битвы. *Пересвет* (?—1380) — монах Троице-Сергиевой лавры, герой Куликовской битвы. Его поединок с татарским богатырем Темир-мурзой, в котором оба погибли, стал началом сражения. Положено на музыку В. И. Панченко.

298. Скифы, 2, без загл., с вар. ст. 30 «Свободы золотой». -- ЗТ. 1917, 28 дек. (1918, 10 янв.), с тем же вар. в ст. 30. -- Песнослов, 2. Беловой автограф — ГЛМ, без загл.

299. ЗТ. 1917, 30 дек. (1918, 12 янв.). *Чтоб увидеть всё небо в алмазах* — реминисценция строк из пьесы А. П. Чехова «Дядя Ваня» (1897): «...мы увидим всё небо в алмазах...» (Действие 4, заключительный монолог Сони). *Поле Марсово* — площадь в Петербурге, в 1918 г. называлась Площадь жертв Революции. 5 апр. (23 марта) 1917 г. здесь в братских могилах похоронены 180 человек, павших в вооруженной борьбе во время Февральской революции, в 1918—1919 гг.— участники гражданской войны. В 1917—1919 гг. сооружен памятник борцам революции (арх. Л. В. Руднев).

300. Скифы, 2. *Монблан* — горный массив и вершина в Западных Альпах, самая высокая в Западной Европе. *Назарет* — см. примеч. 99. *Немврод, Нимврод* — в Ветхом завете богатырь и охотник, сын Хуша (Куша) и внук Хама, основатель Вавилона, виновник вавилонского столпотворения, идолопоклонник. «*Вставай, подымайся*» — цитата из второй строфы ст-ния «Новая песня» П. А. Лаврова, однако это авторское заглавие не удержалось, и ст-ние, ставшее песней, начали называть по первой строке «Отречемся от старого мира» или «Марсельеза». «*Зелен мой сад*» — неточная цитата из русской народной песни «Зеленейся, зеленейся...» (Зеленейся, зеленейся, Мой зелененький садочек...). *Садко* — см. примеч. 111. *Боян* — см. примеч. 295. *Рублёвская Русь* — см. примеч. 177. *Волхов-гусляр*. Волхов — река, вытекающая из Ильмень-озера, с которой связаны былины о гусляре Садко. *Бухара* — город в Ср. Азии (Узбекистан). Центр старинных художественных ремесел. *Моздокский туман* — подразумеваются жители кавказского г. Моздока, которые издавна занимались извозом. Эта тема нашла отражение в русской народной песне «Степь моздокская». *Стенькин курган* — см. примеч. 228. *Мста* — р. на западе Европейской части России. Положено на музыку А. Ф. Пащенко. 18 янв. 1928 г. в Государственной Академической капелле (Ленинград) состоялось первое представление «Героической поэмы "Песнь Солнценосца" для хора, соло и оркестра». «Музыка Пащенко на мою песню очень мне понравилась, — написал Клюев на программе концерта, — она, как ветер

в деревьях, так необходима для моих стихов. Прекрасны и свежительны поцелуи ветра с деревьями» (Цит. по кн.: *Азадовский К. М.* Николай Клюев: Путь поэта. С. 287).

301. Песнослов, 2. *Онега* — см. примеч. 228. *Таити* — о-в в Тихом океане. *Помяни мя, Господи, Егда приидеши во царствие Твое!* — цитата из Евг. от Лк. (XXIII, 42).

302. Песнослов, 2. *Врубель* — см. примеч. 250. *Григорьев* Борис Дмитриевич (1886—1939) — русский художник, тема крестьянской России занимает ведущее место в творчестве живописца. Неоднократно рисовал Клюева, кн. первая «Песнослова» открывается репродукцией со стилизованного портрета Клюева в виде пастуха. С 1920 г. эмигрант. *Памир* — см. примеч. 286.

303. Песнослов, 2. *Хива* — город в Ср. Азии (Узбекистан). XVI — нач. XX вв. столица Хивинского ханства. *Иже херувимы* — см. примеч. 197. *Зюлейка, Зулейка* — персонаж «Книги Зулейки» — одного из центральных разделов «Западно-восточного дивана» И. В. Гете (1814—1819).

304. ЕЖ. 1918, № 2/3, под загл. «Республика». - - МК. *Шираз* — город на юго-западе Ирана, славящийся садами, виноградниками и цветниками из роз. *Каутский* Карл (1854—1939) — один из лидеров и теоретиков Германской социал-демократии и II Интернационала. В первые годы революции в России его работы выходил большими тиражами. *Тень Егорья* — см. примеч. 193. *Китеж-град* — см. примеч. 292. *Глинка* — см. примеч. 261. *Корсаков* — Римский-Корсаков Николай Андреевич (1844—1908) — русский композитор, творчество которого было глубоко связано с миром сказки, былины, с поэзией русской природы и народным бытом. «*Расцветай, мой сад*» — см. примеч. 300. Датируется по Книге регистраций рукописей редакции «Ежемесячного журнала», куда оно поступило вместе со ст-ниями 305, 306 20 янв. 1918 г. (№ 5384, под загл. «Республика» — ИРЛИ), и было приложено к письму Миролюбову от конца 1917 г., автограф не сохранился. Клюев писал: «Присылаю Вам, дорогой Виктор Сергеевич, три стихотворения под общим названием "Республика". Не знаю, как они сложены, но по чувству истинны и

необлыжны» (цит. по кн.: У истоков русской советской поэзии. 1917—1922. С. 47).

305. ЕЖ. 1918, № 2/3. Беловой автограф — ИРЛИ. *«Накинув плащ, с гитарой»* — начало романса на слова ст-ния В. А. Соллогуба «Серенада» (1830), музыка Э. Ф. Направника, приобрело известность среди студентов Дерптского ун-та в 1830-е гг., позже в переработанном виде стало популярным городским романсом. *Вольга* — см. примеч. 206. *Мемёлфа* или *Амёлфа Тимофеевна* — мать героя новгородских былин, предводителя новгородской вольницы Василия Буслаева. *С Владимира-Залесска* — видимо, по аналогии с Переяславлем-Залесским так Клюев называет город Владимир с его древними церквами и храмами. *Сгорим, о братие, телес не посрамим* — характерный призыв друг к другу староверов-самосожженцев, отрицавших не только никонианские реформы, но и пришедших к убеждению, что со времен Петра I на святой Руси воцарился антихрист, изобретающий разные способы к уловлению верных христиан, а потому считавших, что «лучше в огне сгореть, чем антихристу служить и бесом быть...» (*Островский Д.* Каргопольские бегуны. Краткий исторический очерк // Олонецкий сборник. Вып. 4. Петрозаводск, 1902. С. 34). О датировке см. примеч. 304.

306. МК, без ст. 29—32, с вар. ст. 18 «Ликом же — белес», ст. 36 «В звездном шалаше». - - Песнослов, 2, без ст. 29—32. - - Печ. по беловому автографу — ИРЛИ. Другой беловой автограф, ст. 33—48 при письме Миролюбову вместе со ст-ниями 304, 305. *Ной* — см. примеч. 218. *Арарат* — см. примеч. 265. О датировке см. примеч. 304.

307. Песнослов, 2. *Ниагара* — р. в Северной Америке. *До кандального Байкала* — в дореволюционной России в Нерчинском округе Забайкалья располагалась группа каторжных тюрем. *И говором московских просвирен* — см. примеч. 282.

308. Песнослов, 2.

309. В статье Субботина С. И. «Слышу твою душу...» по беловому автографу — ИРЛИ, без ст. 14—18, 31—39 // В мире Есенина. Сб. статей. М., 1986. С. 512—513. - - Печ. по тому же

автографу, с восполнением опущенных ст. *Со святыми упокой* — см. примеч. 203. Датируется по Книге регистраций рукописей редакции «Ежемесячного журнала», куда ст-ние поступило между 18 и 28 февр. 1918 г. (№ 5407-с — ИРЛИ).

310. ЗТ. 1918, № 1. - - МК, под загл. «Ленин». - - Песнослов, 2, первое ст-ние из цикла «Ленин». - - Лн. Беловой автограф —РНБ, входит в раздел «Певучая руга» рукописной кн. «Ленин». Макет обложки книги выполнен поэтом: «Николай Клюев. Ленинъ. Стихотворения. 1918 г.». В раздел вошли ст-ния № 328, 329. Этим стихом открывается цикл ст-ний «Ленин» (№ 328—336), созданный поэтом в течение 1918—нач. 1919 гг. В 1921 г. Клюев послал специально переплетенный оттиск цикла из «Песнослова», с новой обложкой: «Н. Клюев. Ленин. Стихи» через Н. И. Архипова, делегата IX Всероссийского съезда Советов Ленину с дарственной надписью: «Ленину от моржовой поморской зари, от ковриги-матери, из русского рая красный словесный гостинец посылаю я —Николай Клюев, а посол — мой сопостник и сомысленник Николай Архипов. Декабря тысяча девятьсот двадцать первого года» (Библиотека В. И. Ленина в Кремле. Каталог. М., 1961. С. 497). В 1923 г. Клюев выпускает сб. «Ленин», выдержавший затем еще два издания, в которых отказывается от цикличности и помещает ст-ния в раздел «Багряный лев». В конце 20-х—нач. 30-х гг. поэт резко осудит свой «революционный порыв»:

Увы... волшебный журавель
Издох в октябрьскую метель!
Его лодыжкою в запал
Я книжку <«Ленин»> намарал,
В ней мошкара и жуть болота,
От птичьей желчи и помёта
Слезами отмываюсь я,
И не сковать по мне гвоздя,
Чтобы повесить стыд на двери!..

(Песнь о великой матери)

«Поморские ответы» (подлинное название — «Ответы пустынножителей на вопросы иеромонаха Неофита») — основное апологетическое сочинение старообрядцев всех согласий, излагающее самое существо древлеправославной веры, написанное братьями

Денисовыми Андреем и Семеном, настоятелями Выговской пустыни, главными вождями раскола XVIII в., при участии других выговских старшин. «Поморские ответы» были рождены вопросами, предложенными синодальным миссионером и обличителем «раскола» иеромонахом Неофитом, который в порядке полемики со староверами задал поморам 106 вопросов. *Мужицкая ныне земля* — имеется в виду передача крестьянам, согласно декрету Советской власти о земле от 26 окт. (9 нояб.) 1917 г., всех конфискованных помещичьих, царских и монастырских земель. *И церковь не наймит казенный* — речь идет о «Декрете об отделении церкви от гос-ва и школы от церкви» от 20 янв. (2 февр.) 1918 г. В нем проводился принцип секуляризации гос-ва. Православная церковь теряла свой привилегированный статус. Преподавание религиозных вероучений в учебных заведениях запрещалось. Устанавливалось право каждого исповедовать любую религию или не исповедовать никакой. *То Черной Неволи басму Попрала стопа Иоанна* — речь идет об Иване III (1440—1505) — великом князе Московском, который возглавил объединение разрозненных феодальных княжеств в единое Московское гос-во, известное под названием «собирание земель». При нем произошло окончательное освобождение от монголо-татарского ига. *Борис — златоордный мурза.* Борис Годунов (ок. 1552—1605) — русский царь, происходивший, по сказаниям древних родословцев, от татарского мурзы Чета, в крещении Захария, который в 1329 г. выехал из Золотой Орды к великому князю Московскому Ивану Даниловичу. *Иван Великий* — колокольня высотою 81 м на территории Московского Кремля, воздвигнутая в 1505—1508 гг. и надстроенная в царствование Бориса Годунова. *Смольный*, здание б. Смольного ин-та благородных девиц. В 1917 г. здесь находились Петроградский Совет и Петроградский ВРК, до 10 марта 1918 г. — резиденция Совнаркома. *Коневец* — о-в в Ладожском озере. В XIV в. преподобным Арсением здесь был основан Коневский Рождественский м-рь.

311—312. Из «Красной газеты»

1. Из. 1918, 27 июля, с надписью «Посв<ящается> тов. Мехнецову», с вар. ст. 2 «И пляшут на распятии чехо-словаки», ст. 4 «На вас, буржуазные собаки», ст. 13 «Сгинут кинематографы, проститутки», ст. 17 «Англичанам и желтым корейцам», между ст. 21—22 дополнит. строфа:

Слава солнценосцам-революционерам,
Огненным большевикам и анархистам!
Братья, мы не укроемся от врагов по пещерам,
А пойдем к бессмертью по дорогам лучистым. - -

МК, без загл. и посвящ. - - Песнослов, 2, первое ст-ние из цикла «Из "Красной газеты"». *Мехнецов* Михаил Николаевич (1890—1943) — уроженец Вытегорского уезда, один из организаторов советской власти в Вытегре, председатель уездисполкома. В 1919 г. ушел добровольцем на гражданскую войну. С 1932 г. работал на одном из заводов Ленинграда, погиб в блокаду. *Чехо-словаки* — речь идет о мятеже чехословацкого корпуса в мае—авг. 1918 г. в Поволжье, на Урале и в Сибири против Советской республики. *Мы не укроемся от врагов по пещерам* — полемика со ст-нием В. Брюсова «Грядущие гунны» (1905). *«Красная газета»* выходила в Петрограде, Ленинграде в 1918—1939 гг. *Керенки* — казначейские знаки Временного правительства достоинством в 20 и 40 руб., презрительно названные народом по имени министра-председателя А. Ф. Керенского. *Христос отдохнет от иголок* — по Евангелию, Иисусу Христу перед казнью возложили на голову терновый венец. *Искариотский путь* — см. примеч. 265 (Иуда). *Разин* Степан Тимофеевич (ок. 1630—1671) — донской казак, предводитель Крестьянской войны 1670—1671 гг. Казнен в Москве. *Перовская* Софья Львовна (1853—1881) — революционная народница, участница покушения на Александра II. Повешена в Петербурге.

2. Окт. прил. к КрГ. 1918, 25 окт., под загл. «Врагам». - - Песнослов, 2, второе ст-ние из цикла «Из "Красной газеты"». *Черные белогвардейцы* — имеется в виду духовенство, осудившее богоборческий характер Октябрьской революции. *Романовский дом* — династия царей Романовых. *Распутин* — см. примеч. 246.

313. Записки. 1918, № 11, без посвящ., с вар. ст. 16 «Вспенит львиный рыкающий вал». - - Песнослов, 2. *Аннушка Кириллова* — Кириллова Анна Васильевна (р. 1901) — жена поэта Владимира Кириллова, в своих мемуарах «А. В. Кириллова вспоминает» пишет: «Я познакомилась с Николаем Алексеевичем Клюевым летом 1918 года в Петрограде... Клюев не оказался пророком, у меня родилось трое детей...» (КЗ. 1990, 20 окт.).

314. Пл. 1918, № 27, под загл. «Товарищ», с вар. ст. 19 «Потемки шахт, дымок овинный». - -Лн. Беловой автограф — ГЛМ,

под загл. «Товарищ», с тем же вар. в ст. 19, что и в Пл. *Пошехонье* — город в Ярославской губ. (с 1918 г. — Пошехонье-Володарск).

315. Записки. 1918, № 14. *Китеж* — см. примеч. 292.

316. Ал. 1918, № 1, под загл. «Полесник». - - Песнослов, 2.

317. Пл. 1918, № 29, с вар. ст. 5 «Ужели в кислой бумажной манишке». - - Песнослов, 2. *Малявинский плат* — имеется в виду картина русского живописца Ф. А. Малявина «Крестьянка в узорном платке» (1900). *На Беле-озере* — т. е. на озере Белое Вологодской обл. *Синеус* — легендарный князь, правивший на Белоозере, брат Рюрика. *Когда Дон испивался шеломом* — перефразированная цитата из «Слова о полку Игореве»: «...испити шеломом Дону...» Выражение «испить шеломом» из реки, протекающей в глубине вражеской земли, означало в Древней Руси победить этих врагов. *Бах* Иоганн Сабастьян (1685—1750) — немецкий композитор и органист. *Менделеев Выводит удельный вес*. *Менделеев* Дмитрий Иванович (1834—1907) — русский химик, открыл периодический закон химических элементов. Организатор и первый директор Главной палаты мер и весов в Петербурге.

318. Пл. 1918, № 31. - - Песнослов, 2, с вар. ст. 2 «Не забудь наши песни, дерзновенные кудри». - - Лн. *Как старого мира скрипучая телега Увязла по дышло в могильном суглинке* — перекличка с фразой из пьесы М. Горького «На дне» (1902): «В карете прошлого никуда не уедешь» (действие 4, слова Сатина). *Шапка Мономаха* — золотой филигранный остроконечный головной убор, регалия великих русских князей и царей, символ самодержавия в России. По легенде, Ш. М. прислана византийским императором Константином Мономахом Владимиру Мономаху.

319. МК, без загл. - - Песнослов, 2. *«Война и мир»* — роман Л. Н. Толстого (1863—1869). *Шиллер* Иоганн Кристофор Фридрих (1759—1805) — немецкий поэт-романтик.

320. МК. Ст-ние написано на мотив гимна Российской империи «Боже, царя храни» с некоторым нарушением размера.

321. МК. *Снесите же, волны, народу, Отчизне последнюю честь* — реминисценция строк ст-ния Я. Н. Репнинского «Варяг» (1904), ставшего популярной песней: «Чайки, снесите отчизне Русских героев привет...» См. примеч. 11. Положено на музыку В. И. Панченко.

322. МК, без загл. - - Песнослов, 2. *Здесь всё стоит за Царя Из Давидова красного дома*, т. е. за Иисуса Христа. По Евг. от Мф. (1, 1—6), он наследник Давида, основателя новой царской династии в едином Израильско-Иудейском гос-ве, «сын Давидов». *И Некрасов, бумажный лгун.* К Некрасову Николаю Алексеевичу (1821—1877/78) — русскому поэту, «певцу народной жизни» Клюев относился пристрастно. В янв. 1928 г. в юбилейные некрасовские дни Клюев выскажется о поэте еще резче и нетерпимее: «Живописание Некрасова ничуть не выше изделий Творожникова, Максимова и при самом добром отношении — Богданова-Бельского. По мудрости он идет плечо с плечом с Демьяном Бедным.

Глухонемой к стройному мусикийскому шороху, который, как говорит Тютчев, струится в зыбких камышах, как художник, Некрасов мне ничего не дал ни в юности, ни тем более теперь.

Его отвратительный дешевый социализм может пленить только товарищёв из вика или просто невежд в искусстве, которым не дано познать очарования ни в слове, ни в живописи, ни в музыке, ни тем более испить глубокого вина очей человеческих» (ИРЛИ. Р. 1. Оп. 12. № 681. Л. 148 об.). *Творожников* Иван Иванович (1848—1919) — художник-жанрист, представитель русской реалистической школы второй пол. XIX в. Широкой известностью пользовались его картины «Бабушка и внучка» (1888) и «Нищие около церкви» (1889). *Максимов* Василий Максимович (1844—1911) — русский живописец, передвижник. Жанровые картины показывают нравы и обычаи русской деревни. *Богданов-Бельский* Николай Петрович (1868—1945) — художник, передвижник, жанрист, произведения 1890-х гг. отмечены демократической направленностью, теплотой в изображении крестьянских детей. *Демьян Бедный* (наст. имя и фам. Ефим Алексеевич Придворов, 1883—1945) — русский поэт. В годы революции и граж-

данской войны агитационные стихи и песни, с характерной грубостью и простоватостью, пользовались огромной популярностью. *Тютчев* Федор Иванович (1803—1873) — русский поэт. Его духовно-напряженная философская поэзия передает трагическое ощущение противоречий бытия. *Глухонемой к стройному мусикийскому шороху, который, как говорит Тютчев, струится в зыбких камышах* — слегка измененная цитата из ст-ния Тютчева «Певучесть есть в морских волнах...» (1865): «И стройный мусикийский шорох Струится в зыбких камышах». *Но Луна, по прозванью Февраль* — намек на Февральскую революцию. *Обида* — см. примеч. 29. *Рублёв* — см. примеч. 177.

323. МК. *Мекка* — город в Саудовской Аравии, место паломничества мусульман. *Эрзерум*, точнее: Эрзрум — город на северо-востоке Турции. *Не Ярославна рано кычет На заборале городском* — перефразированное описание плача Ярославны из «Слова о полку Игореве»: «...зегзицею незнамо рано кычет... Ярославна рано плачет в Путивле на заборале...» *Ярославна*, Евфросинья Ярославна — дочь Ярослава Владимировича галицкого, жена князя Игоря. *Печора* — р. на северо-востоке Европейской части России.

324. МК. *Арахлин-град* — в апокрифах и в русских духовных стихах город, которого покарал Бог за грехи, наслав на него змея-дракона, пожиравшего девушек. Очередную жертву Елизавету, Елисафию-царевну спас Егорий Храбрый — см. примеч. 193. *Эдисон* Томас Алва (1847—1931) — американский изобретатель. *Пролеткульт* (пролетарская культура) — просветительская и литературно-художественная добровольная организация (1917—1932), пропагандировала идею «чистой» пролетарской культуры, отрицая предшествующую культуру и классическое наследие. *Карфаген* — гос-во в Северной Африке. после поражения в Пунических войнах (264—146 гг. до н. э.) Карфаген был разрушен римлянами. *Оборвался Дивеевский гарус.* В селе Дивеево Ардатовского уезда Нижегородской губ. находился женский м-рь. Отшельницы его занимались шитьем риз, пряли, ткали холсты, во время жатвы нанимались к крестьянам в работницы. В 1918 г. м-рь был упразднен. *Увял Серафима Саровского крин* — см. примеч. 211. *Топтыгин* — см. примеч. 263. *Чапыгин* Алексей Павлович (1870—1937) — русский писатель, запечатлевший

в раннем творчестве природу и уклад северной деревни, автор исторических романов «Разин Степан» и «Гулящие люди». *Инония-град* — утопический город счастья в поэме Есенина «Инония» (1918). *«Белый скит»* — роман Чапыгина (1914), в котором образ далекого непостижимого скита является символом духовной чистоты. *Почаев* — имеется в виду Почаевская Успенская лавра, находящаяся неподалеку от г. Почаев (Тернопольская обл., Украина). *Аввакум* — см. примеч. 200. *Мамай* — имеется в виду Казак-Мамай. Имя «Мамай» не связано с определенным лицом, а является прозвищем казака (с XVIII в.— гайдамака) вообще. Казак-Мамай — традиционное название украинской народной картины, известной в двух вариантах: «Казак-бандурист» и «Казак — душа праведная» (сообщено Л. А. Киселевой). Образ Казака-Мамая явился героем кн. украинского писателя А. Е. Ильченко «Казацкому роду нет переводу, или Мамай и Огонь-Молодица: украинский озорной роман из народных уст» (1958, рус. пер. 1961). *Снял семь печатей* — перифраз цитаты из Откр. (VIII, 1): «И когда он снял седьмую печать...» *Спас ярославский* — речь идет об иконе «Спас» (XIII в.). Устная легенда называет ее моленной иконой Василия (1238—1249) и Константина (1249—1252), последних ярославских князей первой династии. Она стояла в Успенском соборе у гробниц князей (ныне в Ярославском областном краеведческом музее). *Скуратовы очи* — речь идет о Скуратове-Бельском Григории Лукьяновиче (Малюте Скуратове, ?—1573) — думном дьяке, приближенном Ивана Грозного, главе опричного террора. *Царьград* — см. примеч. 272. *Всепетая* — обращение к Богородице из 4-й песни канона молебного ко Пресвятой Богородице. *Псковская Ольга* — в крещении Елена, равноапостольная, псковитянка, после гибели мужа князя Игоря (946) управляла Киевским княжеством. Память 11(24) июля. *Микола* — см. примеч. 184. *Егорий* — см. примеч. 193. *И вошь — наша гибель.* Имеются в виду массовые эпидемии сыпного тифа, который передается вшами. *Устюг, Великий Устюг* — город в Вологодской обл. *Рублёв* — см. примеч. 177. *Девятое небо пошло на плакат.* Согласно средневековой картине мира, созданной Данте в «Божественной комедии», «Вокруг земли находятся девять небес: первое небо — Луны, второе — Меркурия, третье — Венеры, четвертое — Солнца, пятое — Марса, шестое — Юпитера, седьмое — Сатурна, восьмое — неподвижных звезд, девятое, кристальное,— Перводвигателя или ангельских иерархий» (*Го-*

ленищев-Кутузов И. Н. «Божественная комедия» // Данте Алигьери. Божественная комедия. М., 1968. С. 486). *Марсово поле* — см. примеч. 299. *Матросы, матросы, матросы, матросы* — повторенная цитата из ст-ния Владимира Кириллова «Матросам» (1918).

325. Пл. 1919, № 37 (19 янв.). *Нарым* — Нарымский край, так называлась в Российской империи северная часть Томского уезда по обеим берегам Оби. Лесисто-болотистая местность с суровым климатом. Здесь находилась Нарымская политическая ссылка. *Хирам* — царь тирский, современник Давида и Соломона, отправивший к Давиду плотников и кедровые деревья для постройки дворца в Иерусалиме. Это имя носил также главный зодчий храма Соломона.

326—327. Владимиру Кириллову

1. Пл. 1918, № 27, с посвящ. «Владимиру Кириллову», в части тиража журн. это ст-ние отсутствует. - - Песнослов, 2, первое ст-ние из цикла «Владимиру Кириллову». *Кириллов* Владимир Тимофеевич (1890—1938) — пролетарский поэт. Необоснованно репрессирован. Посмертно реабилитирован. В 1918 г. Клюев часто встречался с ним в Петрограде. «В это время, — отмечал в автобиографии Кириллов, — произошло мое знакомство с поэтом Н. Клюевым, горячие споры и стихи Клюева, посвященные мне» (Цит. по кн.: Пролетарские поэты первых лет советской эпохи. Л., 1959. С. 522). В ст-нии Кириллова «Из дневника 18-го года» (1921—1922) отразились воспоминания об этих спорах. Позже Кириллов обратился с корректным и доброжелательным стихотворным посланием к поэту «Николай Клюев» (1927). В предисловии к публикации ст-ний Есенина, Кириллова, Ширяевца, Клюева в газ. «Звезда Вытегры» (1919, 7 сент.) под общим загл. «Поэты Великой Русской Революции» Клюев писал о Кириллове: «Истинный и единственный в настоящее время выразитель городской рабочей жизни. Поэт бедных людей, из крестного пути в светлую страну социализма».

2. Песнослов, 2, второе ст-ние из цикла «Владимиру Кириллову». *Твое прозвище — русский город* — намек на г. Кириллов Вологодской обл. *Азбучно-славянский святой.* Фамилия Кириллов ассоциируется у Клюева с азбукой «кириллицей», названной по имени славянского просветителя, христианского проповедника,

св. Кирилла (ок. 827—869, до принятия монашества — Константин). *Гастев* Алексей Капитонович (1882—1941) — пролетарский поэт, певец железа и машинного труда, автор широко известной книги «Поэзия рабочего удара» (1918). Необоснованно репрессирован. Посмертно реабилитирован. *Марат, разыгранный понаслышке* — речь идет о пьесе Антона Амнуэля (псевдони Н. С. Николаева) «Марат», опубликованной вместе со статьей Клюева «Красный конь» в петроградском пролеткультовском журн. «Грядущее» (1919, № 5/6), ставилась в провинциальных театрах и клубах.

328. Песнослов, 2, второе ст-ние из цикла «Ленин». - - Лн. Беловой автограф — РНБ, под загл. «25 октября 1918 г.» вместе со ст-ниями № 310 и 329 вошли в раздел «Певучая руга» — см. примеч. 310. *Монблан* — см. примеч. 300. *Пустозерск* — см. примеч. 282. *Кемь* — город на р. Кемь в Карелии. *Валдай* — город в Новгородской обл. у Валдайского озера. *Верхарн* Эмиль (1855—1916) — бельгийский поэт, драматург. *Кривополенова* Мария Дмитриевна (1843—1924) — русская сказительница былин, скоморошин, сказок, песен. *Рябинин-Андреев* Иван Германович (1873—1926) — сказитель русских былин, принадлежащий к четырем поколениям одной крестьянской семьи, от которых записаны многочисленные былинные тексты и напевы в классическом исполнении. *Тургенев грустит об усадьбе.* В годы революции многие дворянские усадьбы подверглись стихийному разрушению и уничтожению со стороны крестьян. *Тургенев* Иван Сергеевич (1818—1883) — русский писатель, в романе «Дворянское гнездо» (1859) воспел поэзию дворянской усадьбы.

329. Песнослов, 2, восьмое ст-ние из цикла «Ленин». - - Лн. Беловой автограф — РНБ — см. примеч. 310. *И пуля в лопатке* — имеется в виду покушение на Ленина, совершенное Ф. Каплан 30 авг. 1918 г.

330. Песнослов, 2, третье ст-ние из цикла «Ленин», с вар. ст. 24 «Над пучиной столетий воздвигши маяк. - - Лн. *Смольный* — см. примеч. 310. *В куртках кожаных.* При создании Красной Армии были приняты различные образцы военной формы. Командиры, комиссары и политработники носили кожаные куртки и фуражки. *Гороховая, 2* — с 7(20) дек. 1917 г. здесь размеща-

лась ВЧК (Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем). С 10 марта 1918 по 1933 гг. в этом здании и в прилегающим к нему домах располагалась Петроградская (Ленинградская), ЧК, ГПУ, НКВД. *Урицкий* Моисей Соломонович (1873—1918) — председатель Петроградской ЧК. 30 авг. 1918 г. убит поэтом Леонидом Канегиссером. *Браунинговый чох всколыхнул океан,— Это ранен в крыло альбатрос капитан* — см. примеч. 329. *Ниагара* — см. примеч. 307. Датируется по содержанию.

331. Песнослов, 2, четвертое ст-ние из цикла «Ленин». - - Лн. *Царскосельские помнят липы Окаянный хохот пурги* — намек на содержание под стражей Николая II с семьей в первые месяцы Февральской революции в Царском Селе. *И въехали гробные дроги В мертвый Романовский дом* — имеется в виду расстрел Николая II вместе с членами семьи в Екатеринбурге в ночь на 17 июля 1918 г.

332. Песнослов, 2, пятое ст-ние из цикла «Ленин». - - Лн. *Словаки* — см. примеч. 311.

333. Песнослов, 2, шестое ст-ние из цикла «Ленин». - - Лн. *Заонежье* — см. примеч. 293. *Скрябин* Александр Николаевич (1871—1915) — русский композитор и пианист, по словам Клюева, «изумительный русский звукописец». *Парсифаль* (*Парцифаль*) — легендарный рыцарь, герой средневекового эпоса XII—XIV вв., связанный с циклом рыцарских романов «Круглого стола» и королем бриттов Артуром. Одной из обработок этого эпоса явилась поэма немецкого миннезингера Вольфрама фон Эшенбаха (XIII в.), на сюжет которой Рихард Вагнер написал одноименную оперу (1882). *Будда* — см. примеч. 251. *Царь-град* — Петроград. *Гермоген, Ермоген* (ок. 1530—1612) — русский патриарх. Во время оккупации поляками Москвы с дек. 1610 г. рассылал по городам грамоты с призывом к всенародному восстанию против интервентов. Был заточен в Чудов м-рь и уморен голодом. Память 17 февр. (2 марта), 12(25) мая, 5(18) окт. *Филипп* (в миру Колычев Федор Степанович; 1507—1569) — русский митрополит. Публично выступил против опричных казней Ивана Грозного, низложен в 1568 г. и задушен по приказу царя Малютой Скуратовым. Память 9(22) янв., 5(18) окт. *Разин бурунный с*

персидской красой. Во время одного из походов в Персию пленил персидскую княжну Фатиму.

334. Песнослов, 2, седьмое ст-ние из цикла «Ленин». - - Лн. *Про «последний, решительный бой»* — цитата из первой ст. припева гимна «Интернационал», слова французского поэта Э. Потье (1887), музыка французского композитора Д. Дегейтера (1888), русский текст создан А. Я. Коцем (1902). *Великий Сфинкс* — речь идет о наиболее величественном и грандиозном скульптурном изображении сфинкса с лицом египетского фараона Хефрена. Высота гизехского сфинкса 20 м, длина 57 м. *Умбрия* — обл. в Италии. *Люди с Естью, Наш, Иже, Еры* — название букв церковнославянской азбуки, образующих слово «Ленин».

335. Песнослов, 2, под загл. «Воздушный корабль», девятое ст-ние из цикла «Ленин», с вар. ст. 7—8 «Стихотворная трубная медь Оглашает журнальную мглу», ст. 10—15:

Но рубиново-красный солдат
Белой нежности чайку убил
Пулеметно суровым «назад».
Половецкий привратный костер,
Как в степи, озарял часовых.
Здесь презрен ягелевый узор.

между ст. 16—17 дополн. строфа:

С книжной выручки Бедный Демьян
Подавился кумачным хи-хи...
Уплывает в родимый туман
Мой корабль — буревые стихи,

с вар. ст. 18—20 «С укоризной на Смольный глядит, Где брошюрное море на миг Потревожил поэзии кит». - - Лн. *Цапль* — примеч. Клюева: «Моя вольность». *Смольный* — см. примеч. 310. *Бедный Демьян* — см. примеч. 322. С 1918 по 1921 гг. книги и брошюры Бедного были изданы тиражом 5 млн. экз.

336. Песнослов, 2, десятое ст-ние из цикла «Ленин», под загл. «Посол от медведя». - - Лн. *Китеж* — см. примеч. 292.

337. Песнослов, 2. *Нил Сорский* (в миру Майков Николай; 1433—1508) — постриженник Кирилло-Белозерского м-ря, основатель обители близ р. Соры, первооснователь скитского жития

в России, автор устава о скитском житии, многочисленных посланий к ученикам на темы духовной жизни. Память 7(20) мая. *Не голите лишь у Иверской подолы* — речь идет о московской чудотворной иконе Иверской Богоматери, находившейся у Воскресенских ворот в часовне, вблизи Исторического музея. В 1929 г. часовня была снесена. В 1995 г. восстановлена и освящена патриархом русской православной церкви. *Соловки* — см. примеч. 108. *Великая Пирамида* — имеется в виду самая высокая пирамида (146,6 м) египетского фараона Хеопса в Гизе, сооруженная в 2800 г. до н. э. *Вавилон* — см. примеч. 283. *Сады Семирамиды* — царицы Ассирии (IX в. до н. э.), с именем которой связано сооружение «висячих садов» в Вавилоне, одного из «семи чудес света». *Стена Плача* — сохранившаяся западная стена наружной ограды Иерусалимского храма, разрушенного римским императором Титом. Место религиозного паломничества иудеев. *Жертвенник Обиды* — см. примеч. 29. *Каргополь* — один из старинных городов Северной Руси, по красоте и количеству церквей не имел себе равных в Олонецкой губ. (ныне райцентр Архангельской обл.) *Пустозерск* — см. примеч. 282.

338. Песнослов, 2. *Пудож* — город в Карелии. *Приведет Алисафия змея* — мотив из духовных стихов о Егории Храбром «Егорий Храбрый», «Егорий, Лизавета прекрасная».

339. Песнослов, 2. *Китеж* — см. примеч. 292. *Орина, солдатская мать* — персонаж поэмы Н. А. Некрасова «Орина, мать солдатская» (1863). *Углич* — см. примеч. 258. *Светлояр* — см. примеч. 292.

340. Песнослов, 2. *«Красная газета»* — см. примеч. 311. *Светлояр* — см. примеч. 292. *Садко* — см. примеч. 111. *Парсифаль* — см. примеч. 333.

341. Песнослов, 2. *Да будет воля Твоя* — цитата из молитвы Господней (Мф. VI, 10). *«Красная газета»* — см. примеч. 311. *Как и при Осипе патриархе* — имеется в виду пятый патриарх Московский и всея Руси Иосиф (1642—1652), высоко ценимый старообрядцами, для которых он «последний перед Никоном истинно православный патриарх древней Руси... в напечатанных при нем богослужебных книгах широко закреплены и старые...

русские рукописные тексты, и... наши обряды: двуперстие, седмипросфорие, хождение посонь, сугубая аллилуйя, начертания Исус Х. и т. д.» (*Карташов А. В.* Очерки по истории русской церкви: В 2 т. М., 1991. Т. 2. С. 114)

342. Песнослов, 2. *Григорий Новых* — см. примеч. 246. *Серафим Саровский* — см. примеч. 211. *Святогор* — см. примеч. 292.

343. Из. 1919, 12 февр. Беловой автограф — ИРЛИ, с вар. ст. 3 «Она от клеветы и гнусных сплетен пьяна», ст. 16 «Без праздничных одежд, без солнечных венцов». Копия, выполненная Архиповым — ИРЛИ, дата: февраль 1919. *Мехнецов* — см. примеч. 311. *Вытегра* — уездный город Олóнецкой губ. (ныне райцентр Вологодской обл.). После смерти отца (февр. 1918 г.) Клюев поселяется в Вытегре, по его словам, — «городишке с кулачок, в две улицы с третьей поперек, в старом купеческом доме» (цит. по статье Азадовского К. М. «Неизвестное письмо Н. А. Клюева к Есенину» // ВЛ. 1988. № 2. С. 278). В 1923 г. он переезжает в Петроград.

344. Из. 1919, 23 февр. - - Пл. 1919, № 43, под загл. «Песнь похода». - - ТС. 1922, 22 февр. *Ладога* — см. примеч. 300. *Мир хижинам, война дворцам* — выражение французского писателя С. Н. Шамфора, ставшее лозунгом французской революции 1789—1794 гг. В дни Октября этот лозунг использовался для плакатов и часто цитировался поэтами и публицистами. *Вращают жернов горя С Архангельском Кавказ.* Подразумевается иностранная интервенция против Советской республики: высадка на Севере англо-франко-американского десанта и вторжение английских, а затем и германо-турецких войск в Закавказье. *Кивач* — водопад на р. Суна, в Карелии. *Олонец* — город в Олонецкой губ., ныне райцентр Карелии.

345. Пл. 1919, № 44.

346. Пл. 1919, № 44, между ст. 8 и 9 три дополн. строфы:

Спрут и морской огнезуб
Стали бесстрашных добычей.

Дали, прибрежный уступ
Помнят кровавый обычай:

С рубки низринуть раба
В снедь брюхоротым акулам...
Наша ли, братья, судьба
Ввериться пушечным дулам!

В вымпеле солнце-орел
Вывело красную стаю;
Мачты почуяли мол,
Снасти — причальную сваю.

- - ЮМ. 1921, № 14. Копия, выполненная Архиповым — ИРЛИ, без строф 3, 4, 5, в <Оглавлении> дата: 1919.

347. Пл. 1919, № 45. - - ЗВ. 1920, 26 февр., под загл. «Дети зари». - - ТС. 1922, 29 апр., под загл. «Багрянородная весна». - - Лн. Беловой автограф — ГЛМ, под загл. «Дети зари». Копия, выполненная Архиповым — ИРЛИ, дата: февраль 1920.

348. Пл. 1919, № 46, с вар. ст. 5 «Да где-нибудь в пестром Харране». - - Песнослов, 90 по Набор. экз. Беловой автограф — РГАЛИ, с тем же вар. в ст. 4, что и в Пл. *Пролеткульт* — см. примеч. 324. *Смольный* — см. примеч. 310. *Харран* — в Ветхом завете местность и город на северо-востоке от Месопотамии, между реками Евфратом и Хароном. *Судан* — обл. в Африке, от южных границ Сахары и от Атлантического океана до Эфиопского нагорья. *Мекка* — см. примеч. 323.

349. ЗВ. 1919, 30 марта, под загл. «Вытегра», с вар. ст. 23—24 «Малой капле — просини морские, Алой искре — звездные истоки», без ст. 25—28. - - ЛХ. Беловой автограф — ГЛМ, под загл. «Вытегра», с теми же вар., что и в ЗВ. Другой беловой автограф — РГАЛИ. Копия, выполненная Архиповым — ИРЛИ, под загл. «Вытегра», с теми же вар., что и в ЗВ, дата: март 1919. *Вытегра* — см. примеч. 343. *Собор же помнит Грозного, Бориса* — имеется в виду Вытегорский погост, упоминаемый в письменных источниках XV в. Главным украшением его являлась двадцатичетырехглавая Покровская церковь — одно из чудес деревянного зодчества Северной Руси, построенная в 1708 г. и сгорев-

шая в 1963 г. Она находилась в селе Анхимове, в семи километрах от Вытегры. В 1914 г. Клюев отправил Ширяевцу открытку с видом этой церкви: «Всмотрись, милый, хорошенько в этот погост, он много дает моей душе, еще лучше он изнутри, а около половины марта на зорях — кажется сказкой. <...> Неизъяснимым очарованием веет от этой двадцатичетырехглавой церкви времен Ивана Грозного» (Соч. 1. С. 189). *Грозный* — Иван IV (1530—1584) — первый русский царь. Его внутренняя политика сопровождалась массовыми опалами и казнями. *Борис* — Годунов — см. примеч. 310. *Илья* — см. примеч. 222. *Царевна София* — Софья Алексеевна (1657—1707) — русская царевна. За организацию стрелецкого заговора с целью свержения Петра I была заточена в Новодевичий м-рь. *Удгоф-барон* — лицо не установлено.

350. Пл. 1919, № 47, с вар. ст. 4 «Желто-грязен январский закат», ст. 13 «Дохнёт ли вертоград изюмом», ст. 22 «Посетит зырянский овин». - - ЛХ, с тем же вар. в ст. 22, что и в Пл. - - Лн, с теми же вар. ст. 13, 22, что и в Пл. - - Печ. по Набор. экз. *Память расстрелянных рабочих* — вероятно, речь идет о дне памяти жертв Ленского расстрела 4(17) апр. 1912 г., так как ст-ние было опубликовано 30 марта в журн. «Пламя». *Бах* — см. примеч. 317.

351. ЗВ. 1919, 24 апр. Вырезка из ЗВ, Архиповым записана дата: апрель 1919. *Была разлука с Единым* — намек на изгнание Богом из рая за нарушение наказа (Быт. III, 23, 24). *Гора гор* — по Библии, Сион — святая гора, дом Бога. *Река животная* — Евфрат — см. примеч. 283. *Иерусалим* — город в Палестине, священный центр христиан, иудеев и мусульман. *Харран* — см. примеч. 348. *Олонец* — см. примеч. 344. *Улыбчивой твари даю имена* — намек на библейский рассказ о том, как Адам давал имена «всем скотам и птицам и всем зверям полевым» (Быт. II, 19—20).

352. ЗВ. 1919, 24 апр., без посвящ., с вар. ст. 16 «Где чернильный и мысленный сор». - - Пл. 1919, № 66, без посвящ., без ст. 1—4, с вар. ст. 16 «Где книжный и мысленный сор». - - Лн, без посвящ., с тем же вар., что и в ЗВ. - - Песнослов, 90 по Набор. экз. Беловой автограф — РГАЛИ, без посвящ. *Медведев*

Павел Николаевич (1892—1838) — русский критик и литературовед. *Ладога* — см. примеч. 300. *Троеручица* — икона Богородицы, с именем которой, по преданию, связана история св., церковного деятеля первой пол. VIII в. Иоанна Дамаскина. Его рука, отрубленная врагами, срослась чудесным образом с помощью Богородицы. Тогда Иоанн на иконе снизу подписал серебряное изображение своей руки.

353. ЗВ. 1919, 27 апр., между ст. 4—5 дополн. строфа:

В севечерний час, как варенье,
Восковой, антидорный час,
И беличье дальнее пенье:
«Святый Боже, помилуй нас!»

- - ЛХ. Беловой автограф — ГЛМ, с тем же вар., что и в ЗВ. Другой беловой автограф — РГАЛИ. Набор. экз. *Святый Боже, помилуй нас* — см. примеч. 224.

354. ЗВ. 1919, 27 апр., с вар. ст. 21 «Есть Купало и Красная горка», ст. 23 «Мы забыли про цветик душистый». - - Зн (Берлин). 1921, № 1, под загл. «Ямбы», с теми же вар., что и в ЗВ. - - Песнослов, 90 по Набор. экз. Беловой автограф — ГЛМ, с теми же вар., что и в ЗВ. Другой беловой автограф — РГАЛИ, с теми же вар., что и в ЗВ. *Филаретовских риз* — имеется в виду Филарет (ок. 1554/55—1633) — патриарх, отец царя Михаила.

355. ЗВ. 1919, 27 апр., под загл. «Поэту-товарищу Александру Богданову». - - ЛХ. Беловой автограф — ГЛМ, с тем же загл., что и в ЗВ; подпись: Николай Клюев. Другой беловой автограф — РГАЛИ. Набор. экз. *Богданов* Александр Васильевич (1898—1925) — поэт, газетный работник, редактор газ. «Звезда Вытегры» с марта по май 1919 г. *Блузник, сапожным ножом, Раздирающий лик Мадонны. Это в тумане ночном Достоевского крик бездонный.* Реминисценция строк из книги В. Розанова «Опавшие листья» (Пг., 1915. Короб 2-й. С. 21)): «Достоевский, видевший все это "сложение обстоятельств", жёлчно написал строки: и вот, в XXI столетии,— при всеобщем реве ликующей толпы, блузник с сапожным ножом в руке поднимается по лестнице к чудному Лику Сикстинской Мадонны: и раздирает этот Лик во имя всеобщего равенства и братства». Эта мысль явилась вольной перефразировкой высказываний С. Т. Верховенского о Сикстин-

ской Мадонне (См.: *Достоевский Ф. М.* Бесы // Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1974. Т. 10. С. 265, 266). Картину Рафаэля «Сикстинская Мадонна» (1515—1519) Достоевский относил к величайшим проявлениям человеческого гения. *Неневестной Матери лик*, т. е. Богородицы. Неневестно неневестная — частое обращение к ней в молитвах. *На валдайском ямщицком небе* — в дореволюционной России уездный г. Валдай Новгородской губ. славился производством ямщицких поддужных колокольчиков.

356. ЗВ. 1919, 4 мая, под загл. «Всемирного солнца восход», в ст. 9, 19, 29, 39, 49 «осьмнадцатый» вместо «семнадцатый», с вар. ст. 14 «С лозой покумив бурелом». - - Лн. Беловой автограф — ГЛМ, под тем же загл. и с теми же вар., что и в ЗВ. *Таити* — см. примеч. 301. *Нарым* — см. примеч. 325.

357. ЗВ. 1919, 11 мая, с вар. ст. 12 «Повяжет лишайный плат». - - ЛХ, с вар. ст. 12 «Повяжет зеленый плат». - - РС. 1924, № 1, второе ст-ние из цикла «Песни на крови», с вар. ст. 12 «Наденет зеленый плат». - - Песнослов, 90 по Набор. экз. Беловой автограф — РГАЛИ, с тем же вар. ст. 12, что и в ЛХ. *Терновый лик* — по Евангелию, Иисус Христос в терновом венке перед казнью (Мф. XVII, 29). *Слеза Петрова* — по Евангелию, апостол Петр непрестанно свидетельствует Христу свою любовь и преданность. По совершении тайной вечери Христос предрекает троекратное отречение Петра «в ту ночь, нежели пропоет петух». Когда Христос был схвачен, то узнанный людьми Петр трижды отрекся от Него. Пение петуха напомнило ему пророчество Христа и вызвало слезы горького раскаяния (Мф. XVI, 69—75; Лк. XXIII, 56—62, Иоан. XVIII, 25—57). *О, распните меня, распните, Как Петра,— головою вниз* — по преданию, в царствование Нерона прибыв в Рим, он претерпел мученическую кончину на кресте. Признавая себя недостойным быть распятым так, как был распят Христос, апостол Петр упросил, чтобы его распяли головою вниз.

358. ЗВ. 1919, 1 июня, под загл. «Голод», между ст. 12—13 дополн. строфа:

Родина, я умираю,—
Погаси закат-сарафан!
Не тебе поет, а Китаю
Заонежский красный баян.

- - ЛХ. Беловой автограф — РНБ, под загл. «Голод» с той же дополн. строфой. Другой беловой автограф — РГАЛИ, под тем же загл. и с той же дополн. строфой. Набор. экз. без дополн. строфы. В ст-нии отражены реальные события. Живя в Вытегре, Клюев очень бедствовал, голодал, просил друзей о помощи. В письме Миролюбову конца 1919 — нач. 1920 г. он писал: «Молю Вас, как отца родного, потрудитесь, ради великой скорби моей, сообщить Есенину, что живу я, как у собаки в пасти, что рай мой осквернен и разрушен, что Сирин мой не спасся и на шестке, что от него осталось единое малое перышко. Всё, всё погибло. И сам я жду погибели неизбежной и беспесенной. Как зиму переживу — один Бог знает. Солома да вода — нет ни сапог, ни рубахи. На деньги в наших краях спички горелой не купишь. Деревня стала чирьем-недотрогой, завязла в деньгах по горло. Вы упоминаете про масло, но коровы давно съедены, молока иногда в целой деревне не найти младенцу в рожок...» (Цит. по кн.: У истоков русской советской поэзии. 1917—1922. С. 44). В марте 1922 г. Есенин сообщал Иванову-Разумнику: «Положение его там ужасно, он почти умирает с голоду. Я встормошил здесь всю публику, сделал для него что мог с пайком и послал 10 миллионов руб. Кроме этого, послал еще 2 миллиона Клычков и 20 — Луначарский» (*Есенин С. А.* Собр. соч. Т. 6. С. 113—114). *Кольцов* — см. примеч. 76, 282. *Кардуччи* Джозуэ (1835—1907) — итальянский поэт.

359. Пл. 1919, № 57, с вар. ст. 20 «Прыгают дятлы и векши-столетья». - - ЛХ. Беловой автограф — РНБ. Другой беловой автограф — РГАЛИ. Набор. экз. *Маяковскому грезится гудок над Зимним. Маяковский* Владимир Владимирович (1893—1930) — русский поэт-урбанист, певец революции. В ст-нии «Радоваться рано» (1918), с которым полемизирует Клюев, поэт отказывается признать живое значение классического наследия, зовет к атакам на классиков, ратует за утилитарно-производственное искусство. К началу 30-х гг. у Клюева сложилось резко негативное отношение к творчеству Маяковского. *Сапоги с набором* — с мелкими поперечными складками на голенище, «гармошкой». *Маркони* Гульельмо (1874—1937) — итальянский радиотехник и предприниматель. *Менделеев* — см. примеч. 317. *«Изобразительным искусствам»* — речь идет об отделе Изобразительных искусств Наркомпроса, в деятельности которого в 1918—1919 гг.

принимал участие Маяковский и даже некоторое время был в штате его, печатался в газ. «Искусство коммуны», опубликовал здесь ст-ние «Радоваться рано», вызвавшее острую полемику в печати. *Свете Тихий* — см. примеч. 221. *Простой, как мычание, и облаком в штанах казинетовых* — перефразировка названий сб. ст-ний Маяковского «Простое как мычание» (1916) и поэмы «Облако в штанах» (1915).

360. ЗВ. 1919, 29 июня. - - Пл. 1919, № 67, без загл. и строф 4—6. - - Печ. по ЗВ, как художественно законченный текст. *Заонежье* — см. примеч. 293. *Ки́жи* — о-ва в Онежском озере; комплекс деревянных сооружений Кижского погоста (XVIII—XIX) — памятник крестьянского зодчества. *Стальноклювый гость из Парижа Совершает черный обряд* — речь идет о налетах французской авиации в 1919—1920 гг. (в рамках Антанты) на объекты Советской республики. *Голгофа* — см. примеч. 48.

361. ЗВ. 1919, 29 июня, под загл. «Трепет знамен». - - ЛХ. Беловой автограф — РГАЛИ, без ст. 24—28, с вар. ст. 29 «Заревые рощи-иконы». Набор. экз. *Строгановские иконы* — иконы Строгановской школы — условное название стилистического направления в русской иконописи конца XVI — нач. XVII вв. (мастера Прокопий Чирин, Истома, Никифор и Назарий Савины, Ем. Москвитин). Название Строгановские иконы происходит от фамилии купцов Строгановых — постоянных заказчиков и собирателей миниатюрных икон, с их изысканной цветовой палитрой, изумительной тщательностью исполнения. *Не зовите нас в Вашингтоны, В смертоносный железный рай* — см. примеч. 261 (Чикаго). *Кааба* — мечеть в Мекке, место паломничества мусульман. *И восплачет с главой на блюде Плясея Кровавых Времен* — имеется в виду Саломея, племянница царя Иудеи Ирода, во время празднования его дня рождения угодила ему своею пляской. В награду за это, по совету матери, попросила голову Иоанна Крестителя. Палач совершил казнь и, по условию, подал Саломее на блюде голову Иоанна. *«Се Жених грядет»* — цитата из евангельской притчи о девяти женах (Мф. XXV, 6).

362. ЗВ. 1919, 29 июня, под загл. «Родные берега», между ст. 8—9 дополн. строфа:

О главе Адамовой красной,
Омытой кровавой росой,
В жасминовый вечер ясный,
По книге сурово простой,

между ст. 20—21 дополн. строфа:

Хризопраз сразится с Железом,
С Бумагой — Халколиван,
Лучезарным, виссонным Крезом
Предстанет дурак — Иван,

с вар. ст. 23 «И возлюбит багряный Ленин». - - ЛХ. Беловой автограф — РГАЛИ, между ст. 8—9 та же дополн. строфа и вар. ст. 23, что и ЗВ. Набор. экз. *С пронырою-кодаком* — с фотоаппаратом фирмы «Истмен Кодак». *О черепе под крестом* — в иконографии место распятия Христа — Голгофа (букв. место черепа) — и могила Адама. У ног Распятого изображается череп с двумя лежащими крестообразно костями — подразумевается, что это череп Адама. *Салтычиха* — Салтыкова Дарья Николаевна (1730—1801) — помещица Подольского уезда Московской губ., замучившая более ста крепостных девушек, была заключена в монастырскую тюрьму. *Тамерлан, Тимур* (1336—1405) — среднеазиатский полководец, покоривший десятки стран с небывалой жестокостью. В одном из сражений он был тяжело ранен в бедро и остался хромым, русское прозвище Железный Хромец — перевод с тюркского Темир Аксак; персидский вариант Тимур-ленг дал в Европе произношение Тамерлан. *Маркони* — см. примеч. 359. *Саваоф* — см. примеч. 121. *Зороастр* — см. примеч. 251. *Есенин* — примеч. Клюева: «Есенин — известный народный поэт». *Крез* (595—546 гг. до н. э.) — последний царь Лидии, его богатство вошло в поговорку.

363—364. Из цикла «Песни утешения»

В основу ст-ний легли события из личной жизни Мехнецова (см. примеч. 311). Вероятно, что и «эпизод с “убитой шляпой”... связан с неким столкновением Мехнецова со стражниками либо с карателями» (*Грунтов А., Субботин С.* «Пылайте, напевымаки!» // Св. 1984. № 3. С. 103). *Мехнецов* — см. примеч. 311.

1. ЗВ. 1919, 20 июля, первое ст-ние из цикла «Песни утешения». Беловой автограф — ИРЛИ. Копия, выполненная Архиповым — ИРЛИ, дата: 20 июля 1919. *Тян-Дзин*, точнее: *Тянь-Цзинь* — город и порт в Китае. *Мариинская система* —

важнейший из водных путей, соединяющий Волгу с Петербургским портом, сооруженный в нач. XIX в.; с 1964 г. после коренной реконструкции — часть Волго-Балтийского водного пути.

2. ЗВ. 1919, 20 июля, второе ст-ние из цикла «Песни утешения». Беловой автограф — ИРЛИ. Копия, выполненная Архиповым — ИРЛИ, дата: июнь 1919. *Олонец* — см. примеч. 344.

365. ЗВ. 1919, 20 июля, третье ст-ние из цикла «Песни утешения». - - Пл. 1919, № 69. Беловой автограф — ИРЛИ. Другой беловой автограф — РГАЛИ. Набор. экз.

366—368. Песни Вытегорской коммуны

1. ЗВ. 1919, 27 июля, первое ст-ние из цикла «Песни Вытегорской коммуны». Копия, выполненная Архиповым — ИРЛИ, дата: июль 1919. *«Лучинушка»* — русская народная песня. *Сезанн* Поль (1839—1906) — французский живописец, представитель постимпрессионизма. *Вазы этрусские* — керамические изделия древних племен, населявших в первой пол. I тысячелетия до н. э. Апеннинский полуостров, область Этрурию (совр. Тоскана). Отличались богатством и разнообразием форм, выполненные как в традиционной технике «буккеро», так и в подражании греческим чернофигурным образцам. *Ладога* — см. примеч. 300. *Дождик яблочный, ветер малиновый Попретил Маяковскому с Бриками* — намек на широкую пропаганду индустриально-технического развития страны, преклонение перед технизацией жизни в ущерб природе. *Маяковский* — см. примеч. 359. *Брик* Осип Максимович (1888—1945) — критик, один из теоретиков Лефа. *Брик* Лилия Юрьевна (1891—1978) — жена Осипа Максимовича.

2. ЗВ. 1919, 27 июля, второе ст-ние из цикла «Песни Вытегорской коммуны», с вар. ст. 5—6 «Что они, как столб комаров, Запевают под сердцем деревни», без строфы 4. - - Песнослов, 2. Копия, выполненная Архиповым — ИРЛИ, дата: 27 июля 1919. *Родить нашей Саре древней* — намек на библейский рассказ о Саре, жене Авраама, остававшейся бесплодною в течение многих лет супружества. Лишь после предрешения Бога у Сары, которой было около 90 лет, родился сын Исаак (Быт. XVII, 16, XXI, 1—3).

3. ЗВ. 1919, 27 июля, третье ст-ние из цикла «Пени Вытегорской коммуны», с опечаткой в ст. 7. - - Печ. по вырезке из ЗВ, с устраненной опечаткой — ИРЛИ.

369—371. Вороньи песни, с посвящ. «Возлюбленному А. Б.»

1. ЗВ. 1919, 4 окт., первое ст-ние из цикла «Вороньи песни». Копия, выполненная Архиповым — ИРЛИ, дата: октябрь 1919. *А. Б.* — Богданов — см. примеч. 355. *Луначарский* Анатолий Васильевич (1875—1933) — государственный и общественный деятель, с 1917 по 1929 гг. нарком просвещения РСФСР. *Зиновьев* Григорий Евсеевич (наст. фам., имя и отчество Радомысльский (по метрической записи — Радомышельский) Евсей (Овсей-Гершен) Аронович; 1883—1936) — политический деятель. С дек. 1917 г. председатель Петроградского Совета Северной коммуны (куда входила и Олонецкая губ.). *Углич* — см. примеч. 258. *Ростов Великий* — один из красивейших северных городов России, славу которому создали памятники архитектуры XVI—XVII вв. *Остров Елены* — остров св. Елены (Атлантический океан), место ссылки Наполеона Бонапарта. *Из Гейне «двух гренадер»* — имеется в виду ст-ние Г. Гейне «Гренадеры» (1831).

2. ЗВ. 1919, 4 окт., второе ст-ние из цикла «Вороньи песни». Беловой автограф — ГЛМ. Копия, выполненная Архиповым — ИРЛИ, дата: октябрь 1919. Ст-ние навеяно неурядицами с родными поэта. «Сестра и зять, — с горечью писал Клюев Есенину 28 янв. 1922 г., — вдобавок обокрали меня; я уезжал в Белозерский уезд, они вырезали замок в келье, взломали дубовый кованый сундук и выкрали всё, что было мною приобретено за 15-ть лет,— теперь я нищий, оборванный, изнемогающий от постоянного недоедания» (Цит. по статье Азадовского К. М. «Неизвестное письмо Н. А. Клюева к Есенину» С. 278). *Марсельеза* — см. примеч. 292. *Генеральским смехом Деникин Покрывает борьбы напев* — к осени 1919 г. на Южном фронте Советской республики создалась критическая ситуация. Главком вооруженными силами юга России генерал-лейтенант А. И. Деникин (1872—1947) был в двухстах километрах от Москвы и поражение красных казалось неизбежным, однако Деникин был разгромлен и в 1920 г. эмигрировал за границу. *Содом* — город у Мертвого моря, на жителей которого, как рассказывается в Ветхом завете, за развращенность и жестокий нрав пал гнев Божий, в результате чего город был испепелен. В переносном смысле означает — распущенность, беспорядок. *Саломия* — см. примеч. 361.

3. ЗВ. 1919. 1919, 4 окт., третье ст-ние из цикла «Вороньи песни». Копия, выполненная Архиповым — ИРЛИ, дата: октябрь

1919. *Гималаи* — см. примеч. 257. *Машук* — гора на Северном Кавказе. *Помпеи* — город в Южной Италии, засыпанный при извержении вулкана Везувия пеплом в 79 г. *Крикливых нищих Фелиц.* Под именем Фелица Г. Р. Державин в своей оде «Фелица» (1782) воспел Екатерину II, покровительствовавшую изящным искусствам. Клюев же имел в виду новоявленных «покровительниц» литературы.

372. ЗВ. 1919, 1 нояб., в подборке «Октябрьские листья», в ст. 2 без слов «русские тракты» между ст. 16—17 дополн. строфа:

Облетели червонные Кижи...
Глядь, и Спас Нередицы в пенснэ!
Златокудрый Есенин в Париже
Триолеты строчит обо мне.

с вар. ст. 17—18 «Всеплеменная, пестрая рожа Над олонецкой пущей взошла», ст. 20—21 «Где Россию пурга замела, Где багряная треплется лента». - - ЛХ, в ст. 2 без слов «русские тракты», с вар. ст. 14 «Аду Негри дарил перстеньком». - - Печ. по Набор. экз. Беловой автограф — РГАЛИ, с теми же вар. в ст. 2, 14, что и в ЛХ. *Ломоносов* Михаил Васильевич (1711—1765) — первый русский ученый-естествоиспытатель, поэт, историк, родился в с. Холмогоры Архангельской губ., в семье помора. *Ермак* Тимофеевич (?—1585) — казачий атаман. Походом ок. 1581 г. начал освоение Сибири Русским гос-вом. Погиб в бою с ханом Кучумом. *От валдайской ямщицкой тоски* — см. примеч. 355. *Соловки* — см. примеч. 108. *«Марсельеза»* — см. примеч. 292. *В напеве «Варяга»* — в начале русско-японской войны крейсер «Варяг» вместе с канонерской лодкой «Кореец» героически сражался с японской эскадрой. Ввиду угрозы захвата противником был затоплен командой, а «Кореец» взорван. Этому подвигу посвящено несколько песен. *Печора* — см. примеч. 323. *Бах* — см. примеч. 317. *Внук Коловрата* — намек на Есенина. *Светланина треплется лента* — имеется в виду героиня баллады В. А. Жуковского «Светлана» (1813). *Спас Нередицы* — церковь Спаса Преображения на Нередице (1198) в Новгороде, памятник древнерусского зодчества. *Златокудрый Есенин в Париже* — предвосхищение Клюева. Есенин впервые приехал в Париж летом 1922 г. *Ада Негри* (1870—1945) — итальянская поэтесса.

373. ЗВ. 1919, 15 нояб. в подборке «Неопалимое знамя», под загл. «Сентябрь», с вар. ст. 2 «С кадила Божьего сапфирный уголек», ст. 10 «До мамушки-зари прикурнуло, грустя». - - ЛХ, с теми же вар., что и в ЗВ. - - ИзП. Беловой автограф — ГЛМ, под загл. «Сентябрь», с теми же вар., что и в ЗВ. Другой беловой автограф — РГАЛИ, с теми же вар., что и в ЗВ. Третий беловой автограф — РНБ (альбом Э. Ф. Голлербаха), с теми же вар., что и в ЗВ, подпись: Николай Клюев. Дата: 1924. Набор. экз. Копия, выполненная неустановленным лицом, с пропусками ст. и слов — ИРЛИ, дата: июнь в Питере 1921 г., с припиской, несомненно, принадлежащей Клюеву: «Многострунным перстам Вашим, Валентина Ильинична, и за ласковые слова в моем сиротстве великом. Кланяюсь Вам, как березке, как певучим улыбкам родимых зорь» *Валентина Ильинична* — сестра Н. И. Архипова, пианистка (сообщено К. М. Азадовским).

374. ЗВ. 1919, 15 ноября, в подборке «Неопалимое знамя». - - ЛХ. Беловой автограф — РГАЛИ. Другой беловой автограф — ИРЛИ (Музей), подпись: Николай Клюев. Третий беловой автограф — ИРЛИ, с вар. ст. 10 «Что на солнце плетут власяничный башлык». Набор. экз.

375. ЗВ. 1919, 27 дек. Беловой автограф — ИРЛИ, подпись: Николай Клюев. Копия, выполненная Архиповым — ИРЛИ, дата: 27 декабря 1919. *Грошников* Василий Александрович — заместитель председателя Вытегорского уездного комитета РКП(б). Погиб на Нарвском фронте 18 дек. 1919 г. *Нарва* — город в Эстонии. *Повенец* — уездный город Олонецкой губ., в то время важный узловой пункт на Петербургском тракте и пристань на Онежском озере (ныне пос. городского типа, Карелия). *Муч* — так в старину называли о-в Муромский, точнее: п-в на Онежском озере — см. примеч. 221. В своем биографическом повествовании «Гагарья судьбина» Клюев рассказывает об этом заповедном месте: «На острове, в малой церковке царьградские вельможи живут Лазарь и Афанасий Муромские. Теплится их мусикия — учеба Сократова в булыжном жернове, в самодельных горшочках из глины, в толстоцепных веригах, до наших дней онежские мужики рачением церковным и поклонением оберегают» (*Клюев Н.* Гагарья судьбина // Св. 1992. № 6. С. 155).

376. Св. 1984, № 3 по беловому автографу — РГАЛИ (ошибочно указано — ГЛМ). Черновой автограф — ГЛМ. Копия, выполненная Архиповым — ИРЛИ, с вар. ст. 16 «Дуновенье дамасских роз», ст. 21 «Братья, верен сердце-проселок», ст. 28 «Нива — солнце, звезды — анис», в <Оглавлении> дата: 1919. *Пошехонье* — см. примеч. 314. *Пустозерск* — см. примеч. 282. *Таити* — см. примеч. 301. *Соловки* — см. примеч. 108. *Тунис* — столица одноименного гос-ва в Северной Африке.

377. ДнП. 1984, по беловому автографу — РГАЛИ, с опечаткой в ст. 13. Копия, выполненная Архиповым — ИРЛИ, после ст. 16 три дополн. строфы:

Глядь, слоны полощутся в Онеге,
Казуар — в клетушке у карела,
По-ямщицки солнце на телеге
Прискакало к дому угорело.

Самоед в тюрбане Али-Бабы
Запевает про Каир узорный,
Потянулися к вратам Каабы
Вотяки тропинкою нагорной.

Соловецкий бахарь в Ливерпуле
Славит избу — наковальню слова...
В стихотворном водопадном гуле
Зреет миру львиная обнова.

В <Оглавлении> дата: 1919. *Борнео* (Калимантан) — самый крупный из о-вов Малайского архипелага. *Шуя* — город в Ивановской обл. *Али-Баба* — персонаж сказок «Тысячи и одной ночи». *Кааба* — см. примеч. 361. *Онега* — см. примеч. 228.

378. ИЛ. 1990, № 8 по копии, выполненной Архиповым — ИРЛИ, перед текстом другими чернилами написано «Поэт», в <Оглавлении> дата: 1919? *Отрубленная голова* — намек на евангельский рассказ о казни Иоанна Крестителя — см. примеч. 361 (Плясея Кровавых времен) *Пулково* — Главная астрономическая обсерватория Российский Академии наук (Пулковская).

379. ЛО. 1987, № 8 по копии, выполненной Архиповым — ИРЛИ, в <Оглавлении> дата: 1919. Вторая копия, выполненная

Богдановым — ГЛМ, с вар. ст. 20 «Загурчит словно ключ под ивою». *Зингер* — имеется в виду электронная и электротехническая компания «Зингер», США. *Топтыгин* — см. примеч. 263. *И «Белым скитом» Чапыгин* — см. примеч. 324. *Тихвинская колыбельная Богородица* — Тихвинская икона Богоматери. *Мильтон* Джон (1608—1674) — английский поэт. *Кириллов* — см. примеч. 326.

380. В статье Маквея Г. «Есенин, Клюев, Клычков и Орешин: Новые фотографии и текст» // Russian Literature Triquarterly. 1979, № 16 по беловому автографу — частное собрание (Москва). Копия, выполненная Архиповым — ИРЛИ, в <Оглавлении> дата: 1919. *Ермак* — см. примеч. 372. *Кольцо* Иван — казачий атаман, сподвижник Ермака, предательски убит вместе с сорока товарищами ханом Карача в 1584 г. *Соловки* — см. примеч. 108. *Казанка* — р., левый приток Волги, упоминаемая в русской народной рекрутской песне «Вдоль да по речке». *Сарай* — имеется в виду столица Золотой Орды Сарай-Бату, с первой пол. XIV в. Сарай-Берке (Нижнее Поволжье).

381. ИЛ. 1990, № 8 по копии, выполненной Архиповым — ИРЛИ, в <Оглавлении> дата: 1919. Беловой автограф — РГАЛИ, в ст. 4 вместо «смоет» «омоет», без строф 3, 4, с вар. ст. 17 «Глядь, молоту верба далась молодицей», ст. 22 «И шкипере-рассудок всхрапнул на руле», в ст. 24, в слове «Байрам» описка. *Коломна* — древний пограничный город Рязанского княжества, впервые упоминаемый в Лаврентьевской летописи в 1177 г. (ныне в Московской обл.). *И Ремизов нижет загиблое слово. Ремизов* Алексей Михайлович (1877—1957) — писатель, знаток русской старины, мифов, апокрифов, сказок, прекрасно владевший образным русским языком. Осенью 1917 г. Ремизовым было написано полное скорби и тревоги за будущее России «Слово о погибели Русской земли», впервые опубликованное в литературном приложении «Россия в слове» к петроградской газ. «Народная» (на колонтитуле «Воля народная») первоначально под загл. «Слово о погибели земли русской» 28 нояб. 1917 г. (См.: *Субботин С. И.* Еще раз о дате первой публикации «Слова о погибели...» // НЛО. 1995. № 14. С. 154—155). С 1921 г. в эмиграции. *Ярославна* — см. примеч. 323.

382. Зв. 1991, № 3 по копии, выполненной Архиповым — ИРЛИ. О событиях, которые легли в основу этого ст-ния, см. примеч. 370.

383. Сл. 1991, № 4 по копии, выполненной Архиповым — ИРЛИ, с искажением в ст. 4 «мутную» вместо «лунную». - - Печ. по этому же источнику.

384. В статье Субботина С. И. «Где черт валяется, там шерсть останется!» // Сл. 1990, № 4, по беловому автографу — ГЛМ. Беловой автограф — ИРЛИ, с вар. ст. 3 «Натрудили ему голубиные плеченьки», после ст. 8 приписка: «Пропущена строфа, см. ниже», четвертая строфа зачеркнута, с вар. ст. 17 «На лежанке два гостя — саврасые саваны», ст. 20 «Обронила Россия венчальный платок», ст. 24 «Окровавлен родной боговидящий лик», между ст. 24—25 дополн. строфа:

Оттого каплют сосны медынью багровою,
Полыхает лампадка и вопли в трубе,
Грезит кашей горшок, маслобойка — коровою,
Постучалася оторопь в гости к судьбе.

с вар. ст. 26—28 «Что цветет как напев мирликийской весной, Ты катися, слеза, куманика узрелая, Сочетая поэзию с тайной живой», восьмая строфа опущена. *Добролюбов* Александр Михайлович (1876—1945?) — поэт-символист. В 1898 г. ушел «в народ», странствовал по Олонецкой губ., жил в Соловецком м-ре, позже в Поволжье основал религиозную секту «добролюбовцев». *Брама* — см. примеч. 280. *Будда* — см. примеч. 251. *Аксаков* Сергей Тимофеевич (1791—1859) — русский писатель, проникновенно воспевший природу. *Микола* — см. примеч. 184. *Егорий* — см. примеч. 193. *Поморье* — см. примеч. 253. Датируется, как и ст-ния № 384—391, согласно <Перечням> — СРЗ.

385. ЛО. 1987, № 8 по копии, выполненной Архиповым — ИРЛИ, с вар. ст. 6 «И в пляске дервишей в газетных листках», ст. 15 «И "Франции сердце" мой "Кит Меднобрюхий"», с искажением в ст. 17 «китовом» вместо «китовьем», с вар. ст. 18 «Не страшен поэту свинца поцелуй», ст. 19 «Меня расстреляют в грозовом июле», с искажением в ст. 20 «струн» вместо «струй». - - Печ. по беловому автографу — ГЛМ. *Телок с ягуаром живет без опаски* — отзвук стихов из кн. пр. Исайи (XI, 6): «...волк

будет жить вместе с ягненком, и барс будет лежать вместе с козленком; и теленок и молодой лев и волк будут вместе...» «*Кит Меднобрюхий*» — символический образ из ст-ния «Медный кит» (1918). *Смольный* — см. примеч. 310. *Харран* — см. примеч. 348. О датировке см. примеч. 384.

386. БП, по беловому автографу — ГЛМ. Копия первых двух строф, выполненная Архиповым — ИРЛИ, строфы зачеркнуты, приписка: «Из сожженных стихов». Другая копия, выполненная Архиповым — ИРЛИ. *Таити* — см. примеч. 301. *Пресня* — исторический р-н Москвы, после 1918 г.— Красная Пресня. О датировке см. примеч. 384.

387. ЛО. 1987, № 8 по копии, выполненной Архиповым — ИРЛИ. *Отречься от петухов, Как Петру, с пугливой клятвой* — см. примеч. 357. *Гааз* Федор Петрович (1780—1853) — русский врач. Как главный врач московских тюрем добился улучшения содержания заключенных, организации тюремной больницы, школ для детей арестантов. О датировке см. примеч. 384.

388. КЗ. 1990, 27 окт. по копии, выполненной Архиповым — ИРЛИ, с искажением в ст. 3 «затвердеют» вместо «завередеют». *Бах* — см. примеч. 317. *Скрябин* — см. примеч. 333. *Мыслящий тростник* — образ, принадлежащий французскому мыслителю Б. Паскалю: «Человек всего лишь тростник, самый слабый в природе, но это мыслящий тростник» (Мысли, VI). *Тютчев* — см. примеч. 322. О датировке см. примеч. 384

389. КЗ. 1990, 27 окт. по копии, выполненной Архиповым — ИРЛИ. Еще более резче, беспощаднее скажет Клюев о носителях «чугунного искусства» в нач. 1923 г.: «Исчадие питерских помойных ям, завсегдатаи заведений двенадцатого сорта, слизь и писуарная нежить, выброшенная революционной улицей, усвоившая для себя только пикейную жилетку и фиксатуарный пробор, со смердяковским идеалом открыть кафе в Москве "для благородных" — проклята в моем сердце и не прощена в моей молитве. У нежити крылья нетопыря, ей не взлететь выше крыши "Европейской гостиницы". Там она и правит свой смрадный шабаш своим будто бы железным искусством, ругаясь над народной душой и кровью. Мой же путь — тропа батыева ко стенам Града

Невидимого. Да будет так! Да совершится! Иду и пою» (ИРЛИ. Р. 1. Оп. 12. № 681. Л. 83). *Княжна Тараканова* Елизавета (псевдоним, известна также под именем девицы Франк, госпожи Тремуль и т. д.; ок. 1745—1775) — авантюристка-самозванка, выдававшая себя за дочь императрицы Елизаветы и графа А. Г. Разумовского. Умерла от туберкулеза в Петропавловской крепости. Предание о гибели ее в Петербурге во время наводнения 1777 г. послужило сюжетом картины художника К. Д. Флавицкого (1864). *Гете* Иоганн Вольфганг (1749—1832) — немецкий поэт, писатель, мыслитель и естествоиспытатель. *Садофьев* Илья Иванович (1889—1965) — поэт. *Гюго* Виктор Мари (1802—1885) — французский поэт-романтик, писатель. *Маширов* Алексей Иванович (псевдоним Самобытник; 1884—1943) — пролетарский поэт, один из организаторов петроградского Пролеткульта. О датировке см. примеч. 384.

390. КЗ. 1990, 27 окт. по копии, выполненной Архиповым — ИРЛИ. *Старых поморских писем* — имеются в виду иконы, написанные в Выгово-Лексинском Поморском общежительстве. Сначала иконописцы подражали иконам Соловецкого письма, потом Строгановского. Позже у них выработался свой стиль (пóшиб). Они придали ликам святых очень светлый беловатый оттенок, сильно оживили золотом пробелку облачений. В изображение горок, земли и деревьев ввели свой рисунок, особенно в ландшафте: на иконе появилось изображение бедной северной природы (См.: *Дружинин В. Г.* К истории крестьянского искусства XVIII—XIX веков в Олонецкой губернии (Художественное наследие Выгорецкой Поморской обители) // Известия Академии наук СССР. 1926. С. 1479—1490. Отд. оттиск). *Акатуй* — главная сибирская каторжная тюрьма в дореволюционной России, находилась в Нерчинском горном округе Забайкалья. О датировке см. примеч. 384.

391. ИЛ. 1990, № 8 по беловому автографу — ИРЛИ, с искажением в ст. 10 «безответно» вместо «безотзывно». *Цареград* — см. примеч. 272. О датировке см. примеч. 384.

392. Зн. 1920, № 6, без посвящ., с вар. ст. 2 «На буйной русской земле», ст. 6 «Олонецкому рыбаку», др. ред. ст. 9—27:

Сошло женатое солнце
К арабскому очагу
Пропеть о Красном Олонце,
О брачном боге Гу-гу.

И араб, вперясь в пустыню,
Видит пламенный караван,
Он везет волшебную скрыню
Орлиных яростных ран.

То от сосен пальмам подарок,
От моржа ягуару дар.
Многокрыл и слепяще ярок
Мировой священный пожар.

И не басня, что у араба
Солнце тундр и снегов в гостях...
Пестрядинная вятская баба
На мемфисских пляшет лугах.

Что в знаменном алом пожаре
Звездотечный плещет Ефрат
И в московском родном самоваре.

- - ЛХ, с посвящ. «Вящему другу А. Богданову». ЛХ, 1, без посвящ. *Богданов* — см. примеч. 355. *Олонец* — см. примеч. 344. *Ефрат* — см. примеч. 283. *Чад* — озеро в Африке.

393. ЛХ, без посвящ., с вар. ст. 8 «Расцветет соловьиный сад», ст. 30 «На безбрежность песенных нив». - - РС. 1924, № 1, третье ст-ние из цикла «Песни на крови», без посвящ., с теми же вар. в ст. 8 и 30, что и в ЛХ. - - Песнослов, 90, по Набор. экз. ЛХ, 1 без посвящ., с теми же вар. в ст. 8 и 30, что и в ЛХ. Подготавливая ко второму изданию сб. «Львиный хлеб», Клюев писал из Вытегорского уезда 18 авг. 1924 года Н. И. Архипову и П. В. Соколовой: «Да исправь "безбрежность" на "безбрежье" в стихотворении "Я знаю, родятся песни"» (Сергей Есенин в стихах и жизни. С. 339). *Соколовский* Михаил Владимирович (1901—1941) — режиссер, один из ведущих деятелей трамовского движения 20—30-х гг. Участник «Театра митингов и манифестаций» при Доме коммунистического воспитания молодежи им. М. Гле-

рона. С 1925 по 1935 гг. руководил Ленинградским агитационным театром рабочей молодежи (ТРАМ). В начале войны вступил в народное ополчение и погиб в бою. В своей творческой практике Соколовский исходил из установок, характерных для всей деятельности ТРАМов: отказ от классического репертуара, отрицание профессионального искусства и актерского мастерства, что, вероятно, и дало повод Клюеву сказать в 1929 г.: «Был в "ТРАМе" — не театр, а дрессированный собачник» (ИРЛИ. Р. 1. Оп. 12. № 681. Л. 154). *Изюмец* — вероятно, город Изюм Харьковской обл. *Выгов* — см. примеч. 200. *Онега* — см. примеч. 228. *Китеж-град* — см. примеч. 292. *Рублёв* — см. примеч. 177. *Холмогорье*, Холмогоры — село, пристань на Северной Двине Архангельской обл. *Целебей*, Цебес (современное название — Сулавеси) — о-в в Малайском архипелаге. Датируется 1920 г. — это ст-ние цитировалось в информации С. Вечернего (псевдоним А. Богданова) «Умрет ли Сказка?» // ТС. 1920, 12 авг.

394. ЛХ. ЛХ, 1. Набор. экз. *Пржевальский* Николай Михайлович (1839—1888) — русский путешественник, исследователь Центральной Азии. *Памир* — см. примеч. 286. *Чикаго* — см. примеч. 261. *Нарым* — см. примеч. 325. Датируется, как и ст-ния 395—397, 1920-м г.— эти ст-ния цитировал Ф. Грошиков в информации «Последний из могикан: (Два вечера поэзии Н. Клюева в Петрограде)» // КрГ. 1920, 27 окт.

395. ЛХ. Черновой автограф — ГЛМ. Беловой автограф — Собрание М. С. Лесмана (Санкт-Петербург). ЛХ, 1. *Гималаи* — см. примеч. 257. *Олонец* — см. примеч. 344. О датировке см. примеч. 394.

396. ЛХ, с вар. ст. 16 «Ала Россия без хмеля недужного», без пятой строфы, с вар. ст. 22 «Кто породил вас, Зиновьев с Егорьем?» - - ДнП, 1989 по Набор. экз. ЛХ, 1, с теми же вар. в ст. 16, 22, что и в ЛХ, ст. 17 «Песня моздокская — степь многозвонная». *Домик Петра* Великого построен 24—27 мая 1703 г. и явился самой первой жилой постройкой города. Петр I жил в доме с 1703 по 1708 гг. во время коротких наездов в Петербург. Домик стоит в центре города, на берегу Невы, неподалеку от Петропавловской крепости и является историко-художественным музеем. *Бревна в лапу*, т. е. врубка в лапу — соединение в венец без

выхода концов бревен за плоскость стены. *Сапоги — шлюзы амстердамские* — намек на заграничную поездку царя в 1697—1698 гг., во время которой он полгода работал на верфях Амстердама, изучая корабельную архитектуру и черчение планов. *Егорий* — см. примеч. 193. *Ни базара лещужного*, т. е. без больших осенних ярких сельских торгов — намек на ст-ние С. А. Есенина «На плетнях висят баранки...» (1915). *Разин с персидкою* — см. примеч. 333. *Зиновьев* — см. примеч. 369. О датировке см. примеч. 394.

397. ЛХ, с вар. ст. 10 «Запряженных в кузов, где Есенина поэмы», ст. 12 «Променяли на манишку ржаные Дамаски», ст. 16 «Где челюсть осла с Менделеевым рядом». - - Песнослов, 90 по Набор. экз. ЛХ, 1, в ст. 10, 12, 16 с теми же вар., что и в ЛХ, без ст. 17—20. В <Перечнях> СРЗ — под загл. «Поле Иезекиилево». *Поле Иезекиилево* — образ, восходящий к книге ветхозаветного пр. Иезекииля, видéние пророком оживления и воскрешения костей человеческих является образом восстановления и обновления Израильского царства и духовного возрождения и обновления всего человеческого рода во Христе. *И нет Ярославня поплакать зигзицею* — см. примеч. 323. *Прекрасной Евпраксии низринуться с чадом* — речь идет о жене рязанского князя Федора Юрьевича, которая была вынуждена выброситься вместе со своим сыном Иваном из высокого терема, чтобы избежать бесчестья со стороны хана Батыя (См.: Повесть о разорении Рязани Батыем // Памятники литературы Древней Руси: XIII. М., 1981. С. 187). *Менделеев* — см. примеч. 317. О датировке см. примеч. 394.

398. КЗ. 1990, 27 окт. по копии, выполненной Архиповым — ИРЛИ. *Арский* Павел Александрович (1886—1967) — поэт, писатель. *Аксён*, точнее: *Аксень-Ачкасов* — псевдоним Садофьева — см. примеч. 389. *Яссы* — город на северо-востоке Румынии. *Гастев* — см. примеч. 327. *Скрябин* — см. примеч. 333.

399. ЛХ. ЛХ, 1. Набор. экз. *Ладога* — см. примеч. 300. *Онего* — древнерусское название Онежского озера. *Вавилон* — см. примеч. 283. *Монблан* — см. примеч. 300.

400. ЛХ, с вар. ст. 8 «Рассказы про Царьград». - - РСв. № 1, первое ст-ние из цикла «Песни на крови», с тем же вар., что

и в ЛХ. - - Песнослов, 90 по Набор. экз. ЛХ, 1, с тем же вар., что и в ЛХ. *Алексий* — Алексей Михайлович (1629—1676) — русский царь из дома Романовых, обладал мягким, добродушным и общительным характером, уважал человеческое достоинство в подданном, что «производило обаятельное действие на своих и чужих и заслужило Алексею прозвище "тишайшего царя"» (*Ключевский В. О.* Сочинения: В 8 т. М., 1957. Т. III. С. 325). *Китеж-град* — см. примеч. 292. *Аввакум* — см. примеч. 200. *Бухара* — см. примеч. 300. *Ева* — см. примеч. 280. *Царьград* — см. примеч. 272.

401. ЛХ, опечатка в ст. 2, перенесенная из ЛХ, 1, вопреки рифмовке и размеру: «Оранжевая масть, валторны в мыке». - - Соч. 2. Набор. экз., с той же опиской в ст. 2, что и в ЛХ. *Удрас и Барыба* — персонажи ст-ний С. М. Городецкого «Славят Ярилу» (1905) и «Барыбу ищут» (1907), сочиненные им по фольклорному образцу, якобы древнеславянские божества плодовитости и плодородия.

402. ЛХ. ЛХ, 1. Набор. экз. *Сиам* — официальное название Таиланда до 1939 и 1945—1948 гг.

403. ЛХ. ЛХ, 1, с вар. ст. 14 «По буквам — старым ухабам». Набор. экз. *Вольгова домбра* — см. примеч. 206.

404. ЛХ. ЛХ, 1. Набор. экз. *Арзамас* — город в Нижегородской обл. *Микула* — см. примеч. 227.

405. ЛХ. ЛХ, 1. Набор. экз. *Мокробородый Спас* — имеется в виду икона «Спас Мокрая борода». По преданию, святая Вероника подала Иисусу, изнемогавшему под крестной ношей, плат (убрус), чтобы Спаситель мог отереть свой лик. И на плате изобразился лик Христа в терновом венке, с каплями крови и пота, стекающими с бороды. *Великий Сфинкс* — см. примеч. 334.

406. ЛХ. ЛХ, 1. Набор. экз. *Ломоносов* — см. примеч. 372.

407. ЛХ. Беловой автограф — РНБ. Другой беловой автограф — Собрание М. С. Лесмана (Санкт-Петербург), строфы 1 и 2, подпись: Н. Клюев, дата: май 1921. ЛХ, 1. Набор. экз. *Тол-*

стой — см. примеч. 250. *Фет* (наст. фам. Шеншин) Афанасий Афанасьевич (1820—1892) — русский поэт, являлся одним из любимых поэтов Клюева, который говорил: «Кто Фета не чувствует да не любит, то не поэт» (ИРЛИ. Р. 1. Оп. 12. № 681. Л. 129 об.). *Милюков* Павел Николаевич (1859—1943) — русский политический деятель, историк, публицист, один из организаторов партии Народной свободы или конституционной демократии. В 1917 г. министр иностранных дел Временного правительства. После Октябрьской революции — эмигрант. *Набоков* Владимир Дмитриевич (1869—1922) — юрист, публицист, отец писателя Владимира Набокова, один из лидеров кадетской партии. В 1917 г. управляющий делами Временного правительства. После Октябрьской революции — эмигрант.

408. ЛХ. ЛХ, 1. Набор. экз. *Эскуриал*, Эскориал — резиденция испанских королей, построенная в XVI в. *Пустозерье* — см. примеч. 282. *Харран* — см. примеч. 348.

409. ЛХ. ЛХ, 1. Набор. экз. *Рюрик* — согласно летописи, начальник варяжского военного отряда, якобы призванный ильменскими славянами вместе с братьями Синеусом и Трувором княжить в Новгороде. Основатель династии Рюриковичей. *Гостомысл* — полулегендарный предводитель новгородских словен, первый князь или посадник (первая пол. IX в.), который якобы завещал призвать варягов. *Бах* — см. примеч. 317.

410. ЛХ. ЛХ, 1. Набор. экз. *Царьград* — см. примеч. 272. *Фавор* — см. примеч. 120.

411. ЛХ. ЛХ, 1. Набор. экз. *В Софию въехал Мурат* — по легенде, после падения Константинополя (1453), в знак победы над «неверными» сын турецкого султана Мурада II (ум. 1451), султан Мехмед II (1423—1481) въехал на белом коне в храм святой Софии. *Влахерны* — местность в Константинополе, где был построен в честь Богоматери храм, куда, по преданию, в 458 г. были перенесены священные ризы, омофор и часть пояса Богородицы. В 1434 г. храм сгорел.

412. ЛХ. ЛХ, 1. Набор. экз. *Чарджуй* (до 1940), Чарджоу — областной город Туркмении, бóльшая часть области занята пусты-

ней Каракумы. *Микула* — см. примеч. 227. *Исав* — в Ветхом завете, сын Исаака и Ревекки, старший брат-близнец Иакова, родившийся косматым.

413. ЛХ. ЛХ, 1. Набор. экз.

414. ЛХ. Беловой автограф — Собрание М. С. Лесмана (Санкт-Петербург), с эпиграфом «Хвалите имя Господне, Хвалите, рабы, Господа», строфы 1, 2, 3, с вар. ст. 1 «За обедней два человека». Эпиграф — перефразированная цитата из Псалтыри (Пс. 112, 1): «Хвалите, рабы Господни, хвалите имя Господне». ЛХ, 1. Набор. экз. *Садко* — см. примеч. 111. *Верхарн* — см. примеч. 328. *Кривополенова* — см. примеч. 328. *Кааба* — см. примеч. 361.

415. ЛХ. ЛХ, 1. Набор. экз. *Гималаи* — см. примеч. 257. *Барабинская степь* — обширная низменная равнина Западной Сибири, простирающаяся между Обью и Иртышом. *Тян-Дзин* — см. примеч. 363.

416. ЛХ. ЛХ, 1. Набор. экз. *Голубые баварцы* — преобладающий цвет обмундирования в армии Баварского королевства XIX— нач. XX вв., входившего в состав Германии. *Тургенев* — см. примеч. 328. *Фет* — см. примеч. 407.

417. ЛХ, с вар. ст. 24 «Бесструнных времен прокаженный Коран». - - Песнослов, 90 по Набор. экз. ЛХ, 1, с тем же вар., что и в ЛХ. *Поморье* — см. примеч. 253. *Карфаген* — см. примеч. 324. *Буслаев кафтан* — см. примеч. 305 (Мемёлфа).

418. ЛХ. ЛХ, 1. Набор. экз. *Припять* — р., правый приток Днепра. *Евфрат* — см. примеч. 283.

419. ЛХ, с вар. ст. 53 «И вышла поэма — ферганский базар». - - Печ. по Набор. экз. ЛХ, 1, с тем же вар., что и в ЛХ. *Ломоносов* — см. примеч. 372. *Брама* — см. примеч. 280. *Медина* — город в Саудовской Аравии, здесь находится гробница Муххамеда — второе после Каабы в Мекке место паломничества мусульман. *Таити* — см. примеч. 301. *Памир* — см. примеч. 286. *Магомет* — см. примеч. 280. *Карнак* — селение в

Верхнем Египте, где находятся руины комплекса храмов (XX в. до н. э. — конец первого тыс. до н. э.) на территории Фив. Памятник архитектуры Нового царства.

420. ЛХ. ЛХ, 1. Набор. экз.

421. ЛХ, под загл. «Львиный хлеб». - - Печ. по Набор. экз. ЛХ, 1, под тем же загл. что и в ЛХ. Другой беловой автограф — ИРЛИ, под загл. «33», с вар. ст. 32 «Отныне певец Онега». *Онего* — см. примеч. 399. *Юм* Давич (1711—1776) — английский философ, психолог и историк. *Судан* — см. примеч. 348. Датируется по расположению ст-ния в разделе беловых и черновых автографов — СРЗ.

422. ЛХ, с вар. ст. 15 «Что, соловьиный сад трепля». - - Песнослов, 90 по Набор. экз. Черновой автограф — ИРЛИ. Беловой автограф — РГАЛИ, с тем же вар. в ст. 15, что и в ЛХ. *И груз «Кобыльих кораблей»* — имеется в виду ст-ние С. А. Есенина «Кобыльи корабли» (1919). *Коловратовый* — см. примеч. 246. *Мариенгоф* Анатолий Борисович (1897—1962) — поэт, один из основателей имажинизма, был дружен с Есениным. Клюев отрицательно относился к их дружбе. В 1922 г. он писал Есенину: «Много слез пролито мною за эти годы. Много ран на мне святых и грехом смердящих, много потерь невозвратных, но тебя потерять — отдать Мариенгофу как сноп васильковый, как душу сусека, жаворо́нковой межи, правды нашей, милый, страшно, а уж про боль да про скорбь говорить нечего» (Цит. по статье Азадовского К. М. «Неизвестное письмо Н. А. Клюева к Есенину». С. 276). В 1924 г. возникшие разногласия идейно-творческого характера привели к разрыву отношений Есенина с Мариенгофом. *Голгофа* — см. примеч. 48. *Тропа к иудиным осинам*, т. е. путь к позорной смерти. Согласно устным легендам, Иуда Искариот, предавший Христа, терзаясь угрызением совести, повесился на осине. *«Голубень»* (1918), *«Трерядница»* (1921) — сборники Есенина. *Садко* — см. примеч. 111. Датируется по расположению ст-ния в разделе беловых и черновых автографов — СРЗ.

423. ЛХ, с пометой «Надпись на портрете», с посвящ. «Николаю Ильичу Архипову». - - Печ. по Набор. экз. Черновой автограф — СРЗ, дата: 8 апр. 1921. ЛХ, 1, с пометой «Надпись на

портрете» и посвящ. «Николаю Ильичу Архипову». *Архипов* Николай Ильич (1887—1967) — историк, журналист. 1919—1923 гг. — член редколлегии вытегорских газ. «Известия», «Вытегорская коммуна», «Звезда Вытегры», редактор газ. «Трудовое слово». В Вытегре Архипов сблизился с Клюевым и стал его верным другом, организовал кружок «Похвала народной песне и музыке», издавший сборник ст-ний Клюева «Неувядаемый цвет». В 1924 г. он становится хранителем Петергофских дворцов и музеев, с 1926 г. — заведующим Управления Петергофских дворцов и парков. В начале 1937 г. репрессирован. После реабилитации, с 1956 г. — научный консультант по реставрации памятников в Государственной инспекции по охране памятников. Автор книг «Сады и фонтаны Петергофа» (1930), совместно с А. В. Шеманским «Историко-бытовой музей XVIII в. в Петергофе» (1930); «Бартоломео Карло Растрелли» (1964); совместно с А. Г. Раскиным «Петродворец» (1961), «Прогулка по Петродворцу» (1966), «Прогулка по паркам Петродвороца» (1967).

424. ЛХ. Черновой автограф — ИРЛИ. ЛХ, 1. Набор. экз. *С седьмого певчего неба* — см. примеч. 120. Датируется по расположению ст-ния в разделе беловых и черновых автографов — СРЗ.

425. ЛХ. Черновой автограф — ИРЛИ. ЛХ, 1. Набор. экз. *Меня хоронят, хоронят Построчная тля, жуки.* В начале 1920-х гг. выпады против Клюева в центральной печати становятся все чаще и чаще. «Пишут обо мне, — с горечью говорил поэт в янв. 1923 г., — не то, что нужно. Треплют больше одежды мои, а о моем сердце нет слов у писателей.

Не литератором модным хотелось бы мне стать, а послушником у какого-нибудь Исаака Сириянина, чтобы повязка на моих бедрах да глиняный кувшин были единственным имуществом моим, чтоб тело мое смуглое и молчаливое, как песок пустыни, целовал шафранный ветер Месопотамии.

Вот отчего печаль моя и так глубоки морщины на моем лбу... Милый мой братец, радость моя не в книгах, а в изумлении духовном, и покой мой в мятеже и в обвалах гор, что окружают внутреннюю страну мою.

Люблю эти обвалы, потоки горных вод, львиную яростную пляску слов последних.

Приходит ли это в голову моим критикам?» (ИРЛИ. Р. 1. Оп. 12. № 681. Л. 81 об.). *Исаак Сириянин, Исаак Сирин* — св. отец церкви (VIII в.), родом из г. Ниневии, непродолжительное время был его епископом. Затем удалился в м-рь. Автор многих сочинений на сирийском языке об управлении духовном, о божественных таинствах, судах и благочинии. Память 12(25) апр. *Месопотамия* — Междуречье, Двуречье, природная обл. в Западной Азии в бассейне рр. Тигр и Евфрат. В конце III тыс. до н. э. здесь существовали государства Аккад, Ур и др., позже — Вавилония. М. — один из крупнейших культурных очагов Древнего Востока. *И брюсовским сюртуком* — выражение, по-видимому, заимствовано Клюевым из статьи А. Белого «Брюсов» // Белый А. Луг зеленый. Книга статей. М., 1910. С. 205: «Брюсов надел на безумие свой сюртук... Безумие, наглухо застегнутый сюртук — вот что такое Валерий Брюсов». *«Песнослову» грозится Брюсов Изнасилованным пером* — имеется в виду весьма предвзятая рецензия Брюсова на первую кн. «Песнослова», которая, по сути дела, перечеркивала его же раннюю оценку клюевского таланта. Брюсов, в частности, писал: «Полукрестьянин, полуинтеллигент, полуначетчик, полураскольник, Николай Клюев не вышел из узкого круга своих наблюдений. Картинки северной природы, пересказы духовных книг, изредка — подражания частушкам, всё — пропитанное религиозным пафосом, в духе нашего раскола, вот — поэзия "Песнослова"» // Художественное слово. 1920 (на обл.: 1921), № 2. С. 64. На клюевскую инвективу Брюсов на ответил. Датируется по расположению ст-ния в разделе беловых и черновых автографов — СРЗ.

426. КЗ. 1990, 27 окт. по копии, выполненной Архиповым — ИРЛИ. Беловой автограф — Государственный историко-литературный и природный музей А. А. Блока (Шахматов, альбом С. М. Алянского), подпись: Николай Клюев, дата: май 1921. *Григорий Новых* — см. примеч. 246. *Бессалько* Павел Карпович (1887—1920) — писатель, один из деятелей Петроградского Пролеткульта. Творчеству его присущ мелодраматизм, патетика и схематизм образов. *Пересыплют в «Известиях» Кии Перья сиринов сулемой* — речь идет о статье П. В. Пятницкого (псевдоним Кий) «Крестьянские поэты» (Известия. 1920. 24 мая), в которой дается оценка двум книгам «Песнослова» и говорится о поэте как о талантливом, даровитом авторе, его самобытной и коло-

ритной лирике. Однако ставится в вину содержание «Песнослова» и его полезность «пролетариям и крестьянам, тем более тяготеющим к коммунизму. В этом отношении поэзия Клюева мало ценна, потому что он в неизмеримо большей степени является певцом былой статики, чем поступательной динамики мирового размаха». *Смольный* — см. примеч. 310. *Печора* — см. примеч. 323. *Буг* — возможно, имеется в виду Западный Буг — р. Белоруссии и Польши. *Майна* — р. Самарской обл. и Татарстана, впадает в Куйбышевское водохранилище. *Хирам* — см. примеч. 325.

427. ЮМ. 1921, № 14. ЛХ, 1. Набор. экз. *Олонец* — см. примеч. 344. *Семирамида* — см. примеч. 337.

428. Зн. 1921, № 9 (май), без посвящ., с вар. ст. 17 «Города журавлиной станицей». - - ЛХ, с посвящ. «Виктору Шимановскому», с тем же вар. в ст. 17, что и в Зн. - - ИзП. ЛХ, 1 с тем же вар. в ст. 17, что и в Зн. Другой беловой автограф — ИРЛИ, сверху текста дата: 1922, подпись: Николай Клюев, с тем же вар. ст. 17, что и в Зн, на обратной стороне автографа посвящ. «Павлу Николаевичу Медведеву». Набор. экз. *Шимановский* — см. примеч. 291. *Медведев* — см. примеч. 352. *Харран* — см. примеч. 348. *Каин* — см. примеч. 291. *Повенец* — см. примеч. 375.

429. ДнП, 1989 по Набор. экз. Черновой автограф — ИРЛИ, с вар. ст. 22 «Для ха-хи-хи Прова и Пуда», ст. 27 «О дождик словесный, капай», дата: 19 нояб. 1921. *Голова на блюде* — измененная цитата из Евг. от Мк. (VI, 28): «...и принес голову его на блюде...» *Топтыгин* — см. примеч. 263.

430. РП. 1989, 23 июня, по машинописи — ИРЛИ. Черновой автограф — ИРЛИ. Набор. экз. *Гоби* — название пустынных и полупустынных территорий на севере и северо-востоке Центральной Азии. *Толстой* — см. примеч. 250. *Гоголь* Николай Васильевич (1809—1852) — русский писатель. Датируется по расположению ст-ния в разделе беловых и черновых автографов — СРЗ.

431. Р. 1988, № 6 по копии, выполненной Архиповым — ИРЛИ. Черновой автограф — ИРЛИ. *Рубленной в лапу* — см. примеч. 396. *Пирогощая* (от греч. — «башенная») — икона,

привезенная из Константинополя вместе со знаменитой «Владимирской». Икона Пирогощая до нас не дошла, в честь нее великий князь киевский Мстислав (1076—1130) заложил в Киеве церковь Богоматери, называемой также Пирогощею. *С козельской сечи* — речь идет о жителях города Козельска, которые в 1238 г. оказали героическое сопротивление войскам хана Батыя. *Ливны* — город в Орловской обл. на р. Сосна, во время татарско-монгольского нашествия был разрушен. *Буслаи* — см. примеч. 305 (Мемёлфа). *Калка* — приток р. Кальмиус в Донецкой обл. (Украина), на котором произошло первое сражение (1223) войск русских князей и половецкого хана Котяна с монголо-татарскими войсками, одержавшими победу. *Христофор с головой собаки* — речь идет о св. Христофоре, великане, сказочном герое средневековых сказаний. Восточнославянские предания наделяют его песьей головой, с которой он изображен и на древних иконах. *Мстислав* — Мстислав Мстиславич Удалой (ум. 1228), князь торопецкий, новгородский и галицкий. В битве при Калке проявил храбрость, но как полководец был неосмотрителен, что привело в конечном счете к поражению всего русского войска.

432. КрГ. 1925, 22 окт. Веч. вып., в ст. 57 ошибочно переставлены местами слова «бородах», «бороздах». Черновой автограф — ИРЛИ, без загл. Набор. экз., без загл., с припиской Клюева: «Это ненавистное мне стихотворение печатаю только по просьбе моего друга Н. Архипова». *Архипов* — см. примеч. 423. Датируется по расположению ст-ния в разделе беловых и черновых автографов — СРЗ. Положено на музыку А. И. Михайловым.

433. Записки. 1922, № 37. Черновой автограф — ИРЛИ. Набор. экз. Датируется по расположению ст-ния в разделе беловых и черновых автографов — СРЗ. Положено на музыку В. И. Панченко.

434. Соч. 2 по беловому автографу — ИРЛИ, с вар. в ст. 14 «половецким» вместо «татарским». - - СП, по другому беловому автографу — ИРЛИ, подпись: Николай Клюев, дата: 1 июля 1924.. Черновой автограф — ИРЛИ. *Икона Бориса и Глеба* посвящена древнерусским князьям, святым. *Аввакум* — см. примеч. 200. *Добрыня* — богатырь, герой русских былин. *Пересвет, Ослябя* — см. примеч. 297. *Святополк I* (ок. 980—1019) — князь

туровский и киевский. Убил своих братьев Бориса и Глеба (по святом крещении Роман и Давид), завладел их уделами, за что и прозван был Окаянным. Ярослав Мудрый изгнал его из Киева. С помощью поляков и печенегов Святополк захватил город, но был окончательно разбит. Датируется по расположению ст-ния в разделе беловых и черновых автографов — СРЗ. О ст. 9—10 Клюев сказал Архипову: «Сегодня во сне слышал стихи: “Чтоб Русь, как серьга, повисла в моем цареградском ухе”» (ИРЛИ. Р. 1. Оп. 12. № 681. Л. 108 об.).

435—436. Вавила

1. Пт. 1923, № 7, первое ст-ние из цикла «Вавила», с посвящ. «Н. И. А-ву», с вар. ст. 6 «И к первенцу — кому сметаны». - - ИзП. Черновой автограф — ИРЛИ. Второй черновой автограф — ИРЛИ. *Н. И. А-ву* — Архипов — см. примеч. 423. *Микула* — см. примеч. 227. *И крыльями плещет София — Орлица запечных ущелий* — имеется в виду икона Софии, Премудрости Божией. В статье «Сорок два гвоздя» Клюев пишет: «Закатал я на исход чистым рушником свой любимый образ Софии — Премудрости Божией,— крылата она и ликом багряна, восседает на престоле-яхонте, и Пречистая с Иваном-постителем ей предстоят главопреклонны. А Спас золотой, в пламенных кружалиях, за плечьми ее вознесся, благословляющие длани на все миры простирая. Да еще Некая книга на этой же иконе превыше херувимов здынута. Пречудное письмо!» (ЗВ. 1919. 9 июля).

2. Записки. 1923, № 47, с посвящ. «Н. И. Архипову», с вар. ст. 9 «Вечерние зори — ширинка в бучиле». - - Пт. 1923, № 7, второе ст-ние из цикла «Вавила». Черновой автограф — ИРЛИ, дата: окт. 1922. *Архипов* — см. примеч. 423.

437. Лн. Черновой автограф — ИРЛИ. *Ладога* — см. примеч. 300. Датируется по расположению ст-ния в разделе беловых и черновых автографов — СРЗ.

438. В статье Швецовой Л. и Субботина С. «Эти гусли — глубь Онега...» // Св. 1986. № 9 (отрывок) по черновому автографу — ИРЛИ. - - Песнослов, 90 по тому же черновому автографу — ИРЛИ. В сносках к ст. 7 и 47 публикатор ст-ния приводит вар. этих ст. «Как на мусор метлу», «На рублевской ладье не отчалит в Варяги», с искажением в ст. 40 «подавец»

вместо «поставец». *Звенигород* — город в Московской обл., известен с XII в., славится памятниками церковного зодчества. *Андрей* — Рублёв, см. примеч. 177. *«Сказанье о Сифе»* — по всей видимости, ошибка памяти, так как о Сифе нет отдельного сказания или апокрифа. В средневековой христианской историографии он почитается как создатель письменности и начинатель астрономических знаний. Сиф — третий сын Адама и Евы (См.: Русский хронограф редакции 1512 г. Глава 4. О Сифе и грамотах // Полное собрание русских летописей. СПб., 1911. Т. 22. Ч. 1. С. 27—28). *Челмогорский Кирилл* — преподобный, является основателем Челшенской, или Челмогорской, пустыни при озере Челмогорском, неподалеку от Каргополя (см. примеч. 337). Преставился в конце XI в. *Иринарх* — игумен Соловецкого м-ря. Много потрудился во славу и процветание обители. Преставился в 1628 г. Память 17(30) июля. *Макарий на Желтых Водах* — преподобный Унженский и Желтоводский чудотворец (1349—1444), сын посадского из Н. Новгорода, поселился на Желтом озере, где и основал обитель. Позже поселился на р. Унже Костромской губ. и положил основание новой обители, где и преставился. Память 25 июля (7 авг.) *«Не рыдай мене Мати»* — православная икона. *«Мокробородый Христос»* — см. примеч. 405. *Барабинские шляхи* — см. примеч. 415. *Туран* — имеется в виду Туранская равнина в Средней Азии. *Глава Иоанна* — см. примеч. 361, 378. *Даниил* — четвертый из больших пророков, автор «Книги пророка Даниила». *Печора* — см. примеч. 323. *То «Зачатия Образ»* — речь идет об иконе «Зачатие св. Анною Пресвятой Богородицы». *Маточкин Шар* — пролив между Северными и Южными о-вами Новой Земли, соединяет Баренцево и Карское моря. *Вайгач* — о-в на границе Баренцева и Карского морей. *Топтыгин* — см. примеч. 263. *Стенькин палач* — см. примеч. 311. *Глаза Василько* — см. примеч. 297. *Что «Тридневен во гробе»* — слова из ирмоса, песнь 3-я, неделя 3-я седмицы Святого поста (Триодь постная). *Выга* — р. *Выг*, до впадения в Выгозеро носит название Верхний Выг, по выходе из него — Нижний Выг, впадает в Белое море, Карелия. *Что Данилову с Лексой* — см. примеч. 200, 282.

439. Сл. 1991, № 4 по беловому автографу — ИРЛИ.

440. ЛО. 1987, № 8 по беловому автографу — ИРЛИ. *Перовская* — см. примеч. 311.

441. Печ. по беловому автографу — ИРЛИ, дата: окт. 1922. Два черновых автографа — ИРЛИ. *Н. А. Архипов* — см. примеч. 423. *Ильюша* — Архипов Илья Николаевич (1911—1942) — сын Н. А. Архипова, погиб при защите Ленинграда на Пулковских высотах.

442. Р. 1988, № 6 по черновому автографу — ИРЛИ. *Егорий* — см. примеч. 193.

443. РП. 1989, 23 июня, по авторизованной копии, выполненной Архиповым — ИРЛИ, без строф. 1, 2. - - Печ. по этому же источнику, с восполнением опущенных строф. *Радонеж* — см. примеч. 211. *Саров* — см. примеч. 211. *Сиам* — см. примеч. 402. *Андрей Рублёв* — см. примеч. 177. *Стенькины плёса* — намек на походы Разина по Волге и Яику.

444. КрГ. 1925, 20 дек. Веч. вып. Черновой автограф — ИРЛИ, дата проставлена Архиповым: декабрь 1925. Беловой автограф — (Архив семьи Н. Н. Брауна, Санкт-Петербург), подпись: Николай Клюев. *Колчак* Александр Васильевич (1873—1920) — адмирал, глава военной диктатуры, установленной в нояб. 1918 г. на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке. К началу 1920 г. армии Колчака были разгромлены, а сам он расстрелян. *И голод на поволжской шири* — в 1921—1922 г. Поволжье переживало жестокий голод. *Буг* — см. примеч. 426. *Вайгач* — см. примеч. 438. *И кровь моздокских ямщиков* — см. примеч. 300.

445. Соч. 2 по беловому автографу — ИРЛИ. Черновой автограф — ГЛМ, дата рукой Архипова: апр. 1926. Другой беловой автограф — ГЛМ, под загл. «Песня о Бахметьеве», подпись: Николай Клюев, ниже приписка: «При недоразумении одиннадцатую строку снизу можно заменить строкой: Дозорным факелом горя. Строка: Челом бунтующим царя — имеет тот же смысл, что и Над равниною Бештау чалмою снежного царя и т. д.». «Ин. Оксенов, — пишет Архипов, — в разговоре с Н. А. выразил недоумение по поводу строк в "Песне о Бахметьеве":

И над пучиной городскою,
Челом бунтующим царя,

Лассаль гранитной головою
Кивнет с проспекта Октября...

Оксенов недоумевал слову "царя", как сравнению Лассаля с Николаем II (царя — дееприч. от гл. царить). "Вот уж воистину, — заметил Н. А., — приходится скорбеть не об упадке своего таланта, а о критиках с пробковыми головами!"» (ИРЛИ. Р. 1. Оп. 12. № 681. Л. 145 и об.). *Бахметьев* — лицо вымышленное (примеч. Клюева). *Оксенов* Иннокентий Александрович (1896—1942?) — поэт, критик. *Кашмир* — см. примеч. 252. *Смольный* — см. примеч. 310. *Лассаль гранитной головою Кивнет с проспекта Октября* — 7 окт. 1918 г. у здания бывшей Городской думы на Невском проспекте (до 1944 г. проспект 25 Октября) был установлен памятник Фердинанду Лассалю (1825—1864) — деятелю немецкого рабочего движения (скульптор В. А. Синайский). В первоначальном варианте голова Лассаля была отлита из гипса, в 1921 г. скульптор перевел ее в гранит. В настоящее время скульптурная часть — голова — находится в Государственном Русском музее (Санкт-Петербург).

446. Р. 1988, № 6 по черновому автографу — ГЛМ. *Лик Егорья* — см. примеч. 193. *Выпью с горя, где же кружка — Сердцу будет веселей!* — измененная цитата из ст-ния А. С. Пушкина «Зимний вечер» (1830): «Выпьем с горя: где же кружка? Сердцу будет веселей».

447. Соч. 2 по беловому автографу — ИРЛИ, с вар. ст. 24 «Звенит обида в стихах», без строф 7, 8, с вар. ст. 33 «И в словесных взвивах и срывах», ст. 34 «Страстотерпный испив удел». - - ДН, 1987, № 12 по другому беловому автографу — ИРЛИ, в сноске Клюев привел те же вар. ст. 24 и 34, что и в Соч. 2. Черновой автограф — ГЛМ, дата рукой Архипова: июнь 1926. *Ситец да гвоздей немного* — измененная цитата из ст-ния С. А. Есенина «Русь уходящая» (1924): «Теперь бы ситцу... Да гвоздей немного...» *Богданов-Бельский* — см. примеч. 322. *Себастьян, Севастиан* (ум. ок. 287) — христианский великомученик. При императоре Диоклетиане занимал должность начальника дворцовой стражи. Будучи тайным христианином, много помогал братьям по вере. Когда открылась тайна, он был подвергнут пыткам, привязан к дереву и пронзен стрелами. Память 18(31) дек. Этот сюжет часто использовался мастерами западноевропейского искусства

(Перуджино, Рибера). В ст-нии Клюева речь идет о картине венецианского художника Тициана «Св. Себастьян». *Мемфис* — крупный религиозный, политический и культурный центр, столица Египта в XXVIII—XXIII вв. до н. э.

448—451. Новые песни

1. КрГ. 1926, 21 янв. Веч. вып. - - Зв. 1926, первое ст-ние из цикла «Новые песни». Черновой автограф — ИРЛИ (Музей). Машинопись — ИРЛИ, первое ст-ние из цикла «Новые песни», с посвящ. «Моему юному художнику Яр-Кравченко на память и в назидание и как ответ на его вопросы о политике», с вар. ст. 2 «Где яр и тревожен закат», ст. 32 «Из ран нестерпимых растут», ст. 52 «Стоит исполин Ленинград», ст. 53—54 «У ног его волны как стаи, За тучами бурь голоса». «Размер "Ленинграда",— отмечал Клюев,— взят из ощущения ритма корабля, из ощущения волн и береговых отгулов, а вовсе не из подражания "Воздушному кораблю" Лермонтова» (Цит. по кн.: *Азадовский К. М.* Николай Клюев: Путь поэта. С. 259). *Яр-Кравченко* Анатолий Никифорович (1911—1983) — народный художник РСФСР. Ученик В. Е. Савинского и И. И. Бродского, продолживший в своих работах традиции русской реалистической школы. Большой мастер рисунка, портретист. Его знакомство с Клюевым состоялось в 1928 г. в Ленинграде, на выставке картин общества имени А. И. Куинджи в залах Общества поощрения художеств, затем перешло в большую дружбу, длившуюся до последних дней поэта. По совету Клюева Кравченко добавил к своей фамилии приставку Яр, чтобы подчеркнуть особую эмоциональную и эстетическую направленность своего творчества. Художник оставил ряд акварельных и масляных портретов поэта, а также множество карандашных набросков во время их совместных поездок. Клюев посвятил ему большую часть ст-ний, написанных в 1930-е гг. *«Трансваль»* — популярная в России в нач. XX в. песня «Трансваль, Трансваль, страна моя...» — устная переработка ст-ния Г. А. Галиной «Бур и его сыновья» (1899), явившегося откликом на англо-бурскую войну 1899—1902 гг. *Марсово поле* — см. примеч. 299. *Володарский В.* (настоящая фамилия и имя Гольдштейн Моисей Маркович; 1891—1918) — комиссар по делам печати, пропаганды и агитации, редактор «Красной газеты». Убит эсером. *Морава* — р. Чехии и Словакии, левый приток Дуная. *Рим семихолмный* — большая часть Древнего Рима расположена на левом берегу Тиб-

ра, на семи холмах: Авентин, Виминал, Капитолий, Квиринал, Палатин, Целий, Эсквилин.

2. КрГ. 1925, 12 нояб. Веч. вып. - - Зв. 1926, № 2, второе ст-ние из цикла «Новые песни». Черновой автограф — ГЛМ. Беловой автограф — РНБ, ст. 2—25. *Не про Татьянину усадьбу* — речь идет об усадьбе Татьяны Лариной, героини романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин».

3. Прж. 1926, № 9, первое ст-ние из цикла «Новые песни». Черновой автограф — ГЛМ вместе с черновым автографом ст-ния № 452. *Бебель* Август (1840—1913) — один из основателей и руководителей германской социал-демократической партии и II Интернационала. *Повенец* — см. примеч. 375. *Сиракузы* — город на о-ве Сицилия.

4. Прж. 1926, № 9, второе ст-ние из цикла «Новые песни».

452. ЛП. 1927, 27 нояб., без ст. 21—32. Соч. 2 по беловому автографу — ИРЛИ. В статье Субботина С. И. «На путях к Николаю Клюеву», по черновому автографу — ГЛМ, с вар. ст. 1 «Мы пролетарские поэты», ст. 8 «За Пушкиным не воспоем», между ст. 8—9 дополн. строфа:

Нам ненавистна глушь Чарджуев,
Где воронье — поводыри,
Пуская песнобородый Клюев
Бубнит лесные тропари,

с вар. ст. 9 «И что нам блоковские ямбы», ст. 22 «Владимир Ленин боль земли», ст. 27 «Мы океанские поэты», ст. 28 «Везем неслыханный напев», ст. 29 «И вея далью, вербным пухом» (Св. 1988, № 5). *Перед избушкой две рябины* — цитата из романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» (Отрывки из путешествия Онегина, строфа 7). *Чарджуй* — см. примеч. 412. *Блоковские ямбы* — намек на цикл ст-ний А. А. Блока «Ямбы» (1907—1914). О датировке см. примеч. 450.

453. В сб.: Собрание стихотворений. Ленинградский Союз Поэтов. Л., 1926, Черновой автограф — ГЛМ. Машинопись — ИРЛИ, с вар. ст. 9 «А и тепло жилось братьям Елисеевым», ст. 30 «Вышить небывалое кровью и огнем». ст. 31 «Наша ль корноухая у ворот отлаяла». *Замело пургою башмачок Светланы* — см. примеч. 372. *Братаны Елисеевы* — имеется в виду крупное дореволюционное товарищество «Братья Елисеевы», ко-

торому в разных городах России принадлежали магазины гастрономических продуктов. *Молога* — р. в Европейской части России, левый приток Волги. *Хороша была Настенька у купца Чапурина* — персонаж романа П. И. Мельникова (Андрей Печерский) «В лесах», дочь крупного тысячника-раскольника Патапа Максимовича Чапурина, умершая на девятнадцатом году жизни. *Пинега* — р. на севере Европейской части России, правый приток Северной Двины. *Кашин* —один из старинных городов Тверской обл. *Мемёлфа Тимофеевна* — см. примеч. 305.

454. БП по черновому автографу — ГЛМ. - - Печ. по этому же источнику, с уточнениями в ст. 5 и 7. *Степанко-бог* — возможно, имя шамана или знахаря у коми-пермяков. *Волынь* — Волынская обл. на северо-западе Украины.

455. КП. 1927, № 39. Черновой автограф — ГЛМ, без загл., дата рукой Архипова: 7 марта 1927. Беловой автограф — РГАЛИ.

456. Зв. 1927, № 5.

457. Соч. 2 по беловому автографу — ИРЛИ. Копия, выполненная Архиповым — ИРЛИ, дата: 7 апр. 1928. Роман Менский, навестивший Клюева в 1929 г. в Ленинграде, рассказывает об истории появления этого ст-ния: «Время было тревожное — развертывалась вовсю коллективизация. Судьба народа глубоко волновала Н. А. Он понимал, что большевики собираются закрыть, открытый им, мир народа, а с ним и его поэтический "монастырь". Еще в самый расцвет НЭПа он отчетливо угадывал будущее <...> Поговорили о деревне, о надвинувшемся на крестьян горе. Когда мы уходили, Н. А. почти шепотом несколько раз сказал: "Будет гарь... Ох, будет гарь"... Насильственная коллективизация у него ассоциировалась с насильственным никонианством. Вскоре после этого, когда крик о коллективизации в прессе и журналах стал истошным, Н. А. принес в редакцию журнала "Звезда" стихи. Они начинались так: "Кто о чем, а я о двуперстии"...» (*Менский Р.* Н. А. Клюев // Новый журнал. 1953. № 32. С. 150—151). Ст-ние в журн. не появилось. *Разгадано ль русское безвестье Пушкинской золотою рыбкой* — намек на «Сказку о рыбаке и рыбке» (1833). *Припять* — см. примеч. 418. *Чудь* — здесь: Чудское озеро. *Волынь* — см. при-

меч. 454. *Вятка* — р. в Европейской части России, правый приток Камы. *Суздаль* — один из старинных и красивейших городов Владимирской обл.

458. Соч. 2 по беловому автографу — ИРЛИ. Ст-ние навеяно пребыванием Клюева на Украине в 1928 г. *Рогатых хозяев жизни*, т. е. властей предержащих. *Нерушимая Стена* — имеется в виду одно из редких мозаичных изображений Богоматери во весь рост, с воздетыми в молитве руками (XI в.), находящееся в конхе центральной апсиды Киево-Софийского собора. Богоматерь предстает как образ несокрушимой, почти воинственной мощи в заступничестве за людей, а по выражению церковного песнопения, она есть «Царствия Нерушимая Стено» (12 икос в акафисте Пресвятой Богородицы). *София Палеолог* (Зоя Палеолог, ?—1503) — племянница последнего византийского императора Константина XI, жена великого князя Московского Ивана III, брак его с Софией Палеолог способствовал провозглашению Русского гос-ва преемником Византии. *Не в чулке ли нянином Пушкин Обрел певучий Кавказ* — по поводу этих строк Клюев заметил: «Вот подлинно поэтическая капля, хотя и беззаконная» (ИРЛИ. Р. 1. Оп. 1. № 681. Л. 136). *И не веткой ли Палестины* — намек на ст-ние М. Ю. Лермонтова «Ветка Палестины» (1837). *Парагвай* — гос-во в Южной Америке. *Бебрян рукав* — выражение заимствовано из «Слова о полку Игореве»: «...омочю бебрян рукав в Каяле реце...» и означает шелковый рукав. В Древней Руси для знати рукава верхней одежды шились длинными. Омочив такой рукав в воде, можно было утирать им раны, как платком. *То пресветлому князю Батый Преподнес поганый кумыс* — Клюев имеет в виду князя тверского (с 1285) и великого князя владимирского (1305—1317) Михаила Ярославича (1271—1318), боровшегося с Юрием московским за великое княжение, убитого в Золотой Орде и приобщенного церковью к лику святых, но подобный факт угощенья, согласно летописям, произошел с Даниилом Романовичем (1202—1261) — князем галицким и волынским. Он оказался более удачливым в своих отношениях с Золотой Ордой, которая требовала от него или искать милости у Батыя, или отказаться от земли Галицкой. Для этого ему пришлось отправиться на поклон к хану. Хан «в знак особого благоволения, немедленно впустил его в свой шатер без всяких суеверных обрядов, ненавистных для православия наших князей.

"Ты долго не хотел меня видеть,— сказал Батый,— но теперь загладил вину повиновением". Горестный князь пил кумыс, преклоняя колена и славя величие хана» (*Карамзин Н. М.* История государства Российского. Кн. I—IV. М., 1988. Кн. 1. Т. IV. С. 25). *Батый, Бату* (1202—1255) — монгольский хан. Возглавил нашествие монголо-татар на Восточную Европу в 1236—1242 гг. При нем возникла Золотая Орда и началось монголо-татарское владычество над Русью. *Оранта* — молительница. Богоматерь изображается без младенца, с воздетыми кверху руками, кисти которых приподняты до уровня плеч, ладони открыты. Подобная поза символизирует предстояние Богу.

459. СП, по копии, выполненной Архиповым — ИРЛИ, ст. 1 счищена и восстановлена по <Оглавлению>, ст. 39—40 счищены. *Мелентьевна Василиса* — имеется в виду прекрасная вдова Василиса Мелентьева, ставшая без венчания в 1577 г. шестой женой Иоанна Грозного (См. о ней: *Скрынников Р.* Василиса Прекрасная — историческое лицо или легенда? // Наука и жизнь. 1972. № 9. С. 57); героиня одноименной пьесы А. Н. Островского и С. А. Гедеонова (1867). *Михайло* — см. примеч. 458. *И боярыни Морозовой терем.* Морозова Феодосия Прокопьевна (1632—1675) — св. преподобномученица, боярыня, любимая духовная дочь протопопа Аввакума. Вопреки угрозам и пыткам осталась верной древнему благочестию. В 1670 г. приняла тайный постриг от игумена Досифея, став инокиней Феодорой. Умерла в заточении. Ей посвящена картина В. И. Сурикова «Боярыня Морозова» (1877). Память 11(24) сент. *Стратилат Феодор* — св. великомученик. За отвагу был назначен военачальником (стратилатом) в городе Гераклее. Когда начались гонения на христиан, то в их числе оказался и Феодор. По приказу императора в 319 г. был обезглавлен. Память 8(21) февр. *На Косовом поле Узнают царя Лазаря сербы.* 15 июня 1389 г. в Нижней Сербии, на Косовом поле произошло решающее сражение между объединенными силами сербов и боснийцев, которые возглавлял князь Лазарь (ок. 1329—1389), с турецкой армией. Турки победили. Лазарь погиб в бою. Сербия утратила независимость.

460. НМ. 1988, № 8 по копии, выполненной Н. С. Головановым (Вокально-творческий кабинет им. А. В. Неждановой, Москва), эпиграфом явилось ст-ние поэта «Мне сказали, что ты умер-

ла...», без строф 5—7, 10, 11, с вар. ст. 15—16 «Но в лугах — на душистом покосе Я услышал, царевна, — Тебя», ст. 33—34 «Чтоб малинник по девушке-вербе До рассвета рыдал соловьем». По словам М. И. Голгофской, Клюев записал это ст-ние в ее присутствии на квартире А. В. Неждановой в янв. 1930 г. после того как он слушал певицу, готовящуюся к выступлению (См.: *Клычков Г. С., Субботин С. И.* Николай Клюев в последние годы: письма и документы // НМ. 1988, № 8. С. 173). - - НН. 1991, № 1 по копии, выполненной Яр-Кравченко, приложенной к его письму в Святошино родителям от 4 марта 1929 г., хранится в архиве семьи Б. Н. Кравченко (Санкт-Петербург), с опиской в ст. 30. В это же письмо было вложена фотография их обоих, Клюева и Яр-Кравченко, на паспарту которой рукой Клюева была сделана следующая надпись: «Анатолию Яр-Кравченко — его прекрасной юности. В год моей последней любви и последних песен — 1929-й Николай Клюев», ниже Клюев записал первую и двенадцатую строфы ст-ния. Беловой автограф — ИРЛИ, с опиской в ст. 23 «прохладней» вместо «прохладой», с вырезанной седьмой строфой, дата: 2 марта 1929. *Нежданова* Антонина Васильевна (1873—1950) — русская певица, народная артистка СССР, исполнительница ведущих оперных партий русской и зарубежной классики. *Власов* Сергей Алексеевич (1873—1942) — живописец-пейзажист, был дружен с Клюевым, который иногда давал названия картинам художника, озаглавливая их строками своих ст-ний: «Белая Индия», «Златотканные дни сентября», «Свет неприкосновенный», «Как и при Осипе патриархе» (См.: Каталог выставки картин Общества имени А. И. Куинджи в залах Общества поощрения художеств. Л., 1928. С. 8). *Крест Нередицы* — имеется в виду церковь Спаса на Нередице, в Новгороде. В зените алтарного свода церкви за престолом изображен «шестиконечный крест с терновым венком, трость и копие; надпись "престол Господень Іс Хс"» (*Покровский Н.* Очерки православной иконографии и искусства. СПб., 1894. С. 271). *Рылов* Аркадий Александрович (1870—1939) — художник-пейзажист. В архиве семьи Б. Н. Кравченко хранится посланная им Клюеву (по адресу: Ленинград, ул. Герцена, 45, кв. 8) художественная открытка с поздравительным текстом: «Христом Воскрес! С праздником Светлым поздравляю. А. Рылов. 14/4. 1928». *Толя* — |Яр-Крвченко — см. примеч. 448.

461. НН. 1991, № 1 по машинописи — ИРЛИ.

462. Св. 1986, № 9 по беловому автографу — ГЛМ, без ст. 55. - - Печ. по машинописи — ИРЛИ. Ст-ние, относящееся к жанру посланий, возможно, было приурочено Клюевым к 70-летию со дня рождения Кнута *Гамсуна* (наст. фамилия Педерсен; 1859—1952) — норвежского писателя, пользовавшегося широкой популярностью в России в первой трети XX в. *Тунис* — см. примеч. 376.

463. НН. 1991, № 1 по машинописи — ИРЛИ. *Хлоя* — героиня любовно-буколического романа греческого писателя Лонга «Дафнис и Хлоя» (II—III вв. н. э.)

464. Соч. 2 по черновому автографу — ИМЛИ, с опечатками в ст. 12, 13. - - ДН. 1987, № 12, с уточнениями по тому же источнику. *Вятка* — см. примеч. 457. *Нет по избам девушек Светлан* — см. примеч. 372.

465—476. О чем шумят седые кедры. Цикл посвящ. «*Анатолию Яр-Кравченко*» — см. примеч. 448. В авг. 1932 г. Клюев предложил редакции журн. «Новый мир» цикл ст-ний «О чем шумят седые кедры», написанный в 1930—1932 гг., однако публикация не состоялась. Тогда поэт составил под тем же названием сборник, состоящий из старых и новых ст-ний и передал его в «Издательство писателей в Ленинграде», но издательство вскоре прекратило свое существование, и сборник так и не вышел в свет.

1. БП по Тетр. ГЛМ, первое ст-ние из цикла «О чем шумят седые кедры», с искажен. в ст. 7 «пенится» вместо «чинится», ст. 16 «и» вместо «у», с вар. ст. 30 «Горою выросла капуста». - - Печ. по ОШСК. *Плат по бровь* — реминисценция из ст-ния А. А. Блока «Россия» (1908): «Да плат узорный до бровей».

2. Соч. 2 по черновому автографу — ИМЛИ, с вар. ст. 3 «У заброшенного сада», ст. 5—6 «Голосок хрустальный твой! Тая флейтой за рекой», ст. 18 «душистый» вместо «свирельный», ст. 20 «неприглядней» вместо «непроглядней», ст. 38—39 «Словно девичий платок, Как стозвонного павлина». - - П., с тем же вар. в ст. 3, что и в Соч. 2. - - Песнослов, 90 по Тетр. ГЛМ, второе ст-ние из цикла «О чем шумят седые кедры». *Под Татьяниным окном* — намек на героиню романа А. С. Пушкина «Евгений

Онегин» Татьяну Ларину (глава вторая, строфа XXV). *Клюв булатный из Дамаска* — в средние века Дамаск, столица Сирии, славился производством булатной стали, обладающей твердостью и упругостью.

3. Соч. 2 по черновому автографу — ИМЛИ, без ст. 13, 14. - - СиП по Тетр. ГЛМ, третье ст-ние из цикла «О чем шумят седые кедры». *Перекоп* — Перекопский перешеек, соединяющий Крымский п-в с материком. *Волчицей северного Рема* — намек на эпизод из римского предания о Реме, вскормленным вместе с братом-близнецом Ромулом волчицей.

4. Соч. 2 по черновому автографу — ИМЛИ, без ст. 7, с вар. ст. 16 «И буйным миром не разгадан», ст. 24 «В мою татарщину, в бурьян», ст. 36 «Забвения ирисы режут», ст. 37 «Подснежники — дары апреля», ст. 49 «С олонецким сосновым звоном». - - БП по Тетр. ГЛМ, четвертое ст-ние из цикла «О чем шумят седые кедры», с теми же разночтен. в ст. 24, 36, что и в Соч. 2. - - Печ. по ОШСК. *Как перс священному огню* — намек на древних персов, поклонявшихся огню и совершавшим огненные ритуалы. *Микула* — см. примеч. 227. *Гавриил* — см. примеч. 251. *Гималаи* — см. примеч. 257.

5. ПС по ОШСК. Тетр. ГЛМ, пятое ст-ние из цикла «О чем шумят седые кедры», с вар. ст. 4 «И задрала по грудь сорочку», ст. 17 «Его ласкать у очага». Копия, выполненная неустановленным лицом — ИРЛИ, второе ст-ние из цикла «Анатолию Яр-Кравченко». ИсМ по машинописной копии, приложенной вместе со ст-ниями 6 и 9 к письму к Яр-Кравченко из Москвы от июня 1932 г., второе ст-ние из цикла «Анатолию Яр-Кравченко», с теми же вар., что и в Тетр. ГЛМ.

6. ПС по ОШСК. Тетр. ГЛМ, шестое ст-ние из цикла «О чем шумят седые кедры», с вар. ст. 2 «За умный лоб, за мудрый глаз», ст. 3 «Апрельский палевый закат», ст. 6 «И дружба руку обожгла». Копия, выполненная неустановленным лицом — ИРЛИ, первое ст-ние из цикла «Анатолию Яр-Кравченко», с вар. ст. 21 «В плоенном фартучке, косичках», ст. 25 «Поведает другим до боли». ИсМ по машинописной копии, приложенной вместе со ст-ниями 5 и 9 к тому же письму, что и № 5, первое ст-ние из цикла «Анатолию Яр-Кравченко», с теми же вар., что и в Тетр. ГЛМ. *Толя* — Яр-Кравченко — см. примеч. 448.

7. Соч. 2 по черновому автографу — ИМЛИ. Тетр. ГЛМ, седьмое ст-ние из цикла «О чем шумят седые кедры». Копия, выполненная неустановленным лицом — ИРЛИ.

8. Бл. 1978, № 3, с опечатками в ст. 23, 26, 48. - - Тетр. ГЛМ, восьмое ст-ние из цикла «О чем шумят седые кедры». ИсМ по машинописной копии, приложенной к письму к Яр-Кравченко из Москвы от 25 мая 1932 г. *Салим* — древнее название Иерусалима. *Содрогнись, памятник чугунный* — речь идет о памятнике А. С. Пушкину в Москве (скульптор А. М. Опекушин, 1880).

9. Бл. 1978, № 3, с вар. ст. 6 «Ты — сыночек, я — батька», ст. 27 «Сын, как вятское поле», ст. 29 «Сын — калина под кровлей», ст. 37 «И не ломит под бровь». - - Печ. по Тетр. ГЛМ, девятое ст-ние из цикла «О чем шумят седые кедры». Копия, выполненная неустановленным лицом — ИРЛИ, с вар. ст. 27 «Друг, как русское поле», ст. 29 «Друг, как ветка над кровлей», дата: июнь 1932. ИсМ по машинописной копии, приложенной вместе со ст-ниями 5 и 6 к тому же письму, что и № 5, четвертое ст-ние из цикла «Анатолию Яр-Кравченко», с вар., аналогичным копии.

10. Бл. 1978, № 3, с вар. ст. 27 «Чистит языком», ст. 44 «На некошеной поляне». - - Печ. по Тетр. ГЛМ, десятое ст-ние из цикла «О чем шумят седые кедры». Копия, выполненная неустановленным лицом — ИРЛИ, с вар. ст. 49—51 «Сладко верится в находку, В звезды, в русскую слободку, Песню за рекой», дата: 1932.

11. Соч. 2 по черновому автографу — ИМЛИ, с вар. ст. 6 «Грустить за пряжей голубой», ст. 7 «Лишь у пузатого сома», ст. 9 «Таят берилла груды зерен», ст. 16 «Неотвратимо, без возврата», ст. 18 «Подводным узорочьем полн», ст. 26 «Пора журчит, как ручеек», ст. 36 «Я допряду свои кудели», ст. 43 «Стихов жемчужная верея». - - СиП по Тетр. ГЛМ, одиннадцатое ст-ние из цикла «О чем шумят седые кедры». Копия, выполненная неустановленным лицом — ИРЛИ, с теми же вар. в ст. 6, 7, 9, 18, 36, 43, что и в Соч. 2.

12. Соч. 2 по черновому автографу — ИМЛИ, с вар. ст. 21 «Супруг поженится в Мемфисе», ст. 42 «С малиновым калужским словом».— СиП по Тетр. ГЛМ, двенадцатое ст-ние из цикла «О чем шумят седые кедры». Копия, выполненная неустановленным лицом — ИРЛИ. *Мемфис* — см. примеч. 447.

477. Соч. 2 по черновому автографу — ИМЛИ, без загл., с вар. ст. 38 «В лесную темь и глуботу», ст. 46 «О том, что есть Москва и Крым». - - ДН. 1987, № 12, без загл., с тем же вар. в ст. 38, что и в Соч. 2. - - Печ. по копии, выполненной неустанов-

ленным лицом — ИРЛИ, под загл. «Анатолию Яр-Кравченко». ОШСК под загл. «Анатолию Яр-Кравченко», с опечатками в ст. 24, без ст. 34—49. *Анатолий Яр-Кравченко* — см. примеч. 448. *Москва! Как много в этом звуке* — строка из романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» (глава седьмая, строфа XXXVI). *Вятка* — см. примеч. 457. *И в тициановский гарем Стремил лишь кисть* — намек на венецианского художника Тициана, создавшего в ранние годы своего творчества множество женских образов. *Клин* — город в Московской обл. *И что любовь — всегда Мария У ног Христа* — намек на эпизод из Евг. от Лк. о том, как в одном селении Христа пригласили в дом сестры. Марфа заботилась об угощении, а Мария «села у ног Иисуса и слушал слово Его» (X, 39).

478. Соч. 2 по черновому автографу — ИМЛИ в контаминации с последними 16-ю ст. ст-ния № 469, с вар. ст. 5 «черемуха» вместо «березынька», ст. 11 «дружбу» вместо «песню». - - Копия, выполненная неустановленным лицом — ИРЛИ, третье ст-ние из цикла «Анатолию Яр-Кравченко», с теми же вар. в ст. 5 и 11, что и в Соч. 2. ИсМ по машинописной копии, приложенной вместе со ст-ниями 468, 473 к тому же письму, что и № 468, третье ст-ние из цикла «Анатолию Яр-Кравченко», с теми же вар. в ст. 5, 1, что и в Соч. 2.

479. Бл. 1978, № 3 по машинописи — ИРЛИ, с вар. в ст. 36 «ярмарка» вместо «ярманка», с опечаткой в ст. 56. - - Тетр. ГЛМ. Черновой автограф — (Архив семьи Клычковых, Москва). Копия, выполненная неустановленным лицом — ИРЛИ, дата: 22 авг. 1932, деревня Потрепухино.

480. Соч. 2 по черновому автографу — ИМЛИ, без загл., с вар. ст. 35 «С андротиком лесным под мышкой», ст. 42 «Обложенный асфальтом серым», ст. 71 «И ветер-конь в дождливом церазке», ст. 76 пропущен предлог «в». - - СиП по Тетр. ГЛМ, с опечаткой в ст. 98. Копия, выполненная неустановленным лицом — ИРЛИ, без загл., с вар. ст. 104 «Звенят как травы по весне», ст. 106 «Мой песноглаз, судьбы цветок», ст. 111 «Прибоем слов о гребни дюн», ст. 112 «Победно трудный, как орга́ны». Ст-ние ходило в списках. В «Листках из дневника» Ахматова писала:- «Осип читал мне на память отрывки стихотворения Н. Клюева

"Хулители искусства" — причину гибели несчастного Николая Алексеевича. <...> Я своими глазами видела у Варвары Клычковой заявление Клюева (из лагеря, о помиловании): "Я, осужденный за мое стихотворение «Хулители искусства» и за безумные строки моих черновиков..."» (ВЛ. 1989, № 2. С. 203—204). *Осип* — поэт Осип Эмильевич Мандельштам (1891—1938). *Варвара Клычкова* — Горбачева Варвара Николаевна (1901—1975) — жена поэта Сергея Клычкова. *И за безумные строки моих черновиков* — речь идет о цикле «Разруха». *Кольцов* — см. примеч. 76, 282. *Клычков* Сергей Антонович (1889—1937) — поэт и прозаик, был дружен с Клюевым. Вскоре после выхода романа Клычкова «Чертухинский балакирь» (1926) Архипов записал слова Клюева об этой книге: «Я так взволнован сегодня, что и сказать нельзя. Получил я книгу, написанную от великого страдания, от великой скорби за русскую красоту. Ратовище, белый стяг с избяным лесным Спасом на нем за русскую мужицкую душу. Надо в ноги поклониться. С. Клычкову за желанное рождество слова и плача великого.

В книге "Балакирь" вся чарь и сладость Лескова, и чего Лесков недосказал и не высказал, что только в совестливые минуты чуялось Мельникову-Печерскому от купальского кореня, от Дионисиевской вапы, от меча-кладенца, что под главой Ивана-богатыря — всё в "Балакире" сказалось, ажно терпкий пот прошибает. И радостно, и жалостно смертельно» (Цит. по кн.: *Азадовский К. М.* Николай Клюев: Путь поэта. С. 271—272). *Ахматова* — см. примеч. 75. *Ахматова — жасминный куст... Где Данте шел и воздух густ.* Эти строки, процитированные Ахматовой по памяти («...жасминный куст, где Данте шел и воздух пуст») были поставлены ею эпиграфом ко второй части («Решка») «Поэмы без героя» (1963). «Лучшее, что сказано о моих стихах» — такова была краткая оценка Ахматовой клюевских строк (См.: *Ахматова А. А.* Стихотворения и поэмы. Л., 1979. С. 518). *Данте* Алигьери (1265—1321) — итальянский поэт, вершиной творчества которого является поэма «Божественная комедия». *Васильев* Павел Николаевич (1909/1910—1937) — поэт, родился в Прииртышье (г. Павлодар), обвинялся в «кулацкой» идеологии и «клюевщине». *Чтоб гость в моей подводной келье* — намек на московскую квартиру в полуподвальном помещении в Гранатном пер. (ныне ул. Щусева, дом не сохранился), в которую он поселился, вероятно, в мае 1932 г. *Ермак* — см. при-

меч. 372. *Иерихон* — город VII—II тыс. до н. э., в Палестине (на территории современной Иордании). *И от Печéнеги* — имеется в виду Печенга — поселок городского типа в Мурманской обл. *Бийск* — город в Алтайском крае. *Анатолий* — см. примеч. 448. Датируется, как и ст-ния № 481, 482, по расположению в Тетр. ИМЛИ, стоящих впереди № 483.

481. Соч. 2 по черновому автографу — ИМЛИ, с вар. ст. 17 «И электрических восходов», ст. 27 «Ах, кто же в старо-русском тверд», без ст. 31—45. - - В статье Г. Маквея «Николай Клюев и Сергей Клычков: Неопубликованные тексты» (Oxford Slavonic Parers: New Series. 1984. Vol. XVII. P. 93) по беловому автографу — ГЛМ, с теми же вар. в ст. 17, 27, что и в Соч. 2, с вар. ст. 34 «Осьмнадцатой весной вспоенный», ст. 40 «Где вещий Суслов и Сезанн», ст. 43 «Новорожденных вод и поля». - - Печ. по копии, выполненной неустановленным лицом — ИРЛИ, дата: январь 1933. Москва. *Вятка* — см. примеч. 457. *Сезанн* — см. примеч. 366. *Суслов* Владимир Васильевич (1857—1921) — русский архитектор, исследователь древнерусского искусства, реставратор. *Гоген* Поль (1848—1903) — французский живописец, один из главных представителей постимпрессионизма. *Рублёв* — см. примеч. 177. *Оксфорд* — город в Великобритании, в котором находится старейший в стране ун-т. *«Вставай, проклятьем заклейменный»* — см. примеч. 334. О датировке см. примеч. 480.

482. Соч. 2 по черновому автографу — ИМЛИ, с вар. ст. 36 «Кинет воску на березку». - - Песнослов, 90, с уточнением по тому же источнику. О датировке см. примеч. 480.

483. Соч. 2 по черновому автографу — ИМЛИ, без ст. 7, 8, с вар. ст. 22 «Их стон не укоризна пиру». ст. 27 «Я поверну ишчаью шею», ст. 31 «Чиня былые корабли», ст. 35 «[Строй] розовеньких облачат», ст. 44 «Смолистый хвойный Алконост», ст. 47 «В твою палитру, где лазори», ст. 100 «Я распахну оконце вежи». - - Печ. по машинописи — ИРЛИ, дата: 19 нояб. 1932. *Анатолий Яр* — см. примеч. 448. *Саломея* — см. примеч. 361 (Плясея Кровавых Времен). *Вятка* — см. примеч. 457. *Красная Пресня* — см. примеч. 386. *В подвальце, как в гнезде гусином* — см. примеч. 480.

484—487. Стихи из колхоза

1. ЗС. 1932, № 12, первое ст-ние из цикла «Стихи из колхоза». Беловой автограф — РНБ, первое ст-ние из цикла «Стихи из колхоза», с вар. ст. 4 «Цветет овечий бедый сад?!» Другой беловой автограф — ИРЛИ, с тем же вар. в ст. 4, что и в ЗС, ст. 7 «Иглой пастушеской киргиз», ст. 16 «И тянет ветер Индостана», ст. 21 «Двенадцать лет пленяет нас».

2. ЗС. 1932, № 12, второе ст-ние из цикла «Стихи из колхоза». Беловой автограф — РНБ, второе ст-ние из цикла «Стихи из колхоза», с вар. ст. 21 «Пшенично солнечного льва», ст. 29 «Недаром хлеборобный батька», ст. 32 «Из тяжких гроздьев и колосьев». *Византия* (Восточная Римская империя, Византийская империя) — гос-во IV—XV вв. В течение 1000 лет она отражала напор азиатских народностей от Европы, просветила светом христианства многие варварские народы, была очагом православия, светочем истинной и неповрежденной веры Христовой, хранительницей учения вселенской Церкви.

3. ЗС. 1932, № 12, третье ст-ние из цикла «Стихи из колхоза». Беловой автограф — РНБ, третье ст-ние из цикла «Стихи из колхоза», с вар. ст. 2 «Орленок Васюха и кречет Степан», ст. 6 «С горою пшеницы и розовых прос», ст. 7 «Привольным орлам похвала не нужна», ст. 12 «Но ждет и орленка коварный удар», ст. 14 «И коростель тренькал за дымкой ночной», ст. 26 «Кулацкая пуля сразила орла», ст. 35 «Он прозвал Орлиным за гибель без слез», ст. 40 «Где вьюгой на саван спрядая кудель».

4. ЗС. 1932, № 12, четвертое ст-ние из цикла «Стихи из колхоза». Беловой автограф — РНБ, четвертое ст-ние из цикла «Стихи из колхоза», с вар. ст. 19 «От ржаных материков», ст. 20 «Стая праздничных снопов», между ст. 24—25 дополн ст. «Я смуглянка Октябрина Запою на именинах», ст. 26 «За мирской матерых стог», ст. 27 «Лист кленовый тих и ал», ст. 29 «Это вещая пороша», ст. 33 «Поглядеть, как в море щей», ст. 34 «Плещет стадо лебедей», между ст. 34—35 дополн. ст. «Краше всех лебедок — я Дочь Кормильца-Октября», ст. 41 «До пшеничных островов». Подпись: Николай Клюев. С припиской: «В случае пригодности данных стихов усердно прошу не замедлить высылкой гонорара по адресу: Ленинград, ул. Герцена, 45, кв. 8. Стихи печатать циклом в указанном порядке. Порознь печатать нежелательно. Н. К.». *Суда* — пос. городского типа в Череповецком р-не Вологодской обл., расположен при впадении р. Суда в Рыбинское водохрани-

лище. *Лаба* — р. на Северном Кавказе, во время паводков ее вода становится светло-желтой.

488. Соч. 2 по черновому автографу — ИМЛИ, с вар. ст. 11 «Красота кипит как сальце», ст. 15 «В бисере по лопатки», ст. 16 «Что Распутина [шулятки]», ст. 17 «Ставлю я горбатой Пресне», ст. 31 «Не корчажным [вспенным] суслом», ст. 45 «Ковш мой — ярую росу», ст. 69 «Смуглой нежен, — плат по щеки». - - ДнП, 1986, с уточнениями по тому же источнику в ст. 6, 11, 16, 42, 69. - - Песнослов, 90, с уточнениями по этому же источнику. ОШСК, в разделе «Стихи из подвала». *По-барсучьи жить в подвальце* — см. примеч. 480. *Распутин* — см. примеч. 246. *Данте* — см. примеч. 480. *Аврелий* Марк (121—180) — римский император, автор философского сочинения «Размышления». *Александрия* — порт и древняя столица Египта, центр эллинистической культуры. *Опошня* — село в Полтавской обл. (Украина), славящееся изделиями художественной керамики. Датируется по расположению ст-ния в Тетр. ИМЛИ, стоящее первым после ст-ния № 483.

489. Соч. 2 по черновому автографу — ИМЛИ, с вар. ст. 9 «Ненастна воронья губерния». - - БП. Копия, выполненная неустановленным лицом — ИРЛИ, с вар. ст. 9 «Ненастна воронья губерня». ОШСК. Датируется по расположению в Тетр. ИМЛИ, стоящее вторым после ст-ния 483.

490. Соч. 2 по черновому автографу — ИМЛИ.

491. Соч. 2 по черновому автографу — ИМЛИ, без ст. 25—40. - - ДН. 1987, № 12 по черновому автографу — ИМЛИ, без ст. 1—24. - - Р. 1988, № 6 по копии, выполненной неустановленным лицом — ИРЛИ. *Я лето зорил на Вятке* — с 1929 г. Клюев вместе с художником Анатолием Яр-Кравченко летом отдыхал в дер. Потрепухино Вятской обл., неподалеку от г. Кукарки (ныне г. Советск Кировской обл.), позже к ним присоединился и брат Анатолия Борис. В 1932 г. Клюев последний раз побывал на Вятке и вернулся в Москву (См.: *Кравченко Б. Н.* «Через мою жизнь...» // НН. 1991. № 1. С. 121—124). *Вятка* — см. примеч. 457.

492. Соч. 2 по черновому автографу — ИМЛИ, с вар. ст. 9 «Лебединый хоровод на плёсе», ст. 11 «Разгадай, где плещется

строка», ст. 18 «Что забытый туром бард могучий», ст. 38 «Горним льном, наливами пшеницы», дата: сентября 6-го. - - Печ. по ОШСК. *Суламифь*, Суламита — в Ветхом завете возлюбленная Соломона, воспетая им в книге «Песнь песней Соломона». *Елена* — в греческих сказаниях, прекраснейшая из женщин, жена царя Спарты Менелая. Похищение Елены Парисом послужило поводом к Троянской войне.

493. Соч. 2 по черновому автографу — ИМЛИ, с вар. ст. 5 «Обветшали липы за окном», ст. 26 «Налитой густой мужицкой кровью». - - Песнослов, 90. Копия, выполненная неустановленным лицом — ИРЛИ, с вар. ст. 5 «Облетели липы за окном», ст. 6 «На костыль оперся хворый дом», в ст. 26 тот же вар., что и в Соч. 2, ст. 39 «Как допрежде принимай-ка Клима». *Нарым* — см. примеч. 325. *Верлен* — см. примеч. 261. *«Ах вы, сени»* — цитата из русской народной песни «Ах вы сени мои, сени». *Светлояр* — см. примеч. 292. Датируется, как и ст-ние № 492: их черновые автографы находятся на одном листе.

494. Соч. 2 по черновому автографу — ИМЛИ, с искажением в ст. 28 «кимена» вместо «калина», без ст. 40—45, ст. 56 «Подвалу, где клюют синицы», ст. 58 без союза *и*, ст. 60 «На Рождестве закличет елку», ст. 61 «[На] последки [на] сруб в подвале», ст. 62 без союза *и*, ст. 74 «Запрячет сок земной и боли». - - Песнослов, 90. Беловой автограф — ГЛМ. Копия, выполненная неустановленным лицом — ИРЛИ, с пометой: записано в Москве 11 янв. 1933. *Как лось матерый жил в подвале* — см. примеч. 480. *Печора* — см. примеч. 323. *И не Есенина веревкой* — намек на самоубийство С. А. Есенина.

495. Соч. 2 по черновому автографу — ИМЛИ, с вар. ст. 8 «Сизее щеки, [чтобы] глаже», ст. 18 «Отужинать дождусь я гостью», ст. 28 «В ничьем, бездомном, [под полом]», ст. 33 «Ползет змея — хозяйка будни», ст. 37 «а» вместо «и», ст. 55 «К прибою, чайкам, солнца бубну». - - Печ. по копии, выполненной неустановленным лицом — ИРЛИ, дата: январь 1933. Москва. ОШСК. *«По морям, по волнам, Нынче здесь, а завтра там»* — строки из популярной в годы гражданской войны песни «Ты, моряк, красивый сам собою», явившуюся переработкой строф драмы В. С. Межевича «Артур, или Шестнадцать лет спустя» (1839).

496. Соч. 2 по черновому автографу — ИМЛИ, с вар. ст. 3 «В тайге золы — седой бурластой», ст. 20 «Роился жемчуг серебристый». - - Печ. по копии, выполненной неустановленным лицом — ИРЛИ, дата: янв. 1933. Москва. *Топтыгин* — см. примеч. 263.

497. Соч. 2 по черновому автографу — ИМЛИ. Датируется по расположению в Тетр. ИМЛИ, следующее после ст-ния № 496. *Константинополь* — см. примеч. 272 (Царьград).

498. Соч. 2 по черновому автографу — ИМЛИ. Копия, выполненная неустановленным лицом — ИРЛИ, дата: янв. 1933. Москва.

499. Соч. 2 по черновому автографу — ИМЛИ, с вар. ст. 15 «Пляшет ответно ночник», ст. 17 «Плюнул бы дурню в бельмо», ст. 19 «Двадцать ему или сотня», ст. 35 «[Буйственным] алым плащом» ст. 36 «Видятся меч и шелом», ст. 49 «В пустую, в худую постель». - - Печ. по копии, выполненной неустановленным лицом — ИРЛИ, дата: янв. 1933. Москва.

500. Соч. 2 по черновому автографу — ИМЛИ, без загл., с вар. ст. 3 «И в снежных сиверках готовы», ст. 28 «Продрогла грудь, замглился дух», между ст. 34—35 две дополн. ст. «Что водят с лешим хлеб и соль, Любя поземок хмарь и голь», без ст. 53—69. - - В статье Субботина С. И. «На путях к Николаю Клюеву» по машинописи — ИРЛИ, с пометой: получено в Ленинграде 20. II. 1993. Копия, выполненная неустановленным лицом — ИРЛИ, дата: февр. 1933. Москва. ОШСК, в разделе «Стихи из подвала». *Анатолий Яр* — см. примеч. 448.

501. НН. 1991, № 1 по машинописи — ИРЛИ, эпиграфы из книги Павла Флоренского «Столп и утверждение Истины. Опыт православной теодиции» (М., 1914). Первый эпиграф из письма XII. Ревность, второй эпиграф из письма XI. Дружба, с перестановкой предложений. Другая машинопись — ИРЛИ, без эпиграфов. *Анатолий Яр* — см. примеч. 448. *И не дослушанной певицы* — намек на Зинаиду Николаевну Воробьеву (1902—1985), певицу, меццо-сопрано. Окончила Ленинградскую консерваторию. В начале 30-х гг. познакомилась с Яр-Кравченко, осенью

1934 г. стала его женой (сообщено С. А. Кравченко). *Не песней Грузии печальной* — измененная цитата из ст-ния А. С. Пушкина «Не пой, красавица, при мне...» (1828): «Ты песен Грузии печальной...»

502. НН. 1991, № 1 по машинописи — ИРЛИ. Другая машинопись — ИРЛИ. Эпиграф — строки из ст-ния № 500. *Беловежье* — Беловежская пуща, лесной массив на границе Белоруссии и Польши. *Нарым* — см. примеч. 325.

503. Соч. 2 по черновому автографу — ИМЛИ, с вар. ст. 36 «Трухлявя кору у сосны», ст. 50 «Орел под стремниною, внове». - - Печ. по машинописи — ИРЛИ. *Углич* — см. примеч. 258. *Отрок Димитрий* — см. примеч. 248. *Вкушая вкусих мало меда* — вкушая вкусил мало меда — цитата из 1 Цар. (XIV, 43).

504. Соч. 2 по черновому автографу — ИМЛИ, с вар. ст. 17 «Я знаю, что за хмурой бородой», ст. 37 «Пожрать заклятый колобок», ст. 38 «И кто рожден в громах, как тучи», ст. 44 «Казним за нежность, [сказку], слов», ст. 53 «Я мальчуган, по голенище», ст. 54 «Забрел в цымбалы, лютни, скрипки», ст. 55 «И ронят шерсть на пряжу сказке», ст. 62 «Лишь в пойме серебра чешуйки», ст. 67 «Иртыш баюкает тигренка», ст. 83 «Авось попимши и поемши», между ст. 87—88 дополн. ст. «Забыв о стонах и увечьях». - - П. Вып. 43. 1985 в приложении к статье Субботина С. И. «Моя славянская, узорная и избяная» по беловому автографу — РГАЛИ. Автограф имеет помету: «Стихи, посвященные мне в 1933 г. Николаем Клюевым. P. S. Писано его рукой». Между постскриптумом и основным текстом есть полустертая подпись. По мнению публикатора, почерк — помета и подпись — принадлежит Павлу Васильеву. Поскольку собственного посвящения Клюева Васильеву в автографе нет (возможно, оно было устным), то оно берется в угловые скобки. *Васильев* — см. примеч. 480. *Колывань* — пос. городского типа в Алтайском крае. *Кемь* — см. примеч. 328.

505. Соч. 2 по черновому автографу — ИМЛИ, без посвящ., с вар. ст. 9 «Что за края, лесная округа», ст. 10 «Отвечают: Рязань да Калуга», ст. 20 «Обожжено грозовым русским июлем», ст. 34 «Костыньки в пекле». - - Николай Клюев. Завещание. М., 1988.

С. 59 по беловому автографу — РГАЛИ, помещенному на форзаце сб. ст-ний «Костер» (Л., 1927), с дарственной надписью: «Моей чародейной современнице — славной русской артистке Надежде Андреевне Обуховой», подпись: Николай Клюев, дата: 1933. *Обухова* Надежда Андреевна (1886—1961) — певица, народная артистка СССР. Исполняла партии Любаши («Царская невеста» Римского-Корсакова), Марфы («Хованщина» Мусоргского), Любавы («Мазепа» Чайковского) и др., в камерном репертуаре певицы романсы русских и зарубежных композиторов, народные песни. *Давид* — см. примеч. 228. Его духовные песнопения (псалмы) стали основой библейской кн. Псалтырь. *Хвалынское дно* — см. примеч. 105.

506. Соч. 2 по черновому автографу — ИМЛИ, с вар. ст. 10 «Всей головой, как роща, знамя», ст. 18 «Я, златострунным и пригожим», без ст. 48—52, с вар. ст. 55 «За ними Грузии узор». - - СиП по тому же автографу, с теми же вар. в ст. 10, 18, 55, 59, что и в Соч. 2, с вар. ст. 33 «Душистой и слепой кобзы», ст. 48 «И в шапке, в зарослях курганных». - - Печ. по этому же автографу. Датируется по расположению ст-ния в Тетр. ИМЛИ, идущее после ст-ния № 505.

507. Р. 1988, № 6 по машинописи — ИРЛИ, с искажениями в ст. 5 «порубы» вместо «порубе», ст. 26 «пролетных» вместо «пролетних», ст. 28 «веселый» вместо «веселой». - - Песнослов, 90 по машинописному фрагменту ст. 1—64 — ИРЛИ (Архив Иванова-Разумника) и беловому автографу-фрагменту, ст. 65—88 — (Архив семьи Б. Н. Кравченко, Санкт-Петербург), приложенному к письму Клюева А. Яр-Кравченко. Почему ст-ние оказалось разделенным на две части, объясняется так. Вместе с письмом оно направлялось в «Издательство писателей в Ленинграде», как добавление к основному корпусу сб. «О чем шумят седые кедры». Новым ст-нием заинтересовался Иванов-Разумник, давний ценитель клюевской поэзии. Яр-Кравченко отдал ему первый лист с основной частью ст-ния, оставив себе второй лист с концовкой ст-ния и текстом письма. В архиве Иванова-Разумника, к сожалению, сохранилась только машинопись этой основной части ст-ния, автограф не разыскан (См.: *Михайлов А. И.* К биографии Н. А. Клюева последнего периода его жизни и творчества // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на

1990 год. СПб., 1993. С. 169—170). Письмо не датировано, но по некоторым реалиям: упоминание жены Яр-Кравченко З. Н. Воробьевой, с которой он постоянно встречался, кн. «О чем шумят седые кедры», находящейся в «Издательстве писателей в Ленинграде» с 7 июня 1933 г., — его можно отнести ко второй половине 1933 г. *Арарат* — см. примеч. 265.

508—509. Из цикла «Разруха». Стихи цикла были приложены «как улика, как вещественное доказательство» виновности Клюева «в составлении и распространении контрреволюционных произведений» к протоколу допроса поэта в ОГПУ от 15 февр. 1934 г. и, по словам Клюева, они были «незавершенными» (*Шенталинский В.* Гамаюн — птица вещая // Ог. 1989. № 43. С. 10). Цикл открывается ст-нием «Песня Гамаюна» — отрывком из поэмы «Песнь о великой матери».

1. Ог. 1989, № 43 по машинописи — Архив КГБ, второе ст-ние из цикла «Разруха», с опечатками в ст. 10, 14, 32, 47, 65 с поврежденным текстом в ст. 39, 40. - - Песнослов, 90, с устранением опечаток и предложенным восполнением поврежденного текста. *Лаче* — см. примеч. 206. *Выг* — см. примеч. 438. *Данилово* — см. примеч. 200. *Где Неофиту Андрей и Симеон, как сыту, Сварили на премноги леты Необоримые «Ответы»* — см. примеч. 310. *Александрия* — см. примеч. 488. *Китеж* — см. примеч. 292. *То беломорский смерть-канал* — речь идет о Беломоро-Балтийском канале, соединившем Белое море с Онежским озером. Канал длиною в 227 км был создан менее чем за два года каторжным трудом десятков тысяч заключенных и открыт в 1933 г. *Ветлуга* — город в Нижегородской обл. *Повенец* — см. примеч. 375. *Арарат* — см. примеч. 265. *Поморье* — см. примеч. 253. *Конь Егорья* — см. примеч. 193.

2. Ог. 1989, № 43 по машинописи — Архив КГБ, третье ст-ние из цикла «Разруха», с опечатками в ст. 8, 74. - - Песнослов, 90, по ксерокопии с того же источника, а также устранением ошибки в членении цикла. Публикатор (в полном соответствии с машинописным текстом, где нумерация ст-ний цикла была проставлена от руки неизвестным лицом) под номером 4 обозначил ст. 95—151. На самом деле они являются прямым логическим продолжением третьей части цикла. *Рыдает Новгород, где тучкою златимой Грек Феофан свивает пасмы фресок С церковных крыл. Феофан Грек* (ок. 1340 — после 1405) — иконопи-

сец, родом из Греции. В Новгороде расписал церковь Спаса Преображения (1378), закрытую в конце 1920-х гг. и превращенную позже в музей. *Владимира червонные ворота* — речь идет о Золотых воротах города — редчайший памятник русской военно-оборонительной архитектуры XII в. *Коломна* — см. примеч. 381. *Касимов* — город в Рязанской обл., славится памятниками христианского и мусульманского зодчества. *Муром* — город во Владимирской обл., родина древнерусского богатыря Ильи Муромца. *Жигули* — горы на правом берегу Волги, огибаемые ее излучиной, так называемой Самарской Лукой. *Скакун из Карабаха* — имеется в виде верховая лошадь, выведенная на территории Нагорного Карабаха, отличающаяся выносливостью и гармоничным сложением. *Чернигов, Курск* — города, воспетые в «Слове о полку Игореве». *Чтобы в печерские оконца Взглянуть на песноликий рай* — имеются в виду искусственно созданные пещеры (печеры) Киево-Печерской лавры, основанной в 1051 г. В древности пещеры были храмами и местом жительства монахов-затворников. Подвиг их затворничества состоял в том, что они навсегда входили в тесную келью (затвор), как бы погребая себя заживо. Позже кельи стали усыпальницами. Служители лавры показывали паломникам оконца келий, за которыми находились нетленные мощи особо чтимых затворников. В 1926 г. власти превратили лавру в музей. *Вот город славы и судьбы* — имеется в виду Москва, по рассуждению старца псковского Елизарова монастыря Филофея (XVI в.), третий Рим, хранительница православия. *Князь Даниил* — Даниил Александрович (1261—1303) — князь московский, сын Александра Невского, положившем начало роста Московского княжества. *Золотой Рог* — здесь: бухта у европейских берегов южного входа в пролив Босфор. На обоих берегах — город и порт Стамбул. *Веспасиан* (9—79 г. н. э.) — римский император. *Константин*, по всей вероятности, Константин VII (906—959 г.) — византийский император. Автор сочинений, содержащих сведения о русско-византийских отношения X в. *Скрипит иудина осина* — см. примеч. 422. *Не для некрасовского Власа Роятся в притче эфиопы* — отзвук ст-ния Н. А. Некрасова «Влас» (1855): «Говорят, ему видение Всё мерещится в бреду: Видел света преставление, Видел грешников в аду, Мучат бесы их проворные, Жалит — ведьма-егоза, Эфиопы — видом черные И как углие глаза». *К жилью зловещего кота* — намек на И. В. Сталина. *Злодей, чья флейта — по-*

звоночник, Булыжник уличный — построчник — имеется в виду В. В. Маяковский, автор поэмы «Флейта-позвоночник» (1915) См. примеч. 359 (Маяковский). *Иван Великий* — см. примеч. 310. *Брама* — см. примеч. 280.

510. В статье Маквея Г. Николай Клюев и Сергей Клычков: Неопубликованные тексты, по машинописной копии, предоставленной публикатору А. Н. Яр-Кравченко (Москва). Это пока единственное из дошедших из сибирской ссылки поэта ст-ний. Оно было приложено к письму из Томска А. Яр-Кравченко от 25 марта 1937 г. В ст-нии нашли отражение некоторые реалии Томска. Поэт жил в пер. Красного Пожарника, 12, который находился недалеко от Больницы (сейчас — больница им. Г. Е. Симбирцева), и, блуждая мимо сосен, пихт и седых верб, выходил к Кладбищу (ныне его нет). См.: *Пичурин Л.* Последние дни Николая Клюева. Томск, 1993. С. 31—33.

ПОЭМЫ

511. Клюев Н. Четвертый Рим. П., 1922. Черновой автограф — ИРЛИ, дата: нояб. 1921. В экземпляре книги, хранящейся в музее А. А. Ахматовой (Санкт-Петербург), автором исправлены опечатки в ст. 27, 35, 61, 156. *Архипов* — см. примеч. 423. Эпиграф — измененные строки из ст-ния С. А. Есенина «Исповедь хулигана» (1920): «А теперь он ходит в цилиндре И в лакированных башмаках». *Не хочу быть знаменитым поэтом* — отзвук этого же ст-ния Есенина: «Что ваш сын в России Самый лучший поэт!» *Молитв молоко и влюбленности сыр.* В письме к Иванову-Разумнику от 6 марта 1922 г. Есенин, приведя эту строку, подметил невольное заимствование Клюевым образотворчества у ненавистных им имажинистов — «да ведь это же его любимые Мариенгоф и Шершеневич со своими "бутербродами любви"» (*Есенин С. А.* Собр. соч. Т. 6. С. 114). Есенин имел в виду строки из поэмы В. Г. Шершеневича «Вечный жид» (1919): «Ласка хрустящих любимых облепили меня, как икра бутерброд». *Мариенгоф* — см. примеч. 422. *Шершеневич* Вадим Габриелевич (1893—1942) — поэт, переводчик, один из основателей имажинизма. *Дева Обида* — см. примеч. 29. *Не хочу быть «кобы-*

льим» поэтом — намек на строки из того же ст-ния Есенина: «Он готов нести хвост каждой лошади, Как венчального платья шлейф». *Это я плясал перед царским троном В крылатой поддевке и злых сапогах, Это я зловещей совою влетел в Романовский дом* — см. примеч. 293. *Валдай* — см. примеч. 355. *В песках Чарджуев* — см. примеч. 412.

512. Клюев Н. Мать-Суббота. П., 1922. Черновой автограф — ИРЛИ. Авторизованная рукописная копия — РГАЛИ. Первоначально поэма называлась «Голубая Суббота». Раскрывая глубинный смысл свой поэмы, Клюев говорил Архипову: «У избы есть корни; она, как кондовая сосна: хвоя на ней ржаная, а шишки золотом сычены. Семь чаш пролито на избу: первая чаша — покой, вторая — нетление, третья — духовидчество, четвертая — мир мирови, пятая — жертва Авеля, шестая — победа, седьмая — и во веки веков.

Мистерия избы — Голубая Суббота, заклание Агнца и урочное Его воскресение. Коврига — Христос избы, хлеб животный, дающий жизнь верным.

Рождество хлеба, его заклание, погребение и воскресение из мертвых чаемой, как красота в русском народе, и рассказано в моей “Голубой Субботе”» (ИРЛИ. Р. 1. Оп. 12. № 681. Л. 31. Частично высказывание приведено К. М. Азадовским в его кн.: Николай Клюев: Путь поэта. С. 243). О том, как читал эту поэму Клюев, «почти гениальный поэт», по словам Ольги Форш, рассказывается ею в романе «Сумасшедший корабль»: «Он вошел... приземистый, обросший, тяжкий, земляной, как Вий, он не сел, он остался стоять. Стоя читал:

Ангел простых человеческих дел
В душу мою жаворонком влетел...

Читая, Микула разъярился. Космы отросших волос ему прянули в глаза. Он сквозь космы сверлил голубыми, пьяными от лирных волнений, и сверкающими, и гаснущими от вспененных чувств взорами. Порой — как одержимый элевзинским таинством, помавая тирсом, воскликнет вдруг “эвоэ!” — он взрывал мощным голосом:

Радуйтесь, братья, беремен я
От поцелуев и ядер коня.

И к черту — рыцарство, с худосочной дамой, Дантову розу, россианскую красну-девицу, всё начало женское, змею, кусающую

собственный хвост... Прославлена от земли в зенит вертикаль. И она — мать, рождающая самосильно.

Никогда, может быть, не было такого возвеличения начала женского, идеи женской — церковью, философией, бытом хитро сведенной к метафизическому и всякому "приложению" мужчины. В этой мужицкой, хлыстовской, глубоко русской концепции впервые женщина возносилась в *единицу* самостоятельной ценности как мать. Прочие все — дамы, розы, мистика, дева — отметается как баловство. <...>

Окончил Микула стихи свои плача» (*Форш О.* Сумасшедший Корабль: Роман; Рассказы. Л., 1988. С. 141). Отклики на поэму были немногочисленны и поверхностны. «Критики моей поэмы "Мать-Суббота", — отмечал Клюев, — указывают на умность этого произведения, противопоставляя ей "глуповатую поэзию" как подлинную. Конечно, если считать поэзией увядающие розы, луну и гитару, то мои критики правы.

Мой же мир: Китеж подводный, там всё по-другому. Рассказывая про тайны этого мира, я со страхом и трепетом разгребаю словесные груды, выбирая самые точные образы и слова для выявления поддонной народной правды. Ни убавить, ни прибавить словесной точности я не дерзаю, считаю за грех. Самоцветный поддонный ум может быть судим только всенебесным собором.

"Мать-Суббота" — избяной Экклезиаст, Евангелие хлеба, где Лик Сына Человеческого посреди животных: льва, осла, орла и ангелов любви Иоанновной» (ИРЛИ. Р. 1. Оп. 12. № 681. Л. 96). *Архипов* — см. примеч. 423. *Егорий* — см. примеч. 193. *Фрол, Флор* — св. великомученик, брат *Лавра*. Оба почитаются как покровители лошадей. Память 18(31) авг. *Медост* — см. примеч. 189. *Пантелеймон* — см. примеч. 294. *Илья* — см. примеч. 222. *Иван Калита* — Иван I Данилович Калита (?—1340) — князь московский. Заложил основы политического и экономического могущества Москвы. Добился у Золотой Орды права сбора монголо-татарской дани на Руси. *Кони Ильи* — имеется в виду сюжет из кн. 4 Цар. (II, 11) для иконы «Огненное восхождение Илии на небо». *Одигитрия* (греч.) — путеводительница, икона Богоматери. Обычно так называется икона, написанная, по преданию, евангелистом Лукой; после перенесения в XIII в. в Россию из Греции получила название Смоленской. *Крылья Софии* — см. примеч. 435. *Попрание* врат — традиционное изображение на старинных иконах воскресения Христова «через

сошествие во ад», где Спаситель изображается сходящим в бездны адские и попирающим две сорванные с петель и крестообразно сложенные двери ада. *Дух и Невеста* — икона, Святой Дух, изображенный в виде голубя и дева Мария. *Предста царица* или Царь царям — икона, по преданию, написанная древнерусским иконописцем, преподобным печерским Алипием. В центре на иконе изображен Иисус Христос, справа и слева от него — Богородица и Иоанн Предтеча. *Распятый Лебедь и Роза над ним* — вероятно, средневековые символы распятого Христа и Богоматери над ним. *Савское миро* — намек на благовония, которые вместе с золотом и драгоценностями были преподнесены царю Соломону царицей Савской (3 Цар., X, 2). *Елеон*, Елеонская или Масличная гора близ Иерусалима. С нею связаны многие события Ветхого и Нового завета. *Лапоть Исхода* — имеется в виду сорокалетний исход евреев из Египта, описанный во второй кн. Моисея «Исход». *Суббота Живых* — речь идет о Лазаревой субботе на шестой неделе Великого поста, посвященной воспоминанию о воскресении Лазаря. В этот день церковь вспоминает и молится за всех от века усопших. Люди посещают церкви, кладбища, поминают родных, друзей. *Мельхиседек*, *Мелхиседек* — царь Салимский, священник Бога Всевышнего. Он встретил Авраама, возвратившегося с победоносной войны, вынес хлеб и вино, благословил его и принял от него десятую часть всей отнятой у врага добычи. Мельхиседек пользовался большой известностью, его священство признавалось многими. Псалмопевец Давид пророчествовал о Мессии, что Он «священник вовек по чину Мелхиседека» (Пс. 109, 4) и ап. Павел в послании к Евреям неоднократно указывает на то, что это пророчество полностью осуществилось на Иисусе Христе (Евр. V, 5—10, VI, 20, VII, 21). *Креститель Иван* — см. примеч. 184. *Китеж* — см. примеч. 292. *Палеостров* — см. примеч. 158. *Выг* — см. примеч. 200. *Кижи* — см. примеч. 360. *Соловки* — см. примеч. 108. *Суббота опосле Креста* — Страстная суббота, перед Пасхой. *Петр* — см. примеч. 228. *Потным платом Вероники* — см. примеч. 405 (Мокробородый Спас). *Кана* — город в Галилее, где, по Евг. от Иоан., Иисус Христос на брачном пире претворил воду в вино.

513. В кн.: Костер. Ленинградский Союз поэтов. Л., 1927. Черновой автограф — ГЛМ. Авторизованная машинопись — ИРЛИ, с подзаголовком «Былая Русь», с вар. ст. 38 «Пасти

табуны во лесах», ст. 55 «Только слаще в блинах да алажках», ст. 121 «В оранжевом сарафане», подпись: Николай Клюев. 1 окт. 1927 г. в ленинградском Геологическом комитете состоялся литературный вечер, на котором Клюев выступил с чтением поэмы «Заозерье». Свое выступление он предварил словами: «Сквозь бесформенные видения настоящего я ввожу вас в светлый чарующий мир Заозерья, где люди и твари проходят круг своего земного бытия под могущественным и благодатным наитием существа с "окуньим плеском в глазах" — отца Алексея, каких видели и знали саровские леса, темные дубы Месопотамии и подземные храмы Сиама.

Если средиземные арфы звучат в тысячелетиях и песни маленькой занесенной снегом Норвегии на крыльях полярных чаек разносятся по всему миру, то почему должен умолкнуть навсегда берестяный Сирин Скифии?

Правда, существует утверждение, что русский Сирин насмерть простужен от железного сквозняка, который вот уже третье столетие дует из пресловутого окна, прорубленного в Европу.

Да... Но наряду с этим существует утверждение в нас, русских художниках, что только под смуглым солнцем Сиама и Месопотамии и исцелится его словесное сердце» (ИРЛИ. Р. 1. Оп. 12. № 681. Л. 146 об.). *Саровские леса* — см. примеч. 211 (Саров). *Месопотамия* — см. примеч. 425. *Сиам* — см. примеч. 402. *Егорьев день* — см. примеч. 193. *Поморское письмо* — см. примеч. 390. *Гостомысл* — см. примеч. 409. *Купальница Аграфена* — день св. Агриппины или Аграфёны 23 июня (6 июля), канун Ивана Купалы. В этот день топили бани, застилали пол травой и цветами. Парились веником из травы богородской, папоротника, иван-да-марьи, ромашки, лютика, полыни, мяты пахучей. Начиналось купание в водоемах. *Илья* — см. примеч. 222. *Федосья-колосовица*, колосница — день св. мученицы Феодосии, ко дню ее памяти 29 мая (11 июня) начинает колоситься рожь. *Медост* — см. примеч. 189. *Фрол и Лавр* — см. примеч. 512. *Никон* (в миру Никита Минов, 1605—1681) — патриарх русской церкви, проводник церковной реформы, приведшей к расколу. Ревнители древнего благочестия считают его предтечею антихриста, дьяволом. *Колядный пост* — пост накануне Рождества. *Сиам* — см. примеч. 402. *Христос воскресе из мертвых, Смертию смерть поправ* — цитата из тропаря во Святую и Великую неделю Пасхи. Поэма, как и №№ 514, 515, датируется 1926 г.: текст черново-

го автографа находится вместе с автографом части текста «Плача о Сергее Есенине» и имеет общую дату: июль 1926. Кроме этого, в заметке «Здоровье Клюева» (КрГ. 1926, 20 сент. Веч. вып.) сообщалось: «Поэт написал три новых поэмы». А в заметке «В союзе поэтов» (КрГ. 1927, 11 янв. Веч. вып.) говорилось: «На последней пятнице (7 янв.— *В. Г.*) союза были заслушаны новые поэмы Н. Клюева — "Плач о Есенине" и "Деревня", мастерски прочитанные автором».

514. КрГ. 1926, 29 дек. Веч. вып., отрывки ст. 1—20, 184—208, с примеч. редакции: «Полностью поэма выходит отдельной книжкой в изд. "Прибой" со вступительной статьей П. Н. Медведева». - - В кн.: *Клюев Н., Медведев П. Н.* Сергей Есенин. Л., 1927. Черновой автограф — ГЛМ, под загл. «Песня о родине», ст. 209—243. Беловой автограф — ИРЛИ, без второго эпиграфа, отрывок ст. 1—30. Уход Есенина из жизни глубоко потряс Клюева. И в «Плаче», по словам Базанова, поэт «выплакал всё, что накопилось у него на душе» (*Базанов В. Г.* С родного берега: О поэзии Николая Клюева. С. 188). Свой «Плач» Клюев читал близким, исполнял на вечере, посвященном Есенину. Об одном из выступлений поэта рассказывает Ольга Форш: «Он вышел с правом, властно, как поцелуйный брат, пестун и учитель. Поклонился публике зёмно — так дьяк в опере кланяется Годунову. Выпрямился и слегка вперед выдвинул лицо с защуренными на миг глазами. Лицо уже было овеяно собранной песенной силой. Вдруг Микула распахнул веки и без ошибки, как разящую стрелу, пустил голос.

Он разделил по́мин души на две части. В первой его встреча юноши-поэта, во второй — измена этого юноши пестуну и старшему брату и себе самому.

Голосом, уветливым до сладости, матерью, вышедшей за околицу встретить долгожданного сына, сказал он свое известное о том, как

С Рязанских полей коловратовых
Вдруг забрезжил коноплевый свет.
Ждали хама, глупца непотребного,
В спинжаке, с кулаками в арбуз,
Даль повыслала отрока вербного,
С голоском слаще девичьих бус.

Еще под обаянием этой песенной нежности были люди, как вдруг он шагнул ближе к рампе, подобрался, как тигр для прыжка, и зашипел язвительно, с таким древним, накопленным ядом, что сделалось жутко.

Уже не было любящей, покрывающей слабости матери, отец-колдун пытал жестоко, как тот, в "Страшной мести", Катеринину душу за то, что не послушала его слов. Не послушала, и вот —

...На том ли дворе, на большом рундуке,
Под заклятою черной матицей,
Молодой детинушка себя сразил...

Никто не уловил перехода, когда он, сделав еще один мелкий шажок вперед, стал говорить уже не свои, а стихи того поэта, ушедшего. <...> Микула опять ударил зёмно поклон, рукой тронув паркет эстрады, и вышел торжественно в лекторскую. Его спросили:

— Как могли вы...

И вдруг по глазам, поголубевшим, как у врубелевского Пана, увиделось, что он человеческого языка и чувств не знает вовсе и не поймет произведенного впечатления. Он действовал в каком-то одному ему внятном, собственном праве.

— По-мя-нуть захотелось, — сказал он по-бабьи, с растяжкой. — Я ведь плачу о нем. Почто не слушал меня? Жил бы! И ведь знал я, что так-то он кончит. В последний раз виделись, знал — это прощальный час. Смотрю, чернота уж всего облепила...

— Зачем же вы оставили его одного? Тут-то вам и не отходить.

— Много раньше увещал, — неохотно пояснил он. — Да разве он слушался? Ругался. А уж если весь черный, так мудрому отойти. Не то на меня самого чернота его перекинуться может! Когда суд над человеком свершается, в него мешаться нельзя. Я домой пошел. Не спал, ведь, — плакал» (*Форш* О. Сумасшедший Корабль: Роман; Рассказы. С. 130—132). К тому роковому вечеру Клюев возвращался неоднократно. 28 мая 1927 г. Миролюбов в своей записной книжке оставил такую запись: «Был в Царск<ом> — Детск<ом Селе>. Раз<умник> рассказывал, как Ес<енин> за 2 ч<аса> до самоуб<ийства> просил приведенного им к себе Кл<юева> остаться у него ночевать хоть одну эту ночь. Кл<юев> отказался и ушел и Ес<енин> покончил с собой. <...> Всё это, т. е. как проведен был последний веч<ер>

Есениным, рассказал ему сам Кл<юев>. — "Я у него не остался, но целую ночь молился за него", — сказал Кл<юев>» (ИРЛИ. Ф. 185. Оп. 1, № 7. Л. 34). «В последний вечер, — говорил Клюев Архипову, — перед смертью Есенин сказал: "Ведь все твои стихи знаю наизусть; вот даже в последнем моем стихотворении есть твое: «Деревья съехались, как всадники» (ИРЛИ. Р. 1. Оп. 12. № 681. Л. 140 об.). Первый эпиграф — неточная цитата из четвертой новгородской летописи: «...младая моя память железом погыбает и тонкое тело мое увядает» (Полн. собр. русских летописей. СПб., 1841. Т. 3. IV. Новгородские летописи. С. 32—33). *Василько или Василий* (1209—1238) — князь ростовский, сын Константина Всеволодовича, великого князя владимирского. На р. Сити был пленен татарами, горько оплакивал свою судьбу, отказывался принимать их пищу и отверг предложение воевать вместе с ними. Был убит татарами. Память 4(17) марта. Второй эпиграф — четверостишье Клюева. *Помяни, чертушко, Есенина* — по христианскому обычаю, самоубийство считается тяжким грехом. Наложивших на себя руки не отпевают и не поминают в церкви. *Пришел ты из Рязани* — Есенин родился в селе Константиново Рязанской губ. *Платочком бухарским* — шелковые ткани из Бухары славились яркими расцветками. *Ни крестом от нее, ни пестом* — видоизмененная русская поговорка. *Медост* — см. примеч. 189. *Влас* — см. примеч. 184. *Отцвела моя белая липа... Отзвенел соловьиный рассвет* — цитаты из ст-ния С. А. Есенина «Этой грусти теперь не рассыпать...» (1924). *Михаил Тверской* — вероятно, имеется в виду Михаил Александрович (1333—1399) — великий князь тверской, которые вел безуспешную борьбу за великое княжество владимирское, но победить московского князя не смог, постригся в монахи Спасо-Преображенского собора в Твери, где и погребен. *Иуда* — см. примеч. 265. *В малиновой шапке Кубань*. Верх меховой кубанской казачьей папахи из малинового сукна. *Афон* — гористый п-в в Греции, часто называемый «гора Афон», «святая гора». Здесь находится несколько православных м-рей. *Саров* — см. примеч. 211. *Царь-колокол* — памятник русского литейного искусства XVIII в., установлен в Московском Кремле. *Снафида* — персонаж пинежских старин или былин «Цюрильё-игуменьё» и «Чурильё-игуменьё». *Поморье* — см. примеч. 253. *Егорий* — см. примеч. 193. *Рона* — р. в Швейцарии и Франции. О

датировке см. примеч. 513. Положено на музыку В. И. Панченко «Успокоение».

515. Зв. 1927, № 1, с посвящ. «Валентину Михайловичу Белогородскому», без ст. 39—42. - - ПСС, 2 по машинописи, переданной Клюевым в 1929 г. в Ленинграде итальянскому славису Этторе Ло Гатто. Песнослов, 90 по Зв, без посвящ., с неточно приведенным эпиграфом и внесенными исправлениями по беловому автографу — ИРЛИ. Беловой автограф — ИРЛИ, без ст. 51—54, с зачеркнутыми ст. 119—120, с вар. ст. 146 «Насытить утробу нашу», подпись: Николай Клюев, дата: 1927. Об истории создания этой поэмы и смысле ее Клюев поведал в письме от 20 янв. 1932 г., адресованном Всероссийскому Союзу писателей: «Последним моим стихотворением является поэма под названием "Деревня", помещенная в одном из виднейших журналов нашей республики, прошедшая сквозь чрезвычайно строгий разбор нескольких редакций, <которая> подала повод обвинить меня в реакционной проповеди кулацких настроений. Говорить по этому поводу можно, конечно, без конца, но я признаюсь, что в данном произведении есть хорошо рассчитанная мною как художником туманность и преотдаленность образов, необходимых для порождения в читателе множества сопоставлений и предположений; чистосердечно уверяю, что поэма "Деревня", не гремя победоносной медью, до последней глубины пронизана болью свирелей, рыдающих в русском красном ветре, в извечном вопле к солнцу наших нив и чернолесий.

Свирели и жалкования "Деревни" сгущены мною сознательно и родились из уверенности, что не только сплошное "ура" может убеждать врагов трудового народа в его правде и праве, но и признание своих величайших жертв и язв неисчислимых от власти желтого дьявола — капитала. Так доблестный воин не стыдится своих ран и пробоин на щите, его орлиные очи сквозь кровь и желчь видят

На Дону вишневые хаты,
По Сибири лодки из кедр.

Разумеется, вишневые хаты и кедровые лодки выдвинуты мною лишь как моя эстетика, но отнюдь не в качестве проклятия благороднейшим явлениям цивилизации...

Просвещенным и хорошо грамотным людям давно знаком мой облик как художника своих красок и в некотором роде туземной

живописи. Это не бравое "так точно" царских молодцов, не их формы казарменные, а образы, живущие во мне, заветы Александрии, Корсуня, Киева, Новгорода от внуков Велесовых до Андрея Рублёва, от Даниила Заточника до Посошкова, Фета, Сурикова, Нестерова, Бородина, Есенина. Если средиземные арфы живут в веках, если песни бедной занесенной снегом Норвегии на крыльях полярных чаек разносятся по всему миру, то почему же русский берестяной Сирин должен быть ощипан и казнен за свои многопестрые колдовские свирели — только лишь потому, что серые, с невоспитанным для музыки слухом обмолвятся люди, второпях и опрометно утверждая, что товарищ маузер сладкоречивее хоровода муз? Я принимаю и маузер, и пулемет, если они служат славе Сирина — искусства... Я отдал свои искреннейшие песни революции (конечно, не поступясь своеобразием красок и языка, чтобы не дать врагу повода для обвинения меня в неприкрытом холопстве).

Первая часть "Деревни" — это дума исторического пахаря, строки:

Объявится Иван Третий
Попрать татарские плети, —

скрывают тот же смысл, что и слова в моем стихотворении "Ленин": "То Черной Неволи басму Попрала стопа Иоанна". Бурная <?> повышенность тона стихов будет понятна, если правление Союза примет во внимание следующее... С опухшими ногами, буквально обливаясь слезами, я в день создания злополучной поэмы первый раз в жизни вышел на улицу с протянутой рукой, рукой за милостыней.

Стараясь не попадаться на глаза своим бесчисленным знакомым писателям, знаменитым артистам и художникам, на задворках Сытного рынка я, упиваясь образами потерянного избяного рая, сложил свою "Деревню".

Мое тогдашнее бытие голодной собаки определило соответствующее сознание» (*Базанов В. Г.* С родного берега: О поэзии Николая Клюева. С. 198—199). *Александрия* — см. примеч. 488. *Корсунь* — древнерусское название греческого города Херсонес в Крыму. В славянском переводе Деяний апостола Андрея говорится, что этот апостол побывал в Воспоре, Феодосии и Херсонесе. Часто упоминается в русских летописях в связи с событиями IX—XIII вв. *Андрей Рублёв* — см. примеч. 177. *Даниил Заточник* — автор литературного произведения Древней Руси

(XII в.), в первой редакции обычно называемого «Словом Даниила Заточника», во второй — «Молением Даниила Заточника». *Посошков* Иван Тихонович (1652—1726) — русский экономист и публицист. Сторонник преобразований Петра I, основной труд «Книга о скудости и богатстве» (1724). *Фет* — см. примеч. 407. *Суриков* Василий Иванович (1848—1916) — русский художник. Передвижник. Автор ярких, колоритных исторических полотен «Утро стрелецкой казни» (1881); «Меншиков в Березове» (1883); «Боярыня Морозова» (1887); «Покорение Сибири Ермаком» (1895). *Нестеров* Михаил Васильевич (1862—1942) — русский живописец. В картинах «Пустынник» (1889—90); «Видение отроку Варфоломею» (1889—90); «Под благовест» (1895); «Святая Русь» (1916) и др. изобразил просветленных божественным светом людей, пренебрегших суетой мира. *Бородин* Александр Порфирьевич (1833—1887) — русский композитор и ученый-химик. Опера «Князь Игорь» завершена Н. А. Римским-Корсаковым, 1890) — образец национального героического эпоса в музыке. Один из создателей русской классической симфонии. *Товарищ маузер* — из ст-ния В. В. Маяковского «Левый марш» (1918). *Я принимаю и маузер, и пулемет, если они служат славе Сирина — искусства* — перекличка с более ранним своим высказыванием: «Направляя жало пулемета на жар-птицу, объявляя ее подлежащей уничтожению, следует призадуматься над отысканием пути к созданию такого искусства, которое могло бы утолить художественный голод дремучей, черносошной России.

Дело это великое, и тропинка к нему вьется окольно от народных домов, кинематографов и тем более далеко обходит городскую выдумку — пролеткульты. А пока жар-птица трепещет и бьется смертельно, обливаясь самоцветной кровью, под стальным глазом пулемета. Но для посвященного от народа известно, что Птица-Красота — родная дочь древней Тайны, и что переживаемый русским народом настоящий Железный Час — суть последний стёг чародейной иглы в перстах Скорбящей Матери, сшивающей шапку-невидимку, Покрывало Глубины; да сокрыто будет им сердце народное до новых времен и сроков, как некогда сокрыт был Град-Китеж землей, воздухами и водами озера Светлояра» (*Клюев Н.* Самоцветная кровь // Записки. 1919. № 22/23. С. 4). *Белогородский* Валентин Михайлович (1882—1968) — врач, с 1925 г. ст. ординатор и преподаватель Ленинградского ин-та усо-

вершенствования врачей (ГИДУВ), зав. хирургическим отделением больницы им. Мечникова. На авантитуле первой кн. «Песнослова» дарственная надпись: «На рождество Христово светлому врачу и брату Валентину Михайловичу Белогородскому знак влюбленности и обожания. Николай Клюев. 24 декабря 1926» (Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана. М., 1989. С. 112). *Святогор* — см. примеч. 292. *Иван Третий* — см. примеч. 310. *Куликово поле* — между рр. Непрядва и Дон Тульской обл. Место Куликовской битвы 1380 г., положившей начало освобождению Руси от монголо-татарского ига. *Ефросинья, Евфросиния* — преподобная княжна полоцкая, основала женскую обитель, в преклонном возрасте посетила святые места Палестины, где и скончалась в 1173 г. Память 23 мая (4 июня). Мощи Евфросинии были вскрыты 26 апр. 1920 г. в связи со Всероссийской кампанией 1918—1920 гг. по вскрытию мощей святителей. *Ярославна* — см. примеч. 323. *Евдокию Донского ладу* — имеется в виду Евдокия, в иночестве Евфросиния (ум. 1407) — жена великого князя Дмитрия Донского. Память 7(20) июля. *Буслаев* — см. примеч. 305 (Мемёлфа). *Коловрат* — см. примеч. 246. *Саровский звон* — см. примеч. 211. *Никита* — см. примеч. 230. Мощи его находились в новгородском Софийском соборе и были вскрыты 3 апр. 1919 г. в связи со Всероссийской антирелигиозной кампанией 1918—1920 гг. по вскрытию мощей святителей. *Теперь бы книжку Васятке О Ленине и о царе* — эпизод из рассказа А. Ширяевца «Змей Горыныч» (1923). *Пирогощая* — см. примеч. 431.

516. НМ. 1989, № 3 по рукописи Н. Б. Кирьянова — РГАЛИ. Черновой автограф ст. 61—74 — РГАЛИ. Ст. 61—84 с разночтениями вошли в черновик поэмы «Каин» (1929), опубликованной в журн. «Наш современник». 1993. № 3 (Вступ. статья «Ты, жгучий отпрыск Аввакума...» и публ. С. Волкова). *Соловецкий остров* — см. примеч. 71. *Звенигород* — см. примеч. 438. *Великий Ростов* — см. примеч. 369. *Поморье* — см. примеч. 253. *Где церквушка, рубленная клецки*. «Наиболее простым видом старой северной церкви, в том числе и церкви Олонецкой, является церковь клетская. Она состоит обычно из трех "клетей", т. е. четырехугольных срубов. Первая часть — притвор, или трапезная, где в старину происходили собеседования прихожан на различные, большей частью религиозные, но также и общественные темы; иногда здесь устраивались "братчины", т. е.

пиры в складчину во время храмового праздника. Затем идет главная часть — для молящихся и, наконец, алтарь... Крыта такая церковь двускатной крышей... Церковь венчается небольшой луковичной формы куполом с восьмиконечным крестом» (*Копяткевич В.* Олонецкая художетвенная старина // Известия Общества изучения Олонецкой губернии. 1914. № 5. С. 39—40). *Секир-гора* — см. примеч. 158. *Феодор.* В «Записях 1919 года» Клюев рассказывает о нем: «С первым пушком на губе, с первым стыдливым румянцем и по особым приметам благодати на теле моем, был я благословлен родителью моею идти в Соловки, в послушание к старцу и строителю Феодору, у которого и прошел верижное правило. Старец возлюбил меня, аки кровное чадо, три раза в неделю, по постным дням, не давал он мне не токмо черного хлеба, но и никакой иной снеди, окромя пряженного пирожка с изюмом да вина кагору ковшичка два, чистоты ради и разраста ума недоуменного...» (Цит. по статье Михайлова А. И. «Автобиографическая проза Николая Клюева» // Св. 1992. № 6. С. 157). *«Одигитрия»* — см. примеч. 513. *Утоли печали* — икона «Утоли моя печали». *Изосим и Савватий* — преподобные, основатели Соловецкого м-ря. Савватий (?—1435) — первым поселился на острове. Зосима (?—1478) — здесь: первый строитель Преображенской церкви и позже игумен общежительного м-ря, ставшего духовным и культурным центром Северной Руси. Память 8(21) авг. *Анзерский Елеазар* — преподобный, отличался подвижнической жизнью и ученостью. Основал у Онежской губы на Анзерском о-ве скит, ставший умственным центром на Севере. Скит имел прекрасную библиотеку, которая впоследствии была передана в Соловецкий м-рь Скончался в 1656 г. Память 13(27) янв.

517. ПСС, 2 по машинописи и со словарем-пояснителем к поэме, переданными Клюевым в 1929 г. в Ленинграде Этторе Ло Гатто, с вар. ст. 1 «Сиговый» вместо «Сиговой», ст. 141 «Кудрявый парень, как пена зубы», ст. 181 «А звалася свет-Анастасией», ст. 246 «Ты воспой, наш сладковейный зяблик», ст. 300 «Певец чудесный вознесен», ст. 306 «Как гроздь в точиле винограда», ст. 313 «Клевал пестрец да ягель горький», ст. 615 «В светлице девушка-чернавка», ст. 659 «Пусть одинокая могила». - - Песнослов, 90 по ксерокопии с белового автографа, поступившей осенью 1989 г. во Всесоюзную комиссию по наследию репрессиро-

ванных писателей при Союзе писателей СССР из архива КГБ. Впервые в нашей стране поэма была опубликована в журн. «Новый мир». 1987, № 7 по машинописям — РГАЛИ, ИМЛИ, ИРЛИ. О чтении этой поэмы в начале 1930 г. в Ленинграде рассказывает Р. Менский: «...группа крестьянских писателей задумала устроить вечер, посвященный поэзии Н. А. Клюева. Всем хотелось услышать его новую поэму "Погорельщина". Знали, что она к печати никогда не будет допущена большевиками. Предприятие было рискованное. Легально проведение вечера требовало страховки в форме критического доклада. Доклад поручили сделать критику Г. Р. Вечер состоялся на Стремянной улице № 10, в Доме деревенского театра. Большой зал был полон народа. Присутствовали поэты, писатели, студенты, педагоги. Чтобы не обижать поэта, перед началом доклада, его увели в отдельную комнату и стали угощать чаем.

Н. А. пил чай, а критик его "критиковал": поэзия Н. А. Клюева не созвучна политической современности; при всей яркости ее образов и глубине чувств, она несет на себе печать старообрядческого духа; говоря о новом в образах прошлого, она мешает нормальному восприятию нового; говоря о деревне, она противопоставляет ее городу...

Когда кончился доклад, Николая Алексеевича привели в зал. Присутствовавшие встретили его аплодисментами. Не снимая поддевки, поэт сел у стола и стал читать "Погорельщину". Зазвучал, окающий по-олонецки, его былинный сказ. В воображении, как в театре, пошел вверх занавес, раскрывая перед слушателями народный мир, в его полном убранстве. Начинался этот мир где-то далеко за историческим рубежом. Неустанно развиваясь в себе, он приводил нас к настоящему. В "Погорельщине", в образе Настеньки-пряхи Русь тянет с «кудельной бороды» непрерывную нить народной жизни. Короткие словесные мазки поэта окружают Настеньку нимбом благословенного труда, памятью о народных походах и битвах, сказкой и горестной былью. Ломается прялка под гибельной новью, рвется нить, умирает Настенька. Сгорает духовный дом народа — "Погорельщина".

Поэма вызвала у слушателей восторг, смятение перед "новью" и тяжелую тоску по "Настеньке"» (*Менский Р.* Н. А. Клюев. С. 151—152). *Сиго́вой Лоб* — «это выговское общежительство старообрядцев» (*Базанов В. Г.* С родного берега: О поэзии Николая Клюева. С. 201). *Онего* — см. примеч. 399. *Иона* — см.

примеч. 195. *Из Мстер Великих.* Мстера (до нач. XX в. Богоявленская слобода Мстера) пос. городского типа Владимирской обл., один из главных центров русского народного искусства миниатюрной живописи по лаковым изделиям из папье-маше, возникший на основе иконописного промысла. *Дубравна* — р., правый приток верховья Волги, любимая р. Сергея Клычкова. *Егорий* — см. примеч. 193. *Микола* — см. примеч. 184. *Образ Суда* — икона, изображающая апокалипсический, всемирный суд, ожидаемый во второе пришествие Христа. *Кола* — р. в Мурманской обл. *Вятка* — см. примеч. 457. *Опошня-село* — см. примеч. 488. *Андома* — см. примеч. 158. *Отец «Ответов» Андрей Денисов* — см. примеч. 310 («Поморские ответы»). *Филиппов Иван* (1661—1744) — один из преемников Андрея Денисова, настоятель Выговской пустыни (1741—1744), автор книги «История Выговской старообрядческой пустыни» (XVIII в.). *Выг* — см. примеч. 438. *Петух на жердке дозорит беса* — по народным поверьям, петух — символ бдительности и бодрствования духа, своим криком на заре разгоняет нечистую силу. *Дунай-река* — поэтическое наименование реки вообще, излюбленный гидроним общеславянского фольклора. *Напилась с поганого копытца* — характерный мотив русских народных сказок, означающий беду, несчастье. *Мезень* — р. на севере Европейской части России, впадает в Белое море. *Коломна* — см. примеч. 381. *Обрадованное Небо, Сладкое Лобзание, Неопалимая Купина, Умягчение Злых Сердец, Споручница Грешных* — названия православных икон, посвященных Богородице. *Лаба* — см. примеч. 487. *Чирин Прокопий* — новгородец по происхождению, работал в конце XVI— первой пол. XVII вв., числился среди царских иконописцев, выполнял заказы Строгановых. Его иконы отличаются утонченностью миниатюрного письма. *Парамшин, Параміша* или *Парамжа* — «серебряных и золотых дел мастер». В ряде княжеских завещаний поминается, что в 1356 г. он сделал икону и крест «золотом кованы». *Рублёв* — см. примеч. 177. *Кирие, елейсон* (греч.) — Господи, помилуй! *Усекновенная глава* — икона, посвященная Иоанну Предтече. *Один Зосим, другой Савватий* — см. примеч. 516. *Столпник, старец Нил* — св. Нил Столбенский, после принятия пострига в 1508 г. поселился на о-ве Столбенском, что на озере Селигер. В строгом постничестве и безмолвии прожил здесь 26 лет. Память 7(20) июля. *Аввакум* — см. примеч. 200. *Феодосий* — инок, основатель особого феодосьев-

ского согласия со строгим аскетическим уставом и воздержанием от вступления в брак, породивший бесчисленный самосжигательства в северном Помории (примеч. Клюева). *Влас* — см. примеч. 184. *«Ныне отпущаеши раба Твоего, Владыко»* — по Евг. от Лк. (II, 29), возглас Симеона, прозванного церковью Богоприимцем, которому было предсказано, что он не умрет, пока не увидит Христа. И когда родители принесли младенца в иерусалимский храм, чтобы совершить законный обряд, то в храм пришел и Симеон. Он взял Христа на руки, произнес молитву и пророчествовал о миссии Спасителя. Это разрешило ему закончить свой жизненный путь. *Мокробородый Спас* — см. примеч. 405. *Се предреченная звезда* — отзвук евангельского рассказа о звезде с востока, которая предрекла волхвам рождение Иисуса Христа. *Да молчит всякая плоть челоча* — см. примеч. 239. *Уснул, аки лев* — измененная цитата из Второзакония (XXXIII, 20): «...яко лев почи». *Унженские горы* — правый гористый берег р. Унжы, протекающей по Вологодской и Костромской обл. *Устюг, Великий Устюг* — см. примеч. 324. *Валдай* — см. примеч. 355. *Звенигород* — см. примеч. 438. *Переяславль-Залесский* — город в Ярославской обл., основан в 1152 г. *Ладога* — см. примеч. 300. *Ростов* — см. примеч. 369. *Перунов холм* — имеется в виду событие и место, отмеченное в «Повести временных лет» под 980 г., когда киевский князь Владимир Святославович поставил на холме за теремным двором деревянного Перуна с серебряной головой и золотыми усами, а также других языческих кумиров. *И бубенцы — дары Валдая* — перефраз строки из народной песни «Тройка»: «И колокольчик — дар Валдая», фрагмент ст-ния Ф. Глинки «Сон русского на чужбине» (1824). *Твоя краса меня сгубила* — строка из ст-ния Н. Анордиста «Тройка» (1840), в сокращенном варианте ставшего народной песней. *Здесь ли с главой на блюде... Иродова дщерь живет* — имеется в виду Саломея (см. примеч. 361, Плясея Кровавых Времен), по учению хлыстовского толка «лазаревцев» — старшая дьяволица. *Кириллица* — см. примеч. 327. *Лидда* — исторический город в древней Палестине (ныне город Лод в Израиле). *Онорий, Гонорий* — царь, персонаж духовных стихов о Егории Храбром — см. примеч. 338. *Чеканили Митрия* — см. примеч. 184. *Одигитрия* — см. примеч. 513. *Радонеж* — см. примеч. 211. *Саронские горы* — библейский топоним, плодородная долина в Палестине; в северорусском значении — гора, земля, суша.

518. ИЛ. 1990, № 8 по машинописи — ИРЛИ. Другая машинопись — ИРЛИ. *Жил дел* — имеется в виду Клюев. *Анатолий Яр* — см. примеч. 448. *Афон* — см. примеч. 514. *Вятка* — см. примеч. 457. *Дантес* Жорж Шарль (1812—1895) — убийца Пушкина.

519. Зн. 1991, № 11 по автографу, частично беловому и черновому — Архив КГБ. Для настоящего издания текст сверен по ксерокопии с того же автографа С. И. Субботиным, устранены опечатки и искажения в ст. 253 «подснежник» вместо «выдренок», ст. 1501 «лапя по» вместо «лапа на», ст. 1797 «список» вместо «свиток», ст. 2125 «мохнатых» вместо «косматых», ст. 2710 «клонится» вместо «клеплется», ст. 2713 «сайкой нежной» вместо «чайкой пенной», ст. 3304 «пожитный» вместо «народный», ст. 3621 «что» вместо «ты», ст. 3832 «араиной» вместо «а раекой», а также предложено восполнение слов в ст. 635 и 1680. «Литературная Россия». 1975, 4 апр. по беловому автографу ст. 357—374 — РНБ (альбом Э. Ф. Голлербаха), с искажениями в ст. 358, 360, 361, без ст. 371—374, дата: апр. 1931, подпись: Николай Клюев. Другой беловой автограф ст. 357—374 — ИРЛИ, с посвящ. «Сладкопевцевой Вере Владимировне», с вар. ст. 362, 367, 370, дата: 1930, подпись: Н. Клюев. Св. 1986, № 9 по машинописи, ст. 1—257, предоставленной А. Н. Яр-Кравченко, ст. 357—374 по тому же беловому автографу — РНБ.

Поэма не завершена. Внутри текста обозначено время окончания частей. После ст. 1913 следует дата: 1930. На Покров день и сноска с кратким планом продолжения произведения: «Поэма "Последняя Русь" (первоначальное название. — *В. Г.*) еще не окончена. 1) собор отцов, 2) смерть матери, 3) явление матери падчерице Арише с предупреждением о страшной опасности, 4) Ариша с дочерью Настенькой на могиле Пашеньки». После ст. 3789 очередная дата: На Рождество Богородично 1931. В февр. 1934 г. Клюев был арестован, рукописи изъяты и сослан в Восточную Сибирь. Дальнейшая работа над поэмой становится невозможной. В письме из <Томска> 25 июля 1935 г., адресованном В. Н. Горбачевой, ссыльный Клюев с горечью писал: «Моя бедная муза глубоко закрыла свои синие очи, полные слез и мучительных сновидений. Пусть спит до первой утренней звезды <...> Пронзает мое сердце судьба моей поэмы "Песнь о великой матери". Создавал я ее шесть лет. Сбирал по зернышку русские тай-

ны... Нестерпимо жалко» (Цит. по статье Клычкова Г. С., Субботина С. И. «Николай Клюев в последние годы: письма и документы». С. 186). Позже, несмотря на лишения и болезни, Клюев найдет в себе силы вернуться к поэме, однако если и было что им записано, то последовавший очередной арест в условиях всеохватывающего террора 1937 г., вероятно, навсегда похоронил для читателя тайну сокровенных строк. *Сладкопевцева* Вера Владимировна (1906—1984) — дочь актера, чтеца и педагога Владимира Владимировича Сладкопевцева (1876—1957). Увлекалась поэзией, писала стихи. В 1927 г. в Ленинграде литературовед В. А. Мануйлов (1903—1987) познакомил Клюева с семьей ее отца. Дружеские отношения с поэтом поддерживались вплоть до переезда его в Москву (сообщено И. В. Сладкопевцевой). *Онего* — см. примеч. 399. *Кижи* — см. примеч. 360. *Вага* — р. на севере Европейской части России, левый приток Северной Двины. *Водла* — р. в Карелии. *Мегра* — р. в Вологодской обл. *Поморье* — см. примеч. 253. *И хвостом ослиным в небе Дьявол звезды выметает* — реминисценция ст. из Откр. (XII, 3, 4): «Вот большой красный дракон с семью головами и десятью рогами, и на головах его семь диадим; хвост его увлек с неба третью часть звезд и поверг их на землю». «*Заклание*», точнее: *Закланная* — православная икона, посвященная Богородице. *Николин придел... Егорью... придел* — престол с иконой святого, пристроенный справа или слева к главному, среднему алтарю, а также отдельный алтарь, устроенный в трапезной части храма, отделенный от главного храма стеной. *Бревна рублены в крюк*, т. е. врубка в крюк — рубка стен с выступающими за край сруба концами бревен, у которых крепежная выемка делается в четверть круга с вертикально поперечным срезом. *Всепетая* — см. примеч. 324. *Саронская роза* — из плодородной долины в Палестине. О саронских цветах упоминается в «Песни песней» (II, 1) и в кн. пр. Исайи (XXXV, 1, 2). *Украшенный вижу чертог* — см. примеч. 232. *Гурий* — речь идет о Гурии Никитине — см. примеч. 177. *Лапландия* — природная обл. на севере Швеции, Норвегии, Финляндии и на западе Кольского п-ва России. Основной р-н расселения саамов (лопари и лапландцы). *Углич* — см. примеч. 258. *Харран* — см. примеч. 348. *Утоли Моя Печали* — см. примеч. 516. *Стратилат Феодор* — см. примеч. 459. *Суббота горенку любила, Песком с дерюгой, что есть силы, Полы и лавицы скребла* — старообрядцы отличаются редкой чистоплотностью. Особенно следят за

чистотой жилища: некрашенный деревянный пол моют каждую субботу... скоблят его ножом, трут голиком и посыпают крупным песком, пока не станет белым как снег... Особенно тщательно следят за чистотой в тех домах, где есть взрослая дочь-невеста, иначе никто не захочет на ней жениться. (См.: *Зеленин Д. К.* Восточнославянская этнография. М., 1991. С. 280). *Егорья с лютою змеей, — Он к Алисафии прилежен* — см. примеч. 338. *Димитрий из Солуня* — см. примеч. 184. *Моздокской тройкою коней* — см. примеч. 300. *Куликово поле* — см. примеч. 515. *Сольвычегодск* — город в Архангельской обл. *Никон* — см. примеч. 513. *Питирим* — патриарх русской православной церкви (1672—1673), ярый противник Никона. *Аввакум* — см. примеч. 200. *Морозова* — см. примеч. 459. *Шапка Мономаха* — см. примеч. 318. *Византия* — см. примеч. 485. *Цареград* — см. примеч. 272. *Палеолог София* — см. примеч. 458. *Иван III* — см. примеч. 310. *Кирие, елейсон* — см. примеч. 517. *Вайгач* — см. примеч. 438. *Брама* — см. примеч. 280. *Отмоемся золою в бане* — староверы саму мысль о мыле считают «нечистой» и потому полагают греховным пользоваться им при мытье. В бане на полу стоят бочки для холодной и горячей воды и щелока (отвар золы, настой кипятка на золе) (См.: *Зеленин Д. К.* Восточнославянская этнография. С. 280—283). *В горящих письмах Аввакум* — см. примеч. 282. *Топтыгин* — см. примеч. 263. *Ефрем Сирин* — св., сын земледельца из Месопотамии, умер в 373 г. в сане диакона. Оставил много толкований на Священное Писание, сочинений аскетического характера, а также покаянные молитвы и песнопения. Память 28 янв. (10 февр.). *Плющиха Евдокия;* Евдокия — преподобномученица, финикиянка, казнена в нач. II в. 1(14) марта. Этот день открывал древний славянский календарный год и символизировал приход весны. Вот отчего св. Евдокия получила прозвище Весновки, а также Плющихи, так как «в это время, как говорят, снег плющит на столе, т. е. начинает таять и при этом оседать» (*Калинский И. П.* Церковно-народный месяцеслов на Руси. СПб., 1877. С. 108). *Алексей* — см. примеч. 174. *Гавриил* — см. примеч. 251. *Варлаам с Хутыня* — преподобный, жил в XII в., сын знатного новгородца, принял постриг и поселился в уединенном урочище, называемом Хутынь. Здесь он воздвигнул церковь в честь Преображения Господня и основал м-рь. Память 6(19) ноября. *Иона яшезерский* — преподобный, прославился строгостью монашеского жития, основал на севере

новгородской земли Благовещенский м-рь, преставился в конце XVI в. Память 22 сент. (5 окт.). *Из Веркольска Артем* — праведный отрок Артемий из села Веркольское Архангельской губ., при жизни отличался благочестием и набожностью, убит молнией во время грозы в 1545 г. Память 23 июня (6 июля). *Во мраке вещий петел — Трубит в дозорный рог* — см. примеч. 517. *Пророче Елисее* — в Ветхом завете ученик и преемник пр. Илии, видевший восшествие пророка живым на небо. Память 14(27) июня. *Афон* — см. примеч. 514. *Подаждь покой* — цитата из молитвы об умерших, тропарь, глас 4-й. *Владимирская Божья Мать* — икона, такое название получила потому, что долгое время находилась во Владимире. По преданию, написана апостолом Лукой. Икона прославилась дарованием многих побед над врагами, главным образом татарами, и избавлением Москвы от нашествия Тамерлана в 1393 г. *Коринф* — древнегреческий полис, соперничал с Афинами, славился изделиями из бронзы и керамики. *Мемфис* — см. примеч. 447. *Финикия* — древняя страна на восточном побережье Средиземного моря, в которой главными городами были Тир и Сидон. *Вифезда* — в Евг. от Иоан. (V, 20) купальня, находившаяся у так называемых овчих ворот. В купель входили немощные, когда она была возмущена ангелом Господним, и выздоравливали. *Светлояр* — см. примеч. 292. *Андрей Рублёв* — см. примеч. 177. *Я книжку <«Ленин»> намарал* — см. примеч. 310. *Плат по бровь* — см. примеч. 465. *Двенадцать снов царя Мамера* — речь идет о «Сказании о двенадцати снах царя Мамера», древнерусском переводном памятнике XV—XVII вв., широко бытовавшем в старообрядческой среде и восходящем к персидскому оригиналу. Основной частью «Сказания» является толкование на первый сон Мамера, в котором полностью изложена суть пророчеств: в будущем человечество ожидают тяжкие испытания, беды, нравственные падения, конец мира и пришествие антихриста (См.: *Рыстенко А. В.* Сказание о двенадцати снах царя Мамера в славянорусской литературе. Одесса, 1904). *Иосиф Флавий* (ок. 37—ок. 95) — древнееврейский историк, автор книг «Иудейская война», «Иудейские древности» и др. *Лхаса* (тибет. — божественное место) — город в Китае, на Тибетском нагорье, религиозный центр ламаизма. *Будда* — см. примеч. 251. *Кемь* — см. примеч. 328. *Тишайший Алексей* — см. примеч. 400. *Клюева* Прасковья — мать поэта — см. примеч. 156. *Кричит ослица Валаама* — намек на библейский

рассказ о Валааме и его ослице, заговорившей человеческим языком, протестуя против побоев (Числ. XXII, 27—30). *Максим Грек* (в миру Михаил Триволис, ок. 1475—1555) — преподобный. В 1518 г. прибыл из Афона в Россию по приглашению вел. князя Василия III для перевода церковных книг. Оставил широкое литературное наследство. Память 21 янв. (3 февр.). *Пустозерск* — см. примеч. 282. *Бийск* — см. примеч. 480. *Хвалынь* — см. примеч. 105. *Евфрат* — см. примеч. 283. *Китеж* — см. примеч. 292. *Сиам* — см. примеч. 402. *Ветлуга* — см. примеч. 508. *Да от рязанских кораблей Чету пречистых голубей*, т. е. от общин христоверов (хлыстов) «познанников Божиих», или «серых голубей», как они именуют друг друга. В одном из писем Есенину Клюев отмечал: «Я бывал в вашей губернии, жил у хлыстов в Даньковском уезде, очень хорошие и интересные люди, от них я вынес братские песни» (*Азадовский К.* Есенин и Клюев в 1915 году // Есенин и современность. М., 1975. С. 240). Братские песни явились основой одноименного сб. поэта (1912). *Громов никейских пережитки* — намек на I Вселенский никейский собор, созванный в 325 г. в Никее (Малая Азия), который осудил как ересь арианство и принял «Символ веры». *Выг* — см. примеч. 200. *Вавилон* — см. примеч. 283. *София на семи столпах* — имеется в виду икона, на которой София, премудрость Божия, изображается в виде Богородицы с Предвечным Младенцем, стоящим среди семи столпов, или в виде Иисуса Христа, окруженного семью ангелами. *Гималаи* — см. примеч. 257. *Памир* — см. примеч. 286. *Сарон* — см. примеч. 517. *Геннисарет* — см. примеч. 99. *Харран* — см. примеч. 348. *Шираз* — см. примеч. 304. *Кхмеры* — народ, основное население гос-ва Кампучия. *Сива*, вероятно, *Шива* — один из трех верховных богов наряду с Брамой и Вишну в брахмаизме и индуизме, изображается в грозном виде, часто в священном танце, или аскетом, погруженном в созерцание. *Арал, Аральское море* — в результате варварского отношения к природе находится на грани полного исчезновения с лица земли. *Саровская пустынь* — см. примеч. 211. *Керженец* — р. в Нижегородской обл. *Замолк Грицько на Украине* — возможно, имеется в виду персонаж украинских народных песен «Не стій, вербо» и «Ой, не ходи, Грицю». *София* — возможно, имеется в виду храм Софии в Киеве или в Новгороде. *Спас на Бору* — каменный собор XIII в., находился на территории Московского Кремля. *Антоний с Сии* — речь идет об Антониево-Сийском

м-ре, основанном в XVI в. преподобным Антонием в Архангельском крае на р. Сии. Память 7(20) дек. *С Верхотурья Симеон* — преподобный, преставился в 1542 г. Память 12(25) сент. *Нередицы* — см. примеч. 372. *Александрия* — см. примеч. 488. *Егорий* — см. примеч. 193. *Семиозерная* — точнее: Смоленская-Седмиезерная икона. День празднования в честь ее являлся торжеством не только для Седмиезерной пустыни в Казани, но и для всего Прикамского Поволжья. *Толгская* икона Богоматери находится в Толгском м-ре под Ярославлем. *Запечная*, или Хлебенная, икона Богоматери находилась в Преображенском соборе Соловецкого м-ря. *Нерушимая Стена* — см. примеч. 458. *Звездотечная* — возможно, речь идет об иконе Звезда Пресветлая. *Сладкое Лобзание* — икона Богоматери, по преданию, написана евангелистом Лукой. *Надежда Ненадежных* — может быть, икона Взыскание погибших. *Узорешительница* — вероятно, икона великомученицы Анастасии Узорешительницы. *Споручница грешных* — икона Богоматери. *Спорительница* <хлебов> — икона Богоматери. *Микола* — см. примеч. 184. *Петр* — см. примеч. 228. *Иона* — см. примеч. 195. *Сергий* — см. примеч. 211 (Радонеж). *С Пересветом да Ослябей* — см. примеч. 297. *Варвара* — св. великомученица (IV в.). Память 4(17) дек. *Парасковья-пятница* — см. примеч. 227. *Ефросинья* — из Полоцка — см. примеч. 515. *Тут ниспала полынная звезда* — реминисценция ст. из Откр. (VIII, 11): «Имя сей звезды полынь». *Ярославна* — см. примеч. 323. *Каял-река* неоднократно упоминается в «Слове о полку Игореве» как место поражения Игоря. Какая река так назвалась в XII в., точно не установлено. *Бебрян рукав* — см. примеч. 458. *Палеостров* — см. примеч. 158. *Монарх Николай* — речь идет о последнем русском царе Николае II (1868—1918). *Под иудиной осиной* — см. примеч. 422. *Коловрат* — см. примеч. 246. *Батый* — см. примеч. 458. *Душа моя, проснись, что спишь* — усеченная цитата из Покаянного канона св. Андрея Критского, кондак, глас 6-й, исполняемого в дни Великого поста. *Еруслан* — см. примеч. 117. *Достойно* <есть яко востину> — из православной молитвы святого Иоанникия. *С Петром распятым* — см. примеч. 357. *Усекновенного Предтечу Отпраздновать* — имеется в виду день памяти Иоанна Предтечи (Усекновение главы Иоанна Крестителя), который приходится на 29 авг. (11 сент.) В этот день принято соблюдать строгий пост, поминать усопших, особенно воинов. *Куликово поле* — см.

примеч. 515. *Донского омывает лик* — речь идет о Дмитрии Донском (1350—1389), великом князе московском и владимирском, который возглавил вооруженную борьбу русских против таtаро-монгол. В Куликовской битве (1380) проявился его полководческих талант, за что и был прозван Донским. Память 19 мая (1 июня). *Маточкин Шар* — см. примеч. 438. *Тушинские воры* — так называли сторонников Лжедмитрия II, самозванца неизвестного происхождения, который выдавал себя за якобы спасшегося царя Дмитрия (Лжедмитрия I). В 1608—1609 гг. создал Тушинский лагерь под Москвой, откуда безуспешно пытался захватить столицу. *Богородицын покров* — по преданию, в Константинополе в X в., во время осады города врагами, Андрей юродивый со своим учеником Епифанием, находясь во Влахернском храме на всенощном бдении, увидели на воздухе Богоматерь с сонмом святых, молящуюся и распростершую свой покров над христианами. В честь этого события установлен праздник и отмечается он 1(14) окт. *Сапега* — имеется в виду Сапега Лев Иванович (1557—1633) — польский посол в Москве, великий гетман литовский, оказывал активную поддержку Лжедмитрию I, пытался захватить северные земли Русского гос-ва. *Онега* — см. примеч. 228. *Ганзейских рыцарей оброк* — речь идет о торговом и политическом союзе северонемецких городов во главе с Любеком (XIV—XVII вв.), который, используя успехи немецкой колонизации в славянских странах, опирался на военную силу и прежде всего рыцарей Тевтонского ордена. *Орла Софии повергая* — см. примеч. 435. *Где не стучит по теремам Железным посохом хромец* — см. примеч. 362 (Тамерлан). *Феодосий* — преподобный игумен Киево-Печерский (1074 г.). Память 3(16) мая и 14(27) авг. *Ольга* — см. примеч. 324. *Корсунь* — см. примеч. 515. *Христос воскресе из мертвых* — см. примеч. 513. *Праздник Бориса и Глеба* — свв. мучеников, благоверных князей приходится на 24 июля (6 авг.). *Снафида* — см. примеч. 514. *Чурила* — см. примеч. 297. *Оять* — р. главным образом в Ленинградской обл., левый приток Свири. *Коломна* — см. примеч. 381. *Королевич Бова* — герой русской волшебной богатырской повести, которая была очень популярна в народной устной передаче с XVIII в. Образ Бовы-королевича прочно вошел в русский фольклор и лубок. *Царское Село* — одна из блестящих загородных резиденций российских императоров, выдающийся памятник русского и мирового зодчества XVIII — нач. XX вв. После 1905 г. Николай II с

семьей переезжает сюда на постоянное жительство. *Феодоровский собор* — Феодоровский государев собор назван в честь иконы Феодоровской Божией матери и предназначался для чинов Собственого Его Величества Конвоя и Собственного Его Величества Сводного пехотного полка. Построен в течение 1909—1912 гг. по проекту архитектора В. А. Покровского, взявшего за образец московский Благовещенский собор, без последующих переделок (XV в.). *Речки Смородины заводь* — частый гидроним русских былин. *Нил с Селигера.* — см. примеч. 517. *Баргузин, пошевеливай вал* — усеченная цитата из русской народной песни «Славное море — священный Байкал». *Александровский зал* — имеется в виду Александровский дворец Царского Села. *Распутин* — см. примеч. 246. *Селигер* — озеро на Валдайской возвышенности в Тверской и Новгородской обл. *Лебеденок Алеша* — царевич Алексей (1904—1918), сын Николая II. *С Пушкинской скамьи* — имеется в виду памятник Пушкину в Царском Селе по проекту скульптора Р. Р. Баха, где поэт изображен в форме лицеиста, сидящим на скамье. *Рюрик* — см. примеч. 409. *Трувор* — легендарный князь, правивший в Изборске, брат Рюрика. *«Коль славен наш» поет заря Над Петропавловской твердыней* — куранты Петропавловского собора в Петербурге до 25 окт. 1917 г. играли гимн императорской гвардии «Коль славен наш Господь в Сионе» (сл. М. М. Хераскова, муз. Д. С. Бортнянского). *Князь Димитрий* — великий князь Димитрий Павлович (1891—1942), принимал участие в убийстве Распутина. *Пуришкевич* Владимир Митрофанович (1870—1920) — русский политический деятель, один из организаторов убийства Распутина. *Мамай* (?—1380) — татарский темник, фактический правитель Золотой Орды. Потерпел окончательное поражение от Дмитрия Донского на Куликовом поле. *Из стран рязанских паренек* — намек на Сергея Есенина. *В Невке* — тяжелораненый Распутин был сброшен в полынью р. Малая Невка с Большого Петровского моста, между Петровским и Крестовским о-вами. *Вятка* — см. примеч. 457. *Припять* — см. примеч. 418. *Бежим, бежим, посмертный друг* — речь идет о Сергее Есенине. *На четверговый огонек* — чтобы отвести беду, знающие люди давали совет — принесенную в дом со Страстного четверга свечу затеплить перед Казанской иконой Божьей Матери (См.: *Коринфский А. А.* В мире сказаний. СПб., 1905. С. 115). *Ипатьев монастырь*, Ипатьев-Троицкий мужской м-рь нахо-

дится близ Костромы, основан в 1330 г. Здесь проживал до избрания на престол в 1613 г. родоначальник династии Романовых, царь Михаил Федорович (1596—1645). *Феодор* — см. примеч. 354 (Филарет). *Анна с кашинских икон* — Анна Кашинская, великая благоверная княгиня, дочь ростовского князя Димитрия Борисовича, в 1294 г. стала супругой св. благоверного великого князя Михаила Ярославича Тверского, замученного татарами в Орде в 1318 г. Удалилась в Тверской Софийский м-рь и приняла постриг с именем Евфросинии. Затем переселилась в Кашинский Успенский м-рь, где постриглась в схиму с именем Анна. Скончалась в 1336. Память 20 окт. (1 ноября). *Преподобный Салос* — псковский юродивый Николай, с куском сырого мяса встретил царя Ивана Грозного, обличая его желание разгромить Псков, обвиняя его в кровожадности и предсказывая ему несчастье, устрашенный царь покинул город. При жизни его почитали как святого и называли Никола Салос, что в переводе с греческого означает «блаженный, юродивый». Память 28 февр. (13 марта).

СЛОВАРЬ
местных, старинных и редко употребляющихся слов

Абаз, точнее: *абыз, абыс* — название учителя и толкователя ислама у мусульман.

Авва — отец, на христианском Востоке так называли настоятелей м-рей или известных своей мудростью и благочестием старцев-подвижников.

Аврора или утренняя заря в восхождении... (1612) — книга немецкого философа-пантеиста Якоба Бёме (1575—1624).

Агарянский — арабский.

Агнец — ягненок, ветхозаветная жертва, в Новом завете — символическое наименование Иисуса Христа, принесшего себя в жертву за грехи мира.

Адамант — алмаз, символ твердости веры и характера. По преданию, из адаманта были сделаны врата ада.

Адамова трава — растение, возможно, кукушкины сапожки, по народному поверью, полезное от всяких болезней.

Азям — старинная верхняя крестьянская одежда, похожая на долгополый кафтан.

Аир — болотное растение из семейства папоротниковых.

Ай-кюмерки — возможно, божество эскимосов.

Акафист — церковная хвалебная песнь и молитва Спасителю, Богородице и святым угодникам.

Аксамит — вид старинного узорного бархата, самая ценная ткань, привозимая на Русь.

Алатырь — в русских средневековых легендах, камень с чудесными и целебными свойствами, «всем камням отец», лежащий в море.

Алевастр, точнее: *алавастр* от слова «алебастр» — род мрамора, твердого известняка, из которого в древности изготовляли сосуды.

Алконост — на лубочных картинах изображается полуженщиной, полуптицей с большими разноцветными перьями и девичьей головой, осененной короной и ореолом. В руках А. держит райские цветы, на других экземплярах — развернутый свиток с объяснительным текстом. А. — птица печали.

Алла́ — усеченная форма слова «аллах».

Аллилуйя — хвалите Бога, слава Богу.

Алтын — старинная русская монета достоинством в три копейки.

Алчба — алчность.

Альфа и Омега — первая и последняя буквы греческого алфавита. А. и О. называет себя Господь, как первый и последний, как начало и конец всего (Откр. I, 8).

Амвон — возвышенное место в церкви перед царскими вратами, откуда дьякон читает Евангелие, а священник произносит проповеди.

Аминь — истинно, верно, да будет, подтверждает истинность и непреложность произносимого, заключает молитву.

Аналой, точнее: *аналогий* — высокий столик с покатым верхом, на который в церкви кладут иконы и книги; вокруг аналоя обводят новобрачных во время венчального обряда.

Анафема — здесь: проклятье.

Андротик, *андрец* — шест, жердь.

Антидор — части просфоры, из которой был вынут для совершения причастия Агнец. Эти части раздаются не успевшим причаститься верующим по окончании литургии вместо святых даров.

Антиминс — освященный плат со святыми мощами, на котором изображено положенit Христа во гроб, четыре евангелиста и орудия страдания Спасителя. А. кладется на церковный престол во время причастия.

Антютик — от слова «анчутка» — в восточнославянской мифологии, злой дух, одно из русских названий чертенят. Ска-

зочный персонаж романа С. А. Клычкова «Чертухинский балакирь» (1926).

Апокалипсис — Откровение св. Иоанна Богослова, заключительная кн. Нового завета, содержащая пророчества о конце света и страшном суде.

Аполлон — в древнегреческой мифологии, бог солнца, мудрости, покровитель искусства, бог-воитель, бог предсказаний.

Апостольник — плат, которым монахи покрывают грудь и шею.

Армяк — старинная крестьянская верхняя одежда из толстого сукна в виде халата или прямого кафтана без обор.

Артос — квашеный кислый хлеб, освященный с особой молитвой в день Святой Пасхи.

Архистратиг — военачальник, в христианской божественной иерархии — предводитель небесного воинства, которым считается архангел Михаил.

Аспид — род ядовитой змеи, в богослужебных книгах подразумевается дьявол.

Аспидный — черно-серый сланец (цвета аспида).

Ассист — в иконописи: золотые лучи, покрывающие одежды, символизировали нисходящий на святых божественный свет и исполнялись, как правило, листовым золотом.

Атлабасный, точнее: алтабасный — парчовый.

Багрец — багрянец, густо-красный, пурпурный цвет.

Багряница — ткань темно-красного цвета, порфира, длинная мантия высокопоставленных особ.

Бажоный — желанный, любимый, милый.

Байрам или Бейрам — два главных мусульманских праздника, которые отмечаются сразу по окончании Рамазана и 60 дней спустя.

Бакан — краска темно-малинового цвета.

Баклага — большой глиняный или деревянный сосуд, бочонок, деревянное ведро.

Балакирь — говорун, болтун.

Балясина — точеный столб перил.

Бандурный — прилагательное от «бандура» — украинский многострунный музыкальный инструмент.

Барвинок — вечнозеленое травянистое растение, обычно с крупными голубыми или синими цветами.

Баргузин — северо-восточный ветер на озере Байкал.

Бармы — роскошное оплечье из парчи и драгоценных камней, которое надевали великие князья и русские цари во время коронации и торжественных выходов.

Баска — волан или сборка на платье, кофточка.

Баскак — представитель ханской власти и сборщик налогов.

Баско — красиво, нарядно.

Басма — металлическая пластинка или печать с изображением ордынского хана, игравшая роль верительной грамоты во время монголо-татарского ига на Руси; тонкий образный оклад.

Басменить — покрывать тонким слоем металла.

Батог — палка, трость, служившие в старину для телесного наказания.

Батырь — богатырь, витязь.

Бахарь — краснобай, рассказчик, сказочник.

Бахилы — мягкие кожаные сапоги с очень высокими голенищами.

Бача — мальчик-наложник.

Баюн — говорун, рассказчик, певец.

Бегун — представитель бегунского, страннического толка в старообрядчестве. Бегуны, считая, что наступило царство антихриста, уклонялись от всех государственных повинностей и административных постановлений, прятались в тайниках и убегали в пустынные места.

Безудный — скопец, бесполый.

Беличка, белица — живущая в м-ре, но еще не постриженная в монахини девушка.

Белояровый — постоянный эпитет зерна (пшена, овса) в русских былинах и сказках, указывающий на высокое качество.

Бел-призорник — по народным поверьям, трава, употребляющаяся для призору-волшбы, приворота, напускания порчи.

Беляна — большая несмоленая барка, сплавное судно.

Бёрдо — гребень на ткацком станке, с зубьями.

Березовая губа — нарост на старых березовых пнях.

Бересклет — кустарниковое растение с вечнозелеными листьями.

Берёсто, береста — верхний светлый слой березовой коры.

Берилл — минерал, прозрачные разновидности которого представляют собой драгоценные камни (аквамарин, изумруд и т. д.)

Бес полуденный — бес, появляющийся в полдень, дух полдня.

Бесперечь — беспрестанно, беспрерывно.

Беспоповский — представитель беспоповщины (направление в старообрядчестве, возникшее в конце XVIII в., отвергавшее священников и выдвинувшее положение, согласно которому «каждый христианин есть священник». Богослужение в большинстве беспоповских общин совершается выборным наставником, уставщиком и начетчиком).

Бешмет — верхняя мужская одежда, распространенная у народов Северного Кавказа и Средней Азии.

Било — у старообрядцев металлическая или деревянная доска, в которую ударяли для оповещения о времени и сборе на церковную службу.

Бирюч — вестник, глашатай.

Благовест — удары колокола, созывающие христиан на молитву в храм. От «звона» отличается тем, что благовест в один колокол, а звонят во многие.

Благосенный — тенистый, дающий прохладную тень .

Блесня — блеск.

Блузник — название, данное ремесленникам, рабочим, в основном французским, которые обычно ходили в блузах.

Бобчатый — внешне похожий на боб.

Богатырка — неофициальное название красноармейского головного убора-шлема из сукна защитного цвета, со звездой, утвержденного приказом РВСР от 16 янв. 1919 г. Позже богатырку называли фрунзевкой, а затем буденовкой.

Бодожок, бадожок — посох, палка.

Божатка — крестная мать.

Божница — киот, полка или застекленный ящик для икон.

Боковушка — небольшая, отдельная от избы горница.

Болезная — горестная.

Болесть — болезнь, хвороба.

Большак — глава семьи, старший в артели, ватаге.

Бочаг, бачага — глубокая лужа, колдобина, яма, омут.

Братина — кружка, большой бокал, из которого пили вкруговую.

Брашно — пища, еда.

Брезг — мерцание.

Брилянтиновый, точнее: *бриллиантовый* от бриллиантина — шерстяной ткани с атласистым лоском.

Брусяный — сделанный из бруса.

Брынский — от Брыни или Брынки — р. в Калужской обл. В старину по реке тянулись большие дремучие леса, в которых укрывались раскольники и разбойничьи шайки.

Буза — легкий хмельной напиток из проса, гречи, ячменя на Кавказе.
Буланный — светло-желтый, сероватый (о конской масти).
Бунчук — конский хвост на древке, как знак гетманской власти.
Бурмитское зерно — крупная окатистая жемчужина.
Бурмитчатый — расшитый жемчугом.
Бурнастый — рыжий, рыже-бурый.
Бурнус — женское пальто с широкими рукавами.
Буры — африканеры, народ в ЮАР, в основном потомки голландских, французских и немецких колонистов.
Бухлый — разбухший от влаги.
Бучило, бучажина — пучина, водоворот, омут.
Буян — открытое ровное, возвышенное место; торговая площадь.
Бытиться — жить вволю, всласть.

Ваал, Баал — в западносемитской мифологии бог бури, грома и молнии, дождя и связанного с дождем плодородия. Ему, по Ветхому завету, приносились человеческие жертвы, древние евреи считали грехом поклонение Ваалу.
Вакации — каникулы.
Вальц-плезир — название вальса; плезир (фр.) — удовольствие.
Вапа, вап — краска.
Варенец, варенуха — хмельной напиток из сухих фруктов и ягод, наливка.
Варнак — каторжник.
Вёдро — ясная, сухая солнечная погода.
Ведок — знахарь.
Ведун — волшебник, знахарь; тот, кто ведает.
Веды — памятники древнеиндийской литературы, сборники гимнов, теологических трактатов.
Вежа — кибитка или шатер кочевников.
Вежды — веки.
Вежество — учтивость.
Веи — ветры.
Векша — белка.
Велес — имя языческого славянского бога, покровителя скота.
Вельзевул — по Библии, языческий бог филистимлян; злой дух, князь бесов. У христиан — название сатаны.
Венчик — атласная или бумажная лента с изображением Христа, Богородицы и Иоанна Богослова, которая возлагается на

чело усопшего при погребении по христианскому обычаю; сияние, блеск вокруг головы святого.

Веприца — дикая свинья.

Вервие — веревка.

Веред — нарыв, болячка.

Вереск — низкий вечнозеленый кустарник с мелкими листьями и лилово-розовыми цветочками.

Веретно — веретено.

Верея — столб, на который навешиваются ворота; крюки или перекладина на воротах.

Вериги — железные цепи, оковы, надеваемые великими подвижниками веры Христовой на голое тело для смирения плоти.

Верижник — носящий на себе вериги.

Вертеп — пещера.

Вертоград — сад, виноградник.

Верша — конусообразная ловушка для рыб, плетеная из ивовых веток, иногда остов ее делается из прутьев, а затем снаружи обшивается частой сетью.

Веснянка — птичка.

Весь — село, деревня.

Ветла — ива, верба.

Ветрило — парус.

Вече — собрание горожан в Древней Руси для обсуждения государственных и общественных дел.

Вечеря — ужин.

Взвар — похлебка.

Вздынуться — подняться, вздыматься.

Взятка, взяток — собранный пчелой мед.

Вигвам — куполообразная хижина индейцев Северной Америки.

Вик — сокращение слов: волостной исполком.

Вилавый — извилистый, искривленный.

Виноград Российский — главное сочинение Семена Денисова (XVIII в.), сборник жизнеописаний знаменитых деятелей раскола.

Виноградье — виноградник, припев русских святочных песен, главным образом на Русском Севере.

Виссон — драгоценная тонкая белая или пурпурная мягкая льняная ткань, «виссон же есть праведность святых» (Откр. XIX, 8).

Витлюк — вальдшнеп, кулик (*олонец.*).

Власяница — волосяная одежда, носимая на голом теле для усмирения плоти.

Вогулы — устарелое название народа манси.

Водаль — в стороне, вдали.

Водополь — половодье.

Водохлебы — шутливое прозвище тихвинцев, кашинцев, пинежан.

Водяник — водяной дух.

Водяница — русалка, утопленница из крещеных, а потому и не принадлежащая к нежити.

Возгорельщики — самосожженцы.

Воздух — покров на сосуды со святыми дарами в церкви.

Вои — воины.

Волвянка — гриб волнушка.

Волжоная — волжная или таволжная, сделанная из ивы, таволги.

Володыка — владыка, господин.

Волость — центр небольшого села (низшая единица административного деления в дореволюционной и послереволюционной России).

Волсовет — волостной исполнительный Совет, административная форма управления, упразднена новым районированием РСФСР.

Волхв — мудрец, звездочет, чародей, предсказатель.

Волчец — общее название колючих сорных трав.

Волшба — чародейство.

Волынка — музыкальный инструмент, состоящий из пузыря или козьего бурдюка, надутого воздухом, в который вставлена дудка. Пузырь берут под мышку и выдавливают воздух нажатием, по дудке перебирая пальцами.

Ворвань — устаревшее название жира, добываемого из морских млекопитающих (китов, дельфинов, тюленей и др.) и рыб.

Воронец — брус, перекладина, широкая доска в виде полки вдоль и посреди избы.

Вороноград — раздел в древнерусской гадательной книге «Волховник», гадание по крику ворона.

Ворохнуть от *«ворохать»* — ворочать, шевелить.

Воскрылие — подол, край одежды.

Восхищать — уносить, увлекать в высоту.

Вотще — тщетно, напрасно.

Вотяки — устарелое название удмуртов.

Впотай — тайно, тихонько от других.

Втымеж, втымежь — между тем, в то время как.

Выбойка — ситец, холщевая ткань с вытесненным рисунком в одну краску.

Вывод — печная труба.

Выжлец — борзая собака, гончая.

Выперхать — кашляя, выплюнуть, выперхнуть.

Выселок — крестьянский поселок на новом месте, выделившийся из многодворного селения.

Выть белугой — громко, неистово кричать или плакать.

Вязейка, вязелька — тесьма для завязывания кос.

Вязига — употребляемые в пищу сухожилия, связки, расположенные вдоль хребта у красной рыбы.

Габучина от «габук» — ястреб.

Гага — северная морская птица из семейства утиных.

Гайтан — ленточка или шнурок, на котором носят на шее нательный крест.

Гамаюн — птица черного пера с мрачно-прекрасным человеческим лицом, воспеваемая в древнерусских сказках как существо, пророчествующее о грядущих судьбах.

Гарище, гарь — пепелище, пожарище; самосожжение.

Гарк — крик, зов.

Гарпия — в древнегреческой мифологии крылатая женщина-чудовище, богиня вихря; злая женщина.

Гарус — грубоватая шерстяная пряжа, узкая шерстяная цветная ленточка для украшения костюма.

Гасник, гашник — вплетаемая в верхний край крестьянских портов тесьма или шнурок с завязыванием концов спереди.

Геенна — ад, преисподняя, место вечных (преимущественно огнем) мучений душ умерших грешников. Символ вечного наказания и адских мучений.

Гелиотроп — садовый душистый цветок.

Глазет — род парчи с шелковой основой и с вышитыми на ней золотыми или серебряными узорами.

Глиняннuк, глинник — чисто глиняная почва.

Глумство — шутка, насмешка, пересмешка.

Глупыш — блин, оладья из ячменной, пшеничной и гороховой муки, поджаренные на сковородке.

Гноище — навозная куча.

Говение — приготовление к исповеди и причастию, постясь и посещая церковь.

Гоголий — гордый, статный (от выражения «ходить гоголем», т. е. щеголем).

Гоголиная масть — темно-серая, напоминающая цветом водоплавающую птицу семейства утиных — гоголя.

Голик — веник из прутьев, без листьев.

Головщица — руководительница певчих на клиросе.

Голубец — могильный памятник, крест со скатной кровелькой.

Голубиная книга (Стих о книге голубиной) — духовные стихи XVII в., посвященные вопросу о начале и конце мира.

Голубь — в христианстве — символ святого Духа, невинности и незлобия.

Гор — вверху.

Горготать — гоготать, ржать, громко смеяться.

Горлица — дикая голубка.

Горний — высший, небесный.

Горынь-трава — с горчинкой типа полыни, горчака, горчанки.

Гостибье, гостёба, госьба — пирушка, угощение, пребывание с гостях.

Гостиный сын — сын купца, в Древней Руси купец — гость.

Грай — карканье, крик.

Графья — в иконописи черчение иглой по отпечатку для переноса его на доску.

Гривна — род ладанки, образка, обычно створчатого, носимого на шее; серебряная десятикопеечная монета.

Гридня — комната, покои.

Гридняя забава — любовница из дворовых, из прислуги.

Громный — громкий, громовый.

Грудок — костер в степи.

Грызь — грыжа, нарыв.

Грядка, грядочка — полка в избе вровень с полатями у печи; жердь от стены к стене вместо вешалки или для просушки одежды.

Гуано — помёт морских птиц.

Гуж — кожаная петля у хомута для скрепления оглобель и дуги.

Гульбище — гуляние, место определенное для гуляния.

Гуменница — сарай для хранения мякины и соломы.

Гумно — сарай для сжатого хлеба.

Гуня — ветхая одежда, рубище.

Гусак — ливер, потроха с легкими, сердцем и печенью.

Гусем запрячь — впрягая лошадей одну впереди другой, по три, до пяти.

Гусеть — плесневеть.

Дагон, Даган — бог филистимлян, покровитель земледелия или рыбной ловли.

Дароносица — сосуд, в котором священник носит святые дары для причащения вне церкви.

Дары, святые дары — хлеб и вино, приносимые в церковь для совершения божественной литургии, а после освящения и преосуществления в тело и кровь Христа, употребляемые при причастии.

Двенадцать лун — двенадцать периодов от новолуния до новолуния.

Двоеперстье, двоеперстие, двуперстие — совершение старообрядцами крестного знамения двумя пальцами, а не тремя («щепотью»).

Дебренский — прилагательное от «дебрь» — лесистая, густо заросшая долина.

Деверь — брат мужа.

Деисус — название центральной композиции иконостаса в православной церкви: в центре — Иисус Христос, справа и слева от него — Богородица и Иоанн Предтеча. Деисусом иногда называют и весь многоярусный иконостас.

Дервенеть — деревянеть, превращаться в дерево.

Дервиш — нищенствующий мусульманский монах.

Деревинка — деревцо.

Десна, десница — правая рука.

Детинец — название внутреннего укрепления в русском средневековом городе вокруг резиденции князя или епископа. С XIV в. заменяется термином «кремль».

Длань — ладонь.

Добро — название буквы «Д» в церковнославянской азбуке.

Докука — просьба, потребность.

Долгуша — длинная одежда.

Доличное письмо — у иконописцев всё, что раньше пишется лица: палата, древеса, горы, тварь. После же всего пишется Видение лица (примеч. Клюева).

Домовина, домовище — долбленый гроб.

Домовиха — домоседка, добрая хозяйка.

Доможирец, доможирщик — домочадец, хозяин.

Донце — дощечка, на которую садится пряха, втыкая в нее же гребень или кудель.

Допрежде, допрежь — прежде, сначала.

Дориносимый — сопровождаемый или окруженный почетной стражей. Ритуал восходит к древнему обычаю воинов поднимать на щит своего полководца. В переносном христианском смысле означает, что ангелы невидимо сопровождают Христа во время великого входа в качестве почетной стражи.

Досюльный — давнишний, древний, старинный.

Дотор — доступ к кому-либо, чему-либо.

Драчёны — пышные блины из пшена или пшенной муки, смешанные с яйцами и молоком.

Дребезда — местное название озерной птицы.

Дробница — мелкие подвески или другие украшения.

Дроля — милая, возлюбленная.

Дружка — распорядитель на свадьбе со стороны жениха.

Дуван — дележ выручки от промысла.

Дуга — радуга.

Дуля — сорт груши.

Духмяный — душистый, ароматный.

Духоборцы, духоборы — христианская секта, последователи которой считают себя «борцами за дух», возникла в середине XVIII в. Источником своего учения они считают не Библию, а животную кн. («Книгу жизни»), устные предания. Православному культу духоборы противопоставляют веру по внутреннему убеждению.

Душица — болотное растение с мелкими фиолетово-розовыми цветками.

Дщерь — дочь.

Дыба — орудие пытки, на котором растягивали тело истязуемого. Применялась в XIV—XVIII вв. в странах Европы и в России.

Дымник — отверстие для выхода дыма в потолке или в стене черной, курной избы, бани, овина.

Дымовище — дымовая печная труба.

Евстрафиль, Страфиль, Стратим — в «Голубиной книге» «всем птицам мати» — воплощение ветров и бурь.

Евхаристия — таинство святого причастия.

Единорог — мифическое животное. В средневековых христианских сочинениях символизирует чистоту, целомудрие, совершенное добро, достоинство, силу разума и тела, неподкупность.

Ексапостиларий — стих, который поется в праздничные и воскресные дни на утренней службе после канона, перед великим славословием.

Елей — оливковое масло, употребляемое в церковной службе.

Ендова — широкий сосуд или медная посудина с носком, рыльцем для разливания напитков.

Епанча, япанча — старинная верхняя одежда в виде широкого плаща.

Епанёчка — короткая безрукавная бархатная или парчевая кафтанная шубка на лисьем меху с собольим или куньим воротником.

Епистолия, эпистола — письмо, послание.

Епитрахиль — часть облачения священника в виде длинной полосы ткани, надеваемой на шею и свисающей спереди.

Ершееды — шутливое прозвище белозерцев, осташей и псковичей.

Жадобный — желанный, любимый.

Жалейка, жилейка — русский народный музыкальный инструмент, представляющий собой дудку с небольшим раструбом.

Жарник, жароток, жараток — место на шестке, куда сгребают угли и золу.

Жаровый пень — дающий много жара при сгорании.

Жвак — жёв, жеванье.

Желна — черный с красным хохолком дятел.

Жеребье — жребий.

Живот — жизнь, богатство, добро.

Жира — домашнее хозяйство, доля, судьба.

Жировать — жить в довольстве, привольно.

Жировая пчела — бесплодная.

Жнивье — нива, с которой скошен хлеб и осталась одна стерня.

Жубровать — пережевывать.

Жупан — теплая верхняя одежда у украинцев и поляков.

Жупел — горящая сера: пугало, нечто, внушающее ужас.

Журавик — леший, обитающий на болоте, где растет журавина (клюква).

Журушка, журонька — журавль.

Зааминить — заговорить, заградить заклинанием от нечистой силы.

Заборало, забрало — площадка или ход для воина в верхней части крепостной стены.

Завалина — земляная насыпь вокруг внешних избяных стен.

Заволока — дорогая ткань иноземной выделки.

Заволочье — место под лавками в избе, вдоль стен.

Загиблый — прилагательное от «загибенье» — глухое, гибельное место.

Загнетка — закоулок на шестке русской печи, обычно спереди, справа.

Загозка — кукушка.

Загозье лыко — ягоды растения семейства ягодковых, волчеягодник, волчье лыко.

Загуменье — место за гумном.

Загуркать — заворковать.

Загусеть — заплесневеть, загнить.

Загуста — заваруха, каша из ржаной муки, которую едят с молоком или с коровьим маслом.

Задолеть — осилить, побороть.

Зажалковать — загрустить, сокрушаться о чем-либо.

Зажорина, зажоры — талая вода под снегом в рытвинах и ложбинах.

Зазимок — первый снег, начало зимы.

Заимка — место, расчищенное и обрабатываемое вдали от деревни и общественных пахотных земель.

Заиндеветь — сильно покрыться инеем.

Закомара — в русской архитектуре полукруглое и килевидное завершение части наружной стены здания (главным образом храмов), повторяет очертания расположенного за ней свода.

Закут — место отгороженное в избе и сенях.

Залавица — заложенное доской или решеткой место под лавкой, где несется и сидит на яйцах птица.

Замуруд — изумруд.

Заманка — заманно, привлекательно, вкусно (о ягодах), заманная ягода.

Замураветь — покрыться муровой, мелкой густой травой.

Замять — метель, пурга.

Замшенный — поросший мохом.

Запашка — запашной кафтанчик; ранняя вспашка полей.
Заполоветь — побледнеть, сделаться белым.
Запона — женский передник.
Запотай — тайно.
Зарань, заранка — загодя, очень рано.
Зареветь, зареть — ярко светиться, гореть ярким пламенем.
Зарноокий — с огнистыми, подобно зареву, очами.
Зарный — ало-золотой, огненный.
Заруделый — красно-желтый.
Зарянец — самоцветный, алый камень.
Заряница, зарянка, зорница — утренняя или вечерняя звезда.
Зарянка — певчая птица с грудью оранжевого цвета.
Заскорузлый, закорузлый — загрубелый, затвердевший.
Заслон, заслонка — листовой или чугунный, сверху закругленный щит для заставки (закрывания) устья русской печи.
Застрех, застреха — нижний свисающий край крыши избы, сарая, а также брус, поддерживающий нижний край крыши.
Заутреня — церковная служба, совершаемая рано утром, до обедни.
Захолонуть — застыть, оцепенеть.
Звонница — колокольня.
Здынуться. См. *вздынуться*.
Зегзица, зигзица — чайка.
Зеленец — зеленая краска.
Зеленя — озимь.
Зель — молодая озимь; зеленая краска.
Зенки — глаза.
Зеньчуг, земчуг — жемчуг.
Зерефер — имя беса в русской отреченной литературе.
Зернь — зерно.
Зерцало — название распространенных в старину литературных произведений нравоучительного и педагогического характера.
Зимник — северо-восточный ветер.
Зимородок — птица иванок, лединник, мартынок.
Зипун — крестьянский верхний кафтан из толстого грубого сукна.
Златница — злотая монета.
Златая чепь, цепь — сборник поучительного содержания, своеобразная хрестоматия энциклопедического характера, включавшая в себя произведения русских, славянских и византийских авторов.

Знаменное пение, распев — основной вид старинных православных напевов XII—XVII вв. Название происходит от древнеславянского слова «знамя» — знак (певческий). Знаменами или крюками назывались безлинейные знаки, применявшиеся для записи напевов.

Зобать — есть что-нибудь мелкое, рассыпающееся.

Зограф, изограф — иконописец.

Зодиак — совокупность 12 расположенных вдоль эклиптики — созвездий, через которую проходит солнце, совершая свой видимый годичный круг.

Зозуля — кукушка.

Зой — отголосок, шум от звуков многих насекомых.

Золотарь — позолотчик по дереву; ассенизатор.

Зорить — заглядываться, смотреть ласково, любоваться.

Зурна — духовой деревянный инструмент, распространенный у народов Кавказа.

Зыбка — колыбель ребенка.

Зыряне — устарелое название коми.

Зябель — холодное время, увядшая от холода растительность, недород из-за морозов.

Игумен — настоятель м-ря.

Измарагд — изумруд.

Изочина, изотчина — отчество.

Икос — пространное песнопение, излагающее смысл праздника или содержащее похвалу святому.

Или (евр.) — Боже мой. Возглас Христа перед кончиной (Евг. от Мф. XXII, 46).

Имбирь — тропическое травянистое растение, корневища которого богаты эфирным маслом.

Индеветь — покрываться инеем, морозить.

Индикт или Индиктион — в Византии существовало два типа счисления времени — от сотворения мира, т. е. 5508 лет до Рождества Христова и счисляемое по пятнадцатилетиям или индиктам, отсчитывавшее время от Рождества Христова.

Инкубы — в средневековой европейской мифологии мужские демоны, домогающиеся женской любви.

Ирбитский — относящийся к Ирбиту — городу на Урале, где в старину лили колокола.

Ипостась — церковный термин для обозначения одного из лиц христианской Троицы; лицо, сущность.

Ирмос — начальная песнь каждого канона. Обычно содержит ветхозаветные образы.

Испод — изнанка.

Иссоп — растение, употребляемое в пучках для кропления.

Каганец — светильник, состоящий из черепка с салом и фитиля.

Кагор — название сортов красного вина, употребляемого христианской церковью при совершении обряда причастия.

Кажинный — каждый.

Казан — большой котел для приготовления пищи.

Казинетовый — прилагательное от «казинет» — вид старинной полушерстяной или бумажной ткани.

Калевала — карело-финский эпос о подвигах и приключениях героев сказочной страны Калева.

Калиги — башмаки.

Калики перехожие — странствующие нищие, чаще слепые, собирающие милостыню пением духовных стихов.

Калужник — от «калужи» — лужи.

Калыгеря-бес — черт в образе монаха или священника; от «калогер», «калугер» — монах.

Каменка — печь, банная печь, груда дикого камня, булыжника, на который поддают пар.

Камень-зель — изумруд.

Камка — шелковая цветная ткань с узорами и разводами.

Камчатый. См. *камка*.

Камилавка — шапка, у монашествующих — черная, у лиц белого духовенства — фиолетовая.

Камлот — суровая шерстяная ткань, большей частью косая.

Канифас — полосатая бумажная ткань.

Канон — песнопение в честь праздника или святого, обычно состоит из восьми песен, содержащих ирмос; догмат, правило или обряд.

Каньги — лопарская обувь в роде полусапожек.

Каптырь — у раскольников узы Христовы или черное покрывало на камилавку, отороченное красным гарусом.

Карбас — большая высокобортная лодка или гребное судно с парусом, предназначенное для перевозки грузов.

Карк — резкий, гортанный звук.

Кармин — пурпурная краска из сушеной кашенили.

Кат — палач.

Катавасия — так называется ирмос, для пения которого певцы с обоих клиросов сходятся на середину церкви.

Каурый — светло-бурый.

Кафры — наименование, данное бурами в XVIII в. народам банту (главным образом народу коса) Южной Африки.

Кацея — кадильница, но не на цепочках, а на руках.

Кашка — клевер.

Квадрига — у греков и римлян — двухколесная колесница, запряженная четырьмя лошадьми.

Келарник — монах, заведующий монастырским хозяйством.

Кемрик, кембрик, — английская бумажная ткань типа батиста.

Керженец — житель знаменитой в истории раскола местности, по которой протекает р. Керженец, левый приток Волги (Нижегородская обл.). В болотистых, труднопроходимых лесах с конца XVII в. здесь селились старообрядцы, особенно после Соловецкого восстания (1668—1676). В нач. XVIII в. керженские скиты стали одним из важнейших центров старообрядчества.

К заранью — рано утром.

Кика, кичка — праздничный головной убор замужней женщины (преимущественно северорусской).

КИМ — аббревиатура, Коммунистический Интернационал молодежи (1919—1943), международная молодежная организация, секция Коминтерна.

Кимвал — древний ударный музыкальный инструмент, состоящий из двух медных тарелок.

Киноварь — ярко-красная краска.

Киот. См. *божница.*

Кипарис, купарис — одно из трех деревьев (кедр и сосна), имеющих мистическое значение райских деревьев в апокрифах об Адаме. Символ бессмертия.

Кирьга — кирка.

Киса — кожаный кошель.

Киша — что кишит; закваска.

Кистень — старинное разбойничье оружие, состоящее из короткой палки, к одному концу которой прикреплен на ремне (цепи) металлический шар или гиря.

Китоврас — в апокрической литературе мифическое житвотное, подобное греческому кентавру, персонаж сказания о Соломоне и Китоврасе. К. наделен большой мудростью и силой.

Кладенец — только в выражении: меч-кладенец — в народной поэзии — меч, обладающий чудесными свойствами.

Кладка, кладочка — доска, проложенная для катания по ней тачки с грузом; небольшой мосток.

Клеть — отдельная нежилая постройка для хранения имущества.

Клир — в православной церкви совокупность певчих и чтецов на возвышении перед иконостасом по правую или левую сторону царских врат

Клирос — место для певчих и чтецов в церкви на возвышении перед иконостасом по правую или левую сторону царских врат.

Клирошанка — богомолка, поющая на клиросе.

Клобук — покрывало, носимое монашествующими поверх камилавки.

Клякс-папир — промокательная бумага.

Князёк — гребень двухскатной крыши.

Кобза — старинный украинский щипковый инструмент.

Ковчежец — ларец для хранения различных священных предметов.

Коклюшка — палочка с утолщением на одном конце, с шейкой и пуговкой на другом для плетенья кружев.

Кокора — бревно с кривым, изогнутым концом, используемое на кровлю крестьянского дома.

Кокошник — старинный головной убор замужней женщины (главным образом северных губерний) в основном в виде круглого щита или веера вокруг головы.

Колоб — ватрушка из черного текста с толокняной или другой начинкой.

Колода — долбленный гроб из цельного бревна.

Колтун — болезнь кожи на голове.

Коляда, коледа — старинный рождественский и новогодний обряд, сопровождающийся обходом соседей со звездой или с житом, с песней, с обязательными поздравлениями, пожеланию хозяину урожая и счастливого брака и заканчивающийся вознаграждениями от хозяина и хозяйки.

Команика, куманика — кустарник с темно-красными ягодами, похожими на ежевику.

Комель — нижний конец ствола дерева.

Комолый — безрогий, с одними лишь роговыми наростами.

Кондак — краткое песнопение в честь праздника или святого.

Кондовый — старинный, прочный, основательный.

Кондор — крупная хищная птица с голой головой и шеей, питающаяся падалью (водится в Южной Америке).

Конёк — гребень кровли.

Конха — свод в виде полукруга.

Копыл — подразумевается колодка, тяжелые деревянные оковы, надевавшиеся в старину на шею, руки или ноги осужденного за тяжкие преступления. В начале XIX в. были заменены кандалами.

Копыльце — часть дровней.

Корабль — раскольники созерцательного толка (хлысты, скопцы) общину свою, круг называли согласом и кораблем, плывущем по морю житейскому.

Коран — основная священная книга мусульман.

Корба — ложбина, поросшая лесом, чащоба.

Коренная, коренник — лошадь, впрягаемая в оглобли, средняя лошадь в тройке.

Корец — ковш, обычно железный, для черпанья воды, кваса.

Корзна, корзно — верхняя одежда, зипун.

Коринка — черный мелкий виноград без косточек.

Корогод — хоровод.

Корпия — перевязочный материал; нитки, нащипанные руками из ветоши.

Коруна — старинный женский головной убор.

Корчага — большой, обычно глиняный, сосуд для разных домашних надобностей.

Косач — петух тетерев.

Косовик — пирог полукруглой формы из кислого ржаного или житного теста, с начинкой из житных блинов, пересыпанных пшенной кашей.

Косовуша — лодка средних размеров для перевозки людей и грузов.

Косоплётка — ленточка, вплетаемая в косу.

Костоеда — народное название кариеса.

Кострец — в теле человека и животного нижняя часть крестца.

Кострика — высохший, изломанный стебель конопли, льна.

Кострома — в восточнославянской мифологии богиня весны и плодородия. При ритуальных похоронах К. ее воплощает

соломенное чучело женщины. Чучело хоронят (сжигают) с обрядовым оплакиванием и смехом, но К. воскресает.

Косулить — пахать сохой-косулей.

Косуля — соха с одним лемехом, отваливающим землю по одну сторону.

Косушка — мера жидкостей: шкалик, полбутылки.

Коты — мужская верхняя обувь, надеваемая сверх сапог или бахил; деревенские башмаки с черною или красною оторочкой.

Котяга — котище.

Кочет — петух.

Кошма — войлок.

Кошник. См. кокошник.

Кошница — корзина, плетенка.

Крапица — резное украшение на дереве (зарубки по нему).

Красик — гриб подосиновик, красный рыжик.

Красная горка — древнерусский народный праздник весны, с которого начинались хороводы, игры, свадьбы. Праздник начинался с Фомина воскресенья — первое воскресенье после Пасхи или в понедельник.

Краснорядцы — торговцы мануфактурой красного ряда.

Красовитый — красивый, приятный.

Кремль — кремлевое дерево, выросшее на просторе, крепкое, строевое.

Крест — южное созвездие, одно из самых ярких.

Крестец — крестообразная укладка снопов ржи, пшеницы или овса колосьями внутрь, на жниве до уборки; кости сросшихся позвонков, входящих в состав таза.

Крестоперстник — старообрядец, совершающий крестное знамение двумя перстами, а не тремя («щепотью»).

Кречет — большая птица из породы соколиных с серо-черным опереньем.

Крин — лилия, символ чистоты.

Криница — колодец.

Кринка, крынка — глиняная или стеклянная посуда для хранения молока.

Кросно — ткацкий станок, преимущественно с начатой уже работой.

Кружало — кабак, казенное питейное заведение.

Крюк — тонкое бревно, продолбленное в одном конце, где втыкают клин; его привязывают к стропилам, чтобы класть нижние поперечные бревна; старинный церковный нотный знак.

Крыльцо перёное — крыльцо с перилами.

Крюки — нотные знаки в старинном русском пении.

Кубарь — детская игрушка, волчок.

Кувет, точнее: кювет — ров, канава с водой.

Кува Красный ворон — мудрый ворон, возможно, один из главных фигур в мифах народов Севера.

Кудель — вычесанный и перевязанный пучок льна или пеньки, изготовленный для пряжи.

Куколь — монашеский головной убор, покрывающий голову и плечи и украшенный пятью крестами, находящимися на челе, груди, обоих плечах и на спине.

Кукуйский язык — немецкий, от названия немецкой слободы Кукуя или Кукуй, в просторечья Кокуй, возникшей в Москве в нач. XVII в., на спуске к Яузе.

Кумирня — языческий храм, капище.

Кунган — медный кувшин с ручкой, в котором носят воду при хождении священника по домам с крестом.

Купава — кувшинка.

Купало, Купала — в восточнославянской мифологии главный персонаж праздника летнего солнцестояния (в ночь на Ивана Купалу — народное прозвище Иоанна Крестителя — с 23 на 24 июня (с 7 на 8 июля).

Купель — большой сосуд, в который погружают ребенка при церковном обряде крещении.

Купина — терновый куст; в Ветхом завете неопалимая купина — куст горящий, но чудом не сгорающий, из которого Бог говорил с Моисеем, призывая его к избавлению израильского народа от рабства (Исх. III). Согласно толкованиям отцов церкви Неопалимая купина — это Богоматерь, пребывающая девою и по воплощении и рождении от нее сына Божия; икона Неопалимая купина.

Купы — группа густо растущих кустов или лиственных деревьев.

Купырь — растение дягиль.

Кур — здесь: дым, чад.

Курень — шалаш, легкая постройка, дом у казаков.

Куропь, куропать — у поморов, куропатка белая.

Курослеп — народное название некоторых травянистых растений с желтыми цветами, преимущественно лютиковых; куриная слепота.

Куричий — куриный.

Кус — кусок.

Кутейник — ироническое прозвище недобросовестных церковнослужителей.

Кутья — кушенье из крупы с медом или риса с изюмом, которое едят на похоронах и поминках.

Куща — шатер, шалаш, сень.

Куяшная шапка — шлем.

Кычет — плачет, горюет.

Лаванда, леванда — кустарниковое или травянистое пахучее растение с голубыми, синими или фиолетовыми цветками.

Лада — в восточнославянской мифологии богиня весенне-летнего плодородия, покровительница свадеб и брачной жизни.

Ладан — ароматическая смола, которая кладется в кадильницу на горящие угли для благовонного курения.

Ладанка — сумочка с ладаном или какой-либо святынею, которая носится вместе с крестом на шее для предохранения, особенно младенцев, от бесов, от внезапных случаев, болезней и других злоключений.

Ладить — приготовлять.

Ладо — нежно любимый друг, любовник, жених, муж.

Лазорь, лазурь — краска ярко-голубого цвета.

Лазунка ольховая — гриб.

Лал — старинное название драгоценного камня шпинели.

Лама — общепринятое почтительное название всех духовных лиц (монахов) в Тибете и Монголии.

Ланита — щеки.

Лапа, лапки — шипы, вырубки на конце бревна, посредством которых оно соединяется с другим в венце.

Лапта — русская народная игра.

Ласты, ластовки — вставки под мышками в мужской верхней рубахе при особом покрое.

Левантиновый — прилагательное от «левантин» — шелковая, с косым узором тканья материя, считалась завезенной из Восточного Средиземноморья (Леванта), широко употреблялась в нач. XX в.

Левантеровый. См. левантиновый.

Левиафан — в Библии огромное морское чудовище.

Левкас — меловый грунт в русской иконописи.

Легота — легкость.

Ледащий — изношенный, изодранный.

Лежанка, лёжанка — выступ у печи для лежания.

Лель — в восточнославянской мифологии бог любви и брака.

Лембэй, Лембой — низший род нечистой силы, которой подчинены не только лесные звери и чудища, но и ерестуны — дети, проклятые родителями.

Лемех — гонт, короткая дранка.

Лемуры — в древнем Риме злобные призраки мертвецов, которые преследуют людей.

Лен кукуший — травянистое растение, сухостебельник.

Лепота — красота, изящество.

Лесовик — леший, лесной дух.

Лестовка — кожаные четки у старообрядцев.

Лестовица — женщина, делающая лестовки.

Летнина — летняя шерсть у животных.

Леток — отверстие в улье для пчел.

Леха — луговая или полевая полоса, гряда.

Лешане — жители лесной местности.

Лешня — лесная охота, охотничий промысел.

Лешуга — пугач, большой ушастый филин.

Лещужный — прилагательное от «лещуга» — трава, растущая на заболоченных и сырых местах.

Ливан. См. *ладан*.

Лик — хор; собрание поющих в церкви.

Лирохвост — птица отряда воробьиных, с хвостом в виде лиры, водится во влажных лесах Юго-Восточной Австралии.

Листодер — октябрь, сильный осенний ветер.

Литера — буква.

Лихо — в восточнославянской мифологии персонифицированное воплощение злой доли, горя.

Ловитва — охота.

Лодейный — лодочный.

Ложесна — утроба матери.

Лопарский — прилагательное от «лопари» — употребляемое в литературе название народа саамов.

Лопь — древнерусское название народа саамов.

Лоский — блестящий, с лоском.

Лосный — глянцевитый, блестящий.

Лубянка — короб или сундук из луба.

Луда — подводная каменистая гряда, песчаная или каменистая отмель.

Лудянка — блестящая белая краска; от «луда» —полуда, полива.

Лузь — чистое место на заросшем озере, прогалина в лесу. Обычно употребляется во множественном числе — во лузях.

Львиный зев — травянистое растение семейства папоротниковых с цветком, напоминающим пасть льва.

Люди — название буквы «Л» в церковнославянской азбуке.

Лючифер, точнее: Люцефер — утренняя звезда, т. е. планета Венера. В христианской традиции одно из обозначений сатаны как горделивого и бессильного подражателя тому свету, который составляет мистическую славу божества.

Ляга — лужа, мокрое вязкое место.

Лядащий — исхудалый.

Лядина — чаще мелкого леса, возвышенное место, поросшее березой, ольхой и осиной.

Мавка — душа умершего некрещеного ребенка.

Магазея — склад, помещение для хранения запасов продовольствия, огнестрельных припасов и др., магазин.

Маета, маята — болезнь, колотьба (особенно при воспалении нарывов).

Майка — рыбьи молоки.

Макасатовый — сафьянный.

Макитра — широкий глиняный горшок.

Макоша-Морок — дух в облике женщины, появляющейся в доме, на подворье; дух обмана, миража.

Малица — у народов Крайнего Севера верхняя одежда из оленьих шкур мехом внутрь с капюшоном и рукавицами.

Малюнка — картинка.

Мамона — в христианских церковных текстах злой дух, идол, олицетворяющий сребролюбие и стяжательство.

Манатейка — накидка.

Манок — приманка, чучело для птиц или дудка для приманки птиц.

Маргарит (жемчуг) — византийский и древнерусский сборник, состоящий из избранных слов, бесед и поучений Иоанна Златоуста.

Марена — травянистое растение с желтыми цветками и толстым корневищем, из которого добывается краска.

Марево, марь — жара, мглистый тяжелый воздух, мираж.

Марс — четвертая по расстоянию от солнца планета солнечной системы. В древнеримской мифологии М. — бог войны.

Матица — балка, поддерживающая доски потолка.

Медвяный — медовый, сладимый.

Медносборчатая — гармонь с медными уголками, которые крепят сборки (мехи).

Медуница — травянистое растение с мелкими белыми душистыми цветками.

Медынь — луговая трава с медовым запахом.

Медушник — цветок клевера.

Межеумка-песня — легковесная, пустая песня.

Мелкотравчатый — покрытый мелким узором.

Мёрда — конусообразная плетушка для загона рыбы из тонких ивовых прутьев (примеч. Клюева).

Мережа — конусообразная сеть с обручами, сходная с мёрдой, но крупнее нее.

Меря — восточно-угорское племя, жившее в VII—X вв. в р-не озера Неро и Плещеево (ныне Ярославская обл.) и впоследствии слившееся со славянами.

Метание — поясной, земной поклон.

Мидийский из Мидии — исторической обл. в северо-западной части Иранского нагорья (древнейшее царство VII—VI вв. до н. э.).

Милоть — грубый шерстяной плащ из овечьей шерсти — традиционное одеяние Иоанна Предтечи.

Минеи-Четьи, Четьи-Минеи — церковная книга, содержащая собрание праздничных служб, песнопений, молитв и житий святых на каждый день и месяц года.

Мингрелы — этнографическая группа грузин, а также лица, принадлежащие к этой группе.

Миро — благовонное масло, употребляющееся в христианских обрядах.

Мироварница — женщина, готовящая миро.

Мирра — смирна, смолка, пахучая древесная смола для курения.

Миса — чаша, посуда.

Миткаль — самая простая и дешевая хлопчатобумажная ткань, неотделанный ситец.

Митра — головной убор высшего православного духовенства, надеваемый при полном облачении.
Младень — младенец.
Мних — монах.
Могота, могута — мощь, сила.
Моленна, моленная — молитвенное здание у старообрядцев.
Моленная рубаха — длинная белая, часто до пят, холщевая рубаха старообрядцев специально для молитвенных собраний.
Молонья — молния.
Молочай — травянистое растение с молочным горьковатым соком.
Морок — греза, обман.
Морянка — вид нырка или утки.
Мостина — корзина, плетенка.
Мостовичина — кладка, доска половая, мостовая настилочная.
Мотовило — снаряд для размотки мотков пряжи в клубки.
Мохра — кисти бахромы.
Мочежина — непросыхающее место, болотце.
Моченец — мокрая погода; лен или конопель, намоченные для обработки.
Мочище — водоем, в котором вымачивают лен, коноплю.
Мошник — петух.
Мошнуха — тетерка.
Мреять, мреть — переливаться, струиться.
Мурава — сочная молодая трава; глазурь, эмаль.
Муравленный — облицованный муравой.
Муравчатая печь — покрытая изразцами с темно-зеленой поливой и орнаментом («травами»).
Мурза — титул феодальной знати в татарских гос-вах в XV в.
Мурмолка — старинная меховая или бархатная шапка.
Мурья — темное, тесное помещение, лачуга.
Мусикия — музыка. Это слово понималось Клюевым столь же расширительно, как и в античной традиции: мусическое искусство или «искусство муз». Сюда относились инструментальная и песенная музыка, хореография и словесное искусство. Для Клюева мусикия — символ красоты, гармонии, творчества.
Мухояровый — прилагательное от «мухояр» — старинная пестрая ткань из льна с примесью шерсти, реже хлопка.
Мызглый — заношенный, затасканный, обтрепанный.
Мыслете — название буквы «М» в церковнославянской азбуке.

Мытарь — сборщик податей в Палестине, из-за притеснений он вызывал к себе всеобщую ненависть населения и это слово служило символом язычника, грешника.

Мяло, мялица — приспособление, при помощи которого первоначально размягчают лен.

Набойка — ткань с нанесенным на нее (при помощи особых печатных досок) красочным узором.

Навечерие — канун праздника.

Наводчатый — расписной.

Наговорный — заговоренный, волшебный.

Надгубье рудо — усы рыжие.

Накатный — от слова «накат» — толстые доски, служащие для настила потолков и пола.

Накосник — женская головная повязка, которую носили под повойником; украшение в ленте.

Налепы — гипсовые лепные украшения.

Намаз — мусульманский религиозный обряд: ежедневное пятикратное богослужение, чтение отрывков из Корана.

Напредки — впредь.

Нарушать. См. *рушать*.

Нарцисс — в древнегреческой мифологии юноша-красавец, влюбившийся в свое отражение в воде и умерший от этой любви.

Насельник — коренной житель.

Настольник — скатерть.

Начетчица — церковная чтица.

Нашест — насест.

Наядообразный — похожий на наяду — нимфу, обитательницу рек и озер, ей соответствует славянская русалка.

Невеста Христова — оставшаяся в девицах, не вышедшая замуж.

Недоля — судьба, тяжелая, несчастливая доля.

Неедняк-трава — несъедобная, плохого качества трава.

Нежить — в языческих верованиях славян фантастические существа (лешие, домовые, русалки, нечисть).

Немогутный — обессиленный, ослабевший.

Необлыжно — заведомо неложно.

Неражий — несуразный, непригожий.

Непорядная — сверхурочная.

Неприточный — непривязанный, неприверженный к чему-либо.

Несекомый камень — неотесаный, не могущий быть рассеченным на части.

Несториане — последователи течения в христианстве, основанном константинопольским патриархом Несторием в 428—431 гг., утверждавшем, что Христос, будучи рожден человеком, впоследствии воспринял божественую природу.

Ника (греч.) — победа.

Никонианцы, никониане — последователи новых обрядов, введенных церковными реформами патриарха Никона.

Нимфа. См. *наядообразный.*

Нишкнуть — молчать.

Новины — первые плоды, первые зерна нового урожая.

Ноготки — народное название календулы.

Норов — нрав.

Ночнина — уход на ночной промысел.

Ночница — нетопырь, летучая мышь.

Нубийка — представительница гос-ва Нубии, Африка.

Нуда — гнет, принуждение.

Нумидийский — из Нумидии (в древности обл. в Северной Африке, населенная нумидийцами).

Обедня — церковная служба, совершаемая утром или в первую половину дня.

Ободверье, ободверина — дверные косяки.

Обожить — обоготворить, почитать Богом, чествовать как Бога.

Оболокать — одеть что-либо.

Обонпол — по ту сторону.

Оборки — опорки, рваные остатки обуви.

Оборы —веревки для привязывания лаптей к ногам.

Объярь — плотная шелковая ткань с золотыми и серебряными струями и с разными узорами.

Обымать — охватывать, окружать, облегать вокруг.

Овершье — верхний слой сена в стоге.

Овин — строение для сушки снопов перед молотьбой.

Овсень — первый день весны; 1 марта начинался в Древней Руси новый год.

Овсяник — название медведя, истребляющего овес на полях.

Овсянка — маленькая светло-рыжая птица.

Огневица — лихорадка, горячка; сумочка на поясе или жестяная коробка в доме, в которой содержат кремень, огниво и трут.

Огневщик — лесной сторож.

Оголаживать — обирать.

Одалиска — наложница в гареме.

Одр, одёр — ложе, кровать.

Однорядка — долгополый, однобортный кафтан без ворота, с прямым (не косым) запахом и пуговицами.

Ожерелок — ошейник.

Ожерелье — круглый или квадратный вырез ворота княжеской одежды, обычно обшивавшийся золотом с драгоценными камнями.

Околоток — окрестность, окружающая местность; часть, район города.

Оконница — рама, оконный переплет.

Окрута — одежда, платье.

Омежек — полоска вдоль межи; изгородь около стога сена.

Омёт — стог сена или соломы.

Омофор — часть епископского облачения, широкая длинная полоса ткани с изображенными на ней крестами.

Оникс — род агата с глазком.

Опал — минерал, разновидность которого считается драгоценной.

Опашень — летняя верхняя широкая одежда, широкий долгополый кафтан, как ферязь, но с короткими широкими рукавами.

Опитуха — попойка.

Оподольник — юбка, край подола.

Опружить — опрокинуть, вывернуть набок.

Опушь — опушка одежды, меховая обшивка по краям одежды.

Ораное — вспаханное поле; орать — пахать.

Оржаной — ржаной.

Орочёны, орочи — народность, живущая в южной части Хабаровского края.

Осанна — молитвенный возглас: спаси, сохрани; спасение, слава.

Осенница — пасмурная холодная дождливая погода.

Осенщина — шерсть осенней стрижки; осенний сбор, подать хлебом, новиною.

Осиянный — освещенный ярким светом.

Осокорь — серебристый тополь.

Остожье — подстилка из досок или палок, на которую ставят стог сена; место, на котором постоянно ставят стог или прясло для просушки сжатого хлеба.

Острупеть — покрыться струпьями.

Остяки — устарелое название хантов.

Осыпные перстни — украшенные алмазами по ободку.

Осьмина — старая мера сыпучих тел, восьмая часть.

Отава — трава, выросшая после косьбы и скошенная в том же году.

Отгул — отголосок, эхо.

Отдевочить — расстаться с девичеством.

Отжинки, отжины — конец жатвы; пирушка, устраиваемая по окончании жатвы.

Отишье — затишье, безветренная погода.

Отпуск, отпуст — молитва, читаемая священником после окончания службы.

Отсевок — остаток.

Отшатиться — отойти в сторону, отшатнуться.

Офеня — бродячий торговец.

Охабень — старинная верхняя долгая одежда с прорехами под рукава и с четырехугольным откидным воротом.

Оцет — винный уксус.

Очап — колодезный журавль; длинная гибкая жердь, на которую подвешивают колыбель.

Очелье — перед кокошника, вытканный узорами, парчевый, низанный жемчугом.

Пабида — беда, огорчение.

Павечерье — самый конец светлого вечера, вечерняя заря.

Паволока, поволока — ткань, которой покрыта ватная или овчинная одежда, верх шубы.

Павьи — павлиньи.

Пагода — буддийский или индийский храм в виде павильона или многоярусной башни.

Падун — водопад, порог или крутой перекат на реке.

Падь — овраг, глубокий и крутой лог.

Пажить — пастбище, луг, нива.

Паз — при постройке избы — неглубокая борозда вдоль бревна, заполняемая мхом или паклей для сохранения в доме тепла и прижимаемая следующим бревном.

Палаш — холодное оружие, наподобие сабли, но с прямым и широким обоюдоострым к концу клинком.

Палестина — здесь: родные места, родина.

Палый — опавший.

Пан — в древнегреческой мифологии бог лесов, покровитель стад и пастухов, наводящий ужас своим видом.
Папир — бумага.
Парёж — пар в бане, духота.
Парки — первоначально у римлян богини рождения, позже богини судьбы.
Паруша — деревенская баня.
Парха — заболевания кожи.
Паскарага — ангельская птица; лесная сорока.
Пасма, пасмо — восемнадцать ниток, намотанных на мотовило.
Пастырь — пастух.
Патер — католических монах в сане священника, а также католический священник вообще.
Патерик — сборник, содержащий жития, изречения и нравоучения святых отцов.
Паче — тем более, более.
Певник — певец, поэт.
Пеганка — пегая лошадь.
Пеганый — пестрый, пятнистый.
Пегас — в древнегреческой мифологии крылатый конь верховного божества Зевса, от удара копыта которого забил чудесный источник — символ поэтического вдохновения.
Пелёва — мякина, мелкий корм от овса, когда веют.
Пелегать — лелеять, воспитывать.
Пени — упреки, жалобы
Пенник — крепкое хлебное вино.
Первач — лучший, первый сорт муки.
Первопуток — первый зимний путь на санях.
Перегорная слеза — пьяная слеза.
Перёный — с перилами. Эпитет крыльца.
Перл — жемчуг.
Перси — груди.
Перст — палец.
Персть — земной прах, пыль.
Перун — в славянской мифологии бог грома и молний. В IX—X вв. на Руси — покровитель князя и дружины; глава языческого пантеона.
Пест — стержень с утолщенным и круглым концом, употребляемый для толчения чего-либо в ступке.
Пестер — плетеный из бересты короб для ягод, грибов и т. д.

Пестрец — гриб заячник, растение горчак, пестрый пырей, зубровка.

Пестрядь, пестрядина — домашний холст, вытканный из различно окрашенных тканей, а также одежда сшитая из него.

Петел — петух.

Петровки — в православной церкви пост перед Петровым днем. Петров день — праздник апостолов Петра и Павла 29 июня (11 июля), день Петра рыболова.

Пещный — печной.

Пикейный — от слова «пике» — хлопчатобумажная двойная ткань полотняного переплетения с выпуклым узором.

Пилигрим — странствующий богомолец, паломник.

Пимы — у северных народов России меховые сапоги.

Писанка — расписанное разными красками в узор пасхальное яйцо.

Писание — книги Ветхого и Нового завета.

Питух — охотник до хмельного.

Плакида — плакса, плаксивая баба, постоянно жалующаяся на судьбу.

Плакун-трава — по народным поверьям, отразившимся в «Голубиной книге», «мать всем травам», которая выросла на том месте, куда упала слеза Богородицы, оплакивавшей смерть своего сына. Плакуну приписывались волшебные свойства: корень его, выкопанный в ночь на Ивана Купалу, уберегал от соблазна, а бесы и ведьмы плакали от него.

Планида, планита, планета — в просторечии судьба, участь, счастье, удача.

Плащаница — четырехугольное покрывало с живописным изображением умершего Христа Спасителя, орудий Его страдания и свв. Иосифа и Никодима, Богородицы и свв. жен мироносиц.

Плеяды — яркое звездное скопление в созвездии Тельца.

Плитить — отесывать, придавать какую-либо форму.

Плотка — огниво.

Плясея — деревенская плясунья.

Плящий — палящий, ярко горящий.

Побалакать — побеседовать.

Побратень — названный или крестовый брат; двоюродный брат.

Повалуша — общая спальня, особенно летом; холодная, куда вся семья уходит на ночь из теплой избы в чистую горницу.

Поварёнка — половник, поварешка.

Поветь — крыша над двором, обычно соломенная; навес, сарай.

Повитуха — повивальная бабка.

Повойник — головной убор крестьянок, обычно замужних, в виде платка, повитого вокруг головы.

Повязь — девический головной убор: спереди похожий на кокошник, по не покрытый и ленты пущены на косы.

Погост — место вокруг приходской церкви, где погребают усопших; место сбора людей для торговых, административных и религиозных целей; округ, несколько деревень, принадлежащих одной волости.

Погрец ногтевой и суставный — аккомпонемент на щипковом инструменте (балалайка, домра), коленца.

Погуда, погудка, погудь — напев, прибаутка, присказка.

Подбрусник — головной убор женщины под повязку.

Подголовник — деревянная подстилка с наклонной поверхностью (или ларец с наклонной крышкой), помещаемая в изголовье под подушку.

Поддонный, пододонный — скрытый, тайный, глубинный.

Подзатыльник — сеть из крупного цветного бисера, подвешиваемая под кику.

Подзор — резные украшения под крышей, вокруг окон, иногда на углах дома, обшитых тесом; широкая кайма, пришиваемая к верхней части занавески.

Подлавочье — место под круговой лавкой в избе.

Подмережник — малых размеров мережа.

Поднизь — жемчужная или бисерная сетка, бахрома на женском головном уборе.

Подноготица — нарыв на пальце под ногтем и вблизи.

Подог, подожок — палочка, трость.

Подоконье — подоконник.

Подрукавная мука — мука второго сорта из-под рукава на мельнице.

Подъёлыш — рыжик, с синей шляпкой, растущий в еловых лесах.

Поезжане — должностные и почетные участники свадебного поезда.

Поёмный — прилагательное от «пойма» — заливаемая во время половодья или паводком низкая часть речной долины.

Пожалковать — пожаловаться, посетовать.

Пожня — сенокосный луг; поле, на котором сжат хлеб.

Покой — название буквы «П» в церковнославянской азбуке.

Покровки — Покров Богородицы, церковный праздник, отмечается 1 (14) окт.

Покрута — одежда, платье, наряд.

Полати — широкие нары для спанья, устраиваемые в избах под потолком между печью и противоположной ее стеной.

Полесник — охотник.

Половеть — желтеть, вянуть, блекнуть.

Полонянка — пленница.

Полудняк, полудник — юго-западный ветер.

Полузимник — осенний северный ветер.

Полюдье — в Киевской Руси ежегодный объезд князем с дружиной подвластного населения («людей») для сбора дани.

Полымя — пламя.

Помавать — помахивать, манить, мигать.

Помялице, помяльце — помело.

Понёва, понява — широкая долгая одежда не по росту либо чужая, которая обвисла и волочится.

Понудить. См. *нуда*.

Попарщик — соперник-ровесник; тот, кто соперничает с кем-либо, ухаживая за девушкой.

Поприще — церковная путевая мера, и вероятно, суточный переход, около 20 верст.

Порато — сильно, очень крепко.

Порты — штаны, сшитые из грубого холста.

Поруб — острог, темница; избяной сруб вчерне.

Поружить. См. *ружить*.

Порфира. См. *багряница*.

Порядовый народ — подлежащий набору, призыву в армию.

Посад — пригород, предместье.

Посиделец гостиный — посиделый человек, посидевший долго на месте, в звании, должности.

Посконь — домотканное полотно, приготовленное из мужской особи конопли.

Посолонь — по солнцу, с востока на запад.

Поставец — небольшой шкаф для посуды.

Потир — чаша, сосуд, из которой верующие приобщаются тела и крови Христа и которая напоминает святую чашу на тайной вечери.

Потничок — войлок, подкладываемый под седло.

Потоки — идущие вдоль нижнего края крыши деревянные желоба.
Похитчик — похититель.
Похула — хула.
Почёстно, почесно — честно, без обмана.
Празелень — иссиня-зеленоватая краска.
Прасол — торговец, скупающий оптом рыбу, мясо, а также торговец скотом.
Пращур — родоначальник, далекий предок.
Предста — предстала.
Предызбица — сени, коридор между избой и поветью.
Преставленные — умершие; преставление — смерть.
Приволожный — роскошный, сытый, обильный.
Прижухлый — потускневший, состарившийся.
Призор-трава — по народным поверьям, употребляется для призору-волшбы, приворота, напускания порчи, сглазу.
Приймак, примак — зять, принятый в дом тещи.
Прилука — от слова «прилучить» — приманить, приворожить.
Приплачка — обрядовое причитание, плач.
Присуха — заговор, приворот с помощью любовного зелья.
Притин — приют, убежище, уединение.
Притулье — приют, пристанище.
Притулить — приютить.
Притынный — место притынное, куда охотно сходятся.
Причит — причитание.
Продух — отверстие в курной избе для выпускания дыма.
Пролесок — длинная прогалина в лесу.
Пролетье — перволетье, пора до Петрова дня, Петровок.
Пролог — славяно-русский церковно-учительный сборник, который был широко распространен в Древней Руси.
Прожелть — желтизна, желтый оттенок цвета.
Прожубровать — тихо проворковать.
Промен — обмен.
Пропитуха — пропойца.
Просвирня — женщина, занимающаяся выпечкой просвир (просфор).
Просинь — проступающая между облаков, в тумане часть синего неба.
Просонки — время и состояние просыпу, пробуждение ото сна.
Простина — прощанье, расставание, разлука.

Просфора, просвира — хлебец, выпекаемый из пшеничной муки, использующийся при совершении церковного обряда причастия.

Протал — проталина.

Прохладный вертоград — так назывались многочисленные переводные лечебники XVIII в.

Прыскучий — дикий, рыскучий.

Пряженный, пряжельный — предназначенный для жарения.

Прясло — звено, часть изгороди от столба до столба; приспособление из продольных жердей для сушки снопов.

Псалтырь — струнный музыкальный инструмент, под аккомпанемент которого пелись духовные песни или псалмы, а также одна из книг Ветхого завета — Псалтырь.

Пургач — буран, метель, снежный вихрь.

Пудожане — жители Пудожа, уездного города Олонецкой губ., (ныне райцентр Карелии).

Пупорезка, пупорезня — бабка, повитуха.

Пупырь — травянистое растение дягиль.

Пустынь — уединенная обитель, где живет отшельник; м-рь, возникший в безлюдной местности.

Пыхать — гордиться, высокомерничать.

Пяла — проспособление для растяжки чего-либо; большие пяльцы.

Пястка — горсточка.

Пятина — один из пяти административных р-нов (Бежецкий, Водский, Деревенский, Обонежский, Шелонский), на которые делилась Новгородская земля в конце XV—начале XVIII вв.

Пятиочитый — пятиконечный.

Пятишовка — женская душегрейка с пятью сборками сзади.

Радение — подвиг, старание, у хлыстов молитвенные собрания.

Радельная рубаха — надеваемая для обряда радения.

Радоница, радуница — древнерусский праздник обновляющейся природы, посвященный чествованию усопших (отмечается либо на Красную горку, либо в следующие дни Фоминой недели, т.е. первой после пасхальной). С воскрешения природы от зимней смерти связывалась мысль и о пробуждении умерших, об освобождении их из затворов ада.

Раека — небольшой частый лесок.

Ражий — дюжий, дородный, крепкий.

Разженный — воспламененный, раскаленный.

Размыкушка, размыка — от выражения «размыкать горе, тоску».
Разымчивый — опьяняющий.
Рака — ковчег с мощами святых угодников.
Рамена — плечи.
Раскосулить — распахать косулей.
Расстегай, расстягай — старинный праздничный распашной кафтан.
Раствор — тесто.
Растопорха, растопыра — разиня, рохля.
Расхамкаться — разлаяться, разбраниться.
Расшива — большое парусное судно.
Репейка — украшение в виде ленты или полоски ткани.
Репорез — одно из народных именований св. великомученика Никиты (ок. 372). В день его памяти 15(28) сент. крестьяне начинали срезывать и убирать репу. Наступали репные дни: репу ели свежую, пареную, вяленую, пекли пироги с репой, делали репной квас, варили кашу.
Рибуша — лохмотья, обноски.
Рожоный — родимый, милый.
Розанцы — круглая булочка с загнутыми внутрь углами.
Розвальни — крестьянские низкие и широкие сани без сидения, с расходящимися врозь от передка боками.
Розмысел, розмысл — чутье.
Росстань — перекресток, развилка дорог.
Рох — сказочная птица.
Руга — годичное содержание священнику и причту от прихода по уговору или по положению.
Руда — кровь.
Ружить — собирать ругу.
Рундук — крыльцо, крытые сенцы; большой ящик в избе, в котором держат молоко и др. жидкости, а также посуду.
Рушать — делить, резать (о хлебе и пище).
Рыбарь — рыбак.
Рытый — пушистый (о бархате).
Ряда — условие, договор.
Рядки — ряд прямых параллельных декоративных зарубок-линий поперек бревен.
Ряднина, рядно — толстый холст из пеньковой или грубой льняной пряжи.

Рясно — ожерелье или подвески из нитей жемчуга и драгоценных камней.

Сага — сказание, легенда.
Саврасый — светло-рыжий.
Саккос — верхняя архиерейская одежда.
Салки — детская игра, пятнашки.
Салоп — верхняя женская одежда в виде широкой длинной накидки с прорезями для рук, небольшими рукавами, часто на подкладке, вате.
Самогуды — сказочные гусли-самогуды, которые сами играют.
Самоед — старинное русское название саамских племен Русского Севера.
Самум — горячий суховей аравийских пустынь.
Сап — заразное заболевание лошадей и других однокопытных животных.
Сарацины — название арабов, распространенное в средневековой Европе.
Сардис — драгоценный камень красного цвета.
Сарты — оседлая с древнейших времен часть узбеков.
Сарынь — толпа, ватага, сброд.
Сарыч — коршун.
Сата — мера сыпучих тел.
Сатир — в древнегреческой мифологии одно из низших божеств, отличающееся похотливостью; развратный спутник бога вина и веселья Диониса.
Саян — крашеный распашной сарафан.
Сбитень — горячий напиток из меда с пряностями.
Сборник — род кокошника со сборками назади.
Сбруна — сбруя, воинские доспехи.
Свежье — свежая рыба.
Светец — железный треножник для вложения горящей лучины.
Светлица — небольшая светлая комната в верхней части дома.
Свивальник — длинная узкая полоса ткани, которой пеленали младенца или обвивали его поверх пеленок.
Свиховаться — помешаться, сойти с ума.
Святки — время от Рождества до Крещения, христианский праздник. В эти полторы недели сватали невест, гадали, устраивали катания и пляски, ходили ряженые.

Святцы — церковная книга, содержащая календарь с полным перечнем святых по дням.

Се — вот.

Седмица — семь дней, неделя.

Семик — древнерусский девический праздник, получивший такое название из-за того, что приходился на седьмую неделю после Пасхи, в четверг, и продолжался до воскресенья. В этот день девушки шли в лес, играли в горелки, плясали, завивали из цветов венки, затем для гадания бросали их в воду и рассуждали так: если чей венок выплывет, той вскоре быть замужем, а чей потонет, той долго еще оставаться девкою.

Серафим — ангел высшего чина, изображаемый на иконах шестикрылым.

Серебряник — серебряных дел мастер.

Сермяга — кафтан из грубого некрашеного сукна.

Сибирка — короткий кафтан с перехватом и со сборками на мелких пуговицах или застежках, со стоячим воротником.

Сиверко — северный ветер.

Сиделец — ответственный приказчик в магазине, лавке.

Сидонский — из Сидона, древнего города в Финикии на восточном побережье Средиземного моря, современная Сайда в Ливане, во II—I тысячелетии до н. э. крупный центр торговли.

Синедрион — верховный суд Иудеи при римском господстве (I в. до н. э.— I в. н. э.). Смертные приговоры, вынесенные синедрионом, подлежали утверждению римскими властями.

Синель — синяя краска.

Сиречь — а именно, то есть.

Сирин — райская птица, в лубочных картинах изображалась с женским лицом и грудью. Символ радости.

Сириус — самая яркая звезда неба, находится в созвездии Большого Пса, видна у нас зимой на юге.

Сказанец — сказ, сказание.

Скальд — древнескандинавский поэт-певец.

Скальцы — деревянный валик для скручивания, сматывания пряжи.

Скатный (о жемчуге) — ровный, круглый, точно скатанный; отборный.

Скать — ссучивать, крутить, свивать пряжу; месить тесто, скатывая и раскатывая в ладонях или скалкой.

Скимен — молодой лев.

Скиния — шалаш, походный храм иудеев.

Скит — в православных м-рях кельи монахов-отшельников, расположенные в некотором отдалении от монастырского здания; поселения монастырского типа, устраивавшиеся в глухих местах бежавшими от преследования властей старообрядцами.

Складень — иконы, изображенные на двух или на трех небольших складывающихся створках.

Сконать — искоренить, извести вконец.

Скопцы — религиозная секта, возникшая в России в конце XVIII в. Обосновывая практику оскопления, они утверждали, что она идет от Христа. Оскопление, по их утверждениям, придает им «ангелоподобный вид».

Скоромная пища,— запрещенная церковными правилами к употреблению во время поста.

Скрижаль — доска, плита с письменами, преимущественно священными, культовыми.

Слезница — сосуд, в который якобы в древности скапливались слезы родных, плачущих о покойнике; слезник ставился на могилу.

Скрута — праздничная одежда.

Скрыня — ларь, сундук.

Скрытник — представитель одной из разновидностей раскола.

Скудельный — глиняный, хрупкий.

Скуфья — головное покрывало фиолетового цвета, дается представителю белого духовенства для совершения таинств или служб на открытом воздухе.

Сладимый — сладкий, милый, теплый.

Слань — настил.

Слово — название буквы «С» в церковнославянской азбуке.

Совдеп — сокращение слов: Совет депутатов.

Смазень — поддельный камень.

Смирнский — из Смирны (древнегреческое название города Измир — крупный порт в Турции).

Смоква — род варенья без косточек, сушеная ягода, большей частью вишня и слива.

Смоковница — дерево семейства тутовых. Сидеть под смоковницей иносказательно означало мир и благосостояние.

Смолка — луговое травянистое растение семейства гвоздичных.

Соборная клеть — прямоугольный сруб, образующий церковь.

Совик — верхняя меховая одежда самоеда, надеваемая в сильные морозы поверх малицы.

Содом — крайний беспорядок, суматоха.

Сойма — одномачтовое грузовое судно, употребляется на Ладожском и Онежских озерах и реках их р-она.

Солея — в православной церкви возвышение перед иконостасом во всю его длину.

Соловый — бледно-желтый.

Солод — проращенные, высушенные и крупно смолотые зерна злаков, применяемые при изготовлении пива и т. д.

Солодяга — жидкое ржаное тесто, сваренное для корма лошадей.

Солодяжники — торговцы солодом.

Соние — сновидение.

Сопостник — тот, кто вместе соблюдает пост, — подвиг покаяния.

Соромный — срамной.

Сорога — плотва.

Сорока — старинный женский головной убор, род кички.

Сорокоуст — в православной церкви молитва об умершем в течение сорока дней после кончины.

Соть — медовые соты.

Сохлый — высохший, засохший.

Сошник — часть сохи, плуга или окучника.

Соя, сойка — лесная с хохолком птица.

Спинжак (искаж.) — пиджак.

Сплетки — пересказы и наговоры, с пересудами, толками.

Спожинки — именинный сноп, празднование окончания жатвы.

Сполох — Северное сияние.

Сполохаться — пугаться, поражаться.

Станица — стая, ватага.

Станлив — работящий, не сонливый.

Становать — стоять станом, сделать привал в пути.

Становица — женская рубашка.

Становой кафтан — обтяжной, с перехватом по стану.

Становой пристав — полицейское должностное лицо, заведовавшее станом (административно-полицейское подразделение уезда в дореволюционной России).

Станушка — женская рубашка, реже — холщовая юбка; передник.

Старик-Журавик — леший, обитающий на болоте, где растет журавина (клюква).

Старица — отшельница, пожилая монахиня.

Стихира — церковное песнопение на библейский сюжет.

Стихарь — длинное платье с широкими рукавами, церковное облачение дьяков и дьячков, нижнее облачение священников и архиереев.

Стлище — место, на котором стелют лен для просушки и беления.

Стожарный —прилагательное от «стожар, стожара» — колья, которыми укрепляется стог сена, ставящиеся вертикально в землю и в Вытегорском уезде, где стога имеют куполообразную или яйцевидную форму. Стожара одна, а вокруг нее кладут сено и подпирают его с боков опорами.

Стожары — русское название звездного скопления Плеяд.

Сторожкий — чуткий, строго стерегущий.

Стоялый — выдержанный, долго стоявший. Эпитет меда.

Страховитый — страшный.

Стрелец — зодиакальное созвездие. В С. находятся точки зимнего солнцестояния и центр Галактики.

Стрескать — съесть жадно, слопать, сожрать.

Стреха — нижний край, свес соломенной крыши.

Стригольничий — прилагательное от «стригольники» — последователи новгородско-псковского сектантского движения второй половины XIV в., отвергавшие таинства, церковную иерархию, монашество, выступавшие против монастырского землевладения, боровшиеся за доступность «книжного учения».

Струг — легкая большая лодка с острыми концами.

Струфокамил — страус.

Стрюцкий — подлый, дрянной.

Стряпейка, стряпея — повариха, стряпуха.

Студенец — колодец, родник, источник.

Студная молва — позорная, постыдная, наводящая стыд.

Стукушка — колотушка.

Стыть — холод, стужа.

Студный — постыдный, стыдный.

Сугор — бугор, пригорок.

Сугревный — теплый, милый, сердечный.

Судина, судинушка — судьба.

Сузёмки — глухой, сплошной лес, где можно пройти пешком или проехать верхом на лошади.

Сукрест — крестообразная зарубка на бревне.

Сулея — плоская склянка, бутыль, преимущественно для вина.

Сулица — метательное копье с железным наконечником на дротике.

Сумёт — холм; занос, наносимый ветром бугор снега.

Супесь — песчаная земля.

Супрядки — посиделки, совместное прядение девушками, иногда и женщинами в чьей-либо избе, осенью и ранней весной, куда приходили и парни, устраивались игры, общая пирушка.

Сурма, сурьма — краска для чернения волос, бровей, ресниц.

Сусало, сусло — в крестьянском быту сладимый напиток, настоянный на солоде.

Сусальный — прилагательное от «сусаль» — тончайшая пленка золотистого или серебряного цвета для золочения или серебрения ею.

Сусек — отсек или ларь, где хранится зерно.

Суслон — несколько снопов, поставленных в поле для просушки стоймя, колосьями вверх, и покрытых сверху снопом же.

Сутёмки, сутемень — ранние вечерние сумерки.

Суфии — последователи суфизма, мистического учения в исламе о постепенном приближении через мистическую любовь к познанию Бога, в интуитивных и экстатических озарениях к слиянию с ним.

Сухота — тоска, кручина, горе.

Схимник — монах, принявший схиму, т. е. высшую степень монашества в православной церкви, требующую от посвященного в схиму выполнения строгих аскетических правил.

Сыр — участок, клин леса, отведенный смолокурам.

Сыропустная — прилагательное от «сыропуст» — последний день масленицы, воскресенье. Этим днем верующие прекращают употреблять в пищу сыры, яйца и рыбу перед началом Великого поста.

Сыта — вода, подслащенная медом или медовый отвар на воде.

Сытовый хлеб — хлеб испеченный на сыте.

Сыть — корм, еда.

Сыченый — подслащенный медом, настоенный на меду.

Табачник — пренебрежительное у раскольников название тех, кто курит или нюхает табак.

Таган — железный обруч на ножках, под которым разводят огонь для приготовления пищи; железная с ножками подставка под кухонную посуду.

Тазовляне — вероятно, имеются в виду ненцы, населяющие Тазовский равнинный п-в на северо-западе Сибирской равнины.

Таль — оттепель.

Тальма — женская длинная накидка без рукавов.

Тальник — ивняк, ивовый кустарник.

Тальянка — (искаж. «итальянка») — лирическое название русских гармоний конца XIX — нач. XX в.: бологоевские, вологодские, вятские и новоржевские.

Тамаринд — восточноазиатское тропическое вечнозеленое дерево, плоды которого применяются в медицине и в кондитерской промышленности.

Тамарис, тамариск, тамарикс — южный кустарник или дерево с мелкими, собранными в кисть цветами.

Тамбурин — род небольшого барабана с удлиненным корпусом.

Тартар — в древнегреческой мифологии подземное царство мертвых, преисподняя, ад.

Тать — до XVIII в. так называли на Руси тайного похитителя, вором же именовали политического преступника.

Тафта — шелковая тонкая ткань.

Тварь — живое существо, в религиозных представлениях то, что сотворено Богом.

Твердь — суша, земля; в религиозных представлениях — видимое небо.

Творение рая — возможно, подразумевается один из литературных памятников Древней Руси под названием «Рай».

Тега — призывная кличка гусей.

Теление — отел.

Тельник — тельный крест, носимый на шее.

Темляк — петля на ремне или лента (тесьма) на эфесе шпаги, сабли и другого холодного оружия, надеваемая на руку, чтобы крепче держать оружие, часто украшается кистью.

Терние — всякое колючее растение.

Терновник — колючий кустарник, из ветвей которого, по Евангелию, бы сплетен венец и возложен на голову Иисуса Христа перед казнью.

Терцина — староитальянская строфическая форма трехстиший, в которых средняя строка строфы рифмуется с крайними строками следующей строфы (терцинами написана «Божественная комедия» Данте).

Тесло — плотничье орудие, у которого лезвие поставлено не вдоль топорища, как у топора, а поперек, как у кирки.

Тиара — древний головной убор персидских и ассирийских царей; тройная корона папы римского.

Тимпан — древний музыкальный инструмент (род медных тарелок или небольшой литавры), бубен.

Тимьян — душистое кустарниковое растение с мелкими цветками, из листьев и цветущих побегов которого добывается эфирное масло.

Тирс — жезл Диониса и его спутников, изображаемый в виде палки, увитой плющом, листьями винограда и увенчанной сосновой шишкой.

Титло — надстрочный знак, означающий пропуск букв, сокращение.

Ткея — ткачиха.

Ток — расчищенное место для молотьбы.

Толоконники — шутливое прозвище каргопольцев.

Топазий — драгоценный камень топаз.

Торжник — торговец, купец.

Торный путь — проложенный, укатанный.

Торока — ремни у седла, которыми привязываются вещи.

Тороп — порывистый ветер.

То-светный — потусторонний, загробный (от выражения «тот свет»).

Треба — богослужебный обряд, совершаемый по просьбе верующих.

Требник — книга, по которой отправляются церковные таинства или священные обряды по просьбе верующих; книга, дающая описание совершения треб.

Трепло, трепало — колотушка с зубцами, которой треплют лен, очищают его от тресты.

Треста — болотный тростник; вымоченная или отлежавшаяся на стлище конопляная или льняная солома.

Триклиниум — в Древнем Риме обеденный стол с ложами по трем сторонам во время еды, а также помещение, в котором он находился.

Трикраты — три раза.

Триодь — название двух богослужебных книг, содержащих чины молитвословий для подвижных дней годичного круга: Триодь постная содержит песнопения и молитвы к Великому

посту, Триодь цветная посвящена прославлению Пасхи и послепасхальных праздников.

Триолет — стихотворение из восьми строк с двумя рифмами, в которых тождественные стихи 1, 4, 8 и 2, 7.

Тропарь — краткая хвалебная песнь в честь праздника или святого.

Трунь — тряпье, старый одежный хлам.

Трус — землетрясение, буря, лютование стихий.

Трут — пережженная тряпка, ветошь, зажигающаяся от огня.

Туга — печаль, скорбь, кручина.

Туес — берестяная кадушечка с крышкой, употребляемая для хранения продуктов.

Тук — жир, сало, удобрение.

Тул — колчан для стрел.

Тулка — род воронки или труба, вставляемая во что-либо.

Тур — истребленный в первой трети XVIII в. дикий бык, излюбленный объект княжеской охоты в Древней Руси. Благодаря силе, свирепому нраву и величине этих животных, сопоставление с туром было лестным для воина.

Туркиня — возможно, неологизм Клюева от слова «туркий», т. е. скорый, проворный, быстрый.

Тын — забор, ограда.

Тютюнок — табачок.

Убрус — платок, нарядное полотенце.

Увет — привет, радушие, ласка.

Уд — часть тела (рука, нога, телесный член и т. п.).

Удатный — удалой, удачный, храбрый.

Удилёна, удельница — дух в облике женщины, губящий родительницу, плод в чреве ее; дух, опасный для детей; покровительница хлебов и их созревания.

Удушливатый — страдающий одышкой.

Ужовки — украшения, мелкие раковины.

Узорочье — узорная ткань, редкость, драгоценность.

Узывный — призывный.

Укладка — ларец, шкатулка, сундук.

Укрепа — скрепа, скрепление, все, что придает крепость, силу.

Улогий — убогий.

Улус — поселение, становище тюрко-монгольских народов в Приуралье и Сибири.

Умбра — коричневая минеральная краска.

Умёт — постоялый двор, хутор в степи.

Умная молитва — созерцательная богомысленная молитва, непрестанно творимая в безмолвии монахами-отшельниками.

Упёк — зной, солнцепек.

Уран — седьмая по расстоянию от Солнца планета Солнечной системы.

Усновище — основа в ткацком станке.

Успение — кончина.

Уста — растение белоус.

Устойка — подпорка.

Устьсысольский — относящийся к уездному городу Усть-Сысольску Вологодской губ., находившемуся в низовье (устье) р. Сысолы (с 1930 г. — г. Сыктывкар, столица Республики Коми).

Устюжный — из Великого Устюга — города в Вологодской обл.

Уток — в ткацком деле поперечные нити ткани, пересекающиеся с продольными, составляющими основу.

Утреня — ранняя церковная служба.

Утроба — живот, чрево.

Ухват — длинная палка с металлической рогаткой, которой захватывают и ставят в русскую печь горшки и чугуны.

Ушкуйный — прилагательное от «ушкуйник» — в Древней Руси вольный человек, входящий в ватагу, разъезжавшую на ушкуях (судно, большая лодка) и занимавшуюся разбоем.

Феллахи — оседлое земледельческое население арабских стран.

Фелонь — риза священника, верхняя одежда, длинная, без рукавов, с вырезом для головы.

Феникс — в древнегреческой мифологии сказочная птица, обладавшая способностью при приближении смерти сгорать и потом вновь возрождаться из пепла; в христианстве символ смерти и воскрешения Христа.

Ферязь — старинная русская одежда с длинными рукавами, без воротника и прихвата.

Фиксатуарный — от слова «фиксатуар» — помада для волос, употребляемая для придания мужской прическе желаемой формы.

Фимиам — благовонная смола для курения при каждении.

Финист — ясный сокол, в русских народных сказках птица-оборотень: заколдованный нечистой силой принц, превращенный в птицу.

Финить, финифть — древнерусское название эмали для покрытия металлических изделий и для накладывания узора на фарфор.

Фита — название предпоследней буквы церковнославянского языка, произносимая, как Ф.

Фиюс-птица — сказочная быстролетная птица. Фиуз, фиюз, фиюс — резкий зимний ветер, несущий снег, небольшая метель.

Халдеи — семитические племена, обитавшие в низовьях Тигра и Евфрата в VII в. до н. э. Греки и римляне халдеями называли касту священников и ученых у вавилонян, а их характерным занятием считали астрологию.

Халколиван — полудрагоценный камень халцедон, янтарь.

Хартия — старинная рукопись, документ.

Херувим — ангел высшего чина, в литературе и в иконописи представляется в образе человека с крыльями.

Хитон — древнегреческая одежда, род шерстяной или льняной рубашки (до колен или ниже колен) с рукавами или без рукавов.

Хлябь — преграда, бездна.

Хмара — туча, черное облако.

Хризолит — ценный камень зеленого цвета с золотистым оттенком.

Хризопраз — ценный камень — халцедон яблочного цвета.

Хрущатая — шуршащая, с узорами из кругов.

Цветник — луг; название рукописных и старопечатных сборников, состоящих из мелких выписок, изречений, извлеченных из разных источников. Со второй половины XVII в. в старообрядческой среде появились Ц. полемического характера.

Цевна, цевница — свирель, дудка.

Цельбоносный — целительный.

Цеп — ручное орудие для молотьбы, состоящее из длинной ручки и прикрепленной к ней ремнем короткого деревянного била.

Церазок — тонкая полукруглая стамеска резчика.

Цитварные травы — разновидность полыни, растущая в Средней Азии и Казахстане.

Цитра — струнный щипковый музыкальный инструмент.

Цугом — вереницей, гуськом.

Чалый — серый, пепельный, с примесью другого цвета (о масти лошади).

Чаруса — трясина, топь, заросшая сверху травой.

Часовник — старинное название Часослова, сохранившееся у старообрядцев.

Часослов — православная богослужебная книга, содержащая молитвы и песнопения суточного круга богослужения, в том числе служб, называемых «часами».

Чекмень — старинная мужская одежда кавказского типа, суконный полукафтан.

Чепрак — суконная или меховая ковровая подстилка под конское седло, сверх потника.

Червлец — багряная краска.

Черевики — древнерусское название кожаной обуви.

Черевчатый — багряный, ярко-малиновый.

Черемисы — устарелое название марийцев.

Чермный — красный, багровый.

Чернавка — служанка для черной работы.

Чернец — монах.

Чернобог — в балтийско-славянской мифологии злой бог, приносящий несчастье.

Чернобыль, чернобыльник — один из видов полыни.

Чернолесье — лиственный лес.

Черносошное тягло — подать государственных крестьян XIV—XVII вв. с черной сохи (старинная форма налога).

Чернь — род черной финифти по серебру.

Черпуга — черпалка, большой ковш.

Чертог — большой и пышный покой, комната с великолепным убранством.

Чёс — чесотка.

Четь — четверть.

Че-чун-чи, чесуча, чесунча — китайская шелковая ткань особого сорта, желтовато-песочного цвета.

Чин — порядок, устав.

Чирей, Грязей, Подкожница, Удавна — имена-олицетворения болезней с их симптомами в славянской мифологии.

Чихирь — род кавказского виноградного вина.

Чоловиче (укр.) — муж, человек.

Чувал — очаг с прямым дымоходом, распространенный в прошлом у многих народностей Севера, служивший преимущественно для приготовления пищи.

Чугунка (прост.) — железная дорога.

Чудь — древнерусское название различных финских племен, живших на севере Европейской России.

Чуйка — долгий суконный кафтан, шуба без висячего ворота с халатным косым воротником.

Чумак — в старину на Украине крестьянин, возивший на волах в Крым и на Дон на продажу хлеб и привозивший оттуда для продажи соль и рыбу.

Чурек — пресный хлеб в форме небольшой лепешки, выпекаемый на Кавказе и в Средней Азии.

Шалапуга, шелапуга — кистень, палица.

Шамаханский — из Шамахи (ныне Шемаха) — города в Азербайджане, славящийся изготовлением шелковых тканей.

Шаньга — ватрушка из черного теста с толокняной или другой начинкой.

Шаргунец — бубенчик, маленький колокольчик.

Шатун — медведь, не впавший в зимнюю спячку.

Швальня — шваль, сброд.

Шелк бурмитчатый — наводчатый шелк, по которому легко наводить, нанизывать крупный речной жемчуг.

Шелоник — юго-западный ветер.

Шелом, шолом — шлем; опрокинутый желоб по коньку на стыке двух скатов кровли, под который запускается тес. На шелом ставится резной гребень, со шпилями или петухом в конце.

Шеломок — столб, поддерживающий навес.

Шерстобит — кустарь, который особым смычком пушит, взбивает шерсть перед валянием или прядением, а также изготавливает некоторые изделия из этой шерсти.

Шестоднев — астрологическое сочинение итальянского еврея Иммануэля-бар-Якоба (XIV в.), состоящее из шести частей («крыл»). Русский перевод, выполненный в XV в., принадлежал в числу еретических книг.

Шесток — припечек, площадка перед русской печью, между устьем и топкой, куда сгребается жар.

Шибанки — крылья.

Шин — беседный танец или игра девиц с молодцами под звуки песен.

Ширинка — полотенце, скатерть, платок.

Шитицы — шитье, вышивки.

Шишак — шлем, каска с гребнем или хвостом.

Шлея — часть сбруи; ремень, идущий вокруг туловища лошади и скрепленный поперечными ремнями, идущими через спину.

Шлях — путь, дорога.

Шлык — женский головной убор, род высокого повойника.

Шмоха — щеголиха, распутница.

Штофник — парчовый сарафан.

Шугай — старинная женская одежда в виде коротополой кофты с рукавами, род сарафана для старух; короткая до колен шуба.

Шуйца — левая рука.

Шушун — красный суконный сарафан с воротом, со складками на спине или с откидными рукавами.

Щепотники — насмешливое прозвище, данное старообрядцами православным «никонианцам», которые крестятся троеперстнием — «щепотью», а не двуперстием по-староверски.

Щит веры — книга Тимофея Андреева, расколоучителя, фундаментальное сочинение конца XVIII в., полное ее заглавие «Ответы древляго благочестия любителей на вопросы придержащихся новодогматствующего иерейства», в которой изложено учение беспоповцев.

Щур — лукавый, хитрый человек; земляной червь.

Эбеновый — прилагательное от «эбен» — дерево с темно-зеленой, иногда черной древесиной, идущей на изготовление мебели и поделок.

Эдем, Едем — веселие, сладость; страна в Азии, где был рай (Быт. II, 8).

Элевзинские, элевсинские таинства — древнегреческие ежегодные празднества в г. Элевсине в честь богинь Деметры и Персефоны и бога Диониса.

Элои (евр.) — Боже мой!

Эреб — в древнегреческой мифологии самая мрачная часть подземного мира, ад.

Юдо — сказочное чудовище (от чудо-юдо).
Юдоль — долина, место страданий, скорби.
Южный Крест. См. *Крест.*
Юр — открытое, возвышенное место.
Юфть — кожа бычка или коров, выделанная по русскому способу на чистом дегте. Употреблялась в переплетном деле.

Ягель — место, поросшее мхом-ягелем.
Язвец — барсук.
Яловая — бесплодная, неоплодотворенная (о самках животных).
Яровчатый — из явора.
Ярун — кто ярится, ярует, т. е. пылкий, горячий.
Ярый — белый, чистый.
Ярь — яркость, блеск; ярь-медянка — зеленая краска.
Ярыга — бойкий, изворотливый человек, нравственно не безупречный.
Ясак — в России XV—XX вв. натуральный налог с народов Сибири и Севера, главным образом пушниной.
Ясли — кормушка для скота, прикрепляемая наклонно к стене.
Яспис — полудрагоценный камень яшма.
Ятаган — кривой меч у народов Ближнего и Среднего Востока.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

Поэмы

Николай Алексеевич Клюев

СЕРДЦЕ ЕДИНОРОГА

Стихотворения и поэмы

Издательство Русского Христианского
гуманитарного института.
191011, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, 15.
Лицензия № 071122 от 04.01.1995 г.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 06.07.99.
Формат 60 × 90 1/16. Гарнитура Академическая. Бум. офсетная.
Печать офсетная. Печ. л. 67,00. Тираж 3000 экз.
Заказ № 3333

По вопросу оптовых закупок обращаться по адресам:
191011, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, 15.
Издательство Русского Христианского гуманитарного института.
Факс: (812) 311—30—75.
e-mail: rector@rchgi.spb.ru. URL: http://www.rchgi.spb.ru;
«Университетская книга», тел.: (812) 232—21—04;
Издательско-торговый дом
«Летний сад», тел.: (095) 290—06—88.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в Санкт-Петербургской Академической типографии «Наука» РАН.
197034, Санкт-Петербург, 9-я линия, 12.